

Г.В. Костырченко

ІУДАЇЗМ
без прикрас

Тайная политика Хрущева

«Интеллигенция, не утратившая бескорыстия и бесстрашия мысли. Ее мало во всем мире. Но она все-таки есть. Она ничего не может переменить – в настоящем. Мир движется своими путями, двигаемыми не ею. Но все плодотворное – от нее; эстафета культуры передается ею. Она постоянно разбита на голову – и всегда победительница».

Лидия Чуковская, 23 июня 1964 г.
(Знамя.1999. №7. С.146)

Светлой памяти многолетнего руководителя
издательства «Международные отношения»
Лихачева Бориса Петровича,
давшего путевку в жизнь этой и другим книгам автора,
посвящается.

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Г.В. Костырченко

Тайная политика Хрущева

ВЛАСТЬ,
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ,
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

МОСКВА
«Международные отношения»
2012

УДК 94(47).084.8:323.12 (=411.16)
ББК 66.3(2Рос),54(=611.215)+63,3(2)632-38(=611.215)
К72

Рецензенты:

Е.Ю. Зубкова, В.А. Невежин

Костырченко Г.В.

К72 Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012. – 528 с.

ISBN 978-5-7133-1418-7

Данная книга известного историка и уникального специалиста по «еврейской политике» в Советском Союзе является продолжением его предыдущей фундаментальной монографии «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» (М., 2001). Следуя латинскому девизу «Без гнева и пристрастия», автор на строго научной документальной основе реконструирует сложный и противоречивый курс постсталинского руководства и нового лидера страны Н.С. Хрущёва в решении еврейской проблемы, требовавшей принятия срочных мер особенно по возрождению разрушенной сталинизмом еврейской культуры и оживлению находившейся в коллапсе еврейской религии. То, как все это реализовывалось государством, а чаще всего, к сожалению, им не реализовывалось, отображено в тексте на фоне параллельно развивавшегося общего процесса демократического, «оттепельного» обновления общества. В книге детально воспроизведен диалог власти с либеральной творческой интеллигенцией, а также рельефно выписаны исполненные драматизма судьбы ее видных деятелей, в том числе Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга, Михаила Ромма, Маргариты Алигер. Кроме того, впервые предпринята попытка на серьезной научной основе разобраться в непростой личной позиции Хрущёва по «еврейскому вопросу» и в бюрократическом механизме сокрытия его партгосаппаратом. Помимо широкой панорамы социально-культурных событий, происходивших в СССР в «хрущёвское десятилетие», немало места в книге занимают и внешнеполитические сюжеты, в том числе посвященные бурным событиям 1956 года в Польше, Венгрии и на Ближнем Востоке. Непредвзято раскрыта и наступательная стратегия Израиля в борьбе за эмиграцию советских евреев.

Особую ценность данному исследованию придает то важное обстоятельство, что автор продолжил в нем принципиальную линию на разрушение устоявшихся исторических легенд и мифов и разоблачение различных фальсификаций, которые за десятилетия официального табуирования в Советском Союзе всего, что было связано с еврейством, во множестве наслоились на его истории.

УДК 94(47).084.8:323.12 (=411.16)
ББК 66.3(2Рос),54(=611.215)+63,3(2)632-38(=611.215)

© Г.В. Костырченко, 2012

© Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные отношения», 2012

ISBN 978-5-7133-1418-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
Глава I. ВЫЗРЕВАНИЕ «ОТТЕПЕЛИ». 1953–1955. Бериевская «микрореабилитация» и сразу после нее	13
Политические сложности реабилитации	19
Против «реванша космополитов» в литературе	31
Сионистский натиск Израиля	41
Иудаизм: от жесткого прессинга сверху к послаблениям ...	54
Глава II. «КАЧЕЛИ» XX СЪЕЗДА. От либерализации к «завинчиванию гаек»	71
А. Панкратова: судьба историка, покусившегося на «еврейское табу»	72
Молодежный нонконформизм (кружок Л. Краснопевцева и др.)	76
«Иудеохристиане»	82
Умягчение органов госбезопасности	85
«Оттепельная» фронда писателей (В. Дудинцев, М. Алигер и др.)	89
1957-й год: Хрущёв против оппозиции в партии и литературе	97
Б. Пастернак и его роман	109
Хрущёв и «Русская партия»	113
Литературные «лакировщики» и их покровители	117
Глава III. «ЕВРЕЙСКИЙ ФАКТОР» во внешней политике Москвы 1956 года	125
Десталинизация в Польше	126
«Венгерский синдром»	147
Визит Ива Монтана в Москву	160
Синайская кампания	163
Глава IV. СЛОЖНОСТИ ЕВРЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ	175
Проблема этнокультурной идентификации	176
Еврейская автономная область	180
Литература	183

Искусство	197
Иудаизм и контрасты советской религиозной политики	203
Борьба с израильским влиянием в синагогах	206
Вспышки «бытовой» юдофобии	212
«Зажим» иудаизма в конце 1950-х	215
Пропаганда антииудаизма на Украине (работы Т. Кичко) ...	222
Глава V. ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ЕВРЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ в СССР	
Раскрытие тайны «дела ЕАК»	231
Скандальная публикация в польской «Фольксштимме»	232
«Еврейские диалоги» Хрущёва с западными левыми	241
«Измена» Говарда Фаста	255
Глава VI. ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ СССР: борьба за советских евреев	
Всемирный молодежный фестиваль в Москве	269
Активизация нелегальных еврейских кружков	270
Еврейский самиздат	277
Советский «микс» антисионизма и публикаций по Холокосту	283
Израиль мобилизует Запад (вторая половина 1950-х)	284
Усиление антисоветской активности Израиля (начало 1960-х)	296
310	
Глава VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОСТРЕНИЕ в 1960-х	
Аппаратные маневры Хрущёва	323
«Жизнь и судьба» Василия Гроссмана	324
Солженицын и чиновник-либерал В. Лебедев	325
«Бабий Яр» Е. Евтушенко и выступление М. Ромма	345
Идеологическая дуэль Хрущёва и Эренбурга	351
Мемуары Эренбурга под прицелом цензуры	370
«Еврейский вопрос» на встречах Хрущёва с интеллигенцией	382
«Литературно-аппаратный» антисемитизм	390
«Дело» Иосифа Бродского	397
«Тля»-творное влияние Ивана Шевцова	401
412	
Глава VIII. БЫЛИ ЛИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ» АНТИЕВРЕЙСКИМИ?	
Атака на теневую экономику и «трикотажников»	417
Аресты «валютчиков», «дело Рокотова»	418
«Выкорчевка спекуляции» в иудейских общинах	424
434	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	438
ПРИЛОЖЕНИЕ. Национальный «проект СССР» (историографический очерк)	
«История» в СССР: в прокрустовом ложе дозволенного ...	445
Советология: между наукой и политикой	445
450	

Историографическая перестройка на Западе	459
«Новая империология»	462
«Меркурианство» Ю. Слѣзкина	474
От западной «империологии» к отечественной	483
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	498
БИБЛИОГРАФИЯ (основные издания)	511
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	518

ВВЕДЕНИЕ

Физическая смерть Сталина не избавила страну от этой великой и жестокой личности, чье незримое влияние на жизненно важные сферы довольно сильно ощущалось потом долгие годы, да и теперь еще явственно дает о себе знать. Кремлевские наследники вождя, даже отрекшись публично от него, продолжали оставаться в плену созданной им парадигмы власти. Не решаясь перерубить эту системную пуповину, они в лучшем случае смогли лишь приглушить наиболее острые проявления пережитков сталинизма, в том числе и хронический «еврейский вопрос», доведенный, как известно, зимой 1953 года до «точки кипения».

С детальным фактографическим анализом инфицирования власти элементами юдофобии читатель имел возможность познакомиться в нашей книге «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», вышедшей в 2001 году в издательстве «Международные отношения». Настоящая монография является своего рода научным отчетом по результатам продолжения того давнего исследования.

Работа над этой второй книгой была сопряжена со значительно большими трудностями, чем над первой. Главная проблема, которую автору пришлось преодолевать, состояла в почти полной засекреченности архивов постсталинского советского руководства. Тем не менее, все доступные материалы по теме, хранящиеся в таких ведущих документальных собраниях, как Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), так или иначе были использованы в ходе исследования.

Возникший дефицит архивной информации удалось, как представляется, в значительной мере преодолеть за счет привлечения тематических материалов, включенных в документальные

сборники, особенно активно выпускавшиеся указанными архивами в 2000-х гг.¹

Вследствие той же значительной засекреченности архивных документов важным элементом источниковой базы исследования стали многочисленные мемуары, дневники очевидцев и активных участников воспроизведенных в книге событий – видных политиков, деятелей науки и культуры, бывших высокопоставленных чиновников².

Неоценимым подспорьем в разработке темы стали опубликованные работы коллег-историков, как отечественных, так и зарубежных³. Наиболее заметные из этих изданий подверглись детальному авторскому анализу, результаты которого представлены преимущественно в историографическом очерке, данном в приложении к основному содержанию книги.

Кроме того, был привлечен большой объем фактографического материала, почерпнутого из различных историко-публицистических произведений, периодических изданий, энциклопедий, справочников, сборников официальных нормативов, в том числе из тех, которые выложены в Интернете.

Авторская методология основывалась на следующих ключевых принципах:

- 1) тщательный анализ изучаемых событий и явлений и их комплексная оценка сквозь призму системности, компаративизма и психологизма;
- 2) научная объективность исследования, обеспечивающая связь между «узкой» (еврейской) проблематикой и широким историческим контекстом (отечественным и глобальным);
- 3) переосмысление на основе нового системно-фактографического анализа уже изученных событий и явлений и тщательная перепроверка сформулированных по ним оценок и суждений.

---

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2003. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2-х тт. / Гл. ред. Н.Г. Томилина, отв. сост. М.Ю. Прокуменчиков. – М.: МФД, 2009 и др.: см. раздел «Библиография».

² *Аджубей А.И.* Те десять лет. – М.: Советская Россия, 1989. *Александрович М.Д.* Я помню... – М.: Прогресс-Академия – Machlis Publications, 1992. и др.; см.: «Библиография».

³ См.: «Библиография».

География книги ограничена территорией Российской Федерации, притом что фокус внимания автора был «наведен» на интеллигенцию Москвы и других крупных городов европейской части страны. Впрочем, в отдельных случаях для обеспечения всесторонности в изучении того или иного явления в его поле зрения попадала также Украина, Средняя Азия и другие регионы СССР.

Хронологические рамки исследования – 1953–1964 гг., то есть постсталинский период, отмеченный таким интересным, но, к сожалению, пока что слабо изученным историческим явлением, как «хрущёвская оттепель».

Основной предмет изучения – советская интеллигенция еврейского происхождения. Причем она рассматривалась не как этносоциальная страта, удовлетворявшая те или иные интеллектуальные, научно-технические, управленческие, образовательные, культурно-эстетические и т.п. запросы государства и общества, а как феномен, влиявший на бурно происходившее тогда социально-политическое развитие страны. И поскольку главным двигателем прогресса была деятельность, направленная на преодоление сталинизма и демократизацию режима номенклатурной власти, а также против широко практиковавшегося им подавления свободы личности и самонаименованных проявлений неконформизма, основное содержание книги, выходя за рамки обозначенного предмета исследования, посвящено творческой интеллигенции либеральной ориентации (главным образом литераторам и деятелям искусства). Своей социальной активностью этот слой в чем-то компенсировал отсутствие в СССР парламентаризма, свободы слова и других демократических институций, а также противостоял другим «дефектам», присущим странам с парадигмой запоздалой модернизации.

Именно из среды либеральной интеллигенции вышли так называемые «шестидесятники», сумевшие стать самостоятельной духовно-идеологической силой, а некоторые из них – даже неформальными «властителями дум», вовлекавшими в орбиту своего идейного влияния не только многих образованных гуманитариев, но и специалистов в области точных наук и техники.

В этой связи весьма симптоматично следующее суждение писателя Корнея Чуковского, через которого в постсталинское время осуществлялась эстафета благородных традиций старой русской интеллигенции: «При Сталине было просто: бей интеллигенцию, уничтожай всех, кто самостоятельно думает! Но сейчас это гораздо труднее: выросли массы *технической* интеллигенции, без которой государству нельзя обойтись, – и вот эти массы

взяли на себя функцию гуманитарной интеллигенции – и образовали нечто вроде общественного мнения»⁴.

Впрочем, в книге не остались без внимания и общественные деятели консервативно-традиционалистского направления, среди которых выделялся масштабом личности и литературного таланта «почвенник» А.И. Солженицын, конкурировавший с либералами за влияние на общество.

Главная задача, которую ставил перед собой автор, состояла в том, чтобы на сугубо научной основе обозначить собственный, но по возможности беспристрастный взгляд на описываемые события, а также дать такого же рода характеристики участвовавшим в них людям, прежде всего политикам, руководившим страной. В этой связи в книге лапидарно, но четко обозначены основные структурные метаморфозы, а также потаенная борьба и интриги, которые происходили в высших эшелонах власти.

Нисколько не претендуя в своих суждениях на бесспорность и тем более всеохватность, автор, тем не менее, надеется, что этим посильным вкладом в изучение российской истории стимулирует дальнейшие изыскания в области послевоенной советской истории, и по сию пору не расчищенную от завалов затемняющих общественное сознание легенд, мифов, даже фальсификаций и псевдонаучных интерпретаций.

---

⁴ Чуковский К.И. Дневник (1930–1969). – М.: Современный писатель, 1994. С. 331.

Глава I

**ВЫЗРЕВАНИЕ
«ОТТЕПЕЛИ»**

1953–1955

Бериевская «микрореабилитация» и сразу после нее

Быстротечная тяжелая болезнь и смерть Сталина вызвали в душах евреев бурный всплеск сильных и противоречивых эмоций. Ббольшая их часть – сохранившая (вопреки пережитым в предшествовавшее пятилетие гонениям, чисткам и страхам) пиетет перед диктатором и слепую веру в него – была искренно опечалена, а некоторые из них даже готовы были после ухода «гаранта порядка» впасть в панику, опасаясь вакханалии массовых погромов⁵. Да и еврейская интеллигенция, которая, пострадав в «черные годы» от Сталина, а потом, избавившись от него, испытала психологическое облегчение и даже радость, тоже не была свободна от страха за свою дальнейшую судьбу.

И такие опасения были далеко не беспочвенны. Запущенный ранее механизм антиеврейских кадровых чисток и репрессий продолжал функционировать и после смерти его «главного конструктора». 6 марта 1953 г. были арестованы критик-«космо-

---

⁵ *Рута Шац-Марьяш*, дочь Макса Шаца-Анина (1885–1975), юриста-ученого, журналиста, члена Еврейского антифашистского комитета, арестованного вместе с женой в феврале 1953 года, так описала чувства, нахлынувшие на нее при известии о смерти Сталина: «Образ Сталина в моем представлении тогда полностью соответствовал тому, каким его создавала советская пропаганда: мудрый отец и учитель, защитник всех трудящихся, вождь всего прогрессивного человечества. Мелькнула страшная догадка: все это происки врагов – **они арестовали моих родителей, убили Сталина, теперь всему конец!** (выделено в тексте. – Г.К.). Впереди пропасть, бездна! Эти мысли не оставляли меня и потом, когда объявили о смерти вождя, когда по радио гремели траурные марши и люди плакали, ожидая с его смертью новых бед, новых потрясений. Это была массовая истерия, безумие... Воздух был пропитан всеобъемлющим ужасом, смертью. Я ждала: вот-вот придут и арестуют меня, была уверена, что это случится... Однако вскоре зловедущая вакханалия была приостановлена, и в конце апреля родителей освободили. Нам объяснили тогда, что их арест был нелепой ошибкой, результатом вредительства, угнездившегося в органах МГБ» (*Шац-Марьяш Р.* Арест: фрагмент книги «Калейдоскоп моей памяти» // Мы здесь. № 238). (Мы здесь; www.NewsWe.com).

полит» И.Л. Альтман, театральный администратор И.В. Нежный, писатель И.А. Бахрах (А. Исбах). В тот же день вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении видного еврейского режиссера и актера С.М. Михоэлса, тайно убитого в 1948 году по приказу Сталина, звания народного артиста СССР и ордена Ленина⁶. Сила репрессивной инерции была столь велика, что следствие по многим открытым прежде МГБ делам «еврейских националистов» продолжалось в течение всего 1953 года. Более того, эти «дела» зачастую увенчивались обвинительными приговорами судов⁷.

Однако наряду с этим в верхнем эшелоне власти, охваченном тогда лихорадкой перераспределения властных полномочий, возникла и подспудно набирала силу противоположная тенденция: отмежевание «наследников» почившего вождя от его наиболее одиозных и скандальных репрессивных акций, и в первую очередь «дела врачей», вызвавшего громкий международный скандал. Инициатором этой ревизии выступил Л.П. Берия, который, получив посты первого заместителя председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел СССР, уже 10 марта распорядился выпустить на свободу допрашивавшуюся по этому делу жену В.М. Молотова П.С. Жемчужину⁸. (По приказу Сталина они были насильственно разведены.)

Приостановив следствие по «делу врачей», Берия 13 марта приказал подвергнуть проверке законность его возбуждения и ведения⁹. Получив формальные доказательства изначальной фальсификации этого дела, Берия 31 марта утвердил постановле-

---

⁶ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. – М., 1994. С. 346. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М., 2001. С. 683. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. (Россия. XX век. Документы) / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. Сост. Г.В. Костырченко. – М.: МФД, 2005. С. 317.

⁷ Данные на осужденных в декабре 1953 г. «еврейских националистов» Д.А. Симхаева, М.А. Гоухштейна, Е.Я. Резникову (58¹⁰). Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко, сост. О.В. Эдельман. – М.: МФД, 1999. С. 208–210.

⁸ Уже 21 марта Жемчужину восстановили в партии. Кроме того, Берия, стремясь заслужить благорасположение Молотова, вновь вошедшего в высший эшелон советского руководства, освободит и добьется полной реабилитации других арестованных по «делу Жемчужиной». (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 48. Государственный антисемитизм в СССР. С. 164–166.)

ние о его закрытии. На следующий день он ходатайствовал перед новым председателем Совета Министров СССР и председателем Президиума ЦК КПСС Г.М. Маленковым «всех... арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить». Основным виновником инспирирования и фальсификации «дела» был назван взятый 16 марта под стражу М.Д. Рюмин¹⁰.

3 апреля это предложение Берии и было утверждено Президиумом ЦК КПСС, а вечером того же дня содержащиеся на Лубянке узники были отпущены по домам. Официально об этом объявили в «Сообщении Министерства внутренних дел СССР», опубликованном 4 апреля¹¹. А в вышедшем через два дня номере «Правды» Рюмин был уже всенародно заклеен как главный злодей и организатор жестокой расправы над невинно пострадавшими кремлевскими медиками. В той же передовице сообщалось, что «презренными авантюристами типа Рюмина» «был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс»¹². Однако указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля «О восстановлении Михоэлса С.М. в правах на орден Ленина и звании Народного артиста СССР» так и не был предан гласности, поскольку отменял «как неправильный» другой указ (уже нового руководства страны!) от 6 марта 1953 г., которым Михоэлс был лишен указанных звания и награды¹³.

Однако Берия, демонстрировавший бурную политическую активность, явно не рассчитал свои силы и возможности. Ряд предложенных им смелых проектов и идей по преобразованию государства и партии (в том числе и направленных на усиление роли этнонациональных кадров в управлении союзными и автономными республиками) были восприняты Маленковым, Н.С. Хру-

---

⁹ Россия. XX век. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М.: МФД, 1999. С. 17.

¹⁰ Бывший замминистра госбезопасности СССР и начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР М.Д. Рюмин был расстрелян 22 июля 1954 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

¹¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 21–25.

¹² Еще 2 апреля 1953 г. Берия, предпринявший в марте расследование по обстоятельствам гибели Михоэлса, представил в Президиум ЦК записку, в которой констатировал, что обвинения в шпионаже и еврейском национализме, выдвинутые в конце 1947 – начале 1948 г. против Михоэлса, были сфальсифицированы руководством МГБ (Лаврентий Берия. 1953. С. 25–28.)

¹³ Государственный антисемитизм в СССР. С. 119.

щёвым и другими членами Президиума ЦК как заявка на личную диктатуру.

25 июня амбициозный министр внутренних дел представил Маленкову материалы допроса Рюмина, которые свидетельствовали о том, что действия того по подготовке «дела ЕАК», а также ряда других «липовых» дел, в том числе «ленинградского» и «врачей», направлялись непосредственно бывшим министром госбезопасности СССР С.Д. Игнатьевым. Берия настаивал на аресте последнего, что, скорее всего, и было воспринято Маленковым, который покровительствовал Игнатьеву, как опосредованная угроза¹⁴. На следующий день на заседании Президиума ЦК КПСС Берия был арестован. А 2–7 июля прошел пленум ЦК, вошедший в историю как партийный суд над Берией. С одной из наиболее резких речей на нем выступил другой ставленник Маленкова, секретарь ЦК Н.Н. Шаталин¹⁵, зарекомендовавший себя при Сталине бескомпромиссным борцом с еврейским буржуазным национализмом. Он обвинил Берию ни больше и ни меньше в том, что тот своей реабилитацией «врачей-вредителей» произвел на общественность «тягостное впечатление». Неудачливому реформатору вменили в вину и другие прегрешения. 10 июля его спросили на допросе, почему он ратовал за воссоздание еврейского театра и возобновление выпуска еврейской газеты. На что он ответил, что готовил соответствующую записку в ЦК, и потом добавил не совсем внятно: «Мы по линии МВД были заинтересованы... мое отношение к этим вопросам было с позиции освещения настроения интеллигенции»¹⁶.

Публикация официального сообщения об аресте Берии вызвала в народе оживленную реакцию. Существуют данные о том, что власти, дабы доказать населению обоснованность этой политической акции подспудно использовали и аргументы с элементами юдофобии. В те дни временный поверенный в делах Югославии В. Джурич телеграфировал в Белград, что один «партийный активист» объяснял смещение Берии тем, что тот после смерти Сталина «укреплял буржуазный национализм и сионизм». Югославский дипломат сообщал также в свой МИД, что, поскольку в обществе разоблачение фабрикаций «дела врачей» «приписыва-

¹⁴ Лаврентий Берия. 1953. С. 64–66.

¹⁵ В начале 1955 года, сразу же после смещения Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР, Шаталин, лишившись старой номенклатурной «крыши», был изгнан из секретарей ЦК и отправлен в дальневосточное Приморье руководить крайкомом партии.

¹⁶ Бериевщина / Публ. Б.С. Попова, В.Г. Оппокова // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 84.

ется Берия, высказываются предположения о реабилитации Игнатьева и Рюмина и повторном аресте врачей». По поводу этих слухов Джурич отмечал: «Интересно, что об этом мы слышим во многих местах наряду с акцентированием внимания на том, что Берия – еврей»¹⁷.

23 декабря 1953 г. Берия был расстрелян по приговору специального судебного присутствия Верховного Суда СССР. Его низвержением с властного олимпа партбюрократия во главе с Хрущёвым не только взяла эффектный реванш над органами госбезопасности, «Дамокловым мечом» нависавшими над ней при Сталине, но и исподволь нанесла удар по позиции таких «государственников» в высшем советском руководстве, как Маленков и Молотов.

Так наряду с Рюминым Берия превратился в «козла отпущения», на которого наследники Сталина в Кремле вплоть до 1956 года предпочитали списывать всю ответственность за кровавые акции режима, в том числе и против деятелей еврейской культуры. Вскоре этот тандем «мальчишек для битья» превратится в результате пропагандистской демонизации бывшего министра госбезопасности В.С. Абакумова (был арестован еще при Сталине), в «трехглавую гидру». Мифологема-«ужастик» о ней станет в руках Хрущёва и Агитпропа важным инструментом манипуляции общественным мнением как внутри страны, так и за рубежом.

Политическое низвержение Берии сорвало и отсрочило подготовленную было им реабилитацию членов ЕАК, разгромленного в 1948–1949 гг. Впрочем, вся державшаяся на нем работа по восстановлению добрых имен пострадавших от сталинских репрессий тогда почти полностью заглохла.

Правда, в конце ноября 1953 года был выпущен на свободу бывший руководящий работник Прокуратуры СССР и популярный автор криминальных детективов Л.Р. Шейнин, арестованный за два года до этого как активный участник «сионистского заговора» в силовых органах. Однако этот гуманный акт был обусловлен не столько тем, что власти стремились, похерив абсурдное обвинение, восстановить справедливость, сколько тем, что хотели использовать этого многоопытного юриста («умную еврейскую башку») как свидетеля обвинения (готового на многое в благодар-

---

¹⁷ *Едемский А.Б.* Москва, март – июль 1953-го... Наблюдения югославских дипломатов // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н.М. Куренная. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 115–116.

ность за обретенную свободу¹⁸) в интенсивно проводившихся следствиях по делам упомянутых Абакумова и Рюмина.

Однако новым своим сотрудничеством с сильными мира сего Шейнину не удалось восстановить в их глазах собственную репутацию, смыв с нее позорное пятно недавнего арестантского прошлого. Когда в феврале 1956 года первый секретарь правления Союза советских писателей (ССП) А.А. Сурков представил популярного детективщика в связи с его пятидесятилетием к награждению орденом Трудового Красного Знамени, то ответом ЦК КПСС был отказ. За два с половиной года, прошедших после выхода Шейнина на свободу, все его попытки получить престижную должность (в редколлегиях газеты «Правда», журнала «Октябрь», в аппарате ССП) также оказались тщетными¹⁹. Еще несколько лет ему пришлось существовать исключительно на литературные заработки, пока фортуна вновь не улыбнулась ему и он пробился в худсовет Министерства культуры СССР, а в 1960-х подвизался на постах главного редактора киностудии Мосфильм и руководителя отдела драматургии Союза писателей СССР.

Политические сложности реабилитации

Только весной 1954 года Кремлем был дан новый импульс ревизии репрессивной политики Сталина. На сей раз роль локомотива в преодолении ее тяжких последствий взял на себя Хрущев, явно решивший использовать это в качестве инструмента реализации своих властных амбиций. 4 мая его старанием были созданы соответствующие рабочие органы – центральная и региональные комиссии по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления»²⁰. Председателем центральной комис-

---

¹⁸ Видимо, при этом было принято во внимание, что в ходе предшествовавшего неслучайно затянувшегося следствия по делу Шейнина (проводилось с 1951 года), тот, активно «помогая» органам, обильно снабжал их «нужными» показаниями, в том числе и о «преступных замыслах» находившихся на свободе И.Г. Эренбурга, Л.О. Утесова, И.О. Дунаевского и многих других «замаскированных еврейских националистов». (Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век, 1937–1953 гг. – М., 2001. С. 356–362, 522–524. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Заложники вождей. Советские и российские прокуроры. XX век. 1954–1992. – М., 2006. С. 433–446.)

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 14. Л. 34–36, 48–50.

²⁰ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев и др. – М., 2000. С. 116–117.

сии утвердили Р.А. Руденко (1907–1981) – давнего протеже Хрущева, который еще в 1944 году выдвинул Руденко на пост прокурора Украинской ССР, а в 1953-м помог ему с назначением генеральным прокурором СССР.

Примечательно, что уже 30 апреля, то есть буквально за несколько дней до появления постановления Президиума ЦК о формировании реабилитационных комиссий, Верховный Суд СССР по протесту Руденко реабилитировал Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова и других главных фигурантов по «ленинградскому делу» – самому кровавому в послевоенный период. Резонансным разоблачением этого преступления сталинизма Хрущёв нанесет вскоре разящий удар по главному своему конкуренту – председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову. Однако для этого Хрущёву, являвшемуся с сентября 1953 года первым секретарем ЦК КПСС, необходимо было предварительно обрести всю полноту партийной власти. В сентябре 1954 года ему удалось добиться этого, отобрав у Маленкова полномочия председательствующего на заседаниях Президиума ЦК.

Всего через несколько месяцев после этого во всех СМИ было объявлено, что по приговору военного суда, прошедшего 14–19 декабря 1954 г. в ленинградском окружном Доме офицеров, расстреляны Абакумов и еще три участника «банды Берия», признанные главными виновными в фабрикации «ленинградского дела». А 31 января 1955 г. пленум ЦК КПСС, обвинивший Маленкова в «зависимости» от Берии и возложивший на него «моральную ответственность» за «позорное “ленинградское дело”», низложил его с поста председателя СМ СССР, констатировав отсутствие «у т. Маленкова деловых и политических качеств, необходимых для выполнения обязанностей главы Советского правительства». И хотя это была важная победа партийной бюрократии в советской номенклатуре над государственной, тем не менее она не была еще решающей, так как важные позиции в кремлевской власти продолжал сохранять В.М. Молотов, являвшийся тогда первым заместителем председателя СМ СССР и министром иностранных дел. Именно для того чтобы не произошло дальнейшего усиления влияния этого наиболее авторитетного в народе «наследника Сталина», Хрущёв не стал пока удалять «политически бесхребетного» Маленкова из Президиума ЦК²¹.

Инициировав кампанию по частичной дискредитации Маленкова и чистке партгосаппарата от его креатуры, Хрущёв использовал весьма разнообразный набор средств. Не без инспирации

---

²¹ Решение январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС о Г.М. Маленкове / Публ. М. Реймана // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 29–33.

его ставленника на посту председателя КГБ при Совете министров СССР И.А. Серова в коридорах власти тогда разразился громкий скандал с разоблачением аморальных походов министра культуры СССР Г.Ф. Александрова (весьма близкого к уже бывшему главе правительства). Основываясь на довольно грубо сработанном компромете²², Хрущёв 10 марта 1955 г. провел через Президиум ЦК постановление «О недостойном поведении тт. Александрова Г.Ф., Еголина А.М. и других²³», которое в виде так называемого «закрытого письма ЦК» стало предметом обсуждения (если не сказать смакования) всей многомиллионной партийной массы.

На этом фоне представляется показательным, что в борьбе против Маленкова и стоявших за ним аппаратчиков Хрущёв не разыграл пропагандистскую «еврейскую карту», хотя, без сомнения, был осведомлен в том, что в широких кругах интеллигенции и чиновничества давно и упорно циркулировали слухи о том, что Маленков является чуть ли не лидером «антисемитской партии» в Кремле. Однако советские масс-медиа, сообщая о «справедливом возмездии», настигшем Абакумова и его поделщиков «за попрание норм социалистической законности», ни словом не обмолвились об их причастности к тайному убийству Михоэлса, арестам членов ЕАК и неправомерным репрессиям против других деятелей еврейской культуры. Подобное замалчивание, видимо, мотивировалось отнюдь не опасением чересчур скомпрометировать Маленкова, еще два с половиной года остававшегося членом Президиума ЦК пусть лишь в качестве зампреда Совмина СССР и министра электростанций. «Еврейский козырь» Хрущёв не задействовал и потом, когда, решив «добить» Маленкова, изгнал его не только из номенклатуры, но даже из партии. Такая сдержан-

---

²² Имеется в виду поступившая в ЦК КПСС анонимка за подписью «Мать», автор которой требовала примерно наказать некоего пожилого развратника, растлившего ее дочь-студентку и организовавшего на своей даче в подмосковной Валентиновке нечто вроде борделя для высокопоставленного чиновничества. Старший помощник Хрущёва Г.Т. Шуйский, следуя указанию шефа, «расписал» подметное письмо «на исполнение» секретарю ЦК П.Н. Поспелову (1898–1979; курировал Министерство культуры) и заместителю председателя ЦК при ЦК КПСС П.Т. Комарову. К расследованию подключился и КГБ, который сразу же выявил и арестовал организатора подозрительных оргий К.К. Кривошеина, человека с темным криминальным прошлым, но с большими связями в кругах высшей номенклатуры.

²³ Помимо Еголина (директора Института мировой литературы АН СССР, а в 1944–1947 г. – замначальника управления пропаганды и агитации ЦК) в эту пикантную историю оказались втянутыми и другие номенклатурные тузы, в том числе заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК В.С. Кружков и директор Литературного института С.М. Петров.

ность Хрущёва, вернее всего, обуславливалась обоюдостью обращения к еврейской проблеме, на публичное обсуждение которой не случайно было наложено негласное, но строгое табу. Послевоенный пароксизм сталинского антисемитизма так основательно вогнал этот запрет в общественное сознание (прежде всего в чиновное), что это серьезно осложнило процесс реабилитации евреев, пострадавших от сталинского террора, а возрождение еврейской культуры оказалось сильно усеченным.

Между тем власти стали освобождать из ссылок в Сибири, Средней Азии, других отдаленных местностей некоторые категории спецпоселенцев. В города европейской части СССР потянулись оттуда с прочими и евреи, высланные за «антисоветскую деятельность» и как члены семей репрессированных. Пожалуй, самой первой еще в июне 1953 года из Джамбула (Казахстан) в Москву возвратилась академик Л.С. Штерн, единственная уцелевшая из осужденных по «делу ЕАК». После признания властями в апреле 1954 года незаконности решения МГБ СССР о ссылке членов семей осужденных по «делу ЕАК» (было принято в начале 1953 года, в разгар «дела врачей») в столицу стали возвращаться близкие родственники казненных еврейских литераторов Д.Р. Бергельсона, П.Д. Маркиша, Л.М. Квитко, еврейского актера В.Л. Зускина, врача Б.А. Шимелиовича и др.²⁴

Вселяясь (иногда с большим трудом) в прежние квартиры и налаживая на старом семейном пепелище новую жизнь, жены и дети расстрелянных представителей еврейской культуры стали добиваться официального восстановления доброго имени погибших родственников. От них последовали обращения к влиятельным руководителям ССП, которые, в свою очередь, апеллировали к властям. Однако в ЦК не спешили на это реагировать. И только когда тревожные слухи об исчезнувших без объяснений причин чуть ли не десятков еврейских творческих деятелей просочились на Запад (через аккредитованных в Москве иностранных дипломатов и журналистов) и вызвали в тамошних интеллектуальных кругах настоящий культурный шок, «инстанция» запустила наконец процесс реабилитации.

---

²⁴ Всего в январе–феврале 1953 года решением Особого совещания МГБ СССР были отправлены в ссылку «в отдаленные районы, как члены семей изменников Родине, сроком на 10 лет с конфискацией имущества» 27 родственников лиц, осужденных по «делу ЕАК» (Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 110–111). См. также: *Зускина-Перельман А.В.* Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина. – М.–Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2002. С. 450–452, 491. *Полонский В.В.* Дорога в пять лет в Казахстан и обратно. Записки ссыльного // Источник. 1996. № 1. С. 66–77.

Летом 1955 года, откликаясь на ходатайства А.А. Фадеева, С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, Л.А. Кассиля и других известных литераторов, ЦК возобновил заглохшую было после ареста Берии прокурорскую проверку «дела ЕАК». Сообщая 1 октября 1955 г. о ее результатах на Старую площадь, генеральный прокурор СССР Руденко доложил, что «дело» было сфальсифицировано исключительно «разоблаченными врагами Абакумовым и Рюминым». И хотя глава советской юстиции назвал расстрельный приговор по этому делу несостоятельным, содержащим ложные обвинения и потому подлежащим безусловной отмене, он, вместе с тем, счел необходимым оговориться: «Проверкой установлено, что некоторые руководители Еврейского антифашистского комитета из националистических побуждений пытались присвоить комитету явно несвойственные ему функции, вмешиваясь от имени комитета в разрешение вопросов о трудоустройстве отдельных лиц еврейской национальности, возбуждали ходатайства об освобождении заключенных евреев из лагерей, в своих литературных работах допускали националистические утверждения и т.д. Эти неправильные действия объективно приводили к тому, что еврейские националистические элементы пытались группироваться вокруг Еврейского антифашистского комитета». Кроме того, Руденко особо отметил, что направленное в феврале 1944 года Сталину письмо руководителей ЕАК с предложением создать в Крыму «Еврейскую советскую социалистическую республику» «носит националистический характер», хотя это и «нельзя рассматривать как уголовно наказуемое деяние»²⁵.

Такой вывод был явно наваян сверху. И это станет очевидным потом, в ходе состоявшейся 29 августа 1956 г. в Кремле встречи Хрущёва с Тимом Баком, Джозефом Солсбергом и другими руководителями Рабочей прогрессивной партии Канады. Отвечая на один из вопросов «канадских товарищей», советский лидер пояснил: «Когда из Крыма выселили татар, тогда некоторые евреи начали развивать идею о переселении туда евреев, чтобы создать в Крыму еврейское государство²⁶. ... Это был американский плацдарм на юге нашей страны. Я был против этой идеи и полностью соглашался в этом вопросе со Сталиным»²⁷.

22 ноября 1955 г. на основании протеста генерального прокурора военная коллегия Верховного Суда СССР, прекратив

---

²⁵ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 15624. Л. 365–370.

²⁶ На самом деле депортация татар и представителей других нацменьшинств из Крыма произошла спустя три месяца после того, как появился и потом почти сразу же был отвергнут «крымский проект» ЕАК.

²⁷ Источник. 1994. № 3. С. 99.

«дело ЕАК» «за отсутствием состава преступления», отменила вынесенный по нему 18 июля 1952 года приговор, что означало юридическое оправдание перед законом всех по нему осужденных²⁸.

Думается, принципиальное решение о снятии обвинений с расстрелянных «еврейских националистов» было принято на самом верху еще в октябре 1955 года. Именно тогда Хрущёв, руководствуясь преимущественно политико-властными соображениями, предложил проинформировать делегатов предстоявшего XX съезда партии о преступлениях Сталина, после чего процесс реабилитации жертв сталинского террора заметно активизировался²⁹.

8 декабря 1955 г. родственникам реабилитированных «еаковцев» выдали официальные справки о том, что те, «отбывая наказание... умерли» 12 августа 1952 г. Так выполнялся изданный в 1955 году и действовавший вплоть до 1963 года (!) совершенно секретный циркуляр КГБ при СМ СССР № 00108, предписывавший сообщать родным казненных по политическим делам, что те скончались в исправительно-трудовых лагерях вследствие каких-либо заболеваний³⁰.

И все же, благодаря реабилитации еврейских литераторов, расстрелянных по «делу ЕАК», из заключения вскоре стали выпускать их выживших коллег и родственников. 12 декабря 1955 г. вышел на волю поэт и драматург С.З. Галкин (был также членом ЕАК), получивший когда-то от Особого совещания 10 лет лагерей. В 1956 году обрела свободу и отбывавшая срок в Иркутской области жена поэта И.С. Фефера Р.Х. Калиш, чья 62-летняя мать погибла в сентябре 1941 года в Бабьем Яру в Киеве.

Тот же «прецедент» реабилитации «еаковцев» позволил руководству ССП создать комиссии по подготовке к изданию литературного наследия Д. Бергельсона, Л. Квитко, П. Маркиша, других репрессированных еврейских литераторов, а также добиться установления персональных пенсий членам семей этих писателей³¹. Однако предпринятая в июне 1956 года первым секретарем правления ССП Сурковым попытка «пробить» через ЦК выплату

---

²⁸ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В.П. Наумов. – М.: Наука, 1994. С. 388–392.

²⁹ Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущёва за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 14.

³⁰ Источник. 1993. № 1. С. 83–84. 1996. № 2. С. 90.

³¹ Эти пенсии представляли собой ежемесячные выплаты в размере от 300 до 500 рублей. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 32. Л. 67–69.)

еврейским авторам (находились, как отмечалось, «в крайне тяжелом положении») старых гонораров, недополученных из-за ликвидации в 1948 году издательства «Дер Эмес», успехом не увенчалась³².

В следующий раз на политическую поверхность «дело ЕАК» всплыло в июне 1957 года, когда Хрущёву пришлось сразиться с Маленковым, Молотовым, Кагановичем и другими старыми членами Политбюро–Президиума ЦК, выступившими против его реформ и претензий на вождизм.

Созвав пленум ЦК для показательной порки «участников антипартийной группы», Хрущёв организовал на нем выступления своих сторонников, в том числе и Руденко. А тот, полагая, по всей видимости, что формат этого узкого междусобойчика партийной элиты позволяет ему (в виде исключения) задействовать в полемике и «горячие еврейские аргументы», первым делом стал распекал Кагановича за то, что тот, зная с самого начала, что «дело ЕАК» – «чудовищная липа», не протестовал, когда по нему судили С.А. Лозовского и других обвиняемых. Но вспоминая о событиях 1952 года, генеральный прокурор благоразумно не упомянул о Хрущёве, хотя тому – тогда секретарю и члену Политбюро ЦК, входившему, в отличие от Кагановича, в ближайшее окружение Сталина, да и к тому же не еврею, – было куда сподручней выступить в защиту «еаковцев».

Досталось от Руденко и Маленкову, которого тот выставил главным виновником трагической гибели выдающихся евреев. В качестве аргумента генеральный прокурор использовал свидетельство бывшего главы военной коллегии Верховного Суда СССР А.А. Чепцова, председательствовавшего на расстрельном процессе 1952 года. Оказывается, спустя почти пять лет после этого трагического события тот припомнил о нем следующее: приостановив в двадцатых числах мая 1952 года заседание военной коллегии, он добился аудиенции у Маленкова, которому заявил, что проведенное Рюминым следствие по «делу ЕАК» процессуально несостоятельно и процесс не может далее продолжаться. Однако Маленков, по словам Чепцова, его не поддержал, а сославшись на уже принятое постановление Политбюро о расстреле четырнадцати обвиняемых, потребовал его безоговорочно исполнения.

Выслушав эту инвективу, слово взял Маленков. Он не стал отрицать, что описанный Руденко разговор с Чепцовым действительно имел место, однако заметил, что о нем он «не посмел бы не сказать Сталину». В ответ Руденко, который во что бы то

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 18. Л. 54–55.

ни стало должен был обличить Маленкова в соучастии вместе со Сталиным в организации незаконных репрессий в стране, пустился в странные рассуждения о том, что Маленков и другие члены «антипартийной группы» «изолировали Сталина от народа, от партии... и забивали голову ему всякого рода шпиономанией и террором»³³.

Анализ упомянутого свидетельства Чепцова наводит на мысль, что тот, хотя и пытался обратить внимание руководства страны на факты топорной фабрикации Рюминым следственного «дела ЕАК», но делал это отнюдь не из-за сострадания к обреченным на смерть подсудимым. К тому времени на совести Чепцова было уже немало других расстрельных приговоров, вынесенных невинным людям, обвинявшимся в том числе и в «буржуазном еврейском национализме».

Чтобы разобраться в мотивации Чепцова, не лишним будет обратиться к следующему свидетельству. Литературовед Н.Л. Железнова-Бергельсон вспоминала, как, получив в конце 1955 года официальное уведомление о том, что ее арестованная в 1950 году мать Айзенштадт-Железнова³⁴ умерла в 1951 году в лагере, стала добиваться в различных бюрократических инстанциях конкретной информации об обстоятельствах осуждения и кончины близкого человека. И вот после нескольких безуспешных попыток ей удалось в начале января 1956 года получить справку о том, что приговор, вынесенный 22 ноября 1950 г. военной коллегией Верховного Суда СССР Айзенштадт-Железновой, отменен «по вновь открывшимся обстоятельствам», а дело «за отсутствием состава преступления прекращено». Поскольку в документе не указывалось, какую конкретную меру наказания предусматривал приговор, дочь погибшей журналистки обратилась за разъяснениями в Верховный Суд СССР. К немалому удивлению Железновой-Бергельсон, ей вскоре был назначен прием у генерал-лейтенанта юстиции Чепцова, который, оставаясь все еще председателем военной коллегии, собственноручно подписал справку о реабилитации ее матери. На этой аудиенция он так сострадательно (прослезившись даже) сокрушался, уверяя, что ничего не знает об обстоятельствах смерти матери просительницы, что та была искренне растрогана подобным проявлением человеческого участия.

---

³³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева. сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. – М.: МФД, 1998. С. 421–422.

³⁴ Айзенштадт-Железнова М.С. (1909–1950) – литсотрудник ЕАК.

И только через три с лишним десятилетия Железнова-Бергельсон случайно узнала в ноябре 1988 года от архивиста Д.Г. Юрасова³⁵, что ее мать не умерла от болезни, как официально утверждалось, а 23 ноября 1950 г. была казнена³⁶. Но еще более поразительным откровением для Железновой-Бергельсон стало обстоятельство, открывшееся ей уже после крушения советской власти: оказалось, что расстрельный приговор ее матери вынес и подписал не кто иной, как сам Чепцов³⁷.

В свете выше описанного особый интерес вызывает обращение 19 ноября 1956 г. министра обороны СССР Г.К. Жукова в ЦК КПСС. Тогда он, обвиняя «полностью дискредитировавшего» себя Чепцова в «двуличности, выразившейся в выдаче санкций на арест и проведении судебных процессов над ни в чем не повинными людьми, а впоследствии в пересмотре и реабилитации этих осужденных лиц», потребовал его смещения с поста председателя военной коллегии Верховного Суда СССР.

---

³⁵ Юрасов Д.Г. – в 1980 г. являлся сотрудником объединённого архива Верховного суда СССР и военной коллегии, откуда был уволен за предание гласности секретных сведений по истории сталинских репрессий.

³⁶ Всего было репрессировано около двадцати журналистов и литераторов, сотрудничавших с пресс-бюро ЕАК. Выжить удалось далеко не всем. Одновременно с М.С. Айзенштадт (Железновой) были расстреляны еврейский писатель С.Д. Персов (1889–1950) и главный редактор ЕАК Н.Я. Левин (1908–1950); в ходе следствия, в лагерях и ссылках умерли литературоведы И.М. Нусинов (1889–1950) и Э.Г. Спивак (1880–1950), еврейские писатели Дер Нистер (П.М. Каганович) (1884–1950), И.М. Добрушин (1883–1953) и др. Сыну революционера-бундовца и реэмигранта из Канады Соломону (Сэму) Хайкину (1911–1986), арестованному в ноябре 1951 года, а до закрытия ЕАК работавшему его главным редактором и отправлявшему в США «шпионские» материалы, составленные Айзенштадт (Железновой), повезло больше. Ему чудом удалось избежать страшной судьбы расстрелянных «еаковцев». 8 августа 1952 г., то есть за четыре дня до их казни, его осудили на 25 лет лишения свободы, хотя было ясно, что упомянутые материалы не могли быть «шпионскими» уже потому, что перед отправкой за границу проходили цензуру Главлита. Более того, уже 28 ноября 1952 г. этот приговор как чрезмерно «мягкий» был отменен, и Хайкина стали «подводить» под расстрел, инкриминируя исполнение «директивы ЕАК о переходе к террористической деятельности». Только смерть Сталина спасла Хайкина от верной гибели. Новое следствие, начавшееся по его делу 25 апреля 1953 г., явно затянувшись, увенчалось долгожданным освобождением в январе 1954 года. Однако произошло это не в результате реабилитации, а потому, что Хайкина амнистировали, скостив срок наказания до 5 лет. И только благодаря его последующим настойчивым ходатайствам военная коллегия Верховного Суда СССР 6 августа 1955 г. полностью сняла с него все обвинения (*Флят Л.* Прошу полной реабилитации // *Мы* здесь. № 246. 11–17 февраля 2010 г.

³⁷ *Железнова-Бергельсон Н.Л.* Мою маму убили в середине XX века. – М.: Academia, 2009. С. 10–13.

Однако только в июне 1957 года состоялись отставка судьи «лицедея» и его перевод на пенсию³⁸, что удивительным образом совпало со скандальным разбирательством неудачного «путча» «антипартийной группы». Именно тогда, когда стало ясно, что Маленков обречен, Чепцов «вспомнил об участии того в суде по «делу ЕАК» и поделился компроматом на него с Руденко. Видимо, полный еще сил и жизненной энергии молодой пенсионер (в 1957 году Чепцову исполнилось 55 лет) надеялся получить в качестве награды за такую услугу отпущение тяжких служебных грехов, коих накопилось немало за более чем 30 лет работы в военной коллегии Верховного Суда СССР, и, возможно, рассчитывал еще на новое назначение на какой-нибудь престижный государственный пост.

15 августа 1957 г. Чепцов, откликаясь на «предложение» министра обороны Жукова, который благодаря Хрущёву был введен тогда в высшее руководство партии, подготовил пространное описание обстоятельств судебного рассмотрения «дела ЕАК». При этом акцент был сделан на неблагоприятную роль, сыгранную в нем Маленковым³⁹. Однако к тому времени этот «недостойный руководитель партии» был уже повержен, а значит не существовало необходимости ворошить связанные с ним прошлые «еврейские дела». Вот почему компромат Чепцова оказался не востребованным, а его карьерные упования – тщетными. К тому же, уже в октябре 1957 года Хрущёв, опасаясь диктаторских амбиций министра обороны, изгнал его из Президиума ЦК, сместив и со всех других постов⁴⁰.

Так что же в действительности подтолкнуло Чепцова на демарш в ходе процесса по «делу ЕАК»? Наиболее правдоподобной представляется та простая версия, что глава военной коллегии, не ведая о заранее «апробированном» Сталиным и Политбюро решении о казни четырнадцати подсудимых, был шокирован ис-

---

³⁸ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А.Н. Аргизов, Ю.В. Сигачев и др. – М.: МФД, 2003. С. 198, 199, 807.

³⁹ Публикация записки А.А. Чепцова Г.К. Жукову от 15 августа 1957 г. // *Ваксберг А.И.* Нераскрытые тайны. М.: Изд. «Новости», 1993. С. 281–292.

⁴⁰ В эти дни в СССР впервые в мире был запущен искусственный спутник Земли, и народные острословы, обыгрывая это знаменательное событие, так прокомментировали политическую разборку с Георгием Константиновичем: Жуков, как ракета-носитель, поднял Хрущёва выше всех, а потом сгорел при падении.

ключительно циничным и пренебрежительным отношением к процессу осведомленного во всем этом Рюмина, который даже установил «прослушку» в совещательной комнате судей. К тому же, Чепцов опасался быть привлеченным к ответственности за соучастие в беззакониях, которые, как он полагал, Рюмин творил на свой страх и риск.

В поисках управы на «зарвавшегося» замминистра госбезопасности Чепцов и дошел до Маленкова. Однако узнав от того об уже вынесенном Сталиным смертном приговоре по «делу», судья мгновенно «прозрел» и, взяв под козырек, принял его к неукоснительному исполнению.

В развитие этого сценария можно также предположить, что пребывавшим в неведении Чепцовым манипулировали Берия и некоторые другие высокопоставленные аппаратчики, недовольные благоволением Сталина к Рюмину. И не исключено, что именно они главным образом и спровоцировали Чепцова на конфликт с Рюминым, стремясь таким образом «раскрыть» Сталину глаза на этого, в их восприятии, авантюриста, выскочку и никудышнего профессионала.

Между тем, наряду с «делом ЕАК» стали пересматриваться и другие групповые «еврейские дела», однако далеко не по всем из них реабилитация носила полный и однозначный характер.

Летом – осенью 1955 года прокурорской проверке подверглось принятое в ноябре 1950-го решение военной коллегии Верховного Суда СССР в отношении 41 арестованного руководящего работника Московского автозавода имени Сталина, одиннадцать из которых были расстреляны. Хотя с осужденных по этому делу были сняты политические обвинения (создание на заводе еврейской националистической группы, шпионаж в пользу США и т.п.), однако инкриминировавшиеся им хозяйственные злоупотребления ревизии не подверглись и остались в силе. Руководившие проверкой «дела ЗИС» Руденко и председатель КГБ И.А. Серов доложили Хрущёву, что главный обвиняемый по «делу» А.Ф. Эйдинов (расстрелянный бывший помощник директора ЗИС И.А. Лихачева) «группировал вокруг себя лиц преимущественно еврейской национальности из числа руководящих и инженерно-технических работников, которые в силу своих корыстных и карьеристских побуждений отрицательно влияли на работу и допускали расхищение государственных средств». В результате некоторые старые обвинения против Эйдинова и ряда его подельников были либо переключены на менее тяжкие, либо вообще оставлены без изменения, а по «не снятым» обвинениям было предпринято

переследствие. И только в начале 1990-х осужденных по «делу ЗИС» реабилитировали полностью⁴¹.

По такой же схеме «постепенной» реабилитации было рассмотрено и «дело о группе еврейских националистов» в руководстве Кузнецкого металлургического комбината, по которому во исполнение приговора военной коллегии Верховного Суда СССР от 18 сентября 1952 г. были казнены четыре человека и еще четыре были приговорены к длительным срокам лишения свободы. По определению военной коллегии от 26 мая 1956 г. из этого «дела» были «по вновь открывшимся обстоятельствам» изъяты как недоказанные такие обвинения, как создание на предприятии «антисоветской националистической организации», сбор «секретных сведений» для США. Притом что другие старые обвинения (в «экономических» преступлениях) не были сняты, а лишь смягчены переквалификацией в менее тяжкие. Впрочем, это не помешало тогда же амнистировать и выпустить на свободу всех тех, кто продолжал в ГУЛАГе отбывать срок, полученный по «делу». Полная реабилитация этих выживших произошла через год, 25 мая 1957 г., когда приговор 1952 года был целиком отменен «за отсутствием состава преступления»⁴².

Особенно драматично протекала реабилитация по «делу “Союза борьбы за дело революции”», по которому в феврале 1952 г. были осуждены 16 студентов и старшекласников еврейского происхождения, в том числе трое – к высшей мере наказания. Ревизуя его, военная коллегия Верховного Суда СССР, хоть и признала в апреле 1956 года безосновательной прежнюю квалификацию «СДР» как террористической организации, тем не менее подтвердила, что та являлась «контрреволюционной», занимавшейся антисоветской пропагандой и агитацией. Вот почему из всех осужденных только двоих тогда реабилитировали полностью, а остальных – частично. Правда, всем выжившим в лагерях (11 человек) предоставили свободу, снизив срок наказания. Радикальному пересмотру дело подверглось лишь в июне 1989 года, когда постановлением пленума Верховного Суда СССР все обвинения по нему были «за отсутствием события и состава преступления» безоговорочно отменены⁴³.

На этом фоне правового консерватизма в переоценке старых судебных решений по «преступлениям еврейских националистов» полная реабилитация восьми бывших руководителей Еврейской автономной области, приговоренных в феврале 1952 года

⁴¹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 364–369.

⁴² Там же. С. 376–385.

⁴³ Там же. С. 502–519.

к длительным срокам лишения свободы (семерым дали по 25 лет каждому, а одному – 10 лет), произошла на удивление легко. 28 декабря 1955 г. Верховный Суд СССР постановил: приговор трехлетней давности отменить, а «дело за отсутствием состава преступления производством прекратить». Все восемь осужденных сразу вышли на свободу. А уже в феврале 1956 года (в дни работы XX съезда КПСС) главный фигурант по этому «делу» А.Н. Бахмутский – бывший первый секретарь обкома ВКП(б) ЕАО – даже был восстановлен в партии⁴⁴.

Против «реванша космополитов» в литературе

В отличие от «дела врачей», порожденного старческой паранойей Сталина и полностью «раскассированного» по его смерти новыми правителями страны, ожесточение власти против так называемых «космополитов», если тогда и смягчилось, то ненамного. Причиной тому было глубоко заложенное в советскую систему подозрительное отношение бюрократических верхов к собственной либеральной интеллигенции (в ней еврейство составляло довольно внушительную прослойку), которая воспринималась ими как идеологически инородное (прозападное) тело, угрожавшее стабильности режима.

Показательно, что 6 марта 1953 г., то есть когда Сталин уже лежал в гробу, был взят под стражу «главарь группы критиков – безродных космополитов в драматургии» И.Л. Альтман, которого освободили только 29 мая⁴⁵. Пережитые им тогда испытания уже через два года свели его в могилу. Этот арест был отнюдь не только следствием, как можно подумать, той нервической взвинченности, которая в тревожные «периоды междуцарствия» обычно возникала в слоях высшей номенклатуры. Даже 24 марта, когда волнение во власти уже улеглось, на Старой площади вновь озаботились угрозой, якобы исходившей от «космополитов». Руководство отдела художественной литературы и искусства ЦК КПСС сочло необходимым тогда привлечь внимание секретаря ЦК П.Н. Поспелова (1898–1979) к тому, что «в Союзе писателей космополиты не встретили должного отпора», а «вопрос о пребывании в ССП... активных критиков-космополитов (Гурвича, Юзовского, Борщоговского, Субоцкого) до сих пор не рассмотрен» его президиумом⁴⁶.

⁴⁴ Государственный антисемитизм в СССР. С. 223–232.

⁴⁵ Там же. С. 317.

⁴⁶ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 35–38.

Однако эти увещевания, видимо, не возымели действия, поскольку через месяц с небольшим, 28 апреля, вновь созданный отдел науки и культуры ЦК обратился к Пospelову по тому же поводу, обвинив уже конкретно К.М. Симонова в том, что редактируемая им «Литературная газета» «по существу амнистирует грубые идейные ошибки критиков-космополитов...» Оказываясь, та, публикуя 23 апреля передовицу «За боевую театральную критику!», «ни словом не обмолвилась об антипатриотической деятельности критиков-космополитов, которые нанесли большой ущерб нашей драматургии и критике». Чиновники особо отмечали, что при чтении статьи «создается впечатление, что в настоящее время невозможны вообще рецидивы космополитизма в театральной критике» и «вопрос борьбы с подобными рецидивами снят сейчас с повестки дня»⁴⁷.

Мало что менялось и в практике подбора кадров в творческих организациях, где в этой сфере продолжал насаждаться как бы по инерции старый «этнический подход». Сотрудники центрального партаппарата, докладывая 14 мая 1953 г. в Секретариат ЦК «о серьезных недостатках в работе с творческими кадрами в Союзе советских композиторов СССР», по-прежнему акцентировали внимание руководства на национальном составе этой организации. Отмечалось, что из 1111 членов Союза русских было 420, евреев – 256, армян – 90, украинцев – 72, грузин – 60 и 213 представителей других национальностей⁴⁸.

Подобный учет творческих работников продолжался и в последующие годы. И хотя он более не провоцировал жестких кадровых чисток, как это было в сталинское время, однако само наличие такого этнонационального контроля сверху негативно влияло на развитие отечественного искусства, в данном случае музыкального. Примечательно, что и в начале 1960 года при организации Союза композиторов РСФСР отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР опять собирал статистику в «национальном разрезе», представив тогда руководству следующие данные: из 678 членов Союза русских – 365, евреев – 197, армян – 34, татар – 22, украинцев – 11⁴⁹.

Впрочем, больше всего чиновников со Старой площади волновало этническое происхождение не музыкантов, а литераторов, которые считались «правофланговыми» партийной идеологии.

---

⁴⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 65.

⁴⁸ Там же. С. 81.

⁴⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / В.Ю. Афиани (отв. ред.), З.К. Водопьянова (отв. сост.), М.Ю. Прокуменщиков и др. – М.: РОССПЭН, 2005. С. 371.

Анализируя в мае 1953 года перспективы создания современных русских опер, «одним из основных тормозов» в этом деле они сочли то, что сочинение либретто было «отдано на откуп ремесленникам или второстепенным писателям типа Эрдмана, Типота, Вольпина, Железнова, Солодаря, Зорина и др.»⁵⁰.

Ситуация на «литературном фронте» еще и потому беспокоила власти, что генеральный секретарь ССП А.А. Фадеев, который, массированно бомбардируя с конца мая 1953 года ЦК своими записками, настойчиво ратовал в них за коренную реорганизацию и демократизацию ССП, за вывод его из-под сковавшего творческую инициативу и живую мысль литераторов тотального контроля партийного начальства. Впрочем, этот глас вопиющего в пустыне так и не был услышан ни Хрущёвым, ни Маленковым, которые вплоть до гибели писателя отказывались его принимать, несмотря на все его старания⁵¹.

К тому же, Фадеев стал настаивать и на гражданской реабилитации писателей, попавших в опалу в позднесталинское время: В.С. Гроссмана, В.А. Каверина (1902–1989), Э.Г. Казакевича и В.П. Катаева. Глубоко раскаиваясь за прежнее блокирование в травле «космополитов» с А.В. Софроновым⁵², он предлагал не переизбирать того секретарем правления ССП. Фадеев утверждал, что Софронов, дабы административно самоутвердиться, практиковал методы «припугивания» литераторов: ввел новую форму анкеты членов ССП с указанием подробных сведений об их настоящих, бывших и даже умерших супругах (с указанием девичьих фамилий), а на особо строптивых из них навешивал ярлыки «националиста», «космополита», и «формалиста».

В ответ Софронов заявил в ЦК, что «тенденциозная защита А. Фадеевым группы раскритикованных ранее писателей одной национальности (еврейской. – Г.К.) вызовет решительные возражения со стороны другой группы писателей», назвав при этом Ф.И. Панферова, А.Л. Первенцева, М.С. Бубеннова, Б.С. Ромашова, А.Т. Гончара и П.У. Бровку⁵³.

Не столько поддаваясь этому скрытому шантажу, сколько памятуя о собственном опыте многолетней конфронтации со своевольным литературным генсеком, функционеры ЦК, уже

⁵⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 71.

⁵¹ Письмо А.А. Фадеева В.В. Ермилову от 4 мая 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 154–155.

⁵² Софронов считался «человеком Маленкова», существует масса свидетельств того, что этот руководитель ССП чуть ли не целенаправленно спаивал Фадеева.

⁵³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 90–94, 99–101, 104–105, 107–113.

давно третировавшие того как законченного алкоголика, встали на сторону Софронова и иже с ним приверженцев «теории бесконфликтности» (благо те ей следовали не только в литературе, но и в общении с начальством). Вот почему в Секретариате ЦК вскоре активно стало «прорабатываться» решение о смещении Фадеева на ближайшем съезде писателей «в связи с серьезным заболеванием». Под эту сурдинку 16 октября отдел науки и культуры направил Суслову пространную записку, в которой обильно цитировалось письмо «бесконфликтного» писателя Т.З. Семушкина. Тот считал «неправильным устранение А. Софронова» (лицетворял «чисто русское начало в нашей литературе») и «решительно» возражал против переизбрания секретарем правления ССП Симонова, «известного своим пристрастием к группе писателей одной национальности»⁵⁴. Семушкин так живописал идейно-межгрупповое противостояние в руководстве союза: «Реваншистские настроения с момента борьбы с космополитами есть у группы писателей, которые теперь поднимают головы. В их руках «Литературная газета», значительная часть аппарата союза писателей. Ядро же русских писателей, определяющееся максимум в 20 процентов, по одиночке избивается и устраняется от руководства»⁵⁵.

Однако Суслов, не поддавшись на стенания тех, кого при Брежнев в ЦК и КГБ назовут «руситами», а за границей – «Русской партией»⁵⁶, санкционировал переизбрание Симонова в секретариат ССП и, наоборот, добился вывода из него Софронова, явно не вписывавшегося в превалировавший тогда тренд либерализации режима⁵⁷.

Избрав для себя, таким образом, на долгие годы вперед метод нивелирования идеологических «крайностей» в литературном сообществе и тактику пребывания «над схваткой», перманентно происходившей в нем между либералами и консерваторами-почвенниками, ЦК, тем не менее, вскоре «отыграл» вправо. В марте 1954 года на Старой площади осудили «идейно-порочную» «оттепельную» статью В.М. Померанцева (1907–1971) «Об искренности в литературе» («Новый мир». 1953. № 12). Произошло это с подачи Б.Н. Полевого, посетовавшего в письме секретарю ЦК Поспелову на то, что среди писателей «появилось странное и со-

---

⁵⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 133–142, 153–157, 167–169, 174–176.

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 437. Л.119.

⁵⁶ *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994. С. 19.

⁵⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 180–183.

вершено превратное мнение о своеобразной перенастройке в нашей политике в области идеологии и о якобы совершающемся в нашей литературе эдаком “нэпе”»⁵⁸.

Антилиберальную направленность имело и произошедшее позднее удаление Симонова из «Литературной газеты», новым главным редактором которой назначили его бывшего заместителя Б.С. Рюрикова, очень скоро замененного «правоверным» В.А. Кочетовым (1912–1973). Показательно, что в августе 1954 года Симонова отправили в редакцию «Нового мира» на смену тамошнему «главному» – А.Т. Твардовскому, шокировавшему партийное начальство новой поэмой «Теркин на том свете»⁵⁹.

Эти кадровые рокировки происходили на фоне громкого скандала, разразившегося в марте 1954 года и изрядно взбудоражившего писательское сообщество. Во время проходивших тогда выборов в Верховный Совет СССР драматург А.А. Суров – дважды лауреат Сталинской премии, заместитель главного редактора газеты «Советское искусство», а в недавнем прошлом активный борец с «космополитами» в литературе – устроил пьяный дебош на одном из избирательных участков (бросил на пол и принялся топтать выданные ему бюллетени). Когда об этом инциденте стало известно в отделе науки и культуры ЦК, который ранее всегда поддерживал этого незадачливого литератора (входил во влиятельную писательскую группировку во главе с Софроновым, Грибачёвым и Бубенновым), было решено теперь ради сохранения чистоты своих риз от него отмежеваться. Поэтому был дан ход давно подспудно копившейся в ЦК информации, изобличавшей Сулова в присвоении чужих литературных трудов, плагиате и в других подобных махинациях. Эти материалы убедительно свидетельствовали и о том, что он, шантажируя с 1949 года теат-

⁵⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 206–211.

⁵⁹ Там же. С. 292–296.

⁶⁰ Кроме того, Суров заставил Варшавского выступить в роли провокатора, вынудив «сигнализировать» в ЦК о том, что столичные театральные критики-«космополиты» во главе с И.Л. Альтманом регулярно устраивали в ресторане «Арагви» «тайные сборища», на которых обсуждали планы организации «фронды». Донос Варшавского Суров передал завотделом пропаганды и агитации ЦК Шепилову, который, в свою очередь, отправил его Маленкову, сопроводив следующим сгущавшим политические краски пояснением: «Представляю... на... рассмотрение письмо Я. Варшавского т. Сузову, в котором... сообщается важный факт о том, что антипатриотическая группа критиков пыталась организационно особо оформиться (возможно, и оформилась) на идейной платформе, глубоко враждебной советским порядкам... Об особых сборищах антипатриотической группы в «Арагви» я сообщил т. Абакумову». (Государственный антисемитизм в СССР. С. 306.)

рального критика Я.Л. Варшавского (был объявлен «космополитом» и отовсюду изгнан), использовал его в качестве литературного раба⁶⁰. Суров выдал пьесу Варшавского «Рассвет над Москвой» за свою собственную, получив за нее, к тому же, Сталинскую премию. Еще раньше Суров осуществил подобную махинацию и с рукописью пьесы А.М. Шейнина «Далеко от Сталинграда»⁶¹.

«Умыв руки», прежние цековские покровители лжедраматурга передали накопленный на него компромат на экспертизу в ССП. После проведенного там расследования все аферы Сурова – полностью документально подтвержденные – оказались в центре внимания широкой писательской общественности. Известный писатель С.П. Злобин⁶², который серьезно опасался, что руководству ССП, а также Софронову и другим друзьям Сурова удастся того выгородить (выставив эдаким бесшабашным рубахой-парнем), писал в июне 1954 года Хрущёву: «Секретариат, в лице Суркова... изображает дело так, как будто ему только теперь стало известно об этической физиономии Сурова, при этом, спасая свое положение, старается представить его только пьяницей и хулиганом, замалчивая и не расследуя вопрос о том, что Суров – это вор-плагиатор, что – это махровый антисемит и что его гнусная антисоветская выходка в день выборов в Верховный Совет являлась логическим выражением его моральной и политической сущности. Недаром же врачи признали его вменяемым и выгнали (как симулянта) при попытке изобразить сумасшествие»⁶³.

Благодаря подобным протестам и широкой огласке Сурову не удалось избежать строгого наказания. Бывшего «выдающегося драматурга» в апреле 1954 года изгнали из ССП, а в ноябре лишили звания лауреата Сталинских премий⁶⁴.

Второй всесоюзный съезд советских писателей (проходил 15–26 декабря 1954 г.) не только осуществил планировавшееся низложение Фадеева (был устранен с поста генсека, но оставлен в секретариате ССП), но и инициировал новый раунд схватки между писательскими группировками. Тон возникшей на этом форуме дискуссии был задан докладом нового главы (первого

---

⁶¹ *Борщоговский А.М.* Записки баловня судьбы. – М.: Советский писатель, 1991. С. 292–313.

⁶² Злобин С.П. (1903–1965) много испытал на своем веку из-за рождения в дворянской семье и вхождения в ЦК партии эсеров; прошел в годы войны через народное ополчение и немецкий плен; затем оказался в советских лагерях; после освобождения был в 1951 году выдвинут Сталиным за роман «Степан Разин» в лауреаты премии его имени.

⁶³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 253–254.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 2. Л. 59–62, 81–82.

секретаря) союза Суркова. В нем он критически прошелся по опубликованной в мае 1954 года в журнале «Знамя» первой части повести И.Г. Эренбурга «Оттепель». Почуяв, куда подудли административные ветры, еще жестче оценил это произведение (стало символом либерального обновления советского режима) Симонов, выступивший как содокладчик. Он обвинил автора в сосредоточении внимания на темных сторонах жизни общества, в «объективизме», идущем вразрез с методом социалистического реализма. Однако наибольшую непримиримость к повести выказал М.А. Шолохов (1905–1984), брутально отметивший, что во время оттепели «патроны в обойме окисляются и ржавеют»⁶⁵. В такой негативной оценке символической повести угадывалось исполнение заказа власти, явно встревоженной ее либеральным пафосом. Неслучайно в начале 1963 года на встрече с интеллигенцией Хрущёв многозначительно заявлял: «Оттепель осуждаем; неустойчивая, непостоянная, незавершенная погода!.. Не пустим на самотек! Бразды правления не ослаблены!..»⁶⁶.

На седьмой день писательского форума (21 декабря) Шолохов вновь взошел на съездовскую трибуну. Еще пуще он напустился на Эренбурга, отношения с которым испортил еще осенью 1941 года, когда исподволь стал высказываться в том роде, что «евреи не воюют». И вот спустя тринадцать лет тот же антисемитский подтекст «проступил» и в эскападах Шолохова в адрес Эренбурга. Это было столь очевидно для всех присутствовавших на съезде, что всполошившееся писательское начальство поспешило пресечь подобные нападки. Твардовский так прокомментировал в дневнике этот острый момент: «Жаль Шолохова. Он выступил

---

⁶⁵ Второй Всесоюзный съезд советских писателей 15–26 декабря 1954 г. Стенографический отчет. – М., 1956. С. 91–92, 376, 377.

⁶⁶ *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 56. Впоследствии в своих надиктованных мемуарах Хрущёв утверждал, что слово «оттепель» «пустил в ход» Эренбург. Между тем точнее было бы сказать, что он его «реанимировал». Приоритет в изобретении этой метафоры принадлежит русскому поэту и мыслителю Ф.И. Тютчеву, который назвал так наступившее после смерти Николая I время тревожных надежд и упований на благие либеральные перемены в жизни русского общества (*Сергеев-Ценский С.Н.* Севастопольская страда. Т. 2. – М., 1958. С. 101). Незадолго до смерти Хрущёв откровенно признался, что власти, пойдя на «оттепельные» послабления, «побавивались» того, как бы «не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться». «Мы боялись, – подчеркивал оказавшийся не у дел политик, – потерять управление страной, сдерживали рост настроений, неугодных с точки зрения руководства, не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути». (*Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). – М., 1999. Кн. 4. С. 282–283.)

постыдно. Каким-то отголоском проработок космополитов⁶⁷ звучали его напоминания Эренбургу о том, что тот написал в 21 году и издал в Риге, что тот принижает русских людей и, наоборот, возвеличивает евреев»⁶⁸.

Твардовского огорчили не только слова, сказанные Шолоховым, но и поразил тот хриплый, «задушенный», явно пропитой голос, которым они были произнесены. О том, что Твардовский не обманулся в этом своем ощущении, свидетельствует записка заведомо культуры ЦК Д.А. Поликарпова от 13 декабря 1956 г. В ней тот уведомлял Суслова: «В сентябре 1955 года Секретариат ЦК КПСС поручил 4 управлению Министерства здравоохранения СССР организовать лечение Шолохова М.А., поместив его с этой целью в больницу... В настоящее время Шолохов находится в состоянии тяжелого запоя, скандалит, оскорбляет близких; носит с собой оружие. Прошу ЦК КПСС обязать начальника 4 управления Минздрава СССР т. Маркова А.М. организовать в принудительном порядке лечение Шолохова М.А.»⁶⁹.

Дух консервативного охранительства был столь силен на съезде, что не мог не повлиять на эмоционально лабильного Фадеева. 23 декабря 1954 г. он вдруг вопреки своему новоявленному демократическому настрою выступил перед писательской элитой «в лучших традициях» 1949 года, сказав: «Необходимо, чтобы мы все помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма, с обывательской безыдейностью, упадничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой и, если бы мы не проводили ее со всей решительностью, наши идейные противники могли бы принести большой вред развитию советской литературы»⁷⁰.

Информируя Хрущёва, Суслова и других руководителей ЦК об итогах съезда писателей, чиновники из отдела науки и культуры ЦК, следуя означенному выше неписаному табу, ни словом не обмолвились в своей записке о скандальном выступлении Шолохова.

---

⁶⁷ В 1951 году Шолохов, поддержав Бубеннова, призвавшего в «Комсомольской правде» (27 февраля) к борьбе с «хамелеонством» и раскрывшего настоящие фамилии ряда литераторов еврейского происхождения (публиковались под псевдонимами), резко осудил Симонова, выступившего против такой «расшифровки» (*Шолохов М.А. С опущенным забралом... // Комсомольская правда. 1951. 8 марта.*)

⁶⁸ *Эренбург И.Г. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. Люди, годы, жизнь. Кн. пятая (гл. 14–27), шестая, седьмая / Сост. и подг. текста И.И. Эренбург, Б.Я. Фрезинский. Комментарий. Б.Я. Фрезинский. – М.: Художественная литература, 2000. С. 417–418, 594–596.*

⁶⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 14. Л. 149.

⁷⁰ Правда. 1953. 27 декабря.

Но зато не упустили случая донести «наверх» об осуждении либерально настроенными литераторами кампании травли «космополитов», проводившейся в недавние времена руководством ССП. В качестве закоперщиков подобной «критики снизу», а также главных носителей «бунтарского», «нездорового» духа и «реваншистских настроений» были названы М.И. Алигер (1915–1992) и Каверин, которые, как констатировалось, «в замаскированном виде... фактически выступили против руководства литературой, считая, что оно якобы стесняет свободу творчества писателей, мешает им»⁷¹.

Однако начальственной реакции на данную бюрократическую lamentацию не последовало. Маятник политического развития страны стал стремительно отклоняться влево, и императив демократического обновления страны уже осознавался и политиками-реалистами в Кремле, что не могло не вдохновлять интеллигалов-либералов на все более смелые выступления против безоговорочного конформизма.

Об этой явственной тенденции свидетельствовали тревожные сигналы, поступавшие наверх от литераторов-охранителей. Один из них, критик М.Р. Шкерин, подвизавшийся старшим редактором комсомольского издательства «Молодая гвардия», осведомил первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепина о том, что на заседании секции прозы ССП, прошедшем 19 апреля 1954 г. под председательством К.Г. Паустовского, бывшие «космополиты», решив, видимо, взять реванш за прежние обиды, выступили с нападками на коллег, разоблачивших их когда-то как «антипатриотов». По словам Шкерина, «буржуазно-националистический» тон обсуждению задал открывший прения Мугуев (1893–1968), который, объявив, что он не еврей и не русский, а осетин, принялся яростно обличать Бубеннова. «Этому охотнорядцу, черносотенцу Бубеннову, не хватает хоругвий (так в тексте. – Г.К.)... Чтобы спасти его от скандала, его вовремя услали на целинные земли... Но кто же может сомневаться в том... что Бубеннов и там будет вести себя как черносотенец!» – так дословно, судя по этому доносу Шкерина, высказался Хаджи-Мурат Мугуев – участник двух мировых войн, потерявший на Великой Отечественной зрение, но продолжавший создавать исторические и приключенческие романы⁷².

Как отмечал Шкерин, выступившая следом литературный критик Сарра Бабёнышева (1910–2007; впоследствии активная диссидентка) «в патетическом тоне требовала расправы над Грибачёвым и Софроновым...», а поддержавший ее писатель В.Г. Финк (1888–1973) «произнес откровенно реваншистскую речь – в оп-

⁷¹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 338.

⁷² Там же. С. 392.

равдание космополитов-антипатриотов». Описывая дальнейший ход заседания, Шкерин обвинил включившегося в дискуссию писателя А.А. Бека (1902–1972) в том, что тот, «спекулируя» на статье В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», где «говорится, что литература будет свободной от денежного мешка, патетически восклицал: “Я вас спрашиваю, где же эта свобода!”».

Припомнил Шкерин и еще один эпизод. Когда присутствовавший на заседании А.А. Сурков встал и попытался выступить (надеясь, видимо, что ему как главе писательского союза удастся остудить накалившиеся страсти), его зашикали, обсмеяли и затопали; причем в этой обструкции задавали тон А.С. Гурвич и А.М. Борщаговский⁷³.

Оба этих литератора были объявлены в 1949 году «главарями» критиков-«космополитов». Однако в середине 1950-х Гурвич, которому было под шестьдесят, уже не проявлял из-за расстроенного травлей здоровья сколько-нибудь существенной активности. Напротив, Борщаговский, который на шестнадцать лет был моложе Гурвича, был деятелен и полон сил. В том же апреле 1955-го он добился восстановления в партии. Забегая вперед, следует отметить, что уже в следующем 1956 году в театрах Москвы, Ленинграда, Саратова, Куйбышева и других городов пошли спектакли по его пьесе «Жена». И хотя эта непритязательная вещица о повседневной жизни советского офицерства вызовет недовольство военного ведомства (в ноябре начальник Главного политуправления Военно-морского флота СССР А.В. Комаров даже будет ходатайствовать перед ЦК о запрете этой «клеветнической», «аморальной», «фальшивой» пьесы), на Старой площади решат лишь «задержать дальнейшее ее распространение и реже включать в репертуары театров»⁷⁴.

А пока, в мае 1955-го, Борщаговский принял активное участие в обсуждении персонального дела, заведенного парткомом московской организации (МО) ССП на писателя С.А. Васильева (1911–1975)⁷⁵. Последний еще в 1949 году сочинил «сатирическую поэму» – пародию «Без кого на Руси жить хорошо»⁷⁶, в которой в стилистике виршей для «капустника» (на грани литературного

⁷³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 393.

⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Л. 10. Л. 119–121.

⁷⁵ *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. – М.: Диалог–МГУ, 1999. С. 150. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 534. Л. 21.)

⁷⁶ Этот фельетон в стихах, ходивший в списках и печатавшийся в самиздате, впервые был легально опубликован писателем-эмигрантом Г.Ц. Свириским в его «романе-документе» «Заложники», вышедшем в 1974 году в Париже (*Свирицкий Г.Ц.* Заложники. – М.: ПИК, 1992. С. 173–175).

хулиганства) переименовал поэму Н.А. Некрасова в нечто, поносившее «космополитов», в том числе и Борщаговского. Этот опус Васильев публично продекларировал в Московском доме литераторов и передал для публикации в редакцию журнала «Крокодил». Там рукопись быстро подготовили к печати, сделав верстку. Однако на стадии иллюстративного оформления произошел неожиданный сбой: художник редакции Б.И. Пророков (1911–1972), которому поручили подготовку рисунков, возмутился текстом поэмы и обратился в Главлит. Дело дошло до ЦК ВКП(б), а там этот материал похерили⁷⁷, руководствуясь, видимо, тем соображением, что пропагандистская кампания против критиков-«космополитов» уже завершилась и «информационный повод» к публикации отпал. Да и низкий художественный уровень этой поделки, содержащей провокативные антисемитские аллюзии, был чреват рискованным для чиновников скандалом. К тому же, те блюли табу на публичность еврейской темы. Вот почему, когда в апреле 1955 года на партсобрании в московской организации ССП литератор В.А. Ковалевский (1897–1977) заявил, что «верхушка» Союза поражена антисемитизмом, отдел науки и культуры ЦК быстро пресек эту критику, назвав ее «политически нездоровой»⁷⁸.

Сионистский натиск Израиля

Как известно, еще в годы Второй мировой войны руководство Советского Союза одобрило проект стран-союзниц по антигитлеровской коалиции о создании еврейского государства на Ближнем Востоке. И не только одобрило, более того, всячески способствовало потом его реализации, предприняв ряд действенных политико-дипломатических и практических шагов: от отстаивания этой идеи с 1947 года в ООН до поспешного признания Израиля в 1948 году и поставок ему трофейного немецкого оружия, без которого вряд ли удалось бы одержать верх в противоборстве с арабскими соседями⁷⁹.

Такая поддержка была отнюдь не благотворительным жестом Сталина, она диктовалась стремлением привлечь на свою сторону молодое еврейское государство, потеснив с его помощью общего врага – британский колониальный империализм, поддерживавший в арабских странах враждебные Израилю феодально-консервативные режимы. Однако этому замыслу советского вождя не

⁷⁷ *Свирский Г.Ц.* Заложники. С. 208. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 557, 561.

⁷⁸ *Зезина М.Р.* Указ. соч. С. 150.

⁷⁹ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 399–403.

суждено было сбыться. Сионисты давно уже ориентировались на более мощного и богатого, чем Советский Союз, спонсора – Америку. Из США они не только получали щедрую материальную поддержку от крупнейшей в мире и самой богатой еврейской общины. Там на страже их интересов стояло мощное лобби, состоявшее в первую очередь из евреев, входивших в социально-политическую, интеллектуальную, культурную, деловую и масс-медийную элиту страны.

Стремительное формирование стратегического альянса между молодым Израилем и мощными США явилось для Сталина пусть и неприятным сюрпризом, но не таким уж неожиданным. Действительным потрясением для него стало, видимо, то, что с созданием государства Израиль возникла идейно-политическая корреляция между глобальным сионизмом и еврейской этнонациональной активностью внутри СССР. Примечательно, что вождь, давно опасавшийся подобных уз между советским и мировым еврейством, еще в 1944–1946 гг. провел репатриацию около 170 тысяч своих подданных еврейского происхождения, являвшихся до начала Второй мировой войны гражданами Польши и других восточноевропейских стран.

Однако эта мера оказалась неэффективной в борьбе с разбухшей войной и быстро потом набиравшим силу еврейским самосознанием. Особенно впечатляюще это возрождавшееся национальное чувство заявило о себе в сентябре-октябре 1948 года, по прибытии в Москву Голды Меир (1898–1978), возглавлявшей первую дипломатическую миссию Израиля в Советском Союзе. Именно тогда ее демонстративные появления в хоральной синагоге в Спасоглинищевском переулке и в Государственном еврейском театре на Тверском бульваре спровоцировали невероятные для тогдашней советской столицы массовые сходки евреев, бурно выражавших свой национальный энтузиазм⁸⁰. Имея ранг полно-

---

⁸⁰ Эти встречи осенью 1948 года Г. Меир (тогда – Мейерсон) с советскими евреями были столь необычными и ошеломительными для столичных обывателей, что породили в их среде многочисленные легенды. Целый букет таких толков, например, присутствовал в доносе, направленном в 1952 году в ЦК ВКП (б) некоей Р.М. Кернер, писавшей: «Когда в СССР приезжала первый посол из Израиля, кажется женщина и по фамилии Шерман (Г. Меир. – Г.К.), то Руденко (подруга автора письма, урожденная М.Г. Арон. – Г.К.) восторгалась ею, ходила в Синагогу оказывать ей приветствие. Она после этого долго рассказывала, как этого посла евреи на руках выносили из синагоги и несли ее с восторгом затем по прилегающей к синагоге улице, крича при этом: «Наш посол, наш посол»... Она также передавала версию о том, что посол Израиля Шерман, по разрешению Сталина, отобрала с собой в Палестину 12 лучших инженеров и хотела их вывести с собой в Израиль, для строительства промышленных предприятий там, но что тов. Сталин

мочного министра и считая главной своей задачей в Москве организацию «большой алии» советских евреев, Г. Меир следовала в достижении этой цели указаниям импульсивного премьер-министра Д. Бен-Гуриона (1886–1973). Она, очевидно, наивно надеялась с налета разрешить двуединую задачу: своим появлением в Москве воодушевить советских евреев сионистской грезой нового обретения Земли обетованной и при этом убедить Сталина не препятствовать их исходу. Однако Кремль сразу дал понять Меир, что не намерен обсуждать даже возможность масштабной еврейской эмиграции. Тем не менее, нимало не смутившись, эта уроженка Российской империи после этого решила апеллировать непосредственно к советским евреям (описанным выше способом). Кроме того, отбросив ограничения, которые накладывал на нее дипломатический статус, она обратилась к мировому общественному мнению. В начале января 1949 года Меир провела в Риме шумную пресс-конференцию, продемонстрировав фотографии, запечатлевшие ее у московской синагоги в громадной толпе численностью, как она уверяла, 40000 чел.⁸¹

Меир, которая самонадеянно полагала, что подобными методами публичного давления сможет заставить Кремль быть более сговорчивым и уступчивым, добилась в итоге диаметрально противоположного. Слабо разбиравшаяся во внутренних политических реалиях советской империи, она по сути бросила Сталину открытый вызов, чем до предела ожесточив, невольно дала ему в руки веский повод начать тотальную ликвидацию в СССР еврейской социально-культурной жизни.

Пророческими оказались слова одного из руководителей ЕАК поэта И. Фефера, сказавшего жене после одного из столпотворений, возникшего у синагоги по прибытии туда Г. Меир: «Этого нам никогда не простят»⁸².

этих отобранных инженеров-евреев, якобы, отправил прямым ходом в ссылку в Печерский край. Кроме того, Руденко рассказывала и о том, что когда находился Палестинский (израильский. – Г.К.) посол-женщина у нас, то в Политехническом музее была устроена лекция-доклад по Палестинскому вопросу, на который пришли евреи от мала до велика, старые и молодые... Тогда все московские евреи собрались было уезжать в Палестину, но правительство СССР отказалось отпустить их туда, так как не хотело лишиться самых умных людей у себя в Москве. Руденко говорила, что посол Шерман вовсе не была шпионкой и что правительство СССР напрасно выслало ее из пределов России». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 1078. Л. 89–94.)

⁸¹ Отчет об этой пресс-конференции был направлен агентом МГБ СССР в Москву (Государственный антисемитизм в СССР. С. 393–396). Потом такая же фотография с Меир у синагоги оказалась в следственном «деле ЕАК».

⁸² *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 414.

Отнюдь неслучайно в сознании советского еврейства возник устойчивый миф о причастности Г. Меир к начавшимся в период ее пребывания в Москве арестам деятелей еврейской культуры и общественности. И не было ничего удивительного в том, что в 1974 году в Нью-Йорке состоялся суд, на котором разбирался иск Г. Меир против советского иммигранта Льва Наврозова (когда-то преуспевающего московского литератора), обвинившего ее в печати в том, что, будучи посланником в Москве, та передала властям СССР «список советских граждан, желающих принять участие в войне Израиля за независимость» и те вскоре были «отправлены в Сибирь»⁸³.

Поняв, что лавры нового Мессии-освободителя ей уже не стяжать, Меир в апреле 1949 года покинула негостеприимную Москву. Все последующие дипломатические попытки Израиля понудить Сталина к смягчению эмиграционной политики в отношении евреев практически также ничего не дали. В 1948–1953 гг. из Советского Союза выехали по израильским визам только 18 человек⁸⁴. Советский МИД решительно отметал «эмиграционные домогательства» еврейского государства на том основании, что вопрос выезда граждан СССР на постоянное жительство за границу касается только их и советских властей, и вмешательство третьей стороны неправомерно и недопустимо⁸⁵. Более того, когда в 1952 году в СССР окончательно развеялись иллюзии в отношении Израиля и официальная Москва уже не сомневалась в том, что его внешняя политика «подчинена американскому диктату», советское руководство, отказавшись от какой-либо поддержки этого государства (в том числе и в ООН), наложило полный запрет и на эмиграцию евреев из Польши, Венгрии, Румынии, других стран «народной демократии»⁸⁶.

Однако, поскольку подпитка этноресурсами из СССР – страны, уступавшей по численности еврейской диаспоры только США, – была для Израиля вопросом выживания, его лидеры не могли себе позволить опустить руки после первого проигранного раунда. Осознав, что использование одних только дипломатических методов в достижении судьбоносной для них цели малоэффективно, они стали решать проблему, что называется, комплекс-

---

⁸³ *Наврозов Л.* Как я судился с Голдой Меир // Известия. 1992. 18 сентября. С. 6.

⁸⁴ *Говрин Й.* Израильско-советские отношения. 1953–1967. – М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 148.

⁸⁵ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. С. 419.

⁸⁶ Советско-израильские отношения. Сб. документов. 1941–1953. В 2-х тт. Т. 1. Кн. 2: Май 1949–1953 / Под ред. Б.Л. Колоколова, Э. Бенцура и др. – М.: Международные отношения, 2000. С. 353, 431.

но. Подводя правовую базу под проект алии, еще 5 июля 1950 г. израильский кнессет принял «закон о возвращении», который, в свою очередь, лег в основу закона о гражданстве 1952 года, объявившего Израиль государством «всемирной еврейской нации». О механизме практической реализации проекта алии позаботился XXIII сионистский конгресс, принявший еще в августе 1951 года так называемую «Иерусалимскую программу». В ней высшему двудеинному органу в лице Всемирной сионистской организации (ВСО) и Еврейского агентства поручалось начать глобальную мобилизацию сил и средств в поддержку массовой еврейской иммиграции в Израиль, о чем в июле 1954 года было подписано соответствующее соглашение между ВСО и правительством Израиля⁸⁷.

Параллельно с принятием этих законодательно-нормативных актов министр иностранных дел Израиля и один из наиболее убежденных приверженцев идеи «большой советской алии» М. Шарет (1894–1965) прибегнул к тактике опосредованного пропагандистского давления на Кремль, учтя, очевидно, неудачный «советский опыт» прямолинейной Меир. 15 октября 1949 г. он в ответ на сообщение нового посла в Москве М. Намира (1897–1975) о том, что советские евреи «живут в страхе и неуверенности в завтрашнем дне» и «многие» из них «опасаются» депортации из Москвы, направил ему шифровкой следующую инструкцию: «Мы должны начать кампанию в международной еврейской прессе, особенно в США, равно как и в нееврейской прессе по вопросу о советском еврействе, давая просочиться в прессу всей достоверной информации, имеющейся в нашем распоряжении, а также слухов»⁸⁸.

И хотя впоследствии Намир, а также директор восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Левави неоднократно пытались убедить Шарета в бессосновательности толков о депортации, тот остался глух к их доводам. Более того, близкие к правительству «Давар», «Габокер», другие влиятельные израильские СМИ, а также лондонская «Jewish Chronicle» продолжали активно муссировать подобные небылицы⁸⁹.

Впрочем, как не парадоксально, но наибольшую подпитку эта кампания получила от Сталина. Распорядившись опубликовать 13 января 1953 г. официальное сообщение ТАСС об «Аресте группы врачей-вредителей», он до предела накалил международные страсти вокруг еврейской проблемы в СССР. Усилению тревоги в израильском обществе способствовал и Бен-Гурион, который в газе-

⁸⁷ Международный сионизм: история и наука. – М.: Наука, 1977. С. 12, 72–74.

⁸⁸ Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 84–86.

⁸⁹ Там же. С. 106–107, 130–131, 192–193, 199–200, 337–339. Jewish Chronicle. July 29, 1949. November 23, 1951. May 9, 1952.

те «Давар» выступил под псевдонимом с резкими выпадами против СССР и Сталина. Возникшая социальная истерия обернулась тем, что 9 февраля на территорию дипмиссии СССР в Тель-Авиве была брошена бомба, от взрыва которой серьезно пострадали трое советских граждан, в том числе и жена посланника П.И. Ершова (1914–1981). Это драматическое происшествие не было случайностью. 4 декабря 1952 г. похожий взрыв прогремел в Тель-Авиве и в диппредставительстве Чехословакии⁹⁰.

И хотя в ответ СССР 11 февраля 1953 г. разорвал дипломатические отношения с Израилем⁹¹, тем не менее, министр полиции Израиля распорядился выявить исполнителей злополучной антисоветской акции. Поначалу расследование проводилось ни шатко, ни валко. Однако оно заметно интенсифицировалось после смерти Сталина и особенно после публикации спустя еще месяц официального советского заявления, разоблачившего преступную фабрикацию «дела врачей» и информировавшего об освобождении и реабилитации арестованных медиков. Восприняв это событие как благоприятный знак, израильтяне предприняли зондаж, нацеленный на восстановление дипломатических отношений с СССР⁹².

18 мая Шарет поручил временному поверенному Израиля в Болгарии опытному дипломату Б.Ц. Разину установить неофициальные контакты с Москвой в лице советского посла в Софии М.Ф. Бодрова (ранее был послом в Праге, а в 1958 году назначен послом в Израиль). Когда таким обходным маневром израильтяне вышли на Бодрова, тот, связавшись 2 июня с Москвой, дал согласие вступить в такие переговоры, но в качестве предварительного условия потребовал выявления и наказания участников февральского антисоветского теракта в Тель-Авиве⁹³.

В такой маленькой стране, как Израиль, поиск антисоветчиков-экстремистов не составил большой проблемы. Уже в том же июне была вскрыта нелегальная группа, состоявшая из 15 бывших боевиков Лехи⁹⁴ во главе с неким Яаковом Херути. Вскоре про-

⁹⁰ Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 394.

⁹¹ Говрин И. Указ. соч. С. 29–47. Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 421–430.

⁹² Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 444–446.

⁹³ Говрин И. Указ. соч. С. 56.

⁹⁴ Лехи («Лохамет херут Исраэль» – «борцы за свободу Израиля») – подпольные военизированные отряды сионистов, созданные в 1940 году в подмандатной Палестине известным национал-экстремистом А. Штерном. Терроризировали англичан, арабов (кровавый погром в Дейр-Ясине в апреле 1948 года) и даже международных посредников (убийство спецпредставителя ООН на Ближнем Востоке шведского аристократа Ф. Бернадотта в сентябре 1948 года).

шел закрытый военный процесс, на котором 14 обвиняемых были признаны виновными в нанесении ущерба государственной безопасности и приговорены к длительным срокам лишения свободы (13 человек – к 10 годам, 1 – к 15 годам)⁹⁵.

Позитивно оценив эти действия властей ближневосточной страны, министр иностранных дел СССР Молотов 15 июля известил Шарета, что «считает возможным восстановить дипломатические отношения с правительством Израиля», о чем через два дня было официально объявлено в прессе. 27 ноября в Москву возвратился прежний израильский посланник Ш. Эльяшив (1899–1955), который 14 декабря вручил верительные грамоты председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову. Возобновляя прерванные в феврале личные контакты в советской столице и узнав, что в закрытой было в Тбилиси синагоге возобновилась служба, приободренный Эльяшив посетил в одну из суббот Московскую хоральную синагогу. Ее он нашел похорошевшей, посвежевшей и не такой запущенной, как прежде. Этим мнением он поделился со встретившим его главным раввином С. Шлифером. Тот, не став сообщать гостю, что преобразивший синагогу ремонт как раз и был произведен к возвращению израильтян в Москву, сказал на идише чуть слышно: «Мы пережили очень тяжелые времена». Перейдя потом на иврит, он еще более тихим голосом спросил, есть ли надежды на алию, а потом добавил: «Мы ожидаем избавления». В состоявшемся затем богослужении Эльяшив был приглашен к чтению Торы. Для себя он отметил, что благословляющая молитва возглашалась теперь уже не в честь Сталина, а Маленкова и Ворошилова⁹⁶.

И хотя по возвращению в Москву Эльяшив первым делом посетил синагогу, главным для него было выяснить, изменилась ли советская позиция по еврейской эмиграции. Такую инструкцию дал ему Шарет, который, выступая 7 декабря 1953 г. в кнессете, обусловил дружеские отношения с СССР получением согласия от его правительства на массовую эмиграцию евреев. Он также потребовал, чтобы израильским дипломатам в Москве было разрешено свободное общение с советскими евреями и пропаганда среди них. Когда 21 декабря Эльяшив попытался на приеме у замминистра иностранных дел А.А. Громыко (1909–1989) все это ему изложить, тот резко оборвал израильского дипломата, категорически отказавшись говорить на эту тему и дав понять, что

⁹⁵ *Гонор Э.* Русский роман // Международная еврейская газета. 2005. № 9–10.

⁹⁶ Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 471–472, 475, 483, 486, 487, 491–493.

воспринимает обсуждение ее как вмешательство во внутренние дела Советского Союза⁹⁷.

Столкнувшись с такой жесткой позицией Кремля, израильские руководители вынуждены были довольствоваться, можно сказать, жалким результатом: в следующие 1954-1955 гг. в рамках объединения разрозненных войной семей из СССР в Израиль смогли выехать только 158 человек, в основном пожилые и хронически больные люди⁹⁸.

Тем не менее, сионистский проект «большой советской алии» отнюдь не был сдан в архив. Напротив, с каждым годом он продолжал подспудно развиваться и расширяться, благо с конца 1952 года, когда израильская политическая элита в полной мере осознала его долговременность и «трудоемкость», был создан главный рабочий инструмент этого проекта – специальная организация под кодовым названием «Натив» («Путь»). Чуть ли не вплоть до развала Советского Союза об этой спецслужбе было мало что известно⁹⁹. Тайно действуя под «вывеской» «Лишкат ха-Кешер» («Бюро по связям с евреями Советского Союза и Восточной Европы»), она занималась как установлением нелегальных контактов с евреями стран «Восточного блока», так и сионистской пропагандой среди них, а также разведывательной деятельностью.

Возник «Натив» на базе организации «Моссад ле-алия бет», созданной в 1937 году Еврейским агентством для Палестины, в основном для осуществления нелегальной (вопреки запрету Британской колониальной администрации) переправки евреев в Палестину, в том числе и из западных областей СССР (так называемая операция «Бриха» 1944–1946 гг.¹⁰⁰).

---

⁹⁷ Говрин Й. Указ. соч. С. 64. Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 2. С. 489–491.

⁹⁸ Говрин Й. Указ. соч. С. 148.

⁹⁹ В научном справочнике, изданном в 1986 году Институтом востоковедения АН СССР о «Нативе» было сказано лишь следующее: «В рамках министерства абсорбции (Израиля. – Г.К.) функционирует отдел «Евреи диаспоры». Подчиняясь, предположительно, службе общей безопасности, этот отдел тесно связан и сотрудничает с ВСО. В его задачу входит изучение положения евреев в странах их проживания, создание специальных групп, занимающихся пропагандой иммиграции в Израиль, сбор информации о странах, в которых проживают евреи, и т.п. Эта работа ведется при финансовой поддержке сионистских организаций и тесно увязывается с деятельностью Моссад и других государственных служб Израиля» (Государство Израиль. Справочник. М.: Наука, 1986. С. 178). Рассекречен «Натив» был только в 1990 году, да и то вынужденно, после того как один из его бывших сотрудников случайно проговорился в прямом эфире одной из израильских широкоэвещательных радиостанций.

¹⁰⁰ Мицель М. Евреи Украины в 1943–1953 гг.: очерки документированной истории. – Киев, 2004. С. 86–102.

Первым руководителем «Натив» стал Шауль Авигур¹⁰¹, возглавлявший ранее «Моссад ле-алия бет» и считавшийся «отцом израильской разведки». Численность центрального аппарата «Натив», находившегося в ведении непосредственно премьер-министра, не превышала 50–60 человек. Центр направлял деятельность оперативных сотрудников, работавших под дипломатическим прикрытием в европейском координационном центре «Натив» в Вене, а также в посольствах и консульствах Израиля в СССР и других социалистических странах. Общее количество сотрудников спецслужбы варьировалось в разные годы, но не поднималось выше потолка в 200 человек.

Учитывая большие возможности советской контрразведки, агенты «Натив» с самого начала не практиковали в СССР многое из того, что позволяли себе в странах Восточной Европы: нелегальный вывоз за рубеж тамошних граждан (по фальшивым документам или без таковых в багажниках автомашин с дипломатическими номерами); оформление разрешений на выездные визы посредством дачи взяток («выкупов») высокопоставленным чиновникам (главным образом, в Румынии) и пр.

Руководить группой «Натива» в Москве послали малоопытного в делах разведки Н. Леванона. Как тот потом вспоминал, это назначение – совершенно спонтанное – произошло на совещании, проводившемся Авигуром и руководителем Моссادا И. Харелем, которым понравилось бойкое выступление этого уроженца Прибалтики, предложившего сосредоточиться в СССР на поиске и вербовке бывших сионистов в западных его регионах, где, как он считал, те были в основном и сконцентрированы. Поэтому будущий актив эмиграционного движения должны были составить, как виделось Леванону, евреи не из Москвы, Ленинграда и других городов центра европейской части СССР («там они практически ассимилировались и оторвались от национальных корней!»), а из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии, где, как он надеялся, еще не успел (с конца 1930-х гг.) выветриться сионистский дух¹⁰².

Этой концепции, собственно, и стал следовать Леванон прибывший в Москву осенью 1953 года в составе израильской дип-

---

¹⁰¹ Шауль Авигур (1899–1978) возглавлял «Натив» в 1952–1970 гг. После него этой спецслужбой руководили: Нехемия Леванон (1915–2003) – в 1970–1980 гг.; Иегуда Лapidот (р. 1928) – в 1980–1986 гг.; Давид Бартов (р. 1924) – в 1986–1992 гг.; Яков Кедми (р. 1947) – в 1992–1999 гг.; Цви Маген (р. 1945) – в 1999–2005 гг.

¹⁰² Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в бывшем Советском Союзе. Т. 1. – Иерусалим, 2007. С. 123–125.

ломатической миссии. Его агенты сразу стали активно выезжать в города «перспективных» западных регионов СССР, скупали там телефонные книги, встречались с евреями в синагогах, знакомились с ними на курортах и на вновь разрешенных концертах мастеров национального искусства. Очень скоро, к удивлению Леванона, выяснилось, что немало националистически настроенных евреев – сионистов 1900–1920-х гг. с их родственным окружением – оказалось также в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе, Тбилиси, других давно «осовеченных» городах.

В общении с советскими гражданами «нативовцы» старались действовать, как им казалось, осмотрительно и осторожно: не использовали открытой антисоветской пропаганды, избегали нарочитой критики властей. Однако на самом деле «они были плохие конспираторы». Так дословно спустя полвека после описываемых событий оценила вербовочную деятельность израильских дипломатов в СССР жительница Иерусалима Т. Бродецкая (р. 1934). В 1955 году она – тогда советская гражданка, москвичка и студентка педагогического института – пришла в одну из суббот в Московскую хоральную синагогу и с присущей молодости непосредственностью познакомилась с молившимся там израильским послом Й. Авидаром (1906–1997). С этого момента началось ее тайное сотрудничество с «нативовцами», она вспоминала: «Я встречалась с ними на всех еврейских концертах, которые были, я встречалась на катке с секретарями посольства, атташе по культурным вопросам. Подключились и мои родители (мама и отчим). Я и моя мама таскали за пазухой литературу со всех мест, где мы встречались нелегально»¹⁰³.

Главный «демаскирующий признак» негласной деятельности «команды Леванона» выражался в том, что из всех иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве, только они предпринимали систематические поездки в крупные советские города (с повышенной концентрацией еврейства). При посещении тамошних синагог, а также официально не зарегистрированных молелен объектом их внимания становились не только настроения в еврейской среде, но и, как докладывали потом сотрудники советских «компетентных органов», секретные военно-технические сведения. К началу 1955 года резидентура «Натив» уже располагала на территории СССР двенадцатью опорными «контактами», через которые содействовала формированию нелегальных сионистских кружков по подготовке к выезду в Израиль. В них

---

¹⁰³ Интервью с Тиной Бродецкой / Интервьюер Д. Бейлина (Иерусалим, июль 2003 г.) // http://www.angelfire.com/sc3/soviet_jews_exodus.

изучались иврит, еврейская история, обсуждались передачи «Kol Zion lagola» («Голос Сиона для диаспоры», впоследствии – «Голос Израиля»), художественная и политическая литература по еврейской проблематике.

Развив бурную активность на отнюдь не дипломатическом поприще, «нативовцы» совершенно утратили бдительность. Этим и воспользовалась советская контрразведка, в чье поле зрения они попали почти сразу после въезда в СССР. Набрав за год с небольшим достаточно оперативных данных для изобличения Леванона и его подчиненных в недозволенной деятельности, КГБ 11 июля 1955 г. предпринял в Москве и Ленинграде массированную спецоперацию, арестовав 21 советского еврея, вступившего с ними в тайные контакты¹⁰⁴.

Вторая волна арестов прокатилась затем по Киеву, Одессе и городам Латвии. После чего в августе по «Нативу» был нанесен решительный удар: Леванон и двое его коллег (Кохат и Села) были объявлены *persona non grata* и высланы из СССР. Причем Леванон был «взят», что называется, с поличным во время встречи с группой советских сионистов-«религиозников» на частной квартире в поселке Малаховка¹⁰⁵. Нагрянувшие туда сотрудники КГБ произвели личный досмотр Леванона и по обнаруженным при нем идентификационным документам протокольно зафиксировали его дипломатический статус¹⁰⁶.

¹⁰⁴ *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. – Cambridge (UK), 1988. P. 246.

¹⁰⁵ Это произошло в доме супругов М.Г. и Г.Д. Ландманов при передаче Леваноном хозяйке дома Гите Ландман нескольких писем от ее проживавшего в Израиле брата Якова Шимшона Шапиро, высокопоставленного политика, ставшего впоследствии министром юстиции Израиля (в 1966–1972 гг.). Супруги были арестованы, как, впрочем, и все остальные советские граждане, находившиеся тогда в их доме: Ш.А. Гоберман (1895–1980), состоявший в 1913–1918 гг. в партии «Циерей Сион» («Молодежь Сиона»), его жена Р.В. Гоберман, Б.А. Ротенбург и Б.Л. Шевелева. В 1954–1955 гг. Ш. Гоберман два раза ездил по заданию Леванона в Ригу для передачи денежных средств тамошним сионистам. В марте 1956 г. его осудили на 10 лет лагерей. Взятые вместе с ним под стражу единомышленники (Ландманы и др.) получили от двух до пяти лет лишения свободы. В 1959 году срок заключения Гобермана сократили, и в 1961 году он вышел на свободу, а в 1966-м выехал в Израиль (58¹⁰. Надзорные производства. С. 252. *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 246. *Кошаровский Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 91, 129. Интервью с Тиней Бродецкой / Интервьюер Д. Бейлина) // http://www.angelfire.com/sc3/soviet_jews_exodus).

¹⁰⁶ 58¹⁰. Надзорные производства. С. 347. Краткая еврейская энциклопедия. В 11 тт. / Гл. ред. И. Онен, Н. Прат и др. Иерусалим, 1976 – 2005. (КЕЭ). Т. 8. Иерусалим, 1996. С. 257. *Кандель Ф.* Книга времен и событий. История евреев Советского Союза (1945–1970). Т. 6. – М.: Мосты культуры, 2007. С. 366, 367, 402–403.

Принимая впоследствии, в мае 1956 года, делегацию социалистической партии Франции во главе с премьер-министром Ги Молле, А.И. Микоян так ответил на реплику-упрек, брошенную гостями по поводу полицейско-судебного прессинга в отношении арестованных еврейских националистов: «Мы не преследуем сионизм, и это не сионистские судебные процессы. Если сионисты являются американскими шпионами или шпионами других государств, их можно... наказывать за шпионаж, а не за сионистскую деятельность»¹⁰⁷.

Показательно, что МИД Израиля, не поддавшись на эмоциональные уговоры Леванона, потребовавшего в ответ на его выдворение из СССР развернуть под флагом защиты мирного «духа Женевы»¹⁰⁸ пропагандистскую кампанию осуждения советских властей, решил не рисковать, а действовать «тихо», не прибегая даже к традиционному в таких случаях «симметричному» реагированию в отношении советских дипломатов¹⁰⁹.

Это был сильный удар по карьере Леванона, который, составив в апреле 1956 года детальный отчет о своей миссии в СССР, потом вплоть до 1959 года вынужден был довольствоваться скромной работой в одном из израильских киббуцев.

Между тем, израильское руководство, чья спецслужба при попытке непосредственного воздействия на советских евреев внутри СССР потерпела от КГБ поражение, решило радикально изменить стратегию этой борьбы, сделав приоритетным внешнее политико-пропагандистское давление на Советский Союз. Отправным пунктом стало правительственное совещание, состоявшееся 10 августа 1955 г. с участием премьер-министра Бен-Гуриона, министра иностранных дел Шарета и руководителя «Натив» Авигура. На этой встрече констатировалось, что продемонстрированная в Женеве советскими лидерами заинтересованность в налаживании отношений с Западом позволяет надеяться, что впредь они будут более восприимчивыми к критике несоблюде-

---

¹⁰⁷ Цитируется по: Кандель Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 367.

¹⁰⁸ В июле 1955 года в Женеве состоялся первый по окончании Второй мировой войны саммит лидеров великих держав-победительниц, в котором приняли участие главы правительств и внешнеполитических ведомств следующих стран: СССР (Булганин, Хрущёв, Молотов), США (Эйзенхауэр, Дж.Ф. Даллес), Великобритании (Г. Макмиллан, А. Иден) и Франции (Э. Фор, А. Пине). Это совещание, вошедшее в историю как первый предвестник разрядки, способствовало вовлечению СССР в глобальное сотрудничество в области прав человека, чем объективно содействовало иммиграционной политике Израиля, не желавшего поэтому какими-нибудь рискованными действиями торпедировать его решения.

¹⁰⁹ Кошаровский Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 130.

ния прав человека, в том числе и предусматривающих воссоединение разделенных семей. Чтобы по максимуму воспользоваться этим благоприятным моментом для инициации масштабной «советской алии», участники совещания даже решили отказаться от заключения с США секретного военного пакта¹¹⁰. В качестве альтернативы Шарет и Авигур, заявившие, что только «усиление репатриации может спасти советских евреев от духовной гибели» и полной ассимиляции, предложили развернуть масштабную международную политико-дипломатическую и пропагандистскую кампанию в «защиту евреев» Советского Союза и стран Восточной Европы. Выслушав эти доводы, Бен-Гурион поддержал эту идею, пообещав вынести ее на обсуждение ближайшего заседания исполкома ВСО¹¹¹.

Одновременно Израилем был усилен дипломатический нажим на СССР. 17 августа Шарет, на официальном приеме в честь советского посла в Тель-Авиве А.Н. Абрамова (1905–1973)¹¹², как бы между прочим заметил, что «с большим удовольствием съездил бы в Москву... не обратив бы при этом никакого внимания на отрицательное отношение к этому в США, если бы ... заранее знал, что в Москве будет обещано, что иммигрировать (так в тексте. – Г.К.) из СССР будут не только 70–80-летние старики и старухи, но и люди более молодые, хотя бы по 1–2 тыс. человек в год...» Однако Абрамов, не сомневавшийся в негативной реакции Москвы на эту очередную попытку израильтян организовать еврейский исход из СССР, поспешил перевести разговор на «нейтральную» тему. Он сообщил своему собеседнику, что из Москвы прибыли ноты одиннадцати произведений Д.Д. Шостаковича (1906–1975) с элементами еврейских народных мелодий и посольство подготавливает их концертное исполнение¹¹³.

Окончательно убедившись в бесперспективности дипломатического диалога с Москвой, Бен-Гурион 23 августа 1955 г. добился принятия исполкомом ВСО резолюции о восстановлении связи мирового еврейства с евреями в СССР и Восточной Европе и признании их «права на репатриацию». Уже 5 сентября во все зарубежные диппредставительства Израиля были направлены

---

¹¹⁰ Об этом в октябре 1955 года Шарет официально проинформировал американского госсекретаря Дж. Даллеса.

¹¹¹ *Говрин И.* Указ. соч. С. 198–199. *Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948–1967.* – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1991. P. 103–104.

¹¹² В августе 1954 года дипломатические миссии СССР в Тель-Авиве и Израиля в Москве были преобразованы в посольства.

¹¹³ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 8. П. 19. Д. 4. Л. 47–50. П. 20. Д. 10. Л. 40.

секретные инструкции, информировавшие об этом решении и требовавшие начать его реализацию с широким привлечением западных (прежде всего американских) общественных организаций и влиятельных лоббистских кругов, как еврейских, так и нееврейских. Во избежание осложнений, могущих возникнуть при этом для советских евреев, предписывалось максимально педалировать то, что те никоим образом в данной кампании не участвуют. Кроме того, дабы не создавать почвы для обвинений в нагнетании международной напряженности и не вступать с СССР в открытую конфронтацию, рекомендовалось всячески скрывать инспирирующую роль Израиля. Для того чтобы действовать только исключительно закулисно и опосредованно, вся ответственность за практическую сторону дела была возложена на «Натив» и восточноевропейский департамент МИД Израиля. Их совместным рабочим инструментом стала образованная под началом все того же генерала Авигура секретная организация «Бар» (так называемый русский отдел МИД Израиля).

Одним из первых практических шагов в рамках новой восточноевропейской стратегии Израиля стала передача в октябре 1955 года премьер-министру Бирмы У Ну составленного Шаретом меморандума израильского правительства о советских евреях. Направлявшийся в Москву бирманский лидер согласился представить его в Кремле. Однако, когда там ознакомились с содержавшимся в нем обзором «тяжелого положения» советских евреев, то заявили решительный протест, обвинив Израиль во вмешательстве во внутренние дела СССР¹¹⁴.

Иудаизм: от жесткого прессинга сверху к послаблениям

Октябрьская революция 1917 года нанесла мощнейший удар по традиционализму евреев, оплотом которого являлся ортодоксальный иудаизм, веками служивший стержнем уклада жизни этого народа. Придя к власти, большевики, изначально ратовавшие за идеологическое господство над обществом, повели решительное наступление на главного противника в реализации этого стремления – религию. Третируя ее как «пережиток проклятого прошлого» и «инструмент капитализма» в социальном угнетении трудящихся, Ленин 2 февраля (20 января) 1918 г. подписал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который был направлен прежде всего против русского право-

---

¹¹⁴ Говрин И. Указ. соч. С. 198–204, 208–210.

славия как недавно еще государственной религии. Тем не менее директива сильно ударила и по другим российским конфессиям (в том числе и иудаизму), лишив их права собственности, юридического лица и объявив принадлежавшее религиозным обществам имущество «народным достоянием». Кроме того, декрет ограничил религиозное образование узкими рамками обучения «частным образом». Уже 30 августа 1918 г. Наркомюст, который стал «курировать» религиозные организации, запретил им (инструкцией) осуществлять миссионерскую, благотворительную и культурно-просветительскую деятельность¹¹⁵.

С началом гражданской войны репрессии против священнослужителей и верующих заметно ужесточились. Однако этот «шторм небес» достиг апогея уже по окончании войны, когда декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 г. была инициирована кампания изъятия церковных ценностей, а 19 марта Ленин направил Молотову печально знаменитое письмо о том, чтобы под прикрытием радения власти о голодающих осуществить «с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства»¹¹⁶.

Только спустя почти полтора года, когда Ленин в силу болезни отошел от власти, богоборческий энтузиазм режима стал спадать. Определенную роль в этом сыграл вышедший 16 августа 1923 г. «строго секретный» «Циркуляр о закрытии церквей». Подписанный Сталиным и утвержденный постановлением Политбюро РКП (б), он гласил: «ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и их культам. ЦК постановляет: воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений и синагог по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации; ...воспретить аресты религиозного характера, поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями служителей церкви и верующих. Разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви, искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих – гонения только укрепляют религиозные предрассудки, а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа, религии и пр.»¹¹⁷.

¹¹⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. С. 373–374.

¹¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 373. Л. 4, 11–13.

Этот документ Сталин издал, находясь, по всей видимости, под влиянием Л.Б. Каменева, которому был обязан своим назначением в апреле 1922 года генеральным секретарем Политбюро ЦК РКП(б) и с которым находился тогда в политическом союзе против Л.Д. Троцкого. Будучи наиболее умеренным из большевистских вождей, Каменев как член Политбюро и заместитель председателя СНК СССР выступал за смягчение официальной церковной политики. Во всяком случае он как председатель исполкома Моссовета не препятствовал состоявшейся в июне 1923 года государственной регистрации общины Московской хоральной синагоги. А в июле Каменев санкционировал дальнейшую самостоятельную деятельность «Джойнта»¹¹⁸ в Советском Союзе¹¹⁹.

Примерно тогда же Сталин отклонил и ходатайство Центрального бюро еврейских секций Агитпропа ЦК РКП(б) о закрытии этой синагоги и организации в ее помещении коммунистического клуба. Спасти дом молитвы от осквернения стало возможным во многом благодаря значительному общественному авторитету Я.И. Мазе (1860–1924), назначенному еще в 1893 году казенным раввином Москвы. Именно он, обратившись к Ф.Э. Дзержинскому и М.И. Калинину, гневно протестовал против посягательств евсекций на иудейскую святыню¹²⁰.

О происходившей в ходе НЭПа либерализации официальной религиозной политики свидетельствовала и случившаяся в августе 1924 года передача надзора за конфессиями из V отдела Наркомюста СССР во ВЦИК – орган, имевший более высокий властный статус и не являвшийся «силовым». Тогда в структуре ВЦИК был образован Секретариат по делам культов, руководить которым было поручено старому большевику П.Г. Смидовичу (1874–1935),

---

¹¹⁸ «Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee) – еврейская благотворительная организация, созданная в США в 1914 году для оказания помощи пострадавшим от войны евреям Европы, России и Палестины. В рамках проекта АРА (American Relief Administration – Американская администрация помощи) «Джойнт» с 1921 года начал сотрудничать с большевиками, материально поддерживая евреев, ставших жертвами погромов и голода.

¹¹⁹ Резолюция Каменева «Согласен» на справке полномочного представителя РСФСР при заграничных организациях помощи К.И. Ландера «О дальнейшей деятельности “Джойнта”» от 20 июля 1923 г. // История евреев СССР в документах Государственного архива Российской Федерации. Каталог выставки. – Иерусалим, 1993. С. 27–28. *Лобовская М.А.* История Московской хоральной синагоги. – М., 2006. С. 143.

¹²⁰ *Фрайтаг Г.* «Синагогу – под клуб». Дебаты о закрытии Московской хоральной синагоги в 1920-е годы // 100 лет. Московская хоральная синагога / Сост. и науч. ред. А.Е. Локшин. – М., 2006. С. 110–111.

возглавившему, между прочим, и созданный тогда же Комзет¹²¹. Однако «церковники» продолжали и дальше оставаться «под колпаком» у ГПУ (с 1934 года – НКВД СССР), в аппарате которого ими непосредственно ведал сначала секретный отдел, а потом – секретно-политический.

Со сломом в конце 1920-х гг. НЭПа быстротечное «потепление» в церковной политике государства сменила долгая и суровая «стужа». Первые «заморозки» стали возникать уже с конца 1927 года, когда Сталин, выступая на XV съезде ВКП(б), заметил, что «у нас еще имеется такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы»¹²².

Очередной пароксизм большевистских гонений иудейские общины встретили, несмотря на пережитое революционное лихолетье, имея еще достаточно внушительный запас прочности. Из 3147 синагог, которые функционировали в дореволюционной России (на территории в границах СССР до начала Второй мировой войны)¹²³, к 1926 году продолжали действовать 1103, в том числе более 400 в РСФСР; из них к 1934 году уцелели только 190¹²⁴.

В 1928 году в Москве евреи молились в 18 синагогах, из которых к началу 1940-х гг. функционировали лишь четыре: хоральная (Спасоглинищевский пер., дом 8/10); на Арбате (Большой Афанасьевский пер.); в Марьиной роще; в Черкизове. К этому времени в Одессе, где до революции «окормляли» верующих 48 синагог, оставалась открытой только одна, правда наряду с нею нелегально действовали более 200 миньянов¹²⁵.

С лета 1928 года под предлогом того, что Московская хоральная синагога стала «местом, где еврейские нэпманы имеют возможность объединяться», в печати вновь стал подниматься вопрос о ее преобразовании в еврейский рабочий клуб¹²⁶. В 1929-м были арестованы и осуждены до трех лет ссылки некоторые руко-

---

¹²¹ Комзет – Комитет по земельному устройству трудящихся евреев при Президиуме Совета национальностей Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР. Был ликвидирован в 1938 году.

¹²² *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1949. С. 324.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 506. Л. 129. Всего в Российской империи к 1917 году было 6059 синагог. (*Одинцов М.* Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 5. С. 10.)

¹²⁴ *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 288.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 899. Л. 133–134. *Снопов Ю.* Председатель Самуил Чобруцкий как деятель Московской еврейской религиозной общины: вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х годов // 100 лет. Московская хоральная синагога. С. 153.

¹²⁶ Синагогу – под клуб. Голос еврейских рабочих // Рабочая Москва. 1928. 22 июня. № 143 (1753).

водители МЕРО¹²⁷ во главе с председателем правления, бывшим фабрикантом А.Л. Фуксом. Его обвинили в «экономической контрреволюции» посредством созданного в 1924 году кооперативно-кредитного товарищества «Трудкредит», которое, как оказалось, наряду с тем, что поддерживало еврейских кустарей, переехавших в столицу из местечек черты оседлости, являлось также посредником в нелегальном зарубежном финансировании иудейства в СССР. Эту тайную миссию «Трудкредит» осуществлял, обслуживая депозиты московских представительств всемирных еврейских благотворительных организаций ОРТ¹²⁸ и «Джойнт», которые сотрудничали с советским правительством вплоть до июня 1938 года¹²⁹.

Очевидно, под влиянием этого «дела» 1 февраля 1930 г. было вынесено официальное решение о закрытии хоральной синагоги, которая-де мешала прокладке первой очереди столичного метро. Казалось, что старейший в столице духовный очаг иудаизма был обречен, тем более, что 11 февраля 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». Однако после того как 2 марта в «Правде» появилась знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой тот едко отозвался о тех «с позволения сказать “революционерах”», которые снимали колокола с церквей¹³⁰, богоборческий раж властей на время ослаб. 10 апреля ВЦИК отменил решение о закрытии Московской хоральной синагоги, и та, можно сказать, чудом избежала сноса¹³¹.

Тем не менее еще 24 января 1929 г. вышло знаковое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», а 28 февраля этот высший партийный орган изменил редакцию статьи 4 Конституции РСФСР, в которой вместо фразы о «свободе религиозной и антирелигиозной пропаганды» появилась формулировка о «свободе религиозных испо-

---

¹²⁷ МЕРО – Московское еврейское религиозное общество (община Московской хоральной синагоги).

¹²⁸ ОРТ (Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев – Association for Handicrafts and Agricultural Labor among the Jews) – основан в Петербурге в 1880 году известным предпринимателем и филантропом С.С. Поляковым. После Первой мировой войны был преобразован во всемирный ОРТ со штаб-квартирой в Берлине.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 87. Л. 29–37.

¹³⁰ Сталин И.В. Соч. Т. 12. М., 1949. С. 198.

¹³¹ Снопов Ю.А. Еврейская община Москвы в 1920–1930-е гг. // Диаспоры. 2004. № 3. С. 91–92.

веданий и антирелигиозной пропаганды». Эта с виду незначительная казуистическая корректировка, утвержденная XIV Всероссийским съездом Советов и закрепленная потом «сталинской» Конституцией СССР 1936 года, означала на практике введение властью полного контроля в духовной сфере страны и монополии атеистической пропаганды¹³².

Нормативно зафиксировать этот новый правовой расклад в сфере государственного регулирования религиозной деятельности призвано было постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», действовавшее с небольшими изменениями и дополнениями вплоть до 1990 года. Теперь без санкции властей верующие не могли устраивать собрания, назначать или избирать руководителей общин. Накладывался полный запрет на религиозное образование, благотворительность, строительство и ремонт культовых зданий. В постановлении закреплялся порядок инициации легального функционирования того или иного конфессионального «общества», предусматривавший обязательную регистрацию исполкомами местных советов так называемых «двадцаток» – кворума из двадцати совершеннолетних граждан (не моложе 18 лет), юридически представлявших эти «общества». В религиозных общинах, в том числе и иудейских, члены «двадцаток» избирали правления во главе с председателями (ведали всей текущей деятельностью), которые, в свою очередь, нанимали духовных лиц, не включавшихся в состав правления и занимавшихся исключительно ритуальными отправлениями культа. По этому постановлению при ВЦИК учреждалась «Постоянная центральная комиссия по вопросам культов», а также аналогичные региональные комиссии. В апреле 1934 года этот республиканский орган был преобразован в общесоюзный. Руководил им все тот же Смидович, посмертным преемником которого стал П.А. Красиков.

Пробыл Красиков на этом посту недолго, поскольку в ходе начавшегося вскоре «большого террора» сталинское руководство сочло, что наступило время, когда любые, даже сугубо декоративные правовые гарантии существования религиозных организаций

---

¹³² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1929. № 35. С. 353. Статья 124 Конституции СССР 1936 года гласила: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». (Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937.)

в СССР должны быть за ненадобностью похерены¹³³. В 1938 году «Постоянная центральная комиссия по культовым вопросам» при Президиуме ЦИК СССР была упразднена, а все конфессии, включая иудаизм, оказались в чрезвычайно опасном «подвешенном» состоянии, ибо единственным звеном, связывавшим в СССР религиозные культы и их служителей с властью оставался только НКВД СССР, использовавший в практике этого «кураторства» «острые», репрессивные методы.

Тогда это ведомство, поскребши по архивным сусекам и сфабриковав дело «Мерказ “Мизрахи”», добилось ареста главного раввина Московской хоральной синагоги, хасида Ш.Я. Медалье (1872–1938)¹³⁴, восприявшего это служение в 1933 году от Я. Клемеса (1880–1953), выехавшего в Палестину. По тому же делу были также взяты под стражу председатель правления МЕРО юрист М.Д. Брауде, его заместители Э.Я. Шептовицкий, Б.С. Рабинович, члены правления общины Фукс (к тому времени возвратился из ссылки и был для НКВД «ценным свидетелем»), М.Л. Рабинович (зять Медалье) и др.

Следствием было установлено, что начиная с 1922 года директор Московского представительства «Агро-Джойнта» (дочерней компании «Джойнта») И.Б. Розен негласно финансировал советское иудейство, в том числе и созданный им «сионистский подпольный центр еврейских клерикалов и националистов», представлявший собой, по версии Лубянки, нелегальный филиал ортодоксально-клерикальной партии «Мизрахи»¹³⁵. Утверждалось,

---

¹³³ Председатель «Союза воинствующих безбожников» Е.М. Ярославский (1878–1943), мобилизовав миллионы членов этой организации на выполнение главной задачи «безбожной пятилетки» (1932–1937 гг.) – ликвидацию в СССР религии к 1 мая 1937 года – заявил в тот год, что «единственной легальной реакционной вражеской» силой в стране остается религия. Однако покончить с ней так и не удалось, да и аннулированные Сталиным результаты всеобщей переписи населения 1937 года свидетельствовали о наличии в составе населения до 70% верующих. Поэтому власти не решились на объявление новой богоборческой пятилетки. Видимо, теперь они надеялись победить «мракобесов в рясах, ермолках и чалмах» посредством «тихого» террора НКВД, не прибегая более к широковетательной антирелигиозной истерии. К тому же, вскоре началось освоение Агитпропом новой патриотической парадигмы, которая пусть и с оговорками, но признавала «относительную прогрессивность» религии в «определенные периоды» истории (*Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. С. 323, 325, 331).

¹³⁴ В Москву Медалье переехал в 1931 году из Витебска, где был главным раввином.

¹³⁵ «Мизрахи» была основана в 1902 году в Вильне, после революции действовала за границей.

что религиозное подполье поддерживало связь с неким «Лондонским еврейским комитетом» (видимо, так следствие обозначало исполком Всемирной сионистской организации) и через распорядительный орган – «мерказ»¹³⁶ распределяло средства по периферийным общинам (в Киеве, Саратове, других городах), а также финансово поддерживало нелегальные ешиботы и членов семей репрессированных религиозных евреев.

26 апреля 1938 г. военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла Медалье смертный приговор, приведенный сразу же в исполнение. Еще раньше были расстреляны руководители и других иудейских общин, в том числе М. Бен-Айзик – глава московского религиозного общества любавичских хасидов при синагоге на Большой Бронной улице, основанной Л.С. Поляковым (была закрыта), и саратовский раввин И.Я. Богатин.

Новым председателем правления МЕРО стал С.Ш. Чобруцкий (1884–1968) – бывший портной и торговец из Одессы, приехавший в Москву в начале 1930-х гг. Малообразованный, плохо владевший русским языком и к тому же профан в иудаизме, он, будучи, тем не менее, сметливым от природы, очень скоро взял на себя (благодаря явному благоволению властей) и исполнение обязанностей главного раввина.

Между тем разразившаяся вскоре война, хоть и не сразу, но заставила Сталина пересмотреть курс на форсированную ликвидацию религии. Произошло это в начале сентября 1943 года, в преддверии союзнической конференции в Тегеране. Тогда советский вождь, явно с оглядкой на общественное мнение в США и Великобритании и в целях противодействия нацистской пропаганде, клеймившей его как вульгарного богоборца, резко смягчил свою церковную политику, в первую очередь в отношении ведущей конфессии в СССР – Русской православной церкви (восстановлены выборы патриарха и т.п.). В 1944–1946 гг. был принят ряд секретных постановлений СНК СССР, предоставивших религиозным общинам ограниченные права юридического лица. Кроме того, как православным иереям, так и раввинам, а также

---

¹³⁶ Таковой «мерказ» (ивр. «центр») в виде Совета раввинов Советской России действительно нелегально существовал в Москве в 1922–1924 гг. Создан он был знаменитым «шестым любавичским ребем» И.-И. Шнеерсоном (1870–1950), которого в 1927 году арестовали, даже хотели расстрелять, но благодаря протестной волне, поднявшейся за границей, вскоре выслали из страны. После того как в 1939 году нацисты захватили Польшу, Шнеерсона переправили оттуда в США (*Снопов Ю.А. Любавичские хасиды и миснагеды в Москве в 20-е гг. XX в. // Тирош. Труды по иудаике. Вып. V. 2001. С. 264–272. Локшин А.Е. «Гражданская война кончилась – борьба против хедеров началась» // Лехаим. 2005. № 10. С. 38–43).*

священнослужителям других вероисповеданий теперь позволили не только входить в состав правления религиозной общины, но и возглавлять ее.

В мае 1944 года при СНК СССР был создан Совет по делам религиозных культов (СДРК). Одновременно подтверждался статус иудаизма как официально признанной конфессии (одной из тринадцати), что формально предполагало наделение ее рядом организационных прав, в том числе таким основополагающим, как формирование центрального координационно-управленческого органа, наделенного следующими важными полномочиями: планирование и направление деятельности региональных общин, созыв всесоюзных съездов их представителей, организация религиозного образования, подготовка и аттестация служителей культа, производство и распределение богослужебной литературы, обрядовых облачений, ритуальных предметов и продуктов питания, поддержание связей с зарубежными и международными единоверческими организациями, подготовка поездок за границу (с целью паломничества и образования). Однако на деле иудаизму, в отличие от православия и ислама, эти возможности предоставлены не были. В частности, сверху так и не последовало санкции на создание общесоюзного раввината и избрание «всесоюзного» главного раввина. Впрочем, когда в ходе тех или иных проводившихся властью пропагандистских мероприятий (главным образом внешнеполитического характера) ей нужно было «олицетворенно» продемонстрировать выражение верноподданнических чувств всего советского религиозного еврейства, эта роль поручалась главному раввину Московской хоральной синагоги. Но подобное могло лишь микшировать, но никак не компенсировать существовавшую в советском иудействе организационную разобщенность, которая осложняла не только его существование, но и, как это ни парадоксально, ограничивала манипулятивные возможности самой власти, неразумно лишившей себя такого действенного инструмента воздействия на еврейство, каким мог быть в ее руках, скажем, тот же общесоюзный раввинат.

Осенью 1943 года власти наконец обратили внимание на совершенно жалкое положение с кадрами раввинов, сложившееся в общинах после кровавых чисток «большого террора». Такой позитивный сдвиг произошел, думается, не только вследствие общерелигиозного потепления в стране, но и благодаря тому, что летом-осенью 1943 года представители ЕАК комитета Михоэлс и И.С. Фефер, предпринявшие пропагандистскую поездку в США, Великобританию и другие союзные страны, встретились там с руководителями влиятельных еврейских организаций, как свет-

ских (Всемирный еврейский конгресс и др.), так и религиозных. Все они живо интересовались религиозной жизнью советских евреев, в том числе и видный американский ортодоксальный раввин Эпштейн, попросивший посланцев Москвы оказать содействие в установлении связей с единоверцами в Москве.

Возможно, под воздействием такого «внешнего» влияния СДРК поспешил устранить затянувшийся кадровый кризис в Московской хоральной синагоге, предложив должность ее главного раввина С.М. Шлиферу (1889–1957). Шлойме (Соломон) Шлифер был потомственным священнослужителем. Его отец, Михель Шлифер, который с конца 1880-х гг. являлся главным раввином Александрии (Херсонская губерния), по сути передал ему эстафету духовного служения. Произошло это в 1913 году, когда С. Шлифер, успешно пройдя аттестацию раввина, возглавил ту же александрийскую общину, продолжив тем самым дело родителя. Пережив бедствия гражданской войны, С. Шлифер в 1922 году переехал в столицу и с тех пор связал свою судьбу с Московской хоральной синагогой.

Возвратившись из эвакуации в начале 1944 года в Москву, Шлифер принял от Чобруцкого полномочия главного раввина, а через два года сменил его и в председательском кресле правления общины. Все это не могло не вызвать сильные трения в тогдашней столичной иудейской элите. Амбициозный и мстительный Чобруцкий стал активно интриговать против своего преемника, используя при этом свои обширные связи с властями¹³⁷.

В 1945 году были назначены раввины и в другие московские синагоги – Арбатскую и Марьинощинскую.

Введенный властями режим относительного благопритво- вания религии способствовал тому, что в первые послевоенные годы отмечался рост количества официально учтенных синагог. В январе 1946 года их числилось 75, в октябре 1946-го – 124, в январе 1947-го – 162, в январе 1948-го – 181 (в том числе в УССР – 73). Это был пик, после которого, вследствие развернувшейся борьбы с еврейским национализмом и космополитизмом, наметилась обратная тенденция. В апреле 1949 года количество зарегистрированных синагог составило уже 180, в январе 1950-го – 151, в январе 1951-го – 141, в январе 1952-го – 136 (при выявлении 244 нелегальных миньянов)¹³⁸.

¹³⁷ *Снопов Ю.А.* Председатель Самуил Чобруцкий как деятель Московской еврейской религиозной общины: вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х годов // 100 лет. Московская хоральная синагога. – М., 2006. С. 169–175.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 111. Л. 47, 49. Д. 497. Л. 28, 29, 61.

В те годы происходило и ухудшение общерелигиозной ситуации в стране. Секретарь ЦК ВКП(б) Суслов и вверенный ему Агитпроп стали исподволь инспирировать новую антицерковную кампанию. В августе 1948 года Д.Т. Шепилов, назначенный незадолго до этого заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК, направил Маленкову пространную записку «О состоянии антирелигиозной пропаганды», в которой, сетуя на то, что в стране с 1941 года перестала издаваться атеистическая литература, отмечал: «особенно усилили свою деятельность баптисты, католики и еврейские клерикалы», которые ведут «подпольную борьбу против советской власти, поддерживают нелегальную связь с заграницей, получают оттуда указания и материальную помощь»¹³⁹.

В результате Шепилову удалось провести через Секретариат ЦК решение о разработке в двухнедельный срок проекта постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». Однако несмотря на то, что таковой вскоре и был представлен Маленкову, тот не спешил его утверждать. Будучи, в отличие от партаппаратчика-ортодокса Суслова, прагматиком-«государственником», Маленков, видимо, не желал отравлять отношения государства и церкви, подозревая к тому же Шепилова в нелояльности к себе и закулисных интригах.

Не добившись желаемого, Шепилов в марте 1949 года решил продублировать свое похеренное антирелигиозное обращение, направив скорректированный текст на сей раз непосредственно Сталину. В этом варианте особо отмечалось, что «за последнее время деятельность многих еврейских религиозных общин приняла ярко выраженный националистический характер». Однако главной новацией второй редакции записки стали появившиеся в ней обвинения против государственных органов управления религиозными организациями (особенно против Совета по делам русской православной церкви во главе с Г.Г. Карповым). Этот Совет обвинялся Агитпропом в том, что, заняв позицию примиренчества и нейтралитета в отношении к «церковникам», тот встал «на путь попустительства, «сращивания» с ними (приводились факты обмена подношениями) и тем самым создавал «благоприятные условия для возрождения варварских обычаев и обрядов». Приложенный проект постановления ЦК теперь именовался «О неправильной линии в работе Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР». В нем даже предусматривалась отмена института уполномоченных Совета в РСФСР и других Республиках, за исключением Украины и Белоруссии¹⁴⁰.

¹³⁹ РГАСПИ. Оп. 118. Д. 132. Л. 110, 111.

¹⁴⁰ Там же. Л. 134–174.

Однако эта попытка представителя «партийной фракции» номенклатуры использовать «религиозную карту» в борьбе с «госаппаратчиками» не удалась. В июле 1949 года Маленков добился снятия Шепилова с поста руководителя Агитпропа. Кроме того, когда 18 августа 1951 г. министр государственной безопасности СССР С.Д. Игнатъев обратился к Маленкову с предложением арестовать главного раввина Шлифера (для пушей убедительности в МГБ была составлена совершенно секретная справка «О враждебной националистической деятельности раввина Шлифера С.М.»), то соответствующей санкции не последовало. И хотя в еврейской среде тогда широко были распространены слухи об антисемитизме Маленкова, он, тем не менее, смог, видимо, убедить Сталина «оставить без последствий» это зловещее ходатайство¹⁴¹.

Хотя против ареста главного раввина мог, конечно, выступить и сам вождь. На это предположение настраивает тот факт, что зимой 1953 года, в дни печально знаменитого «дела врачей», скольконибудь значительных репрессий против религиозных евреев не последовало. Хотя синагоги и в Москве, и других советских городах тогда вдруг обезлюдели. В них даже в иудейские праздники молящихся можно было пересчитать по пальцам руки. Охваченные общим для еврейства страхом, некоторые раввины и члены «двадцаток» стали отказываться от должностей, обходя потом синагоги стороной. И лишь после опубликования 4 апреля 1953 г. в газетах сообщения об освобождении «врачей-вредителей» ситуация изменилась. В последние дни праздновавшегося тогда Песаха синагоги вновь заполнились людьми, среди которых было и немало тех, кто прежде был далек от религии. Среди воспрянувших духом молящихся слышны были экзальтированные возгласы: «Мы спасены!», «С евреев смыто грязное пятно».

К моменту смерти Сталина на территории СССР насчитывалось 129 зарегистрированных общин и 250 нелегальных миньянов с общим количеством верующих 200–250 тыс. человек, что составляло примерно 7–9% от всего еврейского населения СССР¹⁴². На Украине, в Белоруссии и Молдавии (бывшая «черта оседлости»), где по подсчетам С.А. Чарного, детально исследовавшего «хрущёвский период» истории отечественного иудаизма, насчитывалось тогда 1,1 млн. евреев, действовали 60 иудейских общин. В РСФСР вместе с Республиками Прибалтики насчитывался примерно 1 млн. евреев и функционировали 34 общины (на 80 000 верующих), в том числе 26 в России. В регионе Кавказа, Закавказья и Средней Азии, где численность евреев – горских, грузинских,

¹⁴¹ Государственный антисемитизм в СССР. С. 273–277.

¹⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 25. Л. 38–39.

бухарских и ашкеназских – составляла 200 тыс. человек, были зарегистрированы 40 общин (из них 26 – в Грузии). Поскольку евреям-«южанам» в наибольшей степени был присущ культурный традиционализм, уровень религиозности этого региона чуть ли не в несколько раз превышал аналогичный показатель по РСФСР¹⁴³.

И все же через год после смерти Сталина либеральные тенденции в официальной религиозной политике стали заметно слабеть. Более того, партаппаратная группировка Хрущёва–Суслова, втайне недовольная «уступками церковникам», инициированными конкурировавшими с нею номенклатурными «государственниками» во главе с Маленковым, решили свернуть этот курс, используя это как пробный камень во все усиливавшейся верхушечной борьбе за власть.

22 марта 1954 г. в Секретариат ЦК КПСС из Агитпропа поступила записка «О крупных недостатках в организации естественнонаучной, антирелигиозной пропаганды». Ее авторы – заведующий отделом пропаганды и агитации А.М. Румянцев и его заместитель В.С. Кружков (1905–1991) – нагнетали страсти по поводу того, что за последние годы на фоне крайней запущенности антирелигиозной пропаганды «церковь значительно окрепла», а ее «влияние на отсталые слои населения» существенно возросло¹⁴⁴.

Этот демарш, очевидно, вызвал серьезное сопротивление со стороны «маленковцев». Тем не менее «сусловцы» смогли его преодолеть, и через несколько месяцев, 7 июля 1954 г., им удалось «продать» постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению». В нем билась тревога по поводу «оживления религии... расширения и укрепления ее влияния на население», а также содержался призыв развернуть активную борьбу с «религиозными предрассудками и суевериями» и принять меры к «разоблачению реакционной сущности и вреда религии»¹⁴⁵.

Однако вскоре Хрущёву пришлось пойти на попятную. Чтобы заручиться поддержкой отколовшегося от «государственников» Н.А. Булганина и с его помощью лишить осенью 1954 года Маленкова важной прерогативы председательствующего на заседа-

---

¹⁴³ Чарный С.А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели»: 1953–1964. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М.: РГГУ, Москва, 2008. С. 81–87.

¹⁴⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 650. Л. 19–21.

¹⁴⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. – М., 1971. С. 502–507.

ниях Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПСС вынужден был – дабы «не дразнить гусей» (то бишь госаппаратную элиту) – поспешно «раскрутить гайки» в религиозной сфере. На этот компромисс его заставили также пойти и протесты влиятельных иностранных политических и общественных кругов, обеспокоенных новым антицерковным пароксизмом в СССР.

10 ноября 1954 г. вышло решение ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды», в котором критиковались методы «грубого» администрирования, применявшиеся представителями власти в отношении религиозных объединений и духовенства. Парторганам на местах вменялось в обязанность «решительно устранить ошибки и впредь не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в дела церкви»¹⁴⁶.

Подобная внезапная административная перемена, продиктованная помимо прочего и императивом набиравшей силу «оттепели», сразу же сказалась на положении дел в иудаизме. Даже еще до появления директивы от 10 ноября 1954 г. раввину Шлиферу позволили поздравить своих единоверцев в Англии с еврейским Новым годом. А 20 ноября Московскую хоральную синагогу посетила делегация Англиканской церкви. В двадцатых числах мая 1955 года такой же визит нанесли прибывшие в СССР представители Общества англо-советской дружбы и Национальной ассамблеи женщин Великобритании¹⁴⁷. Осенью того же года был отменен установленный в 1950 году запрет на возведение сукки¹⁴⁸. Однако уже тогда стали проявляться признаки того, что данная «церковная» либерализация носила вынужденный и ограниченный характер и не могла продлиться сколько-нибудь долго. Когда в августе 1955 года Шлифер направил на согласование в СДРК текст предлагавшегося к изданию молитвенника (сидура), в значительной мере дублировавшего аналогичное дореволюционное издание, бдительные борцы с сионизмом из числа сотрудников этого ведомства изъяли из него традиционное пожелание «В будущем году – в Иерусалиме», заменив на молитву «За мир во всем мире»¹⁴⁹.

Между тем приближался запланированный на начало 1956 года XX съезд КПСС, который Хрущёв, наверняка, уже загодя считал не только судьбоносным для страны, но и личным звездным

---

¹⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. С. 516–520.

¹⁴⁷ Лобовская М.А. Указ. соч. С. 183.

¹⁴⁸ Сукка – ритуальный шалаш, сооружаемый близ синагоги во время праздника Суккот.

¹⁴⁹ Лобовская М.А. Указ. соч. С. 181–182.

моментом, могущим вывести его из тени соратников по Президиуму ЦК и стать чем-то вроде собственной политической коронации.

Подобные амбициозные устремления не могли укрыться от «заточенного» под вождя аппарата власти. Поэтому улавливая подобные веяния политико-идеологической конъюнктуры, чиновники СДРК одобрили включение в сидур молитвы «за здоровье и благополучие Советского правительства», призванной заменить прежнее подобное прославление «товарища Сталина». В 1955 году также «с дозволения властей» Московская религиозная община впервые с 1920-х гг. издала иудейский календарь (луах) на 1956–1957 гг., отпечатав на mimeографе 7 тыс. экземпляров его 32-страничного текста.

Разыгрывая, таким образом, либеральную «карту» в отношении иудаизма, к тому времени уже полностью «абсорбированного» советским государством, Хрущёв стремился обрести политическую поддержку, причем не столько внутри страны, сколько в мире, особенно от влиятельных леволиберальных кругов Запада, которые особенно болезненно реагировали на антииудейские гонения в СССР. Подобная поддержка была особенно важна для Хрущёва с учетом разгоравшейся в Кремле борьбы за власть.

* * *

Последовавшая в марте 1953 года смерть Сталина позволила созданной им системе власти не только выйти из того состояния политического маразма, которое было присуще режиму в последние годы правления диктатора, но и придать ему посредством некоторого реформирования определенную устойчивость. Правда, эти преобразования, основное содержание которых составила либерализация государственного управления и общественной жизни в стране (так называемая «оттепель»), носили в 1953–1955 гг. еще очень ограниченный и прерывистый характер. Несмотря на очевидную их насущность, они серьезно сдерживались тогда такими основополагающими и ключевыми моментами, как сохранявшееся примерное «силовое» равновесие между, условно говоря, реформаторами и консерваторами в стане кремлевских наследников Сталина и существовавший между ними конвенциональный консенсус по запрету публичной критики покойного вождя.

Следует отметить, что попытки ревизовать сталинизм с самого начала стали играть важную роль в подспудной борьбе за власть, развернувшейся между номенклатурными олигархами. Одним из первых на это решился член Президиума ЦК и министр внутренних дел Берия. Именно он, как отмечено выше, инициировал в апреле 1953 года освобождение из-под стражи и реабилитацию

кремлевских «врачей-вредителей», провел расследование гибели Михоэлса и добился снятия с него облыжных обвинений в измене Родине. Берия предложил также реабилитировать видных еврейских общественных и культурных деятелей, расстрелянных в 1952 году по «делу ЕАК». Однако его арест помешал тогда реализации этого плана, что удалось только в ноябре 1955 года. Тогда случилось парадоксальное: официально было объявлено, что трагическая гибель невинных «еаковцев» – одно из «черных дел» «преступной банды Берия».

Тем не менее в середине 1950-х гг. произошло возвращение доброго имени бывшему заместителю иностранных дел СССР Лозовскому, литераторам Маркишу, Бергельсону, врачу Шимелиовичу, другим еврейским общественным и культурным деятелям, заклеянным как «главари еврейских националистов». Потом массово стали освобождаться из-под стражи их выжившие соплеменники, оказавшиеся в ГУЛАГе и в ссылке по аналогичному обвинению (бывшие руководители Еврейской автономной области, Московского автомобильного завода имени Сталина, Кузнецкого металлургического комбината) и др.).

Немалый вклад в реабилитацию еврейских жертв сталинского террора внесло правительство Израиля и его спецслужбы («Натив»), организовавшие на Западе кампанию общественного давления на СССР. При этом главным для Израиля было добиться от СССР согласия на «большую алию». Однако первые такие попытки, относившиеся к середине 1950-х гг., оказались тщетными. Причины того провала израильской спецслужбы состояли не только в том, что репрессивный потенциал советского режима был еще значителен и «нативовцы были слабо знакомы со спецификой и приемами работы советской контрразведки. Главный их просчет коренился в практиковавшихся ими в СССР узко национальных методах работы и в игнорировании неформального общедемократического движения¹⁵⁰, которое являло собой главный фактор в общественной борьбе за обретение советскими гражданами (в том числе и евреями) права на свободу передвижения как внутри СССР, так и по всему миру.

---

¹⁵⁰ Это движение имело широкий диапазон охвата: от либеральных литераторов – бывших «космополитов» до членов нелегальных кружков либеральной ориентации.

Глава II

«КАЧЕЛИ» XX СЪЕЗДА

**от либерализации
к «завинчиванию гаек»**

А. Панкратова: судьба историка, покусившегося на «еврейское табу»

Когда 24 января 1956 г. в газете «Советская культура» Д.Ф. Ойстрах посмел под впечатлением от гастролей в США назвать эту страну всемирным центром музыкальной культуры и отдать должное мастерству своих коллег – выдающихся американских скрипачей-виртуозов Миши Эльмана, Натана Мильштейна, Исаака Штерна, Тосси Спиваковского и Фрица Крейсlera, на Старой площади этой заметке выдающегося скрипача был немедленно вынесен обвинительный в духе 1949 года «приговор»: «Содержание статьи (Ойстраха. – Г.К.) проникнуто восхвалением американской буржуазной культуры. Полагали бы необходимым указать главному редактору газеты «Советская культура» т. Данилову на то, что редакционная коллегия допустила ошибку, опубликовав восторженную статью Д. Ойстраха о музыкальной жизни США, и на очередном совещании редакторов центральных газет обратить внимание на недопустимость публикаций таких статей на страницах советской печати»¹⁵¹.

И все же после смерти Сталина кое-что изменилось и в советском обществе, и в кремлевской власти. Ведь ознакомившись с процитированной аппаратной информацией, секретарь ЦК Шепилов, который, кстати, слыл партийным Меценатом, не стал, как в прежние времена, устраивать очередную «охоту на ведьм», а, видимо, решив похерить «раздутый» его подчиненными атакистический казус, наложил на их «творчество» следующую хитроумную резолюцию: «В записке агитпропа не сказано главного: правдива ли статья Д. Ойстраха или она приукрашивает положение дел. Без этого нельзя решить вопрос: нужно ли делать указания редакции. Каково мнение музыкантов?»¹⁵².

Однако сталинизм размывался не только сверху, но еще более снизу, где с каждым днем нарастал вал общественной критики замшелой системы партийно-бюрократического командования творческой интеллигенцией. Своего пика эти спонтанные настро-

---

¹⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 748. Л. 76.

¹⁵² Там же.

ения достигли к марту 1956 года, после XX съезда КПСС, глубоко потрясшего страну, да и весь мир сенсационными (хотя и далеко не полными) разоблачениями масштабных преступлений Сталина против собственного народа.

Неожиданно дарованная сверху толика свободы подействовала опьяняюще на интеллигентов-либералов. После многих лет официальных утеснений они воспрянули духом, и некоторые из них даже готовы были объявить нечто вроде крестового похода против сталинизма и его приверженцев.

Именно в те дни главный редактор журнала «Вопросы истории» А.М. Панкратова¹⁵³ выехала по собственной инициативе в Ленинград для выступлений перед широкой аудиторией с лекциями на тему «XX съезд КПСС и задачи исторической науки». После этой вызвавшей немалый общественный резонанс поездки она направила в ЦК подробную информацию о реакции питерской интеллигенции на доклад Хрущёва «О культе личности и его последствиях».

Особое внимание в отчете историка уделялось мнениям публики по поводу «извращения» Сталиным «ленинской национальной политики». При обсуждении этой темы, как отмечала Панкратова, слушателей интересовала главным образом проблема юдофобии в послевоенные годы. В записках лектору они спрашивали: «почему у нас до сих пор продолжается антисемитизм?»; «почему до сих пор прямо и открыто ЦК не выступит против этого чуждого марксизму явления?»; «почему приказы о снятии евреев с работы не изъяты из секретных сейфов?»; «почему в вузы на отдельные факультеты не принимают евреев?»; «рассматривает ли ЦК вопрос об антисемитизме?»; «как будем выпутываться из позорного конфуза с антисемитизмом?»; «почему антисемитизм – позорнейшее явление нашего времени – не нашел настоящего осуждения ни в докладе Хрущёва, ни в Вашем (Панкратовой. – Г.К.) докладе?»; «можно ли ждать в ближайшее время реальных изменений к лучшему в отношении евреев?»¹⁵⁴.

Эти вопросы, направленные столичному историку, по сути были адресованы руководству страны, которое упорно отказыва-

---

¹⁵³ Панкратова А.М. (1897–1957) – историк, академик, член ЦК КПСС, ученица стоявшего на большевистско-интернационалистических позициях академика М.Н. Покровского (в 1936 году был идейно развенчан Сталиным), а также аспирантка члена-корреспондента АН СССР Р.С. Левиной, которая в 1948–1955 гг. находилась в заключении и ссылке как «еврейская националистка».

¹⁵⁴ Первая реакция на критику «культы личности» И.В. Сталина. По итогам выступлений А.М. Панкратовой в Ленинграде в марте 1956 года / Публ. А.В. Новиков // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 3–21. № 9. С. 3–21.

лось открыто обсуждать проблему антисемитизма, не признавая ее наличия как таковой. В отличие от сталинского времени при Хрущёве еврейская тема пусть уже и не вгоняла чиновников в агрессивный раж, но продолжала вызывать у них стойкую идиосинкразию. Отсюда – стремление властей до предела минимизировать публичное упоминание о еврействе.

Подобное засекречивание проявлялось порой в весьма причудливых и прихотливых формах. Скажем, при переиздании в 1955 году дореволюционных трудов В.И. Даля – первого тома «Толкового словаря живого великорусского языка» (СПб. – М.: Т-во М.О. Вольф, 1903–1909) и «Пословиц русского народа» (М.: Имп. О-во истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1862) – цеховские функционеры перестраховки ради с курьезным тщанием настояли на изъятии из них соответственно статьи на слово «жид» и «нескольких пословиц антисемитского, националистического характера»¹⁵⁵.

Продолжая в следующем 1956 году таким же формально-лингвистическим образом бороться с антисемитизмом, чиновники, отвечавшие за подготовку художественных выставок в Москве и Ленинграде к 350-летию юбилею Рембрандта, настояли на изъятии из названий экспонировавшихся картин слова «еврей» и всех производных от него выражений. Если в каталоге аналогичной выставки 1936 года значились, например, такие полотна, как «Голова еврея», «Портрет пожилого еврея», «Портрет старика-еврея», «Портрет восьмидесятилетнего еврея», то теперь они были соответственно обозначены как «Этюд мужской головы», «Мужской портрет», «Портрет старика в красном», «Портрет старика». Подобные переименования вызвали горькое недоумение в еврейской среде¹⁵⁶.

Оттого что слово «жид» было лицемерно изгнано со страниц академических словарей, оно не стало реже употребляться в не подконтрольной чиновникам повседневной жизни, насыщенной, как и прежде, различными проявлениями антисемитизма. Возможно, поэтому в еврейском самиздате «актуализировалось» тогда давнишнее стихотворение В.В. Маяковского «Жид» («...Сегодня шкафом на сердце лежит тяжелое слово – «жид». ... Выплюньте это омерзительное слово, выкиньте с матерщиной и бранью!»).

¹⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 717. Л. 83. Источник. 1997. № 3. С. 100.

¹⁵⁶ Выставка произведений Рембрандта и его школы. – М.: Искусство, 1956. С. 56, 67. Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966 / Ред. М. Альтшулер, И. Арад, Ш. Краковский. – Иерусалим, 1993. С. 377, 378, 460.

Это написанное в 1922 году произведение, которое широко использовалось тогда большевиками как хлесткий поэтический агитматериал в борьбе с антисемитизмом, теперь, спустя тридцать лет, стало нелегально распространяться в виде рукописных и машинописных копий «среди некоторой идеологически невыдержанной части еврейского населения». Так в записке ЦК от 21 октября 1958 г. дословно выразился начальник 4 управления КГБ Е.П. Питовранов (1915–1999). Кроме того, он сообщил, что по поводу этого стихотворения в парижской еврейской газете «Найе прессе» («Presse Nouvelle») даже появилась специальная статья советского гражданина Г.Д. Блоштейна (1895–1979), «в завуалированной форме протаскивавшего мысль о существовании в СССР антисемитизма». Подчеркивалось, что этот еврейский литератор из Черновцов (Украина), который прежде активно сотрудничал с ЕАК, с недавнего времени стал направлять свои материалы в еврейские издания Польши, США и других стран. Руководителя с Лубянки особенно возмутила следующая «провокационная» концовка парижской публикации Блоштейна: «Многие работники прокуратур должны бы знать... наизусть стихотворение Маяковского “Жид”»¹⁵⁷.

Отчет же Панкратовой о ее лекторской командировке в Ленинград, содержащий множество «неудобных» для власти политических вопросов «снизу», был после «ознакомления» на Старой площади направлен в архив. Однако долго там он не пролежал. Вновь его востребовали на исходе 1956 года. Тогда в верхах, дабы «подморозить» «оттепельную слякоть», занялись подготовкой соответствующей директивы региональным парторганизациям, известной как закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». В нем руководство журнала «Вопросы истории» было обвинено в «извращенном» «освещении вопросов истории КПСС... под видом исправления недостатков и преодоления последствий культа личности в исторической науке». А 9 марта 1957 г. последовали и «оргвыводы». Принятым в тот день решением ЦК о «коренном обновлении» редколлегии журнала главный редактор Панкратова и ее заместитель Э.Н. Бурджалов были смещены со своих постов¹⁵⁸.

Низвергая Панкратову, в ЦК, очевидно, припомнили ей и другой, более ранний «прокол» в ее служебной биографии: проявленную в 1954 году «беспечность» при публикации в седьмом

¹⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 24. Л. 129–134.

¹⁵⁸ Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 211.

номере «Вопросов истории» статьи А.М. Некрича «Англо-германские противоречия по колониальному вопросу перед второй мировой войной». В ней утверждалось, что начальник египетского генерального штаба Азис-Али Мысри являлся в 1939–1941 гг. платным агентом разведки нацистской Германии. Пикантность ситуации заключалась в том, что, выйдя в свет, работа Некрича вызвала дипломатический скандал: оказалось, что этот генерал и тогдашний египетский посол в Москве Азис эль Массри – одно лицо. И хотя настоящим виновником этого конфуза было руководство советского МИД, выдавшее без надлежащей проверки агреман бывшему гитлеровскому приспешнику, ЦК первым делом наказал «за проявленную безответственность» редактора исторического журнала и автора статьи, ни сном, ни духом не ведавших о подобных «подводных камнях» в закрытом для них мире дипломатии¹⁵⁹.

Расправа в марте 1957-го оказалась для Панкратовой последней в длинной череде подобных проработок, начавшихся еще в 1920-е, когда на партчистках ей пришлось объясняться за прежнюю принадлежность к партии эсеров. Выдержав потом гонения сталинского времени, она уже не в силах была перенести новые удары судьбы и скоропостижно скончалась в мае 1957-го.

Молодежный нонконформизм (кружок Л. Краснопевцева и др.)

Как известно, в переломные моменты истории молодое поколение всегда и всюду является наиболее политически активной социальной стратой. Постсталинский СССР не был исключением из этого правила. Идейные брожения в советской студенческой среде начались еще весной 1954 года (протесты против организованной сверху травли В. Померанцева). Они резко усилились после XX съезда, когда общество захлестнула волна иллюзорных упований на возможность кардинальной демократизации власти. В университетах и институтах стали возникать, как грибы после дождя, неформальные группы, члены которых пытались обличить власть в «перерождении» из ленинской диктатуры пролетариата в сталинскую диктатуру бюрократии, узурпировавшую власть народа. Однако их критика не шла тогда по преимуществу дальше проповеди возвращения к истокам марксизма и ленинизма и очищения их от «скверны сталинизма».

---

¹⁵⁹ Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 52–53.

Вспоминая о том времени, поэт Н.М. Коржавин (р. 1925) признавался: «Я защищал от Сталина «истинный коммунизм», поскольку другого проявления духовности вообще не знал. «Истинному коммунизму» противостояла только бездуховность. Поэтому и мировую революцию до определенного времени всегда втайне любило мое поколение. Это была верность смыслу, единственное, за что мы хватались, другого смысла не было. А в 1957 году я от всякого коммунизма отказался и стал свободным человеком»¹⁶⁰.

Хотя младореформаторы-неомарксисты, ратовавшие за восстановление большевистских партчинок, кадровое обновление партаппарата «подлинными коммунистами» и за «рабочее самоуправление», на первых порах не отвергали партийный государственный социализм и не испытывали сомнений по поводу его жизнеспособности, это не уберегло их от репрессий.

Уже весной 1956 года органы госбезопасности арестовали молодых киевлян еврейского происхождения А.М. Парташникова (р. 1935 г.), А.Ш. Фельдмана (р. 1935 г.), М.-Р.Ш. Гарцмана, а также их русского товарища В.П. Шахматова (р. 1934 г.). Их обвинили в том, что еще в 1951 году они объединились в «Лигу демократического возрождения», а в начале 1956 года создали «Социалистический союз борьбы за свободу». В распространявшихся ими листовках утверждалось, что в стране попраны гражданские права, а народ отстранен от управления страной. В одной из них присутствовал следующий считавшийся крамольным вывод: «Подавление всякой свободной мысли и творческой инициативы ведет к застою во всех областях науки, культуры и искусства». Суд, состоявшийся в июне 1956 года, приговорил членов «преступной организации» к различным срокам лишения свободы: от одного года (Шахматова) до шести (Парташникова, Фельдмана)¹⁶¹.

Однако после драматических событий конца 1956 года в Венгрии, где Советский Союз одержал верх не силой коммунистической идеи, а грубой силой оружия, советские молодые интеллектуалы, очень быстро осознававшие утопичность исповедовавшегося ими неоленинизма, стали переходить на позиции либерализма. Такая метаморфоза идеологической матрицы молодежной общественной активности в значительной мере была обусловлена тем, что «железный занавес» «холодной войны», до того почти полностью изолировавший советское общество от внешнего мира, стал постепенно утрачивать свою былую «герметичность». В результате

¹⁶⁰ Наум Коржавин: «Русский интеллигент умеет вкладывать дух во что угодно...» (интервью П. Крючкову) // Независимая газета 1991. 28 мая. С. 7.

¹⁶¹ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 255–256.

через образывавшиеся в нем «щели» в СССР стала просачиваться «западная крамола» о правовом государстве и свободе личности, что стремительно лишало сознание образованной советской молодежи его марксистской девственности.

Поскольку власти в СССР быстро осознали потенциальную опасность подобного ментального процесса в молодых мозгах, их обладатели стали для них объектами первостепенной озабоченности. Символично, что приняв 4 ноября 1956 г. решение о военном подавлении восстания в Венгрии, Президиум ЦК КПСС одновременно распорядился и об «очищении вузов от нездоровых элементов»¹⁶². Так проявился «венгерский синдром» (о нем ниже), поразивший тогда советское руководство. В упомянутом письме ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г., разъяснявшем партийной массе, что критика сталинизма не должна покушаться на незыблемость идеологических и политических основ режима, особо отмечались «нездоровые настроения среди некоторой части студенческой молодежи»¹⁶³.

Сосредоточившись на реализации основного требования этой директивы (на «...пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов»), органы госбезопасности уже в марте 1957 года «вскрыли» в Ленинграде группу молодых критиков режима во главе Р.И. Пименовым (1931–1990). За создание антисоветской организации и протест против силового подавления антисоветских массовых выступлений в Восточной Европе (написал «Венгерские тезисы») этого талантливое ученого-математика приговорили к лишению свободы сроком на 10 лет. Правда, потом наказание сократили, и его досрочно освободили в июле 1963 года.

Греза демократического обновления страны захватила не только юных жителей Ленинграда, который в советских слоганах именовался «колыбелью революции», но и молодых нонконформистов в Москве и других крупных городах Советского Союза. Из нелегальных организаций, сформировавшихся тогда в столице, наибольшую известность приобрел потом «Союз патриотов России», состоявший в основном из молодых историков – студентов и аспирантов МГУ, которые отвергали уже не только сталинизм, но и советскую систему как таковую, возлагая на нее главную вину за то, что в 1917 году Россия сбилась с демократического пути развития.

В августе – сентябре 1957 года все члены организации были арестованы, в том числе и инженер Марк Гольдман, который

---

¹⁶² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.:РОССПЭН, 2003. С. 201, 202.

¹⁶³ Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 211–212.

впоследствии вспоминал: «...Более всего потрясла основы моего мировоззрения речь Никиты Хрущёва на XX съезде в 1956 году... Я задумался, стал анализировать. К тому времени я уже активно общался со студентами и аспирантами-историками Московского университета. Я увидел в Хрущёве нового диктатора. Мне по-прежнему хотелось жить в самой могущественной и справедливой стране, и я вступил в «Союз патриотов»... Нашей целью было облагородить идею коммунистической партии, освободить ее от наносных элементов, сделать чистку партии, потребовать суда над сообщниками Сталина по убийствам 1935–1953 годов... Через студента Вадима Козового я узнал подробности июньского 1957 года Пленума ЦК. У Вадима отец был заведующим лекторской группой Харьковского обкома партии, и парень записывал все, что рассказывал отец. В «Союз патриотов» вошло девять человек. ... Таких организаций, как наша, возникало по всей стране множество. В обществе шло брожение. Думающие люди понимали, что XX съезд – лишь уступка со стороны руководства партии и страны, а по сути ничего менять никто не хотел. Мы понимали, что идем на риск, говоря больше, чем положено, но уже не могли молчать. Вокруг все бурлит, и как смолчишь, когда тебе есть что сказать? ...Наш «Союз патриотов» просуществовал ровно два месяца (а самое большее для таких организаций – полгода). Первым взяли Вадима Козового. На проходившем в Москве международном фестивале молодежи и студентов Вадим познакомился с английским переводчиком Джулианом Уотсом, с которым поделился знаниями о партийном съезде и пленуме. Наши гэбэшники сразу посчитали Уотса работником спецслужб, за ним в Москве было установлено наблюдение. Так была выкрадена записная книжка Козового, «случайно» подброшена метрдотелю отеля «Метрополь», где останавливался англичанин, и сдана потом в КГБ... Англичанин после фестиваля уехал на родину, а Козового тут же отправили на Лубянку. Это было 17 августа. Раскололся он почти сразу. И дальше, по ниточке... 5 сентября арестовали и меня. ... Отпираться на следствии уже было бессмысленно, знали самые мельчайшие детали. Надо отдать должное работникам Лубянки, все шло по правилам, было даже ощущение, что нам сочувствовали. Помню фразу, которую бросил кто-то из следователей: «Ребята, вы в рубашках родились. Два года назад вас бы просто расстреляли». Кстати, сам Хрущев отнесся к нашей организации снисходительно. А вот, говорят, Фурцева просто рвала и метала»¹⁶⁴.

---

¹⁶⁴ Добрякова Е. Дело патриотов // Провинциальный репортер (Липецк). 2001. 15 августа.

В роду у лидера «Союза патриотов России» Л.Н. Краснопевцева (р. 1930) были православные священнослужители, крестьяне, учителя, военные, предприниматели-«нэпманы»¹⁶⁵. Весной 1957 года Краснопевцев в составе делегации ЦК ВЛКСМ побывал в Польше, где, как уведомил 17 февраля 1958 г. Старую площадь председатель КГБ Серов, он (Краснопевцев) познакомился с «известным ревизионистом» Лясотой¹⁶⁶. Потом, как утверждал тот же Серов, члены организации «дважды в разных районах Москвы распространили 300 листовок¹⁶⁷ ...и готовились к выпуску листовок массовым тиражом (посредством гектографа. – Г.К.) к сороковой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁶⁸.

Признав всех арестованных по делу виновными в «антисоветской деятельности», Мосгорсуд приговорил 12 февраля 1958 г. Краснопевцева и еще двух руководителей союза к максимальному 10-летнему сроку заключения в ИТК, а остальных обвиняемых лишил свободы на 6–8 лет.

По приобщенным к делу авторским материалам осужденных (инкриминировались им в ходе следствия и суда) видно, что в центре их внимания находились до ареста не только общие проблемы взаимоотношений власти и общества (как в свете политической злобы дня, так и возникшего тогда неформального дискурса о наведении «моста преемственности» между дореволюционной Россией и СССР), но и «еврейский вопрос». Воспринимавшийся в этой группе не как незначительный фактор или некая теоретическая абстракция¹⁶⁹, он представлялся ее членам важнейшим элементом

---

¹⁶⁵ Краснопевцев Л.Н. Записки хранителя. – М.: Студио-Диалог, 2008. С. 5–26.

¹⁶⁶ Э. Лясота (1929–2001) – известный деятель демократической оппозиции в Польше, депутат сейма; в 1947–1957 гг. редактировал еженедельник молодых интеллектуалов «Po prostu».

¹⁶⁷ В листовке осуждалось закулисное, без публичного обсуждения смещение июньским (1957 года) пленумом ЦК КПСС членов «антипартийной группы» Маленкова, Молотова и Кагановича, причем такая номенклатурная потаенность квалифицировалась как верхушечный государственный переворот; кроме того, выдвигалось требование по проведению демократических реформ, направленных на усиление роли Советов в управлении страной и предоставление трудящимся права на забастовку.

¹⁶⁸ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 6. Д. 8. Л. 1–5.

¹⁶⁹ По свидетельству историка Н.Г. Обушенкова (был арестован вместе с Краснопевцевым), на первом же допросе следователь обескуражил его грубым вопросом: «Ты зачем связался с жидами?» «Какая чепуха!» – возмущенно отреагировал Обушенков. Тогда следователь деловито пояснил, что по его данным из девяти человек, арестованных по «делу», «полных» евреев – трое, «половинок» – трое, русских – трое. (*Камеш Л. Дора Борисовна Кустанович-Подольская и другие // Альманах «Еврейская старина». № 3(66). Июль–сентябрь 2010 (<http://www.berkovich-zametki.com>)*)

отечественного исторического процесса. В датированных августом 1957 года набросках статьи «Кризис социализма» Краснопевцев среди прочих послевоенных проявлений деградации сталинской системы называл и «создание государственного тотального антисемитизма»¹⁷⁰.

В ходе следствия выявилась причастность к «делу молодых историков» выпускника истфака МГУ Н.Я. Эйдельмана (1930–1989), ставшего впоследствии известным историком и филологом. Преподавая в вечерней школе № 93 Краснопресненского района и часто встречаясь с Краснопевцевым, он многое знал о его неформальной общественной деятельности. Но не будучи членом «союза», Эйдельман избежал ареста, подвергшись, тем не менее, допросам и обыску. Учитывая, что он «участвовал в собраниях и читках антисоветского пасквиля Краснопевцева «Основные моменты развития русского революционного движения в 1861–1905 гг.», суд вынес в отношении него «частное определение», что повлекло увольнение из школы. Новое место работы Эйдельман смог с большим трудом найти только в Подмосковье, в краеведческом музее, размещавшемся в недействовавшем Новоиерусалимском монастыре.

Занявшись под руководством академика М.В. Нечкиной¹⁷¹ изучением истории декабристского движения, Натан Эйдельман вырос в крупного специалиста в этой области. Погрузившись потом в отечественное литературоведение, он как творческая личность в полной мере «растворился» в русской истории и культуре. Между тем, с его отцом Я.Н. Эйдельманом (1896–1978), произошла метаморфоза противоположного свойства. Уже в зрелые годы тот трансформировался в убежденного националиста и сиониста. Произошло ли это в силу большего этнокультурного укоренения (родился в «черте оседлости» – в Житомире, после революции учился в еврейской театральной студии в Киеве) или потому, что, побывав в 1942–1945 гг. на фронте в качестве военного корреспондента и работая потом во Всесоюзном радиокоми-

¹⁷⁰ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 420. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 106–135.

¹⁷¹ В начале 1970-х гг. Нечкина, заведовавшая сектором истории исторической науки Института истории АН СССР, попыталась устроить к себе Н.Я. Эйдельмана. Однако взявшийся было ходатайствовать за него директор института П.В. Волобуев (1923–1997) получил в ЦК КПСС отказ. Он вспоминал: «Мне было категорически запрещено брать Эйдельмана в каком-либо качестве на работу в Институт. Аргумент моего партийного начальства был один – пункт 5-й» (Волобуев П.В. История отвечает не на все вопросы // Наука и власть. Воспоминания ученых гуманитариев и обществоведов. – М.: Наука, 2001. С. 118).

тете, попал там в 1950-м под массивную кадровую чистку с антисемитской подоплекой¹⁷² и как «еврейский буржуазный националист» получил вскоре 10 лет лагерей? Определенно ответить на этот вопрос невозможно. Точно известно только то, что, выйдя в 1954 году на свободу, Яков Эйдельман уже в 1956 году включился в активную сионистскую деятельность. Стал писать статьи для «еврейского самиздата», по каналам которого запустил в начале 1970-х гг. полемический трактат «Диалоги» (в стиле Мартина Бубера), в котором выступил против ассимиляции, нападок на иудаизм и за массовую эмиграцию в Израиль.

Так драматически и разнонаправленно – порой даже в рамках одной семьи – происходила личностная этнокультурная идентификация. Она находилась в тесной взаимосвязи с наблюдавшимся в Москве и других крупных городах РСФСР ростом общественной оппозиционности режиму, носившей пока что во многом общедемократический характер. Процесс идейно-организационной дифференциации этой подспудной протестной активности на такие основные более или менее идеологически структурированные движения, как прозападное правозащитное и этнонациональные (русское, еврейское и т.п.), был к началу 1960-х гг. еще далек от завершения.

«Иудеохристиане»

Непоследовательность и половинчатость, проявленные Хрущёвым в ревизии сталинизма, его явная неспособность сколь-нибудь существенно реформировать прежнюю систему власти, привели к тому, что немало молодых интеллектуалов-евреев, свято веривших в благотворность «прививки» стране «правильного» ленинского социализма, уже к концу 1950-х гг. постигло горькое разочарование в этом уповании, ставшем в их глазах наивным и бесплодным. Некоторые из них, ища альтернативу догматически зачерствевшей официальной идеологии, были захвачены пробудившимся вдруг в обществе острым интересом к русской исторической духовно-культурной традиции. Новым идейным прибежищем для них стало православие, но не имперское, а гонимое коммунистическим режимом, не кондово «руссо-пятское», а исполненное европейской модерности и всечелове-

---

¹⁷² Только с 6 июля по 25 августа 1950 г. из Комитета радиосообщения при СМ СССР были уволены 62 еврея (Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД-Материк, 2005. С. 590–593).

ского гуманизма в духе Ф. Достоевского, В. Соловьева и Н. Бердяева. Кроме того, в сознании гуманитарно образованного слоя советского еврейства еще живы были, пусть и в «рудиментарном» виде, традиции дореволюционной русской интеллигенции, считавшей служение на благо общества своей главной жизненной целью. Поскольку такое влияние отечественной передовой культуры и интеллектуальной мысли на российских евреев имело давнюю историю и интенсивно началось еще в период либеральных реформ 1860-х гг., свести его на нет не смогли даже десятилетия пропагандистского «коммунистического воспитания». Вот почему в жизненном выборе советских интеллигентов еврейского происхождения в пользу христианства важную роль играл не только фактор их культурного обрусения, но и унаследованная часто от родителей приверженность идеалам добра, правды, свободы, социальной справедливости. Этот морально-этический момент во многом объясняет, почему почти одновременно с принятием христианства немало евреев решалось и на еще более рискованный шаг: включалось в нелегальную и преследуемую властями правозащитную деятельность. Таковые в своем ненасильственном противостоянии советскому режиму чем-то походили на первых христиан, претерпевших за свою веру в языческом Риме. Причем, в виду того, что в отстаивании прав человека диссиденты еврейского происхождения не могли не следовать новозаветному принципу «нет ни Еллина, ни Иудея»¹⁷³, для них неприемлемо узкими были рамки сионистского национализма. Но отвергая эту идеологию, они вместе с тем оказывали посильную помощь участникам движения за еврейскую эмиграцию. И пусть в этом движении и оказалась в итоге бóльшая часть конфликтовавших с властями евреев, тем не менее их было немало и среди русских христиан-демократов. К последним примкнули: писатель Юлий Даниэль (1925–1985), его жена лингвист Лариса Богораз-Брухман (1929–2004)¹⁷⁴, журналист и культуролог Александр Гинзбург (1936–2002), филолог Феликс Светов (1927–2002), его жена литературовед Зоя Крахмальникова (1929–2008) и др. Как сознательные критики режима они в полной мере сформировались уже в хрущёвское время, но активно начали противостоять ему в основном только при Брежневе.

Все вышеупомянутые политические инакомыслящие были в начале 1960-х гг. еще достаточно молодыми людьми. При этом

---

¹⁷³ Послание апостола Павла к Колоссянам. 3:11.

¹⁷⁴ Л.И. Богораз была племянницей известного революционера, этнографа и лингвиста В.Г. Тана-Богораза (1865–1936), принявшего православие подростком.

с ними тесно взаимодействовали диссиденты более старшего поколения: религиозный правозащитник Анатолий Левитин-Краснов (1915–1991) (кстати, он никогда не являлся адептом большевизма), литератор Александр Галич (1918–1977), знаменитый писатель и литературовед Корней Чуковский (1882–1969), его дочь Лидия Чуковская (1907–1996) – автор прогремевшей в «перестройку» повести о сталинских репрессиях «Софья Петровна», литературовед-германист Лев Копелев (1912–1997), его жена – литературный критик Раиса Орлова; (1918–1989), пианистка Мария Юдина (1899–1970) и др.

К плеяде известных «советских выкрестов» принадлежали также православный священник Александр Мень (1935–1990), один из его духовных чад, ученый-кибернетик Михаил (Мэлиб) Агурский (1933–1991)¹⁷⁵, литератор (ставший потом священником) Михаил Ардов (р. 1937)¹⁷⁶, вдова выдающегося поэта Надежда Мандельштам (1899–1980), поэт Наум Коржавин (р. 1925), ученый-физик Лев Регельсон (р. 1939)¹⁷⁷ и др.

Все эти люди, по-разному вошедшие в лоно православия (одни в детские, а другие в зрелые годы), в социально-идентификационном плане во многом воспринимались в обществе как маргиналы. Власти маркировали их как евреев, еврейские националисты – как «иудеохристиан», русские националисты – как «иудействующих».

Председатель КГБ А.Н. Шелепин (1918–1994), информируя в июле 1960 года ЦК КПСС о предстоящем аресте А. Гинзбурга, распространившего годом ранее в самиздате три выпуска непод-

---

¹⁷⁵ М.С. Агурский – сын умершего в ссылке известного еврейского революционера и общественного деятеля С.М. Агурского (1884–1947). В 1955 году Агурский познакомился с дочерью писателя В.В. Розанова Н.В. Верещагиной, получив доступ к библиотечному собранию этого религиозного мыслителя. Смог прочесть не только работы Розанова, но и книги К.Н. Леонтьева, Д.С. Мережковского, М.О. Гершензона, сочинения В.С. Соловьева и других христианских философов. Позднее он сблизился с семьей поэта-мистика Д.Л. Андреева. Крестившись, получил имя Михаил. Работал в издательском отделе Московской Патриархии. Впрочем, включившись в 1970 году в сионистское движение, Агурский принял иудаизм. Так что, когда в 1975 году он выехал в Израиль, то там получил удостоверение личности (теудат-зеут), идентифицировавшее его как еврея, без чего не стал бы профессором Иерусалимского университета и не вошел бы в совет по религиозным делам при Президенте Израиля.

¹⁷⁶ М. Ардов входил в ближнее окружение А.А. Ахматовой, как и Л. Чуковская, издавшая о ней трехтомник дневниковых записок.

¹⁷⁷ Регельсон, который участвовал в работе экспериментального «Университета молодого марксиста», руководимого скандально прославившимся потом В.И. Скурлатовым; принял крещение в 1965 году от о. А. Меня.

цензурного литературного альманаха «Синтаксис», указал не только на то, что он автор «идеологически вредных, упадочнических стихотворений», но и еврей. При этом этническая принадлежность упоминавшегося в том же письме русского К.В. Успенского – литератора и будущего «подельника» Гинзбурга – Шелепиным не уточнялась¹⁷⁸.

Симптоматично, что в стихийных сходках молодежи, проходивших в Москве у вновь открытого в 1958 году памятника В.В. Маяковскому участвовали как русские В.К. Буковский, Ю.Т. Галансков, В.Н. Осипов, А.М. Иванов (Скуратов), так и евреи И.В. Бокштейн (студент-заочник Московского библиотечного института) и Э.С. Кузнецов (студент философского факультета МГУ). Четверо последних в 1961 году были арестованы и осуждены по одному «делу» о подготовке накануне XXII съезда КПСС к «масовому распространению антисоветских листовок в Москве»¹⁷⁹.

Пройдут годы, и к концу 1960-х те, кто когда-то вместе вольно демонстрировал «на Маяке», окончательно идейно обособятся по отдельным сегментам в политическом диапазоне от либерального диссидентства до крайнего русского национализма и радикально-сионизма.

Умягчение органов госбезопасности

Начавшиеся после смерти Сталина процессы функциональной перестройки института политической полиции в СССР и корректировки прежнего сверхрепрессивного законодательства с адаптацией его к новому социальному состоянию общества носили бурный и довольно противоречивый характер. При доминировании во второй половине 1950-х гг. тенденции к гуманизации органов госбезопасности случались и периоды ужесточения их деятельности. Достаточно вспомнить, что одним из активных разработчиков той же партийной директивы от 19 декабря 1956 г. был председатель КГБ И.А. Серов, входивший в состав подготовительной комиссии, возглавлявшейся секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым. Шефу грозного ведомства на Лубянке, именовавшегося его сотрудниками «боевым отрядом партии», было вменено заняться «умиротворением» молодежи, а конкретно – «навести порядок» в вузах¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 390–391.

¹⁷⁹ *Поликовская Л.В.* Мы предчувствие... предтеча... Площадь Маяковского 1958–1965. – М.: «Звенья», 1997. С. 249–254.

¹⁸⁰ *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – М.: Изд. «Ветеран МП», 1995. С. 144–145.

Непосредственно руководить этим направлением работы Серов поставил Питовранова. Считая его опытным контрразведчиком, он одновременно назначил его и начальником 4 управления КГБ, ведавшего тогда внутренним политическим сыском в стране. Уже в феврале 1957 г. Питовранов настоял на том, чтобы 7-й отдел этого управления был перепрофилирован на исключительно «агентурно-оперативную работу в высших учебных заведениях с целью выявления и пресечения враждебной деятельности антисоветских элементов из числа молодежи и лиц, оказывающих на нее враждебное влияние»¹⁸¹.

Ссылаясь на то, что «в стране заметно активизировались антисоветская деятельность антисоветских и других враждебных элементов», КГБ резко увеличил «замороженную» было после смерти Сталина вербовку агентов в среде творческой интеллигенции и молодежи¹⁸². «Правой рукой» Питовранова в реализации этой и других подобных «чекистских технологий» стал начальник первого отдела 4 управления Ф.Д. Бобков (р. 1925)¹⁸³, который начинал при Сталине в исполнявшем аналогичные функции 5 управлении МГБ СССР. Так совпало, что в конце 1960-х гг. он возглавил в КГБ подразделение с таким же названием (как бы «воскрешее») – печально знаменитую «Пятку», прославившуюся на весь мир борьбой с диссидентством.

Тем не менее Бобков, в отличие от Абакумова (главы МГБ в сталинские годы), не был костоломом. Он предпочитал действовать тонко и обдуманно, став в конце 1950-х гг. одним из инициаторов введения в практику таких «передовых» методов сдерживания антисоветских проявлений, как их тщательный анализ и «профилактирование».

Подобная «чекистская перестройка» стала возможной во многом благодаря тому, что в конце 1958 года председателем КГБ был назначен Шелепин, возглавлявший с 1952 года комсомол, а с апреля 1958 года заведовавший в ЦК КПСС отделом партийных органов по союзным республикам. Будучи не обремененным грузом корпоративного прошлого, он смог реформировать отдель-

---

¹⁸¹ *Петров Н.В.* Специальные структуры КГБ по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества по изучению истории отечественных спецслужб. Т. 3. – М.: Кучково поле, 2007. С. 306–308.

¹⁸² История советских органов государственной безопасности. Учебник. – М.: Высшая школа КГБ при СМ СССР, 1977. С. 508.

¹⁸³ 8 октября 1958 г. Бобков направил в ЦК КПСС справку с изложением толков, собранных в писательской среде осведомителем «органов», что свидетельствовало об усилении негласного агентурного контроля КГБ за творческой интеллигенцией. (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 114–117.)

но взятое ведомство. Поддерживавшийся Хрущёвым, Шелепин существенно обновил кадровый состав КГБ, приняв на работу немало молодых выпускников вузов, в том числе и гуманитарных. Они пришли на смену малообразованным сотрудникам «сталинского призыва», привыкшим работать не столько головой, сколько кулаками (т.н. «забойщики»). Такая кадровая интеллектуализация «органов» проистекала из объявленного Хрущёвым курса на их гуманизацию и из его неоднократных публичных заявлений о прекращении политических репрессий в стране.

Ориентируясь на новые идеологические установки партии об изменении роли советского государства в обществе в условиях «развернутого строительства коммунизма»¹⁸⁴, 15 июля 1959 г. Шелепин ввел в действие своим приказом новое положение о КГБ, существенным образом изменившее концепцию функциональных приоритетов этой организации. Во главу угла деятельности советской госбезопасности теперь уже ставилась не борьба с «внутренним классовым врагом», как это было прежде, а противодействие внешней угрозе в лице враждебных иностранных разведывательных спецслужб. В феврале 1960 года на волне очередной кратковременной либерализации режима 4 управление вовсе было расформировано, а его кадры переданы во 2 главное (контрразведывательное) управление КГБ¹⁸⁵.

Параллельно снижалась и репрессивность уголовного законодательства. 25 декабря 1958 г. был обновлен закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления»: из него изъяли юридическую «черную метку» «враг народа», а максимальный срок заключения с 25 лет («абакумовский четвертак») сократили до 15. Кроме того, статьей 11 закона впервые вводилась уголовная ответственность за реальную дискриминацию по этническому признаку (при приеме на работу и т.п.). Эта норма, направленная на реализацию статьи 2 «Всеобщей декларации прав человека» от 10 декабря 1948 г., вошла в виде 74-й статьи

---

¹⁸⁴ Эта формулировка наряду с декларацией о полной и окончательной победе социализма в СССР и устранении опасности реставрации в нем капитализма были запущены в «пропагандистский оборот» в начале 1959 года. А в 1961 году руководство КПСС заявило о том, что диктатура пролетариата в Советском Союзе преобразована в «общенародное государство» – «орган выражения интересов и воли всего народа». (Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенограф. отчет. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1959. С. 443. Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС. – М.: Политиздат, 1964. С. 101.)

¹⁸⁵ *Петров Н.В.* Указ. соч. // Труды Общества по изучению истории отечественных спецслужб. Т. 3. С. 311. *Шелепин А.Н.* История – учитель суровый // Труд. 1991. 14 марта. С. 4.

в новый Уголовный кодекс РСФСР, который был введен в действие с 1 января 1961 г. Однако на реальной судебной практике это нововведение практически не отразилось. Впрочем, для советской фемиды было большой редкостью и преследование по «старой» статье о «возбуждении расовой и национальной вражды».

И все же в сравнении с прежним кодексом новый предусматривал уже меньшие кары за «антисоветскую агитацию и пропаганду», проводившуюся «в целях подрыва или ослабления Советской власти», либо распространения «клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление и хранение в тех же целях литературы такого же содержания». Если при Сталине за подобное «контрреволюционное» преступление грозило по статье 58¹⁰ УК РСФСР (1926 года) лишение свободы до 10 лет, а потом по принятии новой редакции статьи практиковалась приговорная «вилка» (три года лагерей – за обычную «антисоветчину» и семь лет с конфискацией имущества – за «антисоветчину» «с использованием религиозных и национальных предрассудков»), то теперь по аналогичной 70-й статье нового УК (уже не содержавшей отягчающих наказание ссылок на «предрассудки») отправляли в исправительно-трудовую колонию (ИТК) сроком от полугода до семи лет, либо приговаривали к ссылке продолжительностью от двух до пяти лет. Правда, в случае повторного осуждения за это и другие «особо опасные государственные преступления» предусматривалось увеличение срока до «сталинского червонца»¹⁸⁶.

Статистика применения 70-й статьи в судебной практике в СССР представляет собой наиболее объективный индикатор процессов либерализации и ужесточения, чередовавшихся при Хрущёве в ходе развития советской политической системы. Если в 1956 году по ней были осуждены 384 человека, то в 1957 и 1958 гг. – соответственно 1964 и 1416. С 1959 года, когда таковых оказалось 750, наблюдалось резкое понижение репрессивности режима. В 1960-м в разряд политических попали только 162 осужденных¹⁸⁷.

---

¹⁸⁶ Уголовный кодекс РСФСР. – М.: Госюриздат, 1948. С. 26–33. Уголовный кодекс РСФСР. – М.: Юридическая литература, 1983. С. 35–39.

¹⁸⁷ Источник. 1995. № 6. С. 153.

«Оттепельная» фронда писателей (В. Дудинцев, М. Алигер и др.)

Однако возвратимся в бурлящий либеральной эйфорией март 1956-го, когда на партийном собрании в Московской организации (МО) ССП была принята резолюция, осудившая недавнюю травлю «космополитов» и спровоцировавший ее антисемитизм, названный «продуктом массового психоза» общества в позднесталинские годы¹⁸⁸. Подобный тон собранию был задан выступлением заместителя секретаря парткома МО ССП В.А. Рудного (1913–1984)¹⁸⁹. Припомнив недавнее прошлое, он с горечью отметил: «Ушли от ответственности те, кто впервые ввел скобки, назвав Мельникова Мельманом, кто издал знаменитый позорный писательский справочник под редакцией Софронова, где Гроссман Василий Семенович – Иосиф Соломонович Гроссман. Фактически антисемиты сохранили свои позиции»¹⁹⁰.

Отчет об этом собрании оказался столь острым и критичным в отношении консервативного писательского истеблишмента, что один из его лидеров В.А. Кочетов (1912–1973), назначенный в январе 1956 года главным редактором «Литературной газеты», отказался печатать этот «реваншистский» текст во вверенном ему издании¹⁹¹.

Однако нахлынувшая на страну волна демократизации оказалась столь сильной, что под ее напором не устояли те рогатки, которые Кочетов и его единомышленники пытались ставить своим идейным оппонентам в ССП. В дни работы XX съезда (февраль 1956 года) вышел в свет первый выпуск альманаха «Литературная Москва», в редколлегию которого вошли главным образом бывшие «космополиты» и сочувствовавшие им коллеги из числа столичных писателей: тот же Рудный, писатели Каверин, Казакевич, Паустовский, Бек, В.Ф. Тендряков, поэтесса Алигер, ставшая неофициальным лидером этого творческого коллектива.

---

¹⁸⁸ Эггелинг В. Политика и культура при Хрущёве и Брежнев. 1953–1970 гг. – М., 1999. С. 67–68.

¹⁸⁹ В годы войны Рудный, будучи фронтовым корреспондентом газеты военно-морских сил «Красный флот», участвовал в обороне полуострова Ханко. А в марте 1949-го на редакционном партсобрании был объявлен «космополитом». Некоторые из выступивших тогда коллег нарочито называли его «еврей Рудный». А один из них прямо заявил: «Так же как весь немецкий народ несет ответственность за гитлеровскую агрессию, так и весь еврейский народ должен нести ответственность за действия буржуазных космополитов». (Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. С. 526.)

¹⁹⁰ Зезина М.Р. Указ. соч. С. 150.

¹⁹¹ Там же. С. 193.

Может быть, из-за этой «мужской», в традиционном понимании, претензии Алигер на социальную активность и доминирование Хрущёв проникся к этому литератору еврейского происхождения стойкой антипатией, что особенно стало заметно с конца 1954 года после ее достаточно смелого выступления на Втором съезде ССП. Ему, очевидно, претил и чрезмерно раскованный, в его консервативно-патриархальном восприятии, стиль личной жизни этой женщины, имевшей к тому же очень близкие отношения с еще менее любимым им Фадеевым, который в предсмертном письме почти «открытым текстом» назвал и его, и других сталинских диадохов самодовольными нуворишами и невеждами¹⁹².

От Фадеева Алигер «унаследовала» не только дочь Марию, но и принципиальную неуступчивость диктату чиновников. Выступая в марте 1957 года на пленуме правления МО ССП, поэтесса призвала коллег: «Необходимо говорить о советском человеке, который уничтожает свое холуйство». А когда в 1960 году при переиздании ее лучшей поэмы «Зоя» (о подвиге З. Космодемьянской), отмеченной в 1943 году Сталинской премией, от нее потребовали в ЦК изъятия из текста всех упоминаний о развенчанном вожде, она отказалась повиноваться, считая, что лучше прослыть «сталинисткой», чем участвовать в политиканстве¹⁹³.

Хотя Алигер и других либерально настроенных литераторов и считали на Старой площади «гнилыми элементами», тем не менее там в интересах «преодоления сковывающих творческий процесс излишнего администрирования и мелочной опеки со стороны партийных и государственных органов» вынуждены были в течение почти всего 1956 года идти на некоторые уступки и умягчения¹⁹⁴. Этому способствовало и то немаловажное обстоятельство, что отдельные партийные чиновники, в том числе из отдела культуры ЦК, сочувствовали в душе «фрондерам», негласно покровительствовали им и оказывали дружескую поддержку. Одним из этих цековских меценатов был проработавший почти двадцать пять лет в этом отделе И.С. Черноуцан (1918–1990). Возглавляя сектор литературы, он симпатизировал и протезировал Алигер. Но и ему порой приходилось и «для порядка», и для нейтрализации подозрений в «насаждении фаворитизма» критиковать ее на совещаниях и в служебных бумагах. Но больше, что называется, по пустякам и «для отвода глаз», для того, возможно, чтобы обезопасить от более серьезных обвинений¹⁹⁵.

¹⁹² Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 147–151.

¹⁹³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 634.

¹⁹⁴ Правда. 1956. 5 апреля.

¹⁹⁵ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 282.

Знаковым «оттепельным» жестом власти стала «профессиональная реабилитация» расстрелянного Сталиным режиссера-новатора В.Э. Мейерхольда (1874–1940). Приняв в расчет, что в конце 1955 – начале 1956 г. тот был признан невиновным как перед законом, так и перед партией, отдел культуры добился спустя полгода и возвращения ему прежнего статуса выдающегося деятеля театрального искусства. Видимо, чтобы это вторичное официальное признание былых заслуг погибшего режиссера прошло без осложнений, в соответствующем ходатайстве, направленном отделом культуры секретарю ЦК Шепилову, было указано, что «Мейерхольд В.Э, 1874 года рождения, по национальности немец»¹⁹⁶. При этом не уточнялось (вольно или невольно?), что его отец Эмиль Мейергольд был перешедшим в лютеранство евреем-винозаводчиком, который, перебравшись из Германии в Россию, занялся производством водки. Интересно, что мать будущего режиссера происходила из семьи остзейских немцев. Он же, поступив в 1895 году в Московский университет, принял православие и, взяв в честь писателя-народника В.М. Гаршина новое имя, превратился из Карла-Теодора-Казимира Мейергольда во Всеволода Мейерхольда.

Идя на некоторые послабления и осуждая наиболее одиозные и вопиющие политические акции сталинского времени, партийный аппарат вместе с тем решительно пресекал в обществе даже самые робкие попытки ревизии системы власти и догматов официальной идеологии марксизма-ленинизма.

Откликаясь на все более настойчивые призывы либеральной интеллигенции отменить фельдфебельские по духу «ждановские» постановления 1946–1948 гг.¹⁹⁷, отдел культуры 27 июля 1956 г. направил в Секретариат ЦК записку, в которой, признавая со «скрипом», что те действительно содержат «отдельные неточности и ошибки, имеющие частный характер»¹⁹⁸, тем не менее продолжал твердо стоять на том, что эти директивы «сохраняют все свое принципиальное значение, отражают позицию партии, направляющей наше искусство по пути жизненной правды и народности». Порицая «весьма распространенное среди творческих работников огульное охаивание всего партийного и государственного аппарата», авторы послания сфокусировали обвинительный

---

¹⁹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 21. Л. 102.

¹⁹⁷ Наиболее «громким» таким протестом стало публичное выступление поэтессы О.Ф. Берггольц.

¹⁹⁸ Правда, уже в феврале 1957 года эти «ждановские» постановления назывались в редакционной статье главного партийного журнала «снятыми самой жизнью». (Коммунист. 1957. № 3. С. 21–22.)

пафос на тех из них, кто на упомянутом послесъездовском собрании московских литераторов задавал «демагогический» тон выступлениям и сосредотачивал «внимание на болезненных явлениях, связанных с культом личности», препятствуя тем самым «писателям серьезно осмыслить задачи, стоящие перед партией и народом». Конкретно в намеренном «очернительстве советской действительности» были обвинены авторы материалов, вошедших в первый выпуск «Литературной Москвы», – прозаик С. Антонов, поэты Р. Рождественский и М. Алигер¹⁹⁹.

Однако после того как осенью 1956 года в «Новом мире» был благодаря стараниям главного редактора К. Симонова напечатан роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым»²⁰⁰, в ЦК решили – и, конечно, небезосновательно – что от этого сочинения исходит угроза устоям советской государственности. Ведь его автор – сын расстрелянного большевиками штабс-капитана царской армии – посмел, как сочли в верхах, отойти от канонов социалистического реализма, при том что сюжет книги был вроде бы на «ходовую» для этого жанра производственную тему. Главный герой этого произведения – молодой инженер-конструктор и недавний фронтовик Дмитрий Лопаткин – готов и в мирное время (как и до этого на войне) служить Родине беззаветно и с полной отдачей (теперь интеллектуальной). Он приезжает на один из сибирских заводов,

---

¹⁹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 14. Л. 88–96.

²⁰⁰ За это Симонову, «наотмашь» раскритикованному в декабре 1956 года ЦК КПСС за «примиренческую позицию» к «глубоко ошибочным взглядам» и «гнилой либерализм», пришлось покаяться. Эта унижительная, хотя уже и привычная для него процедура произошла 8 марта 1957 г. на пленуме правления МО ССП. Присутствовавший при сём цековский работник потом докладывал: «Необходимо отметить, что т. Симонов... признал по существу ошибки, которые он допустил как редактор журнала «Новый мир», поместив роман Дудинцева «Не хлебом единым» и защищая его в предыдущих выступлениях». Однако Симонов не ограничился тогда самобичеванием. Посредством демагогического маневра он неожиданно «спикировал» на Дудинцева, уличив в том, что он сравнил партийное руководство творческой интеллигенцией с «ремешком», «на котором мамыши в Англии водят детей». Но Симонов лишь отсрочил неизбежную развязку. Тем более, что он не только продолжил выказывать сомнения в правильности партийной «борьбы против космополитизма» (*Симонов К.М.* Литературные заметки // Новый мир. 1956. № 12), но и, получив от Б.Л. Пастернака рукопись нового романа «Доктор Живаго», анонсировал его публикацию в «Новом мире». После того как этот роман был объявлен антисоветским, Симонов уже больше не мог усидеть в кресле главного редактора журнала и летом 1958 года вынужден был освободить его для Твардовского. (Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 211. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 631, 650, 653.)

где приступает к разработке чудо-машины для отливки труб. И хотя от реализации его проекта предприятие, да и отрасль в целом, только выиграют, директор завода Дроздов, движимый сиюминутными карьерными интересами, душит инициативу талантливо-го изобретателя. Более того, получив высокое назначение в Москве, он, инспирировав ложный донос, провоцирует арест Лопаткина и его осуждение на длительное заключение в лагерь. И хотя роман заканчивался на оптимистической ноте – козни Дроздова терпят крах, Лопаткин обретает свободу и даже личное счастье, а его инновацию, высоко оцененную специалистами, внедряют в производство – автор ясно давал понять читателям, что такой happy end во многом результат случайного стечения благоприятных для его героя обстоятельств. Из контекста книги как бы сам собой напрашивался крамольный вывод, что благодаря монолитной номенклатурной корпоративности реальные Дроздовы в девяносто девяти случаев из ста берут верх над благородными одиночками типа Лопаткина.

Много позднее, несмотря на оптимистичную атмосферу «перестройки» 1980-х, Дудинцев скептически рассуждал по поводу, как тогда казалось, обреченности обличенной им когда-то аппаратной силы, продолжая считать ее главным тормозом в развитии страны: «Пока же... Пока же бюрократия, которая в сущности управляет обществом, не солидарна ни с кем: ни с рабочими, ни с крестьянами, ни с интеллигенцией»²⁰¹.

Книга Дудинцева сразу превратилась в своеобразный «символ веры» советской либеральной интеллигенции, зачарованной такими фразами Лопаткина, как: «Кто научился думать, того полностью лишить свободы нельзя». Одним из первых автора романа поддержал Рудный – теперь главный редактор вновь созданного «Московского литератора»²⁰², ставшего сразу трибуной писателей-«оттепельщиков». Подобная цеховая солидарность вызвала у властей сначала беспокойство, а потом и яростный гнев. Особенно болезненно они реагировали на яркую и эмоциональную речь Константина Паустовского (1892–1968), с которой тот выступил 22 октября 1956 г. на обсуждении романа в Центральном доме литераторов, наплыв публики в который был столь велик, что для ее сдерживания была вызвана конная милиция.

---

²⁰¹ Дудинцев В.Д. Цвет наших одежд // Литературная газета. 1988. 17 августа. № 33 (5203). С. 11.

²⁰² Информационный бюллетень МО ССП, начал выходить с 17 октября 1956 г.

В начале выступления Паустовский предупредил присутствующих, что не собирается говорить о литературных достоинствах и недостатках романа Дудинцева, после чего заявил: «Я считаю, что пора полным голосом говорить без обиняков... Для меня Дудинцев – явление весьма значительное, крупное». Глубоко вникнув в социальную подоплеку произведения, Паустовский отметил далее, что образ Дроздова – это символическое обобщение того правящего в стране слоя управленцев, который начиная с 1937 года взошел на «темной опаре» «культы личности».

Вспоминая свой недавний круиз по Черному морю на теплоходе «Победа», писатель поведал, как вживую наблюдал на его борту социальную стратификацию советского общества: если в каютах 2-го и 3-го классов размещались служащие, художники, рабочие и актеры, то каюты «люкс» и 1-го класса «занимал другой слой – заместители министров, крупные хозяйственники и прочие номенклатурные работники». Как едко подметил литератор, эти «Дроздовы, занимавшие половину теплохода, были... невыносимы своей спесью, своим абсолютным равнодушием, даже своей враждебностью ко всему, очевидно, кроме своего положения и собственного чванства».

Назвав номенклатурных чиновников «новой кастой обывателей», племенем хищников, собственников и «маклаков» (торговых посредников. – Г.К.), Паустовский подчеркнул, что присущий им аморальный прагматизм со всей наглядностью проявился в конце 1940-х, когда они, прибегнув к жупелу космополитической угрозы, стали карьерного продвижения ради расправляться преимущественно с носителями нерусских фамилий. Да и на той же «Победе», – добавил литератор, – «эти циники и мракобесы, не боясь и не стесняясь никого... вели совершенно погромные антисемитские речи»²⁰³.

На Старой площади это разошедшееся по стране во множестве списков «клеветническое истолкование» Паустовским произведения Дудинцева квалифицировали как наиболее опасное, ибо в нем содержались далеко идущие выводы о происшедших «под влиянием культа личности коренных изменениях социальной природы советского общества, о коррупции партийного и государственного аппарата». «Антисоветским выпадом» назвали в ЦК следующие прозвучавшие как грозное предупреждение слова

---

²⁰³ Краткая запись речи К. Паустовского на обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым» // Антология Самиздата. Неподцензурная литература в СССР в 1950–1980-е / Под общ. ред. В.В. Игрунова. В 3-х тт. Т. 1. Кн. 1. – М., 2005. С. 421–422. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 572.

Паустовского: «Мы знаем, что народ, сознающий свое достоинство, сбросит Дроздовых со своего пути»²⁰⁴.

Эти слова вызвали восхищение в стане либеральной интеллигенции. Знаменитый ученый и будущий лауреат Нобелевской премии Л.Д. Ландау (1908–1968), не считавший, между прочим, советскую систему социалистической (ибо в СССР «средства производства принадлежат никак не народу, а бюрократам»), так прокомментировал в разговоре с близким коллегой (и негласным осведомителем КГБ) выступление Паустовского: «Мы с вами трусливы и не нашли бы в себе духа влить «Дроздовым» такую звонкую пощечину»²⁰⁵.

Однако на Западе, как это ни удивительно, роман Дудинцева не вызвал особой ажитации. Видимо, вследствие своей углубленности в специфику советской жизни он оказался слишком сложным для тамошнего восприятия. Не имел успеха и спектакль по роману, хотя его инсценировали в одном из ведущих нью-йоркских театров на Бродвее. Экранизация «Не хлебом единым», которая задумывалась как крупная пропагандистская акция против Советского Союза, также не удалась: под давлением властей Дудинцев наотрез отказался передавать Голливуду авторские права на съемку и участвовать в подготовке фильма в качестве сценариста. Безрезультатными были и попытки русской эмигрантской организации «Народно-трудовой союз» (НТС; сотрудничал с ЦРУ) нелегально заполучить от Дудинцева текст рукописи романа для публикации в своем издававшемся в Мюнхене журнале «Грани»²⁰⁶.

Этот «прокол» западных специалистов по психологической войне во многом был обусловлен тем, что советскому режиму путем угроз и психологического давления удалось отвратить

---

²⁰⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 571, 675. О «термидорианском» перерождении советской правящей бюрократии, закономерно подведшем ее в 1991 году к отказу от «обветшалой» препятствовавшей личному обогащению коммунистической идеологии и законодательной легализации (в первую очередь «для себя») института частной собственности, размышлял политолог Г. Арбатов, хорошо знавший советскую систему власти, причем изнутри. «Мне кажется, – писал он, – что... нашу «политическую элиту» постсталинских лет объединяла принадлежность – используя старое русское понятие – к мещанам. У этой элиты был мещанский кругозор, мещанская идеология, мещанские идеалы...». (Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. – М., 1991. С. 282.)

²⁰⁵ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Д. 42.

²⁰⁶ Такое же предложение от редакции «Граней» получили тогда А.Я. Яшин, автор рассказа «Рычаги» – еще одного резонансного произведения 1956 года, и Борщаговский. (Борщаговский А.М. Указ. соч. С. 382.)

Дудинцева (в отличие от Пастернака) от самостоятельного общения с внешним миром²⁰⁷. Кроме того, в истории с романом Дудинцева у советских руководителей хватило нервов и здравого смысла не доходить до крайности. И хотя первоначально они несколько раз торпедировали подготовку отдельного издания произведения²⁰⁸, тем не менее, им с большим трудом удалось преодолеть собственное неприятие этого действительно «классово чуждого» для них сочинения²⁰⁹. И в начале 1957 года оно вышло все-таки в свет 30-тысячным тиражом в издательстве «Советский писатель». Одновременно внешнеторговым объединением «Международная книга» были заключены контракты с иностранными «прогрессивными» издательствами на перевод и публикацию романа за рубежом²¹⁰. После чего тамошние пропагандистские спекуляции на нем резко пошли на убыль. Перебор в данном случае свой «запретительный синдром», власти в СССР тем самым политически «не подставились» под пропагандистский удар извне и не позволили втянуть себя в международный скандал²¹¹.

---

²⁰⁷ Позже Дудинцев свидетельствовал, как во время одной из проработок на пленуме ССП он, потеряв сознание, упал в зале. А в 1957 году его вызвали в КГБ, где «неизвестно для чего, допрашивавший генерал гипнотически накладывал» ему руку на голову, и по тогдашнему ощущению писателя у него «не было... душевных сил эту руку сбросить с головы». (*Дудинцев В.Д. Цвет наших одежд // Литературная газета. 1988. 17 августа. С. 11.*)

²⁰⁸ В декабре 1956 года была отменена уже было включенная в план Гослитиздата публикация «Не хлебом единым» полумиллионным тиражом в «Роман-газете» и был сорван определенный затем в качестве альтернативы выход его в значительно меньшем количестве копий (до 50 тыс. экз.) в издательстве «Молодая гвардия». (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 613.)

²⁰⁹ О болезненно противоречивом личном отношении Хрущёва к его произведению Дудинцев заключил из выступления советского лидера на встрече с писателями в мае 1957 года. Признавая, что в романе «очень остро, правдиво» критикуются сталинские порядки, тот, вместе с тем, раздраженно утверждал, что автор «смакует недостатки» и «ведет критику с враждебных позиций». (Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2-х тт. Т. 2. / Гл. ред. Н.Г. Томилина, отв. сост. М.Ю. Прозументиков. – М., 2009. С. 451.)

²¹⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 581, 594, 614.

²¹¹ По этому поводу Шепилов так высказался на июньском (1957 года) пленуме ЦК КПСС: «Посоветовавшись с тов. Хрущёвым, мы издали роман 100-тысячным тиражом. Сразу покупать перестали, все увидели, что это дрянь. За границей кричали «Дудинцева, Дудинцева!», а потом, когда издали, всякий у нас увидел, что это дрянная вещь. Роман был издан с общего мнения и указания Секретариата ЦК в целом». (Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 142.)

Одной из последних «оттепельно-прорывных» акций либеральной интеллигенции стал выход в свет в декабре 1956 года объемного (в 800 страниц) второго выпуска альманаха «Литературная Москва»²¹², в котором, как определили надзиравшие за литературой цеховские чиновники, «значительно сильнее, чем в первом сборнике, выражены тенденции фрондерства и критиканства, настроения уныния и разочарования в правде и красоте жизни»²¹³.

Особенно не понравились на Старой площади включенные в сборник рассказ А. Яшина «Рычаги» и «Заметки писателя» А.А. Крона. Если первый выпуск альманаха вышел сотысячным тиражом, то второй – 75-тысячным. Третий же – уже составленный – вообще не увидел света, якобы «из-за нехватки бумаги». Ему «не повезло» так, как предшествующему выпуску, «проскочившему», несмотря на начавшееся осенью 1956 года политическое похолодание, через идеологический фильтр ЦК. Все это свидетельствовало о том, что власть в том числе и под воздействием «внешних раздражителей» (обострение в Польше и Венгрии), ответила на либеральный вызов общества²¹⁴ достаточно быстрой консервативно-охранительной самообмобилизацией и консолидацией.

1957-й год: Хрущёв против оппозиции в партии и литературе

«Закручивая гайки», Хрущёв в октябре 1956 года обвинил в запальчивости верхушку ССП в участии в «международном заговоре писателей против социализма»²¹⁵. А вскоре в состав правления МО ССП, считавшегося в ЦК «ревизионистским и анархистским», был в качестве нового секретаря по оргвопросам введен В.Н. Ильин (1904–1990) – отставной генерал-лейтенант КГБ.

²¹² Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей. Сборник второй / Под ред. М.И. Алигер, А.А. Бека, В.А. Каверина, Э.Г. Казакевича, А.А. Котова, К.Г. Паустовского, В.А. Рудного, В.Ф. Тендрякова. – М.: Гос. изд. художественной литературы, 1956.

²¹³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 676.

²¹⁴ Этот вызов запечатлелся в «несбыточных мечтаниях» поэта Самойлова в 1957 году о демократизации партии, печати, гласности судопроизводства и т.п. (*Самойлов Д.С.* Подённые записи в 2 тт. Т. 1. – М.: Время, 2002. С. 278–279.)

²¹⁵ *Долматовский Е.А.* «Я из-за тебя ночь не спал...» // Родина. 1992. № 3 (Цит. по: Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2-х тт. Т. 1. / Гл. ред. Н.Г. Томилина, отв. сост. М.Ю. Прозуменщиков. – М.: МФД, 2009. С. 643.

«Отсидевший», между прочим, при Сталине почти девять лет (1943–1952 г.), он теперь готов был «делом» оправдать вновь оказанное ему «высокое доверие партии».

О наступлении идеологических заморозков свидетельствовало и наблюдавшееся тогда ужесточение литературного контроля со стороны Агитпропа. Со всей очевидностью это проявилось, скажем, в том, как почти «по-ждановски» в ЦК КПСС была раздраконена в конце ноября 1956 года повесть Макса Бременера (1926–1983) «Пусть не сошлось с ответом!» (была опубликована в № 10 «Юности»). Это в общем-то безобидное произведение о проблемах детского воспитания было квалифицировано на Старой площади как «идейно-порочное». Там ее назвали «клеветой на советскую школу», преподнесенной «под видом критики последствий культа личности».

Попытки известных литераторов, журналистов и критиков (Ю.В. Трифонова, Л.А. Кассиля, Л.Р. Кабо, Б.М. Сарнова, Ф.А. Вигдоровой и др.) защитить автора повести от этих гипертрофированных обвинений успехом не увенчались. Тем не менее это проявление цеховой солидарности не на шутку встревожило аппаратных чиновников, многие из которых еще не так давно рапортовали наверх о «еврейском засилье» в гуманитарной сфере и настаивали на его ликвидации. О том, что с тех сталинских пор мало что изменилось, свидетельствовала записка, составленная 22 ноября 1956 г. заведующим отделом науки, школ и культуры ЦК по РСФСР Н.Д. Казминым (1904–1963) как раз в связи с подспудной общественной кампанией в поддержку Бременера. Наиболее «выразительным» был в ней следующий пассаж, сформулированный столь изящно и изощренно, что его истинный «эзотерический» смысл был доступен разве лишь «посвященным»: «Создается такое впечатление, что определенная группа писателей и критиков, стоящих на неверных идейных позициях по отношению к советской школе и всячески поддерживающих друг друга, занимает главенствующее место в детской литературе, что наносит ей известный ущерб»²¹⁶. Правда, автора этого письма выдавало то обстоятельство, что в критиковавшуюся им «определенную группу» он включил литераторов почти исключительно с еврейскими фамилиями.

Выраженное в этой и подобных записках недовольство очевидным, как казалось их авторам, «разгулом» творческой вольницы пребывало до поры до времени втуне. Однако, после того как 19 декабря 1956 г. появилась упомянутая директива ЦК КПСС,

---

²¹⁶ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 566.

скрытая «порка» строптивых литераторов превратилась в публичную. Составленная в сталинских традициях, она требовала пресечь «нездоровые настроения» «среди отдельных работников литературы и искусства, сползающих с партийных позиций», «охаивающих» с «позиции безыдейного искусства» «советский общественный строй» и «очерняющих» «советские порядки»²¹⁷.

Вскоре на совещании в ЦК КПСС писательскому начальству была устроена настоящая головомойка. Наиболее разностной критике подверглось руководство МО ССП, которое обвинили в культивировании «дешевого фрондерства и критиканства». Одним из тех, кто оказался в эпицентре нападков, был, пожалуй, самый яркий обличитель борцов с «космополитизмом» В. Рудный. Будучи главным редактором печатного органа МО ССП «Московский литератор», он, как отмечалось, придал этой многотиражке «явно тенденциозный характер». За превращение данного издания в «своеобразный рупор нездоровых настроений» Рудного отстранили от его редактирования и вывели из состава парткома МО ССП²¹⁸.

В мае 1957 года руки ЦК «дошли» и до редакции «Литературной Москвы». В составленной отделом культуры пространной записке в Секретариат ЦК (11 мая) редакция альманаха была обвинена в «групповщине», главным критерием для определения которой негласно послужило еврейское происхождение большинства членов редколлегии – Казакевича (главный редактор), Алигер, Каверина, Рудного (ответственный секретарь).

Хотя на прошедшем 21 и 22 мая заседании парткома МО ССП Казакевич и Рудный были вынуждены признать «отдельные ошибки, допущенные... при выпуске... сборника», тем не менее они решительно «отрицали групповой характер своей деятельности», отлично понимая по опыту недалекого прошлого, чем может им грозить подтверждение подобного обвинения. Психологически подавленные, они в дальнейшем отказались от активного «фрондерства». Это, впрочем, не помешало властям обвинить их вместе с Кавериним в «проведении линии молчания», что истолковывалось как скрытый протест²¹⁹.

Показательно, что когда 25 мая 1957 г. руководство «Литературной Москвы» изобличалось в передовице «Литературной газеты» в нигилизме и ревизионизме (за требование осудить «ждановские» постановления по «зажиму» культуры), персонально

²¹⁷ Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 210.

²¹⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 655, 676–677. *Зезина М.Р.* Указ. соч. С. 150, 205.

²¹⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 239.

поименованы были только члены редакции «ЛМ» еврейского происхождения, тогда как русские В.Ф. Тендряков, К. Паустовский, а также потомок обрусевшего датчанина А. Бек не упоминались²²⁰. Автор этой публикации оказался прямодушней цековских чиновников, которые в аналогичном случае для отвода глаз наверняка бы «разбавили» «черный список» парой русских фамилий.

Тон пропагандистской кампании, направленной против нараставших «в рядах творческой интеллигенции идейных шатаний», был задан серией встреч с ней лидеров партии и государства. Проходившие и в официальной обстановке в ЦК КПСС, и в неофициальной – на подмосковных правительственных дачах («безгалстуков»), они как бы продолжили практику прежних «посиделок» Сталина с «инженерами человеческих душ». Правда, теперь на эти мероприятия приглашались уже не только руководители творческих союзов, как это было раньше, но и десятки «рядовых» писателей, музыкантов и художников – широко известных и начинающих. К тому же, если при Сталине общение представителей высшей бюрократии с творческой интеллигенцией проходило при полном доминировании вождя, изрекавшего, как считалось, только бесспорные установочные истины, то при Хрущёве на подобных встречах порой возникали достаточно жаркие дискуссии.

Впрочем, со временем этот наследник вождя, явно претендовавший на вакантные лавры верховного наставника советской творческой интеллигенции, стремился на встречах с ее представителями почти исключительно солировать (подобно своему предшественнику). Однако задача эта оказалась ему, не обремененному ни образованием, ни интеллектом, ни хорошим воспитанием, явно не по плечу.

Заварив развенчание «культы личности» и столкнувшись потом с порожденными этим шагом потрясениями основ советской империи (массовые волнения в Польше, Венгрии, идейное брожение в СССР), Хрущёв был вынужден пойти на «живое» общение с интеллектуальной элитой. Очевидно, он осознал, что настроения в ней способны существенно воздействовать на социальную устойчивость общества.

Первым контактом такого рода стала состоявшаяся 13 мая 1957 г. на Старой площади встреча членов Президиума ЦК с почти семьюдесятью ведущими литераторами страны. С самого начала она задумывалась устроителями (непосредственным организатором была секретарь ЦК Е.А. Фурцева) (1910–1974) как банальная начальственная накачка. С пространной и эмоциональной речью выступил Хрущёв. Суть ее сводилась к следующим основ-

²²⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 655, 679.

ным установкам интеллигенции: 1) оценка деятельности Сталина должна определяться «диалектически» и ни в коем случае не сводиться к негативной критике, что чревато очернением партии и всей системы власти («Я Сталина хвалил за то, что он был нестигаемым человеком, он не страшился обрушить меч на голову врага, но я осуждаю Сталина за то, что он допустил, чтобы под этот меч попали наши друзья»); 2) только власть определяет меру либерализации системы и не допустит никакой самостоятельности снизу («Мы никогда не стояли за такую демократию, которая без берегов, без руля и без ветрил, у нас достаточно и ума, и сил для пресечения этого»); 3) главное в творчестве писателей не художественное мастерство, как, впрочем, и не отстаивание моральных принципов, а преданное служение власти («Писатели, как и при Сталине, являются первыми помощниками партии, ее лучшей опорой... они – защитники самого главного участка идеологического фронта»)²²¹.

Отталкиваясь от этих ключевых тезисов, Хрущёв первым делом встал на защиту писателей-сталинистов, к которым, как он выразился, «незаслуженно... привешивают ярлык лакировщика» и которых пытаются «затоптать... смешивают с грязью». Конкретизируя, он заявил, что такие литераторы, как Н.М. Грибачёв и С.П. Бабаевский, – «наши люди... преданные партии», они «шли за партией, верили Сталину, воспевали Сталина».

Сказав такое «а», Хрущёв должен был по логике вещей произнести и соответствующее «б», выразившееся в виде прозвучавшей затем из его уст разносной критики литераторов-либералов. Особенно «досталось на орехи» Дудинцеву («смакует недостатки», «это цыпленок, ему ли вскрывать недостатки партии...?») и руководителем МО ССП («нельзя, чтобы в Москве разводилась гниль»). И наконец, докладчик, заимствовав из идеологического инструментария Сталина державный национализм, предложил создать – явно в противовес «космополитическому» МО ССП – Союз писателей РСФСР (СП РСФСР). Как было пояснено, – «чтобы дать возможность городам РСФСР воздействовать на Москву и московских писателей»²²². При этом, конечно, имелось в виду консервативно-охранительное воздействие.

Такой антилиберальный прессинг на литературу, стимулировавший дальнейший рост конформизма и насаждение творческой посредственности в писательском сообществе, привел в уныние А.Т. Твардовского, который хоть и чурался всяческих группировок, но во многом сочувствовал Алигер и ее единомышленникам.

²²¹ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 446–462.

²²² Там же. С. 447, 451, 455, 461.

Писатель весьма скептически оценил это «мероприятие» в ЦК, символично, день в день совпавшее с первой годовщиной гибели Фадеева. Твардовский так и не решился выступить, опасаясь «сказать полуправду» или «подбросить хворосту в костер нечестивых». В его дневнике появилась следующая запись: «И хорошо сделал, что не выступал, – молчание поистине золото. Речь Хрущёва – она многими благоговейно и дословно записана – рассеяние последних иллюзий. Все то же, только хуже и мельче. Рады одни лакировщики, получившие решительную и безоговорочную поддержку»²²³.

Удручены были и писатели-«фронтеры». Особенно выглядел подавленным Паустовский, которого еще раньше удалось «дисциплинировать» угрозой ареста за «антисоветскую речь» в защиту романа Дудинцева. Выслушав теперь Хрущёва, он отправился «на поклон» в отдел культуры ЦК, хотя прежде там никогда не бывал. Там он попросил передать в подарок «дорогому Никите Сергеевичу» подборку собственных книг, а также заверение, что как «советский писатель» постарается «отмежеваться от враждебных высказываний» западной прессы в адрес «партии и правительства». Примерно так же поступил и поэт С.И. Кирсанов. Правда, весной 1959 года Паустовский, очевидно взбодренный тем, что Б.Л. Пастернака так и «не посадили» (об этом ниже), вновь воспрянул духом и стал ратовать за возобновление коллективной активности писателей-либералов²²⁴.

Уже на состоявшемся 14–16 мая 1957 г. III пленуме правления ССП произошла официальная инициация проекта формирования СП РСФСР, оргкомитет которого был создан 29 августа 1957 г., а учредительный съезд прошел в декабре 1958 года. С апреля того же года стал выходить печатный орган правления СП РСФСР газета «Литература и жизнь». За верноподданнический дух, царивший на полосах и в редакции этого издания, либералы саркастически переименовали его название в «ЛИЖИ». Возможно, чтобы пресечь такое ерничанье, в конце 1962 – начале 1963 г. газету преобразовали в «Литературную Россию»²²⁵.

---

²²³ Твардовский А.Ф. Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. 1989. № 8. С. 127.

²²⁴ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 104. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 239.

²²⁵ Эту метаморфозу консервативного издания К. Чуковский прокомментировал так: «27 ноября 1962 г. Третьего дня был у меня Образцов и сообщил, что в Москве закрывается газета «Лит[ература] и жизнь» из-за недостатка подписчиков (на черносотенство нет спроса) и вместо нее возникает «Литературная Россия». Глава Союза писателей РСФСР – Леонид Соболев подбирает для «Лит. России» сотрудников и, конечно, норовит

Главным на III пленуме ССП стало «укрошение» «своевольной верхушки» МО ССП, «посмевшей» усомниться в праве партаппарата управлять литературным процессом в стране. Собственно, обоснование краеугольного системообразующего принципа о «руководящей и направляющей» роли партии и проходило красной нитью через все выступление Хрущёва на пленуме. Основным смыслом его двухчасовой речи выразился в следующих словах: «...Некоторые товарищи односторонне неправильно поняли существо партийной критики культа личности Сталина... как огульное отрицание положительной роли Сталина в жизни нашей партии и страны и встали на ложный путь предвзятого выискивания только теневого сторон и ошибок в истории борьбы нашего народа за победу социализма...»²²⁶.

Первым в прениях, как и положено, выступил первый секретарь правления ССП Сурков. Вторя только что выступившему партийному лидеру, он смачно заметил, что польский пример освобождения литературы из-под опеки партии ведет к «порнографии и цинизму»²²⁷. Подобные сетования и увещания в духе притчи о заблудших овцах, отбившихся от стада праведных пастырей, прозвучали тогда и из уст других ораторов. «Участники пленума, – констатировалось в отчете присутствовавших «кураторов» из ЦК, – осудили ошибки некоторых московских литераторов, а отмалчивание от критики²²⁸ заклеили как проявление групповщины, бросающей тень на всю здоровую в целом московскую писательскую организацию». Однако подвергшиеся нападкам авторы и редакторы «Литературной Москвы» с честью выдержали этот психологический прессинг. Никто из них не посыпал голову пеплом, то бишь, как отмечалось в отчете, «не выступил... с признанием своих ошибок...»; более того, «на партгруппе пле-

---

сохранить возможно больше сотрудников ЛИЖИ, чтобы снова провести юдофобскую и вообще черносотенную линию. Но для видимости обновления решили пригласить Шкловского и Образцова. Обр[азцов] пришел в Правление, когда в нем находились Ст. Щипачев и Соболев, и сказал: я готов войти в новую редакцию, если там не останется ни одного Маркова (о А.Я. Маркове см. далее. – Г.К.), а если там проявится антисемитский душок, я буду бить по морде всякого, кто причастен к этому. Соболев помрачнел и ушел. Образц[ов] уполномочил меня пойти к Щипачеву и сказать, что он в редакцию «Лит. России» не входит». (Чуковский К.И. Дневник. С. 329.)

²²⁶ Цит. по: Зезина М.Р. Указ. соч. С. 202.

²²⁷ Литературная газета. 1957. 22 мая.

²²⁸ То, что никто из осужденных коллегами создателей «Литературной Москвы» не выступил на пленуме, было воспринято властями как молчаливый протест против их «литературной политики».

нума А. Яшин и М. Алигер заявили о своем несогласии с критикой общественности»²²⁹.

Такая демонстрация либеральной жестокостью явно распалила Хрущёва на то, чтобы побыстрее «добить» тех, кто невольно посмел бросить ему идейный вызов. Вот почему следующая встреча с творческой интеллигенцией состоялась менее чем через неделю, 19 мая 1957 г. По своему формату она значительно разнилась с предыдущей: помимо писателей в ней участвовали и деятели искусств – художники, скульпторы и композиторы. К тому же, ее проводили не в навевавших «священный трепет» стенах штаб-квартиры ЦК КПСС на Старой площади, а на подмосковной сталинской даче в Семёновском, где на лоне природы было организовано располагавшее к раскованному общению застолье с обильными возлияниями. Явно подражая Сталину, любившему таким незамысловатым способом «развязывать языки» гостей, Хрущёв взял на себя роль гостеприимного хозяина и тамады. Не умолкая ни на минуту, он предлагал тосты, а в промежутке продолжил путано излагать свое идеологическое кредо. Говорил о позитивной и негативной сторонах деятельности Сталина (его имя «не позволим растоптать»), о «благородстве», «разуме и терпении» русских («Россию-матушку Сталин боялся», при нем ее «обобрали, как белку»). И – тут же! – о «русотяпстве»²³⁰. Вновь отметил важность создания СП РСФСР, призванного дать отпор «лжепредставителям» и «самозванцам» («Хотят представлять русский народ перед партией»). Поясняя следом, кого он при этом имел в виду, Хрущёв «прошелся» по либеральным руководителям МО ССП, сказав, что те не могут представлять русскую интеллигенцию (они – «суррогат какой-то... не кофе, а подделка»)²³¹.

В ходе развернувшейся затем дискуссии Хрущёв почти уже по привычке изрек хулу роману Дудинцева и угрозу самому автору. После чего, видимо, ассоциативно вспомнив об Алигер, заявил, что, хотя с нею и не знаком, но, зная, что та приглашена на данную встречу, не прочь с ней «побороться». Действительно находившаяся в зале поэтесса, услышав это, привстала со своего места. Тогда заметивший ее Хрущёв стал громогласно над ней подтрунивать: «Мне изображали вас такой силой, против которой нужно чуть ли не водородную бомбу мобилизовать». Вперившись взглядом в хрупкую женщину, направившуюся тем временем к президиуму и с трудом лавировавшую между сидевшими за столиками кол-

---

²²⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 679.

²³⁰ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 463–464, 477–478.

²³¹ Там же. С. 479.

легами, Хрущёв, находясь, очевидно, уже в изрядном подпитии, вдруг произнес с устрашающим пафосом: «Но кто встанет поперек нашего пути с партийным билетом (Алигер была членом КПСС с 1942 года. – Г.К.) или без партийного билета – сотрем в порошок»²³².

На что Алигер, подойдя к Хрущёву, хладнокровно и иронично заметила: «...Я рада, что могу хотя бы выйти и вы уже видите, что я не так уж страшна». Пробурчав, что он «не из пугливых людей», лидер партии заявил в ответ, явно при этом играя на публику: «Вот Соболеву я верю. ...Ваши друзья те, кто против нашей партии. Вот беспартийный Соболев, который по недоразумению не в партии, – я за него ручаюсь головой, а за Вас и одной руки не подниму»²³³.

Однако этот прозвучавший с самого верха грубый окрик «не вразумил» Алигер, которая и на сей раз не дрогнула, что явствовало из ее письма, направленного в партком МО ССП и зачитанного 29 мая 1957 г. на закрытом партийном собрании этой писательской организации. В нем она, как констатировали в ЦК, «не признала своих ошибок», за что подверглась «резкой критике» (со стороны Л.Р. Шейнина, Е.А. Долматовского и других литераторов)²³⁴.

Разыгранный в Семёновском «политический спектакль» с демонстративным отвержением Хрущёвым курса на глубокую социальную демократизацию (символизировался Алигер) и одновременной нарочитой поддержкой умеренного сталиниста Л.С. Соболева (1898–1971), вскоре избранного председателем правления СП РСФСР, был своего рода знаковым посланием, причем не столько творческой элите, сколько номенклатурной, в верхушке которой к тому времени уже почти вызрел заговор «антипартийной группы». Подобным действием режим как бы давал понять высшей бюрократии, что страшившие ту либеральные эксперименты Хрущёва надежно им контролируются, что они имеют строго ограниченный характер и никоим образом не затронут ее (бюрократии) приобретенного при Сталине привилегированного социального статуса.

Обоснованность такой интерпретации описанных встреч Хрущёва с писателями убедительно подтверждается драматическим ходом июньского (1957 года) пленума ЦК КПСС, прошедшего в чрезвычайно критической для страны политической ситуации, которая обычно и являет обществу моменты истины.

---

²³² Там же. С. 492.

²³³ Там же. С. 492–493.

²³⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 680–681.

На этом, без натяжки историческом, партийном форуме Хрущёву ради обретения авторитарной власти в стране пришлось «биться» одновременно на двух фронтах: и с партконсерваторами-сталинистами (членами Президиума ЦК КПСС В.М. Молотовым, Л.М. Кагановичем, Г.М. Маленковым, включенными Хрущёвым в «антипартийную группу»), и с партлибералами (секретарем ЦК и кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС Д.Т. Шепиловым, «примкнувшим» к «антипартийной группе»).

Чтобы обрести поддержку большинства ЦК, Хрущёв, выставивший себя наиболее ревностным выразителем его интересов и политиком золотой середины, придерживался на пленуме центристской тактики. Эксплуатируя свой богатый арсенал демагогических приемов, он стремился убедить присутствовавших партийных иерархов, что, им, с одной стороны, следует остерегаться Молотова, Маленкова и Кагановича, которые опасны уже тем, что ратуют за приоритет государства над партией. К тому же, они более других соратников Сталина были причастны к организации недавних массовых репрессий. И обрести этот триумвират «сталинистов» всю полноту власти, недавние мрачные времена вновь могут возвратиться! Однако, с другой стороны, как пытался представить дело Хрущёв, угроза партноменклатуре исходит от опекаемых Шепиловым интеллигентов-либералов, которые, прикрываясь критикой «культы личности», на самом деле стремятся радикально демократизировать страну, что чревато для правящей элиты потерей власти, а значит и всех связанных с нею социальных преимуществ и привилегий.

Эта вторая «страшилка», доминируя над первой, являлась на пленуме ключевым тезисом в выступлениях Хрущёва, который для пущей убедительности подкреплял его сочными словесными описаниями недавнего «разгула демократии» в Польше и Венгрии.

Подобная заимствованная из политического арсенала Сталина тактика одновременной атаки против «правых» и «левых» «оппозиционеров» оказалась тогда для Хрущёва выигрышной. Благодаря ей ему удалось не только устранить из Президиума ЦК авторитетных ортодоксов и своих главных конкурентов в борьбе за власть, но и преподать урок послушания либералам, лишив их в лице низложенного Шепилова поддержки во власти.

Этого секретаря ЦК, курировавшего литературу и искусство, Хрущёв обвинил в интриганстве, «провокаторстве» и «двурушничестве». Сравнив Шепилова с «базарной торговкой» и «сплетницей», он костерил его на пленуме самым заушательским образом: «Собирал он (Шепилов. – Г.К.) в свою черную книжонку все,

что... говорили члены Президиума друг о друге, иной раз шутя, иной раз в пылу горячности, чтобы потом при подходящем случае попытаться поссорить, столкнуть друг с другом членов Президиума ЦК КПСС». Но особенно Хрущёва возмутил эпизод, описанный им следующим образом: «После беседы с писателями в ЦК КПСС (13 мая 1957 г. – Г.К.) и приема писателей правительством на даче (19 мая 1957 г. – Г.К.) Шепилов мне говорил о том, с каким одобрением писатели отнеслись к беседе с ними и какое это имеет положительное значение. Больше того. Он настойчиво предлагал мне опубликовать в печати текст моего выступления перед писателями... Затем тот же Шепилов, когда это ему показалось выгодным, всячески стал охаивать и чернить мое выступление перед писателями. Спрашивается, разве может так делать честный, принципиальный человек?»²³⁵ Выступая 2 июля 1957 г. (на третий день по окончании июньского пленума ЦК) на активе Московской городской партийной организации, Хрущёв выразился еще резче: «Шепилов действительно дерьмом оказался»²³⁶.

По мнению работавшего в аппарате ЦК Ф.М. Бурлацкого, «поведение Шепилова в ходе июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС навсегда отвратило Хрущёва от “интеллигентиков”»²³⁷.

Своим показательным антилиберализмом, принимавшим зачастую форму вышеописанных эскапад, Хрущёв пытался «отмыться» в глазах возвращенного на сталинизме советского истеблишмента от подозрений в «чрезмерном демократизме». Поэтому он, мягко говоря, не подбирал слова, когда выражал на пленуме свое отношение к «оттепельным» литераторам. Наиболее агрессивным нападкам с его стороны подверглась все та же Алигер. Она была уподоблена им и стрелявшей в Ленина Фанни Каплан, и названа «главной заправилкой» группы писателей – «жуликов», которые «фактически захватили в свои руки Московский Союз писателей». Сравнив МО ССП с «клубом Петёфи», Хрущёв патетически воззвал к участникам пленума: «Пошутили в Венгрии. Пошутили в Польше. Чем кончилось? Почему у нас не могло кончиться тем, чем кончилось в Польше?»²³⁸. Когда же Молотов, намекая на грубость и невоздержанность Хрущёва, попытался на пленуме вступить по тактическим соображениям за московских писателей, которых первый секретарь ЦК грозил, как упоминалось, «стереть в порошок», то тот, ничуть не смутившись, заявил,

---

²³⁵ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 494–495.

²³⁶ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 1. С. 587.

²³⁷ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущёве, Андропове и не только о них... – М., 1990. С. 172.

²³⁸ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 530–532.

что действовал правильно, поскольку «среди писателей есть некоторая часть таких, которых нужно обуздать»²³⁹.

Разгромив «антипартийную группу», а также изгнав в октябре 1957 года из Президиума ЦК низложенного министра обороны Жукова и, наконец, сменив в марте 1958 года на посту премьер-министра Булганина, Хрущёв не только мог торжествовать полную победу над «государственниками» в кремлевском руководстве²⁴⁰, но и очистил себе путь к единовластию. Превратившись, по сути, в авторитарного правителя, он повел себя на «идеологическом фронте» еще напористей и беспардонней. Однако, возмнив себя чуть ли не вторым Сталиным, он упустил из виду то немаловажное обстоятельство, что даже тот, когда укрощал творческую интеллигенцию, предпочитал оставаться в тени, поручая публичное ее поношение, скажем, Жданову.

Действуя явно и иногда даже «напролом», Хрущёв осенью 1957 года психологически «додавил» Алигер, принудив ее к публичной «капитуляции» в виде опубликованной статьи с покаянием за участие в выпуске альманаха «Литературная Москва»²⁴¹. Ответ на вопрос, в какой атмосфере она принимала это наверняка мучительное для нее решение, можно найти в интервью, данном Хрущёвым в ноябре 1957 года американскому журналисту Генри Шاپиро (1907–1991). Когда он в беседе с Хрущёвым затронул проблему взаимоотношений Кремля с творческой интеллигенцией, тот вдруг совсем как при Сталине стал рассуждать о «безродном космополитизме»²⁴².

Так, собственно, и закончилось исполненное драматизма противостояние данного поэта с властью. Эта история потом еще несколько лет будоражила воображение как чиновников со Старой площади, так и западных советологов. 24 мая 1959 г., когда в Москве проходил III съезд ССП, в британском еженедельнике

---

²³⁹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 103–104.

²⁴⁰ М.С. Смиртюков (1909–2004), который в 1957 году был заместителем управляющего делами Совмина СССР, так разъяснял впоследствии суть «подковерного» противоборства между партийной и государственной «фракциями» номенклатуры: «Дело было не столько в Хрущёве, сколько в партаппарате. После смерти Сталина работники ЦК и секретари обкомов захотели встать над государственным аппаратом и правительством, а Хрущёв был только выразителем их интересов. Когда сталинские соратники и в их числе Маленков в 1957 году попытались убрать Хрущёва, было уже поздно. Власть в центре и на местах перешла к партийным органам, которые поддерживали Хрущёва» // Коммерсантъ-Власть. 2000. 8 февраля. С. 55.

²⁴¹ Алигер М.А. Быть требовательней к себе // Литературная газета. 1957. 8 октября.

²⁴² Pinkus B. Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 221.

«Обсервер» появилась вдруг статья маститого английского журналиста, писателя и бывшего агента британской разведки Эдварда Крэнкшоу (1909–1984) с интригующим заголовком «Россия сегодня: никаких пуль для мисс Алигер». В ней с двухлетним опозданием, но с претензией на некую сенсационность описывались майские (1957 года) встречи Хрущёва с творческой интеллигенцией. Нарочито нагнетая задним числом страсти, автор сообщал, что полемика Хрущёва с Алигер была столь острой и напряженной, что та, лишившись чувств, упала в обморок²⁴³. Позже Крэнкшоу выпустил пространную биографию Хрущёва, в которой объявил того антисемитом²⁴⁴.

Несмотря на то, что вплоть до конца 1980-х гг. в еврейском самиздате очень активно циркулировал националистически препарированный неизвестными авторами текст вышедшей в 1945 году поэмы Алигер «Твоя победа»²⁴⁵, вскоре после ее «замирения» с властями и последовавшего «выпадения» из актуального общественно-политического контекста интерес к ней в обществе заметно снизился. То же самое наблюдалось и в отношении Дудинцева и его романа «Не хлебом единым».

Пастернак и его роман

Конфликт власти с Алигер и другими подобными ей либеральными «фрондерами» отошел на задний план еще и потому, что как раз осенью 1957 года в обществе возник эффект громоотвода в виде перекрывшей этот конфликт мировой сенсации: ожидавшегося со дня на день выхода за границей романа Б.Л. Пастернака (1890–1960) «Доктор Живаго». В нем литератор, принявший, как известно, православие еще в детстве, не только отобразил свой резко разнившийся с официальной концепцией взгляд на Октябрьскую революцию, но и как бы между строк обозначил свое неприятие еврейской национально-культурной идентичности, выступив по сути за ассимиляционную альтернативу²⁴⁶. Неслу-

²⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 89. Л. 105–107.

²⁴⁴ *Crankshaw E. Khrushchev – A Career.* – N.Y., 1966.

²⁴⁵ Подробно: *Медовар Л.* Маргарита Алигер: жизнь в литературе // Лехаим. 2000. Июнь. № 6 (98). (www.lechaim.ru).

²⁴⁶ Приступив к подготовке «Доктора Живаго», Пастернак так сообщил об этом по почте своей кузине филологу О.М. Фрейденберг: «Начал писать роман, в котором сведу счеты с еврейством, со всеми оттенками антихристианства...» (Цит. по: *Баткин В.* Трагедия поэта // Международная еврейская газета. 2004. № 39–40. С. 8). Поэт более чем реализовал эту идею, в том

чайно впоследствии (в начале февраля 1959 года) Бен-Гурион заклеил это сочинение как «одну из самых презренных» («one of most despicable») книг о евреях, когда-либо написанных человеком еврейского происхождения. Правда, израильский премьер тогда оговорился: достойно сожаления то, что автор – «человек, имевший мужество бросить вызов собственному правительству»²⁴⁷.

Несмотря на интенсивные попытки советских верхов воспрепятствовать публикации на Западе «клеветнического» и «антисоветского» романа Пастернака, в ноябре 1957 года он вышел на итальянском в Милане в издательстве Дж. Фельтринелли (1926–1972) – политика и общественного деятеля левого толка. В 1958-м книга уже на английском вышла в США²⁴⁸. В том же году появилась и ее оригинальная русская версия, без которой невозможна была номинация на литературную Нобелевскую премию. Выпуск этого издания стал результатом тайной спецоперации ЦРУ, намеревавшегося превратить присуждение Пастернаку столь престижной премии в глобальный скандал, наносивший по СССР мощный пропагандистский удар. Впоследствии открылось, что агенты американской спецслужбы сначала произвели на Мальте фотокопирование рукописи романа, потом на подведомственной ЦРУ радиостанции «Свобода» в Мюнхене члены Центрального объединения политических эмигрантов (ЦОПЭ) изготовили типографскую верстку книги. После чего в Амстердаме был под прикрытием «бренда» амстердамского академического издательства «Мутон» отпечатан тираж. Правда, когда вскоре выяснилось, что законным правообладателем русскоязычного текста является Фельтринелли, пришлось в экстренном порядке вклеивать во все книжные экземпляры новые титульные листы. В спешке при замене голландского издательства на итальянское в обозначение последнего вкралась досадная для ЦРУ опечатка. Эти и другие детали данной запутанной детективной истории уже в наши дни

числе и ставя в книге следующие мучившие его вопросы: «Отчего власти дум этого народа не пошли дальше слишком легко дающихся форм мировой скорби и иронизирующей мудрости? Отчего, рискуя разорваться от неотменимости своего долга, как рвутся от давления паровые котлы, не распустили они этого, неизвестно за что борющегося и за что избиваемого отряда? Отчего не сказали: “Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь. Будьте со всеми. Вы первые и лучшие христиане мира. Вы именно то, чему вас противопоставляли самые худшие и слабые из вас”». (*Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Новый мир. 1988. № 1. С. 82.*)

²⁴⁷ Архив ЕТА (<http://archive.jta.org/article/1959/02/09/3057535/ben-gurion-terms-dr-zhivago-a-most-despicable-book-about-jews>).

²⁴⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 700.

педантично исследовал и тщательно реконструировал И.Н. Толстой – известный журналист, историк и сотрудник «Свободы», чьи архивные изыскания и легли в основу подготовленной им монографии, содержащей помимо прочего уникальные свидетельства бывших секретных агентов ЦРУ²⁴⁹.

Публикация «Доктора Живаго» инициировала предпринятый американским правительством так называемый «Книжный проект» («The Book Project») по массовому изданию и нелегальной доставке в СССР антисоветской литературы, суммарный русскоязычный тираж которой составил за все годы примерно 800 тыс. экземпляров.

Как только 23 октября 1958 г. было официально объявлено о присуждении Пастернаку Нобелевской премии за «значительный вклад как в современную лирику, так и в область великих традиций русских прозаиков»²⁵⁰, в тот же день Президиум ЦК КПСС принял в срочном порядке «строго секретное» постановление «О клеветническом романе Б. Пастернака». В нем предписывалось: «Признать, что присуждение Нобелевской премии роману Пастернака, в котором клеветнически изображается Октябрьская социалистическая революция, советский народ, совершивший эту революцию, и строительство социализма в СССР, является враждебным по отношению к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны»²⁵¹.

В соответствии с этой директивой развернулась массированная общественная травля писателя. Соответствующую «отмашку» дала статья в «Правде» под глумливым заголовком «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка». Ее автор Д.И. Заславский – давнишний «правофланговый» советского «идеологического фронта» и активный участник пропагандистского прикрытия «дела врачей» 1953 года – вновь оказался востребованным властью – теперь, чтобы заклеить роман Пастернака как: «политический пасквиль», «реакционную публицистику низкого пошиба», «художественно убогое, злобное, исполненное ненависти к социализму произведение»²⁵².

Кульминацией этой истерии стало лишение лауреата Нобелевской премии членства в ССП. Произошло это 27 октября, когда за такое решение «единодушно» проголосовали Чуковский, Яшин, М.С. Шагинян, другие литераторы, имевшие в верхах

---

²⁴⁹ Толстой И.Н. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. – М.: Время, 2008.

²⁵⁰ Литературная газета. 1958. 25 октября.

²⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 250. Л. 15–16.

²⁵² Правда. 1958. 26 октября.

репутацию «фрондёров-либералов», а также их идейные антиподы – Софронов и другие «лакировщики»²⁵³.

Однако писатели Польши – более свободной, в сравнении с СССР, страны «социалистического лагеря» – поддержали гонимого советского коллегу. Председатель президиума правления Союза польских писателей А. Слонимский телеграфно поздравил Пастернака с присуждением Нобелевской премии, а на своем творческом вечере в декабре 1958 года прочел в присутствии 300–400 человек сочиненное в его честь стихотворение²⁵⁴.

Принужденный под угрозой высылки из СССР к отказу от премии, Пастернак 30 мая 1960 г. скончался от быстро развившейся смертельной болезни. Тем не менее, даже преждевременно угаснув, он нравственно победил травивший его режим хотя бы уже тем, что вопреки ему сумел романом «Доктор Живаго» отстаивать свое право на свободу творчества. И пусть это произведение в литературно-художественном отношении оказалось в чем-то несовершенным²⁵⁵, оно считается воистину великим по потенциалу вольной мысли, вложенной в него автором. Об этом, в частности, писал в 1959 году левый польско-еврейский историк и публицист Исаак Дойчер (1907–1967). Будучи также не в восторге от прозы Пастернака, он высоко оценил гражданское мужество автора, поставившего свободу личности выше революционного насилия²⁵⁶.

Уже находясь не у дел, Хрущёв по-настоящему прочитал роман. Запоздало прозрев и, видимо, пытаясь оправдаться перед историей, он сожалел, что его не напечатал. Вместе с тем, назвав книгу скучной, Хрущёв сказал своему зятю А.И. Аджубею (1924–1993), что, если бы ее не запретили, «ничего бы не случилось»²⁵⁷.

Как это ни парадоксально, но последствия расправы над автором «Доктора Живаго» не были однозначно негативными. Хрущёвское руководство, которое в бурно развивавшемся международном скандале вокруг «внесистемного отщепенца» Пастернака остро нуждалось в поддержке «системной» либеральной интеллигенции, вынуждено было пойти на послабления в отношении писателей-«оттепельщиков». 28 марта 1958 г. ЦК подвергло частичной ревизии некоторые идеологические постановления

²⁵³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 269. Л. 53–57.

²⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 94. Л. 1–29.

²⁵⁵ Так считали, например, А.А. Ахматова и М.А. Шолохов (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 239).

²⁵⁶ Дойчер И. Пастернак и календарь русской революции // Revue Parisien. 1959 (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 84. Л. 165).

²⁵⁷ Аджубей А.И. Те десять лет. – М., 1989. С. 174.

сталинского времени, в том числе и такое одиозное, как «ждановское» «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г.²⁵⁸ Или еще одна характерная деталь: когда в декабре 1958 года проходил учредительный съезд СП РСФСР, в его президиум к удивлению многих избрали Алигер. Конечно, произошло это с санкции начальства, которое еще совсем недавно так беззащитно ее поносило²⁵⁹.

Хрущёв и «Русская партия»

Чтобы продемонстрировать либералам свое благоволение, Хрущёв даже несколько снизил градус своих симпатий к их идейным антиподам – консерваторам-сталинистам, причем как ортодоксально-коммунистического, так и этнонационалистического толка. Поскольку это отношение Хрущёва к русскому национализму практически не изучено, необходимо хотя бы по касательной затронуть этот важный политический момент.

Думается, в отличие от Сталина, прибегнувшего в 1930-е гг. к «русской идее» исключительно с холодной прагматической целью укрепления режима, Хрущёв апеллировал к ней не только в тех же властных интересах, но и движимый неким патриотическим идеализмом, который в определенной мере был присущ его непосредственной натуре. В пользу этого предположения говорит хотя бы тот факт, что при обсуждении 13 мая 1957 г. (на упомянутой «цековской» встрече с писателями) проекта создания СП РСФСР Хрущёв поддержал его с кажущимся искренним сожалением по поводу пренебрежительного отношения властей при Сталине к самой большой советской союзной республике. В то время, как выразился Хрущёв, «Россия лица не имела»²⁶⁰. Он и раньше пытался как-то «сгладить» это представлявшееся ему несправедливым положение: существенно расширил полномочия российского Совмина, а 27 февраля 1956 г. создал Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которое, кстати, сам и возглавил. Эти преобразования наряду с учреждением СП РСФСР вполне свидетельствуют о желании Хрущёва укрепить российскую национальную государственность. Правда, это его стремление стимулировалось, как представляется, не только, а может быть, и не столько отмеченным личным ностальгическим порывом, сколько определенным политическим давлением так называемой «Русской партии»,

²⁵⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 64.

²⁵⁹ Эггелинг В. Указ. соч. С. 99.

²⁶⁰ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 448.

представлявшей собой неформальный конгломерат интеллектуально-аппаратных сил консервативно-почвеннической ориентации. Идеиные корни этой социально-политической общности уходят в начало 1920-х годов, когда П.Б. Струве, Н.В. Устрялов и другие ведущие деятели русской политической эмиграции подметили зарождение в кадровых недрах РКП(б) неких неформальных «почвеннических» настроений, обозначенных ими как «национал-большевизм»²⁶¹.

В 1930-е годы на базе этих идей Сталин сделал мощную «патриотическую прививку» государству и обществу, что заметно интенсифицировало подспудный генезис «Русской партии», завершившийся к концу 1940-х гг. Став к тому времени заметной общественной силой, эта «партия» негласно использовалась властью как один из основных инструментов в проведении кампаний борьбы с «космополитизмом» и «еврейским национализмом». Последовавшая смерть Сталина и осуществленное потом официальное разоблачение его преступлений отнюдь не поставили крест на «Русской партии». Породивший ее сталинизм продолжал и при Хрущёве оставаться – пусть и в усеченном виде – несущей идейной конструкцией режима. Особенно это стало очевидным в период социального обострения в Польше и Венгрии, когда власть в СССР вновь стала «собирать» камни сталинизма, до того ею преимущественно «разбрасывавшиеся».

Именно тогда, а точнее 23 ноября 1956 г., один из столпов «Русской партии», лауреат пяти Сталинских премий скульптор Е.В. Вучетич передал в Президиум ЦК КПСС коллективное послание, подписанное им и еще двадцатью тремя его единомышленниками – именитыми деятелями советской культуры (литераторами М.С. Бубенновым, С.П. Бабаевским, С.С. Смирновым, Ф.И. Панферовым, Ф.В. Гладковым, М.В. Исаковским, артистами М.И. Царёвым, В.Н. Пашенной, А.К. Тарасовой, композитором В.И. Мурадели, художниками А.И. Лактионовым, А.М. Герасимовым, К.Ф. Юоном и др.).

В письме выражалась глубокая озабоченность тем, что «возглавляемые Ильёй Эренбургом и Константином Симоновым» «реваншистские» и «мелкобуржуазные элементы», «активно орудующие сейчас в литературе и искусстве», «создают в творческих организациях обстановку идеологического террора, ведут разнузданную травлю литераторов и художников, которые поставили свое творчество на службу партии»; они «объявляют таких художников прислужниками культа (Сталина. – Г.К.), обливают их

---

²⁶¹ Устрялов Н.В. Национал-большевизм (Ответ П.Б. Струве) // *Новости жизни*. 1921. 18 сентября. – М.: Эксмо-Алгоритм, 2003. С. 156–163.

творчество грязными помоями, науськивают на них молодежь». Подписанты требовали укрепить партийное руководство творческими организациями, управленческий аппарат которых предлагалось подвергнуть «решительному очищению... от сомнительных, околослитературных элементов». Кроме того, в адрес Президиума ЦК КПСС высказывалось пожелание организовать совещание «по назревшим проблемам литературы и искусства», дабы «сплотить все здоровые силы... на борьбу за линию партии»²⁶².

Последнее предложение как раз и реализовал Хрущёв, встретившись 13 и 19 мая 1957 г. с писателями и деятелями искусств. Выдвинув тогда проект создания СП РСФСР, он не только перевел в сферу конвенциональности взаимоотношения правоконсервативных интеллектуалов с властью, но и существенно расширил ее возможности по контролю за процессами, протекавшими внутри «Русской партии», притом что та в силу своей этнонациональной природы не была застрахована от опасного для режима спонтанного радикализма. В ноябре 1956 года одним из подобных проявлений в ЦК КПСС сочли предложение заместителя главного редактора газеты «Советская Россия» (издавалась с июля 1956 года как орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР) Ф.Т. Лебедева начать выпуск популярного просветительского журнала «Россия», который должен был знакомить читателей с историей, культурой и традициями русского народа, в том числе публиковать материалы о бытовавших прежде обычаях наречения русских детей (чтобы среди современных советских детей было «меньше разных Гелиев, Радиев и Эсмеральд!»). Инициатива эта была отклонена, причем на том формально-«отговорочном» основании, что издание нового журнала «не вызывается необходимостью» и не может быть осуществлено «из-за отсутствия бумаги»²⁶³.

Однако сей издательский проект выглядел вполне безобидным на фоне скандала, разразившегося в декабре 1956 года в связи с выходом в издательстве «Молодая гвардия» детективного романа В.Д. Иванова (1902–1975) «Желтый металл» о нелегальном старательстве и других незаконных манипуляциях с золотом. Сыр-бор разгорелся из-за того, что автор книги живописал в ней человеческие страсти, порожденные «золотой лихорадкой», довольно вульгарным языком, сдобренным, к тому же, этноксенофобией. Чтобы убедиться в этом, достаточно было прочесть хотя бы следующие словоизвержения ненависти одного из персонажей романа: «Интеллигенция, грамотные. Сволочи еврейские!.. Душить их!

²⁶² Источник. 1994. № 4. С. 86–88.

²⁶³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 6. Л. 88–96.

Вороньи носы, нас заклевали, образованные! Ух, я их всех сейчас!.. Этого красного «уксуса» (вина. – Г.К.) отродясь ненавидел, и пусть его сосут носатые грузины-травоеды, черномазая тварь... вместе с евреями, и пусть оно все провалится в море с солнцем (дело происходит в Сухуми. – Г.К.), вместе взятое с «уксусом!»²⁶⁴.

Власти, атакованные главным образом возмущенными откликами представителей нацменьшинств и в результате «разглядевшие», что процитированные литературные «этнопоношения» коррелируются с заметно усиливавшимися в обществе (особенно в городской молодежной среде) реальными выплесками «низового» антисемитизма и неонацистской идеологии²⁶⁵, вскоре принялись исправлять свой недосмотр.

12 апреля 1956 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Шелепин уведомил Секретариат ЦК КПСС о том, что вверенное ему молодежное ведомство признало публикацию «Желтого металла» (где «грубо искажается советская действительность; допускаются «националистические высказывания о некоторых народах нашей страны... роман изобилует вульгарными, пошлыми и циничными выражениями») «грубой политической ошибкой», и издательству приказало изъять его из торговой сети. Однако к тому времени только малая толика 90-тысячного тиража книги не была распродана. Через несколько дней заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам А.В. Романов доложил начальству на Старой площади (не на шутку встревоженному, как бы шовинистические перлы из книги Валентина Иванова не были «использованы за рубежом для антисоветских выпадов!»), что дано дополнительное указание начальнику Главлита СССР П.К. Романову перевести все направленные в библиотеки экземпляры опуса в закрытые фонды²⁶⁶.

---

²⁶⁴ *Иванов В.Д.* Желтый металл. М., 1956. С. 131, 133.

²⁶⁵ Например, с осени 1955 года в Москве активно действовала экстремистская «Народно-демократическая партия России», созданная несколькими рабочими, заочно обучавшимися в гуманитарных вузах. Подготовленные ее лидерами программы предусматривали насильственную ликвидацию коммунистического строя и «окончательное решение еврейского вопроса». Примерно такого же пошиба была и появившаяся в конце 1956 года также в столице «Российская национально-социалистическая партия». (58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 464, 499, 659. *Митрохин Н.А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М., 2003. С. 169–179, 191–198.)

²⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 41. Л. 23–27. Подробно о реакции властей на выход романа см.: *Митрохин Н.А.* Евреи, грузины, кулаки и золото Страны Советов: книга *В.Д. Иванова* «Желтый металл» – неизвестный источник информации о позднесталинском обществе // Новое литературное обозрение. 2006. № 80.

В справке отдела культуры ЦК, направленной 11 мая Шепилову, роману Иванова была дана уничтожающая характеристика. В ней он назывался «халтурным», «стоящим за пределами литературы» и содержащим «хулиганские выпады»²⁶⁷.

Жестко пресекались и относительно безобидные проявления интеллектуального «русизма». Когда в 1959 году в августовском и сентябрьском номерах журнала «Звезда» появилась литературоведческая статья В. Назаренко «Черты русского стиля», отдел культуры ЦК, усмотрев в ней скрытую крамолу, стал добиваться от центрального партаппарата вынесения порицания руководству ССП, допустившему публикацию материала, содержавшего «политически ошибочные положения»²⁶⁸.

Куда охотней режим шел на такие безопасные для него демонстративно-пропагандистские жесты, как наречение в 1961 году «Россией» нового самого большого в Москве кинотеатра.

Литературные «лакировщики» и их покровители

Сверху «дозировался» не только «национал-большевизм», но и большевизм ортодоксальный, рудиментарно существовавший в официальных рамках. Наглядно это было продемонстрировано в реакции Агитпропа ЦК на выход в свет летом 1958 года романа В.А. Кочетова «Братья Ершовы». Густо пропитанный антиинтеллектуальным пафосом и памфлетным сарказмом, он являлся не только остропублицистической антитезой роману Дудинцева «Не хлебом единым», превратившемуся в своего рода манифест приверженцев демократического обновления страны, но и стал, быть может, в еще большей степени завуалированным вызовом власти, дрейфовавшей все дальше от сталинизма. Этот вызов не укрылся от зоркого ока идеологических охранителей режима. Они явно почувствовали в содержании «Братьев Ершовых» душок «пролетарско»-сталинистского реваншизма.

²⁶⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 651.

²⁶⁸ Оказывается, автор статьи, выдвигая тезис о «русском» и «лже-русском» стилях в отечественной литературе, утверждал, между прочим, что «русский национальный характер», вбиравший в себя до революции лучшие качества людей разных сословий, соответствует современному идеалу коммунистического характера. Это рассуждение сочли на Старой площади идущим вразрез с ленинским учением о классовом характере культуры и с идеей пролетарского интернационализма. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 90. Л. 84–86.)

Данная ситуация, конечно, заставила вспомнить Хрущёва об одном из главных заветов прагматика Сталина: «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности»²⁶⁹. И хотя Хрущёву было лестно, что на июньском (1957 г.) пленуме ЦК Кочетов (вместе с А.А. Прокофьевым²⁷⁰) поблагодарил его за «огромную помощь в борьбе с литературными ревизионистами и нигилистами»²⁷¹, этот комплимент не заслонил тот факт, что сочинение Кочетова, будучи первоначально напечатанным в шестом и седьмом номерах «Невы», уже до конца того же 1958 года успело отдельно выйти несколькими изданиями в Москве и Ленинграде (а также в «Роман-газете») внушительным суммарным тиражом.

Верхи не могло не обеспокоить и то, что в начале сентября 1958 года в редактируемой Кочетовым «Литературной газете» неожиданно появился пространный панегирик его роману, к тому же за подписью Ю.А. Жданова – бывшего высокопоставленного чиновника ЦК КПСС, низвергнутого за продолжение начатой его отцом, А.А. Ждановым, пропагандистской травли творческой интеллигенции и отправленного после смерти Сталина в почетную ссылку в Ростов-на-Дону²⁷².

Такая интенсивная «раскрутка» книги Кочетова, в которой третировались «гнилые оттепели», была невозможна без массивной поддержки со стороны консервативного крыла номенклатуры. Это обстоятельство, конечно, не укрылось ни от Хрущёва, ни от идейно близких ему цековских аппаратчиков. Вот почему 6 сентября 1958 г., то есть уже в день выхода статьи опального Ю. Жданова, отдел культуры ЦК направил в Секретариат информацию с заключениями специально привлеченных экспертов, полагавших, что Кочетов, исповедуя «“махаевское”²⁷³ отношение к интеллигенции», односторонне негативно изображает ее в романе, который поэтому является «идейно ошибочным, политически вредным». В записке предлагалось опубликовать

---

²⁶⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 362.

²⁷⁰ Прокофьев А.А. (1900–1971) – поэт, в 1945–1948 и 1955–1965 гг. был ответственным секретарем Ленинградского отделения ССП и СП РСФСР.

²⁷¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 143.

²⁷² Жданов Ю.А. Третьего не дано // Литературная газета. 1958. 6 сентября.

²⁷³ В.К. Махайский (1897–1926) – лидер анархистского течения в российском революционном движении. Чрезвычайно враждебно относился к интеллигенции, называя её «буржуазным паразитическим классом».

в «Правде» «установочную» статью, «правильно» оценивавшую позицию автора²⁷⁴.

Однако, хотя в этой бумаге роман критиковался достаточно сдержанно и даже деликатно, ее подписал не как обычно заведующий отделом культуры ЦК Д.А. Поликарпов (1905–1965), а его подчиненные – Б.М. Ярустовский, В.Е. Баскаков и Черноуцан. В сталинское время они тайно покровительствовали «космополитам», тогда как Поликарпов, наоборот, симпатизировал их гонителям – Софронову и идейно близким ему литераторам²⁷⁵.

Данный факт вполне соответствовал «политически выдержанной» служебной биографии Дмитрия Алексеевича Поликарпова. Выходец из крестьян Петербургской губернии, он, окончив в 1924 году Устюженский педагогический техникум и вступив тогда же в партию, начал восхождение по чиновной лестнице с ее самой низшей ступени – с должности председателя бюро пионеров укома комсомола города Устюжна Ленинградской области. Карьерная фортуна не всегда благоволила Поликарпову, особенно на социально бурном рубеже 1920–1930-х гг. Например, в 1932 году она преподнесла ему неприятный сюрприз. Тогда из председателей одного из райисполкомов Ленинградской области он был низведен до заведующего отделом народного образования этого райисполкома. Однако, когда в 1934 году первым секретарем Ленинградского обкома партии и одновременно секретарем ЦК ВКП(б) стал А.А. Жданов, дела Поликарпова пошли в гору. Его перевели в северную столицу, назначив, правда, всего лишь инструктором в областной отдел народного образования. Тем не менее на волне масштабных кадровых чисток «большого террора» он в 1938 году возносится на пост заведующего ЛеноблОНО и вскоре попадает в ближнее окружение Жданова. Поэтому, когда в конце 1938 – начале 1939 г. того назначали сначала заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК, а потом и начальником созданного на его базе управления (УПиА), Поликарпов, как «человек» Жданова, ставшего к тому времени членом Политбюро, получил под свое начало в этом управлении отдел культурно-просветительных учреждений. В следующем 1940-м году он – уже первый заместитель начальника УПиА, а с 1941-го – еще и по совмести-

---

²⁷⁴ Такая статья за подписью «В. Михайлов» вышла в свет 25 сентября 1958 г. Она появилась своевременно, так как по агентурным сведениям КГБ было установлено, что «друзья Кочетова распространяют слухи, что роман понравился «наверху»... и что в «Правде» набрана редакционная восторженная статья на два подвала». (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 115.)

²⁷⁵ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 102–105.

тельству председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. На этих постах он настолько преуспел, что в апреле 1944 года Сталин доверяет ему беспокойное «писательское хозяйство», назначив ответственным секретарем правления ССП. Однако, пробуя командовать маститыми литераторами как своими подчиненными, Поликарпов вступил в конфликт с находившимся в фаворе у Сталина генсеком ССП Фадеевым. В этом противоборстве недостаточно искусственный в интригах «кремлевского двора» чиновник-провинциал потерпел полное фиаско. В 1946 году он уже не сановный аппаратчик, а простой аспирант Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Однако в разгар антикосмополитической кампании 1949 года наверху о нем вновь вспомнили и, назначив директором Литературного института им. Горького, поручили «выкорчевывать» там «антипатриотизм». Впрочем, «схлестнувшись» в этом элитарном вузе вновь с Фадеевым и к тому же еще и с Симоновым (другим любимчиком Сталина), Поликарпов в нем долго не задержался. В июле 1951 года его перевели на политически малозначимую должность директора Московского государственного педагогического института им. Ленина.

Однако после смерти Сталина карьерное прозябание Поликарпова закончилось: в 1954 году он – секретарь МГК КПСС, а с января 1955 года (сразу по завершении эры лидерства Фадеева в ССП) – опять секретарь правления писательского союза. В октябре того же года он возглавил вновь сформированный отдел культуры ЦК. В этом качестве Поликарпов пребывал с небольшими аппаратными метаморфозами (с 1962 года – зав. подотделом литературы и искусства идеологического отдела ЦК, затем заместитель заведующего этим отделом) целых десять лет, вплоть до своей смерти в 1965 году²⁷⁶.

За эти годы стояния Поликарпова у руля советской культурной политики в сознании либерального писательства сформировался «свинцовый образ» этого партчиновника – искоренителя всякой живой и свободной мысли²⁷⁷. Известно, что именно ему была поручена «ответственная» миссия (оказалась «успешной») съездить в Переделкино к Пастернаку и уговорить его публично отказаться от Нобелевской премии²⁷⁸. Воистину Поликарпов был подобен К.П. Победоносцеву, который в свое время, по словам поэта, «над Россией простер совиные крыла». И все же, несмотря

---

²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 466. Л. 191, 191 об. Оп. 3. Д. 1057. Л. 24. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 826.

²⁷⁷ Борщаговский А.М. Указ. соч. С. 384. Зезина М.Р. Указ. соч. С. 106.

²⁷⁸ Борщаговский А.М. Указ. соч. С. 384.

на такую мрачную «персональную параллель», в жизни Поликарпов не был стопроцентным канцеляристом-роботом. Ему, как свидетельствовал Е.А. Евтушенко, отнюдь не все человеческое было чуждо. Поэт вспоминал, что, находясь однажды в служебном кабинете у Поликарпова, стал свидетелем того, как тот, достав из своего сейфа пластинку с «упадническими» песнями А.Н. Вертинского, прослушал ее с видимым наслаждением²⁷⁹.

Очевидно, Поликарпов пытался как мог спустить критику «Братьев Ершовых» на тормозах. И кое-что в этом плане ему сделать удалось. Когда 25 сентября 1958 г. в Центральном доме литераторов проходило обсуждение романа (участвовали около четырехсот столичных писателей, литературоведов и критиков), даже немногочисленные его критики из числа выступавших полемизировали с Кочетовым на удивление очень робко и завуалированно, как будто чего-то опасаясь. Но даже эти «булавочные уколы» были потом прокомментированы «Литературной газетой» как «пример бесперспективной критики»²⁸⁰.

Впрочем, с этой исходившей от «соратников» Кочетова²⁸¹ отповедью недоброжелателям его романа те явно «переборщили». Такое публичное игнорирование отрицательной оценки, данной «Инстанцией» (пусть и во многом формально) литературному произведению, не могло остаться безнаказанным. На состоявшемся 27–29 ноября 1958 г. заседании секретариата ССП писательское начальство в лице Полевого, В.А. Смирнова, Суркова, В.Н. Ажаева и Г.М. Маркова выказало недовольство тем, что «Литературная газета» «тенденциозно» и «необъективно» подходила «к освещению некоторых литературных явлений». Особо подмечалось, что издание «последовательно восхваляло» «Братьев Ершовых», «оберегая это произведение от всякой критики»²⁸².

4 декабря первый секретарь правления СП СССР Сурков выступил «по поручению ЦК КПСС» перед коллективом редакции «Литературной газеты». Информировав его об обсуждении, произошедшем в секретариате Союза писателей, он «рекомендовал» сотрудникам подведомственного издания «резко оживить публикацию дискуссионного творческого материала и вести литературу по пути, начертанному Н.С. Хрущёвым...»²⁸³ Логическая

²⁷⁹ Евтушенко Е.А. Плач по цензуре // Огонёк. 1991. № 7. С. 22.

²⁸⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 111–113. Литвинов В. По большому счёту. Заметки об одном творческом обсуждении // Литературная газета. 1958. 30 сентября.

²⁸¹ В.П. Друзин, Д.В. Стариков и др.

²⁸² Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 147–151.

²⁸³ Там же. С. 155–156.

точка была поставлена в мае 1959 года, когда со ссылкой на плохое здоровье Кочетова сместили с поста главного редактора «Литературной газеты». Новым ее главой стал С.С. Смирнов, возглавивший одновременно и МО ССП – бывшую «цитадель» «оттепельного» фронтёрства. Такие кадровые решения, в результате которых «крайние» либералы и «крайние» консерваторы от литературы заменялись на командных позициях их идеологически стерильными коллегами, как нельзя лучше символизировали то, что на языке Агитпропа именовалось «консолидацией здоровых сил вокруг ленинского ЦК КПСС».

Именно в духе сплочения под эгидой партии всех «системных» литераторов – как «левых» (прогрессистов), так и «правых» (традиционалистов) – выступил тогда Хрущёв на III Всесоюзном съезде писателей СССР. Он торжественно объявил, что, поскольку свое поражение признали те литераторы, которые «подходили» «к нашему советскому обществу с уборной общественной... с клозетов», – «оппортунизм повержен, ревизионизм разбит» и «уже веют ангелы примирения». В подтверждение этих слов партийный лидер великодушно выдал словесную индульгенцию Дудинцеву, еще недавно выставлявшемуся им предводителем «ревизионистов»²⁸⁴. После чего, дабы не встревожить этим миротворческим жестом идейных антиподов Дудинцева, писателей-традиционалистов, Хрущёв заговорил о том, что высоко ценит их преданность делу коммунизма и считает, что они – «автоматчики партии». Этим льстиво-высокопарным величанием, обращенным к тем, кого прежде пренебрежительно именовали «лакировщиками», он как бы милостиво избавлял их от этой обидной клички²⁸⁵. Даже после смещения Хрущёва звучная метафора «автоматчики партии» еще долго активно использовалась писателями консервативного направления как своего рода PR-инструмент.

И все же несмотря на все усилия Хрущёва положить конец групповым распрям в писательском сообществе, ему в лучшем случае удалось достичь только внешнего, показного «замирения» на литературном фронте. Чтобы не разрушать этого декорума, власти приходилось закрывать глаза на межклановые страсти, продолжавшие бушевать (хоть и с меньшей силой) в ССП. 15 июля 1960 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР А.Н. Ше-

---

²⁸⁴ Хрущёв заявил, что «Дудинцев никогда не был врагом и противником советского строя». Кроме того, сославшись на мнение А.И. Микояна, он заметил, что «многие вещи» Дудинцев «пишет так, как будто бы он подслушал» его самого. Хрущёв даже изъявил желание познакомиться с писателем лично. (Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 502.)

²⁸⁵ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 502–503.

лепин докладывал Хрущёву, что «в некоторых кругах творческой интеллигенции не изжиты еще элементы групповщины, в основе которых... лежат подчас неправильные взгляды на развитие советской литературы и искусства». Далее следовала «конкретика»: «...Сложилась группа драматургов: Штейн, Зорин, Шток, Шатров, Аграненко, Володин²⁸⁶ и другие, которые сплочены на нездоровой основе «борьбы» с драматургией «сталинского режима», с так называемыми «правоверными лакировщиками», к числу которых эта группа относит таких советских драматургов, как Корнейчук, Погодин, Софронов, Вирта, Мдивани и других»²⁸⁷.

Тем не менее на состоявшейся через два дня (17 июля) в Семёновском встрече «руководителей партии и правительства с деятелями советской культуры» царила, в отличие от аналогичного мероприятия трехлетней давности, полная идиллия. На следующий день в «Правде» появился пространный отчет под красноречивым заголовком «Единство, сердечность, творческое вдохновение».

* * *

Щедро наделенный природным хватким умом, политической решительностью и знанием народной жизни Хрущёв в начале 1956 года отважился на главное в своей жизни – рискованное для системы и для него лично публичное разоблачение преступлений Сталина. Казалось, что благодаря этой исторической акции, предпринятой на XX съезде КПСС, он обрел реальный шанс провести глубокое реформирование режима. Подобные иллюзии захватили прежде всего либеральную творческую интеллигенцию, которая надеялась если и не на введение свободы слова, то во всяком случае на существенное смягчение цензурного контроля. Но ничего подобного не произошло. Хотя Хрущёв, безусловно понимавший, что общество, сдавленное тисками сталинизма, будет деградировать, несколько ослабил тиски несвободы. Однако приоритетом для него была отнюдь не демократизация страны, а укрепление коммунистического режима и собственной власти. Это особенно стало очевидным во время массовых волнений в Польше и Венгрии, когда он смог «эмпирически» убедиться в том, что дарование народу даже малой толики независимости от поставленной над ним власти несет в себе смертельную для нее угрозу.

---

²⁸⁶ З.М. Аграненко (Ерухимович; 1912–1960), А.М. Володин (Лифшиц; 1919–2001), Л.Г. Зорин (Зальцман; р. 1924), А.П. Штейн (1906–1993), И.В. Шток (1908–1980), М.Ф. Шатров (Маршак; 1932–2010) – драматурги еврейского происхождения.

²⁸⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 394–395.

Для стиля правления Хрущёва характерны были его импульсивные метания между Сциллой сталинизма и Харибдой либерализма. Одной рукой власть как бы ослабляла партийный контроль над литературой и понижала репрессивный потенциал органов госбезопасности. Однако другой – «закручивала гайки»: делала «оргвыводы» в отношении историка Панкратовой, организовывала кампании травли против Дудинцева, Пастернака, Паустовского, Алигер, других независимо мыслящих литераторов, составляла и рассылала в партийные организации директивы, требовавшие «повышения политической бдительности». Ключевым из них было закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», инициировавшее силовое «наведение порядка» в студенческой среде. Арестованные тогда историк Лев Краснопецев, математик Револьт Пименов, другие представители неконформистской молодежи стали предтечами оппозиционного правозащитного движения, бросившего открытый вызов уже брежневскому режиму.

Пароксизмы «оттепели» чередовались с «подмораживанием» социальной активности интеллигенции. И хотя с весны 1957 года ее элита получила возможность непосредственного общения с властью и в какой-то мере даже вступить с нею в социальный диалог, Хрущёв с самого начала использовал встречи с творческими деятелями как средство их партийно-пропагандистской «накачки». В результате росло отчуждение либеральной интеллигенции от Хрущёва, который все больше лишался не только ее поддержки, но и терял опору в других социальных слоях общества. Следствием этого стало поступательное усиление роковой для него зависимости от высшей бюрократии, преследовавшей по преимуществу узко корпоративные выгоды, которые в целом шли вразрез с интересами развития страны.

Глава III

**«ЕВРЕЙСКИЙ
ФАКТОР»**

**во внешней политике Москвы
1956 года**

Десталинизация в Польше

Оглашенный на закрытом заседании XX съезда доклад «О культе личности и его последствиях» внес смятение в польскую делегацию. Возглавлявший ее первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут, который был что называется «без лести предан» Сталину, от сильного расстройств даже слег в Москве, а 12 марта 1956 г. скоропостижно скончался в Кремлевской больнице. Тогда перед Кремлем встал важный вопрос о будущем главе второй по политической значимости после СССР страны-участницы военного восточноевропейского («Варшавского») договора. Решение этого вопроса серьезно осложнялось перманентной «подковерной» борьбой за власть в польском коммунистическом руководстве, всецело воцарившемся в стране с января 1947 года. Причем «еврейский фактор» играл в данных интригах одну из ключевых ролей. Впервые он резко обозначился еще в конце 1948 года, когда к Сталину обратился бывший генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии (преобразовалась в ПОРП) Владислав Гомулка²⁸⁸. 14 декабря он писал: «Личный состав руководящих звеньев государственного и партийного аппарата (Польши. – Г.К.), рассматриваемый с национальной точки зрения, по-моему, создает преграду, затрудняющую расширение нашей базы... Можно и меня считать ответственным за... высокий процент евреев в руководящем государственном и партийном аппарате, но главная вина за создавшееся положение вещей падает, прежде всего, на товарищей евреев... На основе ряда наблюдений можно с полной уверенностью заявить, что часть еврейских товарищей не чувствует себя связанной с польским народом... и польским рабочим классом никакими нитями или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом»²⁸⁹.

²⁸⁸ С поста генсека ЦК ПРП Гомулка был смещён в сентябре 1948 года (за приверженность идее национального пути к социализму).

²⁸⁹ СССР и Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов / Под ред. Г.А. Бордюгова и Г.Ф. Матвеева. – М., 1995. С. 274–275.

Однако этот демарш, предпринятый отнюдь не случайно в момент, когда в СССР стали вовсю громить так называемых еврейских националистов, оказался для Гомулки неудачным. В своем стремлении сыграть на «антисемитской струне» Сталина он действовал достаточно примитивно, не сумев постичь его прихотливого прагматического «диалектического подхода». Этот «подход» советского вождя народов заключался в том, что одних евреев, скажем в Чехословакии, он, подозревая их в нелояльности, подвергал гонениям, но одновременно других, например в руководстве Польши или Венгрии, – поддерживал, видя в них свою властную опору и политический противовес национально ориентированным политическим деятелям этих стран (к коим причислил, кстати, и Гомулку).

Подобную имперскую этнополитическую тактику по принципу «разделяй и властвуй» советский вождь применял не только в подвластных странах Восточной Европы, но и в СССР. Опасаясь чрезмерной, как ему казалось, самостоятельности, обретенной руководителями Украины в годы войны, Сталин в 1947 году назначил первым секретарем ЦК КП(б)У Лазаря Кагановича. Для Хрущёва, смещенного с этого высшего в Республике поста, такая пертурбация была сильнейшим психологическим ударом, стимулировавшим, без сомнения, его личный антисемитизм.

Аналогичную кадровую перестановку Сталин тогда же намеревался предпринять и в отношении Белоруссии. Партийным главой этой республики он думал поставить С.Б. Задонченко (1898–1972), причем даже несмотря на то, что еще в 1938 году тот, будучи первым секретарем Днепропетровского обкома партии, был уличен Хрущёвым в «неискренности перед партией», состоявшей в том, что, выдавая себя украинцем Семеном Задонченко, он оказался на самом деле евреем Шимоном Зайончиком.

В конце концов, видимо потому, что «местный национализм» в Белоруссии был значительно слабее, чем на Украине, Сталин пошел на «компромиссное решение», утвердив в 1947 году первым секретарем ЦК КП(б)Б русского Н.И. Гусарова (1905–1985), который до этого возглавлял Пермский обком партии²⁹⁰.

Сделав в Польше ставку на евреев, Сталин не мог предварительно не принять в расчет того немаловажного обстоятельства, что в годы Второй мировой войны немалое количество

---

²⁹⁰ Вопросы истории. 1990. № 5. С. 58–59. Свидетельство П.К. Пономаренко (Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. – М.: «Былина», 1999. С. 142).

польских евреев являлось гражданами СССР, там они пережили Холокост²⁹¹ и начиная с 1944 года стали возвращаться на родину. До конца 1949 года в Польшу с востока прибыли 230 тыс. евреев²⁹².

Если в июле 1945 года в Польше числилось 55 509 евреев, то летом 1946 года – уже 250 тыс. Правда, там их никто не ждал, особенно тех, кто претендовал на свою довоенную собственность и жилье. Дело дошло даже до погромов, произошедших в Люблинском, Кельцком воеводствах, в Кракове и других местах. До лета 1947 года там погибло в общей сложности около одной тысячи евреев²⁹³. Вместе с ними от рук национал-экстремистов пострадало и немало православных польских граждан, ставших жертвами кровавых инцидентов.

Эти насилия и общая послевоенная неустроенность стояли в ряду главных причин, обусловивших массовую эмиграцию евреев из Польши. Только в июне – сентябре 1946 года из страны выехали 63 тыс. евреев. К осени 1948 года в Польше оставалось около 100 тыс. евреев, а к 1951 году их количество сократилось еще на 20 тысяч. Всего в 1945–1955 гг. из страны выехали 200 тыс. евреев²⁹⁴.

Тем не менее степень влияния деятелей еврейского происхождения на положение дел в правящей партии, государственном управлении и интеллектуально-культурной сфере практически не снизилась. Особенно существенными были их позиции в органах Министерства общественной безопасности (МОБ), но далеко не господствующими, как они рисуются в расхожем мифе о послевоенном «еврейском десятилетии» в Польше, когда тайная полиция там была якобы в «руках евреев». По тщательно выверенным архивным данным доля евреев в общем количестве сотрудников этого репрессивного аппарата составляла 1,8%, а если брать его руководящий состав, в том числе и региональный (начальники и заместители начальников воеводских управлений МОБ), то она

---

²⁹¹ Из 3,3 млн. польских евреев Холокост пережили только 380 тыс. человек.

²⁹² *Волубуев В.В.* Антисемитизм в ПНР через призму взаимоотношений власти и общества. 1944–1968 // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н.М. Куренная. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 515.

См. иные количественные данные: *Говрин Й.С.* 174. КЕЭ. Т. 6. – Иерусалим, 1992. Кол. 619–669. (www.eleven.co.il/article/13274#10).

²⁹³ КЕЭ. Т. 6. – Иерусалим, 1992. Кол. 619–669. (www.eleven.co.il/article/13274#10).

²⁹⁴ *Волубуев В.В.* Антисемитизм в ПНР... С. 515–516.

возрастала до 13–15%. К тому же, с 1949–1950 гг. по директиве из Москвы началось систематическое увольнение евреев из управленческих структур правительства, армии, спецслужб, дипломатического ведомства²⁹⁵.

Подобный этнический кадровый расклад в руководстве спецслужб Польши, являвшихся в руках Сталина главным инструментом контроля за внутренней ситуацией в этой стране, уже сам по себе обрекал на неуспех упомянутую «антиеврейскую» попытку Гомулки заручиться поддержкой советского вождя. К тому же, Сталин на горьком для него югославском опыте (скандальный разрыв с Иосипом Броз Тито) уже тогда успел убедиться в том, что реализация в восточноевропейских странах-сателлитах национальных моделей построения социализма однозначно противопоставлена его империи. Поэтому было вполне закономерным то, что Гомулку, обвиненного в «правонационалистическом уклоне», сначала полностью вывели из политической жизни страны, а со 2 августа 1951 г. вместе с женой-еврейкой Софи (Ливией) Шокен административно изолировали в загородном особняке, где продержали до 13 декабря 1954 г.²⁹⁶

Тогда в противоборстве с Гомулкой победил Берут, всецело опиравшийся на промосковски ориентированных высших партфункционеров, входивших в Политбюро ПОРП, в котором доминировало «руководящее ядро» в составе Якуба Бермана, Гилярия Минца и Романа Замбровского. Все они были этническими евреями, а лидером этого «триумvirата» безусловно являлся Якуб Берман (1901–1984), отвечавший в Политбюро за самый важный сегмент государственной власти – Министерство общественной безопасности и другие силовые органы, а также за пропаганду. Занимая дополнительно еще и пост статс-секретаря Президиума Совета Министров Польши (в 1947–1952 гг.), Берман ведал и «еврейскими делами»: в 1947–1949 гг. курировал еврейскую эмиграцию (тогда из Польши в Палестину выехали 30 тыс. человек). Его брат, левый сионист Адольф Берман (1906–1978), возглавлял с 1946 года Центральный комитет евреев Польши (сменил Э. Зоммерштейна, уехавшего в США). Однако в 1949 году, будучи обвиненным Г. Смоляром (о нем далее) в еврейском национализме, уступил ему руководство этой организацией, а сам вынужден был

---

²⁹⁵ *Kersten K.* Polish Stalinism and So-Called Jewish Question // *Der Spätstalinismus und die Jüdische Frage. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus* / Hrsg. von L.Luks. – Köln: Bohlau Verlag, 1998. S. 226.

²⁹⁶ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 229. РГНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 54–155.

в 1950-м перебраться в Израиль, где от партии Мапам²⁹⁷ был избран в кнессет. Примкнув потом к коммунистам, вошел в ЦК КПИ²⁹⁸.

Вторым по властному рейтингу в «триумvirате» был Г. Минц (1905–1974). Сразу после войны он был назначен министром промышленности, а в 1949 году – заместителем, потом первым заместителем председателя Совета Министров Польши, возглавлял также польский Госплан. Его жена Юлия руководила информационным агентством ПАП. В начале 1949 года служебная деятельность Минца была отмечена одним весьма пикантным эпизодом. Тогда он вместе с Берутом, приняв, видимо, во внимание повышенную в то время антисемитскую возбудимость польского общества, выразил советскому послу В.З. Лебедеву (1900–1968) резкое недовольство некачественным дублированием некоторых демонстрировавшихся в Польше советских кинофильмов («Русский вопрос», «Поезд идет на восток» и др.). В них, как было пояснено диппредставителю Москвы, польская речь звучала «с заметно выраженным еврейским акцентом», на что зрители бурно реагировали, а некоторые из них даже демонстративно покидали просмотрные залы. По этому инциденту Маленков распорядился провести в ЦК ВКП(б) специальное расследование. К разбирательству была привлечена группа экспертов-лингвистов, устройших проверку («на еврейский акцент») дикции актеров, дублировавших злополучные фильмы²⁹⁹.

Самым младшим в «триумvirате» – не только по возрасту, но и по политическому ранжиру – был Р. Замбровский (1909–1977), который до войны возглавлял польскую комсомольскую организацию, а потом, находясь в СССР, руководил формированием Союза польских патриотов и Армии Людовой. Став в 1948 году вторым секретарем ЦК ПОРП, он возглавил важную сферу подбора, расстановки и «чистки» высших управленческих кадров.

На следующем по нисходящей уровне польской власти представительство функционеров еврейского происхождения также было значительным. Это и Зигмунт Модзелевский, возглавлявший в 1947–1954 гг. польский МИД, и заведующий партагитпропом Ежи Моравский, и Ежи Борейша – всевластный началь-

---

²⁹⁷ Мапам («Объединенная рабочая партия») – левосоциалистическая партия сионистского толка. Создана в 1948 году путем объединения просоветских группировок в израильском рабочем движении для формирования левой оппозиции правившей тогда партии Мапай (см. сноску далее), с которой, однако, с 1965 года стала блокироваться на выборах.

²⁹⁸ Дорфман Ф. «Начальники» Польши // Еврейское слово. 2009. 27 октября – 2 ноября. № 38(456). С. 10.

²⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 304. Л. 242–249. Д. 322. Л. 145–154.

ник в сфере культуры и директор крупнейшего в стране издательского концерна «Читательник». Его брат, Юзеф Ружанский, занимавший вплоть до 1954 года пост замминистра общественной безопасности, непосредственно ведал организацией политических репрессий в стране.

И хотя наряду с ними десятки других функционеров-евреев были задействованы в сфере управления, это, тем не менее, не означало, что верхний и средний эшелоны власти были «монополизированы» представителями этого нацменьшинства. Ведь в Политбюро и Секретариате ЦК ПОРП, а также в руководстве региональных (воеводских) парторганизаций и в правительстве им противостояла не менее влиятельная группировка коммунистов-«патриотов» (так называемые «натолинцы»³⁰⁰). В нее входили в основном этнические поляки, в том числе и следующие члены Политбюро: заместитель председателя Совета Министров Зенон Новак (1905–1980), председатель Госсовета Александр Завадский (1899–1964), министр культуры Владзимеж Сокорский (1908–1999) и другие. Они тоже были всецело преданы Кремлю и за его симпатии активно (хотя и тайно) конкурировали с коллегами-евреями, разыгрывая при случае и юдофобскую карту.

В 1949 году А. Завадский пожаловался советскому послу: «Для меня совершенно ясно, что группа в лице Бермана, Замбровского и Минца захватила в свои руки фактическое руководство ПОРП и умело отодвигает Берута на задний план... Они, безусловно, умные и способные люди, но многим полякам... бросается в глаза их исключительная спайка, солидарность и единомыслие при решении любых вопросов в ЦК и правительстве. Я считаю, что засилье евреев в партийных и государственных органах Польши является серьезной политической проблемой»³⁰¹.

Подобную аргументацию «натолинцы» зачастую заимствовали у активистов социалистическо-клерикального «товарищества польских светских католиков» «Пакс», созданного при участии МГБ СССР в 1947 году дабы противодействовать «реакционному» влиянию польского епископата на клир и верующих. Возглавлял эту проправительственную общественную организацию Болеслав Пясецкий (1915–1979), состоявший до войны в рядах ультранационалистического и откровенно антисемитского движения ОНР³⁰² «Фаланга», возникшего в апреле 1934 года. И хотя

³⁰⁰ Выражение из политического жаргона, образованное по топонимике местонахождения общественной штаб-квартиры этой группировки в Варшаве.

³⁰¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 882.

³⁰² ОНР – «Обуз народово радикальны» («Национально-радикальный лагерь»).

формально оно вскоре было запрещено, члены этой группировки продолжали действовать почти открыто. Под лозунгом борьбы с «жидокоммуной» они явочным порядком организовывали в польских университетах общественную дискриминацию евреев: добивались введения для них рестрикций на обучение³⁰³, а также устройства в учебных аудиториях задних скамей-«гетто». После смерти авторитарного правителя Ю. Пилсудского (1867–1935) антисемитизм в Польше стал приобретать ярко выраженный государственный характер. Новые лидеры страны стали активно принуждать евреев к эмиграции. В рамках этой политики сеймом был принят закон о защите польского национального достоинства, который предусматривал административное заключение виновных в тюрьму на два года. Апеллируя к этому закону, активисты ОНР терроризировали еврейское население (особенно мелких торговцев), подвергая его публичным оскорблениям и даже физическому насилию (заградительные пикеты у еврейских магазинов, битье витрин, уничтожение товаров, нападение на владельцев лавок и т.п.). Примас Польши католический кардинал Август Глонд даже обратился в 1938 году к верующим со специальным папским посланием, в котором призвал объявить евреям экономический бойкот дабы заставить их выехать из страны. Однако разгул клерикального ультранационализма в определенной мере сдерживался сопротивлением еврейских общественно-политических организаций, прежде всего стотысячного «Бунда», который в марте 1936 года провел массовую акцию под названием «День протеста»³⁰⁴.

Во время Второй мировой войны Пясецкий участвовал в антинацистском сопротивлении. В ноябре 1944 года он, тогда поручик Армии Крайовой, был арестован НКВД СССР, однако, дав обязательство заместителю наркома внутренних дел и уполномоченному НКВД СССР по 1-ому Белорусскому фронту И.А. Серову содействовать формированию коммунистического режима в Польше, летом 1945 года был выпущен из заключения.

Антисемитская направленность пропагандистской деятельности «Пакса» особенно наглядно проявилась в фабрикации так

---

³⁰³ Обучение евреев в польских университетах ограничивалось, как правило, пятипроцентной «нормой» («*numerus clausus*» – «закрытое число»), но были и такие высшие учебные заведения, в которые прием евреев был полностью запрещен («*numerus nullus*»).

³⁰⁴ *Купервейс Т.* Евреи в довоенной Польше. Взгляд изнутри // Еврейское слово. 2002. 11–17 декабря. № 47 (121). С. 8. *Беркович Е.* Расстреляны при невыясненных обстоятельствах. Дело Эрлиха–Альтера // Еврейское слово. 2010. 13–19 июля. № 26 (491). С. 9.

называемой «секретной директивы Бермана», которая в послевоенные десятилетия широко распространялась как в Польше, так и в СССР (среди интеллектуалов-«почвенников»). В ней, якобы озвученной в 1946 году Якубом Берманом на некоей его тайной встрече с «номенклатурными» соплеменниками, ключевым был следующий тезис: «Евреи имеют возможность взять в свои руки всю полноту государственной жизни в Польше и установления контроля»³⁰⁵.

Даже поверхностный текстологический анализ этого явного фальсификата позволяет определенно выявить вторичный, производный его характер относительно печально знаменитых «Протоколов сионских мудрецов» и одного из главных постулатов гитлеровской пропаганды о «всемирном заговоре советского коминтерновского еврейства и американо-сионистской плутократии».

В определенной мере к «натолинцам» примыкал и Константин Рокоссовский (1896–1968), который по просьбе Берута в 1949 году был отправлен Сталиным в Польшу для назначения министром национальной обороны. Эта связь советского военачальника с польскими националистами особенно проявилась после смерти «вождя народов», являвшегося главным, а может быть, и единственным в Кремле покровителем «триумвирата» в составе Бермана, Минца и Замбровского. Тогда атаки на них со стороны коллег-«патриотов» стали стремительно нарастать. Очевидно, с их подачи 20 октября 1953 г. Рокоссовский сообщил в советское посольство о засилье кадров еврейской национальности в политуправлении Войска Польского, что он счел следствием чрезмерного влияния на Берута Бермана и других евреев в ближайшем окружении первого секретаря ЦК ПОРП. В ответ советское «коллективное руководство» в лице Маленкова, Хрущёва, Молотова и Булганина настоятельно посоветовало «польским товарищам» (прежде всего, надо думать, Беруту!) «серьезно заняться выдвижением руководящих кадров из числа выросших и преданных партии товарищей польской национальности»³⁰⁶.

Такое решение Президиума ЦК КПСС вдохновило советского посла в Варшаве Г.М. Попова (1906–1968)³⁰⁷ на новые наскоки на еврейских «триумвиров» в польском руководстве. 25 января 1954 г. Попов направил в Москву новую телеграмму, в которой, ссылаясь на мнение А. Завадского, фактически обвинил Бермана, Минца и Замбровского в негласном отстранении Берута от власти и ее

³⁰⁵ Цит. по: *Куняев С.Ю.* Шляхта и мы. – М., 2002. С. 168.

³⁰⁶ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. – М., 2008. С. 265.

захвате в свои руки. Однако последний, который по-прежнему воспринимался в Москве как авторитетный и надежный ее ставленник в Польше, ответил на этот демарш решительной контратакой. В ультимативной форме он потребовал от Маленкова и Хрущёва отозвать Попова из Варшавы, пригрозив в противном случае уйти в отставку. Советские вожди не стали рисковать и уступили: 13 февраля на заседании Президиума ЦК они обвинили вызванного в Москву Попова в «грубых политических ошибках», «недопустимом» вмешательстве во внутренние дела страны пребывания и антисемитизме. Потерпев сокрушительное фиаско, тот был отправлен на «хозяйственную работу» в советскую глубинку³⁰⁸.

Пойдя навстречу Беруту, Кремль, со своей стороны, настоял на инициации в Польше «вскрытия» недавних наиболее вопиющих «нарушений социалистической законности». Спекулируя на этом курсе, вылившемся в первоочередную люстрацию в органах госбезопасности (самой одиозной государственной институции), «натолинцы» постарались придать ему антисемитский характер. Добиться этого не составило большого труда, поскольку налицо была значительная концентрация евреев в органах польской госбезопасности. Первым делом от руководства ими был отстранен Я. Берман, получивший как бы взамен должность заместителя главы правительства без определенных полномочий. Да и ослабшему здоровьем Беруту тоже пришлось поделиться частью своих полномочий: в том же 1954 году он уступил Ю. Циранкевичу (1911–1989) важнейший пост председателя Совета Министров. Тогда же отправили в отставку и министра общественной безопасности С. Радкевича (1903–1987). Чтобы дискредитировать его, «натолинцы» публично причисляли этого чистокровного поляка к евреям, которым он также был, мягко говоря, не очень симпатичен. Именно ему приписывался следующий риторический вопрос, обращенный к принятой им депутации так называемого Центрального комитета польских евреев, потребовавшей после погрома в Кельцах³⁰⁹ проведения официального расследования и наказания убийц: «Вы что, хотите заставить меня депортировать в Сибирь 18 миллионов поляков?»³¹⁰.

---

³⁰⁷ Г.М. Попов, собственно, и направил в Москву упомянутую информацию Рокоссовского. Будучи в 1945–1949 гг. первым секретарем МК и МГК ВКП(б), он проявил себя крайним шовинистом и brutальным солдатом в борьбе с так называемыми космополитами.

³⁰⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 24–28, 881–883.

³⁰⁹ В результате произошедшего в июле 1946 года кровавого погрома погибли 42 человека.

³¹⁰ *Kersten K. Polish Stalinism and So-Called Jewish Question. P. 227.*

Впрочем, наряду с евреями мнимыми были «вычищены» и настоящие: скажем, такие одиозные «спецслужбисты», как заместители министра общественной безопасности Ю. Ружанский, А. Фейгин и др. Еще раньше, в декабре 1953 года, не дожидаясь карьерного краха, бежал на Запад высокопоставленный функционер «органов» Ю. Святло (И. Фляйшфарб), который с сентября 1954 года стал выступать на радиостанции «Свободная Европа», выдавая в эфир компромат на польскую госбезопасность.

Однако «натоллинцы», стремившиеся полностью покончить с «триумvirатом», не довольствовались такой ограниченной (сферой госбезопасности) кадровой перетряской, о чем совершенно определено (хотя и не явно) свидетельствовало одно из донесений в Москву нового советского посла в Польше П.К. Пономаренко. 23 мая 1956 г. тот сообщил Хрущёву, что в начале того года некий «сепаратный Временный Центральный исполнительный комитет ПОРП» (вроде бы, образованный еще в 1952 году) нелегально созвал «V сепаратный съезд представителей большинства членов ПОРП», принявший следующую резолюцию: «Несмотря на жестокости второй мировой войны евреи... не отказались от стремления господствовать над другими, культ золота и валюты, не изменился их сионизм и обособление от нашего общества. ... С начала освобождения страны целью евреев являлся захват ведущих постов в партии, администрации государства, его экономике и управлении Польшей. ...Еврей-комбинаторы – крикуны и бериевцы – настаивают на своем превосходстве над поляками. Их руками поддерживался культ личности, которым они запугивали поляков и держали в зависимости»³¹¹.

Под предлогом настоятельной необходимости сдержать дальнейший рост общественного антисемитизма авторы резолюции потребовали от властей следующие «антипровоцирующие» действия в отношении евреев: привести их количество в органах власти в пропорциональное соответствие с общей численностью этого нацменьшинства; при этом полностью удалить его представителей из народного Войска Польского, органов госбезопасности, министерства иностранных дел, государственной администрации, структур управления просвещением, радио, печатью, кино, театрами, государственной промышленностью. Кроме того, евреев, носивших полонизированные фамилии, предлагалось обязать указывать в скобках и истинные. Рекомендовалось также максимально облегчить для них выезд на постоянное жительство в Израиль и другие страны³¹².

³¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 89–96.

³¹² Там же.

Между тем, весной 1956 года градус бюрократического антисемитизма в Польше резко повысился. Произошло это в результате антисталинских разоблачений на XX съезде КПСС и внезапной кончины в Москве потрясенного ими Берута. Для участия в его похоронах и в назначении нового польского лидера 15 марта 1956 г. в Варшаву прибыла советская делегация во главе с Хрущёвым. Тот уже располагал принятым накануне Президиумом ЦК КПСС планом, сводившимся к следующим главным задачам: во-первых, покончить с властным «триумvirатом» в Польше, который, как виделось из Москвы, утратил со смертью Берута политическую жизнеспособность; во-вторых, передать бразды правления страной руководителям ПОРП «коренной национальности» и, в частности, предложить для избрания на пост первого секретаря членов Политбюро ЦК ПОРП А. Завадского и Э. Охаба³¹³.

Однако на собравшемся в Варшаве VI пленуме ЦК ПОРП были неожиданно выдвинуты кандидатуры лидеров противоборствовавших в этой партии группировок – З. Новака и Р. Замбровского. Первый предводил партконсерваторами («натолинцами»), а вокруг второго – хотя и входившего в «триумvirат», но успевшего к тому времени дистанцироваться от Бермана и Минца (стали одиозными из-за бывших тесных связей с госбезопасностью) – стали концентрироваться партлибералы (так называемые «пулавяне»³¹⁴). Если Замбровский выступил в прениях достаточно осторожно, то Новак, напротив, был не сдержан, обрушившись на своего конкурента с грубой критикой, изобиловавшей, к тому же, антисемитскими инвективами. Это еще больше настроило против него «либералов» (превалировали в ЦК) и отпугнуло «умеренных», сделав тем самым «не проходным».

Такой разворот ситуации на пленуме был на руку Хрущёву: как бы сам собой «отсеялся» один из нежелательных для него претендентов на самый высокий пост в Польше. И хотя советский лидер и утверждал потом, что «вовсе не был на заседаниях, где решался вопрос о новом руководстве (Польша. – Г.К.), ни на пленарных, ни на иных»³¹⁵, на самом деле он активно в них участвовал. Во всяком случае, известно, что по выдвинутым Кремлем претендентам на польскую «партийную корону» на пленуме состоялось «бурное обсуждение». В результате один из них – Завадский, имевший среди поляков репутацию «очень доверенного

³¹³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 114–128.

³¹⁴ Выражение возникло от варшавской Пулавской улицы, на которой проживали многие из представителей этой неформальной фракции ПОРП.

³¹⁵ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 231.

человека Москвы», был забаллотирован. Зато второй – секретарь ЦК ПОРП Охаб, зарекомендовавший себя умеренным и политически нейтральным, прошел в решающий «второй тур» выборов лидера Польши. Он вступил в противоборство с другим секретарем ЦК (по кадрам) – «пулавянином» Замбровским. Для того, как вспоминал Хрущёв, «не осталось секретом, что Москва не поддерживает его кандидатуры», тем не менее «его (Замбровского. – Г.К.) сторонники развили бешеную работу... особенно против меня (Хрущёва. – Г.К.)»³¹⁶.

Яростные нападки поляков на Хрущёва были, видимо, вызваны бестактным вмешательством того в их национальные и внутрипартийные дела. Энергично продавливая на пленуме своего кандидата (Охаба) и используя в качестве аргумента резон пропорционального этнического представительства в органах власти и вузах³¹⁷, он заявил, что «хотя г. Замбровский хороший и способный товарищ, однако в национальных интересах Польши лучше выдвинуть руководителя партии польской национальности, так как чем больше выдвигать на руководящие должности евреев, тем больше будет антисемитских настроений»³¹⁸.

Еще более менторский тон советский лидер позволил себе, выступая после похорон Берута 22 марта 1956 г. Обращаясь к членам ЦК ПОРП, он тогда посетовал: «Я знаю, что вы в Польше так же, как когда-то мы в СССР, страдаете от ненормальной расстановки руководящих кадров». Выразительно поглядев на пред-

---

³¹⁶ Там же. С. 231–232.

³¹⁷ Эту свою «теорию», призванную закамуфлировать антисемитизм власти, Хрущёв и потом проповедовал открыто и при каждом удобном случае. Выступая 17 декабря 1962 г. перед советской творческой интеллигенцией в доме приемов на Ленинских горах, он пустился в следующие не очень грамотно сформулированные и сбивчивые рассуждения: «Я считаю, каждый народ достоин выделять своих лучших представителей, и они пользуются равными правами и занимают достойное место как в партии, так и в государстве. Если говорить откровенно, в былые времена, в первые годы непропорционально была представлена еврейская нация и на партийной, и на государственной работе. И это было тоже объяснимо, и для того времени правильно, но было бы неправильно сейчас, это действительно вызвало бы антисемитизм. Что же русские не могут проявить? Надо с пониманием относиться. Я, например, говорил тов. Беруту: то, что вы делаете в Польше, это нетерпимо... Почему? В Польше у руководства два поляка, а остальные – евреи. Не могут поляки смириться с этим. Что же это, антисемитизм? Нет. Это именно такое положение порождает антисемитизм» (Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 548).

³¹⁸ Н.С. Хрущёв: «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2. С. 85–86.

седательствовавшего Замбровского, Хрущёв заключил: «Да, вы имеете много руководителей с фамилиями на «ский», но Абрамович остается Абрамовичем, а вы имеете так много Абрамовичей в своих руководящих кадрах»³¹⁹.

Реагируя на столь очевидное отвержение его Кремлем, Замбровский был вынужден заявить о самоотводе своей кандидатуры на пост первого секретаря ЦК ПОРП, но сделал это, как показалось Хрущёву, как «невеста, которая просит отца не отдавать ее замуж, а сама страстно этого желает»³²⁰.

Однако, заставив Замбровского отказаться от высшей партийной должности, Хрущёв был вынужден считаться с тем, что у того «имелись хорошие связи с секретарями воеводских комитетов ПОРП», которые «встали за него горой»³²¹. Несмотря на все старания, он так и не смог воспрепятствовать его переназначению на пост секретаря по кадрам – второй по значимости в ЦК ПОРП.

И пусть Охав все же стал лидером Польши, но это была «пиррова победа» Хрущёва, принципиально ничего не менявшая, разве что на некоторое время выведшая страну из того опасного политического пике, в которое та вошла из-за начавшегося кризиса власти. Главная причина бед, преследовавших тогда Польшу, коренилась не в пресловутом «еврейском вопросе», как упрощенно полагал Хрущёв, а в остром дефиците свободы, жизненно необходимой для нормального и поступательного развития страны, свободы внешне- и внутривластной. По сути социальная нестабильность в Польше провоцировалась все углублявшимся противоречием между объективной потребностью страны в либерализации (евреи были в подавляющем большинстве ее горячими сторонниками) и неприятием партийно-политическим руководством страны императива демократических реформ.

В роли главных ретроградов выступили тогда «натолинцы»-сталинисты, которые, стремясь любыми средствами удержаться во власти, вместо того чтобы сосредоточиться на конструктивном

---

³¹⁹ Pinkus B. Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 219–220. Несколько иной вариант этих замечаний Хрущёва был воспроизведен американским журналистом С. Сульцбергером: «Даже второразрядный Ковальский более полезен, чем первоклассный Розенблюм... Вы (польское руководство. – Г.К.) имеете слишком много Абрамовичей» («Нью-Йорк таймс». 1956. 9 июля). Откликаясь на эти демарши советского лидера в Польше, известный американский писатель Говард Фаст писал в марте 1957 года Б. Полевому: «Поляки сообщили нам, что Хрущёв пытался использовать антисемитизм, чтобы покончить с внутренней борьбой в Польше. Почему никто (из советского руководства. – Г.К.) этого не отрицает?» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 39. Л. 22).

³²⁰ Источник. 1994. № 2. С. 86.

³²¹ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 231–232.

разрешении кризисной ситуации, занялись поиском виновных в ней евреев, делая из них «козлов отпущения». В начале мая 1956 года один из лидеров «натолинцев», председатель Госсовета Завадский так «раздраконил» на заседании Политбюро ПОРП «еврейского националиста» Я. Бермана, что того со скандалом из него изгнали, хотя он уже и не обладал реальной властью³²².

Но лишь подобным популистским «закланием» номенклатурных евреев-сталинистов уже невозможно было манипулировать массовым сознанием в Польше, где с каждым днем стремительно нарастала социальная напряженность. 28–29 июня в Познани произошли массовые антиправительственные выступления рабочих, приведшие к вооруженным стычкам демонстрантов с сотрудниками воеводского управления общественной безопасности и завершившиеся жестоким подавлением стихийного восстания регулярными войсками.

Чтобы дать оценку этим драматическим событиям и наметить меры по выходу страны и партии из универсального кризиса, во второй половине июля в Варшаве был созван VII пленум ЦК ПОРП. Тон обсуждению на нем этих ключевых вопросов задало выступление заместителя премьер-министра и одного из предводителей «натолинцев» З. Новака, который, поприветствовав прибывшего на пленум Н. Булганина, заявил: «Дальше терпеть нельзя, чтобы на важнейших государственных постах в правительстве и ЦК ПОРП в своем большинстве находились евреи»³²³. Фактически поддержав Новака, пленум принял резолюцию, одобряющую курс ЦК на антиеврейскую чистку в органах власти и осуждающую «провокационные разговоры об угрозе антисемитизма»³²⁴.

---

³²² *Волобуев В.В.* Антисемитизм в ПНР... С. 531.

³²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 309–311, 320, 336.

³²⁴ На проходившем в августе 1956 года в ЦК ПОРП собрании работников аппарата секретарь ЦК Ф. Мазур, отвечая на вопросы по поводу «так называемого антисемитизма», заявил, что «...это не проблема, которая вызывает тревогу, а выступление на пленуме т. Новака по вопросам подбора кадров было его личной инициативой, но даже будучи неприемлемым по форме, оно по сути правильно...» Свое выступление Мазур завершил, процитировав совет Ленина не допускать к работе в ВЧК много евреев. Такая этнополитическая ситуация в стране немало тревожила самих евреев. 8 октября 1956 г. первый секретарь Щецинского горкома ПОРП Ю. Киселевский сообщил одному советскому дипломату: евреи Щецина уверены, что Хрущёв антисемит, так как выступил против избрания Замбровского первым секретарем ЦК ПОРП. После VII пленума среди них распространился слух о грядущих увольнениях с работы и других возможных утеснениях со стороны властей. В результате этих «нездоровых настроений» триста семей подали заявления на выезд в Израиль (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 396. Л. 202–203, 304–305).

Помимо деклараций на этом партийном форуме были приняты и практические шаги. В ходе этого один из бывших «триумвиров» Г. Минц был лишен полномочий по руководству в правительстве экономическим блоком, который передали под начало его яростного критика Новака. Кроме того, после обсуждения направленного на пленум письма опального Гомулки, протестовавшего против возведенных на него в ноябре 1949 года облыжных обвинений в «правонационалистическом уклоне и пособничестве вражеской агентуре», по предложению Охаба было решено отменить постановление III пленума (от 13 ноября 1949 г.) о выводе бывшего генсека из партийного ЦК, а также восстановить его в ПОРП. И это было сделано уже 2 августа 1956 г.³²⁵

Этот красноречивый жест свидетельствовал о начавшемся скрытом сближении «пуловян» в польском руководстве – Охаба, Замбровского и «примкнувшего» к ним Циранкевича – с Гомулкой, которого до этого полностью игнорировали как «правоуклониста». В этом умеренном националисте они разглядели тогда единственную жизнеспособную в рамках коммунистического режима персонифицированную альтернативу сталинизму. Однако этот важный момент в польской внутривластной ситуации остался вне поля зрения кремлевского руководства, что очень скоро подвело отношения между Москвой и Варшавой к остро-критической грани (об этом далее). Всю ответственность за данное межгосударственное обострение Хрущёв задним числом пытался возложить на Охаба. По поводу этого своего ставленника он потом сетовал: «Охаб оказался недостаточно авторитетным руководителем, не пользовавшимся уважением у партийной и непартийной общественности. С его мнением мало считались»³²⁶.

Однако винить в данном случае Хрущёву следовало бы в первую очередь себя, хотя бы уже за то, что, проявив очевидную политическую близорукость, он и его окружение поспешили «списать» Гомулку как потенциального лидера Польши и сделали главную политическую ставку на консерваторов-«натолинцев» – ярых противников даже ограниченных реформ и какой-либо демократизации. Только в основном с ними и контактировал советский посол в Варшаве П.К. Пономаренко, который, в свою очередь, являлся главным информатором Хрущёва по «польским делам». Сведения, поступающие в Москву по этому дипломати-

---

³²⁵ Орехов А.М. События 1956 года в Польше и кризис советско-польских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995. С. 224–226.

³²⁶ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 232.

чекскому каналу, сводились к тому, что все беды Польши вызваны зловредными происками евреев и «гомуклавцев». Такое одностороннее и тенденциозное объяснение в Кремле принималось за чистую монету, поскольку именно в подобное там и хотели верить.

Зная об этих настроениях своих советских кураторов, «натолинцы» старались им в полной мере соответствовать, как бы выполняя тем самым невольный информационный заказ Москвы. 11 августа 1956 г. заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ПОРП Тадеуш Галинский (в 1960-х гг. станет министром культуры), например, поведал второму секретарю советского посольства в Варшаве Н.В. Масленникову следующее: орган ЦК ПОРП газета «Трибуна люду» потому не реагирует на появляющиеся в польской печати «вздорные статьи», что увольнение ее главного редактора еврея Е. Моравского не повлекло за собой кардинального кадрового обновления редакции, которая «состоит сплошь из евреев» («необходимо полностью сменить кадровый состав “Трибуны люду”»); то же самое можно сказать о других газетах, радиовещании, издательствах, укомплектованных «исключительно» евреями; «одиннадцать лет... в печать, издательства и на радио подбирались одни евреи, а они были связаны между собой, и поляку было трудно туда попасть»; евреи пропагандируют в печати все западное («о Париже и Лондоне пишут только положительно»), призывают к борьбе с бюрократическим централизмом и антисемитизмом, но эти разговоры надуманы³²⁷.

На основании подробного изложения этой беседы, попавшего через МИД на Старую площадь, заведующий отделом по связям с иностранными коммунистическими партиями ЦК КПСС Б.Н. Пономарев (1905–1995) представил в Секретариат ЦК пространную записку «О положении в ПНР», в которой, используя свой личный опыт борьбы в Совинформбюро и ЦК ВКП(б) с «космополитами» «нерусской национальности», отмечал, что «главная причина неблагоприятного положения в польской печати» – появление в ней «вредных» статей, критикующих СССР и восхваляющих Запад, – «заключается в том, что редакции газет... состоят исключительно из лиц польской национальности... тов. Галинский считает, что для того чтобы оздоровить польскую печать, нужно очистить редакции от примерно трехсот неисправимых лиц и заменить политически проверенными молодыми журналистами польской национальности из партактива»³²⁸.

Тем временем Замбровский и другие высокопоставленные «пулавяне», резонно полагая, что «советские товарищи», «защик-

³²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 141–143.

³²⁸ Там же. Л. 168–169.

лившиеся» на пикантном «еврейском вопросе» и избравшие фаворитами догматиков-«натолинцев», вполне возможно, скоро ими их и заменят, стали действовать все более решительно. Мудро рассудив, что только перспективный Гомулка (о чем свидетельствовал стремительный рост его популярности в обществе) способен дать импульс национальной модернизации и адекватно ответить на главные стоявшие перед страной вызовы (добиться большей внешней независимости и либерализации внутренней жизни!), они решили поддержать на ближайшем пленуме ЦК его избрание в руководство ПОРП, в том числе, возможно, и на пост ее лидера. На заседании Политбюро, проходившем 1–2 октября 1956 г., Охабу было поручено начать соответствующие переговоры с Гомулкой. А с 12 октября тот непосредственно включился в работу этого высшего исполнительного органа партии.

Со своей стороны, «натолинцы» начали обвинять в «еврейских происках» уже не только Замбровского, но также Охаба и Циранкевича, причем несмотря на то, что Хрущёв считал тех «чистопородными поляками»³²⁹. И в отношении Гомулки стали распространяться небывлицы в том роде, что он зависим от евреев и чуть ли не «продался» им. К участию в нападках на сторонников демократических реформ «натолинцы» не без содействия спецслужб привлекли лидера «Пакс» Пясецкого, опубликовавшего 16 октября в своей ежедневной газете «Слово повсехне» («Общее слово») статью с призывом отказаться от критики социализма и СССР ради сохранения национальной государственности и во избежание трагического развития событий. Однако тем самым Пясецкий не снискал лавров миротворца, напротив, оказался увенчанным терниями скандального разоблачения: польская печать объявила его «советским агентом»³³⁰.

Еще 14 октября Хрущёв был уведомлен послом Пономаренко, что Политбюро ЦК ПОРП вывело Г. Минца из своего состава (был отставлен с поста первого заместителя председателя Совета Министров), а также наметило на 17 октября созыв VIII пленума ЦК и, самое главное, приняло решение рекомендовать этому пленуму кооптировать Гомулку в новый состав Политбюро³³¹.

---

³²⁹ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 231. Особенно упорно «натолинцы» распространяли слухи о еврейском происхождении первого секретаря ЦК ПОРП Охаба, чей отец был начальником жандармерии в Кракове, а мать – крестьянка.

³³⁰ Волобуев В.В. Антисемитизм в ПНР... С. 535.

³³¹ Орехов А.М. Указ. соч. С. 226–227.

Такая крамольная «самодеятельность» «польских товарищей» (в первую очередь Замбровского, Охаба и других партлибералов) стала весьма неприятным сюрпризом для Москвы, которую поставили перед фактом уже практически предreshенного избрания Гомулки ни больше и ни меньше как новым национальным лидером Польши. Узнав об этом, Хрущёв тотчас попытался через Пономаренко вызвать всех членов польского Политбюро на «кремлевский ковер». Кроме того, в жесткой форме потребовал перенести пленум ЦК ПОРП на более поздний срок с тем, чтобы можно было бы предварительно обсудить с советской стороной план его проведения. Однако Охаб отказался повиноваться этому ультиматуму, о чем решительно заявил Хрущёву вечером 17 октября в ходе телефонного разговора. Единственным компромиссом, на который его тогда смог склонить советский лидер, было обещание перенести открытие пленума на 19 октября. Да и данной уступки Хрущёв смог добиться лишь после того, как со всей категоричностью заявил, что именно в этот день возглавляемая им советская делегация прибудет в Варшаву и в обязательном порядке будет присутствовать на пленуме. Уязвленный и раздраженный «гонором» Охаба, чья жесткость контрастировала с «мягкими» манерами Берута, Хрущёв прибег дополнительно к самым решительным мерам: дал указание министру обороны Г.К. Жукову в течение суток привести в полную боевую готовность дислоцировавшуюся в Польше Северную группу советских войск, корабли Балтийского флота и ряд соединений Прибалтийского военного округа. Более того, в Кремле санкционировали выдвижение танковой колонны из состава Северной группы к Варшаве³³².

Когда днем 19 октября Хрущёв прилетел в Варшаву, на аэродроме его помимо Охаба и Циранкевича встречал и Гомулка. Приблизившись к ним, он не стал скрывать расправившего его гнева. Демонстративно отвергнув рукопожатия, первый секретарь ЦК КПСС со всей яростью прокричал польским руководителям: «Вы что, собираетесь помогать евреям?» Далее последовал эмоциональный обмен «любезностями», после которых Хрущёв, несколько разрядившись, направился в отведенную ему резиденцию во дворце Бельведер. Впрочем, и там в ходе возобновившейся через несколько часов жаркой полемики он продолжил распекать

---

³³² *Орехов А.М.* Москва и кризис 1956 г. в Польше (несколько новых, неизученных документов) // Польша – СССР. 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. – М.: ИРИ РАН, 2005. С. 264–266. *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 234–235.

польских руководителей. «Красная Армия пролила свою кровь за освобождение Польши, – пенял им глава СССР, – а вы теперь хотите отдать ее капиталистам, вступившим в заговор с сионистами и американцами»³³³.

Понимая, что дальнейшее развитие конфликта с таким мощным военным соседом, как Советский Союз чревато для Польши самыми печальными последствиями, новый первый секретарь ЦК ПОРП Гомулка (был избран на VIII пленуме) твердо заверил Хрущёва в том, что его страна останется союзницей СССР и не покинет организацию Варшавского договора. Только после этого Хрущёв, сменив гнев на милость, дал указание сопровождавшему его главнокомандующему Объединенными вооруженными силами Варшавского договора маршалу И.С. Коневу прекратить продвижение советской бронетехники к польской столице и возвратить ее на исходные позиции. Произошло это уже 19 октября. А возвратившись на следующий день в Москву и немедленно собрав Президиум ЦК КПСС, Хрущёв в поисках виноватого за чуть было не обернувшуюся большой бедой утрату Кремлем контроля над польским руководством сурово взыскал с Пономаренко за «грубую ошибку» «в оценке Охаба и Гомулки»³³⁴.

В новое Политбюро ЦК ПОРП из «натолинцев» вошел только А. Завадский, и то благодаря настоятельной просьбе Хрущёва, считавшего его «верным другом Советского Союза»³³⁵. Напротив, «пулавян» в этом партийном ареопаге оказалось немало, в том числе и Замбровский (остался в Секретариате ЦК), Охаб и Циранкевич, которых Гомулка включил туда в благодарность за оказанную ему поддержку. Оказавшиеся не у дел «натолинцы» стали всеми доступными средствами поносить Гомулку как «пособника евреев». На что этот прагматичный политик ответил целым букетом разнообразных, идеологически разновекторных мер – как направленных на борьбу с шовинизмом, так и содержащих элементы антисемитизма. Как известно, такое макиавеллистское политиканство не спасло Гомулку от карьерного краха, но это будет потом, а пока он, возвратившись к власти, принялся в первоочередном порядке решать польскую этнополитическую проблему, сердцевинной которой являлся еврейский вопрос.

---

³³³ Pinkus B. Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 220. Орехов А.М. События 1956 года в Польше и кризис советско-польских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М.: Международные отношения, 1995. С. 228–229.

³³⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 173–174. Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 238–239.

³³⁵ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 236.

Новый лидер Польши начал с того, что стал «вычищать» «натолинцев» из партийно-государственных структур, желая тем самым, очевидно, не только освободиться от политических конкурентов и бывших гонителей, но и отстранить от рычагов власти людей, которые в стремлении заработать политические очки явно «перегнули палку» в неприятии евреев, чем спровоцировали в обществе социальную напряженность, мешавшую нормальному становлению нового режима. Не случайно 26 апреля 1957 г. ЦК ПОРП принял специальное обращение к членам партии, в котором призвал к борьбе с национализмом, шовинизмом и расизмом³³⁶. Пойдя навстречу «Джойнту», ОРТ и другим международным еврейским благотворительным организациям, Гомулка санкционировал возобновление на территории Польши деятельности их представительств и финансировавшихся ими еврейских детских садов, лагерей, клубов и ремесленных училищ. С 1958 года был снят запрет на создание частных еврейских кооперативов.

Правда, параллельно Гомулка «взял под крыло» густопсового антисемита Пясецкого и его оскандалившийся «Пакс», который еще не так давно травил его на все лады. И такое великодушие Гомулки было небеспричинно. Ведь именно он в 1947 году санкционировал государственную регистрацию этой общественной организации. К тому же, Гомулка, видимо, не сомневался в том, что эту «курировавшуюся» тайной полицией структуру легко и быстро можно будет перестроить «под себя», используя в прежнем качестве связующего звена между властью и костелом, а также для пропагандистской дискредитации либеральной оппозиции.

Между тем, наиболее твердые «натолинцы» не желали замечать этих примирительных жестов нового лидера государства. В ходе проходившего в марте 1959 года III съезда ПОРП они подбросили делегатам листовку, бичевавшую Гомулку как ставленника и покровителя евреев. А в первой половине 1960-х гг. явно ими была нелегально распространена брошюра-памфлет, в которой Гомулка обвинялся в потакании сионистам.

Желая, что называется, отмыться от подобных инвектив, Гомулка вскоре после «второго пришествия» во власть стал целенаправленно минимизировать социально-политическую активность евреев, сначала подспудно и очень дозированно, а потом все более демонстративно, решительно и грубо. На практике это выражалось в различных формах: от показательных «порок» (в виде исключений из партии и судебных процессов) одиозных евреев-сталинистов и быстро набиравшего обороты выдавливания из

³³⁶ *Волубуев В.В.* Антисемитизм в ПНР.. С. 538.

партгосаппарата евреев из числа вчерашних союзников-«пулавян» до постепенно нараставших гонений против либеральных интеллектуалов-«сионистов».

В 1957 году на длительные сроки заключения осудили бывших заместителей министра общественной безопасности Ружанского, Фейгина и других организаторов послевоенных политических репрессий. Тогда же из ПОРП изгнали Я. Бермана, а спустя два года и Г. Минца. Уже в феврале 1957 года с поста первого секретаря Варшавского комитета ПОРП убрали активного «пулавянина» Стефана Сташевского, который, возглавив в дни «польского Октября»³³⁷ «гражданский штаб», вооружал рабочую милицию, стихийно сформировавшуюся на автозаводе в Жерани. Потом, в середине 1960-х, власти объявили его «ревизионистом». За тот же самый «ревизионизм» в октябре 1963 года был снят с поста секретаря ЦК и выведен из Политбюро лидер фракции «пулавян» Р. Замбровский.

Дабы разрядить этнополитическую напряженность в обществе, достигшую апогея в конце 1956 – начале 1957 г. (вследствие стремительного роста юдофобии), Гомулка широко распахнул административные ворота для еврейской эмиграции. Если в 1955-м (год возобновления эмиграции) из Польши в Израиль выехали 2500 человек, а в 1956-м – 9384 (в том числе немалое количество бывших офицеров МОБ и высокопоставленных партгосбюрократов), то в 1957-м – уже 30 175, что стало пиком исхода. Этот своеобразный рекорд стал возможен во многом потому, что 25 марта 1957 г. было подписано советско-польское соглашение о взаимной репатриации бывших граждан двух стран³³⁸, в соответствии с которым тысячи польских евреев стали возвращаться из СССР на родину. Всего в 1955–1960 гг. в Польшу прибыли 18 тыс. еврейских репатриантов. Однако столкнувшись там (особенно в Нижней Силезии, где в основном и размещали вновь прибывших из Советского Союза евреев) с ярко выраженной враждебностью местного населения, 15 тыс. из них тогда же эмигрировали в Израиль³³⁹.

---

³³⁷ Тогда некоторые «натолинцы» предпочитали именовать Сташевского «сионистом Мордко». (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 170–171.)

³³⁸ Это соглашение было своего рода подарком Гомулке от Хрущёва, выпустившего в 1957–1959 гг. из СССР 212 тыс. этнических поляков.

³³⁹ *Szaynok B. Z historią i Moskwą w tle. Polska a Izrael 1944–1968.* – Warszawa, 2007. S. 284–286, 291, 297. По другим израильским данным, из СССР в Польшу репатриировались во второй половине 1950-х гг. 25 тыс. евреев, из которых 18 тыс. вскоре выехали в Израиль (*Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration.* P. 260). Разница в 7 тысяч между польскими

Поток польских и других восточноевропейских иммигрантов в Израиль был настолько велик, что существенно превысил финансовые возможности этой страны по их обустройству. В апреле 1958 года министр иностранных дел Израиля Г. Меир даже направила в правительство секретную записку, в которой предложила наложить запрет на въезд в страну евреев-инвалидов из Восточной Европы³⁴⁰.

В последующие 1958–1961 гг. из Польши выехали еще более 14 тыс. евреев. В результате в стране осталось примерно 25–30 тыс. евреев³⁴¹. К началу 1960-х гг. численность еврейского населения в Польше уменьшилась против 1946 года почти в десять раз. Однако даже такая впечатляющая депопуляция всего лишь временно остудила еврейский вопрос, который вновь раскалился в этой стране в 1968 году.

«Венгерский синдром»

Не успел Кремль привести в повиновение фрондировавшую политическую элиту в Варшаве, как еще более масштабный антисоветский пожар вспыхнул в Венгрии, где «еврейский вопрос», обострившийся даже сильнее, чем в Польше, также послужил

(18 тыс.) и израильскими (25 тыс.) данными о репатриантах-евреях обусловлена тем, что вместе с бывшими (до 1939 года) польскими гражданами в Польшу направились также и их рожденные потом дети, а также новые («советские») мужья и жены. Немало евреев (как, впрочем, и неевреев) выехали в Польшу по фальшивым, полученным за взятки документам – поддельным справкам о прошлом польском гражданстве, фиктивным свидетельствам о браках и т.п. В 1956–1959 гг. на долю людей, которые никогда прежде не были гражданами Польши, приходилось в эмиграционном потоке туда советских евреев примерно 15% (*Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. P. 258–259*). Довольно часто те, кто, мечтая о Земле Обетованной, пытались в СССР воспользоваться «польским коридором», становились жертвами мошенников, главным образом из числа евреев – граждан ПНР. Обещая содействие в нелегальной переправке в Польшу, они получали от советских соплеменников немалые деньги и потом скрывались, причем чаще всего в том же Израиле, куда махинаторы приезжали уже состоятельными людьми. Одной из жертв подобной аферы оказался известный «узник Сиона» Михаэль Маргулис. (*Маргулис М. «Еврейская» камера Лубянки. – Иерусалим: Гешарим, 1996. С. 121–127.*)

³⁴⁰ Интервью профессора Варшавского университета Ш. Рудницкого газете «Haaretz» // Еврейское слово (Москва). 2009. 22–28 декабря. № 46(464).

³⁴¹ *Говрин Й.* Указ. соч. С. 148. *Kersten K.* Polish Stalinism and So-Called Jewish Question. S. 229, 230. Правда. 1957. 26 марта. Энциклопедия Иудаика. Т. 13. С. 784. КЕЭ. Т. 6. Кол. 619–669.

в качестве одного из социальных «детонаторов». Еще 21 октября 1956 г. Хрущёв был преисполнен миролюбия, предлагая на Президиуме ЦК «проявить терпимость» и «отказаться от вооруженного вмешательства» в ту же Польшу. Однако когда спустя два дня, к вечеру 23-го в Москве стало известно, что антиправительственные демонстрации в Будапеште (начались еще в первые дни октября) вылились в вооруженное восстание, благодушные покинуло советского лидера. На экстренно созванном Президиуме ЦК КПСС он потребовал от министра обороны Жукова «навести порядок» в Венгрии силой войск. В немедленно предпринятой боевой операции были задействованы пять советских дивизий. Три из них, дислоцировавшихся в Прикарпатском военном округе и в Румынии, заняли в течение последующих суток крупные административные и промышленные центры на юге и востоке Венгрии. А остальные две, входившие в расквартированный там Особый корпус советских войск, были введены непосредственно в Будапешт. И хотя в столице сопротивление повстанцев, успешных захватить радиостанцию и редакцию партийной газеты «Сабад неп», приняло особенно ожесточенный характер, уже к вечеру 24 октября советским войскам удалось отбить эти важные в пропагандистском отношении объекты. Одновременно ими были взяты под охрану парламент, здания, где размещались руководящие партийно-правительственные органы, другие важнейшие объекты (госбанк, главпочтамт и др.). Однако полностью сломить сопротивление инсургентов сразу не удалось, отдельные их группы продолжали оперировать в различных районах города³⁴².

Тем не менее уже утром 24 октября в венгерскую столицу прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с Суловым и Микояном, которым было поручено решить на месте вопрос о новом руководстве «взбунтовавшейся» страны, способном вывести ее из острого политического кризиса. Как показали последующие события, с этой задачей Москва справилась далеко не сразу и с большим трудом. Причиной тому была ее ложная надежда на то, что «умиротворения» Венгрии вполне можно добиться посредством минимального применения военной силы. Избрав тогда такую «щадящую» тактику, советское руководство одобрило осуществленное без его согласия возвращение во власть опального Имре Надя (1896–1958). Став на волне массовых протестных выступлений новым главой правительства,

---

³⁴² Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года: Из архива ЦК КПСС / Сост. публикации С.А. Мельчин, Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин // Исторический архив. 1993. № 5. (Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года). С. 135–136. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 174–177.

он ранее был утвержден в этом качестве Центральным Руководством (ЦР)³⁴³ Венгерской партии труда (ВПТ).

Получив от Суслова и Микояна информацию о том, что Надя «действует смело и решительно», Хрущёв поспешил довериться этому бывшему коминтерновцу, кстати, не мало лет (1930–1944 гг.) прожившему в СССР³⁴⁴. 28 октября с подачи Никиты Сергеевича Президиум ЦК КПСС единодушно поддержал правительство Нады, по требованию которого советским военным был отдан приказ не применять силу к восставшим. На том же заседании в Кремле Хрущёв предложил вывести войска из Будапешта, при том что «очаги сопротивления» там прекратят огонь³⁴⁵.

Несмотря на то, что это условие восставшие игнорировали, предложение Хрущёва было, тем не менее, реализовано. Однако когда 30 октября советские солдаты и офицеры покинули город (отошли на 15–20 км), градус политического напряжения в нем, да и в стране в целом, стал стремительно повышаться. По Будапешту прокатилась волна кровавого насилия в духе гражданской войны. Только тогда к Хрущёву пришло осознание того, что, сделав ставку на Надя, он серьезно просчитался и что послабления с советской стороны способствовали не чаемых ею стабилизации и «оздоровления» социалистического строя в Венгрии, а, напротив, стимулировали там радикальное антикоммунистическое движение. Обитатели Кремля наверняка призадумались и над тем, что утрата ими контроля над Венгрией может обернуться ее выходом из Варшавского договора, да и сломом всего послевоенного стратегического баланса сил между Западом и Востоком. Подобный сценарий особенно стал пугающим после произошедшего 29 октября 1956 г. вторжения Израиля на территорию Египта (в зону Суэцкого канала), положившего начало англо-франко-израильской агрессии в этом регионе (об этом ниже).

Все эти соображения, по всей видимости, и подвигли Кремль действовать в отношении правительства Нады предельно решительно и жестко. Поскольку 31 октября Президиум ЦК КПСС санкционировал возобновление боевой операции в Венгрии, Суслов и Микоян в тот же день отбыли из Будапешта.

Приостановленная было переброска новых контингентов советских войск в Венгрию возобновилась с утроенной интенсивно-

---

³⁴³ ЦР – аналог ЦК.

³⁴⁴ *Стыкалин А.С.* Восточная Европа в системе отношений Восток–Запад (1953 – начало 1960-х гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М., 2003. С. 511.

³⁴⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 186.

стью. 1 ноября И. Надь выступил с предвосхищавшимся в Москве заявлением о выходе страны из Организации Варшавского Договора и о ее переходе под эгидой ООН в разряд нейтральных государств. Однако эта продиктованная отчаянием декларация только подлила масла в огонь решимости Москвы не допустить превращения Венгрии в «военный плацдарм империализма». Быстро пополнившись личным составом и техникой, боевые подразделения советской группировки в Венгрии уже 4 ноября вновь вошли в Будапешт, где вооруженное сопротивление было полностью подавлено к 11 ноября. Укрывшиеся в югославском посольстве Имре Надь и члены его правительства были вскоре арестованы. Низложенный премьер был повешен по приговору венгерского суда в июне 1958 года³⁴⁶.

Новым руководителем страны стал по благословию Москвы Янош Кадар (1912–1989), занявший на долгие годы пост первого (генерального) секретаря ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП)³⁴⁷. Центрист-прагматик, осудивший как «сектантский догматизм» (то бишь сталинизм) послевоенного венгерского руководства, так и «буржуазный ревизионизм» И. Надя³⁴⁸, он, в отличие от последнего, заплатившего жизнью за свой политический радикализм, не конфликтовал с Москвой. Напротив, ему удалось наладить с нею самые дружеские отношения, что обеспечило его стране долговременную стабильность, относительное экономическое преуспеяние и наивысший в «соцлагере» уровень либерализма власти и свободы в обществе.

Благодаря этому «еврейский вопрос» стал решаться в Венгрии значительно конструктивней и мягче, чем, к примеру, в Польше. И это несмотря на то, что в судьбоносных для этих стран октябрь–ноябре 1956 года выплеск «общественного» антисемитизма в Будапеште был намного масштабней, чем в Варшаве. Впрочем, следует иметь в виду то, что данный «приоритет» был обусловлен в значительной мере советской интервенцией в Венгрию и имевшими там место экстремальными, кровавыми формами социального протеста, чего, к счастью, полякам удалось тогда избежать. Вот как, по свидетельству бывшего начальника штаба Особого корпуса советских войск в Венгрии генерал-лейтенанта Е.И. Ма-

---

³⁴⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 179–206. Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года. С. 132–145. *Мусатов В.Л.* СССР и венгерские события 1956 г.: новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 3–22. *Стыкалин А.С.* Указ. соч. С. 487–542.

³⁴⁷ ВСРП была сформирована 31 октября 1956 г. взамен распущенной ВПТ.

³⁴⁸ *Шергова Г.* «Коммунистами не рождаются...» Специально для «Огонька»: интервью с Яношем Кадаром // Огонек. 1988. № 13. С. 9–11.

лашенко, будапештцы реагировали на появление утром 24 октября солдат и офицеров этого подразделения: «В толпе раздавались выкрики: “Нам не нужны гимнастерки!”, “Долой красную звезду!”, “Долой коммунистов!”, “Вон евреев!”»³⁴⁹.

Вместе с тем вакханалия антисемитизма, царившая тогда в столице и других городах Венгрии и вынудившая примерно 20 тыс. евреев покинуть родину³⁵⁰, была спровоцирована отнюдь не только советским вторжением и возникла далеко не спонтанно. Она явилась следствием констелляции определенных исторических факторов, среди которых венгерский государственный антисемитизм новейшего времени был одним из ключевых.

Начало генезиса этого явления было связано с чрезвычайно болезненной консервативно-традиционалистской реакцией в стране на создание в марте 1919 года Венгерской советской республики, в правительстве которой на важнейших постах оказалось немало коммунистов еврейского происхождения, в том числе фактический руководитель правительства Бела Кун (1886–1938), Дьёрдь Лукач (1885–1971), Тибор Самуэли (1890–1929), Матьяш Ракоши (1892–1971), Эрне Герё (1891–1980) и др. К большевизму они приобщились в основном в России, оказавшись там в годы Первой мировой войны как пленные военнопленные австро-венгерской армии. После падения коммунистической власти в Венгрии и установления в марте 1920 года долголетнего авторитарно-консервативного правления («регентства») Миклоша Хорти (1868–1957) в стране была введена пятипроцентная норма приема евреев в высшие учебные заведения. Положение евреев еще более ухудшилось по принятии в 1938–1941 гг. серии расовых законов, квотирующих их представительство в сфере так называемых свободных профессий (не более 20%) и сокративших их общую трудовую занятость в народном хозяйстве (до 5%). В результате к концу 1930-х гг. почти 250 тыс. евреев оказались безработными и лишенными средств к существованию.

В 1941 году в Венгрии, являвшейся союзницей Германии во Второй мировой войне, ввели новую правовую дефиницию – «еврей», в которой упор делался не как прежде на религиозный критерий, а на расовый. В результате численность населения, официально причисленного к еврейству, существенно возросла, составив примерно 800–820 тыс. человек. Во время войны 565 тыс. венгерских евреев пали жертвами Холокоста. Крах нацизма не

---

³⁴⁹ Малашенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 44–51.

³⁵⁰ Из них 8400 чел. направились в 1956–1957 гг. в Израиль. (КЕЭ. Т. 1. Кол. 640–645. Т. 1. Доп. 2. Кол. 269–273. Говрин Й. С. 148.)

принес венгерским евреям долгожданного облегчения. Хотя их больше не уничтожали массово в лагерях смерти, тем не менее, они, как, впрочем, и их соплеменники в Польше, стали объектами прокатившихся по стране стихийных погромов. Эти эксцессы, растравив и без того глубокую и болезненную рану недавно пережитой национальной катастрофы, значительно стимулировали начавшуюся эмиграцию евреев в Палестину. Впрочем, тому же способствовала и легальная активность в восточноевропейских странах сионистских организаций (в том числе 40-тысячного «Венгерского союза сионистов»), финансирувавшихся и опекавшихся «Джойнтом» и израильскими дипломатами вплоть до лета 1949 года, когда подобная деятельность была официально запрещена. В итоге из уцелевших после войны 255 тыс. евреев к началу 1950-х в стране осталось 100 тысяч³⁵¹.

К этому времени венгерские коммунисты, монополизировавшие ранее под опекой Москвы всю власть в стране и инициировавшие затем по ее указанию кампанию борьбы против космополитов и сионистов, ликвидировали почти все еврейские национально-культурные организации, в том числе образовательные и благотворительные. Парадокс ситуации состоял в том, что при этом на ключевых партийно-государственных постах в Венгрии продолжали оставаться функционеры еврейского происхождения, что дополнительно разжигало «общественный антисемитизм». Даже в верхах руководимых Ракоши Венгерской коммунистической партии (ВКП) и Венгерской партии труда (ВПТ)³⁵² было много недовольных «еврейским засильем». В конце 1956 года один из венгерских дипломатов в доверительной беседе с К.А. Крутиковым (будущий советский посол в Камбодже и других азиатских странах) так высказался по поводу еврейской проблемы в Венгрии: «Реакционные силы всегда использовали антисемитизм в своих целях. После войны большое число евреев вступило в партию и заняло очень много руководящих постов во всех звеньях партийного и государственного аппарата. Очень много евреев было среди... руководителей Венгрии: Ракоши, Герё, Фаркаш, Лукач, Санто и другие. Много евреев было в ЦК, правительстве и в качестве руководителей на местах, что очень болезненно воспринималось венграми. ...Это явление вызывало всеобщее возмущение, однако оно игнорировалось партийным руководством»³⁵³.

---

³⁵¹ КЕЭ. Т. 1. Кол. 640–645. Т. 1. Доп. 2. Кол. 269–273. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 86. Л. 34–51.

³⁵² ВПТ возникла в июне 1948 года в результате объединения коммунистов с социал-демократами.

³⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 479. Л. 76.

Последний упрек был не совсем справедлив. Ракоши, являясь в 1945–1956 г. генеральным секретарем ЦР ВКП и ВПТ и будучи достаточно образованным (в совершенстве знал пять европейских языков³⁵⁴) и опытным политиком, вполне осознавал опасность властного доминирования нацменьшинства в стране, в которой этнонационализм еще вчера был официальной идеологией. 19 мая 1945 г. он направил Георгию Димитрову (1882–1949) в Москву следующее сообщение: популярности компартии Венгрии «наносит вред совершенно необычное явление – массовое проникновение в партию евреев, служивших в трудовых ротах, это серьезно угрожает партии... полиция на местах также насыщается такими элементами»³⁵⁵.

Беседуя летом 1956 года с Микояном, Я. Кадар несколько лукавил, когда, признавая, что «антисемитизм действительно существует в Венгрии даже среди рабочих» (в 1947 году они «пытались учинить еврейские погромы»), заверил того, что в самой правящей партии антисемитизма как такового не было. Затем «переводя стрелку» на тогдашнего венгерского лидера и своего политического конкурента, Кадар пояснил: «...В то время, когда не было еще произвола со стороны Ракоши, в партии никто не обращал внимания на то обстоятельство, что в руководстве партии находится много евреев. Имелось общее доверие к руководству. После расправ и произвола над многими честными венгерскими национальными кадрами настроения многих коммунистов повернулись против евреев, находящихся в руководстве партии»³⁵⁶.

На самом деле антисемитизм в среде венгерских коммунистов в той или иной степени существовал уже в первые послевоенные годы. Другое дело, что он значительно возрос потом в связи с накатом политических репрессий. В частности, юдофобию среди венгерских коммунистов подпитывало то немаловажное обстоятельство, что непосредственной организацией репрессий занимались этнические евреи Габор Петер (1906–1993), руководивший управлением госбезопасности, и его куратор в Политбюро ЦР ВПТ, министр обороны Михай Фаркаш (1904–1965). И хотя их деятельностью дирижировали советники МГБ СССР в Венгрии М.Т. Лихачёв и В.Е. Макаров, тем не менее даже в верхах цирку-

³⁵⁴ Крючков В.А. Личное дело: В 2-х ч. Ч. 1. М.: Олимп, 1996. С. 47–48.

³⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 783. Л. 30.

³⁵⁶ Венгрия, апрель–октябрь 1956 года: Информация Ю.В. Андропова, А.И. Микояна и М.А. Суслова из Будапешта / Сост. публикации Г.П. Мещеряков, Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин, С.А. Мельчин // Исторический архив. 1993. № 4. С. 120–121.

лировали подспудные толки о захвате власти «еврейской кликой» Ракоши.

Интересно, что первую попытку избавиться от «любимца» Сталина Ракоши предпринял сам Кремль. Произошло это вскоре после смерти «вождя народов». Тогда Венгрия переживала серьезные экономические трудности, вызванные послевоенной форсированной индустриализацией по советскому образцу. 13–16 июня 1953 г. в Москве состоялись переговоры с венгерским руководством, в ходе которых Ракоши и члены его «узкого руководства» – Эрнё Герё (1898–1980), Фаркаш, Йожеф Реваи (1898–1959) – были подвергнуты разносной критике. Произошло это с подачи Л.П. Берии, настаивавшего на назначении новым лидером Венгрии Имре Надя. Однако возвратившись в Будапешт и покаявшись на пленуме ЦР ВПТ за свой «культ личности» и прочие «ошибки», Ракоши смог удержать пальму политического первенства. Правда, чтобы нейтрализовать уже открыто звучащее в то время и направленное против него обвинение в создании «клик»³⁵⁷, ему, кроме того, пришлось кое-чем и кое-кем поступиться: передать занимаемый им пост председателя Совета Министров основному своему конкуренту И. Надю, а также отправить в отставку лично преданного «силовику» Фаркаша и несколько «задвинуть» главного идеолога партии Реваи (лишился портфеля министра просвещения).

Но не только благодаря тактической гибкости Ракоши удалось тогда отстоять свое лидерство такой «малой кровью». Больше всего ему помог «его величество» случай: 26 июня 1953 г. главный его недоброжелатель в советском руководстве Берия был арестован. После этого Ракоши, несмотря на все нараставшее неприятие его венгерским обществом, еще три года продержался во власти. Более того, венгерский лидер, хорошо знавший кремлевскую политическую кухню и искусно лавировавший между все более интенсивно интриговавшими друг против друга хрущёвско-сусловской («цековской») и маленковско-молотовской («совминовской») группировками, смог с согласия Москвы в апреле 1955 года лишить И. Надя кресла премьер-министра и вывести его из Политбюро и ЦР ВПТ, а в декабре и вовсе исключить из партии. При этом данному неудачливому реформатору Ракоши вменил в вину не только правый оппортунизм, но и отставание приоритетного развития сельского хозяйства и производства товаров «ширпотреба». Показательно, что ранее Хрущёв

---

³⁵⁷ «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши / Публ. А.В. Коротков, В.Т. Серeda, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 1997. № 3. С. 151.

практически за то же самое добился низложения Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР. По всей видимости, именно Хрущёв, чьим временным фаворитом Ракоши удалось стать³⁵⁸, и дал добро на «разборку» с Надем.

Это предположение подтверждается и тем немаловажным обстоятельством, что Хрущёв, даже развенчав на XX съезде КПСС «культ личности», продолжал поддерживать Ракоши, зная, что тот воспринимался в своей стране как венгерский Сталин. Впрочем, советский посол в Будапеште Ю.В. Андропов (1914–1984), который вынужден был подстраиваться под предпочтения Хрущёва, информировал того о ситуации в венгерском политическом руководстве, избегая любой критики Ракоши. Москва продолжала благоволить к Ракоши даже после того, как в конце апреля 1956 года тот подвергся резким выпадам со стороны других членов Политбюро ЦР ВПТ³⁵⁹. Более того, поскольку ЦР ВПТ вопреки воле Ракоши решило тогда расследовать соучастие в незаконных репрессиях «куратора» органов госбезопасности Фаркаша (ранее был изгнан из Политбюро), Хрущёв в начале июня 1956 года направил в Будапешт Сулова, поручив ему «подстраховать» Ракоши, который был тесно связан с Фаркашем.

Прибыв на место, Сулов пообщался как со сторонниками, так и с противниками первого секретаря ЦР ВПТ, после чего посоветовал «венгерским товарищам» «не раздувать» «дела Фаркаша», которое, как показалось кремлевскому эмиссару, «недовольные коммунисты в Политбюро... имели намерение использовать... для атаки на т. Ракоши». В результате Фаркаша тогда не арестовали (это произошло 13 октября 1956 г.), а ограничились в отношении него исключением из партии и лишением генеральского звания. Вместе с тем, чтобы умиротворить «недовольных» Ракоши в Политбюро ЦР ВПТ, Сулов вынужден был поддержать (вопреки рекомендации Андропова) введение в его состав Реваи и первого секретаря Пештского обкома Я. Кадара, выступивших на стороне партопозиционеров. К ним Реваи присоединился хотя бы уже потому, что, будучи сторонником Ракоши, был им в 1952-м выставлен из Политбюро, а потом, как отмечалось, лишен министерского поста и даже стал цинично третироваться как нежелательный «работник не венгерской национальности». В отношении

---

³⁵⁸ В своих мемуарах Ракоши пренебрежительно отзывался о Хрущёв-политике, утверждая, что тот «оперировал каменным топором там, где нужно было применить тончайший медицинский ланцет... и [допускал] тяжелые неуклюжества... в любом вопросе, за который... брался» (Источник / Вестник. 1997. № 1. С. 120–121).

³⁵⁹ Венгрия, апрель–октябрь 1956 года. С. 106–107.

Кадара Ракоши поступил еще более жестоко, приказав в 1951 году арестовать его и освободив только в 1954-м.

Встречаясь летом 1956 года в Будапеште с членами ЦР ВПТ, Суслов указал им (явно имея в виду Кадара) «на необходимость более смелого выдвижения на руководящую работу национальных кадров венгров». Одновременно он высказал и следующее опасение: «По моим наблюдениям здесь в этом отношении большие ненормальности. Больше того, под флагом привлечения к руководству более авторитетных и опытных кадров, среди которых большинство составляют товарищи еврейской национальности, имеется тенденция еще более отодвинуть от руководства более молодые кадры венгерской национальности»³⁶⁰.

Последовавшие события показали, что Хрущёв, который продолжал «по инерции» поддерживать Ракоши даже после того, как тот во многом представлял собой «битую» карту, поступал, мягко говоря, недальновидно. В Кремле явно запоздало поняли, что дальнейшее нахождение у власти этого запятнавшего себя кровью политических репрессий деятеля способно серьезно дискредитировать венгерский коммунистический режим, который и без того уже успел к тому времени превратиться в объект все нарастающей общественной критики.

В качестве главного обличителя властей выступала столичная творческая интеллигенция, чей социальный протест генерировался главным образом в Союзе венгерских писателей³⁶¹ и появившемся еще в 1954 году молодежном дискуссионном клубе, названном «кружком им. Петёфи». Входившие в него нонконформисты, с каждым днем все более радикализируясь, смело и настойчиво требовали демократических преобразований и возвращения во власть приверженца либеральных реформ И. Надя. Пиком этой активности стали откровенно антиправительственные дебаты по свободе печати, прошедшие 27 июня в клубе Петёфи и имевшие благодаря радиотрансляции более чем семитысячную аудиторию. А на следующий день, 28 июня, вспыхнули вызвавшие гибель десятков людей рабочие волнения в польской Познани. Опасность распространения эпидемии подобных беспорядков на Венгрию не могла не тревожить советское руководство, в котором дискуссии в клубе Петёфи квалифицировали как «Познань без выстрелов»³⁶².

---

³⁶⁰ Венгрия, апрель–октябрь 1956 года. С. 107–110.

³⁶¹ На партсобрании в Союзе писателей Венгрии, состоявшемся 30 марта 1956 г., Ракоши был впервые подвергнут публичной общественной критике за игнорирование решений XX съезда КПСС по реабилитации невинных жертв политических репрессий.

³⁶² Венгрия, апрель–октябрь 1956 года. С. 126.

Подобная ситуация в Венгрии не стала сюрпризом для Хрущёва. Ранее он уже получал от Андропова мрачные депешы, живописавшие усиление в этой стране «враждебных и оппозиционных элементов», которые из-за «нерешительности венгерских товарищей» «начинают вести себя недопустимо нагло». Под влиянием подобной информации советский лидер еще 24 июня следующим образом проинструктировал Ракоши и других прибывших тогда в Москву руководителей стран «народной демократии»: «Нельзя забывать, что к врагам мы должны применять власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употреблять»³⁶³.

После этой «накрутки» в Москве Ракоши сразу по возвращении домой принялся было «завинчивать гайки». По его указанию даже стал, вроде бы, составляться черный список четырехсот «контрреволюционеров», подлежащих первоочередному аресту. Однако на деле его охранительного энтузиазма хватило лишь на то, чтобы 30 июня запретить легальную деятельность кружка Петёфи. Но даже это официальное распоряжение фактически игнорировалось оппозицией, продолжившей наращивать свою активность³⁶⁴.

Нежелание Ракоши взять на себя рискованную роль кровавого «калифа на час» окончательно лишило его доверия Хрущёва, который потом еще долго публично пенял ему, обзывая «дураком», который «расклеился» («Надо было бы двух-трех писателей арестовать из клуба Петёфи в Будапеште»; «не хватило духу, это значит плохой руководитель ...у Сталина этого духу немножко больше было, чем нужно...»)³⁶⁵.

На этом судьба Ракоши была решена. От него – с одной стороны, не способного защитить партию от «поднявших голову контрреволюционеров», а с другой, компрометировавшего ее соучастием в сталинском терроре – Хрущёв теперь стремился быстрее избавиться, заменив кем-то другим. Именно для выполнения этой задачи он спешно направил в Венгрию Микояна, которому обычно поручал самые сложные и деликатные миссии, требовавшие принятия решений «по обстановке» (на что, скажем, Суслов способен не был).

---

³⁶³ *Стыкалин А.С.* Восточная Европа в системе отношений Восток–Запад (1953 – начало 1960-х гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. С. 500, 501, 536. *Желицки Б.Й.* Будапешт–Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995. С. 248–250.

³⁶⁴ *Стыкалин А.С.* Указ. соч. С. 501. *Желицки Б.Й.* Указ. соч. С. 251.

³⁶⁵ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 1. С. 598. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 453.

Прибыв 13 июля 1956 г. в Будапешт, Микоян сразу организовал в советском посольстве встречу с венгерским руководством. Приглашенный на нее Ракоши дал ясно понять посланцу Кремля, что «наводить порядок» твердой рукой не собирается, заметив как бы в свое оправдание, что «положение настолько усложнилось и напряжение так усилилось, что аресты не помогут»³⁶⁶. После этого Микояну, который наделен был широкими полномочиями, не оставалось ничего другого, как предложить Ракоши добровольно уйти в отставку «по состоянию здоровья». Поскольку тот не стал возражать, эмиссар Хрущёва посоветовал венгерским коллегам избрать новым первым секретарем ЦР ВПТ находившегося тут же Андраша Хегедюша (1922–1999). Однако Хегедюш, который в 1955 году сменил на посту премьер-министра Надя, решительно отказался, сославшись на свою молодость. Вместо себя он предложил кандидатуру первого заместителя председателя Совета Министров Герё. Но и тот взял самоотвод, напоминая на то, что «во-первых, он еврей, а было бы правильной и политически необходимо, чтобы венгр был первым секретарем»³⁶⁷. В качестве альтернативного претендента Герё назвал Кадара, чье выдвижение поддержал и Ракоши. Однако поскольку из-за возражений других членов венгерского руководства это предложение не прошло, в отношении Кадара был достигнут компромисс о вводе его в состав Политбюро. 18 июля эта договоренность была одобрена на пленуме ЦР ВПТ, главным решением которого стало утверждение отставки Ракоши с поста первого секретаря ЦР партии (с лишением членства в Политбюро) и назначения вместо него Герё, уже не настаивавшего на самоотводе³⁶⁸.

Сразу после этого Ракоши отбыл в СССР на специально присланном Хрущёвым самолете³⁶⁹. Низложенному венгерскому вождю никогда больше не довелось ступить на родную землю. До конца своих дней он прожил в Советском Союзе. Сначала – в Краснодаре, потом, с 1962 года (когда его заочно исключат из ВСРП) – в Токмаке (Киргизия) и наконец – в Горьком, где и встретил свой смертный час.

Замена еврея Ракоши на его соплеменника Герё рассматривалась в Москве в лучшем случае как промежуточное решение. Вследствие своего этнического происхождения новоиспеченный глава Венгрии не мог устроить Кремль в сколько-нибудь страте-

---

³⁶⁶ Венгрия, апрель–октябрь 1956 года. С. 111.

³⁶⁷ Там же. С. 112.

³⁶⁸ Там же. С. 113–124.

³⁶⁹ Венгрия, апрель–октябрь 1956 года. С. 124–128. Хрущёв Н.С. *Время. Люди. Власть.* Кн. 3. С. 252.

гическом плане. Его назначение было для Хрущёва во многом вынужденным, поскольку в его «кадровом резерве» пока не было надежных кандидатов «коренной национальности». На его полное «политическое доверие» не мог еще претендовать, скажем, Я. Кадар. В качестве пробного шара его допустили тогда только на пост второго секретаря ЦР ВПТ. Еще ниже «котировался» в Кремле И. Надь, который, как там полагали, чрезмерно увлекся в 1953–1955 г. идеей экономического реформирования и демократического обновления страны. Впрочем, на гребне поднявшейся вскоре революционной волны он сам потом взошел на вершину венгерского Олимпа власти, но так и не смог на нем удержаться.

О временном характере лидерства Герё и взятии Кремлем курса на «коренизацию» венгерских руководящих кадров свидетельствовал и следующий пункт в решении Политбюро ЦР ВПТ от 13 июля 1956 г.: «Подготовить предложение о пополнении состава ЦК молодыми кадрами венгерской национальности, хорошо показавшими себя в борьбе с оппозицией и связанными с массами»³⁷⁰.

Отлично осознавая свой временный, «подвешенный» статус, Герё руководил спустя рукава. Сразу после избрания первым секретарем ЦР ВПТ он на два месяца покинул охваченную кризисом страну, выехав на отдых в СССР. Когда осенью 1956 г. Герё возвратился в Венгрию, политическая ситуация там успела накалиться до предела и стремительно стала выходить из-под контроля властей. 23 октября в ходе описанных выше массовых выступлений в Будапеште демонстранты уже вовсю скандировали «Долой Герё!». Не в силах справиться с массовыми протестами, этот слабый правитель оказался способен разве что только на то, чтобы по радио назвать эти акции контрреволюцией и объявить о введении в стране чрезвычайного положения. Мало что значил и его призыв к советскому руководству (был передан через Андропова) оказать Венгрии военную помощь: это обращение не могло послужить юридическим основанием для ввода советских войск, ибо Герё не был наделен государственными полномочиями. Осознав, наконец, полную бесполезность Герё, Кремль устами Микояна (вновь прибывшего в Будапешт 24 октября 1956 г.) объявил его виновным в начавшемся в Венгрии восстании и предложил (явно запоздало) заменить его Кадаром³⁷¹. В результате Герё не оставалось ничего другого, как, следуя примеру Ракоши, укрыться в Советском Союзе. Правда, в отличие от последнего,

³⁷⁰ Венгрия, апрель–октябрь 1956 года. С. 117.

³⁷¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 180. Желицки Б.Й. Указ. соч. С. 264. Мусатов В.Л. Указ. соч. С. 9–10.

ему посчастливилось много больше: на родину он возвратился уже в 1960-м.

Массовое и ожесточенное вооруженное сопротивление, с которым в небольшой центрально-европейской стране впервые столкнулась советская империя, вызвало в ее руководстве ярко выраженную реакцию страха, немедленно приведшую к «завинчиванию гаек» внутри СССР. Поразивший тогда Хрущёва и всю советскую верхушку «венгерский синдром» привел к резкому свертыванию либеральных реформ в СССР и рецидивам сталинизма во внутренней политике Кремля.

Визит Ива Монтана в Москву

Силовое умиротворение Венгрии серьезно поколебало внешне-политический престиж Советского Союза. Особенно болезненное разочарование в могучей социалистической сверхдержаве переживала тогда либеральная общественность Запада, которая на протяжении десятилетий симпатизировала ему как единственному в мире оплоту борьбы за свободу угнетенных народов и против международного империализма и колониализма.

Наибольшую озабоченность Кремля вызвала остро негативная реакция левых кругов Франции на его действия в Венгрии. В Париже, этой культурной столице мира, СССР решительно осудили такие всемирно известные либеральные интеллектуалы и литераторы, как Жан-Поль Сартр (1905–1980), председатель Национального комитета писателей Франции Веркор (1902–1991), Роже Вайян (1907–1965) и др.

Среди критиков Москвы оказался и Ив Монтан (1921–1991). Потрясенный событиями в Венгрии, этот эстрадный певец-шансонье и киноактер еврейско-итальянского происхождения (сын иммигранта-простолюдина Джованни Ливи) решил в знак протеста отменить свои гастроли в Советском Союзе, куда ранее был вместе с женой – киноактрисой Симоной Синьоре (1921–1985) ангажирован Министерством культуры СССР.

Узнав об этом намерении знаменитого артиста, советское руководство, рассчитывавшее, очевидно, что его приезд в Москву будет воспринят в мире как своеобразная индульгенция СССР за «венгерский грех», мобилизовало все свои возможности на то, чтобы переубедить западного поп-идола. К реализации этой задачи решено было подключить известного режиссера театра кукол С.В. Образцова (1901–1992), советского посла во Франции и даже Лилию Брик (1891–1978), которая отправилась в Париж, чтобы

через младшую сестру Эльзу Триоле (1896–1970) и ее мужа – известного писателя-коммуниста Луи Арагона (1897–1982) повлиять соответствующим образом на Монтана. По-видимому, это удалось французскому литератору, который в 1957 году получил Ленинскую премию «За укрепление мира между народами».

Закулисные усилия советских властей не пропали даром. В декабре 1956 года Монтан и Синьоре прибыли в Москву, где им был оказан чрезвычайно помпезный прием. На первое их выступление, прошедшее в престижном концертном зале им. П.И. Чайковского, прибыл в сопровождении Микояна Хрущёв, который на подготовленном потом за кулисами банкете лично приветствовал французскую звездную пару. Когда он заговорил о преступлениях Сталина, то, по воспоминаниям Синьоре, намекнул на то, что лично воспрепятствовал депортации евреев в Сибирь³⁷².

Интересно, что несколькими месяцами ранее в Париж был направлен Эренбург, поведавший эту же легенду о спасении советских евреев «ленинским ядром в ЦК» Жану-Полю Сартру. Потом тот широко опубликовал ее на Западе, чего, видимо, и добивался Эренбург, так описавший своему другу ту «секретную» историю: якобы 1 марта 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС «взбунтовавшиеся» соратники Сталина решительно потребовали от него организации объективного расследования по «делу врачей» и отмены уже принятого им решения о депортации евреев; этот демарш так ошеломил диктатора, что с ним приключился удар, после которого он уже не оправился³⁷³.

Общение Монтана с Хрущёвым продолжилось затем в Кремле, где был устроен прием по случаю празднования Нового года. После того как французский шансонье дал несколько аншлаговых концертов на лучших столичных эстрадных площадках – в Зале им. Чайковского, Дворце спорта в Лужниках, кинотеатре «Форум» – ему организовали гастрольный тур по городам Восточной Европы, в которых, как и в Москве, его выступлениям сопутствовал оглушительный успех. Самым важным пунктом в этом восточноевропейском турне Монтана был Будапешт. Его приезд туда призван был наглядно продемонстрировать поддержку западной «прогрессивной общественностью» СССР, не допустившего «торжества контрреволюции» в Венгрии.

В общем, описанный культурный визит Монтана в Советский Союз сослужил его властям важную политико-пропаган-

---

³⁷² Штильман А. Ив Монтан – певец Парижа // Еврейская Старина. 2006. Сентябрь. № 9(45) (www.berkovich-zametki.com).

³⁷³ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). – М.: Слово / Slovo, 1992. С. 89–90.

дистскую службу: он в определенной мере помог Москве избежать разрыва с Западом, связи с которым, в том числе и в технологической сфере, были исключительно важны в проведении предпринятой Хрущёвым постсталинской модернизации страны.

Получив от Кремля немалый гонорар за арт-поддержку его силовой операции в Венгрии, Монтан поплатился тем, что за «связь с коммунистами» был включен Государственным департаментом в «черный список» лиц, лишенных права въезда на территорию США. Однако уже к концу 1958 года этот запрет был снят, и артистом были заключены крупные контракты с киностудиями Голливуда и антрепренерами американского шоу-бизнеса. После чего его связи с Москвой стали заметно слабеть, пока окончательно не пресеклись в 1968-м в связи с новой военной акцией СССР в Восточной Европе, на сей раз в Чехословакии.

Оценивая в целом тот пропагандистский натиск, который в конце 1956 года был предпринят Советским Союзом с целью «микширования» возникшей тогда резко негативной международной реакции на вторжение его войск в Венгрию, следует отметить, что он неодинаково воздействовал на общественное мнение стран Запада. В большей мере эта агитпроповская акция удалась во Франции³⁷⁴, Англии, других капиталистических странах Европы и в меньшей – в США и Канаде. Это во многом обуславливалось тем, что в мире по-разному сработал социально-психологический эффект «наложения» друг на друга общественных реакций на венгерскую драму и совпавшую с ней по времени тройственную англо-франко-израильскую агрессию на Ближнем Востоке. Если в США, не имевших отношения к тройственной интервенции, данный эффект практически не проявился, то в Западной Европе, чьи две ведущие страны активно участвовали в нападении на Египет, он, напротив, сыграл существенную роль. Проще выражаясь, часть вины СССР за «венгерскую разборку» была в восприятии европейцев как бы «списана» «суэцкой авантюрой» – именно так нарекли соответствующее действие своего правительства французские леволлибералы.

---

³⁷⁴ Это особенно наглядно проявилось в случае с Ж.-П. Сартром, о котором Эренбург писал: «После венгерских событий он (Сартр. – Г.К.) публично заявил, что порывает со своими друзьями – советскими писателями, а год спустя мирно беседовал со мной и скорее защищался, чем нападал». (*Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 301.*)

Синайская кампания

Уже само возникновение в мае 1948 года государства Израиль и его выживание в качестве такового в ходе разразившейся сразу войны с враждебным арабским окружением в значительной мере стали возможными благодаря политико-дипломатической и военно-технической поддержке, оказанной ему СССР. Однако это дружеское межгосударственное сотрудничество продолжалось очень недолго.

К осени 1948 года стало очевидным, что в борьбе за влияние на Израиль СССР, разоренный мировой войной и не игравший тогда сколько-нибудь существенной военно-политической роли на Ближнем Востоке, явно уступает США, стране, сумевшей в этом регионе оттеснить Великобританию на второй план и ставшей там крупнейшим политическим и финансово-экономическим игроком.

Камнем преткновения в отношениях между СССР и Израилем явился категорический отказ, наложенный Кремлем на массовую еврейскую эмиграцию. Последующее раскручивание сталинским руководством маховика пропагандистско-репрессивных кампаний с антисемитским подтекстом явилось серьезным испытанием для советско-израильских отношений, которые, не выдержав его, были, как отмечалось, разорваны. Под влиянием этого сопровождавшегося громким международным скандалом межгосударственного обострения премьер-министр Бен-Гурион решил в марте 1953 года на резкое заявление о том, что в случае глобального военного конфликта Израиль не сможет оставаться нейтральным и объявит себя форпостом «свободного мира» на Ближнем Востоке. Однако администрация Д. Эйзенхауэра (1890–1969) отнеслась прохладно к этому пылкому изъявлению преданности. Заехав в мае 1953 года в Израиль, госсекретарь Дж.Ф. Даллес (1888–1959) дал понять Бен-Гуриону, что сделанная им декларация неприемлема в виду наметившейся после смерти Сталина разрядки международной напряженности³⁷⁵.

Восстановив вскоре дипломатические отношения друг с другом, СССР и Израиль заключили в 1953–1956 гг. несколько торговых соглашений, по которым в средиземноморскую страну стали поставляться стальные трубы и другие изделия машиностроения. Но больше всего туда продавалось нефти и продуктов ее переработки. В 1955 году Израиль приобрел этого товара в объеме 450 тыс. тонн на общую сумму в 6,4 млн. долларов, что составило почти

³⁷⁵ Гоерин Й. Указ. соч. С. 61, 62.

десятую часть от всего советского нефтьэкспорта. В обратном направлении, из Израиля в СССР, шли главным образом цитрусовые и бананы, среднегодовая стоимость закупок которых колебалась от 2,3 до 2,6 млн. долларов.

Торговые отношения между двумя странами развивались нормально до тех пор, пока весной 1956 года их не омрачил один политический инцидент. Произошел он при разгрузке в порту Одессы израильского транспорта. В нескольких ящиках с апельсинами таможенники обнаружили листовки, содержавшие призывы на русском языке к свержению коммунистического режима в СССР. По этому поводу советский посол в Тель-Авиве выразил 9 апреля протест израильскому МИД³⁷⁶.

С этого момента советско-израильский торговый обмен стал неуклонно сокращаться. Причем не столько даже вследствие описанного случая, сколько из-за усиливавшегося давления на Советский Союз арабских стран, выступавших за жесткий политической и экономической бойкот Израиля. Главным субъектом такого прессинга на советское руководство был политический лидер Египта (с июня 1956 года – президент) и панарабского движения Гамаль Абдель Насер (1918–1970), пришедший к власти после свержения в июле 1952 года короля Фарука и установления в стране режима военных.

В 1955 году новое республиканское правительство во главе с Насером добилось вопреки всемерному противодействию Израиля³⁷⁷ вывода британских войск из Египта и, желая обрести

---

³⁷⁶ Говрин И. Указ. соч. С. 119–121.

³⁷⁷ Когда весной 1954 года израильским спецслужбам стало известно о намерении премьер-министра Великобритании У. Черчилля вывести английские войска из Египта, амбициозный министр обороны Израиля П. Лавон совместно с начальником военной разведки «Аман» Б. Джибли разработали тайную спецоперацию «Сюзанна», предусматривавшую проведение израильскими агентами из числа молодых египетских евреев серии взрывов в ключевых публичных местах Каира и Александрии (в библиотеках, кинотеатрах, на вокзалах), а также в действовавших в этих городах английских и американских консульствах и культурно-информационных центрах. Поскольку все это имитировалось под террористический «стиль» египетских национал-радикалов из организации «Мусульманские братья», предполагалось, что именно их заподозрят в проведении этих акций и тем самым удастся нанести мощный удар по репутации египетского правительства, якобы не способного контролировать ситуацию в стране. В результате, как надеялись организаторы провокации, англичане не решатся вывести свои войска из Египта. Однако план этот провалился и во многом потому, что вслед за произошедшими в июле взрывами в каирском и александрийском офисах американского информгентства ЮСИА один из евреев-подрывников был взят полицией на месте преступления. В ходе следствия

новую внешнюю военно-политическую опору, взяло курс на сближение с Советским Союзом. А тот, в свою очередь, не преминул воспользоваться этим благоприятным моментом для стратегического прорыва на Ближний Восток. Чтобы закрепиться в этом регионе, никогда прежде не входившим в сферу российско-советского геополитического влияния, Москва первым делом оказала Египту военно-техническую помощь, в которой тот ввиду нараставшей конфронтации и с Израилем, и со старыми колониальными державами Западной Европы (по поводу Суэцкого канала) испытывал наибольшую потребность. Для поставок вооружений правительству Насера советское руководство, не мудрствуя лукаво, вновь воспользовалось уже опробованным в 1948 году «чехословацким коридором». То, что теперь в качестве их получателя выступал уже не как прежде Израиль, а Египет, особого значения не имело. Принципиально важным для Хрущёва было только поддержание видимости нейтральности советской ближневосточной политики. На это, собственно, и было направлено заключенное в сентябре 1955 года соглашение между Чехословакией и Египтом, по которому последний стал получать тяжелые танки «ИС», истребители МиГ-19, артиллерийское и стрелковое вооружение, военные корабли, дизельные подлодки и пр.

Запад и Израиль резко отреагировали на такое закамуфлированное имперское телодвижение Москвы. В ходе состоявшихся в конце октября в Женеве встреч министра иностранных дел СССР Молотова с госсекретарем США Даллесом и министрами иностранных дел Великобритании Г. Макмилланом (1894–1986) и Израиля М. Шаретом последние выразили серьезное беспокойство по поводу продажи советского оружия Египту, подчеркнув, что это нагнетает напряженность на Ближнем Востоке. В ответ Молотов жестко возразил, что «угроза миру в этом районе исходит не от Египта, который, отстаивая свою независимость, приобретает оружие для оборонительных целей», и в этом его стремлении

израильские спецслужбы были полностью изобличены как организаторы провокационных диверсий в Египте. В результате огласки «грязного дела» Лавона разразился громкий международный скандал, заставивший премьер-министра Шарета отправить в начале 1955 года в отставку незадачливого министра обороны и его конфидента Джибли. Впрочем, и сам Шарет вынужден был летом 1955 года уйти со своего поста, правда в связи с другим громким разоблачением. Тогда достоянием общественности стали сенсационные сведения о том, что высокопоставленный правительственный чиновник Р. Кастнер, будучи в 1943–1945 гг. заместителем председателя Венгерской сионистской организации, запятнал себя сотрудничеством с А. Эйхманом, К. Бехером и другими крупными нацистами, отвечавшими за «окончательное решение еврейского вопроса».

Советский Союз и впредь будет оказывать ему всемерную поддержку³⁷⁸.

Укрепив с помощью СССР военный потенциал своей страны, Насер стал действовать более решительно. Не дожидаясь истечения срока договора о концессии Суэцкого канала (был заключен на 99 лет в 1869 году), он 26 июля 1956 г. объявил о его национализации и ликвидации англо-французской концессионной компании. «Спусковым крючком» к принятию такого сенсационного решения послужил отказ США от данного Египту обещания финансировать строительство жизненно важной для его экономики Асуанской плотины.

Решительный шаг Насера привел к вспышке «суэцкого кризиса», знаменовавшего собой колоссальный удар по стратегическим позициям в ближневосточном регионе Франции и особенно Великобритании, транспортировавшей через канал две трети потреблявшейся нефти. Эти страны не мешкая развернули тайную подготовку к нападению на Египет. Собственно, инициатива исходила от премьер-министра А. Идена (1897–1977). С ним солидаризировалось французское правительство, которое, в свою очередь, 1 сентября 1956 г. предложило участвовать в будущей военной кампании Израилю. Окончательное решение о совместной интервенции против Египта было принято 24 октября во французском Севре, где представители Англии, Франции и Израиля подписали сверхсекретный протокол под кодовым названием «Мушкетер», содержащий детальный план будущей операции.

Тройственная агрессия началась с вторжения 29 октября армии Израиля на Синайский полуостров. Советский пропагандистский отклик на это событие был моментальным. Уже вечером того же дня в «Известиях» была напечатана статья под красноречивым заголовком «Авантюристическая политика правящих кругов Израиля – дорога к самоубийству». Однако немедленной политико-дипломатической реакции Москвы на разразившийся конфликт не последовало. Причиной тому, очевидно, была тогдашняя полная сосредоточенность СССР на решении куда более насущной для него задачи по ликвидации «контрреволюционного мятежа» в Венгрии.

Впрочем, поскольку Ближний Восток входил тогда преимущественно в сферу стратегических интересов США, первоначально именно американское руководство, возмущенное неприятным «сюрпризом», втайне подготовленным в этом регионе странами-союзницами, проявило в связи с синайским конфликтом наиболь-

---

³⁷⁸ АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 4. Л. 52–67; Ф. 089. Оп. 8. П. 19. Д. 2. Л. 13–15. Д. 4. Л. 165–166.

шую внешнеполитическую активность. Президент Эйзенхауэр, чрезвычайно озабоченный перспективой глобальной ядерной войны, да и реальной угрозой, возникшей для бизнеса американских нефтяных корпораций на Ближнем Востоке, стал действовать решительно и жестко. 31 октября 1956 г. Вашингтон объявил о прекращении американской государственной помощи Израилю. Следом госсекретарь США Даллес внес на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции о незамедлительном свертывании военных действий против Египта и отводе израильских войск с захваченных территорий. Однако этот документ, даже будучи 2 ноября поддержан подавляющим большинством государств (84 – «за», 5 – «против»), не имел обязательного характера и потому не мог не только остановить агрессию, но даже предотвратить ее эскалацию.

Еще 31 октября военные корабли Англии и Франции, поддерживая армию вторжения Израиля, блокировали Египет с моря, а боевая авиация этих стран принялась бомбить его аэродромы и другие стратегические объекты. Сломив к 5 ноября ожесточенное сопротивление египетских войск и вооружившегося населения, британские и французские воздушные и морские десантники высадились у северного входа в Суэцкий канал в районе Порт-Саида.

К тому времени Советский Союз, введя свои войска в Будапешт, смог овладеть критической ситуацией на своем «западном геополитическом направлении», что развязало ему руки для действий на «южном направлении». 4 ноября между Хрущёвым и Молотовым состоялся по телефону следующий диалог:

Х.: «Вячеслав Михайлович, я считаю, что нам сейчас следует обратиться с посланием к президенту Соединенных Штатов Эйзенхауэру и предложить совместные действия против агрессивных сил, напавших на Египет...»

М.: «Ты считаешь, что Эйзенхауэр пойдет на соглашение с нами против Англии, Франции и Израиля?..»

Х.: «Безусловно, не пойдет... Но мы тогда сорвем маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А... война идет... Своим предложением мы поставим американского президента в затруднительное положение».

М.: «Да, ты прав... Давай обсудим. Это будет полезная акция»³⁷⁹.

³⁷⁹ Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 393–394.

5 ноября был собран Президиум ЦК КПСС, поручивший председателю Совета Министров СССР Булганину обратиться к лидерам Великобритании, Франции и Израиля с требованием о немедленном прекращении боевых действий в Египте³⁸⁰. В тот же день этот призыв прозвучал и в Совете Безопасности ООН. Одновременно Булганин направил Эйзенхауэру персональное послание с предложением предпринять совместную советско-американскую военно-морскую операцию по принуждению к миру тех участников ближневосточного конфликта, которые вопреки решению Совета Безопасности ООН продолжают кровопролитие. Несомненно, автором этой идеи был Хрущёв, известный своей внешнеполитической нетривиальностью.

Как и следовало ожидать, Эйзенхауэр, хоть еще и не полностью восстановившийся после недавно перенесенного обширного инфаркта, тем не менее, твердо отверг хрущёвский план советско-американской боевой акции в восточном Средиземноморье. Более того, Белый дом официально заявил, что вооруженные силы ни СССР, ни каких-либо других стран не могут вмешиваться в конфликт на Ближнем Востоке без санкции Совета Безопасности ООН. Тогда же американский президент доверительно поделился с директором ЦРУ А. Даллесом (1893–1969) мыслью о том, что США вынуждены будут немедленно объявить войну Советам, если те посмеют атаковать англичан и французов³⁸¹.

И все же, оказавшись под перекрестным огнем критики двух сверхдержав, горячие головы политиков в Лондоне, Париже и Иерусалиме испытали эффект холодного душа. «Атлантическая солидарность» стран НАТО оказалась, таким образом, поколебленной дерзким, в стиле покерного блефа политическим ходом Хрущёва. Уже в ночь на 7 ноября 1956 г. в Египте наступило перемирие. Стремясь закрепить достигнутый успех, Хрущёв – дабы понудить вторгшиеся в Египет страны к скорейшему выводу войск – прибег к еще более рискованному внешнеполитическому трюку. 10 ноября появилось сообщение ТАСС, гласившее: «В руководящих кругах СССР заявили, что если Англия, Франция и Израиль, вопреки решениям ООН, не выведут всех своих войск с территории Египта и под различными предлогами будут затягивать осуществление этих решений и накапливать силы, создавая угрозу возобновления военных действий против Египта, то соответствующие органы Советского Союза не будут препятствовать выезду

---

³⁸⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 203.

³⁸¹ *Nichols David A. Eisenhower 1956. The President's Year of Crisis – Suez and the Brink of War. – N.Y.: Simon & Schuster, 2011. P. 250.*

советских граждан-добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость»³⁸².

Однако, как ни парадоксально, эта советская декларация оказалась менее эффективной, чем упомянутые ноты Булганина от 5 ноября. Запад, видимо, уже успел освоиться с «острым» стилем хрущёвской дипломатии и все менее был склонен воспринимать ее всерьез. Только 22 декабря 1956 г., да и то в основном под нажимом США, Англия и Франция вывели свои воинские контингенты с территории Египта, в том числе и из Порт-Саида. Израиль же продолжал упорствовать, питая, видимо, надежду аннексировать полосу Газы и острова в заливе Акаба.

Назвав Израиль «дубинкой империалистической реакции на Ближнем Востоке»³⁸³, Хрущёв в феврале 1957 года распорядился прекратить экспорт нефти в эту страну. Еще сильнее «давили» на Израиль американцы. Эйзенхауэр недвусмысленно дал понять Бен-Гуриону, что в случае его дальнейшего упорства поток частных жертвований американцев Израилю будет блокирован³⁸⁴. В результате Израилю, оказавшемуся под двойным американо-советским политическим прессингом, не оставалось ничего другого, как 1 марта 1957 г. объявить об отводе своих войск с захваченных территорий.

Впрочем, оказаться в полной изоляции Израилю тогда не грозило. В ходе Синайской кампании он значительно сблизился с Францией, с которой развил интенсивные политические, военные (поставки французского оружия) и экономические контакты. Однако это сотрудничество стало постепенно свертываться с началом в 1959 году президентского правления Шарля де Голля (1890–1970), чьи проарабские симпатии особенно стали очевидными после обретения в 1962 году независимости Алжиром. Правда, к тому времени успели значительно улучшиться израильско-американские отношения. Они вновь стали налаживаться после произошедшей в 1958 году антимонархической революции в Ираке, ставшей началом конца военно-политического блока

---

³⁸² Правда. 1956. 11 ноября.

Очевидно, что идея данного заявления ТАСС была подсказана советскому руководству советским послом в Египте Е.Д. Киселевым, направившим 1 ноября 1956 г. из Каира следующее донесение: «В городе распространяются слухи, что сорок тысяч мусульман-добровольцев воздушным путем направляются из СССР на помощь Египту и что советская авиация бомбит английские базы на Кипре. Это отражает надежды на наше немедленное вмешательство». (АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 4. Л. 166–167.)

³⁸³ Правда. 1958. 16 февраля. *Иванов К., Шейнис З.* Государство Израиль, его положение и политика. – М.: Госполитиздат, 1959. С. 117.

³⁸⁴ *Nichols D.A.* Op. cit. P. 276.

СЕНТО³⁸⁵. Тогда ценность Израиля как альтернативного союзника в регионе Ближнего и Среднего Востока значительно повысилась в глазах США. Другим стимулирующим импульсом к наращиванию американско-израильского сотрудничества стал состоявшийся в марте 1960 года визит Бен-Гуриона в США. Израильский премьер-министр встретился тогда с Эйзенхауэром, другими высокопоставленными американскими политиками, а также с состоятельными банкирами и промышленниками еврейского происхождения, влиятельными лидерами еврейской общины. После этого американские финансовые вливания в экономику и социальную сферу Израиля резко пошли в гору³⁸⁶.

Анализ советского пропагандистского реагирования на Синайскую кампанию показывает, что главная его особенность состояла в том, что Москва, явно испытывавшая тогда на прочность западную солидарность, придерживалась при этом дифференцированного подхода. Из советской столицы метались грозные пропагандистские молнии в сторону Парижа и Лондона (о возможном применении ракетного оружия), однако дальше брутальных выпадов дело не шло. Ограничиваясь риторикой в отношении Англии и Франции, СССР, очевидно, рассчитывал на взаимную сдержанность этих стран в реагировании на советское силовое умиротворение Венгрии³⁸⁷.

На этом фоне остратка, предпринятая Кремлем в отношении Израиля, выглядела реально жесткой. Она выразилась не только в виде вербальных угроз, но и конкретных дипломатических и торговых санкций. В послании от 5 ноября 1956 г. Булганин серьезно предостерег премьер-министра Бен-Гуриона: «...Правительство Израиля, действуя в качестве орудия внешних империалистических сил, продолжает безрассудную авантюру (агрессию против Египта. – Г.К.), бросая вызов всем народам Востока, ведущим борьбу против колониализма... Выполняя чужую волю ...пра-

---

³⁸⁵ СЕНТО (The Central Treaty Organization) – существовал в 1955–1979 гг., состоял из Великобритании, Турции, Ирана, Пакистана и Ирака. До выхода последнего из блока в марте 1959 года назывался «Багдадским пактом».

³⁸⁶ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 11. П. 24. Д. 1. Л. 34–40; Оп. 13. П. 28. Д. 1. Л. 1–11. Д. 4. Л. 11–13.

³⁸⁷ О соответствующей активности, возникшей тогда в дипломатическом закулисье, Хрущёв потом вспоминал: «...Дипломаты Англии и Франции, не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе или бокалом вина, высказывали такие мысли: «Ну что же, мы с пониманием относимся к трудностям, которые у вас возникли в Польше и Венгрии. А у нас трудности с Египтом. Давайте негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам». (Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 396.)

вительство Израиля преступно и безответственно играет судьбой мира, судьбой своего народа. Оно сеет такую ненависть к государству Израиль среди народов Востока, которая не может не сказаться на будущем Израиля и которая поставит под вопрос само существование Израиля как государства... Учитывая сложившуюся обстановку, Советское правительство приняло решение предложить своему послу в Тель-Авиве (А.Н. Абрамову. – Г.К.) покинуть Израиль и немедленно выехать в Москву. ...»³⁸⁸.

В тот же день (5 ноября) при обсуждении на Президиуме ЦК вопроса о «мобилизации широких масс общественности» на поддержку советской ближневосточной политики Л. Каганович предложил «организовать выступление группы евреев». Было решено опубликовать в «Правде» коллективный протест группы известных советских деятелей еврейского происхождения против вторжения Израиля в Египет. Ответственными за подготовку этой пропагандистской акции были назначены секретарь ЦК Поспелов и министр иностранных дел Шепилов³⁸⁹. Примечательно, что последний, прибыв в июне 1956 года в Каир, передал Насеру секретное согласие СССР поддержать отвергнутый Западом проект возведения Асуанской плотины, который должен был стать ключевым в социально-экономической модернизации Египта.

В начале 1953 года Шепилов, будучи главным редактором «Правды», уже занимался (по указанию Сталина) составлением аналогичного верноподданнического обращения группы именитых евреев, якобы возжелавших заклеить позором «врачей-вредителей», арестованных по обвинению в антигосударственном заговоре, организованном западными спецслужбами. Но в отличие от того воззвания, чье обнародование так и не состоялось из-за смерти Сталина, его «клон» 1956 года в «Правде» все же появился³⁹⁰.

Активное участие в составлении этих двух «еврейских обращений» принял наряду с Шепиловым и И. Эренбург, считавший-

---

³⁸⁸ Известия. 1956. 6 ноября.

Впоследствии министр иностранных дел Израиля Г. Меир, пригласив к себе 28 июня 1957 г. советского посла А.Н. Абрамова, заявила: «Мы понимаем... что во время Синайской кампании Советский Союз осуждал Израиль и выступил против него. Но отношение СССР к Англии и Франции, которые также выступили против Египта, было иным. Торговля с ними не прерывалась ни на один день. Советские послы из Лондона и Парижа не отзывались. Советские руководители заявляют сейчас о желании СССР установить дружбу с этими странами, в отношении Израиля таких заявлений пока не было» (АВП РФ. Ф. 089. Оп. 10. П. 23. Д. 3. Л. 83–89).

³⁸⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 203.

³⁹⁰ Правда. 1956. 6 ноября.

ся на Старой площади лучшим специалистом по западному общественному мнению, для обработки которого подобные акции и предпринимались. Обозревая в мемуарах события 1956 года, Эренбург отметил, что в первых числах ноября его неожиданно вызвали с дачи в ЦК КПСС, где по поручению Кагановича с ним встретился Пospelов. «Петр Николаевич... – как припомнил литератор, – показал мне текст обращения, протестующего против нападения израильских войск на Египет. Меня удивило, что речь шла почти исключительно об Израиле. Англия и Франция упоминались мимоходом. Я сказал об этом Пospelову. Петр Николаевич, несколько стесненный, объяснил мне: по мнению Кагановича... воззвание должно быть протестом советских граждан еврейского происхождения против действий Израиля. Потянуло февралем 1953 года. Я сказал Пospelову, что я не больше отвечаю за Бен-Гуриона, чем он, и охотно подпишу этот текст, если он, советский гражданин русского происхождения, его подпишет... Инициатор Л.М. Каганович своей подписи не поставил, но подписали текст тридцать два человека, среди них журналист Заславский, писатель Натан Рыбак, академик Минц и другие...»³⁹¹.

* * *

То, как реагировало советское руководство на события, происходившие в 1956 году в Восточной Европе, свидетельствовало о том, что, предпринимая развенчание «культы личности», Хрущёв исходил исключительно из внутренней ситуации в Советском Союзе, особенно не задумываясь при этом о внешнеполитических последствиях этого шага. В результате советский лидер продемонстрировал полную растерянность, когда постфактум осознал, что разоблачение Сталина вызвало в Восточной Европе куда бóльший общественно-политический резонанс, чем в Советском Союзе. Не проинформировав заранее польских и венгерских руководителей о своих намерениях, Хрущёв серьезно дискредитировал их в глазах элиты и общественности своих стран, спровоцировав тем самым давно назревавший в них кризис власти. И хотя сталинистские режимы Берута–Бермана в Польше и Ракоши в Венгрии и без того были обречены, тем не менее при более внимательном отношении Москвы к тому, что творилось в политических кругах Варшавы и Будапешта, удалось бы, очевидно, избежать тех драматических эксцессов, которые возникли в процессе обновления правящих элит и переналадки властных институций в этих странах.

---

³⁹¹ Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 464.

Заигрывая с политически перспективными в глазах Москвы умеренными польскими и венгерскими национал-коммунистами, Хрущёв, дабы подкрепить в диалоге с ними свою позицию, активно разыгрывал «еврейскую карту». В разговорах с этими политиками он в негативном свете выставлял соответствующее этническое происхождение Бермана, Ракоши и других ставленников Сталина, что только накаляло политические страсти в Польше и Венгрии и усугубляло и без того сильные там антисемитские настроения.

Впрочем, этот этнополитический момент сыграл второстепенную роль в той критической социальной ситуации, которая возникла в той же Венгрии, где массовые вооруженные выступления удалось подавить только силой советских войск. Главное, что обусловило описанную дестабилизацию в Восточной Европе, был геополитический фактор, который выразился в том, что СССР, будучи евразийской империей, пытался после Второй мировой войны закрепиться на культурно чуждом для него цивилизационном пространстве.

Аналогичными негативными последствиями оказался в конечном счете чреват для СССР и взятый им в том же 1956-м долговременный курс на всемерную поддержку «прогрессивных» арабских режимов и активное политическое противостояние Западу (прежде всего США) на Ближнем Востоке. Правда, при этом Хрущёв в значительной мере руководствовался во многом оправданной солидарностью с Египтом, сумевшим благодаря советской поддержке успешно отразить тройственное англо-франко-израильское вооруженное нападение, носившее по сути неокOLONиалистский характер.

Участие в этой аванюре существенно подпортило международный авторитет Израиля, в том числе и в глазах советского еврейства. Воспользовавшись внешнеполитическим промахом властей этой страны, советское руководство именно с того момента стало активно наращивать антиссионистскую пропаганду.

Глава IV

**СЛОЖНОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Проблема этнокультурной идентификации

Пережив гуманитарную катастрофу Холокоста и претерпев репрессии и гонения в «черные» послевоенные годы, советские евреи дали на эти судьбоносные вызовы двойной ответ: 1) начала быстро нарастать этнонациональная консолидация этого меньшинства, которая обусловила возникновение еврейского национального движения, вылившегося преимущественно в борьбу за эмиграцию в Израиль (об этом ниже); 2) одновременно усилился и противоположный по сути процесс ассимиляции евреев, имевший поначалу в сравнении с первой тенденцией значительно более массовидный характер.

Это послевоенное повышение интенсивности ассимиляции, а также другие важные демографические факторы – массовое уничтожение евреев в ходе Холокоста, их гибель в составе действующей армии на фронтах Второй мировой войны, две волны послевоенной эмиграции (1944–1947 гг.; 1956 – 1959 гг.) в Польшу, Румынию и другие восточноевропейские страны – привели к существенному падению абсолютной и относительной численности советского еврейства. Если, по данным Всесоюзной переписи 1939 года, в СССР насчитывалось 3 028 538 евреев (1,78% от всего населения страны), то перепись 1959 года зафиксировала их численность, равную 2 267 814 (1,09%). Правда, как резонно считают некоторые исследователи, последнее число занижало (примерно на 15%) тогдашнее реальное количество советских евреев, поскольку некоторые из них скрывали свою национальность. Происходило это в значительной мере вследствие серьезных антисемитских проявлений со стороны власти в 1948–1953 гг. По этой же причине и детей, родившихся в смешанных семьях, уже мало кто регистрировал как евреев в органах ЗАГС. Теперь по рейтингу численности советских народов евреи находились на одиннадцатом месте, хотя еще в 1939 году они были на седьмом, а в 1940 году (после присоединения к СССР новых западных территорий) – даже на четвертом.

Территориальное расселение советских евреев на конец 1950-х гг. характеризовалось следующей демографической картиной: больше всего их проживало в РСФСР – 875 000, чуть меньше на Украине – 840 000, в Белоруссии – 151 000, в республиках Прибалтики и в Молдавии – 162 000, в Средней Азии и в Закавказье – 240 000³⁹².

С произошедшей после смерти Сталина либерализацией государственной миграционной политики заметно активизировалось перемещение евреев из Украины, Белоруссии, южных регионов СССР (Средней Азии, Кавказа), а также отдаленных российских областей в крупные города европейской части РСФСР и Прибалтики. Такое переселение обуславливалось не только стремлением людей повысить качество жизни (в социально-экономическом и культурно-образовательном плане), но и усилением этнонационализма в союзных республиках (особенно в среднеазиатских и закавказских).

Наглядной иллюстрацией этой тенденции могут служить личные свидетельства, почерпнутые из депутатской переписки И. Эренбурга. В середине 1960-х гг. один из его корреспондентов-евреев так описывал тогдашнюю ситуацию в Баку: «...За десять лет национализм (точнее, национал-шовинизм) принял колоссальные размеры у нас (в Азербайджане. – Г.К.), и все, у кого есть возможность (я имею в виду не азербайджанцев, разумеется!), бегут в Россию... Вообще, национализм и в других республиках стал неофициально поощряться сверху, под видом культурного развития малых народов. На Украине, в Белоруссии, даже в Средней Азии – везде межнациональная грызня. И, прежде всего, накидываются на евреев... В нашем отделе Научно-исследовательского института водных проблем начисляли премию. Основной контингент – азербайджанцы, ни черта не делающие и фланирующие целыми днями. Мы составляли генсхему водоснабжения Нахичеванской АССР. Процентом семьдесят сделал я: и текст написал, и редактуру, и корректуру, и расчеты, и полевое исследование. ...Но при начислении премии оказалось, что я получаю столько ...сколько машинистка... Здесь хапают самым беззастенчивым образом, лишь заимев минимум власти. Кто хапает – опять-таки «местные кадры». Чувствуя безнаказанность, они вообще игнорируют советскую власть... В печати пытаются выразить «братские чувства» к соседней Армении, но я был в районах Азербайджана,

---

³⁹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. В 17 тт. СССР (сводный том). – М.: Госстатиздат, 1962. С. 134. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / ИРИ РАН и др. – М.: Наука, 1992. С. 57. *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 262–263.

был в Нахичеванской АССР и знаю эту братскую любовь. Мне кажется, что от национализма нам никуда не уйти, хотя оптимисты утверждают обратное... Как могу я верить партии, исподтишка поддерживающей антисемитизм и прочий национализм? Поверьте, я говорю от души. Как же жизнь перевернула все мои школьные и институтские убеждения!»³⁹³.

По уровню образования евреи к концу 1950-х гг. значительно обгоняли другие советские национальности. В РСФСР из 1000 евреев 556 имели среднее и высшее образование, а аналогичный показатель для русских составлял 82. В подавляющем своем большинстве евреи входили в социальные страты служащих и интеллигенции, и поэтому по уровню урбанизации они так же лидировали: в РСФСР доля евреев-горожан составляла 94,8% (у русских – 54,9%). Это нацменьшинство проживало по преимуществу в крупных городах страны: в Москве числилось 239 246 евреев (4% от всего населения столицы), Ленинграде – 168 246 (5,8%), в Киеве – 153 466 (14%)³⁹⁴.

Хотя после Сталина было полностью покончено с массированными антиеврейскими кадровыми чистками и тем более с репрессиями на этой почве, латентный антисемитизм так или иначе продолжал присутствовать во внутренней политике властей. Пусть и не с прежним энтузиазмом, но с удвоенной предосторожностью и маскировкой они продолжили прежний, взятый в конце 1940-х гг. курс на первоочередное устранение евреев из сферы национальной безопасности (армии, КГБ, других силовых структур, МИДа³⁹⁵, Минвнешторга), а также на постепенное («естественное») избавление от них в системе ВПК (военно-промышленные министерства, ведомства, «закрытые» предприятия, НИИ и ОКБ) в соответствии со следующим правилом: старым евреям дать доработать до пенсии, но молодых не брать.

Неуклонно сокращалось и присутствие евреев во власти. К середине 1950-х гг. в высшем руководстве страны (Президиуме ЦК КПСС) оставался только один еврей – Л.М. Каганович. Но уже

³⁹³ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 447–448.

³⁹⁴ Pinkus B. Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 264, 266. КЕЭ. Т.8. С. 300. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х тт. / Отв. ред. Ю.А. Поляков. Т. 3. Кн. 1. 1960–1979. – М.:РОССПЭН, 2005. С. 90–91, 77, 239–240.

³⁹⁵ В МИД СССР остался лишь один «руководящий еврей» – Л.И. Менделевич (1918–1989), да и то главным образом потому, что имел редкую профессиональную специализацию и к тому же до перехода в 1952 году в центральный аппарат МИДа несколько лет проработал в Комитете информации – советской спецслужбе (внешняя разведка), созданной в 1947 году. В 1965–1968 гг. возглавлял в МИДе отдел стран Латинской Америки, а потом был назначен заместителем постоянного представителя СССР при ООН.

в середине 1957 года он был устранен из этого ареопага, поскольку, выступив против Хрущёва, оказался причисленным к «антипартийной группе», члены которой подверглись гонениям. «Вымывание» евреев из верхних эшелонов власти наглядно подтверждалось динамикой изменения их численности в составе ЦК КПСС. Если в 1939 году в него входили 14 евреев (19,7%), в 1952 году – 5 (4,0%), то в 1956 году – всего 4 (0,3%).

Та же картина была характерна и для высших звеньев государственной власти и управления. В Верховный Совет СССР (самый престижный, но фактически безвластный представительный орган) в 1950 году вошли 7 евреев (0,52%), а в 1958 году – 5 (0,36%).

Долгие годы самым «высокопоставленным» евреем в правительстве СССР был тот же Каганович, занимавший до июня 1957 года пост первого заместителя председателя Совета Министров СССР (одновременно в 1956–1957 гг. был министром промышленности строительных материалов СССР). В ранге союзного министра пребывал тогда и Д.Я. Райзер (1904–1962), возглавлявший в 1954–1957 гг. министерство строительства предприятий металлургической и химической промышленности и отправленный затем (видимо, «за связь» с Кагановичем) в Казахстан, где до пенсии (1958 год) был главой республиканского министерства строительства.

Начиная с 1957 года в течение последующих пяти лет в союзном правительстве не было ни одного еврея. Только в 1962-м в руководстве Совмина СССР (на посту заместителя председателя СМ СССР) появился В.Э. Дымшиц³⁹⁶.

---

³⁹⁶ Дымшиц В.Э. (1910–1993) – родился в Феодосии (Таврическая губ.) «в семье служащих». В 17 лет пошел рабочим на одну из угольных шахт Донбасса. В 1928 году перебрался в Москву, где в 1931 году закончил автогенно-сварочный учебный комбинат (техникум). Затем работал на строительстве крупных металлургических заводов (в гг. Кузнецк, Мариуполь, Кривой Рог). В 1939–1946 гг. был управляющим трестом «Магнитострой», а в 1946–1950 гг. – «Запорожстрой». В 1945 году экстерном закончил МВТУ им. Н.Э. Баумана. С марта 1950 года замминистра строительства предприятий тяжелой индустрии СССР. В период антиеврейской чистки госаппарата получил партийное взыскание: 26 января 1950 г. Секретариат ЦК утвердил решение Бюро КПК при ЦК ВКП(б) об объявлении ему выговора с занесением в учетную карточку «за нарушение большевистского принципа в подборе кадров» (принимал на работу родственников-евреев и сотрудников, впоследствии арестованных за «троцкистско-сионистскую деятельность»). В 1953 году был понижен в должности до начальника главка по строительству предприятий свинцовой промышленности Минстроя СССР. В 1954–1957 гг. – замминистра строительства предприятий металлургической и химической промышленности СССР; в 1957–1959 гг. – главный инженер строительства Бхилайского металлургического завода (Индия).

Ниже уровнем – на постах заместителей руководителей союзных министерств и ведомств – находились в хрущёвский период несколько евреев: Л.М. Володарский (1911–1989), который в 1956–1975 гг. был замначальника ЦСУ СССР (в 1975–1985 гг. – начальник ЦСУ); Б.Л. Ванников (1897–1962) – первый замминистра среднего машиностроения СССР (1953–1958 гг.); Ю.И. Боксерман – замминистра газовой промышленности; Л.С. Гликман – замминистра нефтяного и газового машиностроения.

Антиеврейские акции, предпринимавшиеся властями в послевоенный период, заметно интенсифицировали процесс ассимиляции советских евреев. В 1959 году только 21,5% евреев считали идиш родным, тогда как в 1939-м – около 40%, в 1926-м – 72%, а в 1897-м – 97%. Утрачивавшие свою языковую идентичность евреи в подавляющем большинстве русифицировались. Если в 1926 году только каждый четвертый советский еврей называл русский язык родным (25,0%), а в 1939-м – каждый второй (54,6%), то в 1959-м – уже трое из четырех (76,4%)³⁹⁷.

Еврейская автономная область

Чуть меньшими темпами проходила ассимиляция в дальневосточной Еврейской автономной области (ЕАО), которая за рубежом рекламировалась советской пропагандой как оплот и очаг еврейской государственности и культуры в СССР. При переписи 1959 года было зафиксировано, что 39% еврейского населения области своим родным языком объявили идиш (то есть этот областной показатель на 17,5% превышал средний по стране). Однако фактически это мало что значило, так как в ЕАО проживали тогда 14 269 евреев, что составляло 8,8% от всего населения данной области и 0,7% от общей численности этого нацменьшинства в СССР³⁹⁸.

---

17 июля 1962 г. был назначен зампредела Совета Министров СССР (1962–1985) и одновременно председателем Госплана СССР (июль–ноябрь 1962 г.). Занимал также посты председателя СНХ СССР (1962–1965), председателя Госнаба СССР (1965–1976). Входил в ЦК КПСС (1961–1986) и Верховный Совет СССР (1962–1989). С 1985 года на пенсии. (Совет Народных Комиссаров СССР. Совет Министров СССР. Кабинет Министров СССР. 1923–1991. Энциклопедический справочник / Авт.-сост. С.Д. Гарнюк. – М.: Мосархив, 1999. С. 253. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 752. Л. 124–125. Оп. 119. Д. 228. Л. 132–142.)

³⁹⁷ *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 261. КЕЭ. Т. 8. С. 295, 302. *Кандель Ф.* Т. 6. С. 321. Большая советская энциклопедия (БСЭ). Изд. 1. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Т. 24. С. 74, 86.

³⁹⁸ *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 242.

Но не только приведенная статистика говорила за то, что к началу 1960-х гг. данная дальневосточная область была еврейской во многом номинально. Об этом свидетельствовал и тамошний фактически «нулевой» (на «точке замерзания») уровень еврейской культуры. Произошло это не только вследствие, так сказать, естественной деградации, поскольку этот регион, будучи отдален от центров индустриальной цивилизации и потому изначально непривлекателен для евреев, никогда особенно и не был развит в национально-культурном отношении. Главной причиной возникшего в ЕАО культурного запустения стал сокрушительный репрессивный удар, которому она подверглась на рубеже 1940-х – 1950-х гг., когда население области составляло еще около 20 тыс. человек. Тогда помимо руководства ЕАО, которому инкриминировали буржуазный национализм, были по тому же обвинению арестованы и многие представители и без того немногочисленной местной творческой интеллигенции, в том числе и практически все видные еврейские писатели, журналисты. Уже с 1947 года в школах не преподавался идиш, а в начале 1949 года закрыли издававшуюся с 1935 года «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда») – единственную к тому времени в СССР еврейскую газету. В октябре 1949 года прекратил свое существование и Биробиджанский государственный еврейский театр им. Л.М. Кагановича, где долгие годы художественным руководителем был Е.Л. Гельфанд (1910–1991).

Когда в 1954 году выпуск «Биробиджанер штерн» возобновился, издание стало выходить на двух полосах, три раза в неделю и тиражом всего в одну тысячу экземпляров. В июле 1956 года первый секретарь обкома партии ЕАО Л.Е. Бенькович (1907–?)³⁹⁹ доложил в ЦК КПСС, что оставляет желать много лучшего не только внешнее оформление газеты (типографские шрифты и клише были низкого качества), но и ее содержание (заполнялась «скуднейшими, трафаретными заметками... язык газеты тяжел, слишком онемечен»)⁴⁰⁰.

Однако при Хрущёве в области так и не был восстановлен еврейский театр. В Биробиджане не было даже национального историко-художественного музея. Городская библиотека, чей фонд составлял 120 тыс. экземпляров книг, имела только 10 тыс. томов на еврейском языке. Даже жившие и работавшие в области еврей-

---

³⁹⁹ В годы правления Хрущёва ЕАО возглавляли следующие первые секретари обкома: А.П. Шитиков (1952–1955), Л.Е. Бенькович (1955–1957), И.А. Патлай (1957–1959; снят «как не обеспечивший порученный участок работы»), А.К. Черный (1959–1962), Г.Е. Подгаев (1962–1970).

⁴⁰⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 4. Л. 69–86.

ские писатели не имели возможности печататься на родном языке. Одним из этих литераторов был Б.И. Миллер (1913–1988). Арестованный в мае 1950 года как еврейский националист, он в 1956 году был освобожден из лагеря и возвратился в Биробиджан. Спустя год ему удалось напечатать по-русски в далекой Москве книжку под названием «Братья», основу которой составила вышедшая в 1948 году на идише повесть «Биробиджан». Русское издание отличалось от раннего еврейского не только названием, но и по содержанию: в нем рассказывалось о неких молодых энтузиастах – абстрактных «советских людях», решивших потрудиться на стройках Дальнего Востока. Тогда как в изначальной версии речь шла однозначно о евреях, которые в рамках государственной переселенческой программы приехали после войны в Биробиджан из разрушенной войной европейской части СССР⁴⁰¹.

Показательно, что даже после смерти Сталина в советских центральных СМИ о Еврейской области практически ничего не публиковалось. О ней «вспомнили» только в 1958 году, когда отмечался 25-летний юбилей создания ЕАО. Причем наиболее полный материал об области был сделан Московским международным радио, которое, вещая на границу, подготовило тогда специальную серию передач⁴⁰².

Здравая логика национально-государственного развития, казалось, должна была бы подсказать советскому руководству то очевидное соображение, что эффективная борьба за умы и сердца советских евреев не должна ограничиваться только практиковавшимся наращиванием антиссионистской пропаганды и куда важней, насущней и перспективней осуществлять масштабное стимулирование этнокультурного развития этого нацменьшинства в ЕАО и других местах его компактного проживания на территории Советского Союза. Однако хрущёвское руководство осталось глухо к этому очевидному резону. Правда, оно вполне обоснованно отказалось и от бесплодных попыток наполнить реальным содержанием заведомо утопичный сталинский проект «красного Сиона» на Дальнем Востоке⁴⁰³. Но при этом не был проведен даже, образно говоря, «косметический ремонт» этого национального дома советских евреев, пусть и во многом для них только симво-

---

⁴⁰¹ *Котлерман Б.* Биробиджан, или Еврейская автономная область? // *Лехаим.* 2007. Май. № 5 (181).

⁴⁰² *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 241–242.

⁴⁰³ Один из коммунистических ортодоксов старшего поколения некто Леонид Ратнер (Матарадзе) направил Хрущёву в апреле 1958 года из Симферополя проект преобразования ЕАО в автономную советскую республику. (Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 399–407.)

лического. Невольно способствуя тем самым полной дискредитации идеи советской еврейской государственности, Хрущёв показал себя еще большим ассимилятором, чем Сталин: дал окончательно понять еврейским подданным, что те смогут сохранить свою этнокультурную идентичность только посредством эмиграции в Израиль.

Литература

Уже из приведенного выше сюжета с биробиджанским писателем Миллером видно, что ситуация в советской еврейской литературе и при Хрущёве оставалась достаточно проблематичной, хотя, конечно, уже не такой трагичной, как при «вожде народов». Основная причина трудного возрождения еврейской литературы в СССР состояла в том, что Хрущёв проводил предпринятую им ревизию сталинизма крайне дозированно. Публичному осуждению подлежали главным образом репрессии покойного вождя в отношении деятелей партии, да и только «правоверных», тех, кто никоим образом ему не противостоял, а, напротив, был всецело предан, став невинной жертвой политического заклания. Неудивительно, что, придерживаясь такого селективного подхода в предании гласности фактов сталинского террора, власти предпочитали держать в тайне и результаты реабилитационных расследований по делам репрессированных «еврейских националистов», в том числе и еврейских литераторов.

Впрочем, этот дефицит публичности обуславливался не только нежеланием властей «выпячивать» прежние грехи системы, но и тем немаловажным обстоятельством, что руководство ССП продолжало в значительной мере оставаться под влиянием Софронова, Грибачёва и других недавних активных борцов «с еврейским засильем» в советской литературе. Ведь именно они приветствовали в феврале 1949 года ликвидацию объединения еврейских писателей, где «орудовали нусиновы, феферы, маркиши, квитко, галкины»⁴⁰⁴. И во многом вследствие их стараний преследование еврейских литераторов и «космополитов» набрало такую инерциальную силу, что даже смерть Сталина далеко не сразу ее застопорила. 24 марта 1953 г. Фадеев, Сурков и Симонов направили секретарю ЦК Хрущёву пространную записку «О мерах Секретариата Союза писателей по освобождению писательских организаций от балласта», в которой докладывали об осуществленном

⁴⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 2–8.

и запланированном исключении из ССП в общей сложности 22 литераторов, в подавляющем большинстве евреев. Правда, через три дня заведомо пропаганды и агитации ЦК КПСС Кружков списал эту бумагу в архив⁴⁰⁵, видимо, уже тогда будучи «в курсе» того, что очень скоро выпустят на свободу «кремлевских врачей-вредителей» и реабилитируют Михоэlsa.

Одним из следствий начавшейся бериевской «микрореабилитации» стало то, что во вновь изданных произведениях отечественной художественной литературы стала изредка «проскальзывать» еврейская тематика. В вышедший в 1953 году 27-й том академического издания сочинений А.М. Горького вошла его речь на первом съезде ССП в 1934 году с позитивными оценками творчества Х.-Н. Бялика (1873–1934) и Шолом-Алейхема (1859–1916)⁴⁰⁶. Этот факт можно считать существенным прорывом, особенно учитывая, что из версток предыдущих томов этого 30-го издания цензурой были изъяты «Легенда о еврее», статья «По поводу кишиневского погрома», тексты речей «О евреях», «О Бунде», публицистика рубежа 1920–1930-х гг. с осуждением антисемитизма⁴⁰⁷.

В тогда же формировавшийся второй том собрания сочинений другого отечественного классика, В.Г. Короленко, был включен рассказ «Броня Мендель». В следующем, 1954 году, после пятилетнего перерыва возобновилось издание на русском языке прозы еврейского классика Шолом-Алейхема: 50-тысячным тиражом «Детгиз» выпустил его повесть «Мальчик Мотл». В 1955-м в переводе Е.А. Евтушенко были напечатаны в журнале «Новый мир» два стихотворения А.А. Вергелиса (1918–1999). А в 1956-м вышли в свет уже переводы 13 книг еврейских авторов⁴⁰⁸.

⁴⁰⁵ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 30–34.

⁴⁰⁶ «Разрешите напомнить, что количество народа не влияет на количество талантов. Маленькая Норвегия создала огромные фигуры Гамсуна, Ибсена. У евреев недавно умер почти гениальный поэт Бялик и был исключительно талантливый сатирик и юморист Шолом-Алейхем» (*Горький А.М.* Собр. соч. Т. 27. М., 1953. С. 341). В 1921 году Горький посодествовал выезду Х.-Н. Бялика и других писателей-гебраистов за границу.

⁴⁰⁷ Летом 1949 года заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Л.Ф. Ильичёв вызвал к себе бывшего литературного секретаря Горького и редактора его издававшегося собрания сочинений И.А. Груздева и приказал ему немедленно сдать в архив Института мировой литературы АН СССР хранившиеся у того рукописи статей Горького, которые должны были войти в запрещенный к опубликованию сборник «О евреях» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 230. Л. 46–48).

⁴⁰⁸ *Рутберг Н.И., Пидевич И.Н.* Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода. Хронологически-тематический указатель литературы, изданной за 1917–1991 гг. на русском языке. – М., 2000. С. 482.

Начавшаяся с конца 1955 года реабилитация еврейских авторов – как расстрелянных и погибших в заключении, так и выживших в ГУЛАГе и выпускавшихся на свободу – поставило руководство ССП перед очевидной необходимостью своеобразной реабилитации самой еврейской литературы, заклеянной позором в 1949 году и тогда же официально запрещенной⁴⁰⁹. К тому же как раз тогда на Западе стремительно стали нарастать протесты (в том числе и леволиберальной общественности) против «нежелания Кремля» «решительно отринуть сталинский антисемитизм». Подобные выступления существенно вредили пропаганде нового заграничного имиджа СССР как страны «обновленной социалистической демократии» и прогресса.

Собразуясь с этими внутренними и внешними обстоятельствами, первый секретарь правления ССП Сурков направил 16 декабря 1955 г. в ЦК КПСС записку, в которой ходатайствовал о возрождении еврейской литературы. Правда, в ней он отнес начало гонений на нее не к 1949 году, а почему-то к 1950-му, «когда подавляющее большинство (все! – Г.К.) периодических и непериодических изданий, а также книжные издательства, печатавшие литературу на еврейском языке, прекратили свое существование». Как констатировал далее Сурков, «за последние 5 лет не появлялись на свет в изданиях на родном языке произведения всех еврейских советских писателей и свелась к минимуму публикация их произведений в переводах на русский и др[угие] языки народов СССР».

В письме особо подчеркивалось, что такая же неблагоприятная ситуация характерна и для «некоторых других национальных литератур» («...в годы Великой Отечественной войны государством были приняты репрессивные меры, фактически перестали существовать национальные писательские группы немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар»). В обращении выражалась твердая уверенность в том, что еврейская литература имеет право на существование. От имени руководства ССП Сурков заявлял: «Для Секретариата Правления СП ясно, что произведения посмертно или при жизни реабилитированных еврейских писателей, имеющие общесоюзное идейно-художественное значение, необходимо издавать в переводах на русский и другие языки на общих основаниях, равно как и аналогичные произведения других живущих и работающих еврейских писателей».

---

⁴⁰⁹ В 1949–1952 гг. вышли только четыре тонкие («детгизовские») книжки стихов еврейских национальных авторов (Р.Л. Баумволь – в 1949 году; И.С. Котляра – в 1949, 1952 гг., З.Л. Телесина – в 1951-м), причем не на еврейском, а на русском языке.

В заключении испрашивалась соответствующая санкция ЦК, а также высказывалась просьба решить на государственном уровне принципиальный, выходящий «за рамки компетенции Союза писателей» вопрос «о положении и судьбе еврейской литературы как одной из национальных литератур СССР.. равно как и вопросы, связанные с судьбой литератур репрессированных в военное время национальностей...». К записке прилагались справки, из которых следовало, что в Советском Союзе на ниве идишской словесности продолжали творить более 70 литераторов и что пока их произведения не издавали, в письменных столах они накопили множество готовых к публикации рукописей⁴¹⁰.

Это послание было первым такого рода официальным обращением творческой профессиональной организации к власти с целью получения от нее санкции на восстановление в правах бывших членов, лишившихся их вследствие официальной этнофобии. Возможно, на этот шаг Суркова подвигла не только корпоративная солидарность. Не исключено, что он был движим также простым человеческим сочувствием к невинно пострадавшим коллегам или даже личным мотивом – скажем, уважением к жене Софье Антоновне Кревс⁴¹¹, к которой поэтически обращался в декабре 1941 года в своей знаменитой «Землянке».

Ветер демократических перемен, взвихренный февральской (1956 года) «революцией» Хрущёва – антисталинскими разоблачениями на XX съезде КПСС, – без сомнения, способствовал тому, что отдел культуры ЦК, положивший первоначально «филосемитское ходатайство» Суркова в «долгий ящик», в середине апреля его оттуда извлек и поддержал. Произошло это после того, как председатель Иностранной комиссии ССП Б. Полевой направил 12 апреля 1956 г. в ЦК русский перевод статьи французского писателя и публициста Манеса Шпербера, опубликованной 30 марта во влиятельном парижском еженедельнике партии радикалов «Экспресс».

Эмоционально насыщенный тон статьи под выразительным названием «Убитый, я буду жить...» свидетельствовал о том, что

---

⁴¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 2. Л. 126–128. (Опубл.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 454–455.)

⁴¹¹ Среди исследователей творчества Суркова нет единства по вопросу этнического происхождения С.А. Кревс: одни полагают, что она была латышкой (латгалкой), другие – еврейкой, Софьей Абрамовной (*Ратнер Л. Избранные инородцами // Мигдаль Times. № 51. (www.migdal.ru/times/51/4753; www.atapask3.livejournal.com/41421.html).*

ее автор, когда-то сотрудничавший с известным австрийским ученым-психиатром Альфредом Адлером, близко к сердцу воспринял трагедию погибших советских еврейских писателей. В какой-то мере это помогло Шперберу публицистически остро и убедительно обличить антисемитскую составляющую сталинского режима. Вместе с тем, обуревавшие его чувства привели к тому, что в изложении истории о сгинувших советских еврейских литераторах он допустил множество фактических неточностей и искажений. Будучи восприняты на Западе за чистую монету, они, тем не менее, в значительной мере объяснялись тем, что официальная информация по репрессиям не подлежала в СССР оглашению вплоть до конца 1980-х гг. (до радикального рассекретивания советских архивов).

Располагая лишь очень приблизительными сведениями в виде слухов, версий и предположений, Шпербер, по сути, еще больше искажил их собственными фантазиями. Например, он утверждал, что массовые аресты еврейских писателей в Москве начались уже в августе 1948 года, хотя тогда был взят под стражу один Д. Гофштейн, да и то это произошло в Киеве. Со ссылкой на устное заявление некоего «московского генерального прокурора» в статье сообщалось, что 12 августа 1952 г. были расстреляны двадцать шесть еврейских писателей. Однако реально в тот день казнили тринадцать осужденных по «делу ЕАК», среди которых только пять были литераторами. Кроме того утверждалось, что еще сорок их коллег погибли, отбывая срок в ГУЛАГе, что также являлось преувеличением. Видимо, эти аберрации возникли вследствие того, что западная статистика жертв послевоенного сталинского террора, по всей видимости, оперировала «обобщенными» данными о репрессированных деятелях еврейской культуры, погибших начиная с 1930-х гг. В статье было и немало хлестких, но исторически некорректных пассажей, как окрашенных политической гиперболой, так и содержавших явные «художественные» домыслы: «Гитлер и его сообщники лишили жизни едва ли не всех читателей еврейской литературы; ликвидировав ее писателей, Сталин довершил акцию уничтожения»; «рассказывают, что Маркиш, сойдя с ума, беспрерывно пел и смеялся – даже в тот момент, когда пуля коснулась его затылка... рядом с ним погиб другой большой писатель – Давид Бергельсон, молча смотрел он на убийц своим тысячелетним взором».

И все же статья Шпербера сослужила добрую службу для руководства ССП, которое, используя ее как инструмент давления на ЦК, предложило в интересах борьбы с «буржуазными фальсификациями» «форсировать выпуск альманаха еврейской

литературы вместе с постоянно издающейся библиотечкой книг советских писателей, пишущих на еврейском языке...»⁴¹².

Уже 14 апреля 1956 г. завотделом культуры ЦК Поликарпов и завсектором художественной литературы отдела В.И. Иванов «дали ход» успешному «отлежаться» на Старой площади декабрьскому (1955 года) ходатайству Суркова. Препровождая его в Секретариат ЦК, они даже прибегли к небольшой хитрости: сославшись на «сигналы» «еврейских трудящихся», жаловавшихся на отсутствие национальных газет, издательств и театров, привели в качестве аргумента в поддержку этой инициативы ССП тот «тревожный» довод, что синагоги, извлекая для себя пользу из фактически продолжающегося запрета на светскую еврейскую культуру, «усилили свою деятельность... и их влияние на евреев растет». В практическом плане отдел культуры предлагал разрешить ССП организовать на базе издательства «Советский писатель» выпуск еврейского литературного альманаха и напечатать «ряд книг классической и современной еврейской литературы», используя для этого типографские матрицы шрифтов издательства «Дер Эмес», переданные по его ликвидации (осенью 1948 года) в московскую типографию № 15⁴¹³.

Такая довольно смелая поддержка средним звеном аппарата ЦК «еврейской инициативы» ССП объяснялась не только общим усилением «оттепельных» настроений в советском обществе, но в немалой степени и таким конкретным внешнеполитическим фактором, как нараставшее (с весны 1953 года) давление на Москву со стороны еврейской леволиберальной общественности и компартий Европы, Северной Америки и Израиля. Однако, несмотря на этот прессинг, высшее кремлевское начальство (Президиум ЦК) не готово было пойти на сколько-нибудь весомые послабления в данной сфере. С одной стороны, оно опасалось «либерального реванша» внутри страны, чреватого опасными обличениями действующих сановников как «правофланговых» недавних шовинистических кампаний, а с другой, – возбуждения в широких слоях общества и аппаратного чиновничества недовольства в отношении властей предрержащих, «опять потворствующих евреям». Лично соприкасаясь тогда с бурными проявлениями подобных настроений в подконтрольных Польше и Венгрии, Хрущёв как никто другой страшился того, что подобная «зараза» общественной юдофобии может перекинуться и на СССР.

⁴¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 2. Л. 147–151.

⁴¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 2. Л. 152–153. (Опубл.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 490–491.)

Возможно, по этим соображениям «вопрос, поставленный Сурковым», был 22 мая 1956 г. неожиданно «снят с обсуждения на Секретариате ЦК КПСС». Эти лапидарные и лишенные какого-либо пояснения цитации, взятые из составленной Поликарповым ровно месяц спустя (22 июня) информационной справки⁴¹⁴, по большому счету означали, что верхушка аппарата ЦК не отважилась тогда санкционировать возрождение еврейской литературы.

Тем не менее, у руководителей ССП не опустили руки. В конце июня 1956 года они добились создания при Министерстве культуры РСФСР комиссии, занявшейся возрождением еврейской национальной культуры. Состав комиссии в номенклатурном плане был весьма авторитетным, что позволяло надеяться на позитивный результат. Наряду еврейскими литераторами Вергелисом, Галкиным и Л.И. Стронгиным в комиссию вошли замминистра культуры РСФСР К.В. Воронков (с 1959 года – секретарь правления ССП по оргвопросам) и лауреат Сталинской премии, писатель Ажаев, который стал ее председателем. Завершив работу к концу лета, комиссия 9 сентября 1956 г. направила в Минкульт РСФСР отчет, выводы и рекомендации которого сводились к следующим основным моментам: воссоздание издательства «Дер Эмес» можно осуществить – при условии согласия властей – в течение месяца; если это произойдет, то ему (издательству) можно поручить возобновление закрытого в начале 1949 года альманаха «Геймланд», чей новый выпуск уже сверстан и готов к печати; проработан также вопрос о выходе в Гослитиздате 100-томной антологии мировой еврейской литературы⁴¹⁵.

Благодаря напористости Ажаева комиссии удалось 14 сентября 1956 г. «продать» на Старой площади (через отдел культуры) одобрение Секретариатом ЦК постановления «Об издании литературно-художественного и общественно-политического альманаха на еврейском языке и о выпуске произведений еврейских писателей». В этом документе предусматривалось создание в Гослитиздате и издательстве «Советский писатель» специальных редакций, которые уже с 1957 года должны были развернуть: 1) выпуск еврейского альманаха (ежеквартальника) объемом 12–14 печатных листов и тиражом в 5000 экземпляров; 2) публикацию на идише произведений еврейских классиков и современных писателей. Эта же бумага содержала поручение Министерству культуры СССР обеспечить упомянутые издательства необходимыми типографскими мощностями⁴¹⁶.

⁴¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 2. Л. 154.

⁴¹⁵ Бельнская Л., Зингер Б. Наперекор. С. 69–71.

⁴¹⁶ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 457.

Казалось, что идее возрождения еврейской культуры, которой на сей раз удалось пройти через «частое сито» Секретариата ЦК будет, наконец, дана «зеленая улица». Однако произошел уникальный казус: апробированный руководством на Старой площади проект описанного выше постановления в последний момент был неожиданно «зарублен» Президиумом ЦК КПСС, оказавшись мертворожденным. Не исключено, что похерить его мог и сам Хрущёв, среагировавший подобным образом на тогдашние «внешние еврейские раздражители»: активное участие Израиля в «сирийском конфликте», обострение кризисов власти (замешанных в том числе на антисемитизме) в Польше и Венгрии.

Лишь через два с лишним года, когда ситуация в мире несколько стабилизировалась и, самое главное, улучшились отношения СССР с США и с Западом в целом, для осуществления отвергнутого «еврейского проекта» ССП открылась перспектива. Благоприятным поводом послужило планетарно отмечавшееся в 1959 году под эгидой ЮНЕСКО столетие со дня рождения Шолом-Алейхема. Ввиду немалой внешнеполитической значимости этого знаменательного культурного события готовиться к нему стали в ЦК заблаговременно. Еще в конце января 1958 года заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации А.В. Романов направил секретарю ЦК Н.А. Мухитдинову (1917–2008) составленный Совинформбюро план юбилейных мероприятий, предусматривавший широкое информирование международной общественности о подготовке нового издания собрания сочинений Шолом-Алейхема, а также о театральных постановках пьес еврейских авторов и концертах исполнителей еврейских народных песен. При этом особо подчеркивалось, что участие Совинформбюро, этого внешнепропагандистского рупора партии, в юбилейных торжествах пройдет в рамках борьбы «с клеветническими измышлениями сионистов о “преследовании евреев в СССР”»⁴¹⁷.

Подготовку к столетию Шолом-Алейхема развернули также отдел культуры и международный отдел ЦК, утвердившие на Секретариате ЦК (от 11 февраля 1959 г.) совместный план мероприятий. Ключевыми в нем стали пункты, предусматривавшие проведение мемориального вечера, подготовку публикаций в периодической печати и трансляцию передач по Всесоюзному радио. Министерство связи СССР выпустило марку с портретом писателя. Благодаря стараниям правления СП СССР, «скооперировавшегося» с Министерством культуры СССР и Советским коми-

---

⁴¹⁷ Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б.М. Морозова. – Тель-Авив, 1998. С. 32–33.

тетом защиты мира, торжественное заседание удалось устроить в престижном публичном месте Москвы – Колонном зале Дома Союзов. Открылось оно 2 марта – в день рождения еврейского классика. Участвовали в нем многие выдающиеся деятели советской культуры, в том числе и украинский поэт Павло Тычина, (1891–1967), назвавший юбилей Шолом-Алейхема праздником всех народов Советского Союза. Но «гвоздем» программы стало выступление знаменитого афро-американского певца Поля Робсона (1898–1976), который не только продемонстрировал публике свой изумительный бас, но и рассказал о своих встречах с Михоэлсом. Благодаря этой юбилейной помпе было запущено массовое издание (225 тыс. экз.) собрания сочинений еврейского классика, шестой (последний) том которого вышел в 1961 году⁴¹⁸.

Явно стремясь воспользоваться благоприятной юбилейной «конъюнктурой»⁴¹⁹, секретари правления СП СССР Сурков и Полевой направили 12 марта 1959 г. Хрущёву пространную записку, которой попытались сдвинуть с «мертвой точки» реализацию давних предложений ССП по возрождению еврейской словесности. Живописав недоумение авторитетных деятелей ряда коммунистических партий капиталистических стран (США, Аргентины, Чили, Бразилии, Венесуэлы, Израиля) по поводу того непонятого для тех обстоятельства, что «при наличии большой группы видных еврейских писателей» их произведения в оригинальном виде в СССР не издаются, руководители писательского союза в который уже раз настаивали на «срочном» возобновлении издания в СССР еврейской литературы⁴²⁰. Авторы послания, явно

⁴¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 90. Л. 10.

⁴¹⁹ Интересно, что это была не первая попытка давления руководителей ССП на ЦК с использованием авторитетного имени Шолом-Алейхема. Еще 5 мая 1956 г. председатель иностранной комиссии ССП Полевой, ссылаясь на «особые обстоятельства, ввиду которых еврейская литература в Советском Союзе фактически прекратила свое существование», испрашивал у чиновников со Старой площади разрешение на проведение в день сорокалетия со дня смерти еврейского литератора (13 мая) «небольшого вечера» в ДOME советских писателей с приглашением туда представителей посольства Государства Израиль и иностранных корреспондентов. В ЦК вечер разрешили, дали даже добро на мемориальную статью в «Литературной газете». Однако участие в нем израильских дипломатов и западных журналистов было сочтено «нецелесообразным». (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 14. Л. 57–58.)

⁴²⁰ Данный документ в виде так называемого «Письма в директивные органы писателя Бориса Полевого “К проблеме антисемитизма в СССР”», представлявшего собой очень вольный пересказ оригинала, появился в июне 1965 года в самиздатовском «Политическом дневнике» Р.А. Медведева, который датировал это «письмо» 1957 годом (Политический дневник, 1964–1970. – Амстердам: Фонд им. А. Герцена, 1972. С. 102–105).

игравшие на амбициозной претензии Хрущёва на освободившиеся после смерти Сталина лавры лидера международного коммунистического движения и даже всего «прогрессивного человечества», особо отмечали, что идею еврейского культурного возрождения в СССР поддержали не только упомянутые ими иностранные компартии, но и такие «испытанные друзья Советского Союза», «как Луи Арагон и Эльза Триоле, Анна Зегерс и Арнольд Цвейг, Айвор Монтегю и Джон Бернал, Михай Садовяну и Мария Майерова и даже Халлдор Лакснесс – исландец, представитель страны, где нет ни одного еврея»⁴²¹.

Благодаря проявленной настойчивости писательскому руководству удалось вскоре хотя бы частично реализовать свой ранее отвергнутый «еврейский проект» и тем самым спустя шесть лет после ухода Сталина хотя бы по минимуму добиться реабилитации в СССР еврейской словесности. Уже в том же 1959-м в СССР вышли в свет на идише три книги избранных произведений классиков еврейской литературы, причем 30-тысячным тиражом каждая. Первым появился сборник рассказов Иццока-Лейбуша Переца, затем – рассказы Менделе Мойхер-Сфорима и следом – «избранные сочинения» Шолом-Алейхема. Разумеется, в этот последний сборник не вошел роман «Кровавая шутка» (1913), написанный под впечатлением от печально знаменитого процесса в Киеве над Менделем Бейлисом. «Остались за скобками» и произведения классика, исполненные сионистским пафосом: например, публицистическая статья «Зачем евреям свое государство?» (1904), подготовленная сразу после смерти Теодора Герцля.

Такое показное и селективное по сути издание давно уже умерших к тому времени классиков еврейской литературы действовало на сообщество советских еврейских писателей отнюдь не однозначно. Некоторые из них – даже члены ССП – стали уходить в сферу неофициальной творческой активности. В конце 1950-х гг. в Москве, например, появился нелегальный кружок любителей идиша, основанный Р.Л. Баумволь (1914–2000), И.Б. Керлером (1918–2000) и З.Л. Телесиным (1907–1996).

Однако большинство входивших в ССП еврейских литераторов были полностью лояльны к советской власти. Они готовы

Подробный сравнительный анализ текстов самиздатовского «письма» и хранящейся в РГАЛИ записки А. Вергелиса и Е. Романовой руководителю Иностранной комиссии ССП Б. Полевому (начало 1957 года), которая, очевидно, использовалась последним при составлении послания Хрущёву от 12 марта 1959 г., см.: Членов М.М. Путешествие из Биробиджана в Москву: реабилитация языка идиш в СССР // Тиронш. Труды по иудаике. Вып. 4. – М., 2000. С. 255–257.

⁴²¹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 184–185.

были на любой конформистский компромисс с нею только ради самой возможности творить на родном языке.

Неформальным лидером этих в полном смысле слова советских еврейских писателей стал идишский поэт Арон Вергелис. Несмотря на свою относительную молодость (к началу 1960-х ему было чуть больше сорока лет) он «котировался» в аппарате ЦК как наиболее авторитетный эксперт по еврейской культуре. Не случайно именно его юбилейная статья о Шолом-Алейхеме была напечатана 1 марта 1959 г. в «Известиях» и «Литературе и жизни». Родившись на Украине на первом году Советской власти, Вергелис в 1940-м закончил Московский государственный педагогический институт им. Ленина, где до 1938 года на литфаке функционировало еврейское отделение. Он считал себя учеником «пролетарского» еврейского поэта Ицика Фефера, который еще в годы войны начал «помогать» органам госбезопасности, сотрудничая с ними и даже после ареста в конце 1948 года, чуть ли не вплоть до вынесения ему смертного приговора. Между тем Вергелис счастливо избежал репрессий в еврейские «черные годы», причем несмотря на то, что в 1947–1949 гг. руководил во Всесоюзном радиокомитете еврейской редакцией иновещания, а также литературным альманахом «Геймланд». Чтобы тогда уцелеть, он направил в декабре 1949 года в партбюро ССП пространный анализ «порочных особенностей» и «националистической сути» еврейской литературы⁴²². Правда, с началом «оттепели», наоборот, стал активно содействовать возрождению идишской литературы и культуры. В частности, подготавливал для руководства ССП проекты соответствующих записок в ЦК, участвовал в интенсифицировавшихся тогда контактах с представителями западных еврейских СМИ⁴²³.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что именно Вергелис направил 24 мая 1960 г. личное послание Хрущёву, решив уведомить его о своих соображениях по поводу будущего советской еврейской литературы. Неофициальный характер этого обращения (не от руководства ССП, а от рядового его члена) диктовался, очевидно, тем, что стоявшее за Вергелисом руководство ССП только таким обходным путем – «через голову» аппарата ЦК (блокировавшего все попытки «чрезмерной» либерализации «еврейской политики») – могло обратиться к первому человеку в партии и государстве.

⁴²² Государственный антисемитизм в СССР. С. 234–239.

⁴²³ *Эстрайх* Г. Арон Вергелис: главный еврей послегулаговского социализма // Архив еврейской истории. Т. 4 / Гл. ред. О.В. Будницкий. М., 2007. С. 125–128.

В письме к Хрущёву Вергелис изложил свой план возрождения еврейской литературы в СССР, для инициации которого следовало бы вначале осуществить: 1) выпуск на еврейском языке литературно-художественного и общественно-политического периодического издания (журнала или газеты, наподобие «Литературной газеты»); 2) публикацию в качестве приложения небольших книжек серии «Библиотечка еврейской советской литературы»; 3) возобновление иновещания по радио на еврейском языке. Необходимость реализации этих задач мотивировалась главным образом такими политически важными для советского режима императивами, как противодействие влиянию иудаизма и сионистской пропаганды на сознание евреев внутри страны, а также завоевание в противоборстве с той же сионистской пропагандой симпатий еврейской леволиберальной общественности на Западе⁴²⁴.

Аппарат ЦК, обжегшийся в 1956 году на неудачной попытке поддержать аналогичный официальный проект ССП, теперь, как и следовало ожидать, уже не стал так рисковать в отношении «частной» инициативы Вергелиса. По поводу нее заведующие отделами ЦК КПСС Л. Ильичёв (пропаганды и агитации по союзным республикам) и Д. Поликарпов (культуры) направили 20 июля 1960 г. в Секретариат отрицательный отзыв. В нем они сослались на то, что для решения проблемы с еврейской литературой было достаточным возобновление в 1959 году Гослитиздатом выпуска книг на идише. Однако настоящая причина отказа, видимо, состояла в том, что партчиновников отнюдь не радовала перспектива обременить себя хлопотным кураторством периодического издания и радишной редакции, использующих сложно контролируемый цензурой язык. Негативный вердикт Ильичёва и Поликарпова был категоричным: «Что касается предложений т. Вергелиса об издании газеты или альманаха на еврейском языке, то принимать эти предложения считаем нецелесообразным». При этом отклонение идеи с иновещанием на идише, считаясь, видимо, самоочевидным, вообще никак не обосновывалось⁴²⁵.

Вспоминая впоследствии об обстоятельствах этого отказа, Вергелис рассказывал: «Однажды в ЦДЛ на каком-то большом мероприятии я столкнулся с Поликарповым... Напомнил ему о своем письме. Не пора ли издать какие-нибудь еврейские книги, может быть, даже создать издательство? Поликарпов посмотрел кисло и ответил с неудовольствием и в своем обычном «поликар-

⁴²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 154. Л. 112–119.

⁴²⁵ Там же. Л. 110–111.

повском» стиле: «Знаете что, кончайте эту вашу литературу! И не пишите больше!»⁴²⁶.

Такое подозрительно-пренебрежительное отношение советского партийно-идеологического начальства к еврейской культуре отравляло творческую деятельность не только отечественных идишских литераторов, но даже просоветских израильских писателей. Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля Микунис⁴²⁷ специально добился встречи с секретарями правления ССП Г.М. Марковым, Полевым и Воронковым, чтобы излить обиду на то, что руководство союза, проводя в октябре 1958 года в Ташкенте международную конференцию писателей стран Азии и Африки, не пригласило на нее (дабы не конфликтовать с арабским миром) ни одного «прогрессивного» израильского автора. Видимо, по той же причине, предположил Микунис, израильские авторы стихотворений, включенных в выпущенную Гослитиздатом антологию «Поэты Азии» (Т. Зияд, Х. Абу-Ханна, А. Ашур), были названы иорданскими. Еще один упрек Микунис высказал по поводу того, что известные израильские писатели-коммунисты Хайя Кадман и Мишель Харсгор, направившие в редакции советских литературных изданий («Дружба народов», «Литературная газета») заказанные теми произведения, так и не дождались их публикации⁴²⁸.

Многим казалось, что, едва начавшись, «еврейский культурный ренессанс» уже обречен. Однако либерально-реформаторский потенциал Хрущёва был еще далеко не исчерпан. Он и его ближайшее окружение, готовясь на XXII съезде партии вдохновить народ программой-утопией построения коммунизма в СССР, а также потрясти внешний мир да и собственную бюрократию новым пароксизмом десталинизации, стали загодя, уже с лета 1961 года, ослаблять идеологический прессинг. На этой волне, явно для того чтобы сделать своеобразный подарок западным леволибералам и одновременно нейтрализовать «нападки» сио-

⁴²⁶ Синельников М. Русская стенгазета // Лехаим. 2002. № 11. С. 38.

⁴²⁷ Микунис Шмуэль (1903–1982) – глава Израильской коммунистической партии. До 1965 года следовал в политическом фарватере Москвы. Во время Шестидневной войны 1967 года полностью солидаризировался с правительством Израиля и раскритиковал Советский Союз за «одностороннюю» поддержку арабов.

⁴²⁸ Чтобы как-то задобрить Микуниса, Отдел культуры ЦК КПСС дал указание редакции журнала «Иностранная литература» опубликовать статью о культурной жизни Израиля и несколько стихотворений Х. Кадман. Было решено также пригласить в СССР переводчика поэзии В. Маяковского А. Пена с супругой и оказать им материальную помощь в размере 3,5 тыс. долларов США (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 95. Л. 8–12).

нистской пропаганды⁴²⁹, Кремль вдруг неожиданно дал добро ССП на издание еврейского литературного альманаха.

Названный «Советиш Геймланд» («Советская Родина»), он начал выходить с августа 1961 года. В первом номере в качестве программного манифеста было помещено подписанное 112 еврейскими писателями заявление о том, что они готовы сотрудничать с вновь образованной редакцией. Сначала альманах выходил один раз в два месяца, а спустя четыре года – ежемесячно. Главным редактором был назначен Вергелис, который уже тем был угоден властям, что исповедовал тогда «теорию» о желании евреев быстро ассимилироваться, растворившись в «советской многонациональной культуре»⁴³⁰.

Основываясь на кремлевских слухах, Вергелис предполагал потом, что к рождению его детища был причастен не кто иной, как сам Мао Цзэдун, который якобы раскритиковал Хрущёва за то, что тот своей ограничительной «еврейской политикой» дает козыри в руки «всемирной буржуазной прессы, обвиняющей СССР в антисемитизме». Будто бы после этого Вергелиса вызвал к себе Сулов, объявивший о санкционировании издания нового еврейского журнала⁴³¹.

Если все так и обстояло на самом деле, то можно предположить, что главный советский идеолог, скорей всего, лишь озвучил Вергелису решение, уже принятое Хрущёвым. Ведь самого Сулова очень трудно заподозрить в филосемитизме хотя бы уже потому, что тот активно организовывал при Сталине антикосмополитическую кампанию. Да и принимая осенью 1956 года делегацию компартии Великобритании во главе с главным редактором

---

⁴²⁹ Это давление сионистов на Кремль проявилось в ноябре 1960 года при посещении израильским послом А. Арэлем Союза советских писателей. Подробный отчет о его приеме там представил потом в ЦК КПСС секретарь правления ССП Марков. По его описанию этой встречи, в которой также участвовали писатели А.Б. Чаковский, Вергелис, Б.А. Галин, а также сотрудники госбезопасности Н.М. Бородин и М.И. Бардин, Арэль начал ее с приятного для хозяев замечания о том, что у него осталось самое трогательное воспоминание об исполнении Полем Робсоном еврейских песен на юбилейном вечере, посвященном Шолом-Алейхему. Затем от комплиментов гость перешел к критике, заявив, что был удивлен тем, что на III съезде советских писателей не выступил ни один из еврейских литераторов, хотя по переписи населения (1959 года) 475 тыс. советских граждан владеют идишем. А последняя фраза посла вообще прозвучала как исполненный тревоги риторический вопрос: «Не происходит ли в СССР искусственного сдерживания еврейской литературы и искусства?» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 123. Л. 258).

⁴³⁰ *Levin N. Needed: Attention to the Soviet Jewish Remnant // Midsream. Vol. 34. № 8. Nov. 1988. P. 22–27.*

⁴³¹ *Синельников М. Русская стенгазета // Лехаим. 2002. № 11. С. 38.*

«Дейли уоркер» Дж.Р. Кэмпбеллом, он в ответ на его сетования по поводу отсутствия в СССР издательской деятельности на идише резко отрезал: «Мы не будем возрождать мертвую культуру»⁴³².

Дав согласие на издание еврейского альманаха в СССР, Хрущёв главным образом стремился накануне XXII съезда «ублажить» западных либерал-коммунистов, активно критиковавших его за недостаточное преодоление сталинского антисемитизма. Комментируя 26 августа 1961 г. выход первого номера «Советиш Геймланд», «Нью-Йорк таймс» ликовала: «Идиш выиграл раунд в борьбе с Кремлем...»⁴³³.

И пусть оптимизм этой ведущей американской газеты, в которой ничего не знали о реальной подноготной эффектного рождения советского еврейского альманаха, выглядел тогда чрезмерным, тем не менее, в историческом смысле он оказался оправданным.

Искусство

В отличие от литературы еврейское искусство стало возрождаться спонтанно, без какой-либо поддержки сверху. Первыми его ростками, пробившимися через сталинский асфальт административных запретов и репрессий, стали не требовавшие больших затрат и сложной подготовки концертные выступления. В марте 1954 года в Москве прошло выступление знаменитой собирательницы и исполнительницы песен народов мира Ирмы Яунзем (1897–1975), включившей в программу несколько песен на идише.

Но главные импульсы, стимулировавшие этот ренессанс, шли с окраин европейской части советской империи, где несмотря на пережитый Холокост еще теплилась еврейская культурная жизнь. Благодаря появлению на столичной эстраде артистов из таких провинций там вновь обретал публичность еврейский песенный фольклор. В апреле 1954 года в Москве с концертами еврейских песен выступили Анна Гузик (1909–1994) из Киева и Сиди Таль (1912–1983) из Черновцов. Еще в 1946 году под руководством актрисы, танцовщицы и фолк-певицы Сиди Таль был создан черновицкий художественный ансамбль «Слова и песни». Осенью 1955 года она вместе с коллегой по Черновицкой филармонии чтецом Исааком Ракитиным предприняла поездку по различным городам с исполнением произведений Шолом-Алейхема.

---

⁴³² Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival. In 2 Vol. – N.Y.–London, 1988. Vol. 2. P. 577. Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор. С. 72.

⁴³³ Цит. по: Эстрайх Г. Арон Вергелис. С. 128–129.

Примерно тогда же перед столичной публикой предстал выпущенный из заключения популярный идишский певец Саул Любимов, который гастролировал потом в Киеве, Харькове, Одессе и других городах. В том же 1955 году возобновил концертную деятельность и певец Михаил (Мойше) Эпельбаум (1894–1957), также прошедший через ГУЛАГ, после которого ему возвратили звание заслуженного артиста РСФСР и приняли в Ленинградскую филармонию.

В 1956 году на еврейско-песенной ниве взшла звезда Нехамы Лифшиц (Лифшицайте; р. 1927 г.), обучавшейся в Литовской консерватории в Вильнюсе. С гастролями она объездила многие города Советского Союза. В 1960–1961 гг. записала две долгоиграющие пластинки (тиражировались неоднократно) с произведениями из своего репертуара, в который входила и трогательно-трагическая «Колыбельная Бабьему Яру» (объявлялась на концертах как «Песня матери») на слова О.О. Дриза (1908–1971) и музыку Р.Г. Боярской (1893–1967). В 1969 году Лифшицайте выехала в Израиль.

31 августа 1956 г. в филиале театра им. Моссовета на Пушкинской, 26 при большом стечении публики состоялся «Вечер еврейской песни». Этот концерт, прошедший под эгидой Мосгорэстрады, был подготовлен двумя исполнителями – Мариной Гордон (р. 1917) и Эмилом Горовцом (1923–2001). В конце сентября того же года в течение трех вечеров певица Марина Гордон вместе с чтицей Лией Колиной представляли в переполненном Московском драматическом театре им. А.С. Пушкина на Тверском бульваре программу «Вечера еврейской лирической песни и рассказа»⁴³⁴. В 1970-х гг. Гордон и Горовец выехали в разное время из Советского Союза по израильским визам. В конце концов они осели в США, где для носителей культуры на идиш имелись большие возможности для профессиональной деятельности.

Отмечая возникший в середине 1950-х гг. «еврейский бум» на отечественной эстраде, директор Всероссийского гастрольно-концертного объединения заявил осенью 1956 года корреспонденту американской коммунистической газеты: «За семь месяцев текущего года под нашим контролем был проведен 121 концерт на идише, их посетило 65 тысяч человек. Это в несколько раз больше, чем за весь 1955 год». Чиновник уверил также представителя западного СМИ, что в СССР примерно двадцать еврейских коллективов регулярно гастрوليруют по городам страны⁴³⁵.

---

⁴³⁴ *Гойzman M.* Поет Марина Гордон // Мы здесь. 1–6 января 2010. № 240 (<http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=1890>).

⁴³⁵ *Френкель А.* Оттепель. Идиш... // Мы здесь. № 232 (<http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=1720>).

В последующие годы ситуация на советской эстраде также в целом благоприятствовала еврейским артистам, однако с начала 1960-х гг. силу стала набирать противоположная тенденция. Между тем, с 1957 года возобновил концертную деятельность певец Зиновий Шульман (1904–1976). Сын известного одесского кантора Боруха Шульмана, он так же, как многие из его окружения, прошел через ГУЛАГ, попав туда в 1949 году после ареста по обвинению в еврейском национализме.

В том же 1957-м в Риге адвокат Давид Гарбер создал при «Латпотребсоюзе» на любительских началах еврейский народный хор. Этот творческий коллектив, объединявший до 100 певцов, выступал в Доме культуры Московского района Риги. Его дирижерами были И.А. Абрамис (1908–?) – сын погибшего в гетто кантора Хоральной синагоги и бывший узник гетто Мендель Баш. Несмотря на многочисленные попытки начальства до предела осложнить функционирование этого коллектива (запрет называться «еврейским»; «квотирование» еврейских песен – не более 50% номеров концертной программы; и т.п.), ему удалось продержаться до марта 1963 года – до наложения полного запрета латвийскими властями. Всего несколько месяцев просуществовала возникшая весной 1962 года при том же Доме культуры небольшая драматическая труппа (20 человек) под руководством профессионального актера Иосифа Гарфункеля. Тогда до конца театрального сезона актеры успели показать публике восемь спектаклей по двум инсценированным произведениям Шолом-Алейхема. Параллельно готовилась постановка новой пьесы французско-еврейского автора Хайма Словеса (1905–1989)⁴³⁶ о знаменитом ученом и философе Барухе Спинозе. Однако в сентябре премьеру – до того официально санкционированную – неожиданно отменили, а труппу распустили. Руководство КП Латвии (секретари ЦК В. Круминьш, Андерсон и др.) мотивировало все эти запреты тем, что в соответствии с советской национальной политикой искусство на еврейском языке должно развиваться только в Еврейской автономной области, ибо за ее пределами оно несет больше вреда, чем пользы, поскольку замедляет объективный процесс этнической ассимиляции⁴³⁷.

---

⁴³⁶ Х. Словес родился в Белостоке (Гродненская губ.). В 1920 году вступил в РККА, был участником знаменитого 3-го съезда РКСМ в Москве. Затем выехал на подпольную работу в Польшу, откуда в 1926 году эмигрировал во Францию.

⁴³⁷ *Levin N.* Op. cit. Vol. 2. P. 600–608. На руинах Холокоста евреям запрещалось петь на своем языке (интервью Л. Ковалея с Д. Гарбером) // *Лехаим*. 2000. Июнь. № 6(98). Российская еврейская энциклопедия (<http://www.rujen.ru/index.php/Рига>).

В соседней Литве власти значительно благосклонней относились к еврейскому искусству. В 1956 году в Вильнюсе под эгидой горкома профсоюзов был создан еврейский драматический ансамбль, возглавлявшийся Мотелем Кановичем и Саррой Беккер. По такой организационной схеме в городе также возникли и успешно концертировали любительский еврейский хор, танцевальный ансамбль и оркестр. Помимо Москвы, Риги и Вильнюса различные кружки еврейского самодеятельного творчества появились в Ленинграде, Каунасе, Черновцах и некоторых других городах. Только в 1957 году в СССР состоялись 3000 концертов с программами на идише, а в 1961-м на таких мероприятиях присутствовали 300 000 зрителей⁴³⁸.

Сложней обстояли дела с воссозданием профессиональных драматических еврейских театров, которых до войны в СССР было десять – в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Минске, Кишиневе, Биробиджане и других городах. Наиболее известным из них был столичный Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), долгие годы возглавлявшийся видным еврейским актером и режиссером Соломоном Михоэлсом и закрытый в 1949 году. Воссоздание этого важного феномена искусства как ничто другое могло символизировать собой – в глазах и советского общества, и влиятельных западных кругов – национально-культурное возрождение советского еврейства. Вот почему одним из первых обращений упомянутой «еврейской комиссии» Ажаева к властям стало уведомление Минкульта РСФСР о том, что существует реальная возможность восстановления ГОСЕТа уже в 1957 году. В ходе начавшейся проработки этой перспективы в отделе культуры ЦК КПСС туда был приглашен консультант комиссии по театру М.С. Беленький (1910–1996), который до ареста в 1949 году был директором театральной студии при ГОСЕТе и редактором издательства «Дер Эмес», а после освобождения в 1954 году – активным приверженцем возвращения из небытия детища Михоэлса⁴³⁹.

Однако уже к осени 1956 года, когда советские верхи стали активно избавляться от своих либеральных иллюзий, им, видимо, показалось, что второе рождение ГОСЕТа в Москве будет слишком щедрым подарком для «еврейских националистов» – как «внутренних», так и «внешних». После этого ходатайства сторонников идеи восстановления ГОСЕТа стали отвергать в ЦК, что называется, с порога. В качестве причины отказа чаще всего ис-

---

⁴³⁸ Шапиро Л. Евреи в Советской России после Сталина // Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона, А.А. Гольденвейзера. – М.–Иерусалим–Минск, 2002. С. 390–393.

⁴³⁹ Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор. С. 71.

пользовалась ссылкой на «отсутствие в Москве свободной сценической площадки». Именно эта фраза фигурировала в документе, подписанном 1 сентября 1956 г. заведующим отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н.Д. Казминым (1904–1963)⁴⁴⁰. Так он отреагировал на соответствующее обращение известного театрального деятеля М.И. Гольдבלата (1896–1974). Еще до войны этот ученик Михоэлса успел поработать художественным руководителем Биробиджанского и Киевского еврейских театров. В результате закрытия в 1949 году Черновицкого еврейского театра, который Гольдблат возглавлял после войны, он вынужден был уехать в Алма-Ату, где с 1951 по 1959 гг. являлся худруком Казахского театра драмы. В упомянутом письме в ЦК Гольдблат настаивал на «личном приеме у товарища Хрущёва Н.С.», видимо, не понимая, что это его желание тщетно.

В ходу у властей была и такая «отказная» формулировка, как «отсутствие практической надобности» в еврейском театре, который, как зачастую при этом пояснялось, из-за «активно происходящего в СССР процесса ассимиляции евреев» не может рассчитывать на достаточную зрительскую аудиторию и будет попросту пустовать. По сути это была отговорка, призванная прикрыть истинную причину отказа: тайное опасение власти, как бы возрожденный ГОСЕТ не превратился в опасный генератор еврейского национализма и сионизма. Вместе с тем было очевидно, что «прогноз» ЦК по поводу невостребованности еврейством театральных спектаклей на идише имел под собой веское объективное основание. Происходившая, как отмечалось, в 1950-е гг. стремительная утрата этим нацменьшинством своей этноидентичности заставляла даже некоторых авторитетных деятелей советской еврейской культуры искренне сомневаться в осуществимости проекта воссоздания ГОСЕТа. Такой скепсис выказывал, например, популярный тенор М.Д. Александрович (1914–2002), который, отвечая на вопрос первого заместителя министра культуры СССР А.Н. Кузнецова (1903–1974; бывший помощник А.А. Жданова), есть ли нужда в еврейском театре, на создании которого «упорно настаивают американские евреи», ответил: «Открытие еврейского театра в настоящий момент считаю нецелесообразным и бесперспективным»⁴⁴¹.

---

⁴⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 10. Л. 82.

⁴⁴¹ Александрович М.Д. Я помню... – М., 1992. С. 173. Свое сомнение в возможности воссоздания ГОСЕТа Александрович обосновал тем аргументом, что в 1948–1953 гг. в СССР был уничтожен «самый фундамент, да и все здание еврейской культуры», без чего возведение ее наверх – национального театра – невозможно. (Александрович М.Д. Указ. соч. С. 174.)

Говорил ли это Александрович искренне или хотел угодить «высшим сферам», где ему особенно покровительствовала Е.А. Фурцева, определить за давностью лет невозможно. Однако можно утверждать, что у этого певца, находившегося тогда в фаворе у властей, были веские резоны говорить им то, что те хотели от него услышать. Ведь после того как в феврале 1959 года просоветский Всемирный совет мира решил на своем заседании в Вене участвовать в международном праздновании столетия Шолом-Алейхема, Александровича без преувеличения наградили сверхдефицитной поездкой во Францию. После тщательного отбора претендентов его включили в делегацию, направлявшуюся в эту страну для участия в юбилейных торжествах. Вместе с ним поехали: Нехам Лифшиц и Эмиль Горовец (1923–2001), которые, как и Александрович, исполняли еврейские песни, скрипач Л.Б. Коган (1924–1982), мастер художественного слова Эммануил Каминка (1902–1972) (читал на идише рассказы Шолом-Алейхема) и другие деятели советской еврейской культуры.

Перед отбытием в Париж членов делегации проинструктировали в ЦК КПСС, поручив «развять миф о якобы уничтоженной в СССР еврейской культуре». Выступления посланцев Москвы проходили под эгидой советского посольства и Французской компартии, и не только в Париже, но и в Лионе, а также в Нанси. Судя по большинству отзывов, появившихся во французской прессе, эти концерты были успешными, хотя не обошлось и без резко критических статей в сионистской печати. Потом руководитель делегации Б.Д. Владимирский (с 1958 года директор Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия») бодро рапортовал в ЦК: «Был разбит вдребезги тезис... что в СССР нет еврейской культуры и что там еврейский язык просто исчез»⁴⁴².

Противоречивым образом убеждая Запад в том, что, с одной стороны, бурные темпы ассимиляции советских евреев объективно лишают смысла сколько-нибудь масштабное развитие еврейской культуры (включая и воссоздание профессионального театра), а с другой, что слухи о ее (еврейской культуры) «смерти слишком преувеличены» и она чуть ли не вновь расцветает, советские власти сами превратили себя в удобную мишень для критики. Чтобы выйти из столь щекотливого положения, они вынуждены были пойти на компромисс, а именно создать некое подобие прежнего ГОСЕТа, точнее, его уменьшенной во всех отношениях – по престижу, бюджету, помещению, труппе, оркестру и т.п. – «копии».

---

⁴⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 105. Л. 12–18. Александрович М.Д. Указ. соч. С. 212–218.

Реализация этой имитационной альтернативы началась еще в 1956 году, когда 21 августа заместитель министра культуры СССР В.И. Пахомов уведомил заместителя председателя Совета Министров РСФСР Н.Н. Беспалова о том, что «считает целесообразным для художественного обслуживания и удовлетворения культурных запросов еврейского населения в Москве и на периферии Союза создать передвижной еврейский музыкально-драматический театр с труппой 20–25 человек и оркестром 8–10 человек»⁴⁴³.

Впрочем, и это предложение, видимо, показавшееся властям чрезмерным, отложили тогда в долгий ящик. И только в 1962 году, когда западное культурное давление на Кремль стало резко зашкаливать, его извлекли из архива, и, чуть препарировав, создали «во исполнение» Московский еврейский драматический ансамбль при Москонцерте. Руководить им назначили В.(Б.)Е. Шварцера (1892–1978), который до войны был главным режиссером Одесского еврейского театра, а потом перешел в Московский ГОСЕТ. Преемником этого ансамбля ныне является Московский еврейский театр «Шалом», который с 1987 года возглавляет А.С. Левенбук (р. 1933).

К началу 1960-х гг. в СССР произошло не столько возрождение еврейской культуры, сколько усилиями власти, заинтересованной в создании в мире своего позитивного имиджа, была осуществлена имитация этого возрождения. Однако такой печальный результат был вызван не одним лишь негативным воздействием государственной бюрократической системы, пораженной к тому же элементами антисемитизма, но и объективными процессами ассимиляции советского еврейства (частично форсированной, правда, юдофобией) и глобального угасания культурного идишизма.

Иудаизм и контрасты советской религиозной политики

XX съезд КПСС, осудивший недавний сталинский террор, стимулировал ранее начавшийся процесс либерализации официальной религиозной политики. В 1956–1957 гг. были реабилитированы репрессированные в годы «большого террора» руководители МЕРО, в том числе и расстрелянный тогда главный раввин Московской хоральной синагоги Ш.-Л.Я. Медалье⁴⁴⁴. Власти даже пошли на регистрацию нескольких крупных нелегальных иудей-

⁴⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 10. Л. 83.

⁴⁴⁴ Рабинович Э.М. Неотменяемый состав. Читая архивы КГБ // Еврейское слово. 15–21 декабря 2004. № 49 (222). С. 8–9.

ских общин, действовавших в Виннице, Махачкале, Алма-Ате и Ташкенте⁴⁴⁵.

Такое государственное радение об отечественном иудаизме было продиктовано не столько некоей неожиданной озабоченностью советского руководства о самой этой конфессии, сколько внешнеполитическим курсом на сближение с Западом. Это стало очевидным 24 мая 1956 г., когда советское представительство в ООН распространило официальное заявление о соблюдении свободы совести в СССР в отношении иудаизма. В нем решительно отвергались обвинения западных СМИ в ущемлении религиозных прав советских евреев⁴⁴⁶.

В июне 1956 года Кремль даже санкционировал беспрецедентное приглашение в СССР сразу двух американских делегаций религиозных евреев: одной – от Совета раввинов США (представлял интересы ортодоксальных общин), другой – от Совета раввинов Нью-Йорка (был учрежден иудеями-реформистами⁴⁴⁷).

Группе ортодоксальных евреев во главе с Довидом Холландером (1913–2009) было разрешено посетить такие крупные города с существенной «прослойкой» еврейского населения, как Москва, Ленинград, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Тбилиси, Кутаиси, Одесса и Киев. На официальный прием, устроенный 4 июля в американском посольстве в Москве по случаю дня независимости США, заокеанских раввинов пришли лично поприветствовать Хрущёв и Булганин. Их сопровождал главный раввин Шлифер, которого американские коллеги пригласили посетить США. И хотя на эту заокеанскую поездку ЦК наложил запрет, тем не менее Шлифера в том же 1956 году в первый и, как оказалось, в последний раз выпустили за границу, конкретно в Париж на открытие мемориала Неизвестному еврею-мученику. Это был, конечно, не персональный визит, а в составе делегации, в которую входили такие «проверенные» евреи, как известный журналист и писатель А.Б. Чаковский (1913–1994) и дважды Герой Советского Союза генерал Д.А. Драгунский (1910–1992).

---

⁴⁴⁵ Чарный С.А. Диссертация. С. 90 (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 132. Л. 82).

⁴⁴⁶ Бельнская Л., Зингер Б. Наперекор. Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). – Минск, 2004. С. 67.

⁴⁴⁷ Реформистский иудаизм возник в начале XIX века в Германии под влиянием идей Просвещения, что привнесло в него существенную либеральную составляющую, проявившуюся, в частности, в обрядах: в отличие от ортодоксов, реформисты называют синагоги храмами (temple), священнодействуют с непокрытой головой, совместно с женщинами и, бывает, в сопровождении органной музыки. Кроме того, еженедельные молитвы они обычно совершают не традиционно по субботам, а по воскресеньям.

К середине 1956 года по «благоусмотрению» властей (озабоченных внешнеполитической конъюнктурой) и, конечно, в результате немалых стараний самого Шлифера 10-тысячным тиражом вышел, наконец, в свет давно подготовлявшийся им иудейский молитвенник «Сидур га-Шалом» («Мир»)⁴⁴⁸. Это было знаменательное религиозное событие, ставшее своего рода прорывом в официальной политике всемерного сдерживания иудаизма. Позитивную роль сыграло тут, видимо, и то субъективное обстоятельство, что в цепи этого властного сдерживания оказалось такое «слабое звено», как председатель СДРК И.В. Полянский (1899–1956), которого до этого не раз критиковали за «мягкотелость» и «сращивание» с «церковниками». Примерно тогда же СДРК дал добро Ленинградской иудейской общине на издание табеля-календаря на 1957–1958 гг., вдвое урезав, однако, уже согласованный с Ленинградским обкомом 2-тысячный тираж. Вместе с тем, так и не был снят запрет на издание текстов священного писания («Танах»), в том числе «Торы» («Пятикнижия»), а также на изготовление богослужебных одеяний и предметов – талесов, тфилинов (филактерий), мезуз и пр.⁴⁴⁹

После того как в июле 1956 года Полянский скоропостижно скончался, его обязанности временно исполнял до конца мая 1957 года заместитель председателя Совета В.И. Гостев. Тогда он передал свои полномочия новому руководителю – А.А. Пузину (1904–1987) – номенклатурному генералу идеологического фронта, в чьем послужном списке значились такие посты, как заместитель начальника управления пропаганды и агитации ЦК (1939–1944 гг.), председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР и начальник главного управления по радиоинформации Минкульта СССР (1944–1957 гг.).

В том же 1957 году не стало и Шлифера. Уход из жизни такого авторитетного, в том числе и в глазах властей, раввина, произошедший на фоне набиравшей силу очередной антирелигиозной кампании, не предвещал ничего хорошего для советских иудеев. Их утеснения возобновились уже в 1958 году. Тогда новый главный раввин Московской хоральной синагоги И.-Л. Левин⁴⁵⁰ попытался переиздать молитвенник «Мир» (первый тираж быстро разошелся, и ставшая дефицитной книга стала перепродаваться втридорога), но получил от властей жесткий отказ.

⁴⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 705. Л. 49–53. *Шаниро Л.* Указ. соч. С. 364.

⁴⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 25. Л. 2.

⁴⁵⁰ Левин И.-Л. (1894–1971) – происходил из семьи раввинов, в Москву приехал в 1953 году из Днепропетровска.

Наступление очередного антирелигиозного ужесточения почувствовали также преподаватели и студенты иешивы «Кол-Яаков» («Голос Яакова») при Московской хоральной синагоге⁴⁵¹. К началу 1958 года в иешиве проходили обучение 20 учащихся. Это количество было «пиковым», поскольку очень скоро оно стало стремительно сокращаться. Уже с 1959 года прием в это духовное заведение резко сократился: в тот год в него смогли поступить только три человека. К тому же в начале 1960 года власти отказали иногородним студентам в продлении временной прописки в Москве, притом что выходцы из республик Средней Азии и Кавказа составляли подавляющее большинство контингента учащихся иешивы. Несмотря на отчаянное стремление главного раввина Левина (был и ректором иешивы) преодолеть эти бюрократические рогатки – обращение с многочисленными «челобитными» в СДРК, попытки прописать студентов-немосквичей во Владимирской области, – ему удалось разве что продлить на несколько лет существование этого вновь созданного, но уже дышавшего на ладан учебного заведения. В 1963 году после очередного весеннего выпуска в иешиве остался только один реально обучавшийся студент. Тем не менее, ради «разоблачения западных фальсификаций о гонениях на иудаизм в СССР» ее по сути номинальное функционирование поддерживалось еще несколько лет, вплоть до 1967 года. Произошедшие тогда военные события на Ближнем Востоке привели к разрыву советско-израильских дипотношений, «обнулив» тем самым потребность в московской иешиве как контрпропагандистском аргументе⁴⁵².

Борьба с израильским влиянием в синагогах

Поскольку в Москве и других крупных советских городах израильские дипломаты могли непосредственно общаться с советским еврейством только в синагогах, они по максимуму использовали «оттепельную» ситуацию 1956 года для повышения эффективности этого важного для них коммуникативного канала.

---

⁴⁵¹ Торжественное открытие этой иешивы (ивр. «сидение», «заседание»; во множ. числе – иешивот/иешибот; высшее учебное заведение в иудаизме) состоялось 6 января 1957 г., хотя официальное разрешение на ее учреждение было дано еще в начале 1956 года перед XX съездом: дабы, очевидно, советским верхам было чем парировать ожидавшиеся упреки приглашенных представителей западных компартий по поводу непреодоленного наследия сталинского антисемитизма.

⁴⁵² Лобовская М.А. Указ. соч. С. 190–192. Чарный С.А. Диссертация. С. 138–144.

Израильский посол Й. Авидар (1906–1995), который лично посещал синагоги и с военной прямоотой (являлся генералом) ратовал за расширение негласных контактов с соплеменниками в СССР, летом того года предпринял множество поездок по местам концентрации советского еврейства, побывав даже в отдаленном Биробиджане. Такие вояжи и визиты в синагоги КГБ однозначно расценивал как скрытую шпионскую деятельность и потому не жалел усилий на пресечение подобной активности израильских дипломатов. Видимо, эта советская спецслужба инспирировала в июле 1958 года письменное обращение в СДРК некоего Верника, обвинившего сотрудников израильского посольства в том, что те, принося в Московскую хоральную синагогу религиозную литературу, календари, талесы и тфилины, устраивали их раздачу молящимся. Тем самым, как сокрушался автор послания, осуществлялось втягивание прихожан «в грязные дела», «засорение синагоги подачками» и «осквернение субботы». Верник требовал прекратить эти «неправильные» действия израильских дипломатов, советуя им молиться в посольстве. Ссылаясь на эту жалобу, председатель СДРК Пузин уведомил 20 августа замминистра иностранных дел В.В. Кузнецова еще и о том, что израильтяне с регулярной периодичностью (дважды в год) «инспектируют» синагоги в разных городах Советского Союза⁴⁵³.

Так как Пузин настаивал на принятии мер воздействия к израильским дипломатам, 5 сентября в МИД СССР был приглашен посол Авидар, которому принявший его замминистра иностранных дел В.А. Зорин (1902–1986) прочел официальную устную ноту о том, что, реагируя на многочисленные обращения в органы власти советских граждан, настаивающих на пресечении пропагандистской деятельности сотрудников израильского посольства в синагогах и их встреч там с «подозрительными лицами», МИД вынужден заявить, что «такое поведение не соответствует общепринятым нормам... и может привести к негативным последствиям»⁴⁵⁴.

---

⁴⁵³ В ноябре 1958 года Пузин, выступая на закрытом ведомственном совещании уполномоченных СДРК в регионах, прямо и без экивоков обозначил причину тревоги в отношении дипломатов еврейского государства, заявив: «Его (израильского посольства. – Г.К.) представители разъезжают по городам СССР с целью посетить синагоги и собрать антисоветские сведения. Лучших условий для сбора сведений американско-английской разведкой нет. Посол и другие ведут себя очень нахально... Открывать новые синагоги не следует, так как такие религиозные общества являются удобным местом явки для американских шпионов». (Чарный С.А. Диссертация: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 165. Л. 88, 200; Д. 71. Л. 64–67.)

⁴⁵⁴ Чарный С.А. Диссертация: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 171. Л. 69.

В оказание давления на Авидара включилось и руководство московской иудейской общины. В 1958 году главный раввин Левин, исполняя указания СДРК, неоднократно лично увещевал израильского посла. На что тот обычно реагировал симметричными обвинениями руководства общины в воспрепятствовании сотрудникам посольства свободно общаться с советскими единоверцами. Тщетной оказалась и попытка СДРК апеллировать к верховному раввину Израиля И. Герцогу (1888–1959), которому 31 августа за подписью Левина был отправлен письменный призыв образумить израильских дипломатов, «оскверняющих субботу» на молитве в московской синагоге. Впрочем, поскольку позитивный отклик на это обращение не ожидался изначально, оно априори носило сугубо пропагандистский, так сказать, «риторический» характер, послужив формальным предлогом для принятия мер к изолированию сотрудников израильского посольства от членов московской иудейской общины.

Выступая в том же 1958 году перед прихожанами, главный раввин Московской синагоги, настоятельно предостерег их от контактов с израильтянами. А чтобы практически обеспечить эту «сегрегацию», из числа «благонамеренных» и физически крепких членов общины была сформирована специальная группа «для наблюдения за порядком»⁴⁵⁵.

На фоне этих действий в октябре 1958 года последовала отставка посла Авидара⁴⁵⁶, которую можно расценить как в значительной мере вынужденную, хотя официально было объявлено, что тот складывает свои полномочия и убывает в Израиль в связи с окончанием каденции. На такое предположение наводит тот факт, что вскоре после прибытия в Москву нового посла Израиля А. Арэля советские официальные лица дали ясно понять ему, что больше не потерпят явочной «дипломатии сионизма» в стиле его предшественника Авидара. 26 марта 1959 г. заведомо стран Ближнего Востока МИД СССР В.Я. Ерофеев, вызвав Арэля, пригрозил ему, что если сотрудники вверенного ему посольства не умерят своего пропагандистского пыла в общении с советскими гражданами и далее будут игнорировать соответствующее офици-

⁴⁵⁵ Чарный С.А. Диссертация: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 88. Л. 140. Д. 108. Л. 2. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 65. Л. 217–218, 326; Д. 73. Л. 122.

⁴⁵⁶ Перед отъездом в Израиль Авидар 17 октября 1958 г. нанес прошальный визит министру иностранных дел СССР А.А. Громыко. В конце состоявшейся между ними краткой беседы Авидар попросил «оказать содействие его сестре, Марии Овсеевне Райхель, проживающей в Москве по адресу: Оружейный пер., д. 23, кв. 4, в поездке в Израиль на 2–3 месяца для посещения родственников». При этом он пояснил, что та уже обращалась за разрешением, но в выезде ей было отказано (АВП РФ. Ф. 089. Оп. 11. П. 9. Д. 4. Л. 1–3).

альное предупреждение, изложенное в сентябрьской (1958 года) ноте МИД СССР («нота В.А. Зорина»), то их могут объявить *persona non grata*⁴⁵⁷.

Однако эти и другие меры, предпринятые советским дипломатическим ведомством и руководством иудейских общин, если и пригасили сионистскую активность в московской и других синагогах, то лишь ненадолго. Спустя несколько месяцев она вновь стала набирать силу, демонстрируя тем самым неэффективность примененных режимом средств сдерживания. Ответом на этот вызов стало усиление репрессий в отношении произраильски настроенных советских иудеев. В 1961 году были произведены соответствующие аресты в Москве и Ленинграде. Поскольку они проводились негласно, на Запад просочились очень неполные и искаженные сведения о тех, кто от них пострадал. Только 13 ноября 1962 г. «Нью-Йорк таймс» сообщила, что в Москве одной из жертв этих акций стал некий Рошаль. Однако на самом деле более чем за год до этого – 28 сентября 1961 г. – был осужден инженер-конструктор В.И. Ришаль (1904 г.р.). За «антисоветскую пропаганду» он еще в 1950–1956 гг. отбывал наказание в ГУЛАГе. Возвратившись после освобождения в Москву, Ришаль, как было сказано в официальном обвинении, «с 1959 г. установил связь с сотрудниками израильского посольства, получая от них и распространяя... сионистскую литературу». За это его вновь отправили в «места, не столь отдаленные», определив ему на сей раз семилетний срок заключения. Выйдя потом на свободу, он в 1973 году эмигрировал в Израиль⁴⁵⁸.

Более впечатляющее судебное действо прошло в Ленинграде. Перед тамошним горсудом 12 октября 1961 г. предстали сразу три уже далеко не молодых религиозных еврея. Основным обвиняемым был Г.Р. Печерский (1901 г.р.), стоматолог, являвшийся в 1954–1956 гг. заместителем председателя правления (габаем–старостой) общины центральной синагоги города. Рядом с ним на скамье подсудимых оказались «неработающий» Н.А. Каганов (1906 г.р.) и пенсионер Е.Ш. Дынкин (1881 г.р.). Начиная с 1957 года они стали добиваться от Министерства просвещения РСФСР и Ленгорисполкома разрешения на учреждение курсов по изучению иврита, идиша, еврейской истории и литературы. Однако власти, которые примерно тогда же закрыли еврейский отдел Ленинград-

⁴⁵⁷ Чарный С.А. Диссертация: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 189. Л. 40–41.

⁴⁵⁸ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 567–568. Кандель Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 373. Мицель М. Московская хоральная синагога, власть и зарубежные контакты: период поздней «оттепели» и перехода к «коллективному руководству» (1960–1965) // 100 лет. Московская хоральная синагога. – М.: Дом еврейской книги, 2006. С. 205.

ской публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, сочли «нецелесообразным» создание таких курсов. И вот теперь этим процессом было решено преподать «еврейским националистам» устрашающий урок. Об этом наглядно свидетельствовали вынесенные на нем приговоры – достаточно суровые по тому «оттепельному» времени. За то, что подсудимые «установили связь с сотрудниками израильского посольства, через синагоги передавали им материалы о положении евреев в СССР и получали сионистскую литературу...», Печерского приговорили к 12 годам, Каганова – к 7, а 80-летнего Дынкина – 4 годам лишения свободы. Правда, того же Печерского досрочно освободили в 1965 году. Спустя пять лет он выехал в Израиль⁴⁵⁹.

Антисионистский судебный процесс, прошедший в городе на Неве, широко использовался властями в качестве инструмента сдерживания еврейского национализма. Об этом свидетельствовала появившаяся 19 января 1962 г. в газете «Труд» статья Н. Эрлиха «Сионизм – маска для шпионов». В ней, по сути, голословно нагнетались страсти по поводу «враждебной деятельности против СССР» и «гнусных дел» («получение шпионской информации» и пр.) израильских дипломатов, из которых конкретно упоминались И. Пратт, Я. Кельман и М. Шарет, обвинявшиеся в связях с американской разведкой и высланные из СССР еще летом 1961 года⁴⁶⁰.

Однако ввиду того, что все старания верхов заделать в «железном занавесе» между советским и мировым еврейством «синагогальную брешь» оказывались каждый раз малоэффективными, вновь и вновь приходилось размахивать пропагандистской дубинкой. А поскольку жупел шпионажа мало кем воспринимался всерьез, против нарушителей установленного в синагогах «режима изоляции» иностранцев стал использоваться прессинг обвинений в моральной нечистоплотности и даже в психической ущербности.

В том же «Труде» и за подписью того же Н. Эрлиха 9 июня 1963 г. появился фельетон, в котором бичевались так называемые «тунеядцы-прилипалы»⁴⁶¹. Именно так презрительно дефинирова-

---

⁴⁵⁹ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 569. *Кошаровский Ю. Т.* 1. С. 105, 276. *Мицель М.* Московская хоральная синагога. С. 207.

⁴⁶⁰ Сообщение о выдворении Шарета появилось в «Правде» от 30 июня 1961 г.

⁴⁶¹ Руководство общины Московской хоральной синагоги стало подвергать «прилипал», использовавших «молитвенный дом для спекулятивных сделок», рестрикциям: лишать права посещения синагоги на полгода (*Пахман Л.* Ядовитые подарки. Еще раз о неблагоприятной деятельности израильских дипломатов // Труд. 1964. 30 августа. *Мицель М.* Московская хоральная синагога. С. 210–211).

лись прихожане синагоги, которые были замечены в том, что «клячили» у израильских дипломатов «талесы, литературу, заморские безделушки». А в следующей своей публикации в печатном органе советских профсоюзов Эрлих обвинил сотрудника израильского посольства А. Агнона в использовании психически больных московских религиозных евреев для сбора ««правдивой информации» о положении еврейского населения в Советском Союзе»⁴⁶².

Думается, не было случайным совпадением то, что уже 13 октября 1961 г., то есть на следующий день после суда в Ленинграде, правление Московской хоральной синагоги постановило по указанию властей «обязать молящихся во время молитвы соблюдать абсолютную тишину, не общаться с сотрудниками посольства государства Израиль... ничего у них не просить и ничего от них не принимать...»⁴⁶³.

Этот очередной запрет на общение прихожан синагоги с израильскими дипломатами появился спустя всего несколько месяцев после того, как в синагоге соорудили специальную ложу, предназначенную для изолированного молебствия иностранных граждан. Поскольку эти нежелательные для властей контакты, став более скрытными, отмечались и в последующем, подобная политика «огораживания» оказалась неэффективной. Однако руководство СДРК продолжало следовать ей, принимая все новые «необходимые меры» (видимо, для того, чтобы было чем формально оправдаться перед вышестоящим начальством). Ведя эту аппаратную игру, Совет в марте 1962 года поручил главному раввину Левину вновь пожаловаться духовным властям Израиля на дипломатов этой страны, продолжавших «осквернять» субботние молитвы в Московской синагоге. Позже, в декабре того же года, СДРК направил аналогичную инвективу, подписанную правлением МЕРО, уже в МИД СССР, перекладывая таким нехитрым бюрократическим способом на внешнеполитическое ведомство часть ответственности за неэффективность борьбы против «происков представителей Государства Израиль»⁴⁶⁴.

Только после разрыва дипломатических отношений с Израилем в июне 1967 года связанная с этой страной «синагогальная проблема» в СССР разрешилась сама собой.

---

⁴⁶² Эрлих Н. Израильские дипломаты «за работой» // Труд. 1964. 11 марта. Эта публикация как саморазоблачающая была оперативно переведена на английский язык и 12 марта опубликована в «Нью-Йорк таймс». (Мицель М. Московская хоральная синагога. С. 209–210).

⁴⁶³ Лобовская М.А. Указ. соч. С. 194.

⁴⁶⁴ Чарный С.А. Диссертация: ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 65. Л. 222–223; Д. 73. Л. 120, 242, 247.

Вспышки «бытовой» юдофобии

Пока власти воздвигали по сути бесполезные директивные и физические барьеры между советским иудеями и израильскими дипломатами, в стране серьезно обострилась проблема низовой, «общественной» юдофобии, вспышки которой произошли по преимуществу на национальных окраинах советской империи. Там они были спровоцированы прежде всего слухами об убийствах и ранениях христианских и мусульманских детей, совершенных якобы евреями ради получения крови для ритуальных целей (изготовление мацы на Песах и т.п.). Этот социальный атавизм средневековых «кровавых наветов» не обернулся, к счастью, погромами, но привел к росту тревожных настроений и толков, выливавшихся порой в массовые стихийные выступления с нападениями на евреев и хулиганскими выходками против них. Социальной базой подобных спонтанных проявлений были в основном малообразованные слои общества с патриархальной ментальностью и традиционным укладом жизни. Инциденты на этой почве произошли: в Литве – в Вильнюсе (1957, 1963 гг.) и Плунге (1958 г.); в Грузии – Зестафони (1960 г.); в Узбекистане – в Маргелане (1961 г.) и Ташкенте (1962, 1964 гг.).

Самым резонансным событием такого рода стало возникшее в Дагестане «Буйнакское дело». Началось оно с появления 9 августа 1960 г. в газете Буйнакского горкома КПСС «Коммунист» антирелигиозной статьи о том, что горские евреи практикуют религиозный обряд питья воды с добавлением крови мусульман. Публикация эта – плод местной аппаратной инициативы и вековых ксенофобских предрассудков – вызвала как всплеск антиеврейских настроений в этой северокавказской республике, так и бурное ответное негодование со стороны горских евреев, которые, возмущившись возведенным на них диким облыжным обвинением и требуя справедливого разбирательства, отправили ходяков как в республиканский центр в Махачкалу (в обком партии), так и в Москву – в ЦК КПСС и к писателю И. Эренбургу – депутату Верховного Совета СССР от Дагестана⁴⁶⁵.

Очень быстро информация о «буйнакском навете» просочилась на Запад, вследствие чего в политическом воздухе запахло международным скандалом и на Кремль посыпались обвинения (прежде всего со стороны Израиля) в государственном антисемитизме. Не на шутку встревожившись, Хрущёв поручил разобраться в «накалившемся» деле горских евреев двум секретарям ЦК КПСС – Суслову и Поспелову, а также заведующему отделом

⁴⁶⁵ Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 479–480, 606.

пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Ильичёву и министру культуры СССР Фурцевой, которая, будучи в недавнем прошлом секретарем ЦК, курировала в том числе и регион Кавказа.

Уже 6 сентября в том же буйнакском «Коммунисте» появился срочно подготовленный материал, дезавуировавший и резко осуждавший предыдущую публикацию, хулившую горских евреев. Главный редактор этого издания, а также сотрудник, непосредственно занимавшийся злополучной статьей, были уволены. Примерно наказан был и ее автор, которого лишили статуса депутата местного совета. Материал обо всем этом очень быстро появился в левой американской прессе, посредством которой советские верхи провели мощную контрпропагандистскую акцию, призванную умиротворить западное общественное мнение заверениями в том роде, что антисемитское выступление буйнакской газеты носило случайный характер и что благодаря экстренно принятым мерам инцидент полностью исчерпан и никогда более не повторится⁴⁶⁶.

Пароксизм «плебейского» черносотенного антисемитизма, который в СССР всегда нарастал в периоды массированного нагнетания сверху интернационалистской пропаганды («раздражала» традиционалистские низы), проявился также и в том, что на рубеже 1950–1960-х гг. участились хулиганские нападения на синагоги. Наиболее шумевший эксцесс такого рода произошел в начале октября 1959 года в подмосковной Малаховке⁴⁶⁷, где под покровом ночи неизвестными были подожжены синагога и расположенная в полутора километрах от нее сторожка на еврейском

---

⁴⁶⁶ Тем не менее, летом 1962 года в Цхалтубо (Грузия) произошел аналогичный случай «кровавого навета». Местные работники милиции, обвинив санаторного врача Н.Н. Бомзе в «садистском истязании» грузинского мальчика и заборе у него шприцем крови (якобы проданной «за большие деньги» синагоге для ритуальных целей), арестовали его и стали добиваться признания в совершении преступления. Только вмешательство в эту темную историю Эренбурга, обратившегося с депутатским запросом к секретарю ЦК и МГК КПСС П.Н. Демичеву, и последовавшая проверка Генеральной прокуратуры СССР помогли жертве дремучего суеверия вновь обрести свободу (Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 431–440. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 141. Л. 21. Оп. 34. Д. 91. Л. 36. *Чарный С.А.* «Буйнакское дело» // Тирош. Труды по иудаике. Вып. 2. – М., 1998. С. 136–145).

⁴⁶⁷ В дачной Малаховке, расположенной в 25 км к юго-востоку от Москвы, евреи появились после изгнания их из «первопрестольной» в 1892 году (при генерал-губернаторе Великом князе Сергее Александровиче). В период Первой мировой и гражданской войн в поселок стали стекаться еврейские беженцы. В первые годы советской власти там был открыт детский дом евреев-сирот, известный тем, что в нем работал Марк Шагал.

кладбище. Здание молитвенного дома, в котором пожар был быстро потушен, пострадало незначительно. Зато сторожка выгорела полностью, а находившаяся в ней шестидесятидевятилетняя жена охранника С.Ш.Голдовская, задохнувшись от дыма, погибла. После проведения первичного следствия первый заместитель председателя КГБ при Совете Министров СССР П.И. Ивашутин (1909–2002) доложил в ЦК КПСС, что на утро после пожара были обнаружены антисемитские листовки, подписанные «Комитетом БЖСР» и «ЦК ОРН» (аббревиатуры лозунга «Бей жидов, спасай Россию!» и некоего «Центрального Комитета Освобождения Русского народа»). Одни из них были расклеены на телеграфных столбах в местах поджога, а другие – на Казанском вокзале Москвы. В тот же день, как далее сообщил генерал, один из неустановленных членов малаховской иудейской общины дал знать о происшествии в поселке израильскому посольству.

В результате уже 13 и 14 октября соответственно в «Нью-Йорк таймс» и в венской газете «Экспресс» появились статьи, в которых история в Малаховке была (очевидно, с подачи «Натив»?) преувеличенно представлена в виде массового еврейского погрома⁴⁶⁸.

На самом деле, как установило по «горячим следам» следствие, к преступлению оказались причастны два молодых человека, которых быстро арестовали и в 1960 году на закрытом судебном заседании приговорили каждого к шести годам заключения в исправительно-трудовой колонии.

Вспоминая о том, как «два хулигана подожгли синагогу» в Малаховке, Илья Эренбург предпослал описанию этого драматического эпизода следующее замечание: «После 1953 года антисемитизм перешел из высокой политики в закоулки быта, он, однако, не исчез...»⁴⁶⁹

И действительно, власти («высокая политика») не имели отношения к инциденту в подмосковном поселке. Он имел ярко выраженный маргинально-юдофобский характер, наглядно проявившийся в сочиненном поджигателями тексте листовки: «Долой жидов из торговли... Мы спасли их от немцев... они так быстро обнаглели, что русский народ не понимает... кто же на чьей земле»⁴⁷⁰.

---

⁴⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 127. Л. 38–41. Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 41–43.

⁴⁶⁹ Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 479–480. Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 479–480.

⁴⁷⁰ Социалистический вестник. 1959. № 12. С. 240–241.

«Зажим» иудаизма в конце 1950-х

Став в 1958 году премьером, Хрущёв полностью подчинил себе уже не только партийный, но и государственный аппарат. Видимо, почувствовав себя «самодержцем», он инициировал тогда новую массивную атаку на религию – этому, как было объявлено, недостойному «светлого коммунистического завтра» «рудименту» «отжившего свой век» капитализма. Инициировало это новое идеологическо-административное наступление на религию постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”»⁴⁷¹. В соответствии с ним стал массово выпускаться новый журнал «Наука и религия». И как из рога изобилия пошел поток партийных и правительственных директив, направленных на реализацию лозунга о «преодолении религиозных пережитков в обществе»⁴⁷², знаменовавшего собой переход к форсированной полной ликвидации религиозных институций в стране.

Венцом этого нормотворчества, пропитанного как бы реанимированным духом «Союза воинствующих безбожников», стало издание в марте 1961 года новой инструкции «О религиозных культах», санкционировавшей полную ликвидацию даже тех куцых уступок конфессиональным организациям (в виде предоставления некоторых прав юридического лица и назначения священнослужителей главами правлений общин), которые были негласно возвращены им государством в середине 1940-х гг.⁴⁷³ С лета 1962 года «заработала» и включенная в новый УК РСФСР статья 227, предусматривавшая пятилетний срок лишения свободы за «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

Выступая в октябре 1961 года на XXII съезде КПСС, Хрущёв подчеркнул, что «коммунистическое воспитание предполагает освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, которые все еще мешают отдельным советским людям полностью проявить свои творческие силы...»⁴⁷⁴. На этом же съезде,

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1646. Л. 5–8.

⁴⁷² В частности, 9 января 1960 г. вышло постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», в соответствии с которым при обкомах и горкомах партии возникли общественные советы по атеистическому воспитанию и сформировалась сеть домов научного атеизма.

⁴⁷³ Законодательство о религиозных культах. – М., 1971. С. 150–160.

⁴⁷⁴ Хрущёв Н.С. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII Съезду партии. – М., 1961. С. 133–134.

«презентовавшем» в виде новой программы КПСС политический мегапроект коммунистической утопии, в устав партии был внесен пункт, обязывавший ее членов «вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частно-собственнической психологии, религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого...»⁴⁷⁵.

Хотя основной административный удар приняло на себя православие, немало претерпел тогда и иудаизм. Административные тучи стали сгущаться над ним еще с конца 1957 года. 14 ноября председатель СДРК Пузин направил заведующему сектором массовой агитации ОПиА ЦК КПСС по союзным республикам К.У. Черненко (1911–1985) справку с тревожной для властей статистикой. В ней в разделе «Об иудейской религии» отмечалось, что в осенние еврейские праздники, особенно в Судный день (Йом-Кипур), синагоги в Москве, Ростове-на-Дону, Львове, Днепропетровске, Одессе и других городах были переполнены молящимися, количество которых доходило до 10 тысяч (в Москве, Ленинграде, Киеве, Кишиневе).

Впрочем, этот «рекорд» посещений был побит в 1961 году, когда на Йом-Кипур в Московскую хоральную синагогу пришли, по официальным данным, уже 20–25 тыс. верующих, а в Киевскую синагогу – не менее 15 тыс. В значительной мере этот «прирост» произошел за счет молодежи, которой особенно полюбился праздник Симхат Тора («Радость Торы»), во время молебствия на который происходит торжественный вынос из синагоги священных свитков, что сопровождается зажигательными танцами и эмоциональными песнопениями. Если в 1957 году молодежь, посетившая в день Торы Ленинградскую синагогу, составляла 15–20% от всех пришедших, то в 1961 году – уже 70%⁴⁷⁶. С тех пор такие синагогальные молодежные сходки в этот иудейский праздник стали в СССР своего рода сионистскими демонстрациями национальной солидарности и сплоченности⁴⁷⁷.

Поскольку одной из главных составляющих новой антирелигиозной кампании явилось жесткое административное удушение конфессиональной производственно-хозяйственной деятельности (изготовление богослужебных предметов и продуктов питания – свечей, икон, куличей и пр.), в 1959 году был запущен

---

⁴⁷⁵ Устав Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1979. С. 8.

⁴⁷⁶ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 361–362. Чарный С.А. Диссертация (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1390. Л. 2. Оп. 4. Д. 71. Л. 103–109).

⁴⁷⁷ Grose P. Moscow Jews Dance and Sing Outside Crowded Synagogue // New York Times. 1969. 19 Oct.

механизм ограничений на выпечку мацы – наиболее популярного в иудаизме сакрального изделия из опресненного теста, единственно разрешенного к употреблению в качестве хлеба в дни еврейской Пасхи (Песаха). Полагая, что производство мацы, общинная ее реализация и культовое использование как ничто другое питают националистические, религиозные и частнособственнические настроения среди еврейского населения, власти практически повсеместно в Советском Союзе, за исключением Грузии, сначала свернули выпуск этого ритуального пищевого продукта в государственных пекарнях, а затем распространили этот запрет и на соответствующие маломощные производства иудейских общин.

Действуя явно в пику многочисленным жалобам верующих на дефицит мацы, ЦК КПСС дал в марте 1962 года директиву региональным партийным органам приступить к полной ликвидации общинного изготовления мацы, поскольку-де традиционно верующие всегда сами ее выпекали в домашних условиях. В 1963 году были закрыты мацепекарни в Ленинграде, Киеве и Риге. А в начале 1964 года такое решение было принято в отношении синагогальной пекарни в Москве. Подобные меры, с одной стороны, активизировали подпольное производство мацы (на Украине) и «черный рынок» ее реализации (главным образом поступавшей из Грузии), а с другой, – привели к резкому росту количества заграничных посылок с мацой, направлявшихся в СССР в основном из США и Израиля. Если в 1962 году оттуда поступили 1464 посылки с 5,2 т мацы, то на следующий год – уже более двух тысяч посылок с 10 т мацы⁴⁷⁸.

Чтобы перекрыть этот внешний канал, руководству общин было настойчиво «рекомендовано» сверху уведомить всех зарубежных контрагентов (организации и частных лиц), отправлявших им мацу, что они более не нуждаются в подобной помощи. Однако ввиду того, что на Западе резонно не поверили в заявленные под нажимом власти отказы и всеми возможными способами только наращивали поставки мацы в СССР, в марте 1964 года советская печать обрушилась как на «капиталистических благотворителей», так и на получателей «заграничных подачек». Между тем, еще в феврале советское посольство в США официально заверило американскую сторону, что не будет чинить препятствий в почтовой доставке мацы в Советский Союз⁴⁷⁹.

⁴⁷⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 10. Л. 76, 240.

⁴⁷⁹ *Шварц С.М.* Указ. соч. С. 307. *Чарный С.А.* Проблема мацы в период антирелигиозной кампании Н.С. Хрущёва // История еврейского народа. Материалы Шестой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Сэфер, 1999. С. 236–246.

«Война» с мацой в Советском Союзе прекратилась только после смещения Хрущёва и последующего быстрого свертывания антирелигиозной кампании. Уже в январе 1965 года иудеям в Москве и других городах вновь разрешили выпекать мацу. В тот год в столице возобновили производство 4 общинные пекарни, выпускавшие в сутки более 1800 кг готовой продукции⁴⁸⁰.

Но это будет потом, а в 1960–1961 гг. – в период интенсивной разработки новой партийной программы и ее принятия – отмечался всплеск закрытия синагог. Если в 1958–1959 гг. только 5 иудейских общин были сняты с государственной регистрации, то в 1960–1961 гг. – 31⁴⁸¹. Подобная антииудаистская активность хрущёвского руководства не осталась незамеченной на Западе, откуда в его адрес стали поступать многочисленные обеспокоенные запросы и критические заявления, причем от самых различных социально-политических и религиозных кругов (в «диапазоне» от главного раввина Израиля И. Нисима до генсека Французской компартии М. Тореза).

Чтобы как-то сбить эту волну тревоги, явно по поручению председателя Совета Министров СССР Хрущёва 8 июня 1959 г. публично выступил его первый заместитель Ф.Р. Козлов (1908–1965), официально заявивший, что в последние годы синагоги в СССР не закрывались и не будут закрываться впредь. Однако, поскольку реальные факты свидетельствовали об обратном, это заверение Кремля только еще больше раздосадовало его западных критиков⁴⁸². Примечательно, что когда Козлов, так рьяно проводивший антирелигиозную кампанию, вскоре вдруг серьезно заболел, то перед смертью, как тогда шептались в верхах, изъявил желание исповедоваться у православного священника⁴⁸³.

1 июля 1959 г. председатель СДРК Пузин уведомил ЦК КПСС о появившейся в «Нью-Йорк таймс» статье под названием «ООН известно о репрессиях в СССР против евреев», содержащей факты о советских рестрициях в отношении иудаизма. Кроме того он сообщил, что «Голос Израиля» заявил о массовых гонениях против евреев на Украине, об аресте девяти студентов в Минске за сионистскую деятельность и о репрессиях в Кишинёве за выпечку мацы. При этом Пузин, хоть и настаивал на форсировании ответных контрпропагандистских акций (в том числе на публикации в «Литературной газете» материалов, оправдывав-

---

⁴⁸⁰ Шати́ро Л. Указ. соч. С. 367. Чарный С.А. Диссертация (ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 85. Л. 33–34. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1765. Л. 120).

⁴⁸¹ Чарный С.А. Диссертация. С. 94.

⁴⁸² Шварц С.М. Указ. соч. С. 309.

⁴⁸³ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 266.

ших запрещение выпечки мацы и ритуального убоя скота), вместе с тем предлагал директивно предостеречь власти в регионах «не допускать грубого администрирования на местах в отношении иудейской религии, что используется буржуазной пропагандой»⁴⁸⁴.

Однако подобные призывы аппаратчиков к осторожности в проведении антирелигиозной кампании Хрущёвым игнорировались, и поэтому богоборчество местных властей продолжало набирать обороты.

Особое рвение выказывалось чиновничеством Украины, ставшей среди союзных республик своего рода лидером по закрытию синагог. Там власти лишили государственной регистрации иудейские общины в Полтаве, Сталино (Донецке), Кременчуге, Чернигове, Николаеве, Умани, Черновцах, Белой Церкви, Херсоне, Черкассах и других городах. Но наибольшую жесткость и скандальность имело это поправление прав верующих во Львове. Главным поводом к закрытию тамошней синагоги послужил арест в 1961 году группы местных «спекулянтов» золотом и валютой, в число которых попали Г. Канторович и А. Сапожников, входившие в менеджмент еврейской религиозной общины. Их обвинили в использовании синагоги в качестве «черной биржи». С февраля 1962 года в местной печати началась кампания по дискредитации руководства общины, на которое была возложена ответственность за вскрытые правонарушения⁴⁸⁵.

Ситуация вокруг синагоги обострилась до предела после того, как 10 апреля 1962 г. ее посетили специально прибывшие во Львов секретарь посольства США Дж. Хименквей и секретарь посольства Японии Такааки. Уже 14 апреля исполком Львовского облсовета принял решение о снятии городской религиозной общины иудейского вероисповедания с регистрации. В качестве основания фигурировала следующая формулировка: «За допуск на территории синагоги политической деятельности дипломатов Израиля и за превращение синагоги в место сбора преступных элементов»⁴⁸⁶.

Впрочем, в Совете по делам религиозных культов это решение не утвердили, видимо, потому, что «умеренный» Пузин всерьез опасался вызвать бурные протесты на Западе. Однако его отказ лишь на время умерил пыл «украинских товарищей». 4 сентября 1962 г. секретарь Львовского обкома партии по идеологии И. Груш-

⁴⁸⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 127. Л. 20–22.

⁴⁸⁵ *Вольф И., Берман А.* Молящиеся и спекулянты // Львовская правда. 1962. 16 февраля.

⁴⁸⁶ *Гельстон И.* Львовская синагога на улице Угольной // Заметки по еврейской истории. 2010. Январь. № 1(124) (<http://berkovich-zametki.com>).

ницкий предпринял новый «заход», направив Пузину следующую информацию: «...Синагога является местом, где наряду с отправлением религиозного культа верующие заключали различные темные сделки, спекулятивные махинации. Отдельные верующие из числа клерикально и националистически настроенных лиц использовали синагогу для подготовки и совершения преступлений враждебного характера... В 1961 году органами госбезопасности арестована и привлечена к уголовной ответственности группа лиц из числа руководящих активистов религиозной общины и синагоги... которые под прикрытием религиозных обрядов совершали в стенах синагоги спекулятивные операции с валютой и драгоценными металлами (в том числе переправляли за границу). Последние годы еврейскую синагогу неоднократно посещали дипломатические представители и туристы из капиталистических стран, которые свое пребывание в ней использовали для проведения разложеческой работы и завязывания необходимых связей среди евреев. Особенную активность проявляли дипломаты США и Израиля... Выявлены многочисленные факты, когда некоторые руководители синагоги... используя религиозные чувства верующих, постоянно занимались спекуляцией молитвенниками и другими принадлежностями религиозного ритуала, вымогательством денег у верующих под предлогом помощи «бедным евреям» и другими неблагоприятными делами... прививали изменнические настроения... Все это говорит о том, что Львовская синагога из молитвенного дома превратилась в пристанище прохвостов, спекулянтов, дельцов и антисоветски настроенных лиц, которые, прикрываясь верой, извлекали себе корысть, барыш и наживу...»⁴⁸⁷.

Известие о том, что Львовской синагогой занялись органы госбезопасности, видимо, «додало» Пузина, и 17 октября 1962 г. последовало решение СДРК о ее закрытии⁴⁸⁸.

Впрочем, чтобы запретить легальную деятельность иудейских общин, региональные власти прибегали к куда более мелким предложениям: например, ссылались на необходимость капитальной реконструкции молельных зданий и выполнения «настоятельных просьб верующих», жаловавшихся на то, что синагоги превратились в рассадники сионистской пропаганды, мелкой спекуляции, сквернословия, антисанитарии и хулиганства, и т.п.

---

⁴⁸⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 41–44.

⁴⁸⁸ Чарный С.А. Закрытие синагог и снятие общин с регистрации в период антирелигиозной кампании 1958–1964 годов // Тирош. Труды по иудайке. Вып. 5. М., 2001. С. 280–282.

В абсолютных числах больше всего синагог было закрыто на Украине (28 из 41), а в относительных – в Молдавии (9 из 11). Для сопоставления: в РСФСР закрыли всего 3 синагоги (из 26), а в Грузии вообще ни одной синагоги (из 28) не тронули. Чтобы как-то скрыть от Запада эту саморазоблачительную статистику и заодно опровергнуть «сионистскую пропаганду» о нарастании в стране государственного антисемитизма, в СССР официально декларировалось существенно завышенное количество зарегистрированных иудейских общин. Скажем, утверждалось, что таковых в 1960 году насчитывалось от 400 до 450. Правда, в январе 1964 года московское радио скорректировало эти совершенно неправдоподобные цифры, объявив о 150 действовавших в стране синагогах. Однако и это число вызвало скепсис на Западе, где даже крайние оптимисты считали, что реально действующих синагог в СССР осталось не более 96–97. Все это заставило СДРК внести новую поправку в официальные данные: заместитель председателя Совета В. Задорожный объявил тогда, что в СССР функционируют 100 синагог⁴⁸⁹.

На самом деле из 135 синагог, действовавших в СССР до 1958 года (до начала антирелигиозной кампании), к 1965 году функционировали только 90⁴⁹⁰. То есть, пустившись во все административные тяжкие, чиновники ликвидировали как минимум 45 синагог, сократив их общую численность более чем на треть (на 34%). Для сравнения, число зарегистрированных общин Русской православной церкви уменьшилось за тот же период в еще большей мере – на 44% (с 13 430 приходов в 1957 г. до 7551 в 1965 г.)⁴⁹¹.

Из этого сопоставления следует, что, несмотря на то, что в ходе реализации хрущёвского коммунистического проекта иудаизм претерпел в СССР безусловно тяжкие испытания, Русская православная церковь, будучи крупнейшей конфессией в стране, а потому и главной «мишенью» советского руководства на «религиозном фронте», приняла от него еще больший по силе удар. Получается, что в основе тогдашних гонений как на православие, так и на иудаизм лежал общий антирелигиозный «штурм небес», предпринятый Хрущёвым под воздействием химерических меч-

---

⁴⁸⁹ *Шатило Л.* Указ. соч. С. 361. *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 289.

⁴⁹⁰ *Чарный С.А.* Закрытие синагог и снятие общин с регистрации в период антирелигиозной кампании 1958–1964 годов // *Тирош.* Труды по иудаике. Вып. V. М., 2001. С. 275, 284. *Чарный С.А.* Диссертация. С. 94 (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 204–207, 1355–1359).

⁴⁹¹ По данным из публикации документов, подготовленной М.И. Одиновым // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 34.

таний о коммунизме. Если прежде главными побудительными мотивами давления советского государства на иудаизм были внешнеполитические факторы⁴⁹², то теперь – внутривнутриполитические, точнее, идеологический, поскольку государственный антисемитизм, если даже и присутствовал во всем этом в качестве провоцирующего момента, не играл сколько-нибудь существенной роли.

Пропаганда антииудаизма на Украине (работы Т. Кичко)

Захватив «лидерство» в административном прессинге на сиенагоги, Украина оказалась на «первом месте» и по размаху антииудаистской пропаганды. Это обуславливалось не только негативным историческим наследием («хмельничина» XVII века, еврейские погромы второй половины XIX – начала XX в., «дело Бейлиса», антиеврейские кровавые эксцессы периода Гражданской войны, трагедия Холокоста, многочисленные репрессии против «еврейских буржуазных националистов» в годы «позднего» сталинизма и т.п.), но и традиционно значительной антисемитизацией чиновных структур⁴⁹³.

Именно на Украине нашел самый горячий отклик «антииудаистский почин», с которым в мае 1957 года выступили в Москве участники Всесоюзного совещания-семинара по научно-атеистическим вопросам. По его итогам председатель правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных

---

⁴⁹² Главными из этих факторов были: образование Израиля и дипломатическая миссия Голды Меир в 1948 году; усилившаяся в результате ненависть Сталина к «еврейским националистам» и «врачам-вредителям», подозревавшимся им в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в сотрудничестве с иностранными спецслужбами (нападки на «Джойнт», разрыв дипломатических отношений с Израилем в феврале 1953 года); Синайская кампания 1956 года.

⁴⁹³ Популярный тенор М. Александрович вспоминал, что когда в 1961 году его пригласили в Киев на гастролы, то из направленного им текста концертной программы принимавшей стороной были при изготовлении типографских буклетов изъяты пункты об исполнении еврейских национальных песен. Глубоко возмущенный этим певец потребовал аннулировать оцензурированные таким образом «программки» и, отбросив «антисемитские штучки», изготовить взамен новые. В противном случае он пригрозил отменить концерты. Убоявшись скандала, местные чиновники от культуры исполнили этот ультиматум, однако впредь Александровича в Киев уже не приглашали. (Александрович М.Д. Указ. соч. С. 175–176.)

знаний академик М.Б. Митин (1901–1987) и заместитель директора Музея научного атеизма М.И. Шахнович⁴⁹⁴ обратились к властям с призывом усилить борьбу с иудаизмом⁴⁹⁵.

Уже спустя несколько месяцев в Киеве был впервые в СССР осуществлен массовый выпуск (40 тыс. экз.) специальной брошюры кандидата философских наук Т.К. Кичко (1905–?) «Еврейская религия, ее происхождение и сущность». Правда, поскольку это жестко критиковавшее иудаизм произведение было издано по-украински, оно вызвало лишь региональный эффект, впрочем, достаточно скандальный. Примечательно, что с весны 1958 года страницы популярной газеты «Вечерний Киев» запестрели материалами с разъяснениями медиков об опасности обрезания для детского здоровья и с бичеваниями «аморализма» таких широко известных изречений из Талмуда, как «Дают – бери, бьют – беги» или «Понедельник – день тяжелый»⁴⁹⁶.

В начале сентября 1959 года заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПУ Л. Хворостяный представил в ЦК КПСС пространный отчет, в котором уведомил о текстологической экспертизе главных книг иудейского культа, проведенной КГБ при Совете Министров УССР. Для наглядности прилагалось заключение этого ведомства, содержание которого свидетельствует, что его составители, во-первых, руководствовались изначальной большевистской установкой, трактовавшей иудаизм как идейный базис еврейского этнонационализма; во-вторых, они досконально изучили «классическую» статью К. Маркса 1843 года «К еврейскому вопросу» (со ставшими расхожими тезисами о том, что «Деньги – это ревнивый бог Израиля» и «химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека»⁴⁹⁷); в-третьих, ими была использована и советская «руко-

---

⁴⁹⁴ Религиовед Шахнович принимал активное участие в антииудаистской кампании. (См.: *Шахнович М.И.* Реакционная сущность иудаизма: Краткий очерк происхождения и классовой сущности иудейской религии. – М.–Л.: Изд. АН СССР, 1960. *Его же.* Закат иудейской религии. – Л., 1965 (тираж 30 тыс. экз.).

⁴⁹⁵ Наука и религия. Сборник стенограмм и лекций. – М., 1957. С. 410–411 (*Чарный С.А.* Диссертация. С. 168).

⁴⁹⁶ *Найман А.Я.* Евреи Украины в послевоенные годы // Евреи Украины (краткий очерк истории) Ч. 2 / Общ. ред. Ф.Я. Горовского. – Киев, 1995. С. 194.

⁴⁹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Госполитиздат. 1955. С. 408–413. Интересно, что в июле 1983 года Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС дал следующее разъяснение на поступивший из Киева запрос А.Я. Наймана (р. 1945 г.; ныне известный специалист по истории украинских евреев): «Интересующее Вас высказывание находится в той части статьи «К еврейскому вопросу», где Маркс воспроизводит основные

водящая» квалификация иудаизма как конфессии, способствующей «укреплению религиозного фанатизма, консервированию темноты и невежества...»⁴⁹⁸.

По итогам экспертизы украинские религиоведы в погонах констатировали: «Библия-тора, книги пророков, письма⁴⁹⁹, молитвенники проникнуты насквозь духом воинствующего «духовного расизма», который нередко перерастает в расизм биологический и политический. Тора-библия, молитвенники, книги пророков, письма... легли в основу идеологии сионизма, возникшего во второй половине XIX века. Современный сионизм придал основным положениям еврейской религии резко выраженную политическую функцию... Особенно полезны для враждебных элементов, пропагандирующих сионизм, многочисленные высказывания молитвенников, торы-библии, пророков, писем, в соответствии с которыми подлинной родиной евреев, вне зависимости оттого, где бы они ни проживали, является не страна, воспитавшая их, а Сион (т.е. империалистическое государство Израиль)»⁵⁰⁰.

Набольшие нарекания украинских чекистов вызвал молитвенник «Мир», изданный в 1956 году в Москве. По их мнению, тот содержал такие «наиболее реакционные и мракобеснические» молитвы, как «Алейну»⁵⁰¹ и «Кол Нидре»⁵⁰² («открыто проповедуют сионизм, «исключительность» и «превосходство» еврейского народа, конечную победу еврейского народа над всем миром»). Поэтому был назван «одним из самых реакционных... выпущенных за последние 100 лет»⁵⁰³.

Поступившая из Киева информация была воспринята на московской Старой площади как тревожный «сигнал» неблаго-

---

положения брошюры Б. Бауэра «Еврейский вопрос». Поэтому данное высказывание следует... считать изложением соответствующей точки зрения Бауэра. В пользу такого вывода говорит также использование Марксом таких бауэровских терминов, как «химерическая национальность», «иллюзорный закон», «обособление от человечества» и т.д.». (Копия документа от 25.07.1983. Архив автора.)

⁴⁹⁸ Краткий философский словарь. – М., 1955. С. 173.

⁴⁹⁹ Имелись в виду входящие в Ветхий завет (Танах) Пятикнижие Моисеево (Тора), Книги Пророков (Невиим) и Писания (Ктувим).

⁵⁰⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 127. Л. 33. (Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 37.)

⁵⁰¹ «Алейну» («Нам надлежит») – молитва о богоизбранности еврейского народа, читается по субботним и праздничным дням.

⁵⁰² «Кол Нидре» («Все обеты») – молитва, разрешающая (освобождающая) от персональных клятв, обетов и обязательств, произносится в Судный день (Йом-Кипур).

⁵⁰³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 127. Л. 35–36. (Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 38.)

получия в сфере государственного контроля над иудейскими общинами. В этой связи первый заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам В.И. Снастин (1913–1976; особо отличился еще в борьбе с космополитизмом) наметил срочные меры по усилению пропаганды, направленной на «раскрытие реакционной сущности» и «националистического характера» еврейской религиозной литературы. Эти предложения, получившие одобрение секретарей ЦК Суслова, Фурцевой и Мухитдинова⁵⁰⁴, поощрили украинское руководство на еще более решительные обличения иудаизма.

Неудивительно, что в своем новом сочинении – брошюре с броским названием «Иудаизм без прикрас» (1963 год) – Трофим Кичко решился на «инновационную» для советской пропаганды того времени нарочитую увязку иудаизма с сионизмом и «американским империализмом»⁵⁰⁵. Несмотря на то, что книга считалась научной (была издана Украинской академией наук), ее содержание характеризовалось ходульной, лозунговой стилистикой и изобиловало вульгарными выражениями и оценками⁵⁰⁶. Но больше всего бросались в глаза аляповатые иллюстрации, навевавшие ассоциации с «классическими» погромными изданиями.

Собственно, из-за этих «художеств» брошюра Кичко – даже несмотря на языковой барьер (вышла на украинском) – главным образом и стяжала всемирную скандальную славу. Когда руководители израильского «Натив» доставили оригинал этого ставшего для них настоящим «подарком» опуса в США, его карикатуры произвели там эффект разорвавшейся бомбы. Они послужили тем *ultima ratio*, который подвиг представителей американско-еврейского истеблишмента во главе с президентом Американского еврейского конгресса Морисом Абрамсом (1918–2000; он же – представитель США в комиссии ООН по правам человека) на достаточно решительные действия. Весной 1964 года была создана «Американская конференция в защиту советских евреев» (о ней ниже). В десяти из восемнадцати требований, содержащихся в принятой ею резолюции, власти в СССР призывались незамедлительно нормализовать свои взаимоотношения с иудейскими

⁵⁰⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 127. Л. 37.

⁵⁰⁵ «Израиль, сионизм и иудаизм рассматриваются американскими империалистами как передовые позиции, как запасное орудие для обстрела арабского мира...» (Кичко Т.К. Иудаизм без прикрас. Киев, 1963. С. 58.)

⁵⁰⁶ Вот одна из подобных оценок: «Спекуляция мацой, свиной, воровство, обман, разврат – суть настоящее лицо руководителей синагоги». (Кичко Т.К. Иудаизм без прикрас. С. 56.)

общинами. Были в этом документе и такие эмоциональные слова: «С уменьшением репрессий и преследований после смерти Сталина мы надеялись, что советские евреи разделят лучшую долю в новой атмосфере ослабления напряженности. Теперь, однако, с болью и возмущением мы видим, что советские евреи не имеют естественных прав группового существования. Они ограничиваются внутри и держатся в изоляции от внешнего мира. ... Синагоги закрываются; изготовление и распространение мацы и других существенных религиозных предметов запрещается... Одновременно в прессе и других официальных изданиях проводится кампания поношения настоящего и прошлого евреев. Иудаизм и еврейская история фальсифицируются. Антисемитские стереотипы используются для изображения синагог как живой почвой для экономических и социальных преступлений»⁵⁰⁷.

«Рука» «Натива» проявилась также в том, что вскоре всплыли на поверхность и получили широкую международную огласку неприглядные факты биографии Кичко. По этому поводу в одном из изданных в середине 1990-х гг. научных очерков по истории евреев Украины отмечалось, что «дотошные западные журналисты раскопали скандальное прошлое» Кичко. Выяснилось, что еще в начале 1950-х гг. тот был уличен в былом сотрудничестве с коллаборационистской прессой в оккупированной Виннице, а также в ложном причислении себя к участникам антифашистского подпольного движения в этом городе. После данного разоблачения Кичко исключили из партии. Впрочем, по прошествии нескольких лет его членство в партии было восстановлено, что позволило ему защитить диссертацию и получить научную степень⁵⁰⁸.

С протестными откликами на книгу Кичко выступили даже идейно близкие к Москве западные компартии. Особенно возмутились лидеры французских и итальянских коммунистов, главным образом Морис Торез (1900–1964), сделавший специальное заявление в партийном еженедельнике «Франс нувель»⁵⁰⁹.

Антисоветский резонанс на Западе в связи с «Иудаизмом без прикрас» был столь значителен, что Кремль вынужден был пойти на принятие экстраординарных мер. 11 марта 1964 г. тогдашний

---

⁵⁰⁷ Мицель М. Московская хоральная синагога. С. 220–222.

⁵⁰⁸ Горовский Ф.Я., Хонигсман Я.С., Найман А.Я., Елисаветский С.Я. Евреи Украины (Краткий очерк истории). В 2-х ч. Ч. 2. – Киев: Межд. Соломонов университет, 1995. С. 196–197.

⁵⁰⁹ France Nouvelle. 1964. 5 mai. Unita. 1964. 1 aprile (Levin N. Op. cit. P. 618–619).

идеолог партии Л.Ф. Ильичёв распорядился провести детальный анализ брошюры Кичко⁵¹⁰. А 25 марта 1964 г. о ней в «Бюллетене АПН» была помещена критическая статья Ш. Каца. Еще более резкий отклик напечатала через два дня киевская газета «Радянська культура». Итог этой контрпропагандистской блицкампании был подведен в широко опубликованном решении Идеологической комиссии при ЦК КПСС. В специальном сообщении, подготовленном подчиненными Ильичёва, признавалось, что присутствующие в брошюре Кичко «ряд ошибочных высказываний... и иллюстрации могут оскорбить чувства верующих и быть истолкованы в духе антисемитизма». Далее, чтобы подчеркнуть случайный характер «грехопадения» этого автора и непричастность к его «ошибкам» кремлевского руководства, приводилось следующее высказывание Хрущёва: «Со дня Октябрьской революции в нашей стране евреи во всех отношениях находятся в равном положении со всеми другими народами СССР. У нас не существует еврейского вопроса, а те, кто выдумывают его, поют с чужого голоса». И тут же не очень внятно пояснялось, что этот «чужой голос» – не что иное, как «антисоветские инсинуации» «наших идейных противников, пытающихся во что бы то ни стало создать так называемый “еврейский вопрос”»⁵¹¹.

Такое краткое, сухое и как бы мимоходом обличение в «Правде» «идейных противников» СССР, причем приведенное после основательных словесных самобичеваний, видимо, показалось Хрущёву недостаточным, а может быть, даже «пораженческим». Уже на следующий день, 5 апреля, в возглавлявшихся его зятем Аджубеем «Известиях» появилась острополемическая статья «Об одной непонятной шумихе» (очевидно, написанная самим главным редактором). И хотя в ней вслед за «Правдой» повторялось, что в книге Кичко «имеются ошибки» и что «многие рисунки» в ней «могут вызвать лишь чувство оскорбления у верующих», однако акцент делался не на этом, а на как бы «реабилитировавшем» автора доводе: «Сам по себе замысел этой брошюры не может вызвать никаких сомнений. Иудаизм, как любую другую религию, можно и должно подвергать научной критике». Лейтмотивом статьи стал прозвучавший в финале мажорно-разоблачительный аккорд о «жалких расчетах» тех сил на Западе, кои «спекулятивно используют факт появления брошюры (Кичко. – Г.К.), чтобы навести «тень на ясный день», опорочить политику Советского государства в национальном вопросе».

⁵¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 118. Л. 176.

⁵¹¹ Правда. 1964. 4 апреля.

После столь мощной защиты со стороны власти Кичко мог больше не опасаться за свою будущую карьеру. И действительно, в 1968 году этот гонитель еврейской религии вновь оказался на гребне пропагандистской волны, выпустив в качестве «ремейка» брошюру под названием «Иудаизм и сионизм», да и потом, в 1970-е, он продолжал активно публиковаться⁵¹².

Впрочем, на ниве «корчевателей» иудаистских гносеологических корней сионизма Кичко подвизался не в одиночку. Вместе с ним в одной пропагандистской связке трудились наряду с прочими и издававшийся в Молдавии Ф.С. Маяцкий⁵¹³, и живший в Минске Г.Ф. Лифшиц⁵¹⁴. Однако ни эти и подобные им присяжные религиоведы «делали» идеологическую погоду в стране. Они являлись лишь живыми инструментами в руках советского режима, выступавшего в роли социального заказчика и незримо водившего их бойкими перьями.

Вот почему в последнее «хрущёвское пятилетие» вал антииудаистских выступлений в советской периодической печати нарастал с каждым годом: с 40 статей в 1960 г. до 72 в 1964 г. (без учета районных газет, многотиражек и стенгазет). А всего за этот период было опубликовано 214 подобных статей, что составляло примерно от 15 до 20% от всех тогдашних антирелигиозных публикаций в стране (направленных в том числе против православия, католичества, ислама и др. конфессий)⁵¹⁵.

Усиление при Хрущёве официального антииудаизма стало своего рода прелюдией последующего широкого форсирования в СССР антиссионистской пропаганды. Процесс трансформации антииудаистской пропаганды в антиссионистскую завершился в 1967 году, чему главным образом способствовал разразившийся тогда массированный, хотя и быстротечный израильско-арабский военный конфликт, после которого главной мишенью советских специалистов по «еврейскому вопросу» являлась уже не «абст-

---

⁵¹² Кичко Т.К. Иудаизм и сионизм. – Киев: «Знание» УССР, 1968 (на укр. яз.). *Его же*. Сионизм – враг молодежи. – Киев: Молодь, 1972 (на укр. яз.). *Его же*. Модернизация иудаизма в системе идеологии сионизма. – Киев: «Знание» УССР, 1974 (на укр. яз.), и др.

⁵¹³ Маяцкий Ф.С. Иудаизм, его сущность и происхождение. – Кишинев: Госиздат Молдавии, 1958. *Его же*. Современный иудаизм и сионизм. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964. *Его же*. Современный иудаизм и сионизм. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969, и др.

⁵¹⁴ Лифшиц Г.Ф. Происхождение и реакционная сущность иудаизма. – Мн.: Госиздат БССР, 1962, и др.

⁵¹⁵ Pinkus B. Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 287. Rothenberg J. The Jewish religion. P. 217. Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. P. 591.

рактная религиозная теория» иудаизма, а конкретная политическая практика сионизма.

* * *

Результативность возникшей в середине 1950-х гг. тенденции к возрождению былой (довоенной) этнокультурной активности советских евреев оказалась чрезвычайно скромной. Главная причина этого коренилась в том, что хотя синдром антиеврейской подозрительности, поразивший советский партийно-государственный аппарат при Сталине, и был после него заметно «купирован», но далеко не преодолен. Заложенная еще в 1920–1930-х гг. основа государственной «еврейской политики» – курс на ассимиляцию еврейства – осталась прежней. И хотя при Хрущёве был несколько смягчен негласный запрет на обсуждение тем, связанных с еврейством, тем не менее, даже публичное упоминание о евреях как таковых вызывало у властей крайне болезненную реакцию. Это табу они мотивировали тем, что таким образом борются с провоцированием антисемитизма. На самом деле подобные странные запреты содействовали росту юдофобии в обществе, формировали в массовом сознании негативный стереотип еврейства и соответствующее отношение к нему как к чему-то темному, подозрительному и даже опасному.

Разумеется, подобная нагнетавшаяся сверху социальная атмосфера не располагала к сколько-нибудь полноценному восстановлению еврейской культурной жизни. Отдельные послабления в этой сфере, на которые власть вынуждена была пойти под сильным давлением западных леволиберальных кругов, носили противоречивый и незначительный характер. Кстати, первоначальное упорное блокирование даже этих минимальных уступок и явная их запоздалость нанесли серьезный ущерб международному имиджу Советского государства. Более того, такое отношение к собственным гражданам еврейского происхождения, вызывавшее глубоко травмирующее чувство этнокультурной ущербности, содействовало возникновению у них протестных и эмигрантских настроений, а также парадоксальным образом повышало эффективность сионистской пропаганды.

Но даже такой негативный фон общего неблагополучия еврейской жизни в СССР отнюдь не скрадывал еще более критичной ситуации в иудейских общинах. С развертыванием с конца 1950-х гг. антирелигиозной кампании в стране советские приверженцы иудаизма ощутили на себе как бы двойной удар, став объектами официальных рестрикций не только как евреи, но и как

верующие. Причем «зажим» иудаизма на некоторых национальных окраинах советской империи был порой сильнее, чем в центре, хотя соответствующая инициатива, безусловно, исходила из Кремля. Особое усердие на местах выказали власти Украины, инициировавшие издание вульгарных сочинений Трофима Кичко, вызвавших международный скандал.

Форсированно нивелируя в Советском Союзе культурно-религиозную идентичность евреев, его власти не укрепляли вверенного им государства, как, очевидно, они полагали, а, напротив, ослабляли, плодя массу проблем на национальной почве.

Глава V

**ГЛОБАЛЬНЫЙ
ДИСКУРС
ЕВРЕЙСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ В СССР**

Раскрытие тайны «дела ЕАК»

Предельно заинтересованное в форсировании жизненно важной для страны научно-технической модернизации, постсталинское руководство ради получения доступа к передовым технологиям стран Запада готово было на многое, в том числе пойти на либерализацию «еврейской политики». И такое благое намерение Москвы было воспринято в США и Западной Европе с оптимизмом и надеждой, тем более что оно сопровождалось шагами в направлении бóльшей открытости советского общества для внешнего мира.

Наверное, первым иностранцем, кому благодаря этому послаблению удалось преодолеть информационный вакуум, образовавшийся в сталинские годы вокруг советского еврейства, был знаменитый американский журналист Гаррисон Солсбери (1908–1993), выпустивший в 1955 году сенсационную книгу о тайнах политической кухни Кремля⁵¹⁶. Летом 1954 года ему удалось, выбравшись из Москвы, основательно попутешествовать по Советскому Союзу. По результатам поездки этот корреспондент «Нью-Йорк таймс» опубликовал в номерах этой газеты от 21 и 22 июня сенсационный материал о советских евреях. В нем констатировалась полная атрофия культурно-общественной активности этого меньшинства, причем даже в Еврейской автономной области, куда автор смог добраться с большим трудом. Благодаря этому информационному прорыву, существенно взбудоражившему мировое общественное мнение, уже в августе 1954 года в закрытую для иностранцев дальневосточную область был впервые допущен и посол Израиля Эльяшив⁵¹⁷.

По мере того как в следующем, 1955 году советское руководство усиленно наращивало свою внешнеполитическую активность, как бы пропорционально усиливалось и давление Запада

---

⁵¹⁶ В этой книге, в частности, рассказывалось о расстреле еврейских писателей в 1952 году и о слухах по поводу депортации советских евреев (*Salisbury H.E. American in Russia*. – N.Y.: Harper & Bros., 1955. P. 153, 233).

⁵¹⁷ *Pinkus B. Op. cit.* – Cambridge, 1988. P. 241, 360–361.

на него по еврейскому вопросу. Когда в августе делегация советских писателей во главе с председателем Иностранной комиссии ССП Полевым и секретарем правления Грибачёвым прибыла в Нью-Йорк, у них первым делом стали выспрашивать о еврейских писателях, входивших когда-то в ЕАК, а с конца 1940-х гг. неожиданно канувших в неизвестность. Поскольку информация об их казни в 1952 году считалась секретной, ответы советских гостей были уклончивыми, путанными и противоречивыми. Грибачёв, скажем, поведал американским коллегам, что Перец Маркиш, очевидно, мертв. В свою очередь, Полевой допустил то же самое и в отношении Давида Бергельсона, выразив, однако, твердую уверенность в том, что Ицик Фефер и Лейба Квитко живы. Впрочем, выступая потом на митинге американских писателей-коммунистов, Полевой уже полностью отвергал «слухи» о казни советских еврейских писателей.

Стремясь докопаться до истины, американцы попытались выведать ее и у советских дипломатов, прибывших в сентябре 1955 года в Нью-Йорк на сессию генассамблеи ООН. Председатель левого Еврейского рабочего комитета (The Jewish Labor Committee) Адольф Хелд подал тогда советскому министру иностранных дел Молотову запрос о судьбе исчезнувших в СССР еврейских литераторов. Никакого официального ответа от советской стороны не последовало, однако, выступая на пресс-конференции в ООН, заведомо печати МИД СССР Л.Ф. Ильичёв заявил, что, хотя ЕАК и был «по неясной причине» действительно закрыт в конце 1940-х гг., он «совсем недавно» случайно встретился в Москве с Маркишем в редакции «Правды». Советский посол в США Г.Н. Зарубин (1900–1958) не стал прибегать к столь грубому обману, а, реагируя на обращение влиятельного нью-йоркского Конгресса еврейской культуры (The Congress for Jewish Culture), предпочел «отписаться» посредством общих слов и благих пожеланий⁵¹⁸.

Чтобы положить конец этим устроенным советскими литературными и дипломатическими чиновниками играм «в прятки», зимой 1955–1956 гг. в Москву прибыл редактор американской еврейской газеты «Форвертс» («Вперед») Леон Кристол (1894–1959) – уроженец украинского Шаргорода. Сначала он попробовал договориться по телефону о встрече с Полевым, пообещавшим ему при первой встрече в Нью-Йорке всяческое содействие и помощь в советской столице. Однако эта попытка оказалась тщетной. Уклонился от свидания и двоюродный брат Михоэлса

---

⁵¹⁸ Levin N. Op. cit. 2. P. 559. *Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration.* P. 112–113.

профессор М.С. Вовси, психологически сломленный недавним арестом по «делу кремлевских врачей-вредителей». После этой неудачи Кристол стал обзванивать родственников пропавших еврейских писателей. От них он узнал, что власти недавно объявили им о том, что все арестованные по «делу ЕАК», кроме академика Л. Штерн, были казнены 12 августа 1952 г. по приговору закрытого суда. Так окончательно подтвердились самые худшие циркулировавшие на Западе предположения относительно судьбы Маркиша, Бергельсона и других пропавших советских еврейских писателей⁵¹⁹.

Впоследствии на сопричастности к миссии Кристола в Москву настаивал один из руководителей «Натив» Н. Леванон, начало карьеры которого в этой израильской спецслужбе было, напомним, отмечено летом 1955 года громким провалом в Москве. В мемуарах он утверждал, что «один из мужественных евреев (советских. – Г.К.) сумел передать в израильское посольство (в Москве. – Г.К.) подробную информацию о том, что в августе 1952 года были расстреляны свыше двадцати еврейских писателей и поэтов, членов антифашистского комитета. Он также привел фамилии расстрелянных»⁵²⁰.

Заполучив эти важнейшие сведения, Леванон не стал немедленно предавать их гласности. Он понимал, что они произведут наибольший эффект и не вызовут сомнений в достоверности лишь в том случае, если будут исходить из «чистых рук», от человека, представляющего интересы западной «нейтральной» либо леволиберальной благотворительной организации, не замеченной в связях с разведорганами враждебного СССР государства. Как раз всем этим параметрам и соответствовал Кристол, которого Леванон, по его собственному утверждению, «перехватил» в Париже, где тот сделал остановку на пути из Нью-Йорка в Москву. Когда Леванон поведал американскому журналисту о недавно открывшихся ему обстоятельствах трагического конца членов ЕАК, тот будто бы «был потрясен до глубины души». Израильский спецслужбист дал понять своему собеседнику, что сможет содействовать успеху его миссии в советской столице и, в частности, готов поделиться с ним важной информацией об адресах и номерах телефонов родственников исчезнувших еврейских писателей. В обмен на это, а также на «эксклюзивные лавры» первооткрывателя трагической тайны Леванон потребовал от Кристола согласия на сотрудничество с «Натив». Не долго думая, тот принял это предложение, гарантировавшее успех его миссии. Далее, как

---

⁵¹⁹ *Levin N. Op. cit. Vol. 2. P. 560.*

⁵²⁰ Цит. по: *Кошаровский Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 132.*

свидетельствовал потом Леванон, Кристол действовал согласно плану, разработанному «Бар» (подразделение «Натив»)⁵²¹.

Версия эта представляется правдоподобной и не противоречащей тому очевидному обстоятельству, что, получив ориентировочную информацию от Леванона, Кристол в результате произошедших по такой «наводке» встреч в Москве смог ее существенно дополнить, уточнить и насытить конкретными деталями. Возвратившись в начале марта 1956 года в Нью-Йорк, он выступил на, видимо, специально подготовленной для такого случая очень представительной (по рейтингам участвовавших СМИ) пресс-конференции. На ней Кристол, наверняка с подачи Леванона, особо акцентировал внимание журналистов на том, что основой обретенного им в СССР сенсационного откровения о казни еврейских писателей послужила информация из «безупречных источников»⁵²².

Так был раскрыт тщательно оберегаемый властями СССР секрет. Он оказался не «по зубам» даже руководителям западных компартий, которые, будучи приглашенными на XX съезд, находились в Москве примерно в то же время, что и Кристол. Известно, например, что, встречаясь в кулуарах этого форума с М.А. Суловым, лидеры британских и канадских коммунистов попросили его организовать встречу с входившими когда-то в ЕАК еврейскими писателями. Но в этом им отказали, пояснив, что все интересующие их литераторы, кроме Галкина, находятся в отпусках, выехав из Москвы на отдых, а последний болеет и никого не принимает⁵²³.

Реакция Запада на горькую правду, открывшуюся ему спустя три с половиной года после тайной расправы Сталина над представителями советской еврейской культурной элиты, была бурной. Иностранные СМИ захлестнул поток разоблачительных публикаций, наподобие упомянутой статьи М. Шпербера. Возникла реальная угроза дискредитации давно культивировавшегося советской пропагандой внешнеполитического имиджа СССР как страны – поборницы прав угнетенных народов. Кроме того, могли серьезно пострадать и взаимоотношения советского руководства с западными леволиберальными силами, в том числе и идеологически очень ценные для него тесные контакты с коммунистическими партиями Западной Европы и Северной Америки, в которых евреи традиционно пользовались большим влиянием.

---

⁵²¹ Там же.

⁵²² *Ro' Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration.* P. 116.

⁵²³ *Ibid.* P. 109.

Скандалная публикация в польской «Фольксштимме»

Чтобы «демпфировать» нежелательные последствия сенсационного раскрытия Кристолом тайны гибели деятелей советской еврейской культуры и разрядить скандальную ситуацию, ЦК КПСС, очевидно, обратился за помощью к «польским товарищам», точнее, к обновленному в марте 1956 года руководству ПОРП во главе с первым секретарем ЦК Э. Охабом.

В результате 4 апреля 1956 г. в варшавской идишской газете «Фольксштимме» («Глос люду») появилась редакционная статья «Наша боль и наше утешение», в основе которой лежали факты, полученные от московского корреспондента издания. Ввиду того, что многие польские евреи были так или иначе связаны с СССР (по факту рождения, пребыванию там в годы Второй мировой войны и т.п.), эта газета всегда проявляла интерес к жизни своих советских соплеменников. Еще осенью 1954 года ее редактор Гирш Смоляр⁵²⁴ обращался в ЦК КПСС за информацией о после-

---

⁵²⁴ Смоляр Гирш (Герш, Григорий, Гжегош, 1905–1993) – родился в бедной еврейской семье в Польше (в мест. Замбрув Ломжинской губ.), с юности был вовлечен в революционную деятельность. Пробыв в 1920 году несколько месяцев в составе Белостокского ревкома, он вместе с отступавшими из-под Варшавы советскими войсками перебрался на советскую Украину, где подвизался на ниве еврейской литературы и журналистики. В 1928 г. его как агента Коминтерна нелегально переправили в Польшу, где он влился в коммунистическое подполье. В годы войны он – один из руководителей сопротивления в минском гетто и командир партизанского отряда. Был членом ВКП(б) и Союза советский писателей. В 1946 году возвратился в Польшу, где в 1949 году возглавил Центральный комитет евреев Польши (был создан в ноябре 1944 года в Люблине на базе сформированного летом того же года в Москве Комитета польских евреев в Советском Союзе во главе с Эмилем Зоммерштейном, входившим в Союз польских патриотов во главе с Вандой Василевской). До 1950 года, то есть до того как связь ЦК евреев Польши с заграницей была заблокирована властями и он был преобразован в Культурно-общественную ассоциацию евреев Польши, Смоляр участвовал в работе различных международных сионистских форумов и встречался с видными сионистами (Н. Гольдманом и др.). Явно с подачи Всемирного еврейского конгресса Смоляр летом 1948 года тщетно пытался заинтересовать Москву проектом издания в Варшаве международного еврейского литературно-художественного альманаха, в котором могли бы публиковаться как советские авторы, так и «прогрессивные» идишские писатели Польши, Румынии, Франции, США и Израиля (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 594. Л. 198–203). После смерти Сталина контакты Смоляра с сионистскими деятелями возобновились. Все это позволяет предполагать, что апрельская (1956 года) статья в «Фольксштимме» могла появиться и с подачи «Натив».

военной жизни еврейского населения СССР. Свою просьбу он мотивировал необходимостью «должным» образом ответить на упомянутые публикации Г. Солсбери в «Нью-Йорк таймс», дав ему отпор в духе борьбы против «еврейского национализма, против сионистско-бундовских агентур американского империализма». И тогда эта просьба была удовлетворена незамедлительно⁵²⁵.

Возможно, что Смоляр сам был автором статьи «Наша боль и наше утешение» или, во всяком случае, непосредственно участвовал в ее подготовке. Лейтмотивом этой публикации стало огульное объявление жертвами кровавого произвола «банды Берия» буквально всех уничтоженных советским режимом представителей еврейской творческой элиты, причем погибших как после войны (С.М. Михоэлс, С.А. Лозовский, П.Д. Маркиш, И.С. Фефер и др.), так и в 1930-е гг. (С.М. Диманштейн, М.И. Литваков, Я.А. Бронштейн, И.Д. Харик, Х.М. Дунец, М.С. Кульбак и др.). Такая трактовка репрессий в СССР соответствовала тогдашнему расхожему советскому пропагандистскому штампу, призванному хоть как-то обелить Сталина. Правда, в статье осторожно намекалось на то, что деятельность «банды Берия» стала возможной вследствие «нарушения ленинских принципов национальной политики» и «атмосферы культа личности», но следом давался отпор «капиталистическим врагам»-злопыхателям: на протяжении последних лет евреи – враги СССР во всем мире использовали эту трагедию (антиеврейские репрессии Сталина. – Г.К.) в пропагандистских целях; мы же молчали, хотя и болезненно переживали результаты деятельности «банды Берия», но мы верили, что партия Ленина в конце концов расскажет народу правду, и это произошло; причем еще задолго до XX съезда КПСС был реабилитирован уничтоженный «бандой Берия» Соломон Михоэлс и ряд казненных еврейских писателей, и таким образом еврейское население СССР получило доказательство возвращения к ленинским принципам национальной политики⁵²⁶.

На этот номер «Фольксштимме» идеологи в ЦК КПСС возлагали, по всей видимости, большие надежды. Очевидно, он задумывался как ударный контрпропагандистский материал и поначалу широко распространялся: был разослан во все более или менее известные в мире еврейские издания. Однако реальный результат оказался диаметрально противоположным планировавшемуся. Статья произвела на Западе эффект разорвавшейся бомбы. Причем шок, который там вызвало это запоздалое, да к тому же и опосредованное (через польскую газету) признание факта

⁵²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 605. Л. 10, 11.

⁵²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 438. Л. 72–75.

убийства властями в СССР деятелей еврейской культуры, был так силен, что содержащиеся в публикации лукавые оправдания в виде ссылки на «преступные происки банды Берия» просто «не сработали».

В «краткой справке» «О реакции в США на выступление польской газеты «Фольксштимме» относительно преследований евреев в СССР», направленной 28 апреля 1956 г. советским посольством в США в ЦК КПСС, с сожалением констатировалось, что статья в «Фольксштимме» вместо того, чтобы разрядить западное еврейство, напротив, еще более его наэлектризовала. Посольские аналитики обратили внимание центра на «антисоветскую шумиху, поднятую реакционной еврейской печатью и сионистскими организациями», и более чем сдержанное отношение к польской публикации даже со стороны «прогрессивной международной еврейской общественности». Отмечалось, что такие левые издания, как газета «Морген Фрайхайт» и журнал «Джуиш лайф», сообщили 11 апреля «о горе и возмущении», вызванных польской статьей, которая если и способна принести пользу, то лишь при условии, что послужит началом свободного и бесцензурного обсуждения недавнего печального прошлого. В посольском обзоре упоминалась и коммунистическая «Дейли уоркер», которая в номере от 13 апреля прямо потребовала обнародования подробностей и деталей всех совершенных при Сталине нарушений ленинских принципов советской национальной политики; а в номере от 19 апреля руководитель КП США У. Фостер (1881–1961) вообще заявил «о проводившемся в Советском Союзе истреблении еврейской интеллигенции»⁵²⁷.

В рамках предпринятых ЦК КПСС и МИДом поисков «виноватых» в «проколе» с «Фольксштимме» 28 апреля в ЦК ПОРП состоялась примечательная беседа между заведующим отделом печати, радио и издательств Тадеушем Галинским и вторым секретарем советского посольства в Варшаве Н. Масленниковым, который поинтересовался (видимо, по указанию из Москвы) тем, как обстоят дела с партийным кураторством редакции «Фольксштимме». В ответ Галинский заявил, что «отдел печати ЦК ПОРП заинтересовался деятельностью еврейской газеты «Фольксштимме», ибо сложилось интересное положение: газета является органом ЦК партии, но никто не знает, что она пишет...» Поэтому, добавил Галинский, чтобы организовать контроль над ней, принято решение составлять на польском языке обзор ее номеров⁵²⁸.

⁵²⁷ Там же. С. 76–78.

⁵²⁸ Там же. Оп. 28. Д. 398. С. 26.

Между тем в мае 1956 года еврейский вопрос в СССР оказался в центре внимания резонансной конференции еврейских организаций США, которую организовал один из лидеров Социалистического Интернационала и бывший руководитель российского Бунда Р.А. Абрамович (Рейн; 1880–1963), тщетно пытавшийся пригласить на нее советского посла в Вашингтоне. Статья в «Фольксштимме» накалила страсти и в соседней Канаде, еврейская община которой насчитывала 160–180 тыс. человек. По примеру американцев в Монреале была проведена конференция еврейских организаций страны, а исполком левого Еврейского объединенного народного ордена (кооперировался с канадскими коммунистами из Рабочей прогрессивной партии) опубликовал 21 мая в «Канадиен трибьюн» специальное заявление, осуждавшее «несправедливости, совершенные в Советском Союзе против многих еврейских писателей, а также деспотические меры, предпринимавшиеся против еврейских культурных учреждений»⁵²⁹.

Советская пропагандистская уловка, призванная фиговым листком полуправды о «гнусной банде Берия» прикрыть преступления сталинского режима, была столь очевидной, что породила глубокое разочарование даже в леволиберальных кругах Запада. Скепсис там еще более усилился после публикации в американских СМИ ряда материалов о некоторых посетивших тогда США высокопоставленных советских партийно-государственных функционерах, которые уже потому не горели желанием осудить сталинскую антиеврейскую политику, что сами так или иначе в ней соучаствовали. В интервью, данном в июне 1956 года секретарем ЦК КПСС и первым секретарем МГК КПСС Фурцевой левому нью-йоркскому еженедельнику «The National Guardian», полностью отрицалась сама возможность того, что в Советском Союзе когда-либо подавлялась еврейская культура и могли происходить гонения на ее деятелей. Посетовав на то, что в некоторых учреждениях СССР евреи продолжают численно доминировать, она твердо высказалась за необходимость их перевода на другие места работы. На что американский корреспондент не преминул возразить в том роде, что подобные кадровые чистки уже происходили в Советском Союзе в недавнем прошлом. При этом он сослался на публикацию в «Фольксштимме», заодно поинтересовавшись у Фурцевой, какого она о ней мнения. Та отказалась от комментария, заявив, что не знакомилась с материалами данной газеты. Однако предположила, что если бы нынешнее советское руковод-

---

⁵²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 424. Л. 94, 123.

ство действительно располагало неопровержимой информацией о целенаправленных антиеврейских акциях Сталина, то оно не стало прибегать к услугам польской прессы, а постаралось бы сообщить о них в советской печати⁵³⁰.

Еще резче и категоричней отозвался о статье в «Фольксштимме» заведомо печати МИД СССР Ильичёв, который в интервью тому же американскому еженедельнику хоть и признал «трагедию еврейских писателей в последние годы сталинского режима», однако подчеркнул, что их печальная судьба не результат специальной антисемитской кампании, а одно из последствий предпринятого тогда Сталиным антиинтеллектуального наступления против общества, от которого пострадали не только евреи, но и русские, украинцы, грузины, белорусы, армяне. Ильичёв назвал статью в «Фольксштимме» клеветнической и антисоветской, поскольку содержащиеся в ней факты, хоть и подлинные сами по себе, подаются тенденциозно и извращенно⁵³¹.

Задетый такой оценкой, что называется, за живое, Г. Смоляр направил Ильичёву возмущенный отклик, в котором, изложив новые, не публиковавшиеся ранее детали преступлений сталинского режима в отношении еврейской культуры, потребовал объяснения и извинения. Но ответа не последовало. И 3 ноября редактор «Фольксштимме» поместил в своей газете открытое письмо Ильичёву, обвинив его в том, что тот «в духе Сталина» продолжает творить несправедливость в отношении евреев⁵³².

Однако Ильичёв «не заметил» и этого демарша. То, что он и другие кремлевские сановники попытались сделать Смоляра «козлом отпущения», позволило тому впоследствии (после переезда в 1971 году из Польши в Израиль) представить упомянутую статью в «Фольксштимме» как изначально бунтарскую и анти-

---

⁵³⁰ *Petran T. Why Khrushchev Spoke // National Guardian. – June 25, 1956 (Levin N. Op. cit. Vol. 2. P. 562, 926). Шануро Л. Указ. соч. С. 373.*

Чтобы «нейтрализовать» недоумение, которое вызвало на Западе неуклюжее рассуждение Фурцевой о борьбе с антисемитизмом в СССР посредством снижения кадровой концентрации евреев в управленческой сфере, советский МИД вынужден был потом дезавуировать его следующим разъяснением: Фурцева «имела в виду, что если и были персональные изменения в штате учреждений, то они были продиктованы экономическими условиями, в которых находилась страна, а вовсе не желанием дискриминировать какую-то нацию... В Советском Союзе никогда не существовали и не существуют теперь квоты для евреев или представителей других национальностей». (Цит. по: *Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор. С. 68.*)

⁵³¹ *Interview with a Soviet Spokesman on Anti-Semitism // National Guardian. – September 3, 1956 (Levin N. Op. cit. Vol. 2. P. 562–563, 926).*

⁵³² *Levin N. Op. cit. Vol. 2. P. 563.*

советскую. Разумеется, такая оценка была активно подхвачена просионистски ориентированными авторами⁵³³.

Между тем известно, что даже в 1960-е гг. «Фольксштимме» регулярно использовалась советской антизападной пропагандой. В ее выпуске от 21 апреля 1962 г. (№ 63) было опубликовано подготовленное в аппарате ЦК КПСС и распространявшееся АПН коллективное «открытое письмо» писателя З. Вендрова, композитора Л.М. Пульвера, академика АМН СССР И.Д. Страшуна и других представителей советской еврейской творческой интеллигенции, протестовавших против обвинений властей СССР в антисемитизме, исходивших от американского сенатора-республиканца и известного лоббиста израильских интересов Джейкоба Джавитса (1904–1986).

В запутанной истории с «еврейской статьей» в «Фольксштимме» от 4 апреля 1956 г. случилось парадоксальное. Вместо того чтобы, как изначально предполагалось, умиротворить Запад, она, как отмечал впоследствии известный историограф «еврейской политики» в СССР, российский эмигрант-социалист С. Шварц, «точно развязала стихию»⁵³⁴.

«Еврейские диалоги» Хрущёва с западными левыми

Сенсационная публикация в польской еврейской газете спровоцировала целое паломничество представителей западной еврейской прессы в Советский Союз, благо после XX съезда «железный занавес» – прежде практически непроницаемый – все больше утрачивал свою «герметичность», причем по воле самого советского руководства. Только летом–осенью 1956 года в Москве и других советских городах побывали корреспондент нью-йоркской газеты «Морген Фрайхайд» и один из руководителей еврейской секции Компартии США Хаим Суллер⁵³⁵, главный ре-

⁵³³ *Беленькая Л., Зингер Б.* Наперекор. С. 62.

⁵³⁴ *Шварц С.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). – Нью-Йорк, 1966. С. 247.

⁵³⁵ Находясь в СССР в июне 1956 года в течение месяца, Хаим Суллер (1903–1998) встречался в Москве и Ленинграде со многими советскими еврейскими писателями – С. Галкиным, Р. Баумволь, С. Гордоном, М. Грубианом, А. Гонгаром, Н. Лурье, Н. Ойслендером, З. Телесиним, А. Вергелисом, И. Рабиным и др. Американский коммунист был принят руководителями ССП А. Сурковым (заявил: в СССР 200 еврейских писателей, в том числе 60 – в Москве) и В. Ажаевым. На обратном пути в Нью-Йорк он сделал остановку в Париже, где опубликовал в еврейской газете «Найе

дактор парижской «Найе прессе» Г. Кениг (1909–1972)⁵³⁶, американский журналист, писатель и издатель «Тог моргн журнал» Генри Шоскес (1891–1964) и др.

В Западной Европе наибольший интерес к еврейской проблеме в СССР проявлялся во Франции, в стране с яркой и богатой историей борьбы за демократию, права человека, а также против антисемитизма, который во второй половине XIX – начале XX в. пустил в тамошнем обществе глубокие и разветвленные корни⁵³⁷ и трагически проявился в годы Второй мировой войны.

Первый ознакомительный «десант» из Парижа высадился в Москве в мае 1956 года в виде делегации Французской социалистической партии, в которой было немало функционеров еврейского происхождения. Как следует из отчета французского переводчика Пьера Лошака, в ходе состоявшихся бесед «особое внимание было уделено вопросу о положении евреев в Советском Союзе».

Отвечая на вопросы гостей, Хрущёв дал ясно им понять, что считает проблему антисемитизма главным образом следствием превалирования евреев в управлении и других сферах. Конкретно он заявил: «В начале революции у нас было много евреев в руководящих органах партии и правительства... После этого мы создали новые кадры... Если бы теперь евреи захотели бы занимать первые места в наших республиках, это, конечно, вызвало бы неудовольствие среди коренных жителей... Если еврей назначает-

---

прессе» (14, 15 июля 1956 г.) пространную статью, в которой со ссылкой на Суркова поведал о рассмотрении в советском правительстве проекта возрождения еврейской культуры (восстановление еврейских издательства, театра, газеты) и вопроса о созыве всесоюзной конференции деятелей еврейской культуры. В письме от 12 ноября 1956 г. главный редактор «Морген Фрайхайд» Пол (Песах) Новик (1891–1990; гостил в СССР в декабре 1958 – марте 1959 гг.) укорял Суркова в том, что тот не выполнил данного Суллеру обещания организовать регулярную присылку статей советских еврейских писателей в Нью-Йорк. «Между тем, – информировал далее Новик, – «Нью-Йорк таймс» 9 ноября опубликовал фальшивку о депортации евреев из Вильнюса и Львова, разоблачить которую из-за отсутствия у нас информации мы не в состоянии, но мы надеемся, что вы поручите Вергелису или какому-нибудь другому еврейскому писателю подготовить для нас соответствующую статью». (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 4. Л. 79–80; Оп. 36. Д. 19. Л. 154, 155.)

⁵³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 415. Л. 150–153. *Эстрайх* Г. Арон Вергелис. С. 128.

⁵³⁷ Само за себя говорит печально знаменитое «дело А. Дрейфуса» 1894 года. Кроме того достаточно популярными во Франции были юдофобские книги Э. Дрюмона: «Еврейская Франция. Очерк современной истории» и др.

ся на высокий пост и окружает себя сотрудниками-евреями, это, естественно, вызывает зависть и враждебные чувства по отношению к евреям»⁵³⁸.

Такая аргументация, по сути оправдывавшая массированные антиеврейские чистки в позднесталинские годы, была воспринята французскими собеседниками советского лидера как «странная» и «фальшивая». Тем более что участвовавший в беседе член Президиума ЦК КПСС и первый заместитель председателя Совета Министров СССР М.Г. Первухин (1904–1978), поддержав Хрущёва, добавил, что нельзя забывать «нашу собственную интеллигенцию»⁵³⁹.

Парируя настоятельные пожелания французов предпринять неотложные меры по развитию еврейской культуры и образования, Хрущёв подкрепил свою позицию еще и тем аргументом, что воссоздание еврейских школ невозможно, так как «не нашлось бы, наверное, много охотников посещать их... если бы евреев обязали посещать еврейскую школу, это несомненно вызвало бы возмущение, это было бы понято как своеобразное гетто»⁵⁴⁰.

Не меньшую настойчивость в давлении на советских руководителей по «еврейскому вопросу» проявили и французские коммунисты во главе с генсеком ФКП М. Торезом, которого, в свою очередь, активно настраивали на это писатель Луи Арагон, а также один из деятелей еврейской секции ФКП, драматург и публицист Хаим Словес, который в 1958 году посетил с группой парижских писателей Москву, изложив свои впечатления об этой поездке и мысли о положении еврейской культуры в СССР в книжке «Миссия в Москву» («Миссие ун Москве»), вышедшей на следующий год на идише.

Известный литератор и филолог Хаим Бейдер (1920–2003), который в 1973–1991 гг. был заместителем главного редактора журнала «Советиш Геймланд», вспоминал, что Морис Торез, приехав в конце 1950-х гг. в очередной раз в Москву, уведомил Хрущёва, что многие французские коммунисты и в первую очередь крупные партфункционеры-евреи поставили ультиматум: «Если Советский Союз не изменит своей политики в отношении еврейской культуры и не откроет литературный журнал на идише, мы выйдем из партии. Если журнал не нужен им (советским руководителям. – Г.К.), то он нужен нам». Бейдер даже утверждал, что этот настоятельный призыв был тем решающим доводом,

---

⁵³⁸ Хрущёв и еврейский вопрос // Социалистический вестник. 1961. № 1. С. 20.

⁵³⁹ Шварц С.М. Указ. соч. С. 260.

⁵⁴⁰ Социалистический вестник. 1961. № 1. С. 21.

от которого Хрущёв не смог отмахнуться, дав, наконец, добро на создание «Советиш Геймланд»⁵⁴¹.

Пытаясь развеять озабоченность французов ситуацией с еврейской культурой в СССР, Хрущёв нередко «по простоте душевной» прибегал к аргументации, исполненной антисемитской мифологии и вульгарных обобщений, что не могло не коробить его собеседников. Давая 19 марта 1958 г. интервью корреспонденту парижской «Фигаро» Сержу Груссару (р. 1921 г.), он, рассуждая о неудавшемся эксперименте с этноавтономией в Биробиджане, обвинил в этом евреев. Дескать те, получив от советского правительства «замечательный дар» в виде обширной территории, расположенной в зоне «южного климата» и изобилующей плодородными землями, минеральными ископаемыми, «огромными лесами», реками, кишачими рыбой, проявили поначалу массовый энтузиазм. Но потом быстро «остыли», и в итоге «лишь немногие остались... в этом прекрасном крае». Произошло это, как заключил Хрущёв, потому, что евреи – индивидуалисты, они не любят коллективного труда, да и к тому же, будучи «в основе своей интеллигентами... они интересуются всем, углубляют все, спорят обо всем», но не способны к образованию консолидированного общества, ни политически, ни культурно⁵⁴².

Помещая 27 марта 1958 г. в «Правде» пространный отчет об этой встрече, редакция газеты, следуя негласному цензурному запрету, не включила в него ничего из сказанного Хрущёвым о евреях. В результате советская общественность потом даже не догадывалась, что такая проблема обсуждалась в ходе данного интервью. Однако Запад не остался в неведении: 9 апреля парижская «Фигаро» в полном объеме напечатала текст беседы Груссара с Хрущёвым. Тем самым вульгарные откровения последнего на еврейскую тему были преданы глобальной гласности, что не только серьезно повредило имиджу Советского Союза за рубежом, но и повлекло внешнеполитические осложнения.

Уже 16 апреля 1958 г. исполняющий обязанности постоянного представителя Израиля в ООН М. Кидрон настоял на встрече в Нью-Йорке с А.Ф. Добрыниным (1919–2010; тогда заместителем генерального секретаря ООН), которому заявил, ссылаясь на публикацию в «Фигаро», что из нее «ясно видно существование в СССР еврейской проблемы», возникшей, как он заключил, вследствие «неверия» тамошних властей в лояльность евреев. Чтобы парировать это обвинение, Добрынину пришлось энергич-

---

⁵⁴¹ Грачевский Б. Интервью с Хаимом Бейдером // Новости недели (Нью-Йорк). 2003. 13 марта.

⁵⁴² Социалистический вестник. 1958. № 6.

но оправдываться, приводя в качестве аргумента «ряд известных имен евреев, занимающих видное и признанное положение, наряду с другими национальностями, в нашей стране». Направив потом отчет в МИД, он охарактеризовал в нем эту встречу «довольно горячей», а израильского дипломата назвал «убежденным сионистом, с плохо скрываемым враждебным отношением к нам»⁵⁴³.

В отличие от французских коммунистов, для их итальянских единомышленников (среди них евреев было значительно меньше) еврейская проблема в СССР не представляла особого интереса. После скандального разоблачения на XX съезде преступлений Сталина ее лидеров куда больше волновал вопрос, как далеко руководство КПСС решится зайти в преодолении политического наследия умершего диктатора. Они вполне резонно опасались попасть под новый огонь критики, особенно если в СССР так и не произойдет реальной демократизации и все ограничится показательной чисткой фасада режима с отказом в лучшем случае лишь от прежних репрессивных крайностей.

Отвечая 13 июня 1956 г. на вопросы корреспондента журнала «Нуови аргументи», генеральный секретарь ИКП Пальмиро Тольятти (1893–1964) прямо заявил, что культ Сталина не случайное извращение советской системы, а закономерный плод ее бюрократического перерождения. Такая оценка вызвала в аппарате ЦК КПСС крайне негативную реакцию⁵⁴⁴. Тем не менее, когда 10 июля делегацию ИКП, прибывшую в Москву во главе с Дж. Пайеттой (1911–2011), принимали в Кремле, Хрущёв постарался «замять» произошедший «инцидент», выразив надежду, что тот не «омрачит» двусторонних межпартийных отношений. Пытаясь, видимо, продемонстрировать «итальянским товарищам» степень своего внешнеполитического влияния или просто прибегая к отвлекающему маневру, советский лидер пустился в рассуждения о его личном участии в происходившей тогда смене партийного руководства в Польше и Венгрии. Он особо отметил, что процесс обновления власти в этих странах осложняется необходимостью вывода из нее евреев, которые, по его словам, «очень болезненно восприняли критику культа Сталина». Детализируя далее кадровую ситуацию в ПОРП, Хрущёв оценил «поведение» ее верхушки еврейского происхождения как «отвратительное» и «нахальное». Явно распалившись, он не успокоился, даже когда перешел к описанию положения дел в СССР, заметив многозначительно, «что и среди советских граждан еврейской национальности кое-

⁵⁴³ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 11. П. 24. Д. 2. Л. 26–28.

⁵⁴⁴ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 1. С. 641–642.

кто не проявляет необходимой лояльности по отношению к мероприятиям партии и правительства»⁵⁴⁵.

Было похоже на то, что свою неспособность адекватно ответить на вызов коренного переустройства общества и власти, включавшего в себя и императив свободы этнокультурного развития для всех национальностей Советского Союза, Хрущёв, не будучи в данном случае, мягко говоря, оригинальным, пытался «списать» на происки евреев.

Реформистского запала Хрущёву не хватило даже на то, чтобы опубликовать доклад «О культе личности и его последствиях», прочитанный им делегатам съезда 25 февраля 1956 г. на закрытом утреннем заседании и вошедший в историю как «секретный». Возможно, тогда он не смог обнародовать эти обличения Сталина из-за сопротивления Молотова, Кагановича и других «консерваторов» в своем окружении? Но почему, разгромив летом 1957 года «антипартийную группу» и став в начале 1958 года единовластным правителем (заменяв Булганина на посту председателя Совета Министров СССР), он опять не решился на это? Только в пору горбачевской гласности, в конце 1980-х гг., «секретный доклад» появился в открытой печати⁵⁴⁶. Впрочем, даже будь он изначально опубликован, ему, содержащему в лучшем случае лишь полуправду о преступлениях власти против собственного народа, не суждено было привнести в общество момент истины.

Опасаясь, что раскрытие всей горькой правды о недавнем прошлом может привести правящий режим к краху, Хрущёв решил лишь приоткрыть сталинский ящик Пандоры, извлекая на белый свет лишь факты, подтверждавшие официальную версию о том, что главным объектом незаконных репрессий была коммунистическая партия, а никак не общество в целом. При этом осуждалось только уничтожение «честных коммунистов»-«верных ленинцев», но не Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова и других «изменивших» партии оппозиционеров. В докладе осуждались «незаконные» действия Сталина только начиная с 1934 года, с расправы над делегатами состоявшегося тогда XVII съезда ВКП(б). Тем самым давалось понять, что ранее он действовал «в основном» правильно, в том числе проводя коллективизацию, репрессируя «старых» специалистов и ученых, осуществляя гонения на религиозные организации и «громя» «буржуазных националистов».

---

⁵⁴⁵ Н.С. Хрущёв: «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. 1994. № 2. С. 79–91.

⁵⁴⁶ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущёва Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–169.

Что касается критики сталинской этнополитики, то в «секретном докладе» она содержалась только в двух абзацах. Причем речь в них шла о выселении в годы войны северокавказских народов, огульно и необоснованно обвиненных в измене родине. Евреи как жертвы репрессий, да и вообще как таковые Хрущёвым не были упомянуты совсем. Одной из субъективных причин этого могло послужить то обстоятельство, что, будучи в 1938–1949 гг. первым секретарем КП(б) Украины, он проявил себя жестким борцом с «местным» «еврейским буржуазным национализмом». По масштабу послевоенных антиеврейских репрессий эта республика почти не уступала Москве и даже опередила ее на несколько месяцев в проведении массовых арестов. Только в Киеве были арестованы такие крупные еврейские литераторы, как Д.Н. Гофштейн, Э.Г. Спивак, Г.И. Полянкер (1911–1997), Х.Б. Лойцкер (1898–1970), А.Я. Каган (1901–1965) и другие. Причем даже тем писателям, кому, в отличие от Гофштейна и Спивака⁵⁴⁷, посчастливилось пережить Сталина, пришлось потом еще несколько лет томиться в ГУЛАГе, ожидая восстановления попранной в отношении них законности. Скажем, Н.И. Забара (1908–1975) был освобожден только в апреле 1956 года, а И.Н. Кипнис (1896 – 1974) – еще спустя несколько месяцев, в ноябре. Подобное, конечно, нельзя было «списать» на происки «банды Берия».

Анализ обстоятельств, подвигших Хрущёва на разоблачение сталинских беззаконий, приводит к тому выводу, что дозированная правда о них понадобилась этому прагматику не столько ради того, чтобы хотя бы по минимуму восстановить историческую справедливость, сколько как средство борьбы за власть. Главным побудительным мотивом явилось желание свести, что называется, счеты с тем же Молотовым и другими конкурентами в высшей партийно-государственной иерархии. Именно с этой пропагандистско-мобилизующей целью «секретный доклад» был сразу после XX съезда доведен до сведения 7 млн. членов партии и 18 млн. комсомольцев. Кроме того с ним были ознакомлены миллионы людей, входивших в так называемый беспартийный актив⁵⁴⁸.

Не скрывался доклад и от иностранцев. Его довели до сведения глав приглашенных на съезд делегаций компартий. Руководству этих партий, а также советским послам в зарубежных странах были направлены в общей сложности несколько сотен (!)

---

⁵⁴⁷ Гофштейн (1889–1952) был казнен, а Спивак (1890–1950) умер в тюрьме от инсульта.

⁵⁴⁸ Из выступления Н.С. Хрущёва на общем партийном собрании парт-организации аппарата ЦК КПСС 6 августа 1956 г. // Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 1. С. 577.

типографских экземпляров доклада, которые, правда, подлежали возврату в общий отдел ЦК КПСС в трехмесячный срок, но в данном случае это требование превратилось в пустую формальность. Неудивительно, что уже 16 марта изложение этого «строго секретного» доклада появилось в «Нью-Йорк таймс». А вскоре такие же обзоры опубликовали агентство «Рейтер» (17 марта), газета «Юманите» (19–21 марта), югославский еженедельник «Коммунист» (20 марта).

Оказавшись в такой политически нестабильной тогда стране «народной демократии», как Польша, доклад стал безучетно копироваться и распространяться. На упомянутой встрече с итальянскими коммунистами Хрущёв утверждал, что только в Краковском воеводском комитете ПОРП неизвестно куда исчезли 17 экземпляров «секретного доклада», который на «черном рынке» Польши продавался за 230 злотых⁵⁴⁹.

Все эти факты свидетельствовали о том, что за рубежом текст этого выступления Хрущёва, утратив всякую конфиденциальность, был широко доступен. Причем для него самого такая ситуация была, скорее, выгодна, чем наоборот: на Западе она исподволь «работала» на симпатичный там для многих его неформальный имидж либерала. Так что произошедшая вскоре через Польшу утечка «секретного доклада» в США, где он с подачи Госдепартамента был опубликован 5 июня 1956 г. во влиятельнейшей газете «Нью-Йорк таймс»⁵⁵⁰, вполне могла быть подстроена советскими спецслужбами, действовавшими по негласному указанию Хрущёва. И не важно, что тот на публике возмущался по этому поводу, утверждая, что «врагам» удалось «основательно извратить текст доклада о культе личности»⁵⁵¹.

Это предположение вполне органично укладывается в канву господствующей ныне версии о том, что фотокопия «секретного доклада», сделанная израильскими дипломатами в Варшаве, попала в США через Тель-Авив. (Если, конечно, допустить, что сотрудник ПАП Виктор Граевский, который тайно вынес экземпляр доклада из здания ЦК ПОРП и передал его израильтянам, был «двойником», работавшим также и на Москву.)⁵⁵²

---

⁵⁴⁹ Источник. 1994. № 2. С. 86. Говорили еще, что одна из копий доклада Хрущёва была куплена неким американцем на черном рынке в Варшаве за 300 долларов. Потом шеф ЦРУ Аллен Даллес якобы передал ее своему брату, госсекретарю Джону Фостеру Даллесу, а тот – в редакцию «Нью-Йорк таймс».

⁵⁵⁰ 6 июня 1956 г. доклад был перепечатан парижской «Монд».

⁵⁵¹ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 1. С. 574.

⁵⁵² *Зенькович Н.А.* Секретный доклад Хрущёва: авторство, статус, утечка на Запад // *Новости разведки и контрразведки.* 1996. № 4(61). С. 1–8.

Впрочем, согласно альтернативной легенде хрущёвский доклад поступил в США по другому каналу, хотя опять же из Польши. Есть данные о том, что генеральный секретарь Рабочей прогрессивной партии Канады Тимоти (Тим) Бак (1891–1973), возвращаясь по окончании XX съезда КПСС из Москвы на родину, заехал в Варшаву, где, встретившись с В. Гомулкой, получил от него копию доклада, которую потом передал члену ЦК Компартии США (с 1934 г.) и своему другу Моррису Чайлдсу (1902–1991), а тот доставил ее в ФБР. Моррис родился в Киеве, где был наречен Моше. Его отцом был сапожник Иосиф Чилковский, переехавший в 1911 году в США и осевший с семьей в Чикаго. В 1919 году Моррис вступил в американскую компартию, руководство которой в конце 1928 года командировало его в Москву. Там в коминтерновской школе марксизма-ленинизма он вступил в ВКП(б), а его наставниками стали Суслов и О.В. Куусинен (1881–1964). Возвратившись в 1931 году в Америку, он стал ближайшим помощником тогдашнего генсека КП США Эрла Браудера (1891–1973). Потом был назначен главным редактором партийной газеты «Дейли уоркер». Во время маккартистских гонений был завербован в 1954 году ФБР, с которым сотрудничал вплоть до 1980 года, получая от него вместе со своим братом (также агентом ФБР) по 30 тыс. долларов в год. С 1958 года Чайлдс в качестве заместителя генсека КП США Юджина Денниса (1905–1961) по сотрудничеству с КПСС стал часто наезжать в Москву, где его тепло принимали старые знакомые Суслов и Куусинен⁵⁵³. Не исключено, что М. Чайлдс также мог быть «двойником», передавшим «секретный доклад» в ФБР по заданию советской разведки.

Между тем, снабдивший Чайлдса этим материалом Тим Бак в конце лета 1956 года вновь оказался в Москве, теперь уже в качестве главы специально прибывшей в Советский Союз делегации Рабочей прогрессивной партии Канады (РППК)⁵⁵⁴. 29 августа канадцев принял Хрущёв, присутствовали также секретарь ЦК Суслов и заведующий международным отделом ЦК Пономарев.

На атмосферу этой встречи большое влияние оказала упомянутая публикация Госдепом США хрущёвского «секретного док-

---

⁵⁵³ *Куксин И.* Агенты ФБР в Кремле // Заметки по еврейской истории. № 10(71). Октябрь, 2006 (www.berkovich-zametki.com).

⁵⁵⁴ Рабочая прогрессивная партия Канады (РППК) была основана в 1921 году как секция Коминтерна. Легализовалась в 1924 году как Коммунистическая партия Канады (КПК). В 1940 году КПК была официально запрещена, поскольку протестовала против вступления Канады во Вторую мировую войну на стороне Великобритании. В 1943 году вновь легализовалась как РППК и действовала под этим названием до 1959 года, пока не стала вновь именоваться КПК.

лада». Она заметно подняла градус антисоветизма в североамериканской еврейской среде, и без того взвинченной предшествовавшим сенсационным откровением в польской «Фольксштимме». В этой связи 26 июня Национальный исполком РППК сделал специальное заявление в печати, в котором содержались его собственная позиция по «еврейскому вопросу» в СССР, а также следующие оценки действий советского руководства и претензии к нему: Национальный комитет (НК) РППК «считает недостаточным объяснение нарушений социалистической демократии в 1934–1953 гг., которые даны Хрущёвым на закрытом заседании XX съезда КПСС»; «нарушение прав народов и национальностей... не может быть приписано только подозрениям Сталина. Это не марксистский метод анализа... Мы не можем не сожалеть, что в... тексте речи Хрущёва совершенно не упоминается о подавлении еврейской культуры в Советском Союзе. До сих пор из СССР не поступили ни официальные заявления, ни сообщения печати по этому вопросу. Права евреев, особенно со времен войны против гитлеровского фашизма, являются заботой всего мира. Мы считаем, что КПСС следует обнародовать факты и объяснить, что случилось, а также заявить, что ныне делается для восстановления полных прав культурного выражения евреев в СССР... Мы считаем, что ЦК КПСС совершил серьезную ошибку, не опубликовав доклад Хрущёва»⁵⁵⁵.

Именно под напором подобных обвинений со стороны компартий Западной Европы и Северной Америки, особенно усилившихся после скандальной публикации в «Нью-Йорк таймс», советское руководство вынуждено было принять и широко обнародовать постановление Президиума ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», в котором новые правители СССР прибегли к изощренному самооправданию в виде казуистической фразы о том, что и при Сталине «внутри ЦК имелось сложившееся ленинское ядро руководителей»⁵⁵⁶.

Этот шаг в лучшем случае мог лишь несколько умиротворить западных либерал-коммунистов, но никак не удовлетворить их. Поэтому не стало неожиданным то, что уже в самом начале означенной встречи в ЦК КПСС (29 августа 1956 г.) с лидерами РППК Т. Бак, что называется, с порога разразился пространной тирадой: «...Сейчас хотелось бы выделить лишь один вопрос, имеющий для нас весьма важное значение. Мы хотели бы изложить здесь этот вопрос так, как он стоит в Канаде и в США. Было бы неправильным, если бы я умолчал о т.н. еврейском вопросе,

⁵⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 424. Л. 143–145.

⁵⁵⁶ Правда. 1956. 2 июля.

по которому мы еще не полностью вооружились...Одна из наших задач состоит в том, чтобы убедить честных евреев, что еврейское население в Советском Союзе пользуется всеми преимуществами наряду с другими национальностями. Но реакция как в США, так и в Канаде наживает сейчас себе политический капитал на пропаганде того, что в Советском Союзе нет резко очерченного развития еврейской культуры...Реакционные еврейские организации в США, возглавляемые небезызвестным Абрамовичем, активизировали свою антисоветскую деятельность... В результате этой пропаганды мы потеряли поддержку еврейских масс в Канаде. Наши потери не ограничиваются только еврейским населением...»⁵⁵⁷.

Как бы в подтверждение этих слов один из членов делегации канадских коммунистов Д. Солсберг продемонстрировал Хрущёву выпущенный Р. Абрамовичем плакат, бичующий гонения на евреев в СССР. После чего произошел достаточно резкий диалог между ними:

«Тов. Хрущёв (Х.) говорит: Что же вы, с Абрамовичем справиться не можете? Мы свергли у себя царя, разбили интервентов, одержали победу над фашистами, а вы испугались этого Абрамовича?

Тов. Солсберг (С.): Мы за Абрамовича не отвечаем. Он сбежал в Америку от вас во время революции.

Х.: То, что вы называете еврейской проблемой в Советском Союзе, – это искусственно создаваемая разного рода абрамовичами проблема. Это вовсе не проблема. Это нечто подобное мухе на рогу вола.

С.: Но, к сожалению, эту муху всячески поощряет госдепартамент США.

Х.: А вы хотите, чтобы госдепартамент США вам помогал? Неужели вы хотите построить свои взаимоотношения с организациями абрамовичей таким образом, чтобы они вам тоже помогли?

С.: Мы не боимся ни Абрамовича, ни госдепартамента, но мы хотели бы вооружиться для того, чтобы дать им бой и лишить их возможности раздувать так называемый еврейский вопрос в интересах империалистической реакции. Мы хотим нанести им ответный удар... Нам известно, что Абрамович обратился уже с просьбой к Даллесу – поставить вопрос о положении евреев в Советском Союзе в ООН.

---

⁵⁵⁷ Н.С. Хрущёв: «Мы свергли царя, а вы испугались Абрамовича». Запись беседы Н.С. Хрущёва с делегацией Прогрессивной партии Канады, состоявшейся 29 августа 1956 г. в ЦК КПСС // Источник. 1994. № 3. С. 95–97.

Х.: Ну и что же? Пусть ставит.

С.: ...В 1948 году... в результате авантюристических махинаций Берия Антифашистский еврейский комитет и периодические издания на еврейском языке в СССР были закрыты. Мы тогда не могли ответить на вопрос, почему это произошло, так как из Советского Союза на этот счет никаких разъяснений не поступило. Затем появилось «дело врачей». Все это усиливало врагов, выступавших против нас. В связи с «делом врачей» мы говорили, что там больше русских, чем евреев. Однако Берия заявил, что репрессированные врачи – евреи, связанные с еврейской организацией «Джойнт». Это задевало чувства евреев, проживающих в других странах. Я считаю... что предоставление возможности для возрождения живой культурной деятельности для тех евреев, которые этого пожелали бы, значительно помогло бы нам дать убедительные ответы на вопросы, которые ставятся перед нами в Канаде»⁵⁵⁸.

Здесь необходимо пояснить, кто такой Солсберг и почему он так уверенно оппонировал тогда Хрущёву. Джозеф Барух Солсберг (1903–1998) родился на территории Российской империи в Польше. В десятилетнем возрасте эмигрировал вместе с родителями в Канаду, где те поселились в Торонто. Сначала учился на раввина, но из-за материальных трудностей семьи рано вынужден был пойти работать на швейную фабрику. Там включился в рабочее движение, стал активистом левой еврейской партии Поалей Цион. В 1926 году вступил в Компартию Канады. В ней он возглавил аффилированный Еврейский объединенный народный орден (ЕОНО), насчитывавший в своих рядах к концу 1940-х гг. три тысячи членов, что составляло больше одной трети от всей численности РППК. Из 52 членов НК РППК двенадцать были евреями (Солсберг, Уильям Каштан и др.).

Солсберг входил и в Исполком НК, из которого был выведен в 1954 году за критику СССР по «еврейскому вопросу». Однако в мае 1956 года его членство в высшем органе партии восстановили. Летом 1955 года он приезжал в Москву, где встречался с председателем Славянского комитета СССР А.С. Гундоровым, журналистом Д.И. Заславским, историком И.И. Минцем, писателем Л.А. Кассилем, еврейским певцом С. Любимовым и главным раввином Шлифером. Собственно, именно Солсберг, глубоко переживавший драму угасания еврейской культуры в СССР, выступил с инициативой организации визита делегации РППК в Москву. И хотя против этой поездки выступил советский посол

---

⁵⁵⁸ Там же. С. 97.

в Оттаве Д.С. Чувахин (1903–1997; потом был послом в Израиле), благодаря настойчивости Солсберга она состоялась. Он же добился, чтобы встреча в ЦК КПСС с делегацией РППК была почти исключительно посвящена еврейской теме.

Хрущёва явно раздражал такой навязанный ему проблемный фокус дискуссии. По мере ее обострения реплики советского лидера становились все более резкими и саркастическими. Вместо делового и конкретного обсуждения алгоритма восстановления еврейских культурных институций в СССР он настроился на обоснование противного, стремясь убедить канадских собеседников, что волновавшая их проблема надумана, не имеет под собой практической почвы и носит сугубо провокационный националистический характер. Его главным доводом был тот, что «на удочку» «еврейского вопроса» «буржуазные националисты» и другие «реакционные силы» пытаются поймать «неустойчивых» коммунистов, забывших, что «здесь нужен прежде всего классовый подход». Явно имея в виду Солсберга, Хрущёв с подковыркой заметил: «Плохо, когда коммунисты начинают говорить языком раввинов. Таким коммунистам следовало спросить самих себя, в ту ли лавку они попали? Неужели им не ясно, что шумиха насчет еврейского вопроса в СССР направлена на то, чтобы попытаться оклеветать социалистический строй... Мы решительные противники сионистов и должны вам откровенно, по-товарищески сказать, что у нас складывается впечатление, что вы перетрусили перед Даллесом... Это говорит о том, что вы оказались в плену того давления, которое оказывается на вас классовым врагом»⁵⁵⁹.

Чтобы опорочить саму идею культурного возрождения евреев, Хрущёв не обинуясь заявил, что воссоздания национальных газет, театров и школ не желают сами евреи, которые только и мечтают, чтобы побыстрее ассимилироваться. Потом он пустился в демагогическое с налетом плебейской юдофобии нагнетание страстей вокруг «еврейских пороков», прибегая к аргументам и примерам, почерпнутым в основном из собственного жизненного опыта. Распалившись, он обвинил евреев в том, что благодаря большим государственным затратам для них «был создан Биробиджан», а они «не хотят туда ехать». Этот упрек был несправедливым уже потому, что тяжкий на грани физических возможностей человека труд по освоению сурового в климатическом отношении и отдаленного от центров цивилизации края не мог быть массово привлекательным в принципе. Спускаясь затем на бытовой уровень, Хрущёв, дабы доказать, что «среди евреев есть плохие люди», стал

---

⁵⁵⁹ Там же. С. 99.

апеллировать к диффамационному мифу об уникальном непотизме евреев, хотя, конечно, отлично знал, что кумовством и землячеством была поражена вся система советской бюрократии. (Да и нынешней российской бюрократии этот порок присущ не в меньшей мере!)

«Будем разговаривать откровенно, – с нарочитой доверительностью предварил он этот тезис и продолжил: – Вряд ли кто будет отрицать, что у некоторых евреев есть слабость, которая проявляется в том, что, если еврей находится на каком-либо крупном посту, он сразу, не смущаясь, начинает тянуть за собой других евреев и создавать вокруг себя компанию своих людей»⁵⁶⁰.

Единственным справедливым моментом, который присутствовал в доводах Хрущёва, прозвучавших в ходе той полемики с канадскими коммунистами, был тот, что западный дискурс вокруг еврейской проблемы в Советском Союзе носил в условиях обострения «холодной войны» не столько гуманитарно-культурный, сколько пропагандистский, заведомо антисоветский характер, особенно если иметь в виду американский политический истеблишмент.

Отбиваясь от упреков канадских коммунистов, советский лидер выдвинул и такой аргумент: «Даллесеу и К° XX съезд КПСС очень многое напортил. Если раньше кричали о том, что мы хотим войны, что мы агрессоры и т.п., то теперь все эти козыри выбиты у них из рук, и им ничего не остается, как подымать шумиху по т.н. еврейскому вопросу».

Правда, обосновывая это в общем-то правильное, но с налетом демагогии видение проблемы, Хрущёв, как всегда, «перегнул палку», вспомнив о том, как в 1944 году «из Крыма выселили татар» и «некоторые евреи начали развивать идею... чтобы создать в Крыму еврейское государство». И хотя, как известно, дальше соответствующего предложения, направленного Сталину Михоэлсом и другими руководителями ЕАК, дело так и не пошло, Хрущёв ударился в гипотетические рассуждения о том, что «это был бы американский плацдарм на юге нашей страны». Он даже подчеркнул, что такова была трактовка Сталина, с которой он «полностью соглашался»⁵⁶¹. При этом его не остановило то, что такая солидарность с покойным вождем могла быть воспринята западными коммунистами как косвенное одобрение недавней жестокой расправы над деятелями еврейской культуры.

Осознав, что Хрущёв, скорей, противник, чем сторонник идеи еврейского культурного возрождения в СССР, Солсберг вместе

---

⁵⁶⁰ Там же. С. 98.

⁵⁶¹ Там же. С. 99.

с членами возглавлявшегося им ЕОНО вышел вскоре из РППК. Произошло это в декабре 1956 года, когда под воздействием кровавых событий в Венгрии многие просоветски настроенные еврейские интеллектуалы на Западе стали рвать свои многолетние связи с СССР. Причем не в последнюю очередь и из-за того, что советское руководство в своей имперской политике в Восточной Европе, резко переориентировавшись, сделало ставку на местных национал-коммунистов, отказав в поддержке политикам из числа евреев, чье влияние было особенно велико в сталинский период в таких странах, как Польша и Венгрия.

«Измена» Говарда Фаста

Имевшие глобальный резонанс трагические события в Венгрии повергли в смятение многих приверженцев Советского Союза в мире, в том числе и американского писателя-коммуниста Говарда Фаста (1914–2003). В конце 1956 года для него настала пора мучительной ревизии предшествовавшей жизни, начало которой совпало с невиданной ранее глобальной гуманитарной катастрофой – Первой мировой войной, знаменовавшей собой по сути историческую презентацию XX столетия.

Будущий писатель Говард Мелвин Фаст (Howard Melvin Fast) родился в Нью-Йорке, на Манхэттене, в семье бедного еврейского рабочего – выходца из России. Его отец, Б. Фастовский, в конце XIX века переехал вместе с семьей в США из городка Фастов под Киевом. Прибыв на новое место, он совсем еще мальчишкой пошел работать на фабрику, но так и не смог выбиться из нужды. Мать Говарда, И. Миллер, происходила из Великобритании. Она умерла в 1923 году, будучи еще молодой. Все это заставило юного Говарда очень рано, в неполных десять лет, вступить во взрослую жизнь и начать зарабатывать себе на кусок хлеба. Ему, от природы крепкому и смышленому, удалось освоить множество профессий, в том числе разносчика газет, рабочего на табачной и на шляпной фабриках, подручного в мясной лавке, гладильщика в одежной мастерской. Однако он стремился к большему. Несмотря на загруженность тяжелым физическим трудом, Говард тянулся к знаниям, проводя все свободное время в библиотеках. Уже в семнадцать лет он осуществил печатную пробу пера, опубликовав в 1932 году сразу два дебютных произведения: научно-фантастический рассказ «Ярость пурпура» и роман «Две долины». Вступив тогда же в писательский клуб Джона Рида, молодой литератор окончательно сформировался как левый интеллектуал, в сознании которого

романтическое чувственное видение мира прочно соединилось с идеей борьбы с классовым, расовым и национальным неравенством. Однако не чужда ему была и патриотическая тематика, которая стала производной от романтической ипостаси его творчества. В годы Второй мировой войны, когда потребность общества в такой литературе была чрезвычайно высокой, Фаст, подвизаясь в армии (служил в Офисе военной информации – своего рода «протоЦРУ», а также военным корреспондентом на радио «Голос Америки»), издал в этом жанре несколько романов.

Изначально присущие Фасту умеренно либеральные убеждения, стремительно радикализируясь в годы войны, претерпели существенную метаморфозу. В 1944 году он вступил в Коммунистическую партию США. С этого момента в его произведениях стали явственно ощущаться просоветские симпатии и преклонение перед большевистским экспериментом в России. В СССР, конечно, заметили появление в «цитадели мирового империализма» нового своего идейного приверженца, сотрудничество с которым сулило Кремлю сильные пропагандистские козыри. Книги «прогрессивного» американского писателя, бичевавшие «бездушный и жестокий мир капиталистического чистогана», стали переводиться на русский язык и издаваться массовыми тиражами. Вплоть до середины 1950-х гг. Фаст оставался чуть ли не наиболее публикуемым иностранным автором в Советском Союзе. Впрочем, даже такое безусловное признание Кремлем литературного творчества этого автора не спасало его произведения от цензурных рогаток, например исторический роман «Мои прославленные братья» (о Маккавейских войнах за независимость Иудеи в середине II в. до н.э.). Уже включенный в издательский план «Главлитиздата» на 1949 год, он в ходе кампании борьбы с космополитизмом и еврейским национализмом был квалифицирован как «ультранационалистический». Его запретили, а типографский набор текста рассыпали. На русском языке эта книга вышла только в 1980-е гг. в израильской серии «Библиотека Алии»⁵⁶².

Так усиление сталинского антисемитизма заронило в советских партийно-идеологических сферах семена недоверия к левому американскому литератору. Эта прогрессирующая антипатия проявлялась подчас в самой примитивной форме. Когда 15 января 1953 г. К.М. Симонов напечатал в редактируемой им «Литературной газете» статью Фаста «Народ жаждет мира», направленную, в общем-то, на благое для советского режима дело

---

⁵⁶² Дорфман М. Памяти Говарда Фаста // Международная еврейская газета. 2003. № 13. С. 3; РГАНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 390. Л. 22.

(нейтрализацию резко негативной реакции Запада на вышедшее двумя днями ранее заявление ТАСС о разоблачении «заговора кремлевских врачей-убийц»), агитпроповцы со Старой площади усмотрели в ней крамолу. По этому случаю заведующий отделом художественной литературы и искусства ЦК КПСС Кружков и его заместитель В.И. Иванов направили 21 января секретарю ЦК по идеологии Н.А. Михайлову записку. В ней они распекили Симонова за то, что тот на «самом видном месте и под крупным заголовком» поместил текст автора, допустившего «в своем творчестве серьезные ошибки буржуазно-националистического, сионистского характера»⁵⁶³.

Однако еще хуже складывались тогда отношения Фаста с американскими властями. В апреле 1950 года его вызвали на заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и за отказ назвать имена «сообщников» обвинили в «неуважении к Конгрессу США» и отправили на три месяца за решетку. Имя писателя занесли на родине в черные списки издательств, которые перестали публиковать его рукописи.

С приходом на смену Сталину нового руководства отношение в СССР к американскому «прогрессивному» литератору заметно улучшилось, особенно после XX съезда КПСС. Однако его не могло не насторожить то обстоятельство, что в прогремевшем на весь мир выступлении на этом съезде Хрущёва тот, обличая в преступлениях прежнего советского кумира, предпочел обойти молчанием его антисемитские акции конца 1940-х – начала 1950-х гг. Такой селективностью в разоблачении сталинских преступлений были обескуражены и руководители КП США Ю. Деннис и У. Фостер, которые потребовали от Москвы конкретных объяснений. На этом демарше, предпринятом посредством газеты «Дейли уоркер», как раз настояли Говард Фаст и солидарные с ним коммунисты-евреи. В КП США они представляли в основном влиятельную нью-йоркскую парторганизацию, включавшую в себя почти две пятых всех членов партии. Главным редактором «Дейли уоркер» был друг Фаста Джон Гейтс (1913–1992), чрезвычайно авторитетный деятель американской компартии. Сын польского еврея, он в середине 1930-х гг. воевал на стороне республиканцев в Испании, а во время Второй мировой войны – в парашютных частях США. В 1951-м его за «антиамериканскую деятельность» упрятали на четыре с половиной года за решетку. Весной 1956 года Гейтс вместе со своим заместителем по редакции «Дейли Уоркер» Максом Аланом, а также Фастом настаивал даже на публикации

⁵⁶³ РГАНИ. Ф. 7. Оп. 133. Д. 390. Л. 22.

открытого письма к Булганину с требованием начать широкое обсуждение еврейской проблемы в СССР. Однако руководство КП США, заверившее, что вскоре само поставит данный вопрос перед Кремлем, смогло отговорить их от этой затеи⁵⁶⁴.

Отношения между КПСС и КП США еще более накалилась в июне 1956 года после госдеповской публикации «секретного доклада» Хрущёва, которая вызвала настоящий переполох в стане американских коммунистов. Они ясно осознали, что та полуправда, на которую пошел Кремль в разоблачении сталинизма, выглядит в США не только не убедительной, но и нелепой и потому дискредитирует их как союзников Москвы. Пытаясь добиться от своих советских патронов большей откровенности в этом вопросе и тем самым усилить собственную позицию в противоборстве с официальной американской пропагандой, генсек КП США Деннис направил в Москву свою статью, опубликованную в «Дейли уоркер». В ней содержался призыв к полной гласности в обсуждении прошлого и настоящего советских евреев. Однако при перепечатке в «Правде» это принципиальное пожелание было изъято из текста⁵⁶⁵. Восприняв такую цензурную манипуляцию как моральную пощечину, Фаст и его единомышленники в руководстве компартии США впервые всерьез задумались о возможном выходе из ее рядов. Угнетающе на американских коммунистов еврейского происхождения подействовала и опубликованная 9 июля в «Нью-Йорк таймс» статья влиятельного журналиста Сайруса Сульцбергера, который утверждал, что Хрущёв, еще будучи руководителем Украины, зарекомендовал себя яростным гонителем еврейской культуры, а в настоящее время возглавляет вместе с Суловым «антисемитскую группу» в Президиуме ЦК КПСС и насаждает «расовые предрассудки» в Польше и других странах советского блока⁵⁶⁶.

Венгерские события ноября 1956 года, видимо, окончательно укрепили американского писателя в этом намерении. Однако

---

⁵⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 438. Л. 73–77, 126.

⁵⁶⁵ Статья Денниса в «Правде» (Юджин Деннис о значении XX съезда КПСС // Правда. 1956. 27 июня) была снабжена двусмысленным и мелко-травчатым редакционным комментарием о том, что «говоря о докладе Н.С. Хрущёва, Ю. Деннис имеет в виду текст, опубликованный Госдепартаментом». При этом аутентичность госдеповского текста ничем конкретным не опровергалась. В другой сноске, пояснявшей упоминание Деннисом «ареста еврейских врачей», уточнялось, что среди арестованных врачей были не только евреи, но также русские и украинцы (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 39. Л. 22–23).

⁵⁶⁶ Архив ЕТА (<http://archive.jta.org/article/1956/07/10/3048085/khrushchev-charged-with-stimulating-antisemitism-in-soviet-countries>).

о своем разрыве с компартией он объявил почему-то не сразу, а спустя несколько месяцев после этих событий, причем с максимальной помпой. С с его явной подачи 1 февраля 1957 г. на первой полосе «Нью-Йорк таймс» появилась статья журналиста Г. Шварца под сенсационным заголовком «Красные отказались от Говарда Фаста», в которой, собственно, об этом и сообщалось. Правда, потом, как бы оправдываясь за этот политический демарш, Фаст поместил в «Дейли уоркер» заявление (было озвучено 14 марта радиостанцией «Свободная Европа») о том, что, покинув компартию, он остался на позициях социализма и не приемлет только его советское воплощение, считая его недемократическим и негуманным⁵⁶⁷.

25 марта Фаст направил руководителю Иностранной комиссии ССП Полевою письмо, в котором вопрошал:

– Почему в СССР при Сталине осуществлялся антисемитизм под личиной борьбы с космополитизмом?

– Почему Полевой, а также его заместитель по комиссии Б.Р. Изаков (1903–1988) не выступили в печати в поддержку романа Дудинцева «Не хлебом единым»?

– Зачем Полевой, приехав летом 1955 года в Нью-Йорк и зайдя в гости к Фасту, лгал, что Л.М. Квитко жив и что они часто встречаются, будучи соседями?

Иронизируя над неуклюжей попыткой советского руководства переложить ответственность за недавние антиеврейские акции в СССР на «банду Берия», Фаст провоцирующе предположил: «Берия восстал против Сталина, выступил против безумств Сталина и был убит Хрущёвым и другими потому, что располагал фактами их преступлений». И следом спрашивал: «Почему это не опровергнуто?.. Где судебные отчеты по делу Берия?»

Американский писатель требовал: «Скажите, что антисемитизма больше нет, что он изжит». Затрагивая другие политически острые вопросы, Фаст не без пропагандистского пафоса предлагал советским руководителям объявить об отмене смертной казни, об одностороннем отказе от испытаний ядерного оружия, а также прекратить травлю Дудинцева за роман «Не хлебом единым»⁵⁶⁸.

Столь резкое по тону послание несомненно ошеломило, напугало и обескуражило Полевого. Сначала тот хотел, прервав немедленно и без объяснений переписку с Фастом, разорвать с ним все связи, приобретшие вдруг обостренную и небезопасную политизированность. Однако в ЦК, где письмом занялись секретари

⁵⁶⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 37. Л. 12–13.

⁵⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 39. Л. 20–23.

ЦК Суслов, Шепилов и заведующий международным отделом ЦК Пономарев, сочли, что пока рано делать столь резкие шаги. С учетом того, что за более чем десятилетнее пропагандистское сотрудничество с американским писателем на того было затрачено немало средств (об этом ниже), на Старой площади решили продолжить с ним переписку, дабы по возможности «образумить». Для этого в качестве консультанта к Полевому был приставлен Ю.А. Жуков – опытный журналист из «Правды» и к тому же кандидат в члены ЦК КПСС.

Детально проанализировав послание Фаста, Жуков дал Полевому рекомендации по подготовке ответа, которые, несмотря на демагогическую изоциренность предложенной им контраргументации, выглядели малоубедительными. Полностью отрицая существование при Сталине государственного антисемитизма в стране, Жуков пытался оправдать диктатора, припомнив его застарелый и заезженный советской пропагандой ответ западному информационному агентству в 1931 году с осуждением антисемитизма как пережитка каннибализма⁵⁶⁹. К тому же, касаясь кровавых расправ над деятелями еврейской культуры в 1948–1952 гг., журналист не нашел ничего лучшего, как вновь «перевести стрелку» на «банду Берия», которая, по его словам, «истребляла не только евреев, но и крупнейших деятелей всех национальностей», судьбы которых, как при этом ехидно добавлялось, Фаста «не трогают»⁵⁷⁰.

И хотя Жуков решительно настаивал на том, чтобы погрязшему в «американской дostoевщине» Фасту ответ подготовил непременно Полевой, тот, ссылаясь на свою политическую некомпетентность, предлагал поручить это какому-нибудь специалисту из ЦК⁵⁷¹. Тем не менее, его возражения были отвергнуты, и ему пришлось засесть за работу. 17 мая Полевой направил на Старую площадь черновик ответа. Послание получилось довольно пространным, исполненным фальшиво дружеских увещаний, из которых явственно торчали уши лозунговой ходульности. Уже не заботясь о соблюдении элементарного правдоподобия, Полевой (по совету Жукова) педантировал тезис об исключительной ответственности Берии за антисемитизм в стране, утверждая, что тот «коварно» его нагнетал, дабы скомпрометировать СССР перед всем миром. Причем, обвиняя Берию в том, что тот со своей «бандой» «состряпал» «дело врачей» и тут же утверждая, что следственные органы быстро после смерти Сталина освободили и реабилитировали оклеветанных врачей, Полевой неловко замалчивал то

⁵⁶⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 28.

⁵⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 39. Л. 25–28.

⁵⁷¹ Там же. Л. 26–27.

«неудобное» обстоятельство, что, вызволяя врачей, органы госбезопасности действовали под руководством того же Берии.

Самоуверенно полагая, что отнюдь не простодушный Фаст не заметит столь явного противоречия и примитивной манипуляции фактами, Полевой, оседлав козла отпущения в образе вездесущего Берии, клеймил этого «выродка» и «Ирода наших дней» еще и за то, что тот «вырвал из наших рядов наших товарищей Пфедера (И.С. Фефера. – Г.К.) и Квитко». Полевой заверял, что те пострадали не от официального антисемитизма, а от злой воли Берии, который наряду с ними уничтожил и много представителей других национальностей, «русских – больше всего».

Реагируя на упрек Фаста по поводу дезинформации относительно судьбы Квитко, Полевой, разумеется, не покается в том, что, быть может, вынужденно отрицал насильственную смерть поэта. Более того, в своем ответе он прибег к новому, еще более нелепому обману. Возмущившись тем, что Фаст-де его оговаривает, этот руководитель ССП утверждал, что он не мог ему сказать о том, что в 1955 году, накануне отъезда в Нью-Йорк, встречался с соседствовавшим с ним Квитко, поскольку «всем известно», что тот – «киевлянин и никогда не жил в Москве». Облыжно представляя Квитко не москвичом, Полевой теперь доказывал, что говорил Фасту о покойном литераторе совершенно иное: «Я сказал вам лишь, что я хвалил его (Квитко. – Г.К.) детские стихи на съезде писателей...»

Выкручиваясь далее, Полевой уверял, что двумя годами ранее поведал Фасту вовсе не о встрече с Квитко, а с «известным еврейским поэтом» Самуилом Галкиным: «...я виделся с ним (с Галкиным. – Г.К.), и он действительно живет недалеко (его адрес: Москва 1-19, улица Фурманова, дом 3/5, кв. 43), в чем вы можете убедиться, написав ему письмо по этому адресу»⁵⁷².

Однако и эта версия оказалась шитой белыми нитками. Ведь по злой иронии судьбы Галкин вплоть до декабря 1955 года находился в одном из отдаленных исправительно-трудовых лагерей. Так что Полевой перед отбытием летом того года в Америку никак не мог с ним «видеться». Но попытайся Фаст проверить эту «дезу» и обратиться он в 1957-м к Галкину, тот – наверняка проинструментированный на подобный случай властями, – разумеется, подтвердил бы слова Полевого.

Видимо, довольный таким задним числом придуманным алиби, Полевой позволил себе со снисходительной укоризной попенять Фасту: «Эх, Говард!.. Подумайте... разве от человека, которого считаешь другом, легко так вот бездоказательно принять

⁵⁷² Там же. Л. 35–36.

в письме обвинения во лжи?.. Хорошо ли это, старик? Спросите у вашей милой, спокойной Бетти⁵⁷³, которую я всегда называл вашей боевой подругой. Ей-богу, она подтвердит, что это нехорошо»⁵⁷⁴.

Несмотря на то, что Полевой приложил немало усилий, чтобы текст ответного послания Фасту понравился в ЦК, Шепилов и Суслов еще несколько раз заставляли его переделывать написанное. Последний вариант ответа Полевой направил в ЦК 27 июня 1957 г., уверяя тамошних начальников, что, следуя их совету, «заставил себя как можно спокойней и аргументированней ответить на его (Фаста. – Г.К.) инсинуации, почерпнутые из выгребных ям разных “голосов”».

Вместе с тем, писатель счел необходимым предупредить ЦК, что, вступив в полемику с «взбесившимся мелким буржуа» Фастом, можно легко «подставиться под удар» «на одном совершенно незащищенном у нас направлении – положении еврейской культуры, которая продолжает оставаться у нас ахиллесовой пятой»⁵⁷⁵. Данное замечание писателя было, наверное, единственным проявлением здравого смысла в его письменной реакции на демарш Говарда Фаста.

Внял ли этому резонному предостережению или поняв, что игра с Фастом проиграна и тот окончательно потерян для советской пропаганды, в ЦК вскоре «признали целесообразным» не отвечать американскому писателю, и многожды редактированное послание Полевого было отправлено в архив. Развивая это решение, Пономарев 14 августа 1957 г. внес в Секретариат ЦК предложение развернуть в СМИ кампанию по «разоблачению предательской деятельности Фаста», задействовав для этого и руководство ССП.

В результате американскому писателю была объявлена пропагандистская война. 30 января 1958 г. «Литературная газета» опубликовала против него зубодробительную статью Грибачёва⁵⁷⁶ –

---

⁵⁷³ Бетти Коэн (Bette Cohen) – скульптор, жена Г. Фаста.

⁵⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 39. Л. 31–38.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 29–30.

⁵⁷⁶ Объективности ради следует отметить, что поэт-фронтовик Николай Грибачёв, несмотря на обласканность властью (удостаивался Сталинских и Ленинской премий, имел звание Героя Социалистического Труда и пр.), отнюдь не всегда и не во всем был ее послушным пропагандистским орудием. Например, после смещения Хрущёва взял на работу в редакцию его опального зятя А.И. Аджубея, позже демонстративно выступил против присуждения Л.И. Брежневу Ленинской премии за «Малую землю». По отзывам работавших в «Советском Союзе» (издавался с 1950 года вместо иллюстрированного издания «СССР на стройке») евреев, благодаря «главному» «национального вопроса» в редакции не существовало (*Биккенин Н.Б.* Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М., 2003).

главного редактора предназначавшегося для заграницы журнала «Советский Союз», а в недавнем прошлом – активного борца с «безродным космополитизмом». Впрочем, свою лепту в дискредитацию Фаста внес и упоминавшийся недавний «космополит» Изаков (в 1949 году был уволен из редакции «Правды»). В февральском за 1958 год номере «Иностранной литературы» он «пригвоздил к позорному столбу» этого лично знакомого ему «ренегата»⁵⁷⁷.

На этом, собственно, и завершилась примечательная история об идейном разводе Говарда Фаста с коммунистическим Советским Союзом. Подводя ей итог, резонно задаться вопросом, а были ли Фаст в своем запоздалом развенчании сталинизма до конца искренним и руководствовался ли он при этом исключительно идейными соображениями? К сожалению, анализ известных ныне фактов не позволяет однозначно ответить на этот вопрос.

Настораживает уже одно то, что, обращаясь в марте 1957 года к Полевому, Фаст писал: «Возможно, глупо, что я не знал об этом терроре (сталинском. – Г.К.) раньше, но я действительно о нем ничего не знал»⁵⁷⁸.

В подобное наивное неведение никогда «не витавшего в эмпиреях» Фаста трудно поверить. Вряд ли он не читал, скажем, вышедший в свет еще в 1940 году и широко известный на Западе роман Артура Кёстлера «Слепящая тьма», в котором ярко и убедительно обличался сталинский политический террор. Когда в мае 1949 года в Париже проходил спонсированный СССР Всемирный конгресс сторонников мира, Фаст, уже зная тогда об арестах советских еврейских писателей, приставал с расспросами к Фадееву, который потом жаловался Эренбургу: «А меня замутил Фаст – хотел, чтобы я ему все объяснил...»⁵⁷⁹.

---

⁵⁷⁷ Изаков Б.Р. Две исповеди Говарда Фаста // Иностранная литература. 1958. № 2. С. 214–220. РГНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 39. Л. 39–41.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 23.

⁵⁷⁹ Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 245. На случай подобных обращений к Фадееву со стороны западных левых специалистами с Лубянки и Старой площади была подготовлена для него следующая легенда, призванная оправдать внезапное исчезновение советских еврейских писателей. Якобы во время визита в 1943 году в США Михоэлса и Фефера последний был завербован американскими спецслужбами. Возвратившись в СССР, Фефер смог заманить в свои «шпионские сети» почти всех остальных членов ЕАК. И когда это открылось Михоэлсу, и тот попытался разоблачить предательство своего ближайшего помощника, тот, заманив в январе 1948 года артиста в Минск, подстроил смертельный наезд на него грузовика. Именно это, как утверждал потом Фаст, и поведал ему в Париже Фадеев. (Эстрайх Г. Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика // Русское еврейство в зарубежье. Т. 20: Русские евреи в Америке. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. – Иерусалим–Торонто–СПб., 2010. С. 58–59.)

Возможно, тогда Фадееву удалось задобрить назойливого американца посредством наличных. Ведь генсеку ССП для таких случаев выделялась на Старой площади валюта. Скажем, перед отъездом Фадеева в 1951 году в США Политбюро ЦК ВКП(б) приняло 22 февраля специальное постановление о выдаче ему «на специальные нужды» 20 тыс. долларов⁵⁸⁰. А 8 марта 1952 г. тем же образом было оформлено решение «о выплате гонорара американскому писателю Говарду Фасту за вышедшие на русском языке роман «Дорога свободы» и книгу «Пикскилл, США» в сумме 15 218 рублей в долларах США»⁵⁸¹.

Более чем закономерным выглядит получение Фастом в начале 1953 года международной Сталинской премии «За укрепление мира и дружбы между народами». Произошло это в разгар печально знаменитого «дела врачей», об антисемитской направленности которого тот не мог не знать хотя бы уже в силу того, что в США оно вызвало массовые протесты общественности. Очень неубедительным выглядит позднее лукавое оправдание Фаста: денежный эквивалент данной премии в размере 25 тыс. долларов он, дескать, принял не из рук советских руководителей, а от Луи Арагона. Правда, Фаст предусмотрительно не уточнил, что в тех обстоятельствах Арагон выступал не как частное лицо, а как руководитель созданного Сталиным Всемирного совета мира. На полученные деньги Фаст основал тогда собственное издательство «The Blue Heron Press», которое занялось выпуском его отвергнутого другими издательствами романа «Спартак».

В 1954 году Гослитиздат напечатал «Сборник рассказов американских писателей». В предисловии к нему упоминалась статья Фаста «Литература и действительность», в которой тот определил в качестве главной задачи, стоявшей перед прогрессивными американскими писателями, создание образа положительного героя-коммуниста. Эта фраза так покорила гениального музыканта и наивного политика Д.Д. Шостаковича, что он чрезвычайно высоко оценил это издание⁵⁸².

И в дальнейшем Фаст неоднократно подпытывался в финансовом отношении из Советского Союза. Он так вошел во вкус от щедрот, изливавшихся на него из Москвы, что, получая в ноябре 1956 года (сразу после трагических событий в Венгрии!) очередной гонорар в советском посольстве, заявил, что если бы он жил в СССР, то у него уже были бы на текущем счету два миллиона.

---

⁵⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 45. Л. 129.

⁵⁸¹ Там же. Оп. 3. Д. 1093. Л. 10.

⁵⁸² Письмо Д.Д. Шостаковича – И.Д. Гликману от 12 сентября 1958 // Литературные новости. 1994. Апрель-май. № 9–10. С. 15.

Конкретно советские дипломаты передали в тот раз Фасту 600 тыс. долларов – плату за издание в СССР 300-тысячным тиражом русской версии «Спартака»⁵⁸³. Это был самый большой куш, сорванный им в политической игре в «русскую рулетку». Правда, сам он вопреки очевидным фактам отрицал получение этих денег (как, впрочем, и вообще гонораров от советских издательств). Однако это опровергается секретным донесением в ЦК Изакова, присутствовавшего в тот момент в посольстве и потом описавшего его в донесении Суслову⁵⁸⁴.

Но самое главное заключалось в том, что о выходе из компартии Фаст решил объявить, как упоминалось, только в феврале 1957 года. Очевидно, к тому времени он полностью получил все деньги, причитающиеся ему по советским контрактам, и конфликт с Москвой уже не грозил ему материальными потерями. Притом что коммерческие дела писателя в родном отечестве пошли в гору: после шести лет официальных гонений и «запрета на профессию» у него появился тогда крупный коммерческий издатель. Об этом в апреле 1957 года сообщил Полевому известный американский писатель и сценарист Альберт Мальц (1908–1985), так же, как и Фаст, пострадавший от преследований сенатской комиссии Д.Р. Маккарти: был включен в «голливудский черный список» и вынужден был бежать в Мексику. Близко знакомый с Фастом, он нарисовал следующий его психологический портрет: «...Он один из самых сложных людей, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться... Он ни в коей мере не является цельным человеком, скроенным из одного куска... он всегда оставался существом, терзаемым различными стремлениями и желаниями, которые никогда не находили удовлетворения и разрешения... В последние шесть лет, со времени его тюремного заключения, он страшно страдал ужасными головными болями, которые врачи не могли ни облегчить, ни объяснить... я никогда не мог предсказать, как он поведет себя в той или иной ситуации... не могу сделать этого и сейчас»⁵⁸⁵.

В том же 1957 году в США с шумным рекламным сопровождением был издан антисоветский автобиографический роман Фаста «Голый бог: писатель и коммунистическая партия» («The Naked God»), живописавший его глубокое разочарование в советском коммунизме и знаменовавший собой полный разрыв с СССР. После чего, как на дрожжах, стали расти показатели продаж

⁵⁸³ Коваль Л. «Говард Фаст – псаломщик ревизионизма» // Заметки по еврейской истории. 2004. Сентябрь. № 46 (www.berkovich-zametki.com).

⁵⁸⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 18. Л. 96–98.

⁵⁸⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 39. Л. 24.

«Спартак», который в общей сложности разошелся в количестве полутора миллионов экземпляров. Немалые средства писатель получил и за продажу авторских прав на роман Голливуду, где в 1960 году его очень успешно экранизировал (фильм получил четыре премии «Оскар») талантливый режиссер Стэнли Кубрик (1928–1999) и продюсировал не менее талантливый актер Кирк Дуглас (р. 1916; исполнил заглавную роль). Оба родились в еврейских семьях, происходивших из Центральной и Восточной Европы.

Если судить по коммерческому успеху, который с тех пор стал сопутствовать Фасту, тот не прогадал оттого, что, хоть и с некоторым запозданием, отказался от спонсорской подпитки из Москвы, чрезвычайно вредившей его репутации. В беспомощных и межеумочных антисталинистских метаниях хрущёвского режима «прогрессивный» американский писатель чутко уловил начало конца большевистской империи и благоразумно отказался от еекровительства. Впрочем, видеть в этом судьбоносном для Фаста решении только голый холодный расчет было бы чрезмерным упрощением ситуации. Наверняка его, как и всякого свободомыслящего интеллектуала, обуревали при этом и сильные эмоции, рожденные прежде всего инстинктивным протестом против грубого силового подавления советскими властями всяких проявлений вольнолюбия и политического протеста – как у себя в стране, так и в государствах Восточной Европы. Однако, несмотря на подобные душевные переживания, Фаст, думается, вряд ли находился в их полной власти. Скорей, не они повелевали им, а они ими, не позволяя себе ни на минуту усомниться в искренности собственных благородных чувств и демонстрируя при этом, подобно опытному актеру, тонкую и убедительную игру. Будучи своего рода политическим лицедеем, писатель до конца жизни продолжал пропагандировать свой антибуржуазный имидж левого интеллектуала и нон-конформиста. В 1980-х гг. он, по свидетельству бывшего сотрудника «Голоса Америки» Владимира Мартина (р. 1931), резко напал на администрацию президента Р. Рейгана, обвиняя ЦРУ и Пентагон в стремлении установить в США фашистский режим и ввергнуть человечество в новую мировую войну⁵⁸⁶. А в 1990 году в свет вышла автобиография Фаста с эпатажным заголовком «Быть красным»⁵⁸⁷.

---

⁵⁸⁶ *Матлин В.* Как я однажды не побеседовал с Говардом Фастом // Заметки по еврейской истории. 2008. Июль. № 7 (98) (www.berkovich-zametki.com).

⁵⁸⁷ *Фаст Г.* Быть красным / Пер. Н. Анастасьева // Дружба народов. 2001. № 10–11.

Показательно, что этот литератор, так много поработавший на свою репутацию радикала, фрондера и бунтаря, тихо отошел в мир иной на восемьдесят девятом году жизни в собственном доме в городе Олд-Гринвич (штат Коннектикут) в обстановке почтенной благопристойности. Произошло это 12 марта 2003 г. Историкам и исследователям жизни и творчества Говарда Фаста предстоит еще немало потрудиться, чтобы сквозь наслоения сотворенного им для себя романтического имиджа независимого левого интеллектуала разглядеть истинное лицо этого сложного и противоречивого человека. Вместе с тем уже сейчас со всей определенностью можно сказать, что разрыв Фаста с СССР не был случайностью, спровоцированной только личными интересами и индивидуальными особенностями психики американского писателя. По-преимуществу это было объективно закономерное событие, символизирувавшее собой вступление в активную фазу процесса размежевания между советским коммунизмом и западной либеральной интеллигенцией. Убедительное подтверждение тому зафиксировано в записи состоявшейся 13 сентября 1957 г. беседы посла СССР в Израиле Абрамова с директором восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Эшелем, который высказался тогда следующим образом: «Советский Союз пользовался большой симпатией в Израиле и среди евреев всего мира, особенно среди евреев США. Евреи сыграли большую роль в установлении дипотношений между США и СССР, в создании антигитлеровской коалиции. Теперь Советский Союз теряет друзей как здесь, в Израиле, так и в западных странах. Выход Говарда Фаста – еврея по национальности – из американской компартии из-за несогласия с позицией СССР по еврейскому вопросу не является единичным фактом. С этим нельзя не считаться»⁵⁸⁸.

* * *

Сколь упорная, столь неумная и недалёковидная политика хрущёвского руководства по негласному замалчиванию возникшей в годы сталинского правления еврейской проблемы обернулась тем, что она, став очень скоро секретом Полишинеля, превратилась в вечно саднящую и незаживающую язву на теле коммунистической империи. Этот хронический недуг, действуя в совокупности с другими поразившими Советский Союз социально-политическими хворями, медленно, но верно подтачивал его жизненные силы и в итоге привел к его развалу и гибели. Не сумев разрубить системную пуповину, связывавшую его режим со ста-

⁵⁸⁸ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 10. П. 23. Д. 3. Л. 105–111.

линизмом, Хрущёв старался всячески замаскировать еврейскую проблему, полученную им в наследство от Сталина. Этим он не только лишил себя поддержки либеральной интеллигенции внутри страны, но настроил против СССР западных левых, в том числе и социально влиятельных деятелей еврейского происхождения, которые ранее неизменно поддерживали советское государство и создавали ему за рубежом привлекательный имидж.

Отстаивая свою недальновидную и лишённую гибкости «еврейскую политику» с энергией, достойной лучшего применения, Хрущёв невольно «подставился» в «холодном» противостоянии с США и Израилем, которые потом несколько десятилетий наносили безответные болезненные удары по Советскому Союзу.

Глава VI

**ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ
СССР:**

борьба за советских евреев

Всемирный молодежный фестиваль в Москве

Синайская кампания и военно-политическая роль, сыгранная в ней Израилем, породили в советском еврействе противоречивые чувства. Либерально-космополитически мыслящие интеллектуалы в массе своей негативно оценили эту роль, особенно критически относясь к тому факту, что Израиль, чья государственность родилась в горниле антиколониальной борьбы, всего лишь через несколько лет после ее обретения вступил в прагматический альянс с Великобританией и Францией, стремившимися всеми средствами продлить изжившее себя имперское владычество, том числе и на Ближнем Востоке.

В начале ноября 1956 года в КГБ стало известно, что ведущий тогда физик-теоретик Л.Д. Ландау в разговоре со своим коллегой Н.Н. Мейманом (1911–2001) «резко осуждал англо-французскую агрессию в Египте и политику государства Израиль в этом вопросе». Конкретно Ландау заявил: «Насколько египтяне вызывают восхищение, настолько израильяне являются гнусными, подлыми холуями. Все мое сочувствие на стороне египтян полностью... Израильяне меня возмущают. Я, как безродный космополит, питаю к ним полнейшее отвращение...» Мейман как мог пытался парировать эти инвективы в адрес Израиля и урезонить Ландау, однако в ответ услышал резкую отповедь: «...Ты выступаешь в защиту империализма... Ты попал в ужасную компанию... Ты до такой степени ослеп от национализма⁵⁸⁹, что не понимаешь таких вещей... ты находишься в компании непорядочных людей, как тебя это не ужасает...»⁵⁹⁰.

Вместе с тем в СССР середины 1950-х гг. наряду с двумя идеологически диаметрально противоположными полюсами еврейской идентификации, олицетворявшимися, с одной стороны, национал-нигилистом Ландау, а с другой, стремительно «прогрессировавшим» сионистом Мейманом, существовала и промежу-

---

⁵⁸⁹ В 1970-х гг. Мейман стал активным участником еврейского эмиграционного движения.

⁵⁹⁰ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Д. 42.

точная ниша, заполненная подавляющим большинством советского еврейства, исповедовавшего алгоритм плавного советизированного обрусения (постепенного расставания с идишской культурой). Фактически оно оказалось между молотом плохо скрывавшегося недоброжелательства властей и наковальной бескомпромиссного этнонационализма, все более активно подпитывавшегося извне. Это привело к росту национального самосознания межеумочного еврейского большинства, что позволило ему психологически дозреть к началу 1970-х до судьбоносного выбора в пользу массовой эмиграции. Как ни парадоксально, но официальный антисемитизм («молот») способствовал такому результату никак не в меньшей мере, чем сионистская пропаганда («наковальня»), если даже не в большей.

Один из представителей этого ментально забродившего тогда «срединного» еврейского большинства – ленинградец С.Н. Нержинский – направил в августе 1956 года И. Эренбургу письмо, в котором так обозначил свою позицию по «национальному вопросу»: «К Израилю следует относиться как ко всякой иностранной капиталистической стране. Возможно, что это суждение чересчур прямолинейное... Но как бы то ни было, евреи, проживающие в других странах и живущие общественными интересами этих стран, не могут и не должны считать Израиль своим отечеством. Тем более становится противно смотреть на тех евреев, которые взирают на Израиль с каким-то некритическим, восхищенным чувством. Особенно это проявилось не так давно во время футбольного матча между сборными командами СССР и Израиля⁵⁹¹. Что творилось с некоторыми нашими евреями! Всякими путями – командировка, отпуск – они устремились в Москву, чтобы приветствовать на этом матче, посмотреть своими глазами на израильских спортсменов... Конечно, антисемитизм ужасен. Это позорное пятно на истории человечества. Но и еврейский национализм очень не-

---

⁵⁹¹ Речь идет о состоявшейся 11 июля 1956 г. в Москве отборочной встрече сборных команд СССР и Израиля по футболу за участие в XVI Олимпийских играх в Мельбурне. В этом матче со счетом 5:0 победила советская команда, которая также взяла верх в ответной игре, состоявшейся 31 июля в Тель-Авиве (счет 2:1). Некоторые израильские исследователи утверждают, что около половины из примерно 80 тысяч болельщиков, пришедших 11 июля 1956 г. на стадион «Динамо», были евреями. Три тысячи из них ради этого зрелища специально прибыли в столицу из провинции, в том числе из Ленинграда, Одессы, Кутаиси, Киева, Вильнюса. Чтобы попасть на стадион, они, приобретая билеты с рук, платили втридорога – по двести рублей, хотя номинальная их стоимость не превышала семи. Во время матча на одной из трибун был замечен самодельный приветственный баннер с надписью на иврите (*Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. P. 71*).

приятен, чтобы не сказать больше. ... [Ко] мне часто приходят мысли: почему в современной советской литературе слово «еврей» не употребляется. Избегают этого слова, словно считают его неприличным... Но почему же в современной послевоенной советской литературе почти ничего нет о евреях?.. Что, еврейского вопроса больше нет?.. Правда, после революции в нашей стране евреи трансформировались настолько, что больше не напоминают героев Шолом-Алейхема и персонажей из пресловутых еврейских анекдотов... Многие из них имеют русских жен и детей от смешанного брака. Но еврейский вопрос все же существует»⁵⁹².

Бесславный для Израиля финал синайской кампании несколько остудил энтузиазм, вспыхнувший было в душах националистически настроенных советских евреев⁵⁹³. Тем более что органы госбезопасности, осуществляя активную «профилактическую» подготовку к намеченному на лето 1957 года шестому Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве (первому масштабному международному мероприятию в советской столице за все годы послереволюционной изоляции страны от внешнего мира), провели в крупных городах «зачистку» от «антисоветских элементов», в том числе и сионистских.

В результате уже за несколько месяцев до открытия фестиваля страну захлестнула волна антисоционистских процессов. 31 мая 1957 г. в Челябинске осудили инженера тракторного завода С.Ф. Левина. В марте 1956 года он от имени «советских патриотов» направил в ЦК КПСС протест против «позорной и варварской системы глушения иностранных радиостанций», назвав ее «железным занавесом в эфире», созданным «кровавым Сталиным». Вскрылось также, что обвиняемый в апреле 1953 года вывесил в туалете заводоуправления анонимную листовку против «нового диктатора» Маленкова, который «для маскировки своих преступлений... раздувает шовинизм и антисемитизм». За все это Левина приговорили к пяти годам лишения свободы⁵⁹⁴.

23 июля в Киеве состоялся процесс над группой тайных сионистов, которые еще в 1955 году встречались «с представителем израильского посольства» (Леваном?), снабдившим их нелегальной литературой. Представшие перед судом обвиняемые –

---

⁵⁹² Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 370–376.

⁵⁹³ *Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration.* P. 83.

⁵⁹⁴ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 322. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневe. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. Отв. сост. О.В. Эдельман. – М.: Материк, 2005. С. 238, 239.

М.И. Дразнин, И.Я. Фридман, Г.Ш. Ременник и Б.Н. Вайсман – были пожилыми людьми. Лидер группы Барух Вайсман (1887–1966) был самым старшим по возрасту. Еще до революции он преподавал иврит в хедерах и ешиботах Бессарабии. Проживая в 1917–1919 гг. в Одессе, подружился с известными еврейскими литераторами и мыслителями Х.-Н. Бяликом и Ахад Га-Амом (У.И. Гинцбергом) (1856–1927). В 1920–1930-х гг. проявил себя горячим сторонником советской власти: публиковал в печати антирелигиозные статьи; несколько лет прожил в Биробиджане, где работал в газете «Биробиджанер штерн». Однако потом под воздействием антиеврейской политики Сталина возвратился к иудаизму, переродившись в тайного оппозиционера. С 1952 года Вайсман стал вести дневник на иврите, записи из которого с конца 1955 года стали переправляться агентами «Натив» в Израиль. Там они анонимно публиковались в газете «Давар» и транслировались по «Голосу Израиля», а наиболее интересные фрагменты из дневника вышли в свет отдельной книгой. Власти в СССР даже не догадывались о таком широком зарубежном пропагандистском использовании публицистики Вайсмана. Тем не менее, поскольку при обыске была обнаружена часть записей из дневника и экспертизой было установлено, что в них «автор откровенно выражает сионистские симпатии» и «враждебную позицию по отношению к политике КПСС и советского правительства», Вайсмана приговорили к пяти годам колонии. В 1960 году этот срок скостили, выпустив старого и больного человека на свободу⁵⁹⁵.

Поскольку власти СССР и прежде неоднократно сталкивались с проявлениями «повышенного внимания» Израиля к советскому еврейству, они не сомневались в том, что руководство этой страны постарается максимально использовать беспрецедентный интернациональный молодежный форум в Москве для стимуляции сионистских настроений в этом и других советских городах. Об этом же предупредил и советский посол в Тель-Авиве Абрамов. В обстоятельной аналитической записке, направленной министру иностранных дел Громыко (была получена 23 мая 1957 г.), он докладывал и рекомендовал: «Имеются сведения, что часть участников израильской делегации (на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. – Г.К.), которая будет состоять из 200 человек, будет представлять собой кадры подготовленных сионистских пропагандистов, которые будут вести подрывную работу как среди других делегаций – участников фестиваля, так и среди советской молодежи. В связи с изложенным считал бы необходимым:

---

⁵⁹⁵ КЕЭ. Т. 1. Кол. 599–600 (<http://www.eleven.co.il/article/10827>). 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 347.

...принять меры к тому, чтобы предупредить и парализовать сионистскую пропаганду на предстоящем фестивале демократической молодежи в Москве. Рекомендовать организаторам фестиваля отказаться признавать делегацию сионистской молодежи Израиля в качестве самостоятельной делегации и потребовать, чтобы представители Израиля выступали в составе единой делегации с единой программой и единым руководством, без деления на коммунистическую и сионистскую. Программу пребывания израильской делегации в Москве составить с таким расчетом, чтобы возможности пропагандистских выступлений ее участников перед советской молодежью и перед участниками других делегаций были сведены к минимуму»⁵⁹⁶.

Из этих предложений «кураторам» фестиваля на Лубянке удалось реализовать только то, которое касалось ограничения контактов израильских делегатов с советскими евреями, да и то далеко не в полной мере. Хотя Израиль формально и принял требование Москвы прислать единую национальную делегацию, однако фактически его проигнорировал. В итоге получилось так, что в ней (в делегации) автономно сосуществовали две группы по сто человек каждая. В одну из них вошли молодые члены левосионистских партий Мапай⁵⁹⁷ и Мапам, в том числе от последней – несколько арабов, в другую – представители Компартии Израиля, среди которых доля арабской молодежи была еще большей. Даже на открытии и закрытии московского фестиваля, который прошел с 28 июля по 11 августа 1957 г. и на который съехались почти 32 тысячи делегатов из 131 государства, израильские делегаты шествовали двумя отдельными колоннами, причем над колонной коммунистов наряду с национальными флагами Израиля реяли и красные знамена.

Тем не менее, руководить делегацией правительство Израиля поручило одному – Давиду Сореку (р. 1930). Происходил он из бессарабского городка Хотин. Выехав в 1946 году из СССР в Румынию, эмигрировал в Израиль, где уже в лагере репатриантов возглавил команду охранников, отражавших вылазки арабов. Потом был назначен ответственным за безопасность киббуцев в районе Негева. Его, хорошо знавшего русский язык, весной 1956 года вызвали в Тель-Авив, где один из руководителей Мосада И. Меллер предложил ему возглавить как всю израильскую делегацию на московском молодежном фестивале, так и специальную адми-

---

⁵⁹⁶ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 10. П. 23. Д. 1. Л. 24–36.

⁵⁹⁷ Мапай («Рабочая партия Израиля») – крупнейшая сионистская партия социал-демократической ориентации, основана в 1930 году на территории подмандатной Палестины, в 1968 году преобразована в Израильскую партию труда (партия Авода).

нистративно-оперативную группу в ее составе, состоявшую из десяти сотрудников спецслужб. Они отвечали за безопасность членов делегации, за налаживание контактов с советскими евреями и распространение среди них религиозно-пропагандистских материалов на русском языке (иудейский календарь, сборник еврейских песен, брошюра «Письмо из Израиля», номера журнала «Молодежь Израиля» и др.).

Все члены израильской делегации вместе начали свое морское путешествие в СССР на одном судне. Однако как только оно бросило якорь в одном из турецких средиземноморских портов, сионистская часть делегации, дабы расширить географию пропагандистского охвата восточноевропейского и советского еврейства, вышла на берег и пересела на поезд, следовавший в Советский Союз через Стамбул, Болгарию и Румынию. В СССР делегаты-сионисты въехали через заранее не согласованный пункт – пограничную станцию Унгены (Молдавия), да и к тому же за трое суток до официально установленной даты. Поэтому вагоны, в которых они следовали, были отцеплены от состава и отправлены в тупик. Только спустя три дня их вновь подцепили к поезду, который следовал до Одессы. Там «команда Сорека» воссоединилась с делегатами-коммунистами, только что прибывшими туда морем, и остававшееся до Москвы расстояние они преодолели вместе по железной дороге. По пути следования делегаты-сионисты пытались на всех крупных станциях различным образом общаться с советскими соплеменниками (краткие эмоциональные приветствия, беседы, раздача литературы, обмен сувенирами и т.п.), однако власти, блокируя вокзалы и сокращая стоянки поезда, всячески этому препятствовали. И только в Киеве, где была организована торжественная встреча посланцев Израиля, им удалось устроить импровизированный концерт с песнями и танцами⁵⁹⁸.

В советской столице израильтян разместили в студенческом общежитии Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Многие из молодых советских евреев – как москвичей, так и провинциалов, специально приехавших в столицу, – даже по ночам «дежурили» около этого вуза. Они терпеливо ожидали, когда израильтяне выйдут на улицу, и потом старались сопроводить их на фестивальные мероприятия. Со своей стороны, власти, дабы отсечь от делегатов этот «фанатский эскорт», шли на различные хитрости и уловки. По этой причине возникали, например, такие «сюрпризы»: выступление израильского ансамбля, которое по программе должно было пройти на сцене Драматиче-

---

⁵⁹⁸ Ринский М. Фестиваль-1957. Еврейские мотивы // Заметки по еврейской истории. Август 2007. № 13 (85) (www.berkovich-zametki.com).

ского театра им. А.С. Пушкина, вдруг без оповещения публики переносится из этого здания в центре Москвы в далеко отстоящий от него Центральный дом культуры железнодорожников на Комсомольской площади. И все же несмотря на такие ухищрения массового еврейского «братания» предотвратить не удалось. Это стало очевидным, когда делегаты-сионисты, придя на субботнюю молитву в свежевыкрашенную к фестивалю Московскую хоральную синагогу, были встречены более чем четырьмя тысячами советских евреев, специально собравшимися, чтобы поприветствовать и пообщаться с теми, кого они воспринимали как посланцев «страны золотых снов»⁵⁹⁹.

Сорека и всю вверенную ему делегацию опекал в Москве атташе по культуре израильского посольства Э. Хазан. Этот польский еврей, эмигрировавший еще в 1930-е гг. в Палестину из Белостока, чтобы сражаться в отрядах «Хаганы»⁶⁰⁰, являлся теперь сотрудником «Натива», работавшим в Советском Союзе под дипломатическим прикрытием. Он организовал для Сорека, находившегося в эпицентре внимания советских спецслужб, несколько встреч с тайными советскими сионистами. Последствия такой неосмотрительности не заставили себя долго ждать. Не прошло и месяца после окончания фестиваля, как сотрудники КГБ, собравшие за время его проведения достаточное количество обличительного материала против Хазана, арестовали его 7 сентября в Одессе, куда он прибыл с очередной пропагандистской миссией. После 26-часового допроса его объявили *persona non grata* и выслали из СССР⁶⁰¹. По поводу этого инцидента 22 сентября

⁵⁹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 25. Л. 38–39.

⁶⁰⁰ «Хагана» (ивр. «оборона») – еврейская подпольная боевая организация, созданная в подмандатной Палестине в 1920 году. В 1948-м была преобразована в армию обороны Израиля.

⁶⁰¹ Когда Элиагу Хазан прибыл вместе с женой Руфью в Одессу, у той случился острый приступ желудочно-кишечного заболевания и ее госпитализировали в местную больницу. Существует версия, что оперативники КГБ, «ведшие» Хазана, решили воспользоваться этим обстоятельством и провести его вербовку. Шантажируя израильского дипломата возможным детальным исходом лечения супруги, а также угрозой разоблачения его интимной связи с советской горничной, работавшей в московской резиденции израильских дипломатов, советские контрразведчики смогли склонить Хазана к сотрудничеству. Он сообщил им обо всех известных ему в СССР агентах «Натив», за что получил небольшую денежную сумму, а также инструкцию о дальнейших действиях. После того как жена Хазана поправилась, супруги благополучно возвратились в Москву. Однако терзаемый угрызениями совести Хазан спустя два дня сообщил о своем предательстве послу Й. Авидару, который немедленно отправил его в Израиль. Там после служебного расследования Хазан был с позором уволен из «Натив». (Прохоров Д.П. Спецслужбы Израиля. – СПб.–М.: «Нева»–ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 181–182.)

1957 г. в «Правде» появилась статья Давида Заславского, быстро осваивавшего тогда новую для него «специфику» советской антисионистской журналистики⁶⁰².

Таков был жесткий ответ Кремля на вызов, брошенный ему правительством Израиля, стремившимся по максимуму использовать Московский фестиваль, дабы заронить в советском еврействе семена сионизма, и надеявшимся на дружные их всходы в виде возрождения еврейской этнокультурной активности в СССР и на поледующие обильные плоды в виде «большой алии».

Активизация нелегальных еврейских кружков

И все же, несмотря на то, что эффектные пропагандистские акции, предпринятые Израилем во время фестиваля, безусловно способствовали популяризации этой страны среди еврейского населения СССР, стимулирующее влияние этого «внешнего» момента на начавшийся тогда рост национального самосознания советского еврейства было далеко не решающим. Главными катализаторами этого процесса являлись такие «общие» факторы социального-политического развития страны, как либерализация режима власти, а также снижение его репрессивности и ослабление изолированности страны от остального мира. Собственно, благодаря этому и стали возможными в 1957 году два знаменательных события, давших мощный толчок еврейской идентификации в СССР, – тот же Московский молодежный фестиваль и массовая «транзитная» (через Польшу и другие восточноевропейские страны) эмиграция евреев в Израиль. Усиление еврейского самосознания провоцировалось и продолжением политики официального антисемитизма, так до конца и не свернутой после Сталина, но, самое главное, оно подпитывалось все углублявшимся в обществе кризисом доверия к советской идейно-социальной парадигме.

Подобные макросистемные факторы подстегивали процесс еврейского возрождения в СССР куда сильнее, чем не имевшее массового охвата сионистское влияние извне или сохранявшиеся в стране разрозненные очажки религиозно-культурного традиционализма, «тлевшие» в отдельных еврейских семьях. Подобные этнокультурные «первичные ячейки» сохранялись, главным образом, в городах на западных территориях (особенно в Прибалтике), присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. Там еврейская

---

⁶⁰² Pinkus B. Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 248.

патриархальность меньше всего подверглась разрушительному воздействию советизации и ассимиляции. То же самое можно сказать и о семьях, включавших представителей старшего поколения, активно участвовавших в молодости в сионистском движении.

В лоне вот таких фамильных групп потомственных «стихийных сионистов», принадлежавших в основном к городской «рядовой» интеллигенции (мелкие и средние служащие, учителя школ, преподаватели вузов, врачи и т.п.), и стала возрождаться с середины 1950-х гг. еврейская этнонациональная активность. Именно из этого слоя, более уязвимого, в сравнении с немногочисленной номенклатурной еврейской элитой, в материально-бытовом отношении и в плане антисемитского воздействия, главным образом и начали рекрутироваться в СССР участники сионистского движения, сформировавшегося к середине 1960-х гг.

Наиболее типичный пример такой начальной семейно-кружковой «сионизации» советского еврейства являла собой драматическая судьба семьи Кустанович-Подольских⁶⁰³. Первую скрипку в ней играла мать семейства Дора Кустанович (1911–1980), родившаяся в местечке Хойники, неподалеку от белорусского Гомеля. Ее отец, Борух Кустанович, имел собственное дело (небольшую пекарню), но, не замыкаясь в кругу личных семейно-хозяйственных проблем, проявлял и социальную активность: принял живейшее участие в организации первой в тех краях еврейской начальной школы для девочек (хедер метукан). Возможно, именно благодаря тому, что он придавал большое значение еврейскому образованию, его дочь и избрала его как сферу своих профессиональных интересов. После школы Дора поступила в Гомельский еврейский педагогический техникум, закончив который в 1930 году, отправилась в Крым, где в начальной школе Джанкойской еврейской сельскохозяйственной коммуны (спонсировалась «Джойнтом») преподавала «чтение» и «письмо» на идише. Однако, поскольку началась коллективизация, коммуна вскоре развалилась, и она вынуждена была возвратиться в 1932 году на родину в Хойники. Там она уже работала одновременно в еврейской и польской школах, в которых преподавала соответственно идиш и немецкий язык. Решив через два года повысить свою квалификацию, Дора отправилась в столицу, поступив на еврейское отделение Московского государственного педагогического

---

⁶⁰³ Основу изложенной далее истории семьи Кустанович-Подольских составили фактические материалы, почерпнутые из документального очерка Л. Камень «Дора Борисовна Кустанович-Подольская и другие» (Альманах «Еврейская старина». № 3(66). Июль-сентябрь 2010 // <http://www.berkovich-zametki.com>).

института им. А.С. Бубнова. Освоив специальность «еврейский язык и литература», она в 1938 году получила «красный» диплом (с отличием) о высшем образовании. Однако, будучи принятой в аспирантуру по той же специализации, Дора, тем не менее, стала готовить диссертацию по русскому языку: уже осенью 1938 года в МГПИ было упразднено еврейское отделение на литературном факультете.

В институте Дора познакомилась со студентом биологического факультета Семеном Подольским (1906–1969), за которого вышла замуж в 1939 году. В 1940 году у них родился сын Борис (Барух; 1940–2011). После войны Семен, решив получить гуманитарную специальность, закончил в 1952 году исторический факультет МГУ и стал преподавать в средней школе. Пережив сталинский пароксизм антисемитизма, семья Кустанович-Подольских с надеждой восприняла демократические перемены, которыми затем повеяло в стране. Тем более что в 1956 году Борису удалось поступить в Институт восточных языков при МГУ. Будучи совсем юным, он значительно острее, чем родители, воспринимал антисемитизм, с открытыми проявлениями которого ему приходилось сталкиваться в повседневном быту, а с неявными – при соприкосновении с чиновной бюрократией. Находясь поэтому в поиске средств противостояния этому жизненному вызову, Борис однажды, в том же 1956-м, отнюдь, очевидно, не случайно зашел в Московскую хоральную синагогу. На молитве он познакомился с израильскими дипломатами, с которыми с тех пор стал встречаться регулярно. Подаренные ими молитвенники и календари Борис принес матери, которая одобрила эти контакты сына. Очень скоро она стала получать через него уже и израильскую нелегальную литературу, наподобие брошюры «Евреи-коммунисты о положении евреев в Советском Союзе», содержавшей остропублицистические статьи бывших североамериканских коммунистов Д. Солсберга, Г. Фаста (открытое письмо «Почему ты так нагло лгал, Борис Полевой?») и др.

Вкусив запретный плод неподцензурной западной печати, Дора вступила на тернистый путь самиздатского творчества. Для израильтян она подготовила в общей сложности 15 текстов в цикле «О положении евреев в Советском Союзе»⁶⁰⁴. В них содержались требования по возрождению еврейской национальной культуры, установлению дружеских связей между СССР с Израилем и международными еврейскими организациями, вместе с тем

---

⁶⁰⁴ Всего израильтянам Кустанович успела передать 14 статей, 15-я была изъята оперативниками КГБ при ее аресте.

осуждались И. Эренбург, Д. Заславский, Г. Рыклин, Л. Шейнин и другие «государственные еврей-ассимиляторы». В одной из первых своих статей она в целом верно изложила исторически обоснованную версию об антисемитских проявлениях в годы войны со стороны секретаря ЦК ВКП(б) и начальника Главпура Красной армии А.С. Щербакова (1901–1945), но включила в нее документально не подтвержденный слух о том, что тот отдал в 1942 году секретный письменный приказ: «Евреев – на передовую линию огня». Этот составленный на идише материал был опубликован под псевдонимом «Ицхак бен Авраам» в израильском журнале «Ди Голдене Кейт». В израильское посольство Дора передала через сына также составленное на русском языке «Открытое письмо Говарду Фасту», появившееся в переводе на английский в марте 1958 года в американской «New York Herald Tribune».

Имея в виду, что израильские дипломаты с особым тщанием «опекались» советской контрразведкой, логично предположить, что уже первые их контакты с Кустанович-Подольскими «подвели» тех под «колпак» Лубянки. Сотрудники 4-го управления КГБ, несомненно принимавшие в расчет то, что «оперативная разработка» этого семейства непосредственно затрагивает деликатную дипломатическую сферу, действовали в данном случае обстоятельно, без спешки, стремясь добыть вначале максимум фактических данных, подтверждавших незаконную деятельность Кустанович-Подольских, с тем, чтобы потом предпринять решительные меры по ее пресечению. Много месяцев за ними велась тщательная слежка (в том числе и через агентов, завербованных в ближайшем дружеском окружении). При этом посредством аппаратуры, тайно установленной в их квартире, осуществлялась круглосуточная «прослушка» ведшихся там разговоров. Так что, когда 25 апреля 1958 г. арестовали Дору Кустанович, а также ее мужа и сына – Семена и Бориса Подольских, об их взаимоотношениях с работниками израильского посольства на Лубянке знали практически все. Тогда же под стражу взяли упомянутую Тину Бродецкую (подружилась с Борисом Подольским на молодежном фестивале), ее отчима Е.И. Дробовского (1905–1978), написавшего для израильцев статью о Московском еврейском театре и убийстве Михоэlsa, а также восьмидесятидвухлетнего Г.Д. Зильбермана (1876–1960) – активиста палестинофильского общества «Хове-вей Цион» в 1890–1920-х гг., а потом участника сионистского движения, дважды арестовывавшегося в 1930–1940-х гг., в том числе и за нелегальное преподавание иврита (давал частные уроки иврита Б. Подольскому).

КГБ придал этому «делу» особо важное значение. Арестованные по нему содержались в одиночных камерах тюремного изолятора Лефортово, а следствие продолжалось десять месяцев. Главным фигурантам «дела» Д. Кустанович и С. Подольскому инкриминировали не только то, что те, как и остальные подследственные, «установили связь с представителями израильского посольства, распространяли националистическую литературу, передавали иностранцам... статьи для опубликования в зарубежной прессе и обсуждали проблему государственного антисемитизма в СССР», но и предъявили им явно «притянутое за уши» и не имевшее под собой фактического основания обвинение в снабжении израильтян информацией, содержавшей государственную и военную тайну⁶⁰⁵.

Вот почему, когда по окончании следствия в марте 1959 года «дело» передали в военную коллегия Верховного Суда РСФСР, та, проведя двухнедельный закрытый процесс в зале клуба при Лефортовской тюрьме, не установила в действиях обвиняемых супругов ничего из того, что реально походило бы на вменявшуюся им выдачу иностранцам государственных секретов. Поэтому приговор оказался не столь драконовским, как ожидалось. Кустанович и С. Подольскому «за распространение антисоветской литературы, агитацию и пропаганду с использованием национальных предрассудков» дали по 7 лет колонии. Для других определили более мягкие наказания: Б. Подольского осудили на 5 лет, Т. Бродецкую – на 3 года, Е. Дробовского – на 1,5 года. Г. Зильбермана приговорили к одному году тюремного заключения, однако, поскольку тот уже отбыл этот срок, находясь под следствием, его освободили в зале суда сразу после оглашения приговора. Правда, обретя свободу, он вскоре умер.

В ходе следствия по «делу Кустанович-Подольских» арестовали Давида Хавкина (р. 1930), молодого инженера, окончившего Московский полиграфический институт. Это произошло 12 декабря 1958 г. Как установили советские контрразведчики, он встречался во время молодежного фестиваля с руководителем делегации Израиля и сотрудником спецслужбы этой страны Д. Сореком (к «делу» были приобщены зафиксировавшие это фотографии оперативной съемки). При обыске в квартире Хавкина была обнаружена самиздатская литература, в том числе молитвенник, иудейский календарь, брошюры и сувениры, подаренные ему израильскими участниками фестиваля. В апреле 1959 года Хавкин был осужден на пять лет лишения свободы. В 1960 году срок был снижен до трех лет. Наказание он отбывал вместе с Б. Подольским

⁶⁰⁵ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 515–516.

в одной из мордовских колоний общего режима, а в 1969 году выехал в Израиль⁶⁰⁶.

Лишая еврейских националистов свободы и пытаясь их «перевоспитать» в суровых условиях лагерной зоны, государство, как это ни парадоксально, невольно работало на обратный результат. Ведь в большинстве своем те, кто в середине 1950-х – начале 1960-х гг. занимались нелегальной сионистской деятельностью, действовали, как правило, в узких рамках обособленных друг от друга кружков, состоявших из родственников и очень близких знакомых. После ареста эти сионисты-«одиночки» попадали в ИТК, где обретали возможность широкого знакомства и дружеского общения, причем не только с евреями-националистами со всего Советского Союза, но и с бывшими бундовцами, а также с соплеменниками, попавшими в «места не столь отдаленные» за участие в общедемократическом движении. В результате в условиях несвободы возникали целые сионистские «братства», в которые вовлекались и ассимилированные евреи-«демократы», которые часто выходили потом на свободу убежденными националистами.

Через подобную идейную перековку прошли, скажем, в одной из мордовских ИТК бывшие протестные социалисты Парташников и Фельдман. Выйдя в 1961 году на волю, они уже позиционировали себя сионистами и связывали теперь свое будущее исключительно с Израилем, куда и эмигрировали в самом начале массовой «алии» в 1971 году. И все же, анализируя впоследствии эту произошедшую с ним метаморфозу, Парташников признавал, что исходным пунктом его нонконформизма был все же социальный протест, сознание того, что без демократизации страны невозможна и эмиграция в Израиль, за становлением которого они «слеждали с огромным интересом и глубоким сочувствием». Такими же идейно транзитивными были и существовавшие в МГУ в 1950 – начале 1960-х гг. неформальные студенческие кружки под руководством физиков Льва Левитина и Павла Василевского⁶⁰⁷.

Попадая в лагеря, «узники Сиона» контактировали и обменивались «подпольным опытом» и с представителями других национальностей, а также с русскими «антисоветчиками» – противниками коммунистической системы, в том числе и с теми из них,

---

⁶⁰⁶ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 517. *Кошаровский Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 106–110. Интервью с Давидом Хавкиным / Подг. А. и И. Таратута. 2002. Октябрь. (http://www.angelfire.com/sc3/soviet_jews_exodus).

⁶⁰⁷ *Дымерская-Цигельман Л.* Об идеологической мотивации различных поколений активистов еврейского движения // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1 (5). С. 83–85. *Кандель Ф.* Т. 6. С. 359–361.

кто выступал за демократическое обновление страны. В местах заключения сионисты «проходили университеты» межэтнического солидарного противоборства режиму, что стало потом важной и необходимой предпосылкой трансформации подъема еврейского сопротивления в Советском Союзе в масштабное, динамично развивавшееся и географически разветвленное движение. Возникло взаимодействие – пусть на первых порах и незначительное – сионистских групп, образовавшихся в Москве, Ленинграде, Одессе, Киеве, в Грузии, Прибалтике, а также в Караганде, Норильске, Омске, Воркуте и в других местах спецпоселений. Движение это опиралось уже не только на тайное (и в общем не очень эффективное) содействие израильских спецслужб, но и на широкую поддержку международной общественности и западных СМИ. Кстати, участники еврейского национального движения «выходили» на московских корреспондентов западных информационных агентств, газет и журналов, как правило, через представителей общедемократического диссидентского движения, среди которых было немало социально статусных лиц, располагавших в том числе и возможностью – привилегированной в стране за «железным занавесом» – общения с иностранными журналистами, дипломатами, учеными и деятелями культуры.

Еврейский самиздат

С конца 1950-х в Москве и других крупных городах Советского Союза все активней и обильней стала распространяться литература еврейского самиздата. Одним из главных зачинателей этого самостоятельного издательского движения стал Эзра Моргулис (1894–1965), который в 1962–1964 гг. написал двухтомный трактат «Обзор жизни еврейских общин». Еще ранее, в 1960 году, он подготовил работу «Государство Израиль», которая стала его своеобразным сионистским ответом на вышедшую в 1958 году книгу Э. Шейниса и К. Иванова «Государство Израиль, его положение и политика» (о ней ниже). Занимался Моргулис и выпуском периодики, редактируя в разные годы неподцензурные русскоязычные журналы «Шалом», «Ариэль», «Вестник» и «Сборник». Эти и другие свои материалы он на пишущей машинке распечатывал на папиросной бумаге в десяти и более экземплярах, незатейливо их переплетал, а затем пересылал через знакомых в Ленинград, Минск, Ригу, другие крупные города.

В основанный Э. Моргулисом самиздатский кружок входили известный переводчик М.М. Бергман (о нем ниже), подготовивший в 1961 году русскую версию романа Л. Юриса «Эксокус»,

композитор Ревека Боярская, ее муж – литературный критик и театровед О.И. Любомирский (1884–1977), дававший частные уроки иврита и идиша, и др.⁶⁰⁸.

Основным помощником Моргулиса по тиражированию и транспортировке сионистской литературы стал инженер-геодезист С.Б. Дольник (1901–1986), который еще в юности увлекся левым сионизмом, вступив в 1917 году в «Гехалуц»⁶⁰⁹. В 1966 году за распространение «националистической литературы среди молодежи», а также за контакты с израильскими дипломатами Дольник был арестован⁶¹⁰. Не выдержав допросов в КГБ, он дал признательные показания, что обернулось объявлением второго секретаря посольства Израиля в Москве Д. Гавиша *persona non grata*⁶¹¹ и угрозой ареста для некоторых участников еврейского национального движения. С такой реальной опасностью пришлось столкнуться и входившему в кружок Э. Моргулиса М.Д. Маргулису (р. 1930), которому только благодаря жизненному опыту, приобретенному ранее в местах заключения⁶¹², удалось избежать новой «посадки»⁶¹³.

В 1970 году Дольник был освобожден из-под стражи, а на следующий год выехал в Израиль.

Советский «микс» антисионизма и публикаций по Холокосту

Формирование антисионистской пропаганды как самостоятельной подотрасли партийно-идеологической масс-медийной работы началось в Советском Союзе с осени 1957 года. Тогда на

---

⁶⁰⁸ *Маргулис М.* «Еврейская» камера Лубянки. – Иерусалим: Гешарим, 1996. С. 132–137.

⁶⁰⁹ «Гехалуц» (ивр. «пионер») – еврейская организация, созданная для подготовки еврейской молодежи (старше 18 лет) к труду и вооруженной борьбе в Палестине. Заявила о себе в России в начале 1918 года на учредительном съезде в Харькове.

⁶¹⁰ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 675.

⁶¹¹ Дольник, например, утверждал, что во время одной из встреч с израильским дипломатом в Московской хоральной синагоге получил от него задание сфабриковать как свидетельство антисемитского осквернения фотоснимок с нацистской свастикой на еврейском надгробии (*Герман В.* Реакционная сущность идеологии и политики международного сионизма. – М.: Московская городская организация общества «Знание», 1976. С. 21).

⁶¹² В 1950–1955 гг. М.Д. Маргулис находился в ИТЛ, куда попал за попытку нелегального перехода советско-турецкой границы с целью эмиграции в Израиль.

⁶¹³ *Маргулис М.* «Еврейская» камера Лубянки. С. 159–162.

основании предложения Комитета госбезопасности СССР (излагалось в записке в ЦК КПСС от 26 сентября), настаивавшего на развертывании в СМИ «разоблачения сионистской пропаганды против СССР и реакционной сущности внешней и внутренней политики Израиля», было принято соответствующее постановление Президиума ЦК КПСС (от 3 октября 1957 г.)⁶¹⁴.

Это новое направление в партпропаганде получило существенную организационную подпитку после создания 3 января 1958 г. Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей под председательством М.А. Сулова. В ее состав вошли и другие секретари ЦК, обязанности между которыми были распределены следующим образом: Сулов вместе с Куусиненом и Мухитдиновым отвечали за международные партийные связи (соответственно со странами «народной демократии», капиталистическими государствами и развивавшимися странами Азии и Африки); Фурцева и Поспелов «наблюдали» за культурно-идеологической сферой в РСФСР; Н.Г. Игнатов (1901–1966) и А.И. Кириченко (1908–1975; до конца 1959 года был фактически вторым секретарем ЦК) курировали то же в союзных республиках⁶¹⁵.

Правда, Игнатов и Кириченко, которые практически полностью были загружены проблемами функционирования партаппарата, промышленности и сельского хозяйства, реального участия в работе комиссии так и не приняли. Поэтому закрепленный за ними контроль за идеологией в союзных республиках взяла на себя Фурцева.

«Идеологическая комиссия Сулова» просуществовала недолго. И это было связано с тем, что Хрущёв, проводя в мае 1960 года очередное кардинальное «освежение» руководящего звена партаппарата (избавлялся от «мавров», поддержавших его в 1957 году в борьбе с «антипартийной группой»), изгнал из Секретариата ЦК Поспелова, Фурцеву, Игнатова и Кириченко (еще раньше был отправлен руководить Ростовским обкомом партии), а также А.Б. Аристова (1903–1973). А еще через полтора года, в октябре 1961-го, из Секретариата и заодно из Президиума ЦК КПСС удалили Мухитдинова – бесцветного и слабо эрудированного чиновника, руководившего в 1955–1957 гг. провинциальным Узбекистаном (был первым секретарем ЦК КП республики).

После XXII съезда КПСС главным на идеологическом олимпе партии стал вновь избранный секретарем ЦК Л.Ф. Ильичёв, в чем-

⁶¹⁴ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 28, 30.

⁶¹⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 291.

то оттеснивший Сулова на второй план и возглавивший новую цеховскую Идеологическую комиссию (об этом ниже).

Одним из немногих реальных дел «Идеологической комиссии Сулова» стало состоявшееся на заседании от 29 января 1958 г. (прошло под председательством Мухитдинова)⁶¹⁶ рассмотрение подборки фрагментов писем советским евреям от их уехавших в Израиль родственников. После обсуждения этого эпистолярного дайджеста, составленного КГБ путем перлюстрации переписки и только из негативных мнений бывших граждан СССР об адаптации в Израиле (жалобы на безработицу, дороговизну, тяжелые климатические и жилищные условия и т.п.), был принят пространный план антиссионистских мероприятий. Наряду с прочим в нем было намечено подготовить поручения ТАСС и Совинформбюро наладить внутри страны и за рубежом «систематическую» антиссионистскую контрпропаганду. Решено было также обязать ВЦСПС и ВАО «Интурист» направить в Израиль «специально отобранную группу туристов-евреев в составе 15–20 человек», способных «убедительно опровергнуть измышления о якобы тяжелом положении евреев в СССР, а по возвращении в Советский Союз могли провести соответствующую работу среди еврейского населения по разъяснению истинного положения в Израиле». Видимо, осознавая уязвимость советской позиции по «еврейскому вопросу», комиссия, имея в виду пропагандистские усилия Запада, сочла «целесообразным не втягиваться в дискуссию... и не вести... «лобовую» атаку против сионистских организаций», а предпочесть методы, так сказать, косвенного реагирования, делая акцент на позитивных моментах, убеждая мир в том, что евреи в СССР социально равноправны, а их национальная культура переживает «расцвет»⁶¹⁷.

Уже 31 января замзавотделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам А.В. Романов представил Мухитдинову оперативно сверстанные Совинформбюро и Главным управлением радиовещания тематические планы публикаций и радиопрограмм «в связи с клеветническими измышлениями сионистов о “Преследовании евреев в СССР”»⁶¹⁸.

---

⁶¹⁶ На это заседание были приглашены: замминистра культуры СССР И.Г. Большаков, замминистра иностранных дел СССР В.С. Семенов (1911–1992), председатель ВЦСПС В.В. Гришин, а также руководящие работники ЦК КПСС – А.Л. Орлов (завотделом кадров дипломатических и внешне-торговых органов), В.П. Терешкин (первый заместитель заведующего международным отделом), И.В. Шикин (замзавотделом партийных органов по союзным республикам).

⁶¹⁷ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 28–29.

⁶¹⁸ Там же. С. 32–33.

После того как 1 февраля ЦК КПСС утвердил эти заготовки, началось их претворение в жизнь. Наибольшую активность в этом развил замминистра иностранных дел Семенов, который совместно с заведомом стран Ближнего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцевым подготовил в апреле 1958 года подписанное А.А. Громько указание новому советскому послу в Израиле М.Ф. Бодрову (1903–1988). Тому предписывалось «продолжать подбор материалов для разоблачения враждебной нам сионистской пропаганды и идеологии и представлять предложения для нашей активной контрпропаганды против сионизма, обратив особое внимание на бедственное положение новых иммигрантов и арабского меньшинства в Израиле, на подбор критических материалов в отношении т.н. «сионистского социализма», кибуцев и т.д.»⁶¹⁹.

Тот же Семёнов взял на себя и реализацию планового пункта комиссии, предусматривавшего подготовку «брошюры, разоблачающей агрессивный характер внешней политики Израиля и его внутреннее положение»⁶²⁰. Поскольку этот рассчитанный на «массовое потребление» пропагандистский продукт важно было написать живым доступным языком, к его подготовке, видимо, по рекомендации Семёнова привлекли популярного журналиста З.С. Шейниса (1913–1992). Он его знал еще по послевоенной работе в аппарате Советской военной администрации в Германии: Семёнов был политическим советником при главноначальствующем СВАГ (потом – первым советским послом в ГДР), а Шейнис – сотрудником редакции «Теглихе рундшау», газеты советской зоны оккупации. В качестве консультанта к Шейнису, имевшему лишь очень смутное представление о Ближнем Востоке, назначили А.Н. Абрамова, всего лишь несколько месяцев тому назад возвратившегося в Москву после сдачи полномочий посла в Тель-Авиве.

Впоследствии Шейнис, родившийся в еврейской полуассимилированной семье (его дядя по линии отца – известный советский дипломат Я.З. Суриц) и сам какое-то время учившийся в еврейской школе, пытался в мемуарах выставить себя основным автором первой советской книжки об Израиле⁶²¹, однако главным в этом дуэте был на самом деле Семенов. На обложке этого вышедшего в 1958 году издания, названного «Государство Израиль, его положение и политика», он фигурировал под псевдонимом «К. Иванов». И хотя следом, через запятую, в качестве соавтора был обозначен

⁶¹⁹ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 11. П. 24. Д. 4. Л. 3–7.

⁶²⁰ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 28.

⁶²¹ Шейнис З.С. Провокация века: расстрелянный Наркоминдел. Холодный погром на Путинках. Новое о «деле врачей». – М.: ПИК, 1992. С. 160–161.

Шейнис, его роль, с одной стороны, не выходила за рамки литературного редактирования текста, а с другой, состояла в том, чтобы олицетворять «еврейское участие» в создании данной брошюры, ограждая ее, таким образом, от нежелательной оценки на Западе как необъективной и антисемитской. Впрочем, даже благодаря ограниченному участию в данном проекте Шейниса, утверждавшего потом, что он с симпатией отнесся к созданию Израиля и пытался «дать объективный анализ» внешней и внутренней политики этого государства, в книге удалось свести к минимуму некоторые бестактно-замшелые намеки на «реакционность» еврейского народа, которую, если верить Шейнису, Семёнов пытался подробно осветить со ссылкой на ранние произведения К. Маркса и Ф. Энгельса⁶²².

Очевидно, Шейнис действительно пытался подспудно как-то «гуманизировать» текст Семенова, считавшего, что евреи должны «спрятаться в порах человеческого общества». Но делать этот более или менее эффективно он мог только благодаря квалифицированным советам Абрамова, которого охарактеризовал как человека «думающего, неординарного», «способного строить и обсуждать большие концепции». Этот дипломат, как припомнил Шейнис, даже однажды приватно поделился с ним «крамольной» мыслью о том, что «наша страна совершила трагическую ошибку, сделав ставку не на Израиль...»⁶²³.

На книжку Семенова (Иванова) – Шейниса «Государство Израиль, его положение и политика» Запад откликнулся в основном резко негативными оценками. Там о ней писали главным образом как об агитпроповском опусе, изобилующем «злопыхательными и невежественными извращениями» и содержащем

---

⁶²² Имелась в виду прежде всего статья Ф. Энгельса «Поляки, чехи, немцы»: «Славяне, в частности западные славяне – поляки и чехи, – по преимуществу земледельцы; торговля и промышленность никогда не были у них в большом почете. Вследствие этого с ростом населения и возникновением городов производство всех промышленных товаров попало в этих странах в руки немецких иммигрантов, а обмен этих товаров на сельскохозяйственные сделался исключительной монополией евреев, которые, если они вообще принадлежат к какой-либо национальности, в этих странах являются, несомненно, скорее немцами, чем славянами. То же самое было, хотя и в меньшей степени, и на всем Востоке Европы. В Петербурге, Пеште, Яссах и даже Константинополе ремесленником, мелким торговцем, мелким фабрикантом до сего дня является немец; напротив, ростовщик, трактирщик, разносчик – весьма важная персона в этих странах с редким населением – почти всегда еврей, родным языком которого является искверканный до неузнаваемости немецкий». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. – М.: Госполитиздат, 1960. С. 52.)

⁶²³ Шейнис З.С. Провокация века. С. 166, 167, 171–172.

«тысячу вольных и невольных ошибок и явно клеветнические комментарии»⁶²⁴.

Между тем, благодаря настойчивости Шейниса в текст издания просочилась на уровне аллюзий «непроходная» через советскую цензуру информация о «героическом восстании польских евреев в Варшавском гетто в апреле–мае 1943 года». В частности, в книге цитировалось донесение одного из руководителей карателей-эсэсовцев в Берлин о том, что «евреи яростно защищаются»⁶²⁵.

Это была выдержка из знаменитой «Черной книги» о гитлеровском геноциде евреев⁶²⁶, которая в рамках международного проекта, предпринятого по инициативе А. Эйнштейна, подготавливалась (в русской версии) под редакцией И. Эренбурга и В. Гроссмана. Однако в СССР она так и не вышла, будучи запрещенной в октябре 1947 года. Правда, тогда же в московском издательстве «Дер Эмес» все же удалось выпустить отдельным изданием и только на идише дополненный раздел книги о подвиге евреев Варшавского гетто. Его автором был польский журналист еврейского происхождения Бернард (Бер) Марк (1908–1966), которого Шейнис знал еще с военной поры по совместной работе в редакции газеты «Труд».

Выехав после войны в Польшу и возглавив созданный в Варшаве Еврейский исторический институт, Марк продолжил свои старые исследования, опубликовав 1958 году в издательстве польского министерства обороны новую книгу «Борьба и гибель Варшавского гетто». В последующем по миру разойдется множество ее иноязычных версий – немецкая, венгерская, испанская, португальская, французская и др. Разумеется, автор хотел издать свое произведение и по-русски, и то, что он послал польский оригинал в московское Издательство иностранной литературы, думается, не было простой случайностью. Именно там с 1956 года работал Шейнис, ставший главным ходатаем за перевод и издание книги Марка в Советском Союзе⁶²⁷. Видимо, не без его стараний директор издательства П.А. Чувиков обратился к заместителю министра культуры СССР Н.Н. Данилову за соответствующим разре-

⁶²⁴ *Шехтман И.Б.* Советская Россия, сионизм и Израиль // Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона и др. – Нью-Йорк, 1968. (Переиздано: Минск, 2002. С. 348.)

⁶²⁵ *Иванов К., Шейнис З.* Государство Израиль, его положение и политика. – М., 1959. С. 168.

⁶²⁶ Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941 – 1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – Вильнюс: Йад, 1993. С. 476.

⁶²⁷ *Шейнис З.С.* Провокация века. С. 141–142.

шением. Сначала казалось, что Фортуна благоволит Шейнису: Данилов, выйдя на работавшего в Агитпропе ЦК КПСС Яна Дзержинского (1911–1960; сын Ф.Э. Дзержинского), получил положительную санкцию. Благодаря этому к началу 1960 года перевод был готов, и его выпуск наметили на тот же год. Однако, поскольку Я. Дзержинский вынужден был из-за проблем со здоровьем вскоре уволиться из ЦК (2 октября 1960 г. он умер от сердечного приступа), в аппарате ЦК и в Главлите возобладало мнение «о нецелесообразности» выпуска по-русски сочинения Марка: оно-де не научно, «узко» рассматривает национальный вопрос и вообще не может заинтересовать «широкие круги советских читателей».

Обеспокоенный такой резкой переменой мнений в верхах, Данилов 31 мая 1960 г. направил в ЦК письмо в защиту рукописи. Он пытался убедить партийное начальство в том, что Марк провел большое научное исследование, благодаря которому борьба евреев в Варшавском гетто показана правдиво и, самое главное, не изолированно, а на фоне общего сопротивления нацизму народов Польши и Европы. Подчеркивая, что книга «является ярким обвинительным материалом против расовой изуверской политики фашизма», Данилов отмечал в конце ходатайства, что рост антисемитизма и реваншизма в ФРГ делает ее особенно актуальной⁶²⁸.

Разбирать это защитительное послание пришлось отделу пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам, руководители которого в лице завотделом Л.Ф. Ильичёва и завсектором отдела К.М. Боголюбова (1909–1996) представили 11 июня 1960 г. секретарю ЦК Куусинену заключение, в котором предлагали «воздержаться от издания книги Б. Марка... на русском языке». В обоснование этого негативного мнения литератор из Польши опять обвинялся в чрезмерной сосредоточенности на еврейском сопротивлении в ущерб освещению «общей национально-освободительной борьбы польского народа против оккупантов». При этом подчеркивалось, что утверждение автора о том, что польское население Варшавы «не оказало якобы нужной помощи восставшим», не может быть пропущено цензурой. Как «негатив» были отмечены и имевшиеся в книге упоминания в «положительном смысле» опального Молотова. Однако в качестве официального обоснования отказа был приведен «затертый» от частого употребления «дежурный» аргумент о том, что Издательство иностранной литературы испытывало затруднения с бумагой⁶²⁹.

⁶²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 155. Л. 45–46.

⁶²⁹ Там же. Л. 71.

В результате решением Секретариата ЦК книга Марка была исключена из плана публикаций издательства. Однако через два года, когда стала приближаться двадцатая годовщина восстания в Варшавском гетто, Марк еще раз попытался «пробить» издание своей книги в СССР. В сентябре 1962 года он вновь обратился в уже хорошо знакомое ему московское Издательство иностранной литературы. И то опять запустило бюрократический конвейер согласований. Правда, теперь руководство Минкульта СССР благоразумно самоустранилось от этого процесса. В связи с чем директор издательства Чувилов вынужден был напрямую апеллировать к ЦК КПСС. 13 октября он, видимо, уже заранее не сомневаясь в отрицательном ответе «инстанции», лишь осторожно уведомил ее об очередной попытке Марка реанимировать ранее похеренный проект, никак не выражая при этом своего личного отношения к нему⁶³⁰.

На сей раз аппаратное решение, призванное дать окончательный отпор домогательству настойчивого польского автора, стали готовить первый заместитель заведомо пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам В.И. Снастин и завсектором отдела А.Н. Яковлев (1923–2005)⁶³¹. Заодно им было поручено разобраться и с обращением в ЦК некоего М.Ю. Бермана, сетовавшего на проявления антисемитизма в СССР и настойчиво ратовавшего за издание в Советском Союзе книги Марка. Берман был одним из активистов еврейской культурной общественности, которая еще с 1955 года и, очевидно, при организующем участии «Натива» начала ставить этот вопрос в коридорах власти и в кругах влиятельных интеллектуалов⁶³².

⁶³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 155. Л. 48–51.

⁶³¹ Там же. Л. 72.

⁶³² Параллельно, не дожидаясь официального разрешения, переводом исследования Б.Марка об антинацистском восстании евреев Варшавы в СССР занялись на свой страх и риск ленинградский еврейский писатель и переводчик произведений Шолом-Алейхема А.-Е.М. Белов (Элинсон) (1911–2000), московский переводчик М.М. Бергман и другие энтузиасты. Многие из них обращались за поддержкой к Эренбургу, который, кстати, в 1960 году также «лоббировал» книгу Марка в Издательстве иностранной литературы. Однако в 1962-м мэтр советской литературы уже решительно отстранился от этого проекта, узрев, очевидно, в нем опасную политическую подоплеку, возникшую из-за тайного участия Израиля в его поддержке. Да и от советских спецслужб, наверняка, не укрылось то обстоятельство, что в 1957 году Марк посещал эту страну, установив там связи с государственными и научными структурами. Неудивительно, что в новом исправленном и дополненном издании книги, вышедшем в 1963 году, много внимания было уделено сионистским молодежным организациям Варшавского гетто. (Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 445, 446, 447. *Маргулис М.* «Еврейская» камера Лубянки. С. 137.)

30 ноября 1962 г. Снастин и Яковлев представили в Секретариат ЦК свой «похоронный вердикт» по книге Марка, объявлявший, что та «проникнута откровенно сионистским духом»⁶³³.

То же самое произошло и с фотографической экспозицией, подготовленной Советским комитетом ветеранов войны для демонстрации в Париже по случаю 20-летия восстания в Варшавском гетто. Будучи представленной «на контроль» в Главное управление Госкомитета СМ СССР по печати, она была им «не разрешена». Руководство Главлита так проинформировало ЦК КПСС о причинах своего решения: «Все 40 стендов фотовыставки посвящены уничтожению гитлеровцами лиц еврейской национальности на территории СССР в 1941–1945 гг. Такой подбор материалов был неправильным, так как известно, что гитлеровцы уничтожали всех, кто с ними боролся, и русских, и белорусов, и украинцев»⁶³⁴.

Однако эта победа советской партгосбюрократии над памятью об антифашистском героизме польских евреев оказалась пирровой. Официальное вето, наложенное в СССР на «Историю Варшавского гетто», было легко обойдено распространением книги посредством «самиздата» и «тамиздата». Более того, этот запрет, как ни парадоксально, только подогрел интерес к этому сочинению в советском еврействе, особенно в национально активной его части, которую более раззадорил, чем обескуражил, еще и тот факт, что весной 1963 года журнал «Советиш Геймланд» никак не откликнулся на двадцатилетие трагедии Варшавского гетто, став, наверное, единственным в мире еврейским изданием, полностью замолчавшим это выдающееся событие.

Советское партийно-идеологическое руководство отвергло книгу Б. Марка, по всей вероятности, решив, что тот скрытый сионист. Тем не менее, оно пошло на публикацию русской версии дневника Анны Франк (1929–1945)⁶³⁵, еврейской девочки из Голландии, погибшей в нацистском лагере смерти в Берген-Бельзене.

Еще раньше русскую версию «Дневника» вроде бы собирался опубликовать журнал «Иностранная литература», учрежденный в 1955-м взамен закрытой в 1943-м «Интернациональной литературы». Однако уже при обсуждении этой идеи в профильном подразделении редакции (отделе литературы капиталистических

---

⁶³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 155. Л. 72.

⁶³⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 736.

⁶³⁵ Впервые дневниковые записи А. Франк были опубликованы в 1947 году в Голландии под названием «Het Achterhuis» («В заднем флигеле»). Первый изданный в СССР перевод этой книги имел следующие выходные данные: Дневник Анны Франк / Пер. Р.Я. Райт-Ковалевой. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

стран) она была решительно отвергнута его руководителем и членом редколлегии Б.И. Розенцвейгом. Еще в военные и послевоенные годы он, работая в «Красной звезде», а потом в «Литературной газете», не раз попадал под маховик чисток по «пятому пункту». Сначала его изгнали из «Красной звезды» (вместе с главным редактором Д.И. Ортенбергом), а в январе 1951 года – и из «Литературки». Крайне болезненно пережив эти удары судьбы, Розенцвейг впал, по свидетельству работавшей вместе с ним Р.Д. Орловой, в «паническую боязнь всего, связанного с еврейской темой, боязнь и даже отвращение». Это был, по ее мнению, «исковерканный» страхом человек, который, сделав своей жизненной философией конформизм и всегдашнее угождение начальству, встал в один ряд с такими «евреями в ливреях», как литераторы Д.И. Заславский, А.Б. Чаковский и им подобными. Розенцвейг объявил «Дневник» подделкой, а впоследствии даже хотел «разгромить» в печати поставленный по его мотивам (точнее, по пьесе американцев Ф. Гудрича и А. Хаккета) спектакль в только что открывшемся тогда студенческом театре МГУ «Наш дом» (основатели студии – А.Ю. Аксельрод, И.Г. Рутберг, М.Г. Розовский)⁶³⁶. Эта театральная постановка стала возможной на волне наступившего летом–осенью 1959 года кратковременного «потепления» в советско-американских отношениях (проведение первой американской национальной выставки в Москве, визит Хрущёва в США) и состоявшейся в том же году успешной премьеры голливудского фильма об Анне Франк. В этой связи ЦК КПСС, видимо, и решил санкционировать (говорят, с подачи Аджубея) публикацию ее дневника отдельной книгой.

Вводную статью к этому изданию согласился подготовить И. Эренбург, которого, кстати, Розенцвейг ненавидел за его, как он называл, «высовывание из норы»⁶³⁷. Поскольку подготовка русской версии этого печатного памятника жертвам Холокоста была поручена упомянутому Издательству иностранной литературы, работавший в нем З. Шейнис и тут проявил немалую активность. Даже не имея непосредственного отношения к подготовке «Дневника» к печати, он в конце мая 1960 года сумел ознакомиться на стадии верстки с предпосланным «Дневнику» предисловием Эренбурга. При его чтении у Шейниса, как тот потом утверждал, возникли сильные подозрения, что оригинальные формулировки писателя претерпели вследствие цензурного редактирования сильное смысловое искажение. Когда он по телефону сообщил

---

⁶³⁶ Орлова Р.Д. Воспоминания о непрошедшем времени. – М.: Слово – Slovo, 1993. С. 274–275, 279.

⁶³⁷ Орлова Р.Д. Указ. соч. С. 276.

об этом автору, то разразился скандал. По тому же свидетельству Шейниса, возмущенный Эренбург, ища управу на цензоров, решил телеграфировать Суслову на Старую площадь. В итоге маститому литератору удалось восстановить свой текст в первоначальном виде, хотя для этого и потребовалось провести трудоемкую замену («выдирку») нескольких страниц в тысячах экземплярах «Дневника Анны Франк», уже отпечатанного к тому времени в типографии⁶³⁸. И хотя книга была раскуплена буквально за несколько дней, второе ее издание вышло в свет только спустя 34 года.

Немалую лепту внес Эренбург и в публикацию другого детского свидетельства о событиях Холокоста, но уже на территории СССР. В 1961 году друзья литератора познакомили его с М.Г. Рольникайте (р. 1927) – писательницей из Литвы, которая, будучи в годы войны подростком, прошла через страшные испытания, оказавшись сначала в Вильнюсском гетто (там погибли ее родные), а затем в концлагерях Стразденгоф и Штутгоф. Там время от времени она делала записи о пережитом. Еще больше приходилось, не доверяясь бумаге, запоминать, ибо в тех экстремальных условиях было смертельно опасно вести подобные хроники. Однако благодаря своим незаурядным мнемоническим способностям Маша Рольникайте потом, в мирное время, смогла детально воспроизвести письменно сохранявшиеся в ее памяти факты еврейской трагедии. Часть этого, так сказать, реконструированного дневника она показала Михоэлсу, приезжавшему после войны в Вильнюс и вскоре погибшему. А в полном объеме «восстановительные» работы по дневнику были завершены к 1958 году.

---

⁶³⁸ *Шейнис З.С.* Провокация века. С. 143–146. Следует отметить, что достоверность этого свидетельства Шейниса, как, впрочем, и других его версий («сталинский план депортации евреев» в 1953 году: *Шейнис З.С.* Провокация века. С. 105–135, и т.п.), сомнительна. Известный исследователь творчества Эренбурга, а также хранитель и публикатор его архивов Б.Я. Фрезинский так прокомментировал автору обстоятельства подготовки предисловия к «Дневнику Анны Франк»: «С переводчицей книги Райт-Ковалевой я был знаком, но ни о каких трудностях с изданием и редактированием перевода дневника Анны Франк она мне не рассказывала. В архиве Эренбурга хранится 27 писем (за 1956–1967 гг.) писателя и заведующего редакцией художественной литературы издательства Е.В. Блинова друг к другу. Об Анне Франк в них нет и речи. Переписка была взаимно корректной... И Эренбург был не тем автором, с которым издательства могли безнаказанно позволить себе самостоятельное вписывание каких-либо фраз. Книга вышла не прошитой, а на клею, следов «выдирки» предисловия в тех экземплярах, которые я держал в руках, я не видел, да и «сигнал» в издательство обычно приходит до того, как печатается тираж... Текста телеграммы Суслову об издании «Дневника Анны Франк» в личном архиве Эренбурга, где хранилось немало писем Суслову... я также не видел». (Архив автора.)

В 1962 году специально для Эренбурга Рольникайте подготовила русскую версию своей рукописи. Тот, прочитав («не отрываясь») и одобрив ее, пообещал содействие в публикации перевода на Западе. На следующий год рукопись стала книгой, выйдя в свет на литовском в Вильнюсе под названием «Я должна рассказать». После чего стало существенно легче «пробить» ее русский аналог через цензуру. Однако это удалось осуществить только в 1965 году. Тогда дневник Маши Рольникайте появился во втором и третьем номерах ленинградского журнала «Звезда». Правда, его редакция так и не получила от Эренбурга обещанного им предисловия к этой публикации. При этом писатель пытался оправдаться, ссылаясь на «непредвиденные обстоятельства». Возможно, так оно и было на самом деле, поскольку как раз в это время Эренбургу пришлось напряженно «согласовывать» с цензурой тексты глав печатавшейся тогда в «Новом мире» шестой книги воспоминаний «Люди, годы, жизнь». Впоследствии он все же исполнил слово, данное Рольникайте: подготовил вводный текст к парижскому изданию книги «Я должна рассказать», вышедшей на французском в 1966 году⁶³⁹.

...То, как проявил себя Шейнис в «издательских» историях с книгой о восстании в Варшавском гетто и с «Дневником Анны Франк», очень важно для объективной оценки его роли в подготовке упомянутого антиссионистского сочинения «Государство Израиль, его положение и политика», которое выходило в свет дважды – в 1958 и 1959 гг. суммарным тиражом в 150 тыс. экземпляров. Этот дебютный образчик советской антиссионистской пропаганды также выпустили в переводах в Китае, Аргентине, Польше и других странах.

Другим изданием, подготовленным по «плану комиссии Сулова» (точнее, по результатам осуществленного в соответствии с ним визита в Израиль специально сформированной из евреев группы пропагандистов), стала книжка Г.Д. Плоткина «Поездка в Израиль. Путевые заметки». В 1958 году вышел в свет ее оригинальный украинский текст, а в 1959 году она 75-тысячным тиражом была выпущена на русском. И хотя издание не снискало такую широкую популярность, как брошюра Семенова–Шейниса, пропагандистский эффект от него оказался, как представляется, не меньшим. Написанная по антикапиталистическим и антиссионистским пропагандистским лекалам, но при этом живым и раскованным языком, книжка Плоткина изобиловала интервью с недавними восточноевропейскими переселенцами, простыми людьми

---

⁶³⁹ Фрезинский Б.Я. Илья Эренбург и дневник Маши Рольникайте // Народ Книги в мире книг (СПб.). 2009. Окт. № 82. С. 1–6.

(врачами, инженерами, деятелями искусства), которые, начав новую жизнь в израильских городах, кибуцах, иммигрантских поселках, столкнулись при обустройстве там с массой серьезных проблем (бедность, безработица, плохое жилье и т.п.). Книжка имела удобный карманный формат, она еще и тем подкупала советских евреев, что в ней содержались обычно вытравлявшиеся цензурой сведения (пусть и обрывочные) о еврейских жертвах Бабьего Яра, а также цитации из направленных против антисемитизма стихотворений В. Маяковского, П. Тычины и М. Рыльского.

В целом советский Агитпроп, чудовищно забюрократизированный и завязший в догматике марксизма-ленинизма, безусловно, проигрывал в пропагандистской войне с Израилем, использовавшим в этом противостоянии не только собственные силы и средства, но и опиравшимся на широкую и всестороннюю поддержку (политическую, финансовую, интеллектуальную, общественную) США и других союзных с ними стран.

Израиль мобилизует Запад (вторая половина 1950-х)

Окончательно убедившись в том, что жесткий прессинг советской контрразведки не позволит развернуть масштабную сионистскую пропаганду внутри СССР, израильское руководство утвердилось в таком альтернативном выборе, как внешнеполитическое давление на Кремль, причем на первых порах не прямое, а опосредованное. Усилия в этом направлении официальный Иерусалим стал наращивать, как упоминалось, еще с начала 1956 года, когда его спецслужба «Натив»–«Бар» посредством американского журналиста Леона Кристола произвела сенсационное раскрытие тайны о жестокой расправе сталинского режима с рядом известных деятелей советской еврейской культуры.

Стоявший за этим разоблачением израильский разведчик Н. Леванон особо подчеркивал в апреле 1956 года (подводя первые итоги деятельности указанной спецслужбы): «Реалистические без враждебной окраски описания положения советского еврейства дают наилучшие результаты»⁶⁴⁰.

Такая нарочитая умеренность в выборе средств ведения пропагандистской войны против Советского Союза была навеяна отнюдь не неким благородством со стороны Израиля, но являлась следствием сугубого прагматизма. Суть его позиции заключалась в том, что при реализации долговременной стратегии борьбы за

---

⁶⁴⁰ Говрин Й. Указ. соч. С. 205.

евреев в СССР очень важно «не подставиться» под огонь советской контрпропаганды из-за каких-то непродуманных, резких и тем более авантюрных действий. Разработчики этой стратегии вполне осознавали и то, что для обеспечения ее эффективности очень важно всемерно демонстрировать свою приверженность безусловному соблюдению общепризнанных прав человека на развитие национальной культуры, языка, свободное исповедование национальной религии и на беспрепятственное воссоединение с родственниками, в том числе и зарубежными. Кроме того, вступая во внешнеполитическую схватку с советским режимом, израильское руководство постаралось придать ей максимально глобальный характер.

Как бы принимая эстафету от американского бундовского «Еврейского рабочего комитета», который до середины 1950-х гг. считался в мире основным защитником советского еврейства, израильское правительство инициировало в 1957 году создание Международного консультативного комитета, который стал политически опекать практическую деятельность израильской спецслужбы «Бар» и «Натив» в целом. В состав этого комитета вошли руководитель «Натив» Шауль Авигур, его заместитель и глава «Бар» Биньямин Элиав (1909–1974), президент ВЕК и ВСО Нахум Гольдман (1895–1982), директора восточноевропейского и еврейского департаментов МИД Израиля Арье Эшель и Авраам Харман (1914–1992; он же глава Еврейского информационного агентства).

Чтобы придать деятельности «Бар» широкий международный охват, в крупных мировых культурно-политических центрах – в Париже, Лондоне и Нью-Йорке – были открыты его штаб-квартиры. Эти, так сказать, опорные пункты сионистского влияния возглавили: во Франции тамошний посол Израиля Меир Розен, в Британии – литератор и журналист Эмануэл Литвинов (1915–2011), в США – упомянутый Элиав. Каждый из них, будучи своего рода резидентом «Натив»–«Бар», внес существенный вклад в привлечение внимания мировой политической и культурно-общественной элиты к еврейской проблеме в СССР.

Из тех задач, за решение которых взялось парижское отделение «Бар», наверное, главной стала морально-политическая дискредитация И.Г. Эренбурга. Ведь тот, будучи давно задействованным в советской внешней пропаганде (являлся, по словам поэта Д.С. Самойлова, «крайним западным флангом сталинизма»⁶⁴¹), еще с конца 1940-х гг. использовался режимом как рупор антисионизма, причем как внутри страны, так и за ру-

---

⁶⁴¹ Самойлов Д.С. Памятные записки. – М.: Международные отношения, 1995. С. 241.

бежом⁶⁴². Так что в глазах израильтян он не только вполне заслуженно удостоился ярлыка «домашний еврей Сталина», но и был «мосером» (предателем).

Будучи с 1950 года вице-президентом просоветского Всемирного совета мира и пользуясь большим влиянием во французских либерально-интеллектуальных кругах, Эренбург активно участвовал в международных пропагандистских мероприятиях, бичевавших официальный Израиль как «орудие империализма». В мае 1956 года он в беседе с французским религиозным философом Жаком Мадолем (1898–1993) обвинил международные сионистские организации и государство Израиль в нагнетании страстей вокруг «еврейского вопроса в СССР», заявив при этом, что его решение – в полной и окончательной ассимиляции советских евреев, а не в их эмиграции в Израиль, куда те категорически не желают уезжать, предпочитая в крайнем случае отправиться в США или Западную Европу⁶⁴³.

Видимо, с целью «нейтрализации» такой нежелательной активности Эренбурга 22 августа 1957 г. в парижской правой газете «Монд» появилась сенсационная заметка «Антисемитизм в СССР. Израильский журналист обвиняет Илью Эренбурга». В ней, подписанной загадочными инициалами «А.П.» и со ссылкой на некоего Бернара Турнера⁶⁴⁴, Эренбург обвинялся в причастности к рас-

---

⁶⁴² Поскольку Эренбург в молодые годы сблизился с социал-демократами (участвовал в революции 1905 года в Москве, дружил с Н.И. Бухариным, был активным большевиком до отъезда в Париж в 1908 году), он еще с тех пор проявлял неприятие сионизма. В вышедшем в 1928 году романе «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» писатель рассказывал, например, о гомельском портном, который, эмигрировав было в Палестину и став там жертвой «еврейских фанатиков», возвратился на родину. 21 сентября 1948 г. в «Правде» была опубликована написанная по заказу Сталина антисионистская статья Эренбурга «По поводу одного письма». В ноябре 1948 года Эренбург устроил демонстративные скандалы в чехословацком и албанском посольствах в Москве в отношении израильских дипломатов, в том числе и Голды Меир. В начале 1953 года он активно участвовал в подготовке печально знаменитого «еврейского письма» в «Правду», потребовавшегося диктатору для «микширования» острого недовольства Запада «делом врачей». (Подробно см.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2001. С. 407–417. *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 273–275.)

⁶⁴³ *Беленькая Л., Зингер Б.* Наперекор. С. 72–73.

⁶⁴⁴ Б. Турнер, который в парижской еврейской газете «Гольдене цайт» обнародовал фантастические данные о том, что он, будучи московским корреспондентом «The London Daily Herald», был арестован и, находясь в 1949 году в одном из ИТЛ неподалеку от Братска, встретился там с еще живыми еврейскими писателями Фефером и Бергельсоном, от которых получил «достоверные сведения» о «предательстве» Эренбурга.

праве над еврейскими писателями, умерщвленными в последние годы правления Сталина. Возмутившись этой грубой фальсификацией, маститый советский литератор направил опровержение в «Монд», которая 26 сентября его напечатала, но под издевательским заголовком: «Антисемитизм г-на Эренбурга».

Травля писателя на Западе на этом не закончилась. В 1959 году в Париже вышла книга президента Ассоциации еврейских журналистов Франции Леона Ленемана «Трагедия евреев в СССР»⁶⁴⁵, в которой «разоблачению» Эренбурга была посвящена уже целая глава. В ней помимо навета Турнера приводилось и облыжное утверждение американского журналиста Хаима Шошкеса о том, что в 1952 году Эренбург проходил как свидетель обвинения на процессе по «делу ЕАК»⁶⁴⁶. Подобные обвинения муссировались в западной прессе и в последующие годы⁶⁴⁷.

В то же время Эренбурга «атаковали» и советские евреи. Озабоченные ассимиляторской политикой властей и угрозой утраты этнокультурной идентичности, они все настойчивей бомбардировали его письмами (особенно после XX съезда партии), требуя, чтобы он как депутат Верховного Совета СССР выступил в защиту их национальных прав. В коллективной петиции, поступившей писателю из Вильнюса в мае 1957 года, ему были заданы следующие довольно резкие и нелицеприятные вопросы: «Мы помним еще то время, когда в Советском Союзе существовали еврейские школы, театры, техникумы, институты, газеты, журналы, одним словом – культурная жизнь. Сегодня все это у евреев в капиталистических странах, а также в странах народной демократии. В Советском Союзе около двух миллионов евреев, много больше, чем, скажем, в Польше и Румынии. Неужели Вы над этим не задумывались, тов. Эренбург? Вы ассимилировались, видимо, так Вам было спокойнее. Удобнее, ведь больше чести быть русским писателем. Чем еврейским... Почему же Вы молчите сейчас, когда стало намного легче сказать правду и потребовать справедливости? Почему евреев, имеющих равные гражданские права с остальными народами нашей страны, принуждают ассимилироваться?.. Знаете ли Вы, что в Польше, Румынии и других странах народной

---

⁶⁴⁵ *Leneman L. La Tragedie des Juifs en URSS. – Paris: Desclee de Brouwer, 1959.*

⁶⁴⁶ *Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 478–479, 605–606. Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. P. 61–67.*

⁶⁴⁷ В начале 1963 года обвинения Эренбурга в соучастии в гонениях на еврейских писателей появились с подачи французского журналиста Пьера Фессена в «Фигаро литерер». (*Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 608.*)

демократии, которым мы помогаем строить социализм, десятки тысяч детей учатся в еврейских школах, издаются газеты и книги. Как Вы думаете, – надо ли нам это ликвидировать, или, наоборот, восстановить все в Советском Союзе? ...В «Литературной газете» предлагают открыть школы на цыганском языке. Мы это приветствуем. Но считаете ли Вы, тов. Эренбург, что еврейский народ имеет на подобные вещи меньше прав? ... Мы уверены, что в Советском Союзе и за его пределами к Вам прислушаются, учитывая Ваши заслуги и авторитет. Мы надеемся, что затронутый нами вопрос Вам не безразличен...»⁶⁴⁸.

Очевидно, именно эта жесткая критика (принявшая даже глобальный характер) понудила Эренбурга «внутренне» ревизовать свою послевоенную «страха ради Сталинского» позицию конформистского ассимиляторства и вновь возвысить свой голос против антисемитизма⁶⁴⁹.

---

⁶⁴⁸ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 383–386.

⁶⁴⁹ Осенью 1960 года по обращениям студента пятого курса Ленинградского института точной механики и оптики (ЛИТМО) М.Г. Долгого и его матери С.С. Долгой, жаловавшихся на неправомерные действия (с антисемитской подоплекой) капитана 3-го ранга Н.И. Шадрин – командира сторожевого катера в/ч 36190, руководившего военной практикой студентов указанного института, Эренбург предпринял своего рода депутатское расследование. Приложив немало усилий для установления истины, он выяснил, что упомянутый морской офицер с усердием сверх разума, что называется, «строжил» студентов, особенно евреев. Так было и тогда, когда на корабль прибыла новая группа стажеров в составе пятнадцати студентов, из коих десять были евреями. Упиваясь собственным самодурством, Шадрин уже при встрече на борту накричал на вновь прибывшего М. Долгого и некоторых его товарищей, придравшись к пустяку: модной тогда «канадке». «Вы что, из Канады приехали?.. Я не потерплю присутствия иностранной прически на русском корабле», – отчитал он их перед строем. Распорядившись остричь «низкопоклонников» наголо, новоявленный унтер Пришибеев назидательно заметил, что «от заграничной прически до измены Родине – один шаг». Действуя по старому принципу «разделяй и властвуй», Шадрин пытался проводить с русскими практикантами «особую» «индивидуальную воспитательную работу». Вызвав однажды к себе в каюту студента Костюкова, он стал настраивать его против однокашников-евреев: «Думаю, вас еще не засосала атмосфера синагоги, а я в вашем возрасте бил таких из рогатки. Вы сейчас выгораживаете их, а если позвать кого-нибудь из них, то они выдадут вас. Как могли вы, сын русского пролетария, попасть под влияние десяти евреев? Среди ваших пятнадцати человек – десять евреев, и так во многих вузах. В чьи же руки попадет наша наука? Больно делается, когда я вижу это. Я считаю своим долгом очистить науку от недостойных людей». Кончилось дело тем, что Шадрин, воспользовавшись тем, что однажды группа в полном составе не явилась вовремя на корабль из увольнения, подготовил по окончании практики только на десятерых – евреев – отрицательные характеристики. На основании такой аттестации семеро

Перестал литератор выступать и с антиссионистскими заявлениями. Находясь в мае 1959 года в Париже, Эренбург сказал на одной из частных вечеринок: если в СССР вдруг разрешат свободный выезд из страны, этим не преминут воспользоваться по меньшей мере 100 тысяч евреев. При этом он с сожалением предположил, что столь массовый исход может обернуться ростом антисемитизма в СССР⁶⁵⁰.

С начала 1960-х гг. Эренбурга все больше стали упрекать за недостаточную критику сионизма, причем не только власти, но даже и в редакции либерального «Нового мира». Рецензируя печатавшиеся тогда в журнале мемуары Эренбурга, заместитель Твардовского А.Г. Дементьев (1904–1986) указал в отзыве: «Едва ли следует сообщать, что Федин, Щипачёв, Катаев, Вишневский женаты на еврейках... Не нужно ли более энергично осудить сионизм? Можно ли ограничиться замечаниями типа: “я не увлеклся сионизмом”?»⁶⁵¹.

...Не менее активно, чем парижский, функционировал и английский «филиал» «Бар». Его глава Э. Литвинов, родившийся в непрестижном лондонском Ист-Энде в бедной многодетной семье российских еврейских иммигрантов, был от природы творчески одаренной личностью. Тем не менее, он в 14 лет вынужден был бросить школу, чтобы физическим трудом обеспечивать свое дальнейшее существование (был плотником, портным и т.п.). Только отслужив в годы Второй мировой войны в британской

студентов получили в институте строгие выговоры, а трое (Долгой, Каган и Функ) были вообще отчислены. Несправедливость и национальная селективность этого наказания были столь очевидными, что руководство Политуправления Балтийского флота еще до вмешательства в это дело Эренбурга отстранило Шадрина от должности и аннулировало подписанные им отрицательные характеристики, оно же рекомендовало директору ЛИТМО отменить приказ об исключении трех студентов. Однако тот, полагая, что такая ревизия собственного решения подорвет его авторитет, отказался его пересматривать. И тогда за Долгого и его друзей по несчастью вступился Эренбург, направивший депутатское ходатайство министру высшего и среднего специального образования В.П. Елютину (1907–1993) и подключивший к этому делу прессу – главного редактора «Известий» Аджубея и журналистку Ф.А. Вигдорову (1915–1965), которая, в свою очередь, привлекла К.И. Чуковского. В результате исключенные из ЛИТМО студенты были в декабре 1960 года в нем восстановлены. (*Чуковский К.И. Дневник. С. 294–295. Фрезинский Б.Я. «Очень просим вникнуть...» Из архива И.Г. Эренбурга // Русский еврей. 1997. № 1. С. 18–21.*)

⁶⁵⁰ Jerusalem Post. May 11, 1959. P. 1. *Rubenstein J. Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg.* – N.Y.: Basic Books, 1996. P. 320, 440.

⁶⁵¹ Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД) // Вопросы литературы. 1994. Вып. 4. С. 304.

армии и проявив затем недюжинные упорство и целеустремленность, Литвинов смог наконец целиком заняться литературным творчеством. В 1956 году он оказался в числе немногих западных интеллектуалов, кто, воспользовавшись «оттепельной» прорехой в «железном занавесе», сумел побывать в Москве, где ему даже удалось встретиться в главном раввином Шлифером. Собственно, со статьи «Визит в Московскую синагогу», которую Литвинов опубликовал по возвращении в Лондон и которая понравилась руководству «Натив» (Б. Элиаву)⁶⁵², и началось его сотрудничество с этой организацией. Ее поддержка помогла ему в 1958 году основать журнал «Евреи Восточной Европы» («Jews in Eastern Europe»), который просуществовал вплоть до 1974 года, зарекомендовав себя как солидное аналитическое издание.

Творческая харизма и незаурядное личное обаяние позволили Литвинову сблизиться с такими авторитетными западными интеллектуалами, как Бертран Рассел (1872–1970), Жан-Поль Сартр, а также с лидером британских лейбористов Хью Гейтскедом (1906–1963). Их он привлек вскоре к масштабным пропагандистским акциям в защиту советских евреев.

Еще более политически резонансно действовало представительство «Бар» в США. Возглавлявший его Б. Элиав еще летом 1956 года предпринял длительный вояж по Латинской Америке, в которой еще ранее хорошо освоился, представляя с 1953 года интересы Израиля в некоторых тамошних государствах. На этот раз он среди прочих стран посетил Мексику, Чили (там попытался завербовать лауреата Ленинской премии мира поэта Пабло Неруду), Аргентину. Отнюдь не случайно уже вскоре лидер аргентинской радикальной партии Артуро Фрондиси (1908–1995; в 1958–1962 гг. президент Аргентины) публично выступил за свободную эмиграцию евреев из СССР⁶⁵³. В августе 1956 года ИКУФ⁶⁵⁴ Аргентины направил группе советских еврейских писателей – С. Галкину, А. Вергелису, Р. Рубиной (1906–1987) и др. – приглашения прибыть в октябре в Буэнос-Айрес на VI конгресс этой организации. Однако, поскольку руководство ИКУФа Аргентины (Ц. Блиц) уже успело резко раскритиковать Хрущёва за недостаточные и селективные разоблачения сталинских преступлений, завотделом культуры ЦК КПСС Поликарпов, сославшись для проформы на негативное мнение генерального секретаря ЦК

---

⁶⁵² *Ro'i Ya*. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. P. 122.

⁶⁵³ *Ibid*. P. 110–111.

⁶⁵⁴ ИКУФ (Идишер култур фарбанд) – Союз еврейской культуры, основан на конгрессе ВЕК в Париже в 1937 году.

КП Аргентины Х. Альвареса (1897–1980), добился наложения запрета на эту поездку⁶⁵⁵.

Эффективность деятельности североамериканского отделения «Бар» заметно возросла после того, как упомянутый Розен был назначен послом Израиля в США, переехав из Парижа в Вашингтон. Этот блестящий специалист по международному праву был вхож даже в Белый дом и особенно дружен с президентом Дж.Ф. Кеннеди (1917–1963). Другой «тонизирующий» импульс «Бар» получил еще в 1959 году. Тогда его возглавил Н. Леванон, стремившийся взять реванш за поражение, которое он, находясь прежде в СССР, потерпел от КГБ. И хотя руководил «Бар» он недолго (до 1961 года), забегая вперед, следует признать, что ему, получившему впоследствии в свои руки и бразды правления «Натив» (был его главой в 1970–1982 гг.), во многом удалось осуществить это намерение.

Государство Израиль, контролировавшее распределение финансовой подпитки, поступающей главным образом от правительств США, Германии⁶⁵⁶ и американской еврейской общины, благодаря этому фактически руководило Всемирным еврейским конгрессом – глобальной ассоциацией еврейских диаспоральных общин и организаций, созданной в 1936 году. Ее президент и один из отцов-основателей Нахум Гольдман (родом из белорусского Воложина), хотя и слыл либералом и даже временами подозревался израильским руководством в просоветских симпатиях⁶⁵⁷,

---

⁶⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 19. Л. 126–130.

⁶⁵⁶ Летом 1955 года между Израилем и ФРГ было заключено соглашение о выплате последней репараций в размере 1200 млн. долларов (как компенсации за расходы, понесенные по обустройству 500 тысяч европейских евреев, прибывших в Палестину в 1933–1947 гг.).

⁶⁵⁷ В 1957 году Н. Гольдман призвал правительство Израиля соблюдать политический нейтралитет в отношениях с СССР и США. Он тогда же «предпринял попытку установить при посредничестве Италии и Югославии неофициальный контакт с Насером для выяснения возможности мирного урегулирования конфликта». Однако «Бен-Гурион, узнав об этом, был взбешен. Он потребовал немедленного прекращения попыток установления контакта с Насером и угрожал Гольдману тем, что выгонит его из состава Исполкома Всемирного сионистского конгресса» (из записки посла СССР в Израиле Абрамова министру иностранных дел СССР Громыко от 23 мая 1957 г.). В конце января – начале февраля 1961 года Гольдман отмежевался от резолюции, впервые осудившей СССР за дискриминацию граждан еврейского происхождения (была принята подкомиссией ООН по защите национальных меньшинств). На этой почве он вошел в серьезный конфликт с израильским правительством, закулисно подготовившим проект резолюции. Пригрозив израильским верхам выходом из руководства всемирным сионистским движением, Гольдман в письме к Ш. Авигуру

тем не менее, активно содействовал правительству Израиля в реализации курса на усиление внешнего давления на СССР и мобилизации с этой целью возможностей ВЕК. Тем более что его роль как инструмента публичной политики была очень важна для Израиля, предпочитавшего вплоть до 1962 года не афишировать свою инициативную роль в организации международной пропагандистской кампании в защиту советских евреев. Примечательно, что упомянутые штаб-квартиры «Бар» в Западной Европе и США разместились в региональных офисах ВЕК.

Важной начальной вехой сотрудничества между «Бар» и ВЕК стало возобновление пресекшихся с конца 1940-х гг. попыток международного еврейства наладить контакты с соплеменниками (иудейскими общинами и Еврейской автономной областью) на территории СССР. Еще 8 декабря 1955 г. Н. Гольдман письменно обратился к главному раввину С. Шлиферу с предложением встретиться в Москве, куда в случае согласия советских властей могла бы прибыть официальная делегация ВЕК. Рассмотрением этого вопроса занялось руководство Совета по делам религиозных культов, которое, проконсультировавшись с МИД СССР, «рекомендовало» Шлиферу ответить Гольдману отказом, мотивировав его ограниченностью средств, имевшихся в распоряжении общины. Правда, чтобы подсластить эту «горькую пилюлю», была выдвинута идея (альтернативная официальному визиту делегации ВЕК) приезда его руководителей в СССР в качестве туристов.

Однако, поскольку Гольдман претендовал на лавры наделенного политическими полномочиями сионистского «первопроходца» в Советский Союз, такой вариант его не устроил⁶⁵⁸. Его дальнейшие старания заслужить благосклонность Москвы, в том числе посредством близкого к ней одного из лидеров израильских коммунистов Моше Снэ (1909–1972)⁶⁵⁹, также закончились безрезультатно. Официальный приезд Гольдмана в Москву был явно неприемлем для Кремля и не только по идеологическим соображениям, но и из-за опасения осложнить отношения с арабскими

(от 14 февраля 1961 г.) так разъяснил свою позицию: «Я не отрицал, что в России существует антисемитизм, однако... нельзя заявлять, будто советская Россия антисемитская страна... Самая главная и важная цель, за которую мы боремся, – чтобы у евреев Советской России была свобода оставаться евреями...» (АВП РФ. Ф. 089. Оп. 10. П. 23. Д. 1. Л. 24–36. *Говрин И.* Указ. соч. С. 71, 72, 214–216).

⁶⁵⁸ *Чарный С.А.* Диссертация. С. 90. (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 138. Л. 4, 6, 58. Оп. 4. Д. 71. Л. 42–43.)

⁶⁵⁹ М. Снэ убеждал чиновников в ЦК КПСС, что Гольдман настроен просоветски и что он якобы рассорился на этой почве с премьер-министром Бен-Гурионом и главой МИД Израиля Шаретом.

союзниками. Поэтому принятое ЦК КПСС в начале сентября 1956 года окончательное решение о нежелательности этого визита было закономерным⁶⁶⁰.

Очевидно, эта жесткость Москвы не в последнюю очередь была обусловлена и тем немаловажным обстоятельством, что еще в конце апреля 1956 года в ходе очень важного для нее государственного визита Хрущёва и Булганина в Англию руководство ВЕК вручило малоприятный им официальный меморандум о «тяжелом» положении евреев в СССР. В этом резком по форме документе (был подготовлен МИД Израиля и доставлен в Лондон Б. Элиавом) содержался призыв к Кремлю дать советским евреям реальные права на развитие национальной культуры и получение образования на родном языке, а также на эмиграцию в рамках воссоединения семей⁶⁶¹.

В начале мая следующего года Исполком ВЕК, откликаясь на широковещательное заявление премьер-министра Бен-Гуриона от 3 апреля 1957 г.⁶⁶², принял в том же Лондоне резолюцию, обязывавшую все международные еврейские организации включиться в совместную кампанию в поддержку советских евреев и за признание руководством Советского Союза их прав на широкую эмиграцию в Израиль. На этом заседании ВЕК Гольдман призвал мировое еврейство «поставить на повестку дня еврейский вопрос в России», а 20 мая он обратился к советскому правительству с открытым письмом, в котором выступил за возрождение еврейской культуры в СССР⁶⁶³.

Все эти призывы вызывали в советских верхах лишь глухое раздражение и неприятие. Да и посол в США М.А. Меньшиков (1902–1976) летом 1959 года охарактеризовал ВЕК как организацию, стремившуюся «распространить сионизм в СССР». Именно тогда власти СССР в очередной раз отказали Гольдману, который с подачи «Бар» пригласил глав «еврейских религиозных обществ» Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других городов в Нью-Йорк на пленарную сессию ВЕК с повесткой о развитии еврейской культуры и вкладе евреев в смягчение международной напряжен-

---

⁶⁶⁰ Чарный С.А. Диссертация. С. 90 (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 130. Л. 65. Д. 138. Л. 64–65, 121).

⁶⁶¹ Говрин Й. Указ. соч. С. 210.

⁶⁶² Дословно Бен-Гурион сказал: «Несмотря на процесс ассимиляции, который давит в Советском Союзе на евреев уже более 40 лет, и молодежь, воспитанная этим строем, не знает ни одного слова на иврите и не имеет связи с еврейским миром... почти все молодое поколение советских евреев полно желания иммигрировать в Израиль» (АВП РФ. Ф. 089. Оп. 10. П. 23. Д. 1. Л. 24–36).

⁶⁶³ Levin N. Op. cit. P. 638.

ности. Правда, отказ этот был выражен не напрямую, а опосредованно. Вызвав к себе приглашенных в США раввинов, СДРК предписал им известить ВЕК о том, что они не смогут прибыть на его сессию, так как не приемлют заведомо политизированных мероприятий⁶⁶⁴. Впрочем, и в июне 1961 года, когда главный раввин Великобритании Израиль Броди (1895–1979) предложил главному раввину Москвы Левину поучаствовать в уже сугубо религиозной конференции раввинов Европы, СДРК вновь наложил вето⁶⁶⁵.

Тем не менее, Гольдман и стоявшее за ним руководство Израиля не впали в уныние, а, напротив, только усиливали пропагандистский прессинг на укрывшуюся за «железным занавесом» советскую бюрократию. 15 сентября 1960 г. Гольдман открыл в Париже первую международную конференцию, целиком посвященную обсуждению путей решения еврейской проблемы в Советском Союзе. В ней участвовали лауреат Нобелевской премии Мартин Бубер и другие всемирно известные интеллектуалы из 14 стран.

Однако в последующем роль Гольдмана в советско-сионистском пропагандистском противоборстве резко пошла на убыль. Спротивляясь падению своего политического влияния, он существенно «поправел», надеясь, что это повысит градус доверия к нему со стороны израильского политического истеблишмента. Выступая в марте 1963 года на Генеральном совете ВСО, он заявил, что главная угроза существованию евреев исходит уже не от антисемитизма, а таится в ассимиляции, особенно в той ее разновидности, которая в качестве государственной политики практикуется в Советском Союзе. Эффективно ответить на этот вызов, как подчеркнул Гольдман, смог бы только «центр еврейской нации – Государство Израиль», если тот развернет в диаспоре (прежде всего в России и странах Восточной Европы) широкую пропаганду национальных духовных ценностей и особенно «алии»⁶⁶⁶.

Но даже подобные преисполненные этнонационализма декларации не помогли Гольдману. Его карьерная звезда продолжала угасать, поскольку в практиковавшихся им приемах «тихой дипломатии», а также в исполнявшейся миссии политического медиатора, «микшировавшего» резко антисоветский «стиль» Бен-Гуриона, израильское руководство больше не нуждалось, предпочитая теперь действовать в отношении Советского Союза без «посредников» и с «открытым забралом».

⁶⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 127. Л. 19.

⁶⁶⁵ Лобовская М.А. Указ. соч. С. 193–194.

⁶⁶⁶ Говрин Й. Указ. соч. С. 214, 225. Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор. С. 119–120.

Такой чреватый политическими рисками отказ от страховочно-камуфляжа заставил израильское руководство обратить перво-степенное внимание на качество пропаганды, которое, впрочем, и без того было достаточно высоким. Еще с середины 1950-х гг., как бы отталкиваясь от противного, то бишь действуя в резком контрасте с прямолинейным, догматизированным и заскорузлым советским Агитпропом, в Израиле стала формироваться своя пропагандистская система. И поскольку изначально ее «настраивали» на тонкие, изощренные, «прецизионные» методы функционирования и подготовку интеллектуального продукта с высокой степенью убедительности и действенности, она созидалась на таком научно-гуманитарном фундаменте, который способен был обеспечить более или менее всестороннее и объективное исследование исторического феномена восточноевропейского и особенно советского еврейства. С этой целью в 1957 году и было учреждено Общество по исследованию еврейских общин (ОИЕО; с 2000 года – Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре), которое занялось масштабным сбором, накоплением и анализом соответствующих научных знаний, а также их эффективным пропагандистским использованием.

Благодаря тому, что первым председателем ОИЕО стал влиятельный деятель израильской разведки Ш. Авигур, сотрудники Общества получили доступ к накопленной «Натив» информационной базе и с его помощью смогли быстро наладить тесные связи (научная стажировка специалистов и пр.) с университетскими кругами в ведущих странах Запада, в первую очередь в США. Назначение Авигура способствовало и привлечению к финансированию ОИЕО частного спонсорского капитала, притом, что основные денежные вливания в бюджет этой формально независимой организации осуществлялись государством. Используя свои связи со спецслужбами США, «Натив» и другие родственные ему израильские организации обеспечили также заокеанскую подпитку Общества различными ресурсами – материальными, информационными, методическими⁶⁶⁷.

---

⁶⁶⁷ В 1956 году в Израиле было создано Агентство новостей из Восточной Европы, снабжавшееся информацией, поступавшей от ЮСИА, «Голоса Америки», Радио «Свободная Европа»/ «Освобождение». В сентябре 1959 года советский посол в Израиле М. Бодров сообщал в Москву, что в конце 1958 – начале 1959 г. с подачи США были созданы «Институт научных переводов» в Тель-Авиве и его филиал в Иерусалиме (при Институте им. Вейцмана в Еврейском университете). Эти организации специализировались на поиске и аналитической обработке советской литературы по военной тематике (атомной энергетике, электронике, ракетостроению, самолетостроению и т.п.). Эти материалы после систематизации и перевода на английский язык отправлялись в США. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 121. Л. 142–144.)

Свои основные усилия ОИЕО сконцентрировало на выпуске для евреев диаспоры пропагандистской, учебной и религиозной литературы – календарей, русскоязычного журнала «Вестник Израиля» (выходил с 1959 года), романа Леона Юриса «Эксодус», пособий по ивриту и пр. Эта продукция стала по тайным каналам «Натив» интенсивно доставляться в Советский Союз и страны Восточной Европы.

Мозговым центром ОИЕО стал включенный в его структуру Отдел документации по новейшей истории⁶⁶⁸, который возник еще в 1956 году как подразделение Израильского исторического общества при Центральном архиве еврейского народа в Иерусалиме. Идейными отцами-основателями этого научного отдела явились известные израильские ученые Бенцион Динур (1884–1973; в 1951–1955 гг. – министр образования и культуры Израиля) и Исраэль Гальперн (1910–1971), занимавшиеся исследованиями на ниве сионистской историографии.

Во главе отдела был поставлен профессор филологии Хона Шмерук (1921–1997), заведовавший кафедрой идишской литературы в Иерусалимском еврейском университете. Получив в свое распоряжение архив⁶⁶⁹ и библиотеку⁶⁷⁰, отдел быстро развернул работу по всем направлениям научно-исследовательской деятельности. Стартовым для него стал проект формирования документальной базы факсимильных копий публикаций на еврейскую тему в советской русскоязычной, идишской и ивритской периодике, увенчавшийся в 1961 году выпуском соответствующего библиографического справочника, охватывавшего период 1917–1960 гг. Одновременно было инициировано и создание многотомной документальной серии «Евреи и еврейский народ». В результате были опубликованы «Материалы из советской печати (за 1960–1985 гг.)» (тт. 1–111, Иерусалим, 1962–1988)

---

⁶⁶⁸ В 1969 году Отдел был передан Еврейскому университету в Иерусалиме и вплоть до 2002 г. функционировал в его структуре как Центр документации восточноевропейского еврейства (Center for Research and Documentation of East-European Jewry).

⁶⁶⁹ В архив отдела поступали материалы (подлинники или копии) еврейских организаций Советского Союза, существовавших в 1920–1930-х гг., а также записанные сотрудниками спецслужб Израиля интервью с перемещенными и иммигрантами из СССР и других восточноевропейских стран.

⁶⁷⁰ Библиотека отдела комплектовалась не только литературой из израильских книгохранилищ. В больших количествах в нее поступали также журналы, брошюры, документы, материалы из частных собраний различных стран мира. К концу XX века фонд библиотеки насчитывал уже около 200 тыс. томов и сотни комплектов газет и журналов, изданных в Советском Союзе и странах СНГ.

и др.⁶⁷¹ Работая над этими томами, сотрудники отдела вели поиск материалов для них путем систематического просмотра советской периодики – 30 ежедневных газет и более 60 журналов на русском, украинском и белорусском языках.

Налаживая «еврейскую советологию», «Натив» вступил в тесные контакты с американскими специалистами-гуманитариями. Наиболее успешным было его сотрудничество с ученым, журналистом и культурологом Моше Дектером (1912–2007), которого к сотрудничеству с «Бар» привлек Б. Элиав. Будучи прежде всего талантливым публицистом, Дектер, используя фундаментальные наработки крупного американского историка Соломона Шварца (в прошлом видный российский политический деятель), впервые широко «презентовал» в англоязычной прессе полемически заостренную концепцию сталинского антисемитизма, в которой период пароксизма этого явления (1948–1953 гг.) был образно обозначен как «черные годы». Это свое видение трагической судьбы советского еврейства Дектер изложил в 1958 году в пространной публикации в журнале «Факты», издававшемся старейшей американской еврейской организацией «Бней-Брит». Его хлесткую статью, озаглавленную «Антисемитизм в Советском Союзе сегодня» и завершавшуюся мрачным пророчеством⁶⁷², в Агитпропе ЦК КПСС не просто заметили, но и как важный идеологический материал перевели на русский язык и тщательно изучили, назвав «развернутой платформой антисоветского буржуазного национализма, наполненной гнусной клеветой на ленинскую национальную политику СССР»⁶⁷³.

Высоко оценив взрывной пропагандистский эффект, произведенный публикациями и выступлениями Дектера, «Натив» даже специально создал в Нью-Йорке «под него» Центр по исследованию еврейских меньшинств (The Jewish Minorities Research Center).

---

⁶⁷¹ Еврейские публикации в Советском Союзе. 1917–1960 / Ред. Х. Шмерук. – Иерусалим, 1961. Публикации на русском языке о евреях и еврействе в Советском Союзе в 1917–1967 гг. / Ред. М. Альтшулер. – Иерусалим, 1970. Евреи в переписи населения в Советском Союзе в 1959 г. / Ред. М. Альтшулер. – Иерусалим, 1963 (брошюра по демографии еврейского населения СССР, на англ. и иврит.), и др.

⁶⁷² М. Дектер писал: «Перспективы советского еврейства мрачны и страшны: в лучшем случае это угасание когда-то цветущей и богатой культурной традиции и жизни, в худшем – завершение коммунистами ужасного дела, начатого нацистами: ликвидация путем насильственной ассимиляции всей трехмиллионной еврейской общины» («Facts». August–September, 1958. Vol. 13. № 3. – Published by the Anti-Defamation League of The B'nai Brith; цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 81. Л. 66).

⁶⁷³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 81. Л. 34–66.

Пиком сотрудничества Дектера с «Бар» стали публикация в январе 1963 года в очень авторитетном американском журнале его широко распропагандированной потом статьи «Статус евреев в Советском Союзе»⁶⁷⁴ и участие в организации в октябре того же года в международном центре Карнеги конференции солидарности с советскими евреями. Это резонансное мероприятие почтили вниманием видные общественные, культурные и политические деятели Северной Америки, в том числе борец за права афроамериканцев Мартин Лютер Кинг, драматург Артур Миллер, бывший деятель коммунистического движения Канады Джозеф Солсберг, сенатор Герберт Леман⁶⁷⁵.

В последующие годы Дектер работал политическим редактором на радиостанции «Голос Америки», был директором по исследовательской работе Американского еврейского конгресса, а также являлся советником израильского посольства в Вашингтоне.

Усиление антисоветской активности Израиля (начало 1960-х)

К началу 1960-х гг. в политике Израиля по отношению к Советскому Союзу мало что изменилось. Ее сердцевиной оставалась жизненно важная цель добиться во что бы то ни стало массовой еврейской иммиграции («большой алии») из коммунистической империи. И если первоначально для ее достижения Израиль, как уже отмечалось, безуспешно пытался запустить механизм внутреннего общественного давления на СССР (путем налаживания тайных контактов с этнокультурно активным советским еврейством), то потом (со второй половины 1950-х гг.) этот прессинг стал осуществляться преимущественно извне, в рамках глобальной антисоветской пропагандистской кампании.

Определяя курс на новое десятилетие, XXV Всемирный сионистский конгресс, который прошел в Иерусалиме с 27 декабря 1960-го по 11 января 1961 г. под лозунгом «Алия», призвал всех евреев мира иммигрировать в Израиль, чтобы жить там «полной еврейской жизнью, помочь в строительстве страны, преобразив тем самым свою собственную жизнь»⁶⁷⁶.

Вместе с тем участники конгресса, понимавшие нереалистичность этих благих пожеланий, исключили из программы ВСО

---

⁶⁷⁴ *Decter M.* The Status of the Jews in the Soviet Union // Foreign Affairs. January, 1963.

⁶⁷⁵ *Кошаровский Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 149–150.

⁶⁷⁶ The Jerusalem Post. 1960. 9 January (Архив ЕТА: <http://archive.jta.org>).

пункт об обязательности переселения в Израиль, выдвинув взамен требование к евреям диаспоры бороться против ассимиляции. Горячий сторонник «большой советской алии» премьер-министр Бен-Гурион, который еще в 1957 году количественно оценил этот возможный исход в 1,5 млн. чел.⁶⁷⁷, оптимистично высказался на этом форуме в том роде, что власти в СССР все же пойдут навстречу Израилю в вопросе «репатриации»⁶⁷⁸.

Показательно, что следующий, XXVI сионистский конгресс, проходивший в Иерусалиме в конце 1964 – начале 1965 г., ознаменовался лозунгом «Лицом к диаспоре». Ввиду того, что главной опасностью, угрожавшей евреям в диаспоре, тогда была названа ассимиляция, основной задачей была объявлена стимуляция национального самосознания среди евреев «в рассеянии» (в первую очередь среди молодежи) и побуждение их к эмиграции⁶⁷⁹.

С началом 1960-х гг. Иерусалим перестал камуфлировать свою конфронтацию с СССР, прибегая для этого к тактике опосредованной критики Советского Союза и используя для этого Социнтерн, Европейский совет, Всемирную конфедерацию свободных профсоюзов и тому подобные международные организации, а также симпатизировавших политиков иностранных государств. 29 октября 1962 г. посол Израиля в ООН М. Комай впервые после «дела врачей» 1953 года открыто поднял в этой всемирной организации (на комиссии по правам человека в Экономическом и социальном совете) вопрос о положении советских евреев. Такой шаг еще больше ожесточил кремлевских политиков, окончательно разглядевших за всеми международными акциями солидарности с советским еврейством направляющую руку Израиля.

И такая подозрительность не была паранойей. Реальная роль спецслужб еврейского государства была действительно ведущей в организации почти всех проводившихся с начала 1960-х гг. интернациональных пропагандистских мероприятий в защиту советских евреев, в том числе представительных и «громких», как конференции в Париже (сентябрь 1960 г., июнь 1961 г., октябрь

---

⁶⁷⁷ Сообщение ЕТА от 11 сентября 1957 г. (Архив ЕТА: <http://archive.jta.org>.)

⁶⁷⁸ Сообщение ЕТА от 31 октября 1960 г. Интересно, что, комментируя в мае 1959 года публичный намек Хрущёва на возможное предоставление советским евреям права на свободную эмиграцию, Бен-Гурион иронично заметил: «Надеюсь, что это произойдет раньше пришествия мессии» (Архив ЕТА: <http://archive.jta.org>).

⁶⁷⁹ The Jerusalem Post. 1964. 31 December. 1965. 3 January (Архив ЕТА: <http://archive.jta.org>).

1964 г.), Риме (март 1961 г.), Лондоне (сентябрь 1961 г.), Рио-де-Жанейро (сентябрь 1961 г.), Нью-Йорке (октябрь 1963 г.), Риме (октябрь 1963 г.), Вашингтоне (апрель 1964 г.)⁶⁸⁰.

Ярким звеном в этой цепи акций стал учредительный съезд Американской еврейской конференции в защиту советских евреев (The American Jewish Conference on Soviet Jewry⁶⁸¹), прошедший в американской столице 5–6 апреля 1964 г. с участием 24 крупных еврейских организаций США. Его созывом и созданием на нем Американской еврейской конференции... в значительной мере дирижировал израильский «Натив».

Правда, без его участия и во многом спонтанно в Нью-Йорке была создана спустя несколько недель молодежная еврейская организация «Студенты в борьбе за советских евреев» («Student Struggle for Soviet Jewry» – SSSJ). Ее основатель и руководитель раввин Джейкоб Бирнбаум (р. 1926), будучи внуком Натана Бирнбаума (1864–1937) – генерального секретаря Первого сионистского конгресса и соратника Теодора Герцля, был настроен по-боевому. Он резко критиковал Американскую еврейскую конференцию... за «бумажно-словесный» стиль работы и выступал за массовые, исполненные молодежной энергетикой антисоветские протестные акции. Уже 1 мая 1964 г. он устроил у здания советской миссии при ООН на Манхэттене четырехчасовой пикет, в котором участвовала одна тысяча студентов⁶⁸².

Активизировались и лоббисты израильских интересов в США. Благодаря их настойчивости на состоявшейся 28 октября 1964 г. в Нью-Йорке встрече руководителей американских еврейских организаций произошло важное событие: заместитель специального советника президента США Мейер Фельдман (1914–2007) огласил телеграмму Линдона Джонсона (1908–1973), в которой впервые на столь высоком уровне была открыто выражена «глубокая» обеспокоенность официального Вашингтона положением евреев в Советском Союзе. «Мы полагаем, – писал Джонсон, – что доступные нам официальные действия должны быть усилены давлением пробуждающегося мирового общественного мнения. Я надеюсь, что граждане и организации, люди всех вероисповеданий объединятся в выражении моральной заботы о евреях Со-

⁶⁸⁰ Говрин И. Указ. соч. С. 230–231.

⁶⁸¹ С 1971 года – «The National Conference on Soviet Jewry».

⁶⁸² Опасаясь, что подобные протестные выступления усугубят положение евреев в СССР, наиболее непримиримо к SSSJ относилось американское консервативно-иудаистское движение Хабад во главе с Любавичским ребе Менахемом Менделем Шнейерсоном (1902–1994), считавшимся до этого лучшим экспертом по делам советских евреев.

ветского Союза. Ни одно правительство не может игнорировать мнение миллионов людей во всем мире»⁶⁸³.

Похожий процесс развивался и в Канаде. В конце 1963 года Канадский еврейский рабочий комитет направил в советское посольство в Оттаве меморандум «О дискриминации евреев России». В нем настаивалось на «прекращении поношения иудаизма, еврейской истории и Израиля» и содержались следующие требования: восстановить образование на еврейском языке; не препятствовать развитию национальной культуры в сфере еврейской литературы, театра, музыки; прекратить закрытие синагог и молелен, позволить иудейским общинам сформировать центральный управленческий орган⁶⁸⁴.

20 ноября 1963 г. премьер-министра Канады Лестер Б. Пирсон (1897–1972) заявил в парламенте о непропорционально большом числе евреев, осужденных в СССР за «экономические преступления». Правда, при этом он оговорился: «Канадское правительство, несмотря на свою озабоченность, не делало никаких представлений советскому правительству по вопросу об антисемитизме в СССР»⁶⁸⁵. Выступая в январе 1964 года на всеканадской конференции раввинов, госсекретарь по внешним делам Канады Пол Мартин (1903–1992) подтвердил намерение правительства поднять в ближайшее время в Комиссии по правам человека ООН вопрос о положении евреев в Советском Союзе⁶⁸⁶.

Официальные круги в Москве были немало озабочены внешнеполитической активностью Израиля по антисоветской мобилизации западной общественности. Еще 13 декабря 1961 г. заведующий Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР Е.Д. Киселев доложил заместителю министра иностранных дел СССР Я.А. Малику (1906–1980): «Через сионистские организации различных стран правящие круги Израиля проводят антисоветскую деятельность по так называемому «еврейскому вопросу». В последнее время по инициативе правящих кругов Израиля в Иерусалиме, Париже, Лондоне проводились международные конференции, на которых в антисоветском духе обсуждался вопрос о положении евреев в СССР.. Правительство Израиля пытается замаскировать враждебную СССР позицию и делает видимость своей заинтересованности улучшить отношения с СССР. В 1960 и 1961 гг. премьер-министр Израиля Бен-Гурион обращался к Советскому

---

⁶⁸³ Говрин И. Указ. соч. С. 233.

⁶⁸⁴ Еврейская эмиграция в свете новых документов. С. 44–45.

⁶⁸⁵ Там же. С. 46.

⁶⁸⁶ Там же. С. 48–49.

правительству с просьбами разрешить посетить Советский Союз. По решению Инстанции, визит Бен-Гуриона в СССР был признан несвоевременным. Посол Израиля в СССР Арэль на протяжении более двух лет при встречах и в беседах с советскими официальными лицами заявлял о желании Израиля развивать культурные и торговые связи с Советским Союзом. Арэль указывал, что Израиль готов закупать в СССР нефть и в свою очередь продавать СССР цитрусовые, удобрения, химикалии и другие товары. В части культурных связей Арэль выдвигал идею обмена между СССР и Израилем выставками, театрами, артистами и другими деятелями науки и культуры... Тов. Громыко А.А. при встрече с послом Израиля в СССР 26 декабря 1960 года ответил последнему, что его мнение и выводы насчет дискриминации торговли СССР с Израилем ошибочны и что Советское правительство в своих отношениях с другими странами и в международной торговле никогда не проводило политику дискриминации. В торговле оно всегда руководствуется деловыми соображениями. Что касается торговли с Израилем, то, видимо, как заявил тов. Громыко А.А., наши торговые организации не заинтересованы в израильских товарах. Никаких политических мотивов тут нет. В части культурного обмена тов. Громыко ответил, что обмен между странами большими театральными коллективами – дело сложное. Речь, видимо, – сказал тов. Громыко, – может идти об обмене отдельными лицами. Министр обратил внимание посла на то, что отсутствие между Израилем и СССР развитых культурных связей тоже не является выражением какой-то политики. В настоящее время, – как заметил тов. Громыко, – десятки других стран желали бы иметь культурные связи с Советским Союзом, но они еще не установлены... В 1961 году торговля между СССР и Израилем ограничивалась продажей израильским фирмам советских книжных изданий и кинофильмов. По линии культурных связей в 1961 году в разное время посетили Израиль четыре советских артиста... баскетбольная команда СССР. В свою очередь, в СССР было несколько партий израильских туристов, баскетбольная команда. Израильские кинопрокатные фирмы принимали участие в Московском кинофестивале. Несколько израильских ученых и специалистов принимали участие в работе международных конференций в СССР. Планом Министерства культуры СССР на 1962 год предусматривается направить в Израиль одного артиста по государственной линии и одного-двух артистов по общественной линии. Правительство Израиля, настаивая на расширении культурных и торговых связей между СССР и Израилем, преследует определенные политические цели и пытается

поссорить СССР с арабами. Известно, что арабские страны осуществляют экономический бойкот Израиля и исключительно болезненно реагируют на любые шаги других стран и особенно СССР по установлению связей с Израилем и применяют санкции к таким странам. В частности, они заносят в черный список суда, которые посещают израильские порты, что влечет за собой запрет для этих судов проходить через Суэцкий канал и посещать порты арабских стран, и др. Сионистские круги Израиля давно вынашивают планы расширения сферы деятельности сионистской пропаганды в СССР. Эти планы и лежат в основе настоятельных требований правительства Израиля о расширении культурных связей с СССР. В своем заявлении представителям местной и иностранной прессы премьер-министр Израиля Бен-Гурион заявил, в частности, 1 декабря с.г., что Советский Союз не желает улучшать отношений с Израилем из-за опасения ухудшить свои отношения с арабскими странами и из-за неразрешимости «еврейской проблемы» в СССР»⁶⁸⁷.

Покидая в январе 1962 года Советский Союз, посол Израиля Арэль нанес прощальный визит Громыко. И хотя состоявшаяся беседа носила протокольный характер, израильский дипломат не стал сдерживать эмоций и горько заметил, что, несмотря на то, что «в последнее время израильские руководители неоднократно выражали свое желание улучшить и нормализовать экономические и культурные отношения с СССР... мы постоянно наталкиваемся на отказы». Конкретизируя, Арэль припомнил, что советская сторона отвергла даже предложение провести в Москве израильскую археологическую выставку, хотя к демонстрировавшимся на ней кумранским свиткам⁶⁸⁸ во всем мире был проявлен огромный интерес⁶⁸⁹.

Усматривая в предложениях израильтян об укреплении межгосударственного политико-экономического и культурного сотрудничества сионистскую подоплеку, советские дипломаты, да и высшие руководители реагировали на них скептически, в соответствии с крылатой сентенцией «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Наглядное подтверждение этому содержалось в шифротелеграмме Бодрова, отправленной 4 марта 1963 г. заместителю министра иностранных дел СССР С.Г. Лапину (1912–1990). В ней советский посол в Тель-Авиве изложил следующие густо замешанные на «сионофобии» соображения: «Добываясь более широ-

⁶⁸⁷ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 14. П. 30. Д. 4. Л. 7–10.

⁶⁸⁸ Кумранские свитки («Летописи Мёртвого моря») содержат уникальные сведения по истории возникновения христианства.

⁶⁸⁹ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 15. П. 20. Д. 4. Л. 1–3.

ких связей с нашей страной, правящие круги Израиля рассчитывают, прежде всего, вбить клин в отношения Советского Союза с арабскими государствами, подорвать у них доверие к нам и в конечном счете поссорить их с Советским Союзом; использовать расширение культурных, научных связей и туризма для усиления разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза в интересах империалистических держав и ведения сионистской пропаганды среди еврейского населения нашей страны... Расширение культурных, научных и иных связей с СССР должно, по замыслам сионистов, подтвердить их тезис о том, что Израиль якобы является центром мировой культуры, что даже такая великая держава, как Советский Союз, проявляет интерес к достижениям его науки и культуры и что поэтому-де вполне закономерным является тот факт, что сотни граждан из слаборазвитых стран Африки и Азии едут в Израиль, чтобы поучиться у него, перенять его опыт и т.д. ...По мнению Посольства, в настоящее время нет оснований для изменения нашей позиции в отношении Израиля и, в частности, по вопросу о возобновлении торговли с этой страной. Экономическая выгода от торговли с Израилем, видимо, не окупит политические минусы. При этом, естественно, необходимо учитывать резко выраженный антисоветский курс внешней политики Израиля. В силу указанных выше причин, по нашему мнению, нецелесообразно возобновлять туризм советских граждан в Израиль и организовывать широкий обмен культурными, научными и другими делегациями»⁶⁹⁰.

Окончательно убедившись в бесплодности официального диалога с советским руководством по проблеме еврейской эмиграции, израильтяне ради ее решения стали все более настойчиво действовать на альтернативном направлении: усиливали моральную осаду Кремля, наращивая антисоветские протестные кампании мировой общественности. «Натив», который главным образом и инспирировал такого рода глобальную гражданскую активность, наладил для этого широкое сотрудничество с наиболее авторитетными и влиятельными мировыми политиками и интеллектуалами. Тем самым он смог заметно повысить мобилизационный эффект предпринимавшихся им пропагандистских кампаний и силу их воздействия на советское руководство.

Чрезвычайно полезными для «Натив» оказались контакты с нобелевским лауреатом и президентом Израильской академии наук М. Бубером, который в изданной в 1963 году статье «Евреи в Советском Союзе» подчеркивал, что «сбор всего народа (еврей-

---

⁶⁹⁰ АВП РФ. Ф. 089. Оп. 16. П. 32. Д. 1. Л. 1-4.

ского. – Г.К.) в его Отечестве (Израиле. – Г.К.) остается даже в... новой фазе еврейского существования мессианистской идеей»⁶⁹¹.

Однако особо важным достижением «Натив» стало вовлечение в сферу своего влияния знаменитого британского ученого, философа, общественного деятеля и пацифиста Бертрانا Рассела, который много лет посвятил изучению системы власти в СССР и имел опыт общения с советскими лидерами. Побывав в Советской России еще в 1920 году и встретившись тогда с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, он глубоко разочаровался в большевизме. В 1957 году Рассел стал одним из отцов-основателей Пагуошского миротворческого движения ученых. Будучи принципиальным противником ядерного оружия, он во время Карибского кризиса 1962 года вел интенсивную переписку с Дж. Кеннеди и Хрущёвым.

2 февраля 1963 г. Рассел явно с подачи близко знакомого ему Э. Литвинова (представителя «Натив» в Лондоне) обратился к Хрущёву с личным посланием, в котором представил его жесткую борьбу с «экономическими преступлениями» как сугубо антиеврейскую. Маститый ученый выразил также глубокую обеспокоенность «смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением антисемитизма, который, по-видимому, имеет место», и призвал советского премьера объявить амнистию осужденным за нелегальные производственную деятельность и валютные операции⁶⁹².

Этим обращением занялись специалисты со Старой площади, которые почти месяц готовили обстоятельный ответ на него. И вот 1 марта 1963 г. он за подписью Хрущёва был опубликован в «Правде». В нем категорично отвергалось предположение Рассела об этнонациональной (антисемитской) подоплеке приговоров, вынесенных в СССР по «экономическим преступлениям». Вместе с тем настаивалось на исключительно социальной мотивации этих судебных решений: «...Меры наказания каждому из совершивших преступление не имеют отношения к национальной принадлежности... Труд спекулянтов, взяточников, валютчиков – это общественно-паразитическая деятельность, вредная для окружающей среды, для общества... Одним словом, решение суда направляется не против определенной какой-то нации, а против преступлений их носителей, независимо от того, к какой нации они принадлежат».

---

⁶⁹¹ Бубер М. Евреи в Советском Союзе // Новый век (русско-еврейский журнал). 2003. № 3. С. 118.

⁶⁹² Правда. 1963. 3 февраля.

Это сообщение, а также последующие выступления и интервью Хрущёва, в которых тот с издевкой уличал Рассела в равнодушии к судьбам неевреев, осужденных в СССР за нелегальный бизнес, на Западе замалчивались. Поэтому, чтобы более эффективней парировать израильский пропагандистский натиск, советское руководство направило в США главного редактора «Советиш Геймланд» Вергелиса. Его заокеанская командировка, прошедшая с 15 ноября по 4 декабря 1963 г., состояла из посещений таких центров концентрации еврейства, как Нью-Йорк, Вашингтон, Сан-Франциско, Чикаго, Кливленд и Лос-Анджелес. Стремясь дискредитировать антисионистскую миссию Вергелиса, «Натив» посредством МИД Израиля направил в США некоего Беньямина Аляга с заданием организовать бойкот кремлевского посланца со стороны американской еврейской общественности. Однако эти усилия не увенчались успехом. Даже в самом Израиле по поводу них чуть не разразился скандал. Там коммунистический депутат кнессета Эстер Виленская (1918–1975) попыталась инициировать официальное расследование антисоветских тайных операций израильских спецслужб.

Тем временем в Нью-Йорке Вергелис был с почетом принят в редакции коммунистической газеты «Морген фрайхайт». Особенно радушен был с ним ее главный редактор Пол (Песах) Новик (1891–1990), который неоднократно встречался и дружил с С. Михоэлсом и другими членами ЕАК, а в 1959 году приезжал в Москву на торжества по случаю столетия Шолом-Алейхема⁶⁹³.

Возвратившись домой, Вергелис 30 декабря 1963 г. подробно проинформировал ЦК КПСС о реакции американской прессы на его поездку. При этом он пытался обосновать целесообразность некоторого расширения административных рамок, ограничивавших развитие еврейской культуры, что, как он полагал, станет наиболее эффективным ответом на сионистский вызов. Конкретно им было предложено придать новое качество альманаху «Советиш Геймланд» (преобразовав его в более объемный и чаще выходящий литературно-политический журнал), воссоздать в Москве еврейский театр, расширить публикацию литературы на идише, ослабить административный контроль над иудейскими общинами, интенсифицировать культурный обмен с зарубежным еврейством, особенно американским⁶⁹⁴.

Поскольку в заграничных поездках Вергелис рекламировал себя (в соответствии с официальной «легендой») в качестве полномочного представителя советского еврейства, на первых порах его

⁶⁹³ Эстрайх Г. Арон Вергелис. С. 129, 130.

⁶⁹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 118. Л. 1–11.

воспринимали на Западе как влиятельную персону в кремлевском истеблишменте. Возможно, поэтому в «Натив» решили действовать против него Рассела, вновь пустив в ход этот самый крупный «козырь» в своей пропагандистской колоде. В конце мая 1964 года Э. Литвинов передал Расселу письмо некоего неизвестного советского еврея – коммуниста и ветерана, попросившего почему-то британского ученого добиться от редакции «Советиш Геймланд» публично обозначить свою позицию по поводу проводившейся в СССР ассимиляции евреев. Вскоре такое персональное обращение с просьбой ходатайствовать перед Хрущёвым о существенной либерализации советской «еврейской политики» было направлено Вергелису от имени и за подписью Рассела. В нем советскому поэту предлагалось потребовать от Хрущёва выполнения следующих требований: остановить насильственную ассимиляцию евреев, предоставить им равные с другими народами страны права, обеспечить полноценное существование иудейских общин, восстановить во всей полноте еврейскую культурную жизнь – открыть в крупных городах национальные библиотеки, газеты, театры, школы, клубы и общинные центры⁶⁹⁵.

Ответ Вергелиса, как и следовало ожидать, не стал сенсацией. Посоветовавшись с кураторами на Старой площади, поэт, не мудрствуя лукаво, изложил на страницах издававшегося им журнала советскую официальную точку зрения по еврейскому вопросу, причем, очевидно, «наступив на горло» собственной, более «мягкой» позиции. В этом ответе Расселу констатировалось, что советское еврейство не нуждается в том, «что называется культурной автономией». При этом пояснялось: «По сравнению с двадцатыми и тридцатыми годами тяга к еврейской культуре [в СССР] значительно понизилась и поэтому совершенно невозможно без всякого повода искусственно увеличивать еврейскую культурную работу на идиш»⁶⁹⁶.

Однако, демонстрируя публичную бескомпромиссность в «еврейском вопросе», советское руководство все же вынуждено было считаться с тем, что лорд Рассел сделал этот «вопрос» чуть ли не первостепенной на Западе злобой дня. Поэтому оно исподволь пошло на некоторые уступки. В 1963 году впервые в СССР вышел в свет иврит-русский словарь⁶⁹⁷. Его составителю Феликсу Ша-

---

⁶⁹⁵ Эстрайх Г. Арон Вергелис. С. 129. *Беленькая Л., Зингер Б.* Наперекор. С. 117.

⁶⁹⁶ Советиш Геймланд. 1964. № 5. (Цит. по: *Шапиро Л.* Указ. соч. С. 384.)

⁶⁹⁷ *Шапиро Ф.Л.* Иврит-русский словарь / Под ред. Б.М. Гранде. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. С. 768.

пиро (1879–1961) не суждено было дожить до издания своего капитального труда, включавшего в себя около 28 тысяч слов и вышедшего тиражом в 25 тыс. экземпляров. Впоследствии возникло предположение, что на публикацию словаря власти пошли, вняв доводам ученых-семитологов из Института восточных языков МГУ (там преподавал и Шапиро) о его большой научной ценности, а также учтя «практические» интересы советских спецслужб и специалистов по антисюионистской пропаганде⁶⁹⁸.

Между тем, в действительности решающую роль в публикации этого словаря, на издание которого при жизни автора не раз налагались запреты, сыграло стремление Кремля умиротворить Запад, продемонстрировав ему «добрую волю» в решении «еврейского вопроса». Правда, достичь этой цели так и не удалось. Более того, выпуск словаря обернулся впоследствии для властей новыми проблемами. И главная из них состояла в том, что, поскольку к словарю прилагался очерк грамматики (был составлен известным семитологом и арабистом Б.М. Гранде), он почти сразу был «взят на вооружение» нелегальными сионистскими кружками, где изучение иврита являлось важной стадией подготовки к эмиграции. Издание завоевало такую широкую популярность в еврейской среде, что многие годы являлось там объектом интенсивного кустарного копирования.

В том же 1963 году увидела свет и антология «Поэты Израиля», вышедшая во многом благодаря настойчивости руководителя Израильской компартии Ш. Микуниса⁶⁹⁹. А в 1964 году в Тбилиси (Грузия) прошла первая научная конференция по семитским языкам. Центральной на ней стала не только проблематика древнееврейского языка, но и современного иврита. Кстати, именно на этом научном форуме произошла важная терминологическая новация: «древнееврейский язык» был «переименован» в «иврит»⁷⁰⁰.

Определенные послабления, на которые Хрущёв вынужденно пошел под пропагандистским воздействием инвектив Запада об «антисемитских репрессиях в СССР», способствовали росту национального самосознания в советском еврействе, особенно в его

---

⁶⁹⁸ *Рабинович Я.И.* В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. В 3-х кн. Кн. 3. – М.: Международные отношения, 2003. С. 443.

⁶⁹⁹ Поэты Израиля / Пер. с иврита, идиша и араб. под ред. Б.А. Слуцкого. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 216. РГАНЛ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 95. Л. 8–12.

⁷⁰⁰ *Гринбаум А.* Иудаика в СССР. 1950–1990 // Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век / Ред. М. Аграновская. – М.–Иерусалим: Гешарим, 1994. С. 173–174.

молодежной среде. Как сообщали в Иерусалим осенью 1963 года израильские дипломаты в Москве, поведение некоторых молодых евреев в советской столице «стало носить характер фронды: они делают публичные заявления о своей солидарности с Израилем, открыто носят цепочки с «Маген Давид»⁷⁰¹, без утайки обсуждают программы радиостанции «Голос Сиона в галуте»⁷⁰² и т.п.»⁷⁰³. Работники этого посольства сообщали также об усилении среди евреев эмиграционных настроений⁷⁰⁴.

* * *

Отмечавшийся с начала 1960-х гг. рост еврейской этнонациональной активности происходил не сам по себе. По преимуществу он являлся следствием наметившихся с 1959 года тенденций к преодолению кратковременного политического ужесточения, спровоцированного волнениями в Польше и Венгрии, и к дальнейшей либерализации советской системы. Подобное развитие, в свою очередь, обуславливалось как попыткой Хрущёва поколебать всеисилие бюрократического аппарата (посредством ограниченного реформирования), так и смягчением международной напряженности (визит Хрущёва в США и т.п.).

Если в 1957–1958 гг. по политическим мотивам в СССР были осуждены 3380 человек, то в 1959–1960 гг. – 912. Для 1961 года соответствующий показатель составил 207 человек. Правда, в последующие два года он в связи с ужесточением внутренней политики после трагических событий в Новочеркасске несколько вырос: в 1962 году – 323 человека, а в 1963-м – 341. Однако уже в 1964-м вновь понизился до 181⁷⁰⁵.

Об определенной гуманизации режима власти свидетельствовало и то, что в последнее пятилетие хрущёвского правления стало, пусть и медленно, расти количество официальных разрешений на получение израильских виз. Если в 1960 году по таким выехали только 60 евреев, то в 1961-м – 202. Даже в политически жестком 1962-м этот показатель понизился только до 184-х. Но уже в 1963-м он составил 305, увеличившись в

---

⁷⁰¹ «Маген Давид» (ивр. «Щит Давида») – шестиконечная звезда, служит эмблемой иудаизма, а также символом Израиля и сионизма.

⁷⁰² Галут (ивр. «изгнание») – еврейство, живущее вне Израиля.

⁷⁰³ *Беленькая Л., Зингер Б.* Наперекор. С. 118.

⁷⁰⁴ *Зисельс И.* Некоторые аспекты миграции евреев Украины. Доклад на Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М.: Сэфер, 2001. С. 9.

⁷⁰⁵ Вестник Архива Президента РФ // Источник. 1995. № 6. С. 153.

1964-м до 537⁷⁰⁶. А всего за «хрущёвское десятилетие» (1954–1964 гг.) в Израиль эмигрировали 2418 советских евреев⁷⁰⁷.

Участники нарождавшегося в СССР сионистского движения получали немалую пропагандистскую и материальную подпитку, знакомясь с сотрудниками израильского посольства в Москве (точнее, с агентами «Натив», работавшими под дипломатическим прикрытием). Значительный вклад в идейную мобилизацию активистов этого движения внесли западные радиостанции, в том числе и вещавшие на Советский Союз из Израиля. Однако в целом роль «внешних» факторов в стимулировании сионистского движения была вторичной в сравнении с провоцирующим влиянием грубой ассимиляционной политики властей, не говоря уже о поступательно нараставшем общем кризисе советской системы.

---

⁷⁰⁶ *Goldman M.* United States Policy and Soviet Jewish Emigration from Nixon to Bush // *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union* / Ed. by Ya Ro'i. – London: Taylor & Francis, Inc., 1995. P. 359.

⁷⁰⁷ *Nezer Zvi.* The Emigration of Soviet Jewry // *Proceedings of the Experts' conference on Soviet Jewry.* London, 4–6 January 1983 / Ed. by L. Hirszowicz. – London: Institute of Jewish Affairs, 1985. P. 19.

Глава VII

**ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОСТРЕНИЕ
В 1960-х**

Аппаратные маневры Хрущёва

Завладение Хрущёвым к концу 1950-х годов основными атрибутами партийной и государственной власти – постами первого секретаря Президиума ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР – не могло не разжечь в нем вождистских амбиций. Соблазн возрождения режима единоличной власти, преобразованного после смерти Сталина правившей элитой в правление политической олигархии («система коллективного руководства»), был столь велик, что Хрущёв не устоял против него. Об этом свидетельствовало отчетливо проявившееся у него к этому времени подспудное стремление быть уже не первым среди равных в высшем эшелоне власти, а, возвысившись над ним, полностью, как это было при покойном диктаторе, подчинить его себе. Однако, отказавшись от политики тотального террора, Хрущёв вряд ли мог рассчитывать на такое укрощение номенклатурной бюрократии, закаленной к тому же в горниле сталинских чисток. Впрочем, даже если он и интуитивно осознавал заведомую бесперспективность своих «гуманных» методов достижения единодержавия, то его эмоциональная лишенная холодной «сталинской» рациональности и систематики натура все равно не способна была действовать по-иному. Минимизируя использование репрессивных методов, Хрущёв ради достижения заветной цели заметно усилил пропагандистское воздействие на общество (в том числе и раздувая PR-кампании вокруг собственной персоны), а также ввергнул в бесконечные реорганизации и структурные перестройки аппарат власти, пытаясь – вольно и даже по большей части невольно – ослабить его тем самым и сделать более податливым.

Перетягивая на себя канат власти, Хрущёв пытался воздействовать на номенклатуру и путем некоторой демократизации системы, а также заигрываний с либеральным сегментом общества. Его «оттепельные» послабления, распеленывая социальную и творческую энергию народа, усиливали дискомфортное для бюрократии давление «снизу». Играя на этом моменте, Хру-

щёв особенно с конца 1950-х гг. все активней стал использовать в своей властной технологии жупел «либеральной угрозы», служивший ему как средство шантажа и манипулирования правящим классом. В результате в его верхних слоях активизировался процесс «диссоциации» на так называемых прогрессистов (группировались вокруг секретаря ЦК Куусинена – старого социал-демократа, окончившего Гельсингфорский университет, и заведомо ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран Андропова) и консерваторов (секретарь ЦК Суслов и др.).

Однако старания Хрущёва ослабить таким манером корпоративную монолитность бюрократии имели в лучшем случае кратковременный эффект и в конечном итоге были обречены на неудачу. Чтобы подчинить себе аппарат управления Хрущёв должен был его радикально реформировать, однако, будучи неразрывно связан с ним пуповиной власти, он не был на это способен, да и не хотел заходить так далеко. Лихорадочно предпринимая то либеральные «накаты» на общество, то такие же импульсивные консервативные «откаты», он, по сути, уподобился знаменитому барону Мюнхгаузену, безуспешно пытавшемуся, как известно, вытащить самого себя из болота.

«Жизнь и судьба» Василия Гроссмана

Реформистская непоследовательность и противоречивость Хрущёва проявилась и в том, что, приподняв завесу тайны над «большим террором» и заклеив его, он вместе с тем воспротивился публичному вскрытию другого возникшего при Сталине социального гнойника – его «еврейской политики». В этой связи весьма закономерными оказались драматические события, развернувшиеся вокруг нового романа В.С. Гроссмана (1905–1964) «Жизнь и судьба», в котором автор на свой страх и риск как раз и попытался вывести на свет Божий сталинский антисемитизм.

Предваряя конкретную характеристику этого произведения, следует отметить, что глубокая потребность всесторонне осмыслить феномен сталинской «еврейской политики» возникла у писателя, кстати значительно ассимилированного (знал на идише всего лишь несколько слов), не вдруг, не случайно и не спонтанно, она стала вызревать еще в годы войны. Будучи тогда фронтовым корреспондентом «Красной звезды», Гроссман, находясь

в 1943 году в составе частей, освобождавших Украину, воочию столкнулся со страшными последствиями Холокоста – трагедии, с которой его связала личная сопричастность. Когда писатель в 1944 году заехал после изгнания оккупантов в родной Бердичев (где мальчиком звался Иосифом, сыном Соломона), там он узнал, что нацисты, уничтожая осенью 1941 года местных евреев, расстреляли и его мать Екатерину (Малку) Витис, преподававшую в городе французский язык. История гибели глубоко любимого человека стала сильным потрясением для писателя. Именно матери он посвятил роман «Жизнь и судьба», основное содержание которого было в буквальном смысле выстрадано им еще в пору подготовки очерков о геноциде евреев – «Украина без евреев» (на идише, 1943 г.), «Убийство евреев в Бердичеве» (1944 г.), «Треблинский ад» (1945 г.). Многие из этих произведений было включено в «Черную книгу», которая стала потом одной из неодоушевленных жертв (наряду с десятками людских!) сталинской кампании борьбы с «еврейским буржуазным национализмом».

В годы травли «космополитов» Гроссману с большим трудом и ценой мучительного компромиссного согласия на существенные редакторские переделки и цензурные вымарывания текста удалось опубликовать большую книгу о войне «За правое дело», составившую дилогию с «Жизнью и судьбой». Целых четыре года, с 1948-го по 1952-й, эта первая часть, первоначально называвшаяся «Сталинград», подгонялась под «прокрустово ложе» официальных идеологическо-литературных канонов. За это время в редакции «Нового мира», в котором, собственно, и планировалась публикация, успело поменяться руководство. Произошло это в начале 1950 года, когда вместо Симонова главным редактором журнала назначили Твардовского.

Как при том, так и при другом наиболее критиковавшейся в романе являлась сюжетная линия, связанная с ученым-физиком Виктором Штрумом, входившим в число его основных персонажей. И это не было случайным совпадением. Именно этого героя – наиболее близкого и конгениального автору, закончившему когда-то физико-математический факультет МГУ, – тот преимущественно и использовал в качестве ретранслятора своих наиболее смелых и сокровенных мыслей о духовной и гражданской самости человеческой личности, о социально-политической природе нацизма и антисемитизма. Улавливая в подобных «опосредованных» рассуждениях крамольный дух свободомыслия, заместитель Симонова А.З. Кривицкий полагал: «Литература присоединена к государству в нашей стране, и я считаю, что это ее

счастье... наши государственные представления о литературе обязательны для Гроссмана»⁷⁰⁸.

Возглавив редакцию «Нового мира», Твардовский «влюбился» сразу в талантливое творение Гроссмана и потому поначалу пытался форсировать издание многострадального романа, минимизировав его переработку. 4 июля 1950 г. он письменно обратился за поддержкой к А.Н. Поскребышеву (1891–1965). Однако тот передал записку главного редактора не своему непосредственному шефу, Сталину (на что, возможно, и надеялся Твардовский), а Сулову, который, в свою очередь, «спустил» ее в подведомственный аппарат Агитпропа ЦК. Тамошние начальники Кружков и Н.Н. Маслин направили вскоре наверх резко негативное заключение, в котором аппаратная этноидиосинкразия отчетливо проявилась в следующем выводе: «Советская интеллигенция, активно помогавшая своей творческой работой фронту... не нашла глубокого и правильного отражения в романе. В качестве центрального образа, представляющего эту интеллигенцию, выведен профессор-физик Штрум, человек нерусской национальности»⁷⁰⁹.

Принимая это одобренное Суловым мнение ЦК к «руководству и исполнению», Твардовский, взявший на себя редактирование романа⁷¹⁰, высказал по нему Гроссману три основные претензии. По первым двум – мрачному изображению военной повседневности и «мало о Сталине» – писатель без возражений готов был внести в текст соответствующие коррективы. Однако когда Твардовский затронул третью группу возражений, отнесенных к «еврейской теме», Гроссман заметно помрачнел. На высказанные в иронично-панибратском тоне замечания главного редактора о том, что раз «у тебя» «физик Штрум – еврей» и «врач Софья Левинтон – еврейка», «ну, сделай своего Штрума начальником военторга», автор отреагировал с едким сарказмом: «А какую должность ты бы предназначил Эйнштейну?»⁷¹¹.

---

⁷⁰⁸ Цит. по: *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. – М.: Советский писатель, 1990. С. 167.

⁷⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 400. Л. 183–191.

⁷¹⁰ По мнению авторитетных литературоведов (Т. Снигиревой и др.), Твардовский своей тщательной правкой романа существенно улучшил качество его текста, устранив, в частности, наиболее очевидные проявления выпренности стиля (*Твардовская В.А.* «Новый мир» А. Твардовского в общественной жизни СССР 1950-х годов // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н.М. Куренная. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 58–59.

⁷¹¹ *Литкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. *А. Берзер.* Прощание. – М.: Книга, 1990. С. 22.

Этот эпизод был зафиксирован Гроссманом в специальном «Дневнике прохождения рукописи», заведение которого свидетельствовало о том, что, решив «брать на карандаш» все перипетии «проводки» своей книги через бюрократический лабиринт, он намеревался твердо отстаивать свои права автора-творца и собственное гражданское достоинство. Однако, будучи не в силах противостоять в одиночку цензурному монстру, Гроссман ради спасения своего детища вынужден был поступиться многим. Ему пришлось пожертвовать даже главным: согласиться на радикальную ревизию центральной сюжетной линии романа, связанной с образом Штрума – литературного alter ego писателя. Этот герой, представавший в первом варианте рукописи в качестве лидера научного направления, теперь «убирался в тень» вновь введенного персонажа – «крупного русского ученого», профессора Чепыжина, «превращаясь» в одного из его учеников. С появлением в романе в роли главного научного светила идейно и этнически выверенного Чепыжина «присутствие» Штрума в книге было сокращено вдвое: теперь он упоминался уже не на ста страницах, как прежде, а только на пятидесяти. Однако даже такое существенное «урезание» доли участия в действии романа этого сомнительного, с аппаратной точки зрения, персонажа ЦК не удовлетворило. В январе 1951 года там потребовали вообще «снять» Штрума, на что Гроссман ответил категорическим отказом⁷¹².

На последующие согласования ушло еще полтора года. Так что первые главы романа появились только в июльской книжке «Нового мира» за 1952 год, а его окончание – через несколько месяцев, в десятом номере. И случилось невероятное: эта публикация вызвала в печати фонтан положительных рецензий. По предложению Фадеева, секция прозы ССП даже выдвинула произведение на Сталинскую премию. Более того, возглавлявшаяся Симоновым «Литературная газета» даже в номере от 15 января 1953 г. (то есть вышедшем в разгар пропагандистской истерии разоблачения «заговора врачей-вредителей») назвала «За правое дело» «крупным произведением», лучшим из созданных в предшествовавшем году.

Затем в печати наступило тревожное затишье⁷¹³, сменившееся появлением 13 февраля в «Правде» разгромной статьи Бубен-

---

⁷¹² Бочаров А.Г. Указ. соч. С. 6.

⁷¹³ На фоне этого затишья в большой прессе уже с 16 января 1953 г. начались непубличные писательско-издательские проработки Гроссмана. На состоявшемся в тот день (без его участия) заседании редакционного совета издательства «Советский писатель» рецензент романа «За правое дело» И.А. Арамилев (был известен своими «охотничьими» рассказами)

нова, выплеснувшей шквал яростных поношений на Гроссмана и его произведения. 21 февраля к хору гонителей присоединилась «Литературка», чьи руководители высекли себя сами, поместив редакционную передовицу под красноречивым заголовком «На ложном пути (о романе В. Гроссмана «За правое дело»)».

Как бы по инерции подобные наскоки продолжались и после смерти Сталина. 24 марта 1953 г. Твардовский, каясь на заседании президиума правления ССП за публикацию романа «За правое дело», усмотрел свой «промах» в том, что, редактируя его, пошел на поводу у автора в «отношении гипертрофической фигуры Штрума и в отношении толстовствующего резонерства», а также в том, что счел «невинным» его (автора) «эпигонское» «равнение» на «Войну и мир» Толстого⁷¹⁴. В принятом тогда постановлении президиума ССП утверждалось, что произведение Гроссмана «содержит серьезные идейные пороки, в его основе лежит грубо ошибочная идейно-творческая концепция» и сам автор «исходит из реакционных воззрений на исторический процесс»⁷¹⁵.

Однако уже через несколько месяцев, благодаря критическому переосмыслению в верхах исторической роли Сталина, травля Гроссмана сошла на «нет». Благодаря энергичному содействию Фадеева публикации романа был дан в начале 1954 года «зеленый свет». Тогда в «Воениздате» его приняли к печати. А уже в октябре того же года это так тяжело доставшееся Гроссману произведение вышло в свет отдельной книгой.

Ободренный этой столь нечаянной для него радостью, а также «оттепельными» веяниями в цензуре или, выражаясь языком дореволюционного либерального сарказма, «октроированием

обвинил его автора в том, что в анализе фашизма тот «скатывается на сионистские позиции Фейхтвангера» и «на позиции буржуазного еврейского национализма». 2 февраля прошло еще одно обсуждение, на сей раз в редакции «Нового мира». Вездесущий Арамилев и там взял слово, обвинив Гроссмана на сей раз в том, что в романе «непропорционально много места» занимает Штрум, который «прикован к еврейской проблеме, его не заботит ни судьба советского народа в целом, ни судьба нашей страны...» Подводя итоги дискуссии, Твардовский, хоть и старался защитить Гроссмана от подобных инвектив, все же вынужден был «пропеть анафему» произведению, которым совсем недавно так восторженно восхищался. 3 марта 1953 г. в «Литературной газете» было опубликовано официальное постановление редколлегии «Нового мира», поддержавшей «вскрытие серьезных идейно-художественных пороков романа В. Гроссмана». (*Липкин С. Указ. соч. С. 158, 169, 170, 180, 181.*)

⁷¹⁴ Стенограмма от 24 марта 1953 г. // *Липкин С. Указ. соч. С. 211–213.*

⁷¹⁵ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 26.

(дарованием) свободы пиццати», Гроссман положил все оставшиеся силы на создание второй части дилогии, романа «Жизнь и судьба». К середине 1960 года эта задача, которую он считал главной в своей жизни, была в основном исполнена. И в октябре Гроссман, уповая, очевидно, на спасительную страховку огромного читательского интереса к продолжению книги «За правое дело» (стала бестселлером), передал законченную рукопись второй части в редакцию журнала «Знамя».

Это издание писатель, видимо, предпочел не только под влиянием остаточной обиды на Твардовского, но еще и потому, что его главный редактор В.М. Кожевников (1909–1984) очень настойчиво этого добивался, предложив внушительный аванс⁷¹⁶. Однако вскоре Гроссману пришлось горько разочароваться в этом выборе, сделанном вопреки дружескому совету поэта Семена Липкина (1911–2003) не в пользу «Нового мира»⁷¹⁷.

Прочитав рукопись, Кожевников был обескуражен чересчур вольными, в его представлении, философскими рассуждениями автора. И потому поспешил передать ее, как выразился потом Гроссман, «куда надо»⁷¹⁸. После чего заработал аппаратный механизм запрещения романа и расправы над его автором. На «тревожную кнопку», запустившую эту бюрократическую машину, нажал заведомо культуры ЦК Поликарпов, который 9 декабря 1960 г. «сигнализировал» в Секретариат ЦК о том, что роман Гроссмана «Жизнь и судьба» «представляет собой сборник злобных измышлений о нашей действительности, грязной клеветы на советский общественный и государственный строй»⁷¹⁹. Для формального обоснования этой инвективы келейно были подготовлены «подходящие» заключения специалистов.

В отличие от недавнего широковещательного осуждения Пастернака расправа над Гроссманом проходила в «закрытом режиме», поскольку верхи хотели без излишней огласки пресечь «крамолу» в зародыше. В противном случае им пришлось бы не только вновь столкнуться с глобальным скандалом, подобным тому, что разразился ранее вокруг «Доктора Живаго», но и объяснять своим гражданам, почему автор популярных патриотических произведений вдруг так стремительно «переродился» в «махрового антисоветчика». Показательно, что когда в ноябре 1962 года тот же Поликарпов в беседе с членами парткома Мо-

---

⁷¹⁶ Липкин С. Указ. соч. С. 55–57.

⁷¹⁷ Там же. С. 57.

⁷¹⁸ Там же. С. 60.

⁷¹⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 415.

сковского отделения ССП грубо отозвался о Гроссмани, а те, озадаченные этим выпадом, стали задавать высокопоставленному чиновнику уточняющие вопросы, ответов на них (даже в таком узком кругу партийно-писательского актива) не последовало. Сославшись на недомогание («пошаливает сердце, а мне еще пожить хочется»), докладчик сразу свернул выступление и удалился восвояси⁷²⁰. Вряд ли эта ссылка Поликарпова на плохое самочувствие была игрой. Книга Гроссмана так встревожила этого чиновника, что в связи с ней он изводил не только себя, но и того же Кожевникова⁷²¹.

В качестве одного из экспертов, ангажированных ЦК для негласного разбора рукописи «Жизни и судьбы», выступил сломленный ГУЛАГом литературовед и критик Сучков⁷²². Будучи заместителем главного редактора «Знамени», он в отзыве на рукопись Гроссмана обратил внимание своего шефа на следующие «негативные моменты» в романе: «Прозрачно намекается на якобы существующее сходство между двумя борющимися тоталитарными системами. Оно не только в подавлении личности, но и в расистском подходе к евреям, в осуществлении политики государственного антисемитизма. ...Еврейский вопрос является исходным для Гроссмана для оценки всех событий мировой истории, и здесь он проявляет несомненные черты национализма...

⁷²⁰ Борщаговский А.М. Указ. соч. С. 377.

⁷²¹ Об этом свидетельствует следующая запись в дневнике К. Чуковского: «У Кожевникова – сердечный приступ из-за романа Вас. Гроссмана. Вас. Гроссман дал в «Знамя» роман... который нельзя напечатать. Это обвинительный акт против командиров, обвинение начальства в юдофобстве и т.д. Вадим Кожевников хотел тихо-мирно возратить автору этот роман, объяснив, что печатать его невозможно. Но в дело вмешался Д.А. Поликарпов – прочитал роман и разъярился. На Вадима Кожевникова это так подействовало, что у него без двух минут инфаркт». (Чуковский К.И. Дневник. С. 296.)

⁷²² Б.Л. Сучков (1917–1974) начинал карьеру на кафедре всеобщей литературы Московского государственного педагогического института в качестве аспиранта И.М. Нусинова (был репрессирован как еврейский националист в 1949 году). В 1943–1947 гг. работал в Агитпропе ЦК ВКП(б), откуда «пересел» в кресло директора Государственного издательства иностранной литературы. Но занимал его недолго. Уже в июле 1947 года его сместили (в том числе и за то, что «отдавал предпочтение лицам нерусской национальности»), а в октябре на суде чести ЦК ВКП(б) заклемили как «агента американской разведки». Потом был ГУЛАГ, откуда Сучкову удалось выбраться только в 1955-м. Спустя год его облагодетельствовал Кожевников, взяв своим заместителем. В журнале «Знамя» Сучков проработал до 1967 года, когда «пошел на повышение», заняв пост директора Института мировой литературы АН СССР.

Роман должен рассматриваться как произведение, враждебное нашей идеологии»⁷²³.

Власти, вынужденные теперь действовать в условиях постсталинской либерализации (пусть и куцей, но не позволявшей как прежде арестовывать литераторов только по подозрению в антисоветчине), да и к тому же наученные опытом недавнего международного скандала с «Доктором Живаго», несомненно, осознавали тогда, что мало наложить запрет на публикацию «политически вредной» литературы, куда важней не допустить ее неофициального распространения внутри страны и тем более «несанкционированного попадания» за границу. Вот почему Поликарпов предложил устроить келейную проработку Гроссмана, дабы в ходе «острого политического разговора» «сами писатели дали [ему] понять, что любые попытки распространения рукописи встретят непримиримое отношение к этому литературной общественности и самое суровое осуждение»⁷²⁴.

Чтобы провести подобное «профилактическое мероприятие» и заодно принять решение о дальнейшей участи «Жизни и судьбы», 19 декабря 1960 г. была созвана редколлегия «Знамени». Однако, сославшись на болезнь (сердечный приступ), Гроссман уклонился от участия в этом не сулившим ему ничего хорошего заседании. И тревожное предчувствие его не обмануло: в тот день рукопись книги единогласно была признана «политически враждебной» и недостойной публикации. Сразу после вынесения этого вердикта Кожевников позвонил Гроссману домой и объявил об этом решении. После чего, памятуя об указании Поликарпова, «настоятельно порекомендовал» писателю «изъять из обращения экземпляры рукописи...и принять все меры к тому, чтобы роман не попал во вражеские руки»⁷²⁵.

Этот ключевой момент в опасениях партбюрократии в последующем неоднократно педалировался при проработках Гроссмана. На одной из них, состоявшейся 30 декабря в Союзе писателей, ему было, «ничего не смягчая», заявлено: «...Если рукопись «Жизнь и судьба», к несчастью, станет добычей зарубежных реакционных кругов, то они немедленно поднимут ее на щит в борьбе против нашей Родины»⁷²⁶. Предостережение это было высказано от имени руководства ССП в лице секретаря правления ССП Г.М. Маркова, секретаря правления СП РСФСР С.В. Сартакова

---

⁷²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 120. Л. 74–75.

⁷²⁴ Там же.

⁷²⁵ Бочаров А.Г. Указ. соч. С. 178–179.

⁷²⁶ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 426–427.

и председателя правления МО ССП С.П. Щипачёва (19 декабря все они участвовали в заседании редколлегии «Знамени»). Один из них, видимо Марков, сказал тогда фразу, ставшую впоследствии печально знаменитой: «...Напечатать книгу можно будет через 250 лет»⁷²⁷.

Информируя ЦК о предпринятом писательским начальством вразумлении впавшего в грех свободомыслия коллеги, Марков скептически подытоживал: «В результате встреч с Гроссманом у нас сложилось впечатление, что его идейно-художественная катастрофа не вызвала в нем потрясений и не побудила пока активного желанья выйти быстрее из происшедшей с ним беды»⁷²⁸. Тем самым партийному руководству давалось понять, что «мятежный» дух Гроссмана не сломлен, что он не собирается каяться и «разоружаться перед партией», а, напротив, полон решимости отстаивать собственную правоту.

Немало встревожившись после такого заключения литературного начальства, власти, дабы предотвратить чаемую ими «идеологическую диверсию врага», перешли от уговоров к решительным действиям. Утром 14 февраля 1961 года на квартиру Гроссмана на Беговой улице явились двое сотрудников госбезопасности в штатском. Предъявив писателю ордер на арест романа, они произвели обыск, забрав все материалы (машинописные «чистовые» экземпляры, черновики, наброски, эскизы и пр.) с текстами рукописи «Жизни и судьбы». Одновременно были конфискованы и подготовительные материалы по не менее «крамольной» публицистической повести «Все течет», над которой писатель работал с 1955 года. Потом ему вплоть до 1963 года пришлось ее восстанавливать.

Завершив предписанное, оперативники потребовали от писателя взять обязательство не разглашать произошедшего, пригрозив, что неподчинение чревато уголовным наказанием. Тем не менее, по свидетельству Липкина, Гроссман отказался дать такую подписку⁷²⁹. В тот же день еще один машинописный экземпляр рукописи, который Гроссман передал ранее Твардовскому, был изъят из его сейфа в редакции «Нового мира»⁷³⁰. К чести послед-

⁷²⁷ Источник. 1997. № 3. С. 133. Липкин С. Указ. соч. С. 63.

⁷²⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 427.

⁷²⁹ Липкин С. Указ. соч. С. 60.

⁷³⁰ Благодаря предусмотрительности Гроссмана, не все экземпляры «Жизни и судьбы» попали на Лубянку. Один из них, врученный заблаговременно Липкину, в 1974 году был передан им В.Н. Войновичу, который с помощью А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннэр нелегально переправил фотокопии в Швейцарию. В 1980 году в Лозанне стараниями филологов Ш.П. Маркиша

него следует отметить, что он ходатайствовал (перед Поликарповым) за возвращение Гроссману его произведения, о котором после прочтения записал в дневнике следующие хвалебные строчки: «...Самое сильное литературное впечатление за, может быть, многие годы... Вещь так значительна, что она выходит далеко и решительно за рамки литературы... В сравнении с ней «Доктор Живаго» и «Хлеб единый» – детские штучки»⁷³¹.

Кстати, считая, что публикация «Жизни и судьбы» будет означать «новый этап в литературе», Твардовский (возможно, следуя воле партийного начальства) тщетно пытался до этого уговорить автора привести содержание романа в соответствие с требованиями цензуры. Однако Гроссман, для которого выход в свет выколотого текста не имел никакого смысла, был непоколебим.

Сочувствуя близкому коллеге и вместе с тем подтрунивая над его нелепой на фоне сермяжной советской действительности идеалистической жестоковейностью, Твардовский вместе с тем опасался и за свое карьерное положение. Во всяком случае, он сделал тогда в личном дневнике следующую запись: «Изъятие органами экземпляров романа Гроссмана – в сущности, это арест души без тела. Но что такое тело без души?.. Дважды говорил с Гроссманом – он подавлен. Мне не кажется это мероприятие разумным, не говоря уже о его насильственном характере. Дело не в том, что для Гр<оссмана> эта акция – подтверждение того, о чем он вещает в романе, а в том, как это скажется на всех людях нашего цеха. Взят и мой экземпляр, хранившийся в сейфе в «НМ». Таким образом, часть того недоверия, которое обращено к автору, относится и ко мне. Ах, горе луковое, несмышленное»⁷³².

Сразу же после ареста романа Гроссман потребовал объяснений от ЦК, резонно усмотрев в описанных действиях КГБ попрание социалистической законности, о соблюдении которой, как внушалось официальной пропагандой, власти только и пеклись. Однако на Старой площади его согласились выслушать только спустя две недели после этого демарша. 1 марта 1961 г. писателя

и Е.Г. Эткинды роман Гроссмана наконец вышел в свет. Чудом сохранился и один из черновиков, переданный Гроссманом В.И. Лободе – учителю математики и другу, проживавшему вне Москвы, в Малоярославце. В 1988 году он послужил основой для первой публикации «Жизни и судьбы» в России: в нескольких номерах журнала «Октябрь», возглавлявшегося А.А. Ананьевым.

⁷³¹ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. В 2-х тт. Т. 1: 1961–1966 / Сост. В.А. и О.А. Твардовские. – М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 529.

⁷³² Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. – С. 18.

принял за отделом культуры Поликарпов, который в присутствии двух подчиненных (потенциальных свидетелей в пользу начальника) принялся с порога его распекал с барственной снисходительностью: «Многократный орденосец, член правления Союза писателей, а что написал!»⁷³³.

Как явствует из составленного потом служебного отчета, «Гроссману было сказано, что рукопись его является антисоветской по содержанию, чтение ее вызывает чувство гнева и возмущения, что ее опубликование могло бы нанести большой ущерб советскому государству. Меры, принятые в отношении рукописи, необходимы в целях защиты интересов государства, а все, что с ним произошло, должно заставить его глубоко задуматься о своей позиции и дать ей честную, беспощадную оценку с позиций советского человека». Выслушав эту рапею, Гроссман не стал каяться, более того, твердо настаивая на собственной правоте, заявил: «Литература должна жить только правдой, какой бы тяжелой она ни была... Книга эта («Жизнь и судьба». – Г.К.)... продиктована любовью к людям, к их страданиям, верой в людей». Он не отрекается от того, что написал, это было бы нечестно, неискренне после того, как к нему применили репрессии. Сославшись далее на высказывание А.А. Блока, он особо заметил, что «у писателей не бывает карьеры, а бывает судьба» и «такова, видимо, его судьба». В конце беседы Поликарпов многозначительно и не без угрозы напутствовал Гроссмана в том роде, что «дальнейшее его положение как литератора, как гражданина будет целиком зависеть от него самого»⁷³⁴.

В общем, литератору власти недвусмысленно дали понять, что если он дорожит привилегированным статусом члена ССП и хочет и далее оставаться на свободе, то ему следует прекратить «качать права» в «инстанциях» по поводу своей «антисоветской книги» и благодарить судьбу за то, что так легко отделался. И уже немолодой и изнуренный тяжкими жизненными передрыгами и серьезными болезнями Гроссман, казалось, решил покориться начальству и благоразумно последовать данному им совету. И действительно, внешне все так и выглядело. Во всяком случае, он в течение продолжительного времени не досаждал цеховским чиновникам своим правдоискательством. Однако в КГБ, установившем за неблагонадежным литератором негласное наблюдение, выяснили, что тот на самом деле оставался верен своей книге и не собирался от нее отречься. Очевидно, посредством подслу-

⁷³³ Липкин С. Указ. соч. С. 63.

⁷³⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 436–437.

шивающей аппаратуры оперативникам стало известно, что, когда 19 августа 1961 г. на квартиру к «автору антисоветского романа» зашел писатель В.П. Некрасов (1911–1987), в ходе последовавшего импровизированного застолья хозяин дома «подробно рассказал» гостю «об изъятии романа сотрудниками КГБ». При этом, как было установлено, Гроссман «допустил целый ряд антисоветских выпадов», а Некрасов, «в свою очередь, сочувствовал Гроссману, называл его смелым и великим человеком, который “...решил написать правду, а мы все пишем какую-то жалкую полуправду... и я горжусь своей дружбой с вами...”»⁷³⁵.

Подобная моральная поддержка друзей и, самое главное, начавшийся осенью 1961 года второй виток десталинизации позволили Гроссману, собравшись с духом и остатками сил, вновь открыто выступить в защиту главного труда своей жизни. Именно к Хрущёву, решившемуся в октябре на XXII съезде КПСС на новые разоблачения преступлений Сталина, на впечатляющий вынос его тела из Мавзолея и тем самым «подогревшему» общественные либеральные настроения, и обратился писатель, наивно возлагая на этого, в его глазах, прогрессивного руководителя надежду на спасение произведения, плененного «чиновниками-сталинистами».

В письме от 23 февраля 1962 г. Гроссман дважды призвал лидера страны «вернуть свободу» его книге. В этом исполненном отчаяния и душевной боли послании Гроссман больше риторически, чем с надеждой на конкретный ответ вопрошал: «как понять в свете идей XXII съезда партии» тот факт, что «в наше время у писателя производят обыск, отбирают у него книгу, пусть полную несовершенств, но написанную кровью его сердца... и грозят ему тюрьмой, если он станет говорить о своем горе»⁷³⁶.

Однако Хрущёв, будучи верховным протектором режима, не оправдал и не мог оправдать последнее упование автора, покусившегося на его (режима) основы. Да и в решениях самого съезда, к коим писатель апеллировал, содержались положения, которые официально трактовались отнюдь не в его пользу. В частности, в принятой на съезде новой Программе КПСС был и такой пункт: «Партия и впредь будет настойчиво бороться против реакционной идеологии буржуазного национализма, расизма и космополитизма»⁷³⁷.

⁷³⁵ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 468.

⁷³⁶ Источник. 1997. № 3. С. 133–135.

⁷³⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат. 1964. С. 120.

Возможно, Гроссман не питал столь наивные иллюзии в отношении XXII съезда, если бы знал, что, выступая вскоре после него перед слушателями Высшей партийной школы, секретарь ЦК Козлов поведал им откровенно, что вместо обсуждения на съезде новой программы партии неожиданно получилось «второе издание» XX съезда и критики Сталина, тем самым возник перекокс, который необходимо устранить⁷³⁸.

22 марта 1962 г. письмо литератора стало предметом специального рассмотрения на Президиуме ЦК, на котором было поручено Сулову «принять писателя Гроссмана и провести с ним беседу в духе состоявшегося обмена мнениями...» Судя по протокольной записи этого заседания, Сулову предлагалось предостеречь литератора-вольнодумца в следующих выражениях: «Вы апеллируете к нам и готовитесь к борьбе. Ваше произведение за нас или против? Советуем быть осторожным»⁷³⁹.

Между тем, Гроссман, не ведавший обо всех этих перипетиях «на самом верху», погрузился в томительное ожидание директивного решения по его книге. Боясь пропустить звонок из ЦК, он, по свидетельству близких, даже перестал выходить из дома без крайней нужды. Долгожданный телефонный сигнал раздался в квартире писателя только спустя полгода после направления им письма Хрущёву. В тот момент, когда это произошло, Гроссмана, уже, видимо, ни на что не надеявшегося, не оказалось как на зло на месте. Узнав по возвращении домой о случившемся, он немедленно набрал переданный для него цековский номер и узнал, что на 23 июля 1962 г. назначена его встреча с Суловым.

Этот визит Гроссмана в ЦК, очевидно, не случайно состоялся в пору очередного «закручивания гаек». Как раз тогда власти перешли в решительную контратаку против угрожавших ей проявлений социальной активности. Еще в начале июня в Новочеркасске были жестоко подавлены войсками массовые рабочие волнения и забастовка, вызванные повышением розничных цен на молоко и мясо, а также значительным увеличением норм выработки на местных промышленных предприятиях⁷⁴⁰.

---

⁷³⁸ *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы 1945–1964. – М.: Изд. центр «Россия молодая, 1993. С. 174.

⁷³⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 551, 1097–1098.

⁷⁴⁰ 2 июня 1962 г., то есть уже на второй день после выхода постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и сливочное масло», в Новочеркасске начались стихийные беспорядки, в которых участвовали более шести тысяч рабочих электровозостроительного завода, а также завода Нефтемаш и др. По толпе восставших, пришедших протестовать в центр города, войска открыли огонь.

По горячим следам этого народного бунта Президиум ЦК КПСС утвердил 19 июля директивы председателя КГБ и генерального прокурора СССР «Об усилении борьбы с враждебными проявлениями антисоветских элементов»⁷⁴¹. Всего в 1962 году за антисоветскую деятельность было осуждено почти вдвое больше человек, чем в 1960-м (323 против 162)⁷⁴².

...Суслов беседовал с Гроссманом около трех часов. Судя по записи, сделанной писателем сразу после этой аудиенции и зафиксировавшей как состоявшийся обмен «протокольными» любезностями, так и пустопорожние обещания партийного босса (издать пятитомное собрание сочинений Гроссмана и пр.), тот прочел целую лекцию о вредоносности «Жизни и судьбы». Вот выдержки из законспектированного Гроссманом монолога Суслова: «Вы пишете (Хрущёву. – Г.К.), что книга ваша написана искренно. Но искренность не единственное условие для создания современного художественного произведения. ...Я не читал вашей книги, но внимательно прочел многочисленные рецензии и отзывы, в которых много цитат из вашего романа. ...Ваш роман враждебен советскому народу, его публикация принесет вред не только советскому народу и государству, но и всем, кто борется за коммунизм за пределами Советского Союза... Роман принесет пользу

В результате по официальным данным погибли 23 человека, еще 146 участников бунта были арестованы. На выездном заседании Верховного суда РСФСР, прошедшем 20 августа 1962 г. в Новочеркасске, семь осужденных по этому делу были приговорены к расстрелу. Причины этой кровавой трагедии коренились во многом в легкомысленности и поразительной политической недалёковидности самого Хрущёва. Именно он, выступая 22 мая 1957 г. в Ленинграде, «вбросил в массы» пропагандистского куража ради лозунг «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения». Эта установка спровоцировала руководителей регионов к массовым фальсификациям данных о заготовках мяса и другой животноводческой продукции. Несмотря на это, государство славилло их и щедро награждало, пока не случилось скандальное самоубийство погрязшего в махинациях и очковтирательстве первого секретаря Рязанского обкома партии А.Н. Ларионова (1907–1960). Логичным печальным финалом хрущёвского «большого мясомолочного скачка» стала инициация в 1962 году многолетней практики советских закупок зерна за границей, главным образом в тех же США. (Исторический архив. 1993. № 1. С. 161–172. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 99–100. Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964. Серия «Документы советской истории» / Сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков, В.Ю. Васильев, Й. Горлицкий и др. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 251–368.)

⁷⁴¹ Исторический архив. 1993. № 1. С. 161–169.

⁷⁴² Источник. 1995. № 6. С. 153.

нашим врагам... Ваш уход с позиций, с которых были написаны ваши книги «Степан Кольчугин», «Народ бессмертен», «За правое дело», я объясняю вашей самоизоляцией, погружением в личные переживания, преувеличенным, чрезмерным интересом к темным сторонам периода культа личности. Вы отвернулись от огромного количества положительных явлений современности. ... Вы считаете, что мы нарушили в отношении вас принцип свободы. Да, это так, если понимать свободу в буржуазном смысле. Но у нас иное понимание свободы. ...Мы восстанавливаем ленинские нормы демократии. Но ленинские нормы демократии это не буржуазные нормы демократии. ...Вы знаете, какой большой вред принесла нам книга Пастернака. Для всех, читавших вашу книгу, для всех, знакомых с отзывами о ней, совершенно бесспорно, что вред от книги «Жизнь и судьба» был бы несравнимо опасней для нас, чем от «Доктора Живаго». ...В вашей книге имеются прямые сопоставления нас с гитлеровским фашизмом. В вашей книге неправильно, неверно описаны наши люди, коммунисты. Разве могли бы мы с такими людьми, как вы описали, победить в войне? Ваша книга полна ваших сомнений о правомерности нашей советской системы. ...Напечатать вашу книгу невозможно, и она не будет напечатана. Нет, она не уничтожена. Пусть лежит. Судьбу ее мы не изменим... Партия и народ не простят нам, если мы опубликуем вашу книгу. Это только увеличит количество крови»⁷⁴³.

Глубоко разочарованный услышанным, писатель попробовал заговорить хотя бы о возвращении рукописи. Но Суслов жестко оборвал его следующей, очевидно заранее подготовленной, фразой: «Нет, нет, вернуть нельзя. Издадим пятитомник, а об этом романе и не думайте»⁷⁴⁴.

Такой категоричный вердикт главного идеологического охранителя советского режима книге, ставившей с позиций гуманизма, мягко говоря, под сомнение его идейно-политические и социально-нравственные основы, стал закономерной реакцией властей на «подрывной» пафос романа, бросавшего системе едко-саркастический вызов⁷⁴⁵. Однако положение усугублялось еще и тем эмо-

---

⁷⁴³ *Фельдман Д.М.* До и после ареста: судьба рукописи Василия Гроссмана // Литературная Россия. 1988. 11 ноября. № 45. С. 16–17.

⁷⁴⁴ *Липкин С.* Указ. соч. С. 68.

⁷⁴⁵ Чего стоит только следующая данная в романе характеристика «нового типа партийных работников, пришедших на смену партийцам, ликвидированным либо отстраненным и оттесненным в 1937 году»: «Это были люди... иного склада. Они читали иные книги и по-иному чита-

ционально-критическим «перехлестом», который был допущен автором в осмыслении сталинизма, особенно в отношении послевоенной репрессивной его составляющей. Если объективный исторический анализ общей внутренней ситуации и статистики официального политического террора в СССР в период середины 1940-х – начале 1950-х гг. свидетельствует о затухавшей репрессивной динамике⁷⁴⁶, то в «Жизни и судьбе» она наоборот представлена нарастающей. Подобная аберрация в трактовке сталинизма была обусловлена двумя основными факторами. Во-первых, Гроссман в осмыслении этого явления применил художественный метод, который, в отличие от научного, нацелен не на точную реконструкцию реального прошлого, а на отображение его образа, запечатлевшегося в массовом сознании отнюдь не под воздействием холодной рассудочности, а стихии бурных чувств и страхов, захлестнувших еврейство при Сталине⁷⁴⁷. Вот почему послевоенный сталинизм в романе – это, скорее, «чудище обло, озорно,

---

ли их, – не читали, а «прорабатывали». Они любили и ценили материальные блага жизни, революционная жертвенность была им чужда либо не лежала в основе их характера. Они не знали иностранных языков, любили в себе свое русское нутро, но по-русски говорили неправильно, произносили: «прóцент», «пинжак», «Бёрлин», «выдающий деятель». Среди них были умные люди, но, казалось, главная, трудовая сила их не в идее, не в разуме, а в деловых способностях и хитрости, в мещанской трезвости взглядов». (Гроссман В.С. Жизнь и судьба. – М.: Советский писатель, 1990. С. 584.)

⁷⁴⁶ По недавно рассекреченным официальным данным по политическим мотивам в СССР были арестованы: в 1945 г. – более 112 тыс. чел., в 1946 г. – 91 тыс., в 1947 г. – около 77 тыс., в 1948 г. – более 74 тыс., в 1949 г. – более 73 тыс., в 1950 г. – около 60 тыс., в 1951 г. – около 48 тыс., 1952 г. – около 18 тыс., 1953 г. – около 12 тыс. (Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – М.–Жуковский: Кучково поле, 2006. С. 363, 374, 379, 383, 399, 414, 428, 443, 455.)

⁷⁴⁷ Говоря об этом литературном приеме, как не припомнить яркого высказывания А.И. Герцена: «Мы вовсе не врачи! Мы – боль». В советские годы как никто другой этому творческому кредо был верен Гроссман, «явочно» творивший в традициях русского критического реализма. Этим не преминули воспользоваться его коллеги из числа «автоматчиков партии» и чиновники от культуры, исподволь обвинявшие автора с еврейскими корнями в «претенциозном эпигонстве» и подражательстве русскому классику Л.Н. Толстому (структурная однотипность названий «Война и мир» и «Жизнь и судьба»; созвучность этих произведений по таким содержательным моментам, как «эпичность», «семейный лейтмотив» сюжета, пространственность авторских философских рассуждений, «батальная доминанта» и пр.).

огромно, стозевно и лайй»⁷⁴⁸, чем загнивавшая и дряхлевшая власть, каковой она являлась на самом деле.

Во-вторых, Гроссман, утверждавший, что писал книгу «кровью сердца», и ставивший во главу угла прежде всего личные переживания в связи с Холокостом (страшная гибель матери) и последующими гонениями на евреев в СССР, воспринимал многие исторические моменты скорей эмоционально, чем рационально и зачастую гиперболизированно. (Воистину память сердца сильнее рассудка памяти печальной!)

Отсюда – нарочитое отождествление Сталина с Гитлером и явная гипертрофия бед, грозивших советским евреям⁷⁴⁹. Присутствовавшее в романе эффектное, но, к сожалению, не соответствовавшее реальным фактам авторское утверждение о том, что в «десятую годовщину народной сталинградской победы» (т.е. в начале 1953 года. – Г.К.) Сталин поднял над евреями «вырванный из рук Гитлера меч уничтожения»⁷⁵⁰, во многом было эхом формировавшегося тогда мифа о готовившемся Сталиным «втором Холокосте».

Гроссман так увлекся идеей уподобления сталинской власти нацистскому режиму в Германии, что на этой почве даже серьезно поссорился с Эренбургом (его соредктором при подготовке «Черной книги»). Однажды, по свидетельству Семена Липкина, Гроссман, беседуя с Эренбургом, гневно отчитал того за нахождение в недавнем прошлом в фаворе у Сталина и даже в сердцах назвал «фашистским писакой»⁷⁵¹.

Этот грубый выпад был уже потому несправедлив в отношении Эренбурга, что в годы войны он, находясь во фронтовой командировке, подобрал в освобожденном западноукраинском Ровно чудом уцелевшую еврейскую сироту Фаню Фишман, на гла-

---

⁷⁴⁸ Симптоматично, что это крылатое выражение В.К. Третьяковского было использовано А.Н. Радищевым в качестве эпиграфа к его «Путешествию из Петербурга в Москву», пламенно обличавшему российское крепостничество.

⁷⁴⁹ Такое отношение Гроссмана к Сталину объяснялось тем, что начиная с 1948 года на общем фоне снижения репрессивности режима отмечается ее некоторый всплеск в отношении евреев. В СССР за «политику» были арестованы и осуждены: в 1948 г. – 714 евреев (0,6% от всех арестованных по тем же мотивам); в 1949 г. – 1979 (2,8%); в 1950 г. – 1232 (2,1%); в 1951 г. – 1079 (2,3%); в 1952 г. – 352 (2,1%); в 1953 г. – 405 (3,8%). (Мозолин О.Б. Указ. соч. С. 337, 341, 346, 348, 363–464.)

⁷⁵⁰ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 486.

⁷⁵¹ Сарнов Б.М. Россия – страна мамонтов // Лехаим. 2003. № 9 (137). (www.lechaim.ru/ARHIV/137). Сам Липкин обнаружил этот эпизод в более «мягкой» форме. (См.: Липкин С. Указ. соч. С. 101.)

зах которой фашисты расстреляли мать и двух сестер, а отец погиб сражаясь в партизанском отряде. Она вошла в семью писателя, и ее матерью стала его дочь Ирина⁷⁵².

На эмоциональные инвективы Гроссмана, который вообще отличался в общении угрюмой колкостью, Эренбург реагировал всегда сдержанно. Более того, хотя ему, стилистическому «минималисту», и претила в романах Гроссмана тяжеловесность «толстовских», «длинных рассуждений», он ценил их автора за безусловный писательский талант и «подлинный интернационализм»⁷⁵³.

В последний раз к еврейской теме Гроссман обратился в «Путевых записках пожилого человека», написанных после поездки на Кавказ в конце 1961 – начале 1962 г. Они, вобравшие в себя впечатления, вынесенные писателем из продолжительного пребывания в Армении⁷⁵⁴, были им переданы в редакцию «Нового мира». Рукопись Твардовскому понравилась, и он решил напечатать ее сокращенный вариант (75 машинописных страниц из 125) под названием «Добро вам!». Однако цензура, санкционировавшая «в целом» публикацию, потребовала изъять один абзац из концовки очерка, поскольку в нем «армянский и еврейский народы противопоставлены всем остальным»⁷⁵⁵.

Имелся в виду эпизод с описанием свадьбы в горном селении Сасун, поездка в который произвела на Гроссмана, по его признанию, «самое сильное... впечатление»⁷⁵⁶. Особенно писателя тронула обращенная к нему речь деревенского плотника, из перевода которой он понял, что говоривший, попав в годы войны в немецкий плен, «видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных... как были убиты его товарищи – евреи», что он глубоко сочувствовал «еврейским женщинам и детям, которые погибли в газовнях Освенцима»⁷⁵⁷.

Так Гроссман воспроизвел этот реальный эпизод в очерке, а далее следовал текст, который, собственно, и не устроил цензуру, вымаравшую следующие строки: «Потом выступали, обращаясь ко мне, старики и молодые. Все они говорили о евреях и армянах, о том, что в вековой истории обоих народов много стра-

---

⁷⁵² Rubenstein J. Op. cit. P. 211–212.

⁷⁵³ Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 50–54.

⁷⁵⁴ Не получив гонорар за «Жизнь и судьбу», Гроссман остро нуждался в деньгах. Именно поэтому он, вняв совету С. Липкина, отправился в Армению, где надеялся поправить свои финансовые дела, занявшись переводом романа Рачии Кочара «Дети большого дома».

⁷⁵⁵ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. С. 134.

⁷⁵⁶ Липкин С. Указ. соч. С. 94.

⁷⁵⁷ Гроссман В.С. Добро вам! Из путевых заметок. – М.: Советский писатель, 1967. С. 54.

даний и крови. Я услышал от стариков и молодых слова уважения и восхищения, обращенные к евреям, к их трудолюбию, уму. И старики убежденно называли еврейский народ великим народом... Не раз приходилось мне слышать от русских простых и интеллигентных людей слова сочувствия к мукам, постигшим евреев во время гитлеровской оккупации. Но иногда сталкивался я и с ненавистью, переживал ее душой и шкурой своей. Случалось мне слышать черные слова, обращенные к истерзанному Гитлером еврейскому народу, от пьяных в автобусах, очередях, столовых. Мне всегда было больно, что наши лекторы, пропагандисты, работники идеологического фронта не выступают с речами и книгами против антисемитизма, как выступали Короленко, Горький, как выступал Ленин»⁷⁵⁸.

Чтобы спасти эту новую вещь Гроссмана, кстати, уже заверстанную в двенадцатый номер «Нового мира» (за 1962 год), Твардовский решил рискнуть и без согласования с автором заявил «курировавшему» этот номер цензору В.С. Голованову, что согласен с его замечанием «в отношении концовки путевых записок Вас. Гроссмана (о явлениях антисемитизма) и заверил, что он делает соответствующие исправления»⁷⁵⁹.

Твардовский, посчитавший, что очерк «местами талантливый, но в целом плохой, яческий...», так и заявил в редакции: «Буду просить его (Гроссмана. – Г.К.) переделать конец очерка. Не только потому, что цензор не пускает, но и сам думаю: ни одному народу, в том числе и еврейскому, нельзя давать привилегию страдания»⁷⁶⁰. (В этом рассуждении Твардовского, как представляется, сквозила помимо прочего его подспудная душевная боль за неспособность, последовав примеру Гроссмана, возвысить свой голос в защиту многострадального русского крестьянства так же решительно, как это попытался сделать тот в отношении своего народа.)

Солидаризировавшись с цензурой, Твардовский еще более ожесточил Гроссмана, спровоцировав его на скандал, о котором заместитель главного редактора журнала А.И. Кондратович (1920–1984) так проинформировал Главлит: «По этому поводу (внесение в «Добро вам!» «соответствующих исправлений». – Г.К.) возник конфликт между Твардовским как главным редактором журнала и Гроссманом как автором. Конфликт весьма серьезный. Твардовский ни при каких условиях не может согласиться с ут-

---

⁷⁵⁸ Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущёва: Дневник и попутное (1953–1964). – М.: Кн. палата, 1991. С. 86–87.

⁷⁵⁹ Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 86.

⁷⁶⁰ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. С. 134. Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 91.

верждением Гроссмана о якобы широко распространенных явлениях антисемитизма, о чем говорилось на армянской свадьбе, а автор Гроссман проводит упрямо эту свою мысль. Чем закончится этот конфликт, сейчас сказать трудно»⁷⁶¹.

А завершилось все тем, что Твардовский, не сумев развязать, зарубил «гордиев узел», образовавшийся в его взаимоотношениях с Гроссманом. 27 ноября 1962 г. он (Твардовский) записал в своем дневнике: «...Тот случай, когда нужно идти хлопотать за то, чему не сочувствуешь. Гроссман – бык дурной: снимайте»⁷⁶².

Тяжело переживая резкий разрыв с «Новым миром», Гроссман несколько успокоился лишь тогда, когда в сентябре 1963 года отрывок из злополучного очерка под названием «Севан» удалось с большим трудом «втиснуть» в тридцать девятый выпуск «Недели». И хотя тот появился лишь в тех экземплярах тиража, которые типография успела изготовить до неожиданно спущенного распоряжения изъять из номера полосу с материалом Гроссмана, он был доволен и этим последним подарком судьбы⁷⁶³.

Только спустя три года после смерти писателя, последовавшей в сентябре 1964-го после продолжительной и тяжелой болезни (сказались сильные стрессы, перенесенные из-за «Жизни и судьбы»), очерк «Добро вам!» увидел свет⁷⁶⁴. Разумеется, это издание вышло без ранее запрещенного абзаца об антисемитизме, который был предан гласности только на излете «перестройки».

В 1962 году «еврейское табу» заблокировало публикацию в «Новом мире» не только очерка Гроссмана, но и романа Елены Вентцель (1907–2002) «Свежо предание», где правдиво описывались жизненные испытания, выпавшие в годы сталинских репрессий на долю семей российских революционеров, среди которых, как известно, было много евреев. Автор – дочь известного петербургского учителя математики С.Ф. Долгинцева – происходила из среды старой русской интеллигенции. Вместе с мужем, имевшим немецкие корни, они работали в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Она была профессором математики на факультете вооружения. Ранее, в том же 1962-м году, этой начинающей писательнице, взявшей литературный псевдоним «Ирина Грекова», удалось по рекомендации журналистки Фриды Вигдоровой опубликовать в «Новом мире» рассказ «За проходной». Поэтому Вентцель надеялась продолжить творческое сотрудни-

⁷⁶¹ *Лакшин В.Я.* Указ. соч. С. 92.

⁷⁶² *Твардовский А.Т.* Новомирский дневник. Т. 1. С. 134.

⁷⁶³ *Липкин С.* Указ. соч. С. 260–262.

⁷⁶⁴ *Гроссман В.С.* Добро вам! Из путевых заметок. – М.: Советский писатель, 1967.

чество с Твардовским, однако тогда этого не произошло и, конечно, не по вине последнего. Роман «Свежо предание» был издан в России только через 35 лет⁷⁶⁵.

Солженицын и номенклатурный либерал В. Лебедев

Потерпев фиаско с публикацией «крамольных» вещей Гроссмана, Твардовский смог, тем не менее, взять некоторый реванш в противоборстве с чиновными культурцерберами, когда в 1962 году в ноябрьской книжке «Нового мира» появилась «лагерная» повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»⁷⁶⁶. Впрочем, главной предпосылкой этого без преувеличения сенсационного события в тогдашней советской общественно-интеллектуальной жизни явились не особые «пробивные» способности главного редактора «Нового мира».

Решающее значение тут имели прежде всего политические резоны, возникавшие в ходе перманентной закулисной борьбы в идеологическом сегменте аппаратного окружения Хрущёва. Номенклатурное руководство этой сферой имело столь же пестрый состав, сколь импульсивной, противоречивой и непоследовательной была сама пропагандистская политика первого секретаря ЦК. С начала 1960-х гг. его «правой рукой» по командованию идеологическим фронтом являлся секретарь ЦК Л.Ф. Ильичёв, чей политический вес еще более возрос после назначения его в 1962 году руководителем вновь созданных Идеологической комиссии при ЦК КПСС и идеологического отдела ЦК. Последний был своего рода суперагитпропом, поглотившим все ранее самостоятельно функционировавшие идеологические подразделения ЦК.

Новое партийное «министерство идеологии» вобрало в себя и возглавлявшийся Поликарповым отдел культуры. Впоследствии Борщаговский так определил роль и место этого функционера в цековской идеологической иерархии тех лет: «Я далек от мысли считать его (Поликарпова. – Г.К.) творцом некоей самостоя-

---

⁷⁶⁵ Грекова И. Свежо предание. – М.: Текст, 1997.

⁷⁶⁶ Показательно, что передать (через Л.З. Копелева) «Один день Ивана Денисовича» в редакцию «Нового мира» Солженицын решился, поверив в «гул подземных пластов» демократизации, «прорвавшийся на XXII съезд...» (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 15.) Гроссман, ознакомившийся с этой повестью уже находясь на одре смертельной болезни, назвал ее очень талантливой и изумительной (Липкин С. Указ. соч. С. 258).

тельной политики в области литературы, рядом не только с Суловым, но и с Ильичёвым он – исполнитель, но исполнитель столь инициативный и энергичный, что иные важные ситуации если не создавались, то подсказывались, провоцировались им. Это – особая порода партийных честолюбцев. ... Когда сложился тандем Дмитрий Поликарпов–Леонид Ильичёв, литературе и искусству впору было содрогнуться»⁷⁶⁷.

Однако помимо консервативно-догматической составляющей хрущёвская идеологическая политика имела и либеральную, находившуюся «под эгидой» другого цековского маршала – О.В. Кусинена, члена Президиума и секретаря ЦК (с июня 1957 года). И хотя непосредственная область его кураторства – международное коммунистическое и рабочее движение социалистических и капиталистических стран – формально не относилась к идеологической сфере, тем не менее, подчиненные ему международный отдел (заведующий Б.Н. Пономарев, секретарь ЦК с октября 1961 года) и отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (заведующий Ю.Н. Андропов, секретарь ЦК с ноября 1962 года) являлись разработчиками важнейших идеологических документов партии – учебного пособия «Основы марксизма-ленинизма» (1959 г.), новой программы КПСС (принята в 1961 г.) и др. Ведущие сотрудники этих структур – Г.А. Арбатов (1923–2010), А.С. Беляков (1907–1971), А.Е. Бовин (1930–2004), О.Т. Бологомоллов (р. 1927), Ф.М. Бурлацкий (р. 1927), Г.Х. Шахназаров (1924–2001) и др. – были высокообразованными и высокоэрудированными специалистами, поддерживавшими к тому же постоянные контакты с европейскими и другими иностранными леволлиберальными деятелями и организациями, и составляли поэтому реальную конкуренцию «суловцам» и «ильичёвцам».

Подогревая соперничество между представителями этих двух флангов идеологического фронта, Хрущёв получал возможность для широкого политического маневра, при том что чаще он отдавал предпочтение цековским консерваторам, которых считал более «сильными» в сравнении с аппаратчиками-прогрессистами.

«Третьей силой» в советском пропагандистском истеблишменте можно условно назвать тех функционеров из ближнего референтско-родственного окружения Хрущёва, которые в силу непосредственных и частых контактов с ним могли активно влиять на него в ходе принятия важнейших решений по идеологическим вопросам. Наиболее влиятельными такими «дворцовыми»

---

⁷⁶⁷ Борщаговский А.М. Указ. соч. С. 384.

идеологами являлись: Аджубей (муж дочери Хрущёва Рады) – главный редактор «Комсомольской правды» (с 1957 г.) и «Известий» (с 1959 г.)⁷⁶⁸; В.С. Лебедев (1915–1966) – помощник первого секретаря Президиума ЦК КПСС. Находясь «в тени» Хрущёва и не имея серьезной опоры на Старой площади, деятели этого круга придерживались межеумочной тактики, играя на противоречиях, возникавших между консервативно-догматической и либеральной цековскими группировками.

Именно благодаря Лебедеву, проникшемуся симпатией к «Одному дню Ивана Денисовича» и вслух прочитавшему повесть Хрущёву (на отдыхе в Гаграх в октябре 1962 года), та снискала благосклонное внимание последнего и стала возможной ее публикация – «к ужасу всех Поликарповых»⁷⁶⁹.

Ключевую роль, сыгранную в данном случае Лебедевым, отмечал и сам Солженицын, который при первом личном общении с ним был просто очарован этим «таинственным верховным либералом»⁷⁷⁰. Вместе с тем писатель допускал, что Лебедев потому покровительствовал ему, что им «может быть, руководило... лич-

---

⁷⁶⁸ В своих мемуарах Аджубей утверждал, что после XXII съезда Хрущёв предложил Сулову перейти из секретарей ЦК на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, однако тот наотрез отказался, «впав в истерику» и пригрозив отставкой (*Аджубей А.И.* Те десять лет. – М.: Советская Россия, 1989. С. 315). Ходили слухи и о том, что несостоявшимся преемником Сулова в ЦК был не кто иной, как сам Аджубей, которого пытались «двигать» Хрущёв. (*Суханов В.И.* Советское поколение и Геннадий Зюганов. Время решительных. – М.: ИТРК РСПП, 1999. С. 183.)

⁷⁶⁹ *Чуковский К.И.* Дневник. С. 329.

⁷⁷⁰ Это произошло 17 декабря 1962 г. на встрече советского руководства с творческой интеллигенцией. Во время знакомства, состоявшегося посредством Твардовского, Солженицына «поразила» в Лебедеве его «непохожесть на партийных деятелей... безусловная тихая интеллигентность (он был в безобразных очках...)... это был просто от неба приставленный к беспутному Хрущёву ангел чеховского типа». (*Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 41.)

А вот какое мнение сложилось о Лебедеве у К. Чуковского, познакомившегося с ним в начале 1964 года: «Очень самобытный человек – Вл.С. Лебедев. Линия у него либеральная: он любит Паустовского, выхлопотал печатанье «Синей тетради» Казакевича, обещает добыть для вдовы Пастернака пенсию, восторженно говорит о русской интеллигенции, но при этом глумлив, задирист, всегда ведет разговор так, чтобы кого-нибудь из собеседников высмеять, обличить, поставить в неловкое положение. Так как у него бездна юмора, он очень находчив, – это блистательно удается ему. Спорщик он великодушный, с иезуитским наклоном. И тут же рядом учительный тон, когда он говорит о святых, отчасти даже поповский, поповеднический». (*Чуковский К.И.* Дневник. С. 353.)

ное соперничество с Ильичёвым, которого обскакать он мог только на либеральной лошадке?..»⁷⁷¹.

Данное предположение Солженицына о царедворческой подоплеке такого радения о нем помощника Хрущёва верно лишь отчасти. Видимо, главным мотивом, которым в данном случае руководствовался Лебедев, был исходивший от «самого» «заказ» на пропагандистский нажим на «аппарат», который, как тот тогда полагал, «срывает... борьбу с культом личности»⁷⁷². Вот почему Хрущёв подверг тогда бюрократию интенсивному литературно-антисталинистскому артобстрелу: в октябре–ноябре 1962 года в периодической печати наряду с «Одним днем Ивана Денисовича» появились и «Наследники Сталина»⁷⁷³ Е.А. Евтушенко (р. 1932), а также стихотворения Б.А. Слуцкого (1919–1986) «Бог» и «Хозяин»⁷⁷⁴. Однако так и осталась неопубликованной знаменитая самиздатская вещь Слуцкого 1953 года «Про евреев»⁷⁷⁵.

Примечательно, что публикации «Наследников» также поспособствовал Лебедев, пожелавший встретиться с их автором. Евтушенко впоследствии вспоминал: «...Лебедев был романтический интриган, влюбленный в Хрущёва и тайно ненавидящий Аджубея. ... Вот первый момент нашего знакомства. Лебедев небольшого роста провинциал в дешёвеньком костюме, из-под брюк которого выглядывали голубые кальсонные завязочки, сиял, доверительно сообщая мне, что он учился у моего деда Рудольфа Вильгельмовича математике. (Как я догадался, сопоставляя даты, дедушка в это время был в заключении и мог преподавать математику только в одной из школ ГПУ.) ...Сентиментальный энтузиаст Лебедев пришел в восторг от моего стихотворения “Наследники Сталина”»⁷⁷⁶.

Однако с биографией и личностью Лебедева дело в действительности обстояло не совсем так, как пытался изобразить ма-

---

⁷⁷¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 41.

⁷⁷² Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 76.

⁷⁷³ Правда. 1962. 21 октября.

⁷⁷⁴ Литературная газета. 1962. 24 ноября. Эти стихотворения Слуцкого были созданы в 1956 году и до публикации ходили в списках.

⁷⁷⁵ «Евреи хлеба не сеют, / Евреи в лавках торгуют, / Евреи раньше лысеют, / Евреи больше воруют. / Евреи – люди лихие, / Они солдаты плохие: / Иван воюет в окопе, / Абрам торгует в рабкопе. / Я все это слышал с детства, / Скоро совсем постарею, / Но все никуда не деться / От крика: «Евреи, евреи!» / Не торговавши ни разу, / Не воровавши ни разу, / Ношу в себе, как заразу, / Проклятую эту расу. / Пуля меня миновала, / Чтоб говорили нелживо: / «Евреев не убивало! / Все воротились живы!»

⁷⁷⁶ Евтушенко Е.А. Плач по цензуре // Огонёк. 1991. № 6. С. 15.

ститый поэт⁷⁷⁷, питавший к тому же к «верному Личарде» Хрущёва скрытую неприязнь⁷⁷⁸.

Несомненно только то, что Лебедев был либералом не столько убежденным, сколько «ситуационным». Этот идеологический подручный Хрущёва, участвовавший до поры до времени в «обволакивании» Солженицына системой (восторженный отклик в «Правде» на повесть «Один день Ивана Денисовича»⁷⁷⁹, демонстративная благожелательность к ее создателю со стороны Хрущёва и Сулова на встрече с интеллигенцией 17 декабря 1962 г. и т.п.),

---

⁷⁷⁷ На самом деле Лебедев в «школе ГПУ» никогда не обучался. Родился Владимир Семенович 31 мая 1915 г. в восточносибирском поселке Ерофей Павлович, очевидно, в семье железнодорожного служащего. По окончании школы Володя в 1931 году перебрался в Москву, устроившись в ФЗУ при заводе «Серп и Молот» (бывш. завод Ю. Гужона). В 1933 году он пошел на рабфак Московского института инженеров железнодорожного транспорта, став через год его студентом. Возможно, там ему и преподавал до своего ареста дед Евтушенко, Р.В. Гангнус. Получив диплом в 1939 году, молодой инженер, видимо, чтобы избежать распределения в провинцию, добился направления в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), в стенах которой пребывал вплоть до 1941 года. Когда с началом войны большинство его ровесников ушло на фронт, Лебедев продолжал в тылу «ковать» свою партийно-пропагандистскую карьеру. Возглавив в 1942 году отдел пропаганды Всесоюзного Радиокomiteта, он уже в 1944 году оказался на Старой площади, в управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Начинал он там рядовым инструктором, но к 1953 году дослужился до поста замзавотделом пропаганды и агитации ЦК. С этой должности судьбоносно шагнул в январе 1954 года в ближайшее окружение первого секретаря ЦК КПСС, став его помощником и проработав потом в этом качестве десять лет. Будучи искренне предан Хрущёву, Лебедев воспринял его отставку в октябре 1964 года как личную жизненную катастрофу. В Институте марксизма-ленинизма, куда Лебедева сразу «сплывили» из ЦК, он проработал всего несколько месяцев. Уже в июне 1965 года его перевели на инвалидность, обеспечив, правда, персональной пенсией в 130 рублей. Тот, перед которым еще не так давно заискивали, лебезили и «ломали шапки» литературные и прочие советские вельможи, умер 12 января 1966 г. в полной безвестности. И даже сейчас, когда многое из засекреченного прежде прошлого стало широко известно, год смерти этого человека указывается в публикациях историков-специалистов либо неверно, либо вообще отсутствует. Интересно, что близким другом Лебедева был С.Г. Лапин, с которым познакомился еще в ВПШ и который в 1970–1985 гг. руководил Гостелерадио СССР. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 21. Д. 753.)

⁷⁷⁸ Отрицательное отношение к Лебедеву возникло у Евтушенко, видимо, после того как тот в нем глубоко разочаровался и даже стал за глаза называть лгуном. (*Чуковский К.И.* Дневник. С. 353.)

⁷⁷⁹ «...Повесть Александра Солженицына напоминает толстовскую художественную силу в изображении народного характера». (*Ермилов В.В.* Во имя правды, во имя жизни // Правда. 1962. 23 ноября.)

потом сожалел о былом покровительстве так и «неприрученному» писателю, выступив в августе 1964 года с нападками на его новый роман «В круге первом»⁷⁸⁰.

В сравнении с Солженицыным и Евтушенко Эренбург был значительно лучше знаком с нравами высшей номенклатуры, да и по жизненному опыту намного их превосходил. Поэтому он быстро «раскусил» Лебедева, отозвавшись о нем так: «человек придворный, неискренний, верить ему нельзя»⁷⁸¹. Именно Лебедев, стремясь сорвать публикацию в «Новом мире» не понравившейся Хрущёву пятой книги воспоминаний Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (об этом ниже), обвинил Твардовского в том, что тот идет на поводу у своих заместителей-евреев – Б.Г. Закса (1908–1996), А.И. Кондратовича и В.Я. Лакшина (1933–1993), которые якобы из национальной солидарности «тащили» мемуары своего соплеменника на страницы журнала⁷⁸².

Будучи живым инструментом в руках Хрущёва, Лебедев различным образом использовался им ради поддержания собственной власти, но чаще с целью «либерального шантажа» номенклатуры. Однако со временем этот «коронный» метод аппаратного манипулирования стал утрачивать свою эффективность. Произошло это потому, что консервативная партгосбюрократия очень быстро научилась саботировать либеральные начинания «первого». Более того, сама стала запугивать его «либеральной опасностью», все решительней заставляя действовать в своих интересах.

Анализируя обстоятельства, предшествовавшие падению Хрущёва, тот же Лакшин отмечал: «...Наблюдался странный эффект. Стоило Хрущёву сказать что-то благожелательное, либеральное, и его слова, от которых мы тщетно ожидали благого отзыва в ли-

---

⁷⁸⁰ Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 247–248.

⁷⁸¹ Там же. С. 246.

⁷⁸² В этой связи Твардовский устроил Лакшину нечто наподобие допроса. Вызвав его в кабинет, он «внезапно сказал после паузы: “Вы православный, В.Я.? Скажите мне прямо, глядя в глаза”. Последовавшее за этим неприятное для Лакшина объяснение он описал в своем дневнике так: «Я опешил, потом засмеялся. Оказывается, Лебедев уверял Твардовского, что точно знает (разрядка В.Я. Лакшина. – Г.К.), что я еврей. «Я не находил бы стыдом признаться в этом, если бы это было так, – сказал я Твардовскому, – но я чистокровный русский». «Понятно, понятно... – отвечал А.Т. – Но я вот объясняю Лебедеву, что и отца вашего знаю, и матушку, а он: «Не спорьте, Александр Трифонович, мне это сказали люди, которые не могли ошибиться (видимо, глава КГБ В.Е. Семичастный, который, как писал Ф.М. Бурлацкий, был близок к Лебедеву, как, впрочем, и М. Шолохов – Г.К.)». Вот я решил спросить, не обижайтесь». (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 247. Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 182–183.)

тературной политике, цензурной практике, глухо терялись на другой же день, уходили в песок. И напротив, стоило ему сделать какой-то реверанс в сторону Сталина или вспомнить о кознях ревизионистов, как это мгновенно усиливалось стократ, как в мощнейшие репродукторы, и обретало плоть в придириках цензуры, в «проработочных» статьях. Аппарат ощущал свою силу, Хрущёв был, сам уже того не сознавая, его заложником»⁷⁸³.

Яркой демонстрацией такой властной силы высшей бюрократии стал спровоцированный ею разнос прозападного абстрактного искусства, учиненный лидером страны на юбилейной выставке в Манеже «30 лет МОСХ». Посещая ее 1 декабря 1962 г., Хрущёв, неожиданно стал яростно критиковать представленные на вернисаже картины и другие художественные произведения, а также вульгарно поносить их авторов – художников-модернистов⁷⁸⁴. Тем самым он как бы предоставил возможность «подзуживавшим» его Суслову, Ильичёву и иже с ними взять реванш за недавнее унижение, пережитое в связи с публикацией «лагерной повести» Солженицына и антисталинистского стихотворения Евтушенко, что партидеологи-ортодоксы расценили как либеральный триумф.

«Бабий Яр» Е. Евтушенко и выступление М. Ромма

Запала начальственного гнева против художников, посмевших в своих работах бросить вызов методу социалистического реализма, хватило надолго. Спустя несколько недель, 17 декабря 1962 г., на встрече с творческой интеллигенцией, состоявшейся в Доме приемов на Ленинских горах, Хрущёв продолжил метать громы и молнии в приверженцев «формализма» в изобразительном искусстве. Показательно, что Л. Ильичёв, который из президиума «дирижировал» возникшей на встрече дискуссией, значительно превзошел тогда Хрущёва в обличении «грязной абстракционистской мази». Заодно он заклеил «увлечения дикими завываниями различных зарубежных джазов», а также критически «прошелся» по «элементам какого-то фыркающего скептицизма» в творчестве В.П. Аксёнова (1932–2009) и по «подлым “откровениям”» изданной в США книги А.С. Есенина-Вольпина (р. 1924 г.)⁷⁸⁵.

⁷⁸³ Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 252.

⁷⁸⁴ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 522–533.

⁷⁸⁵ Там же. С. 533–539.

Как свидетельствовал приглашенный на это пропагандистское действо Солженицын, в числе главных на этой встрече была и «темнонакаленная» тема антисемитизма, навеянная, как он считал, тем, что «московская творческая интеллигенция остро опасалась, чтобы новое гонение не стало антиеврейским, и этот сгущенный страх вошел и в этот зал (Дома приемов. – Г.К.) во многих грудях и хорошо был известен в ЦК»⁷⁸⁶.

Таким образом, власти сами сломали печать запрета, наложенную было ими на публичное обсуждение «еврейского вопроса». В качестве непосредственного инициатора снятия этого табу выступил тот же Ильичёв, вдруг переведший дискуссию в новое русло. Неожиданно для присутствовавших в зале он заявил: «С некоторых пор в нашей литературе поднят такой вопрос, как антисемитизм». Произнеся эти слова, вызвавшие «оживление в зале», секретарь ЦК пояснил: «В партии, товарищи, нет двух мнений: антисемитизм – отвратительное явление, партия боролась, борется и будет бороться с элементами антисемитизма. Но надо ли, время ли поднимать этот вопрос как тему острейшую и актуальнейшую? .. Ведь появление стихотворений, осуждающих антисемитизм, правильных в своей основе, вызвало обратную реакцию. И уместно ли в обстановке нашей страны, потерявшей 20 млн. жизней советских людей, представителей всех народов великого Советского Союза, поднимать этот вопрос?»⁷⁸⁷.

Далее в разговор вступил Хрущёв, из слов которого внимавшая «вождям» аудитория уяснила, что конкретно кроется за их обескураживавшими откровениями. «Этот вопрос очень важный – борьба с антисемитизмом», – начал лидер партии. Потом вдруг заговорил о себе (очевидно, для пущей убедительности): «Я воспитывался в Донбассе, я в детстве своем видел погром еврейский в Юзовке, и я только одно скажу, что шахтеры в своем абсолютном большинстве, даже шахтеры, были против этого погрома. И когда после погрома прокатилась волна забастовок, кто был в большинстве ораторов среди этих забастовщиков? Евреи. Они были любимы. Они были уважаемы. Вот «Бабий Яр». Я работал на Украине и ходил в этот Бабий Яр. Там погибло много людей. Но, товарищи, товарищ Евтушенко, не только евреи там погибли, там погибли и другие. Гитлер истреблял евреев. Истреблял цыган, но на следующей очереди было истребление славян, он же и славян истреблял. И если сейчас посчитать арифметически, каких наро-

---

⁷⁸⁶ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 46.

⁷⁸⁷ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 546.

дов больше истреблено – евреев или славян, то те, которые говорят, что был антисемитизм, увидели бы, что славян было больше истреблено, их больше, чем евреев. Это верно. Так зачем выделять, зачем порождать эту рознь? Какие цели преследуют те, которые поднимают этот вопрос? Зачем? Я считаю, это неверно»⁷⁸⁸.

После этой сумбурной тирады в зале стало понятно, что главным возмутителем начальственного спокойствия относительно «еврейского вопроса» являлся Евтушенко с его наделавшим много шума стихотворением «Над Бабьим Яром памятника нет».

Выступая на этой встрече, поэт держался довольно смело и раскованно. Он даже вступился за скульптора-«абстракциониста» Э.И. Неизвестного (р. 1925), о котором Хрущёв как бы походя «ляпнул»: «А может, горбатого могила исправит...» На эту мрачную фразу Евтушенко моментально спикировал находчивой и эффектной репликой: «Но я думаю, что все-таки сейчас время, когда исправляют не могилами, а ...когда воспитывают жизнью»⁷⁸⁹.

Однако на начальственную критику, прозвучавшую в его адрес, молодой поэт не отреагировал. Он, вероятно, благоразумно решил не вступать в опасную полемику и потому не стал защищать от нападок свой «Бабий Яр». Это прогремевшее на всю страну, а потом и на весь мир стихотворение Евтушенко написал еще в 1961 году во время поездки в Киев. Там он побывал на месте, где в годы войны гитлеровцы проводили массовые расстрелы евреев, а также представителей других национальностей (русских и украинских военнопленных, подпольщиков, цыган, украинских националистов, пациентов психиатрической больницы и др.). Гидом поэта в украинской столице был очевидец этих страшных событий, начинающий тогда писатель Анатолий Кузнецов (1929–1979), который вскоре опубликовал о них книгу, принесшую ему всемирную известность⁷⁹⁰.

Впервые оказавшись в сопровождении Кузнецова в Бабьем Яру, Евтушенко был поражен тем, в каком равнодушно-циничном небрежении находится этот клочок земли, который всего лишь два десятилетия тому назад был так густо полит человеческой

---

⁷⁸⁸ Там же. С. 547.

⁷⁸⁹ Там же. С. 568.

⁷⁹⁰ В сокращенном виде «роман-документ» «Бабий Яр» был напечатан сначала в журнале «Юность» (1966, № 8–10), затем, в 1967 году, он отдельной книгой вышел в издательстве «Молодая Гвардия». Поехав в 1969 году в Англию и объявив себя там невозвращенцем, Кузнецов опубликовал в 1970 году в «Посеве» полную версию своего произведения, уже без тех цензурных текстовых изъятий и искажений, которым оно подверглось ранее в Советском Союзе.

кровью⁷⁹¹. Через много лет он вспоминал: «Когда мы туда пришли, я был совершенно потрясен тем, что увидел. Я знал, что никакого памятника там нет, но я ожидал увидеть памятный знак или какое-то ухоженное место. И вдруг увидел самую обыкновенную свалку... На наших глазах подъезжали грузовики и сваливали... все новые кучи мусора. Я спросил Анатолия, а почему сейчас такой заговор молчания вокруг этого места?... Анатолий Кузнецов

---

⁷⁹¹ О создании памятника в Бабьем Яру и другие представители общественности и творческой интеллигенции (в том числе и И. Эренбург) стали ходатайствовать перед властями уже вскоре после освобождения Киева. Однако все эти инициативы (ставшие к тому же с 1948 года небезопасными) были отвергнуты руководством Украины во главе с Хрущёвым. С началом «оттепели» навёрх вновь пошли обращения с просьбами увековечить память безвинно погибших в страшном овраге на окраине Киева. Однако новое руководство республики (с 1957 года ЦК КПУ возглавлял Н.В. Подгорный) распорядилось разбить на этом трагическом месте парк культуры и отдыха с аттракционами. Овраг перегородили плотиной и стали закачивать в него пульпу (воду с грунтом), дабы путем дренирования превратить его в участок, пригодный для строительства. Тем не менее, приверженцы идеи мемориала, в том числе и писатель В.П. Некрасов, продолжали добиваться его создания (Литературная газета. 1959. 10 октября). Однако эти здравые голоса наверху не были услышаны. Может быть, отчасти и поэтому на месте былой трагедии произошла спустя два десятилетия еще одна гуманитарная катастрофа. 13 марта 1961 года во время весеннего паводка плотина в районе Куреневки не выдержала напора воды и более чем десятиметровый вал жидкой грязи из «пульпохранилища» обрушился на ближайшие дома, улицы и трамвайное депо, завалив илом насмерть 145 человек. Тогда «в народе» пошли гулять слухи о том, что «евреи расковыряли плотину, чтобы отомстить за запрет на установку памятника в Бабьем Яру». Власти особенно не старались пресекать подобные толки. И, видимо, потому, что после расчистки грязи разбивка парка в Бабьем Яру не только возобновилась, но и еще было решено развернуть там строительство стадиона. Думается, не случайно представитель СССР в ЮНЕСКО распространил в ноябре 1962 года брошюру на английском языке «Расовое и национальное равноправие в СССР» («Equality of Rights between Races and Nationalities in the USSR»), в которой утверждалось, что после массового истребления нацистами советских евреев в Белоруссии и на Украине воссоздание там их национально-культурной идентичности невозможно. В ней также подчеркивалось, что в СССР идет интенсивный процесс добровольной ассимиляции еврейства, чья интеллигенция занимает ведущие позиции во всех сферах культурной и интеллектуальной жизни советского общества. И только после смещения Хрущёва возведение спорткомплекса в Бабьем Яру отменили. Вскоре был организован закрытый конкурс проектов мемориала. Однако в конце 1965 года его результаты аннулировали. Тем не менее, спустя еще год в Бабьем Яру под давлением общественности появился закладной камень мемориала, а он сам был открыт в 1976-м. Правда, в надписи на этом памятнике ничего не говорилось о массовом уничтожении евреев.

сказал, что есть много причин. Ведь примерно 70 процентов людей, которые участвовали в этих зверствах, были украинские полицаи, которые сотрудничали с фашистами, и немцы им предоставляли всю самую черную работу по убийствам. Поэтому это считается как бы подрывом престижа украинской нации. ... И потом, зачем им героизировать ту нацию (евреев. – Г.К.), которая опять подозревается во всех грехах?»⁷⁹².

Пережитый Евтушенко сильный эмоциональный шок уже через несколько часов облекся в стихотворение, которое на следующий день было прочитано им там же, в Киеве, на поэтическом вечере в Октябрьском дворце. Второе публичное авторское представление «Бабьего Яра» состоялось сразу по возвращении в Москву, 16 сентября в Политехническом музее. А 19 сентября, когда это произведение было опубликовано в «Литературной газете», оно обрело и печатную форму.

Оплакивая в своем стихотворении невинные жертвы Бабьего Яра, Евтушенко направлял разящий его пафос не столько против нацистов, собственно и виновных в колоссальной трагедии Холокоста, сколько против русских антисемитов. В этом смещении смысловых акцентов явно угадывалось между строк подспудное желание поэта «поквитаться» таким «аллегорическим» способом с враждебным консервативно-догматическим чиновничеством и идейно близкой к тому антилиберальной интеллигенцией. Кроме того, будучи еще Гангнусом (да и потом тоже), Евтушенко, наверняка, мог из-за этой фамилии восприниматься и грубо третироваться окружающими не только как немец, но и еврей.

Рассуждая в те годы о причинах, подвигнувших его к написанию «Бабьего Яра», сам автор признавался: «Я давно хотел написать стихи об антисемитизме»⁷⁹³. Из этого следует, что произошедшее в Киеве ментальное соприкосновение поэта с трагедией Холокоста сыграло в рождении стихотворения отнюдь не главную роль эмоционального спускового крючка.

Именно скрыто присутствовавший в «Бабьем Яре» актуальный политический вызов и вызвал у Хрущёва наибольшее раздражение. К тому же, его недовольство могло быть спровоцировано

---

⁷⁹² Настоящий русский (Интервью Е.А. Евтушенко М. Бузукашвили) // Еврейское слово. 2011. 8–14 марта. № 9 (522). С. 8–9.

⁷⁹³ *Евтушенко Е.А.* Автобиография. – London: Flegon press, 1964. С. 132. (Первоначально «Автобиография» была напечатана во французском еженедельнике «Экспресс», на что «Комсомольская правда» откликнулась 30 марта 1963 г. зубодробительной статьей «Куда ведет хлестаковщина»).

и тем, что в этом стихотворении, пусть и созданном по советским идеологическим («пролетарско-интернационалистским») лекалам, он уловил нотки претенциозной и нескромной самоидентификации автора с образом воображаемого мученика (чуть ли не распятого Христа), испившего не больше и не меньше как всю историческую чашу страданий еврейского народа. Явный переизбыток самолюбования и аффектации особенно ощущался в последних строфах: *«Над Бабьим Яром шелест диких трав. / Деревья смотрят грозно, по-судейски. / Все молча здесь кричит, и, шапку сняв, / Я чувствую, как медленно седею. / И сам я, как сплошной беззвучный крик, / Над тысячами тысяч погребенных. / Я – каждый здесь расстрелянный старик. / Я – каждый здесь расстрелянный ребенок. / Ничто во мне про это не забудет! / «Интернационал» пусть прогремит, / Когда навеки похоронен будет / Последний на земле антисемит. / Еврейской крови нет в крови моей. / Но ненавистен злобой заскоруждой / Я всем антисемитам, как еврей, / И потому – я настоящий русский!»*

Эти заряженные провокативной энергией поэтические строки, в которых «громогласно» упоминался строго табуированный «еврейский вопрос», вызвали бурную общественную реакцию, и особенно, как и следовало ожидать, в стане почвеннических литераторов. Уже 24 сентября 1961 г. газета СП РСФСР «Литература и жизнь» выступила со стихотворной отповедью Евтушенко, названной без изысков сочинившим ее А.Я. Марковым (1920–1992) «Мой ответ». Тот едко вопрошал у автора «Бабьего Яра»: *«Какой ты настоящий русский, / Когда забыл про свой народ, / Душа, что брючки, стала узкой, / Пустой, что лестничный пролет»*.

И далее в том же разухабистом стиле. Финал был вообще в духе «черных» для евреев 1949–1953 гг.: *«Пока топтать погосты будет / Хотя б один космополит, – / Я говорю: я русский (разрядка автора текста. – Г.К.), люди! / И пепел в сердце мне стучит»*⁷⁹⁴.

---

⁷⁹⁴ Вскоре в самиздате появился приписывавшийся Эренбургу «ответ» А. Маркову: *«Жил в царское время известный «герой» / По имени Марков, по кличке «Второй». / Он в Думе скандалил, в газетках писал, / Всю жизнь от евреев Россию спасал. / Народ стал хозяином русской земли – / От «марковых» прежних Россию спасли... / И вдруг выступает сегодня в газете / Еще один Марков, теперь уже третий... / Поэта-врага он долбаит «ответом» – / Обернутым в стих хулиганским кастетом... / Хотела бы вновь не догнавшая гнущь / Спасать от евреев «несчастную» Русь... / И Маркову «третьему» Марков «второй» / Кричит из могилы – “Спасибо, родной!”*. (Антология самиздата. Т. 1. Кн. 2. С. 42.)

27 сентября 1961 г. в том же издании появилась уже обстоятельная и с претензией на объективность публикация – статья литературного критика Д.В. Старикова (1931–1979) «Об одном стихотворении». В ней автор, сотрудничавший с редакцией журнала «Октябрь» и тяготевший к «Русской партии»⁷⁹⁵, идейно пригвоздил Евтушенко к позорному столбу, без сантиментов утверждая, что «...источник той нестерпимой фальши, которой пронизан... «Бабий Яр», – очевидное отступление от коммунистической идеологии на позиции идеологии буржуазного толка».

Дабы придать убедительность своей критике и заодно внести смятение и раздор во враждебный «либеральный лагерь», Стариков прибег к хитроумному ходу. Он противопоставил выявленный им в «Бабьем Яре» буржуазно-националистический душок военной поэзии и публицистике И.Эренбурга. Но, обильно сдобрив свой текст фрагментами из произведений этого мэтра, Стариков достаточно вольно с ними обошелся: процитировал вырванные из контекста «выгодные» (в полемике с Евтушенко) строчки и произвольно опустил «невыгодные»⁷⁹⁶.

О столь беспардонном манипулировании его именем и творчеством Эренбург узнал с запозданием, только 3 октября 1961 г., когда находился в командировке в Италии. Статья Старикова так его возмутила, что он из Рима телефонировал в редакцию «Литературной газеты» текст протеста. Но его тогда не напечатали (по «рекомендации» Поликарпова). Тем не менее, Эренбург не успокоился. Сразу по возвращении в Москву он демонстративно вышел из редколлегии «Литературы и жизни», а 9 октября обратился через В. Лебедева с жалобой непосредственно к Хрущёву.

---

⁷⁹⁵ Один из идеологических лидеров «Русской партии» С.Ю. Куняев (р. 1932) писал: «...При журнале «Октябрь» полукровка Дмитрий Стариков и еврей Юра Идашкин успешно представляли русские интересы...» (*Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия // Наш современник. 1999. № 2. С. 119–120.*)

⁷⁹⁶ Потом Эренбург вспоминал: «Желая доказать читателям, что нельзя говорить о национальности жертв фашизма, Стариков приводел мои стихи о Бабьем Яре (напечатаны в январском номере «Нового мира» за 1945 год. – Г.К.)... и обрывал цитату до слов: «Моя несметная родня» (подчеркивали этническую связь Эренбурга с еврейством. – Г.К.). Я знаю, что во время оккупации фашисты в Бабьем Яру убивали участников сопротивления – русских, украинцев, но в народной памяти запечатлелись сентябрьские дни 1941 года, когда гитлеровцы убили в Бабьем Яру всех евреев, не сумевших выбраться из Киева, – стариков, больных, женщин, детей... Стихи Евтушенко сделали доброе дело: право евреев Киева на каменную плиту четверть века спустя после злодеяния было признано». (*Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 480, 481.*)

И в результате, проявив настойчивость, литератор все-таки добился, чтобы его заявление против Старикова предали гласности⁷⁹⁷.

Демарш маститого мэтра, прозванного его коллегами-недоброжелателями «патриархом космополитов»⁷⁹⁸, усугубил психологическую атмосферу в столичной творческой среде, и без того накаленную еще с конца 1940-х гг. печально знаменитой антикосмополитической кампанией. Возникшая тогда внутри творческих союзов перманентная подковерная борьба между группировками либералов и консерваторов давала о себе знать периодическими «выплесками» «на поверхность» антисемитизма.

Причем, наиболее крупное такое «извержение» произошло в ходе празднования 70-летия Эренбурга, то есть за несколько месяцев до описанной ажитации, порожденной стихотворением Евтушенко. Это очередное «обострение» на еврейской почве стало назревать еще на стадии подготовки к юбилею писателя. Первые симптоматичные осложнения проявились в ходе рассмотрения в ЦК КПСС ходатайства о награждении юбиляра орденом Ленина и проведении его творческого вечера в Колонном зале Дома Союзов. Это прошение, направленное 18 ноября 1960 г. на Старую площадь руководством ССП и Советского комитета защиты мира (Г.М. Марковым и Н.С. Тихоновым), было удовлетворено лишь частично. Верхи санкционировали вручение Эренбургу высшей советской награды, но запретили его чествование в Доме Союзов, перенеся его в менее престижный Центральный Дом литераторов⁷⁹⁹.

Точно не известно, насколько самолюбивый писатель был раздосадован этим жестом неуважения со стороны властей. Но выступая 26 января 1961 г. в ЦДЛ, Эренбург демонстративно пренебрег обязательным правилом (хоть и неписаным) и более чем прозрачно намекнул в широком эфире (речь транслировалась по Всесоюзному радио) на наличие в СССР еврейской проблемы.

---

⁷⁹⁷ Литературная газета. 1961. 14 октября. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 470–472. *Эренбург И.Г.* Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 606–607.

⁷⁹⁸ В дневнике К.И. Чуковского имеется следующая датированная 18 июня 1954 г. запись: «...Сегодня был у Федина... Заговорили об Эренбурге. “Я, – говорит он, – был в Кремле на приеме в честь окончания войны. Встал Сталин и произнес свой знаменитый тост за русский народ – и Эр[енбург] вдруг заплакал. Что-то показалось ему в этом обидное”. По словам Федина, один из литераторов (В.В. Вишневский? – Г.К.) в кулуарах Союза назвал Эр[енбурга] “патриархом космополитов”». (*Чуковский К.И.* Дневник. С. 235.)

⁷⁹⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 412–414.

Конкретно он припомнил высказывание польского поэта Юлиана Тувима (1894–1953), который, объясняя в годы войны, почему он прокламирует свое еврейское происхождение, ответил, что «...кровь евреев... течет сейчас широким ручьем, и в этом новом Иордане я принимаю крещение, горячее мученичество братства с евреями».

Комментируя эти слова, Эренбург дал понять, что они в чем-то актуальны и для послевоенного СССР, будучи связанными с «одной стороной нашей жизни». Припомнив следом поздне-сталинскую антикосмополитическую кампанию, писатель заявил также, что, хотя в паспорте у него записано «еврей», он считает себя русским писателем, при том что будет «всегда говорить, что... еврей, пока будет существовать на свете хотя бы один анти-семит»⁸⁰⁰.

Эти прозрачные намеки Эренбурга на наличие в СССР еврейской проблемы хоть и были квалифицированы в отделе культуры ЦК как «возмутительные»⁸⁰¹, тем не менее, не повлекли неприятных для писателя последствий. Ведь впереди был ярко анти-сталинистский XXII съезд, и власти не с руки было «ссориться» с либеральной интеллигенцией. Поэтому она иногда даже демон-стрировала, что ей, скорей, ближе позиция Эренбурга и Евтушен-ко, чем их оппонентов-почвенников. Однако начавшееся летом 1962 года очередное внутривластное «похолодание» резко изменило положение. Консервативная группировка в ССП вновь обрела уверенность в поддержке ее верхами, после чего стала действовать смелее. В октябре 1962 года один из Литературного института, сорвав аплодисменты слушателей творческого семинара по поэзии, объявил космополитами П.Г. Антокольского, Д.С. Данина, Л.И. Левина, И.Л. Сельвинского, К.М. Симонова и Б.В. Яковлева⁸⁰².

То ли в ответ на этот и ему подобные участившиеся тогда выпады, то ли вследствие затянувшейся в либеральных кругах после съездовской эйфории, но известный кинорежиссер М.И. Ромм (1901–1971) решился публично обвинить Грибачёва, Кочетова и Софронова в антисемитизме и травле еврейской интеллигенции. Случилось это в Институте истории искусств при Всероссийском театральном обществе. Выступая там 27 ноября 1962 г. на конференции «Традиции и новаторство в искусстве социалистического

⁸⁰⁰ Советские евреи пишут Илье Эренбургу. С. 486–487.

⁸⁰¹ Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации // Вопросы литературы. 1993. Вып. IV. С. 291.

⁸⁰² *Зезина М.Р.* Указ. соч. С. 151.

реализма», Ромм, припомнив антиеврейские кадровые чистки 1940-х – начала 1950-х гг.⁸⁰³, объявил трех упомянутых высокопоставленных литераторов⁸⁰⁴ ее активными организаторами.

Заговорив потом о современности, кинорежиссер особенно резко «прошелся» по Кочетову и Софронову, утверждая, что они «совершают открытую диверсию, нападают на все передовое, все новое, на все молодое, что появляется в советской кинематографии». Завершая свою эмоциональную речь, Ромм, прибегнув к риторике Агитпропа (единственно дозволенной тогда на публичных мероприятиях), призвал (видимо, верхи) «дать по рукам... этим господам» (то есть раздраконенным им литераторам). После чего он в той же стилистике многозначительно произнес: «Нельзя, чтобы на террасе нашего дома жгли костер, мы имеем дело с ничтожной группкой, но она распоясалась, она ведет явно не партийную линию, которая резко противоречит установкам нашей партии»⁸⁰⁵.

Стенограмма этого вызвавшего скандал выступления сразу же стала активно распространяться в списках в кругах столичной творческой элиты. Почувствовав себя оскорбленными и скомпро-

---

⁸⁰³ Еще весной 1943 года Ромм выступил против попытки преобразования киностудии «Мосфильм» в «Русьфильм», предусматривавшей ее переориентацию на производство картин по русской национальной тематике и кардинальную замену кинематографических кадров «нерусской национальности». В письме, направленном им тогда Сталину, были и такие строчки: «За последние месяцы в кинематографии произошло 15–20 перемещений и снятий крупных работников... Все... перемещения и снятия не объяснимы никакими политическими и деловыми соображениями. А так как все снятые работники оказались евреями, а заменившие их – не евреями, то кое-кто после первого периода недоумения стал объяснять эти перемещения антиеврейскими тенденциями в руководстве Комитета по делам кинематографии... Проверая себя, я убедился, что за последние месяцы мне очень часто приходится вспоминать о своем еврейском происхождении, хотя до сих пор я за 25 лет советской власти никогда не думал об этом, ибо родился в Иркутске, вырос в Москве, говорю только по-русски и чувствовал себя всегда русским, полноценным. Если даже у меня появляются такие мысли, то, значит, в кинематографии очень неблагоприятно, особенно если вспомнить, что мы ведем войну с фашизмом, начертавшим антисемитизм на своем знамени». (Промов Е.С. Сталин: власть и искусство. – М.: Республика, 1988. С. 350–352.)

⁸⁰⁴ Грибачёв, Кочетов и Софронов не только входили в руководящие структуры ССП, но и являлись главными редакторами соответственно таких популярных журналов, как «Советский Союз», «Октябрь» и «Огонёк».

⁸⁰⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 51. Л. 1–37. Антология самиздата. Т. 1. Кн. 2. С. 257–261.

метированными в глазах общества, Грибачёв, Кочетов и Софронов обратились с жалобами в ЦК⁸⁰⁶. Разбирательство по ним было поручено Поликарпову, известному своей иезуитской методичностью и вьедливостью⁸⁰⁷. В результате проведенной им жесткой проработки Ромма тот признал (в письменном объяснении), что ему не следовало нападать на не травившего «космополитов» Кочетова. Впрочем, киноэтр остался при твердом убеждении, что «под видом борьбы с космополитизмом шла расправа с кадрами еврейской интеллигенции»⁸⁰⁸.

Последовавшая реакция властей не оставляла сомнений в том, что они были сильно раздражены фрондерством Ромма. Да и ему самому стало известно, что на прошедшем вскоре совещании парактива в МГК партии его первый секретарь

---

⁸⁰⁶ В своем письме в ЦК Грибачёв охарактеризовал выступление Ромма как «идеологический твист», «сенсацию», «рождающую расходящиеся круги на болоте обывательщины и гальванизирующую дурные страсти». (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 51. Л. 5.)

⁸⁰⁷ Поликарпов, по замечанию Ромма, собрался было на пенсию, но после декабрьской (1962 года) встречи Хрущёва с интеллигенцией «вновь расцвел». Расследуя его «дело», он никак не попенял ему за то, что тот, выступая в Институте истории искусств, осудил в полемическом запале установившуюся после войны «нехорошую традицию» исполнять два раза в год «дурную» увертюру П.И. Чайковского «1812 год». (Ромм: «Зачем Советской власти под колокольный звон унижать «Марсельезу», великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна?»). Но Поликарпов «поймал» режиссера на следующем утверждении: «Впервые после Октябрьской революции эта увертюра была исполнена в те годы, когда выдуманы были слова «безродный космополит», которыми заменялось слово «жид». Впрочем, в некоторых случаях и это слово было напечатано на обложке «Крокодила»: в те годы был изображен «безродный космополит» с ярко выраженной еврейской внешностью, который держал книгу, а на книге крупно написано: «жид». Не Андре Жид, а просто «жид». Но [ни] художник, который нарисовал эту карикатуру, никто из тех, кто позволил себе эту хулиганскую выходку, нами не осужден». (Антология самиздата. Т. 1. Кн. 2. С. 258.)

В восприятии Поликарпова это рассуждение вполне «тянуло» на политическую провокацию, поскольку на верхней обложке номера «Крокодила», который имел в виду Ромм (№ 8 от 20 марта 1949 г.), художник К.С. Елисеев изобразил на самом деле человека («беспачпортного бродягу»), держащего в руке совсем не книгу, а чехол, на боковине которого было четко написано: «Андре Жид», а рядом еще – «Сартр», «Д. Гриффит» и имена некоторых других западных литераторов. После того как Поликарпов продемонстрировал Ромму этот выпуск сатирического журнала, тому пришлось оправдываться, ссылаясь на аберрацию памяти. (ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 558–559.)

⁸⁰⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 51. Л. 36–37. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 555–562.

Н.Г. Егорычев (1920–2005) с пафосом заклеил кинорежиссера, посмевшегося поднять «грязное знамя сионизма»⁸⁰⁹.

На состоявшейся 17 декабря 1962 г. упомянутой встрече Хрущёва с творческими работниками Ромму вообще не дали выступить. Зато такая возможность была предоставлена Грибачёву, который уже в начале своей пространной речи обвинил Ромма в том, что тот «своим сенсационным выступлением разжигает такую войну, на которой наша литература может понести непоправимые потери...» Затем им был решительно отвергнут тезис Ромма о том, что борьба с космополитизмом представляет собой антисемитизм в скрытой форме. Такое отождествление, как отметил Грибачёв, является «уловкой лжецов», которые «пытаются нашептывать идейки круговой поруки на националистической почве» и «дудят в уши: ага, он тебя критикует, потому что ты еврей». Далее он преподавал присутствовавшим урок политграмоты, заявив, что «космополитизм есть оружие американизма, с помощью которого ведётся атака на национальное самосознание народа, на их национальную культуру с целью установления американского руководства миром». Завершая свою речь, Грибачёв эффектно подытожил: «Таким образом, выступление Ромма – это либо непроходимое дремучее политическое невежество, либо провокация»⁸¹⁰.

Такой обвинительный напор оппонента, соединившийся наверняка в сознании Ромма с предшествовавшим выпадом Егорычева, подействовал на него устрашающе. Это стало очевидным на следующей встрече Хрущёва и других членов Президиума ЦК с творческими деятелями, устроенной 7–8 марта 1963 г. в кремлевском здании бывшего Сената. В сравнении с предшествовавшей аналогичной встречей, проходившей в Доме приемов на Ленинских горах, это было более помпезное и массовое действо, поскольку заседания проходили в Свердловском (Владимирском) зале, вмещавшем вдвое больше людей (600–650 чел.).

Когда под этими величественными сводами объявили о выступлении знаменитого кинорежиссера, который, по свидетельству Солженицына, был «у московской интеллигенции... как бы вторым лидером, после Эренбурга»⁸¹¹, либеральная публика, затаив дыхание, предвкушала услышать от него смелую и решитель-

---

⁸⁰⁹ Ромм М.И. Четыре встречи с Хрущёвым // Заметки по еврейской истории. 2004. № 44. (<http://berkovich-zametki.com/Nomer44>).

⁸¹⁰ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 556–558.

⁸¹¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 50.

ную отповедь Грибачёву. Однако, взойдя на трибуну, Ромм сразу же развеял эти ожидания, сказав каким-то «извинительным голосом»⁸¹²: «Вероятно, вы ждете, что я буду говорить о себе. Я говорить о себе не буду, эта тема, как мне кажется, недостаточно значительная для данного собрания»⁸¹³. И, перейдя потом на «нейтральную» тему, повел речь о проблемах союза кинематографистов и изложил свое мнение о кинокартине М.М. Хуциева «Застава Ильича»⁸¹⁴.

Если коллеги-либералы расценили такое поведение Ромма как малодушие, то литературные и партийные ортодоксы – как хитрый маневр, предпринятый, дабы уклониться от публичного покаяния в «недостойном поведении» в отношении Грибачёва, Кочетова и Софронова. Однако таковой приписывавшийся Ромму умысел оказался безуспешным, поскольку у трех оскорбленных литераторов в аппарате ЦК был влиятельный покровитель – первый заместитель заведующего идеологическим отделом В.Н. Снастин. Проведя расследование по факту «политически ошибочного» выступления Ромма в Институте истории искусств, тот усмотрел в нем «откровенно тенденциозный националистический характер» и выдвинул обвинение в «разжигании групповщины и взаимного недоверия в рядах работников литературы и искусства». В итоге строптивый кинорежиссер был отстранен от преподавания во ВГИКе, а партком киностудии «Мосфильм» объявил ему предупреждение⁸¹⁵.

И все же резонансное выступление Ромма в Институте истории искусств было далеко не напрасным. Самое главное, что оно продемонстрировало власти протестную идиосинкразию общества на рецидивы сталинизма в идеологической сфере. Кроме того, вызвав «огонь» чиновного гнева на себя, Ромм в определенной мере «отвел» его от других «проштрафившихся» перед властью либеральных творческих деятелей. В своей лекции Ромм, в частности, защитил «Бабий Яр» Евтушенко, назвав нападки на него со стороны Маркова и Старикова «нашим позором»⁸¹⁶. Тем самым он невольно устранил аппаратное начальство такой либеральной «спайкой». И оно, дабы не допустить дальнейшего отхода молодого поэта от официальной идеологии, сменило в отношении него гнев на милость.

---

⁸¹² Так показалось присутствовавшему в зале Солженицыну (Новый мир. 1991. № 6. С. 50).

⁸¹³ Ромм М.И. Четыре встречи с Хрущёвым // Огонёк. 1988. № 28. С. 25.

⁸¹⁴ Там же.

⁸¹⁵ ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 621–623.

⁸¹⁶ Антология самиздата. Т. 1. Кн. 2. С. 259.

В пользу Евтушенко сыграло еще и то немаловажное обстоятельство, что он явно импонировал Хрущёву, который не мог не чувствовать (хотя бы интуитивно), что поэт как никто другой из творивших тогда литераторов рьяно выражал коммунистическо-романтический дух проводившихся им реформ.

Так или иначе, но на встрече с интеллигенцией в начале марта 1963 года Хрущёв уже не столько ругал Евтушенко, сколько старался оправдать его идейные прегрешения. Конкретно он высказался следующим образом: «...Тов. Евтушенко много написал стихотворений хороших, которые любят и молодежь, и взрослые... Но, как говорится, никто не гарантирован от неправильных представлений, ошибок. Я считаю, что ничего контрреволюционного у него нет, но что он неправильное направление взял и неправильную трактовку взял, когда писал стихотворение «Бабий Яр», – это грехи молодости, а может быть, это навязали ему более опытные [люди], и [они] преследовали более определенную политическую цель вредную, а он воспринял это неправильно и сделал. ...Поэтому это кому-то нужно было, нужно было оживить эту националистическую сионистскую крысу под видом борьбы с антисемитизмом, а он (Евтушенко. – Г.К.) этого не понял, не разобрался в этих сионистских позициях»⁸¹⁷.

Об оживлении «сионистской крысы», то бишь о возрождении еврейского национализма в СССР, Хрущёв в той речи в Кремле (8 марта 1963 г.) говорил неоднократно. В этой так тревожившей его закулисной «реанимации» «дохлой крысы»⁸¹⁸ он подозревал главным образом Израиль, где после состоявшегося весной 1961 года суда над А. Эйхманом (1906–1961) память о Катастрофе европейских евреев превратилась в ключевую составляющую государственной идеологии. Поэтому в этом государстве стихотворение Евтушенко было воспринято с невероятным восторгом, причем как в официальных, так и в леволиберальных кругах. Символично, что в тот же день (8 марта 1963 г.) тель-авивский журнал «Давар Гашавуа» объявил, что автор «Бабьего Яра» «завоевал дружбу всех евреев мира»⁸¹⁹.

---

⁸¹⁷ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 607, 626.

⁸¹⁸ Там же. С. 607. Колоритный образ дохлой крысы, символизирувавший в глазах Хрущёва национальную рознь, якобы давно «вымершую» в СССР, он позаимствовал из рассказа А.Т. Аверченко «Крыса на подносе» (Париж, 1921) о том, как на выставке современного искусства была выставлена инсталляция с трупом зверька под названием «Сумерки насущного».

⁸¹⁹ ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 588–589, 594–595.

Кроме того, видимо, опасаясь «сионистской вербовки» Евтушенко⁸²⁰, Хрущёв в своем выступлении путано посетовал: «Вот поэтому когда в Израиле прочитали («Бабий Яр». – Г.К.) сионисты – а израильское государство создано в идеях сионистских, – поэтому они Вас (Евтушенко. – Г.К.) приглашают и они Вас встретят, потому что видят, что если Вас здесь (в СССР. – Г.К.) начали использовать сионисты, так они хотят добавить обработку Вас в этом направлении. А сионисты всегда были противниками большевиков»⁸²¹.

Не могло не беспокоить Хрущёва и то очевидное обстоятельство, что общественно-политический резонанс в стране и мире от стихотворения «Бабий Яр» продолжал нарастать, при том что попытки властей его «купировать» не приносили желаемых результатов. Масла в огонь этой тревоги Кремля подлила 13-я (кантатная) симфония Шостаковича, сочиненная на стихи «Бабьего Яра».

Премьера симфонии прошла в Московской филармонии, причем 18 декабря 1962 г., то есть на следующий день после встревожившей либеральную интеллигенцию встречи Хрущёва с литераторами и художниками в Доме приемов на Ленинских горах⁸²², что резко усилило ажитацию вокруг этого музыкального события. Как свидетельствовал приглашенный Шостаковичем дирижер К.П. Кондрашин (1914–1981)⁸²³, в день премьеры утром ему позвонил министр культуры РСФСР А.И. Попов, который настаивал на исполнении симфонии без первой, самой «острой» части, в которой декламировались стихи о позоре антисемитизма. Однако это пожелание высокопоставленного чиновника было проигнорировано.

К огорчению властей публика приняла симфонию восторженно, что, впрочем, заставило их действовать более решительно. Это стало очевидным после того, как, дрогнув под давлением верхов, Евтушенко переработал текст «Бабьего Яра». В результате пре-

---

⁸²⁰ В феврале 1963 года Евтушенко принял приглашение Союза еврейских писателей Израиля посетить эту страну.

⁸²¹ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 610.

⁸²² Обсуждая в те дни содержание речей Хрущёва и Ильичёва на этой встрече, Лидия Чуковская заметила Анне Ахматовой, что «щель (видимо, дозволенной властью свободы. – Г.К.) вот-вот закрывается» и «мощную солженицынскую пробоину начнут заклёпывать». (Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. В 2-х тт. Т. 2. – СПб.–Харьков, 1996. С. 430.)

⁸²³ Кондрашин оказался вторым, к кому Шостакович обратился с просьбой дирижировать 13-й симфонией. Первым был ленинградец Е.А. Мравинский (1903–1988), который вначале ответил композитору согласием, но вскоре вдруг отверг его предложение.

жний авторский акцент на мученичество евреев в годы войны был смещен на страдания всех советских народов.

Подобная метаморфоза явилась для Шостаковича огорчительным сюрпризом. Как вспоминал Кондрашин, незадолго до второго исполнения симфонии (должно было состояться через две недели после первого) композитор неожиданно пригласил его к себе и сообщил, что в печати появилась новая авторская редакция «Бабьего Яра». Протянув дирижеру свежий номер «Литературной газеты» с этой публикацией, Шостакович сокрушенно добавил: «Ну что мне делать? Евтушенко некрасиво поступил, а теперь это наше совместное сочинение. Он написал новый вариант, хотя бы мне сказал об этом, посоветовался»⁸²⁴.

И все же, преодолев уныние, композитор внес коррективы в партитуру. И еще одно исполнение симфонии – теперь уже с переделанным поэтическим текстом – состоялось. Однако даже в таком «политкорректном» виде это произведение не устроило цековских «кураторов», которые «порекомендовали» Шостаковичу более не представлять его на публике. (Только при Брежневле – в первые годы его правления – были изданы ноты симфонии, а в 1972 году была осуществлена ее грамзапись, да и то лишь потому, что на Западе появилось к тому времени множество соответствующих пиратских дисков.)

Евтушенко, который, как оказалось на поверку, готов был страдать за еврейский народ лишь в стихах, впоследствии оправдывался тем, что внес изменения в «Бабий Яр» только «под прямой угрозой запрещения... гениального музыкального сочинения...»⁸²⁵. Однако поэт явно тут слукавил, поскольку на скандальный запрет произведения такого всемирно известного композитора, как Шостакович, который к тому же в 1960 году «наконец-то» вступил в КПСС, Хрущёв, конечно бы, не решился. Да и сам он, по свидетельству Солженицына, заявил 8 марта 1963 г. деятелям культуры буквально следующее: «Стихотворение «Бабий Яр» – не антисоветское, говорят – музыка хорошая, я послушаю. Запрещать глупо...»⁸²⁶. Довод Евтушенко опровергается еще и тем обстоятельством, что вскоре после премьеры 13-й симфонии власти сняли наложенный в 1936 году запрет на театральные постановки «формалистской» оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Премьера новой редакции оперы под названием «Катерина Измайлова» прошла в начале 1963 года в Москов-

---

⁸²⁴ Кондрашин К.П. Было это так // Еврейское слово. 1991. № 14(56). С. 4.

⁸²⁵ Евтушенко Е.А. Плач по цензуре // Огонёк. 1991. № 6. С. 15.

⁸²⁶ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 56.

ском музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко⁸²⁷.

И хотя Евтушенко действительно пришлось испытать сильное психологическое давление и со стороны Хрущёва, и со стороны аппарата ЦК, однако за отказ переделывать «Бабий Яр» тюрьма ему явно не грозила (в отличие от сталинского времени⁸²⁸). В худшем случае пострадала бы его карьера. Но не желая ею рисковать, он еще задолго до создания 13-й симфонии предпринял прагматичный ход, дабы «подстраховаться» после публикации «Бабьего Яра». Зная об особых дружеских отношениях, сложившихся у Хрущёва с Шолоховым, и, может быть, находясь под впечатлением от действительно талантливых произведений будущего нобелевского лауреата⁸²⁹, Евтушенко, написавшись к писателю в гости, побывал в его доме в знаменитой станице Вёшенской. К радости молодого поэта маститый литератор принял его исключительно радушно и даже, посочувствовав, подбодрил: «Что, брат, заели тебя наши гужеды за «Бабий Яр»? Ты не беспокойся – Михаил Александрович сам черносотенцев не любит». Однако после этих приятных для поэта слов Шолохов вдруг, «засверлив» его «глазами-буравчиками», принялся «дружески» распекать: «То, что ты написал «Бабий Яр», – это, конечно похвально. А вот зачем напечатал? Зачем дал им (Старикову и др. – Г.К.) это оружие в борьбе против себя самого, зачем напечатал «Бабий Яр»

⁸²⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 536–537.

⁸²⁸ Впрочем, даже при Сталине «не посадили» композитора Д.Л. Клебанова (1907–1987), который первым сочинил симфонию на тему трагедии Бабьего Яра. За ее исполнение в 1947 году он был смещен с поста руководителя отделения Союза советских композиторов в Харькове и подвергся другим гонениям в ходе антикосмополитической кампании.

⁸²⁹ Возможно, решение поехать в Вёшенскую Евтушенко принял под влиянием предельно искренней кинокартины С.Ф. Бондарчука (1920–1994) «Судьба человека», снятой в 1959 году по одноименному рассказу Шолохова. Как представляется, она содержит одну из самых впечатляющих и проникновенных в истории мирового кинематографа сцену-символ о Холокосте. В ней главный герой фильма – советский военнопленный Андрей Соколов – предстает невольным очевидцем (смотрит из зарешеченного окна железнодорожного вагона) того, как на вокзале одного из нацистских лагерей смерти производится «селекция» евреев. Он глубоко потрясен, видя как под льющуюся из станционных репродукторов мелодию приторно-томного танго «О, донна Клара» и контрастирующий с нею остервенелый лай овчарок эсэсовцы-охранники вырывают из рук матерей детей, отправляя их вместе с престарелыми и больными евреями в газовые камеры и дымящийся неподалеку крематорий. По силе эмоционального воздействия этот эпизод явно превосходит «оскароносный» «Список Шиндлера» (1993 г.) Стивена Спилберга (р. 1946).

и подставился?» Заметив, как после этого упрека Евтушенко огорченно сник, Шолохов великодушно его заверил, что на XXII съезде он обязательно постарается «хорошенько долбануть по бюрократии, по гужеодам, по антисемитам». Однако своего обещания Шолохов не только не сдержал, но вопреки ему «обрушился» со съездовской трибуны «с издевательскими нападками» на молодое поэтическое поколение⁸³⁰. К тому же, на встрече с интеллигенцией в начале марта 1963 года Хрущёв, чуть переиначив, повторил сказанное Шолоховым за десять лет до этого о романе Гроссмана «За правое дело»⁸³¹: написав «Бабий Яр», Евтушенко «плюнул русскому народу в лицо»⁸³². И это, скорей всего, не было простым совпадением. Не исключено, что Хрущёв выразился именно так с подачи того же Шолохова, которого считал своим советником по литературе.

Очевидный конформизм Евтушенко особенно отчетливо проявился в его выступлении на Идеологической комиссии при ЦК КПСС, заседавшей 24 и 26 декабря 1962 г. и обсудившей, как было официально сформулировано, «идейно-творческие вопросы, поставленные руководителями партии и правительства при посещении Выставки московских художников и в беседе с деятелями литературы и искусства 17 декабря». На самом деле тогда в ЦК КПСС состоялась очередная пропагандистская накачка представителей творческой интеллигенции. Среди 140 приглашенных на Старую площадь ведущих столичных литераторов и деятелей искусства помимо Евтушенко были писатель В.П. Аксёнов, поэты Б.Ш. Акуджава, Р.И. Рождественский, Р.Ф. Казакова, Б.А. Ахмадулина, художник И.С. Глазунов, скульптор Э.И. Неизвестный и др.

Симптоматично, что Евтушенко оказался одним из первых литераторов, кому после вступительных речей идеологических чиновников было предоставлено слово. Устроители действия, очевидно, надеялись, что именно ему удастся задать «правильный» тон для последующей дискуссии. И он, судя по содержанию его выступления, сумел оправдать их ожидание. В самом начале речи поэт решительно «отмежевался» от Эренбурга, заявив, что его «глубоко тронули, заставили задуматься слова Никиты Сергеевича Хрущёва о том, что у нас не может быть мирного сосущество-

---

⁸³⁰ *Евтушенко Е.А.* Фехтование с навозной кучей // Литературная газета. 1991. 23 января. С. 2.

⁸³¹ Фразу Шолохова о том, что роман «За правое дело» – это «плевок в лицо русского народа», В. Гроссман зафиксировал в своей дневниковой записи от 3 марта 1953 г. (Цит. по: *Бочаров А.* По страдному пути // *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. – М., 1990. С. 8.)

⁸³² Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 607.

вания в области идеологии». Потом, явно «подпевая» Ильичёву, возобновил предпринятые еще на состоявшейся встрече 17 декабря 1962 г. грубые нападки на одного из зачинателей советского диссидентства А.С. Есенина-Вольпина⁸³³. Назвав того «подонком», сочинившим «грязную отвратительную книжечку»⁸³⁴, Евтушенко пожаловался, что после случайного соприкосновения с ней в лондонской гостинице его стал преследовать навязчивый фантом «гнилостного» запаха.

По поводу переделки «Бабьего Яра» поэт заверил, что принял ее после того, как «заново продумал» «глубоко дружеские» слова Хрущёва, сказанные на встрече 17 декабря 1962 г.⁸³⁵

Верноподданнические «реверансы» молодого фрондера были по достоинству оценены властями. 29 декабря председатель Идеологической комиссии Ильичёв докладывал Хрущёву: «В отличие от речи на встрече 17 декабря на этот раз было гораздо правильное и осмысленное выступление Е. Евтушенко»⁸³⁶.

Тем не менее, все это не могло изменить резко негативного отношения верхов к «Бабьему Яру», ибо в основе его лежал «еврейский синдром», глубоко поразивший систему. Об этом чуть ли не экзистенциальном пороке тогдашних власти и общества Евтушенко знал не понаслышке. Он вспоминал: «В году шестьдесят третьем, считавшимся прогрессивным, редактор одного журнала интернационалист-профессионал (видимо, Б.Н. Полевой. – Г.К.) так ответил на мою просьбу взять в штат выпускницу Литинститута – еврейку: «Старик... Пойми, у нас в редакции превышена процентовка...» «Какая процентовка? – изумился я. – Разве есть инструкция о процентном количестве евреев?» «Такой инструкции, конечно, нет, но... Но все-таки она есть...» «А где же она написана?» «В воздухе, старичок, в воздухе...» – торопливо сказал редактор, спеша на заседание Советского комитета защиты мира»⁸³⁷.

⁸³³ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 565.

⁸³⁴ Подразумевалась книга А.С. Есенина-Вольпина «Весенний лист» / «A leaf of spring» (London: Thames and Hutton, 1961) – двуязычное издание (с переводами на англ. G. Reavey), включавшее в себя и авторское эссе «Свободный философский трактат». Беспардонная критика Есенина-Вольпина Евтушенко была явно «заказана» ему секретарем ЦК Ильичёвым, травившим диссидента в печати как «идейного отщепенца» и назвавшим его «ядовитым грибом». (Ильичёв Л.Ф. Творить для народа, во имя коммунизма // Правда. 1962. 22 декабря.)

⁸³⁵ Из стенограммы заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС 24 и 26 декабря 1962 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 198, 199, 201.

⁸³⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 197.

⁸³⁷ Евтушенко Е.А. Политика – привилегия всех. Книга публицистики. – М.: АПН, 1990. С. 129.

Даже в переводе на идиш «Бабий Яр» не решился опубликовать А. Вергелис в «Советиш Геймланд», что стало показательным исключением для мировой еврейской периодики⁸³⁸.

В 1969 году Евтушенко продал оригинал стихотворения за 320 фунтов стерлингов на аукционе в Лондоне. Приобретатель рукописи передал ее в библиотеку Иерусалимского университета⁸³⁹. При советской власти «Бабий Яр» переиздали только в 1984 году, причем после того, как Евтушенко, по желанию директора Гослитиздата В. Осипова, подготовил предваряющую врезку-пояснение с осуждением израильской агрессии.

Талантливый поэт и глубокий мыслитель Д.С. Самойлов (1920–1990), который провел вдумчивый анализ взаимоотношений советской правящей бюрократии с творческой интеллигенцией, тонко подмечал, что «чувство принадлежности к системе всегда выручало Евтушенко», а его «необычайное тщеславие» было «снабжено верными датчиками пределов дозволенного»⁸⁴⁰. По большому счету, исполненная идеализма поэзия Евтушенко как никакая другая была конгениальна человеческой натуре Хрущёва и лучше других способна была своим романтическим флёром скрадывать утопизм и бесперспективность его реформистского прожектерства. Тот же Самойлов утверждал: «Хрущевизм был политикой переходного времени, евтушенковщина – его искусством»⁸⁴¹.

Никите Сергеевичу, этому неудачливому советскому царю, поэт был ценен той функциональной ролью, которую тот играл тогда в обществе и которую так гениально обозначил П.Ж. Беранже: «Господа! Если к правде святой / Мир дорогу найти не сумеет, – / Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой!»

Идеологическая дуэль Хрущёва и Эренбурга

Из контент-анализа обильных словоизвержений Хрущёва на знаменитых встречах с интеллигенцией зимой – весной 1962–1963 гг. не видно, что его сильно тревожили «антисоветские выпады» Ромма или тем более Евтушенко. Однако то же самое свидетельствует, что советский лидер определенно усматривал немалую интеллектуальную угрозу режиму в общественно-литературной активности Эренбурга. И эти его опасения, как пред-

⁸³⁸ Шапиро Л. Указ. соч. С. 388.

⁸³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 84. Л. 169.

⁸⁴⁰ Самойлов Д.С. Указ. соч. С. 360–364.

⁸⁴¹ Там же С. 362.

ставляется, не были беспочвенны. Ведь в уже вышедшей в середине 1950-х гг. повести «Оттепель» Эренбург обозначил (пусть и неявно) собственную независимую от режима идейную позицию, которая была воспринята идеологическим начальством как интеллектуально-либеральная альтернатива официальному марксизму-ленинизму. Чутко подмечая такое отношение власти к Эренбургу, Солженицын писал: «...Им (руководителям страны. – Г.К.) тогда он (Эренбург. – Г.К.) казался – вождем оппозиции, грозной фигурой»⁸⁴².

Однако верхи тревожил не столько подспудный нонконформизм Эренбурга сам по себе, сколько «заразительное» влияние его свободомыслия на советскую интеллектуальную элиту, чьим властителем дум он становился все больше по мере того, как падал авторитет официальной идеологии.

Наглядным подтверждением существования этих идеологических «сообщающихся сосудов» может служить письмо Светланы Сталиной (1926–2011) Эренбургу, направленное еще 7 августа 1957 г. В этой по сути личной исповеди, совершенной в момент чрезвычайно мучительной коренной ревизии духовных приоритетов, дочь покойного вождя, которая уже в том же году отречется от его фамилии (станет Аллилуевой) и тайно примет православие⁸⁴³, глубоко искренне поблагодарила писателя: «Я очень признательна Вам за Вашу страстную любовь к искусству и за то, что Вы, один из немногих, умеете находить слова правды, произнося эти слова вслух и не прибегая к той двуличности, которая для нас всех – современных советских обывателей-интеллигентов – стала второй натурой»⁸⁴⁴.

Воспринимая Эренбурга как неформального идеологического лидера в СССР, Хрущёв при общении с творческими деятелями 17 декабря 1962 г. на Ленинских горах и 7–8 марта 1963 г. в Кремле выставил именно его ответственным за «атаку на партию» по еврейскому вопросу. И хотя вроде бы не кто иной, как Евтушенко своим «Бабьим Яром» накалил глобальные страсти вокруг этого «вопроса», тем не менее, Хрущёв, что называется, грешил на Эренбурга, рассуждая примерно так: «старый и опытный еврей» Эренбург – главный, он – идеолог «скрытой антисоветчины»,

---

⁸⁴² Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 48.

⁸⁴³ В 1957 году произошло тайное венчание С. Аллилуевой с дальним родственником Джонридом Сванидзе – сыном расстрелянного по приказу Сталина Алеши Сванидзе.

⁸⁴⁴ Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди. – М.: «Эллис-Лак». 2008. С. 599–607.

а «молодой русский» Евтушенко – только «запутался», попав под влияние сионистской пропаганды⁸⁴⁵.

Кроме того, Хрущёва, несомненно, саднила ревнивая обида на то, что молодой и талантливый Евтушенко (вместе со значительной частью образованного слоя общества) предпочел ему, партийному вождю, так сказать, скрытого матерого еврейского националиста и буржуазного эстета, исподволь ратующего за «мирное сосуществование в области идеологии»⁸⁴⁶.

А может быть, проявившаяся в конце 1962 года подспудная симпатия Хрущёва к Евтушенко обуславливалась на самом деле куда более простой причиной? Известный советский «супершпион» П.А. Судоплатов (1907–1996) после крушения СССР сделал наряду с прочими сенсационными признаниями и следующее: «Идеологическое управление КГБ заинтересовалось опытом работы моей жены⁸⁴⁷ с творческой интеллигенцией в 30-е годы. Бывшие слушатели школы НКВД, которых она обучала основам привлечения агентуры, и подполковник Рябов проконсультировались с ней, как использовать популярность, связи и знакомства Евгения Евтушенко в оперативных целях и во внешнеполитической пропаганде. Жена предложила установить с ним дружеские конфиденциальные контакты, ни в коем случае не вербовать его в качестве осведомителя, а направить в сопровождении Рябова на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Финляндию (лето 1962 года. – Г.К.). После поездки Евтушенко стал активным сторонником «новых коммунистических идей», которые проводил в жизнь Хрущев»⁸⁴⁸.

---

⁸⁴⁵ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 548–549, 612. *Эренбург И.Г.* Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 481.

⁸⁴⁶ Ярлык адепта идеологической конвергенции социализма и капитализма был припилен к Эренбургу в связи с тем, что после учиненного властями в декабре 1962 года словесного погрома авангардного искусства в Манеже он вместе с шестнадцатью коллегами-единомышленниками направил Хрущёву петицию, в которой содержались робкие сетования на «завинчивание гаек» и предлагалось «покончить» в сфере литературы с «холодной войной и установить в ней мирное сосуществование всех направлений». И хотя подписанты во избежание нежелательных последствий почти сразу отозвали это письмо из ЦК (на этом особенно настаивал А.А. Сурков), Эренбургу, тем не менее, пришлось потом долго отбиваться от нападок властей, считавших его тайным вдохновителем этого послания. (Источник. 1997. № 2. С. 120–121.)

⁸⁴⁷ Речь идет о Суламифи Соломоновне Кримкер (Кагановой) (1905–1989) – подполковнике советских спецслужб, публицисте и переводчике.

⁸⁴⁸ *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М.: ТОО «Гей», 1996. С. 471.

Очевидно, что именно в силу изложенных обстоятельств Евтушенко куда больше подходил на гипотетическую роль идеологического «медиума» Хрущёва, чем трижды лауреат Сталинской премии Эренбург. Малообразованного первого секретаря ЦК раздражал также в Эренбурге его «буржуазный» интеллектуализм. Кроме того, тот слишком основательно ассоциировался в сознании правящей элиты с прежним грозным владыкой. Думается, что в том числе и поэтому верхи не приняли его повести «Оттепель», хотя ею литератор, очевидно, пытался удовлетворить «либеральный запрос» постсталинской власти. Хрущёв потом долго упражнялся в дискредитации предложенного Эренбургом символа социально-национального возрождения страны. Не понимая, что «оттепель» – это своего рода политический сук, на котором он сидел, Хрущёв так пошловато «рубил» его в 1963 году: «Но морозы лучше, чем оттепель, потому что больше всего гриппозных заболеваний бывает при оттепели, а в морозные дни не бывает, потому что это неподходящая погода для бактерий»⁸⁴⁹.

С видимым упоением предаваясь этому занятию, лидер советского государства рассуждал совсем в духе русского консервативного мыслителя XIX века К.Н. Леонтьева (1831–1891), запомнившегося потомкам следующим пожеланием: «Надо подморозить хоть немного Россию, чтоб она не “гнила”»⁸⁵⁰.

Объективности ради нельзя не отметить, что Эренбург слишком мучительно, сложно и противоречиво избавлялся от пиетета перед Сталиным, благодаря покровительству которого он в жестокое время смог не только выжить, но и обрести литературную славу, а также связанные с ней высокий социальный статус и материальное преуспевание. Воистину, прав был Гюстав Флобер, писавший, что «до идолов дотрагиваться нельзя – позолота пристанет к пальцам».

Эренбург чуть ли не в прямом смысле слова оплакивал смерть Сталина. Как доносили в ЦК, он убеждал тогда французского писателя Роже Вайяна (1907–1965) в том, что Сталин «был гением, что он войдет в историю, ибо социализм в СССР построен им»⁸⁵¹. Историк-диссидент Рой Медведев (р. 1925), который познакомился с Эренбургом в 1965 году, так вспоминал о первой с ним встрече: «Многое из того, что говорил Эренбург, вызывало у меня несогласие. Он испытывал острую неприязнь к Хрущёву

⁸⁴⁹ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 616.

⁸⁵⁰ *Леонтьев К.Н.* Газета «Новости» о дворянском пролетариате // Варшавский дневник. 1880. 1 марта.

⁸⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 415. Л. 139.

и не скрывал этого. Хрущёв, по мнению Эренбурга, был слишком грубым, импульсивным и необразованным человеком. Напротив, о Сталине писатель говорил с явным уважением, хотя и осуждал его за репрессии»⁸⁵².

Наверное, самыми болезненными для Эренбурга стали инвективы в «сталинизме», исходившие из лагеря либеральной общественности. В течение многих лет в литературный «хит-парад» самиздата входило открытое письмо Эренбургу Эрнста Генри (1904–1990), написанное 30 мая 1965 г. Этот бывший дипломат и известный журналист и писатель был 4 марта 1953 г. арестован как «еврейский националист» и до 1955 года пребывал под арестом. Тяжело пережив двухлетнее заключение на Лубянке, он стал потом непримиримым антисталинистом. Так вот, ознакомившись в апрельском (1965 года) номере «Нового мира» с очередной публикацией главы книги Эренбурга «Люди, годы, жизнь», он узрел в прочитанном попытку автора вынести «политически оправдательный приговор Сталину». К такому выводу его подвела главным образом следующая фраза из мемуаров: «...Я (Эренбург. – Г.К.) понимал, что Сталин по своей природе, по облюбованным им методам напоминает блистательных политиков эпохи итальянского Возрождения»⁸⁵³.

Отбиваясь потом от явно пристрастной критики Генри, Эренбург ссылался на позицию «предтечи» еврокоммунизма Пальмиро Тольятти, резонно считавшего, что корень зла следует искать не столько в личности Сталина, сколько в созданной большевиками антидемократической системе власти⁸⁵⁴.

Эренбург, таким образом, оказался объектом критики, исходившей одновременно как из аппарата власти, так и из среды либеральной интеллигенции и диссидентства. Но для него, попавшего под этот «двойной огонь», наиболее болезненными являлись нападки «сверху», которые достигли апогея весной 1963 года. Именно тогда, после разносов, учиненных ему Хрущёвым на встречах с интеллигенцией, затравленный и уже серьезно больной, Эренбург вынужден был предпринять унижительное «хождение» в кремлевскую Каноссу. Как бы памятуя о том, что «унижение паче гордости», он попытался выказать Хрущёву свою партийно-идеологическую правоту. В письме, направленном импульсивному вождю 27 апреля 1963 г., Эренбург заверял: «... Я человек дисциплинированный и не буду ни говорить, ни писать ни у нас,

---

⁸⁵² *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* 1925–2010. Из воспоминаний. – М.: Права человека, 2010. С. 77–78.

⁸⁵³ *Генри Э.* Письмо «исторического оптимиста» // Дружба народов. 1988. № 3. С. 233.

⁸⁵⁴ *Эренбург И.Г.* Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 598–599.

ни за границей того, что может противоречить решениям партии. Должен прямо сказать – я никогда не придерживался идеи мирного сосуществования идеологий и не раз писал, что всеобщее разоружение не будет ни в коем случае означать идеологического разоружения... Да если бы я стоял за отказ от борьбы против идеологии капитализма, я был бы попросту изменником»⁸⁵⁵.

Вместе с тем Эренбург не стал каяться за прегрешения и ошибки, усмотренные властью в его воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» – книге, в которой он попытался подвести нравственный и творческий итог своей жизни. Эти составленные в западной интеллектуальной манере мемуары были с самого начала восприняты партаппаратом настороженно, поскольку там подозревали автора в претензии представить альтернативный официальному взгляд на прошлое и настоящее советского общества. Тем не менее, верхи, вынужденные считаться с популярностью писателя в западных леволиберальных кругах, санкционировали их публикацию. И с лета 1960 года они со «скрипом» и перебоями стали печататься в «Новом мире», а потом и выходить «кусками» в свет в виде отдельных изданий.

Уже при «прохождении» через ЦК первых глав рукописи тамошних «кураторов» редакции журнала особенно стал «напрягать» «неоднократно возникающий в воспоминаниях “еврейский вопрос”». Формулируя таким образом предмет этой своей обеспокоенности, заведомо культуры ЦК Поликарпов акцентировал внимание Секретариата ЦК (в записке от 20 августа 1960 г.) на следующий пассаж из мемуаров: «Я (Эренбург. – Г.К.) вспомнил сейчас 1949 год, когда некоторые называли меня «космополитом». Помню слова, обращенные ко мне: «Эренбургу пора понять, что он ест русский хлеб, а не парижские каштаны»⁸⁵⁶.

В идеологических «контрах» с ЦК Эренбурга как мог поддерживал главный редактор «Нового мира» Твардовский, хотя ему, приверженцу народности в литературе, претил космополитический эстетизм Эренбурга⁸⁵⁷. В конце 1960 года Твардовский вы-

---

⁸⁵⁵ Источник. 1997. № 2. С. 120–121.

⁸⁵⁶ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 405–407.

⁸⁵⁷ 11 августа 1961 г. Твардовский следующим образом охарактеризовал в дневнике свои впечатления от прочитанных глав воспоминаний Эренбурга: «В целом – жалкое впечатление. Чем ближе к взрослым годам и временам, тем страннее его мелочная памятьливость относительно своих встреч, выпивок, болтовни, плохих (своих и чужих) стихов, обид, будто бы причиняемых ему в этом мире с рождения до старости. Мир давным-давно забыл (а большею частью и вовсе не знал) о его ироничности и т.п., а он оправдывается, кается, объясняется по этому поводу... То, что он сидел и болтал в кабаках всех столиц Европы, дает ему право до сих пор думать, будто бы судьба Европы в значительной степени зависела от него и его друзей.

ступил против изъятия из верстки «Люди, годы, жизнь» фрагмента о «Докторе Живаго», в котором, как расценили в ЦК, Эренбург «по существу оправдывает» «антипатриотический поступок» Пастернака⁸⁵⁸.

В середине 1962 года главный редактор «Нового мира» воспротивился и исходившему от руководства Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит) предложению запретить публикацию готовившихся к печати глав мемуаров, посвященных военному и послевоенному времени – периодам, когда «еврейский вопрос» в СССР обострился до максимума. Видимо, с подачи Твардовского отдел культуры ЦК не внял резону начальника Главлита П.К. Романова, так сформулированному им 5 мая 1962 г. в записке на Старую площадь: «И. Эренбург, тенденциозно группируя факты, стремится создать представление о неравноправном положении в нашей стране лиц еврейской национальности»⁸⁵⁹.

Вместе с тем Твардовскому, дабы отстоять мемуары, пришлось пойти на ряд ситуационных компромиссов: вслед за ЦК признать «политическую остроту» отдельных рассуждений Эренбурга; отложить публикацию воспоминаний, пообещав властям, что возникший временной зазор будет использован для склонения автора к корректировке текста до цензурно удобоваримого состояния. Кроме того, 12 сентября 1962 г. Твардовский на заседании редколлегии «Нового мира» нарочито демонстративно раскритиковал представленное Эренбургом продолжение воспоминаний как слабое и недоработанное, поскольку автор, страдая «интеллигентским самолюбованием», предстал в них в «позе непогрешимого судьи, всегда все знавшего и никогда не ошибавшегося»⁸⁶⁰.

Очевидно, что подобная риторика Твардовского была продиктована тактической хитростью, надобность в которой неожиданно отпала после того, как в ноябре 1962 года Хрущёв, предприняв

Странное и жалкое самообольщение на старости лет. Не дай бог дожить». (Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. С. 44.)

Правда, потом, «по размышленью зрелом», Твардовский существенно ре-визовал негативизм в отношении своего литературного антипода. Выступая в марте 1964 года на встрече с ленинградскими читателями, он уже так отзывался об Эренбурге и его мемуарах: «Худо ли, хорошо ли, но он единственный из людей своего поколения, кто решился рассказать о прожитой им эпохе... Но почему-то хотят, чтобы Эренбург забывал то, о чем он хочет вспомнить, и вспоминал то, о чем он хочет забыть». (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 207–208.)

⁸⁵⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 423–425.

⁸⁵⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 141. Л. 66–72.

⁸⁶⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 522–523. Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 72–73.

либеральный нажим на высшую бюрократию⁸⁶¹, дал добро на публикацию в одной «корзине» с антисталинистскими произведениями Солженицына, Евтушенко и Слуцкого также и пятой книги «Люди, годы, жизнь». 21 ноября курьер «Нового мира» доставил ее гранки в Главлит для утверждения к печати⁸⁶².

Однако, когда аппарат, собравшись с силами, предпринял ответный маневр (разгром художественной выставки в Манеже), Хрущёв, быстро «переориентировавшись»⁸⁶³, уже вовсю стал демонстрировать охранительный энтузиазм, причем посредством прежде всего нападок на Эренбурга как на персонифицированный символ советского либерализма.

Уже на первом собравшемся после празднования нового 1963 года заседании Президиума ЦК КПСС (2 января) Хрущёв, подняв вопрос «о воспоминаниях Эренбурга», заявил, что «хорошо бы, если литературная критика разобрала [их] обстоятельно»⁸⁶⁴.

На реализацию этой директивы потребовалось не так уж много времени. 30 января 1963 г. в «Известиях» – видимо, не без подспудного участия главного редактора Аджубея – появились нападки на Эренбурга в виде статьи В.В. Ермилова «Необходимость спора...»⁸⁶⁵.

---

⁸⁶¹ Это была одна из последних массированных акций Хрущёва по укрупнению властной бюрократии, все более тяготившейся непредсказуемым лидером-«волюнтаристом». Тщетно пытаясь противодействовать антивождистской консолидации номенклатуры, Хрущёв тогда же в ноябре 1962 года провел через пленум ЦК решение о разделении партаппарата на сельский и промышленный и одновременно инициировал создание Комитета партийно-государственного контроля во главе с секретарем ЦК КПСС А.Н. Шелепным. Однако именно этот бывший председатель КГБ, получив тогда огромные властные полномочия, стал по иронии судьбы мозгом и душой заговора против Хрущёва, начавшего вскоре вызревать в его ближайшем окружении.

⁸⁶² *Лакшин В.Я.* Указ. соч. С. 85.

⁸⁶³ Выступая 12 декабря 1962 г. на сессии Верховного Совета СССР, Хрущёв заявил: «...Партия подвергла решительной и острой критике злоупотребления Сталина, хотя она и не отрицает его заслуги перед партией и коммунистическим движением». (Правда. 1962. 13 декабря.)

⁸⁶⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 669.

⁸⁶⁵ Аджубей отрицал эту свою причастность. В своих мемуарах он туманно пояснил: «Публикация критической статьи В.В. Ермилова по поводу воспоминаний Эренбурга была предопределена без нас. И в целом ситуация была зыбкой». (*Аджубей А.И.* Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989. С. 171.) Между тем В.Я. Лакшин утверждал: «На Эренбурга долго натравливали Ермилова. Посылали статью (Ермилова. – Г.К.) на просмотр Ильичёву. Словом, дело было сугубо запланированное и централизованное». (*Лакшин В.Я.* Указ. соч. С. 101.) Соглашаясь в целом с этим свидетельством, необходимо все же заметить, что Ермилова особенно и не требовалось «натравливать» на Эренбурга. Он и без того относился к нему крайне неприязненно. В частности, распространял в писательской среде вроде бы полученный от писателя

Поэт М.А. Светлов (1903–1961) так саркастически отозвался о Ермилове: «В каждой деревне есть такой человек, к которому идут, когда надо петуха или свинью зарезать»⁸⁶⁶. Этому литературному критику, подвизавшемуся «зарезать» Эренбурга, особенно не понравились его рассуждения о том, что хотя при Сталине и было известно о его беззакониях, люди из чувства самосохранения предпочитали держать язык за зубами. В пику этому в статье так или иначе утверждалось, что, напротив, в подавляющем своем большинстве общество ни о чем таком и не догадывалось, а если Эренбург и знал об арестах невинных людей, то лишь в силу своей особой информированности, и то, что он при этом предпочитал не протестовать, накладывает на него ответственность за эти преступления.

После этого на голову Эренбурга посыпались с самого верха обвинения в проповеди самооправдательной «теории молчания»⁸⁶⁷

В.М. Кожевникова следующий лживый «компромат»: «Наши войска в конце 1944 года вошли в Прибалтику и освободили где-то в Латвии концлагерь, заполненный местными евреями. Два раввина пришли к генералу – командиру дивизии, освободившей гетто, и потребовали, чтобы им предоставили транспорт, продовольствие, охрану и отправили в уже освобожденную Румынию, дабы оттуда на кораблях евреи смогли уплыть из проклятой Европы на родину предков, в землю обетованную. Генерал изумился: как?! Идут бои, немцы еще сильны, у армии неотложная задача развить наступление и ворваться в Пруссию, а тут... Генерал задохнулся от негодования, но раввины были непреклонны: «Евреи не хотят оставаться в Советском Союзе, они хотят в Палестину!» Тогда генерал пригласил к себе на помощь знаменитых военных корреспондентов, которые в эти дни шли с его армией на Запад, – И. Эренбурга и В. Кожевникова. Эренбург, говоривший на идиш (этим языком он не владел! – Г.К.), вступил с раввинами в яростный спор, но те были непреклонны: «В Палестину!» Спор то разгорался, то затихал, потом начинался снова, и в конце концов Эренбург приказал раввинам выйти, о чем-то пошептался один на один с генералом, после чего генерал позвал офицера-особиста и трех солдат. Через минуту они вышли из штаба, отвели раввинов в липовый парк и расстреляли. Больше никто не приходил к генералу из гетто с просьбой об отправке в землю обетованную, и дивизия ушла на Запад». (Куняев С.Ю. Поэзия. Судьба. Россия // Наш современник. 2002. № 7. С. 54.)

⁸⁶⁶ Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 223.

⁸⁶⁷ Эту теорию, «выведенную» из мемуарного утверждения Эренбурга о том, что вся политическая и культурная элита страны была деморализована сталинским террором и лишена им воли к сопротивлению («мы... все были участниками великого заговора молчания»), Хрущёв и Ильичёв объявили «вредной» и не соответствующей действительности. (Эренбург И.Г. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. – М.: Художест. литература, 2000. С. 587. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 618–619.) При этом Хрущёв не упустил случая публично уязвить писателя, заявив в печати, что «сам тов. Эренбург в период культа личности не подвергался гонениям или ограничениям». (Правда. 1963. 10 марта.)

и чуть ли не в соучастии в преступлениях Сталина. Литератор, конечно, не мог не разглядеть за этими нападками циничной попытки аппаратной номенклатуры, еще совсем недавно служившей послушным инструментом (в том числе и репрессивным) в руках вождя, «выйти сухой из воды», сделав его козлом отпущения. Оскорбленный, он опубликовал в «Известиях» ответ Ермилову. Однако тот, поддержанный сочувственным комментарием редакции и селективной подборкой откликов «трудящихся», издевательски объявил писателя автором лозунга «Могу молчать!» и демагогически обвинил его в «оскорблении целого поколения советских людей»⁸⁶⁸.

Симптоматично, что с началом этой газетной травли в Главлите стали «придерживать» мемуарные «полосы Эренбурга». Шеф этого ведомства Романов направил 2 февраля 1963 г. в ЦК новые пространные претензии к рукописи – на сей раз к тексту второй части пятой книги «Люди, годы, жизнь», посвященной событиям 1943–1945 гг. Он вновь настаивал на запрете публикации мемуаров писателя. Взяв за основу эти цензурные стенания, в коих в качестве главного камня преткновения была выставлена «еврейская тема», руководство идеологического отдела ЦК выдвинуло против Эренбурга следующие обвинения: «...Писатель весьма откровенно утверждает, что в атмосфере военных побед проявилась тенденция отхода от принципов пролетарского интернационализма, стал насаждаться великодержавный шовинизм, получили поддержку антисемитские настроения. Для подтверждения этих странных умозаключений Эренбург делает ссылки на А.С. Щербакова... выдавая его за одного из организаторов шовинистической кампании, вспоминает о неправильном отношении к некоторым писателям, журналистам и дипломатам (Лидин, Е. Шварц, К. Уманский, Д. Ортенберг и другие). Особенно много внимания И. Эренбург уделяет «еврейскому вопросу», намекая при этом, что лица еврейской национальности подвергались гонениям по обе стороны фронта: с ними зверски расправлялись фашисты в оккупированных областях (автор приводит много таких фактов, называя точные цифры жертв), с ними обращались несправедливо и в советском тылу: писателей травлили в печати, журналистов и дипломатов не жаловали на работе, самому Эренбургу запрещали писать о боевых делах евреев – воинов Совет-

---

⁸⁶⁸ Известия. 1963. 5 и 15 февраля. По поводу авторов опубликованных «Известиями» писем К. Чуковский записал в дневнике: «Темная масса читателей, ненавидящих Эренбурга за то, что он еврей, интеллигент, западник». (Чуковский К.И. Дневник. С. 333.)

ской Армии. ... При подготовке к печати первой части пятой книги мемуаров (она опубликована в январском номере «Нового мира») автору указывалось на его предвзятость, на недопустимость утверждений о будто бы существующей в нашей стране национальной нетерпимости по отношению к евреям. Эти замечания он частично учел и внес некоторые поправки в журнальный текст. Так, например, рассказывая о еврейском национальном радиомитинге (прошел 24 августа 1941 г. – Г.К.), Эренбург указывал, что некоторых его участников «восемь лет спустя арестовали только потому, что они были евреями». В журнальном тексте он смягчил столь дикое утверждение: «...арестовали только потому, что они входили в Еврейский антифашистский комитет», хотя и такая формулировка тенденциозна. Писатель внес также поправку в реплику Литвинова, которая содержала прозрачный намек на развивающийся якобы в стране антисемитизм. В первом варианте он писал: «Литвинов добродушно сказал мне: «Будут резать... кто и кого, он не объяснил». Теперь, в журнальном тексте, эта фраза изменена: «добродушно сказал мне: «Боюсь, будет плохо...» – почему, он не объяснил». По второй части (пятой книги мемуаров. – Г.К.) цензурных замечаний было сделано больше, однако автор с ними почти не посчитался. Он снял фразу, приписываемую А.С. Щербакову «Фронтовикам Бородино теперь ближе, чем Парижская коммуна»⁸⁶⁹.

По этим замечаниям в идеологическом отделе Ильичёв провел 13 февраля 1963 г. совещание, постановившее «рекомендовать т. Твардовскому предложить автору внести в текст мемуаров необходимые исправления»⁸⁷⁰. А пока суд да дело было решено «снять» материал Эренбурга из второго номера журнала⁸⁷¹.

Узнав об этом, «виновник» данного аппаратного разбирательства в тот же день (13 февраля) письменно обратился к Хрущёву, убеждая в том, что прекращение публикации мемуаров будет чревато ростом антисоветских настроений за рубежом и может вызвать там всплеск протестных акций⁸⁷².

⁸⁶⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 576–578.

⁸⁷⁰ По поводу этих «необходимых исправлений» В. Лакшин записал в дневнике: «Д.А. Поликарпов предложил ужасающую правку по Эренбургу, которая может быть условием возвращения его во 2-ю книжку журнала («Новый мир». – Г.К.). Предлагает снимать чуть ли ни целыми страницами, и не только места, заподозренные в «еврействе», но и направленные против культа». (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 104.)

⁸⁷¹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 578. Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 100–102.

⁸⁷² Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 573.

Так как международное публицити было предметом особой заботы постсталинского советского руководства, угроза Эренбурга возымела действие. 14 февраля Хрущёв направил его письмо на рассмотрение секретарям ЦК Суслову, Козлову и Ильичёву, дав, по всей видимости, при этом указание последнему решить дело миром, то есть отказаться от скандального изъятия глав мемуаров Эренбурга из номера «Нового мира». Руководство Агитпропа, тем не менее, объявило автору, что это произойдет только при условии дополнительного «смягчения» заверстанного фрагмента. Это было сделано, и 18 февраля Поликарпов дал указание Главлиту разрешить к печати второй номер «Нового мира» с материалом Эренбурга⁸⁷³. Этому приказу цензор В.С. Голованов, непосредственно оформлявший разрешения на публикацию, подчинился с очевидной неохотой. Он с самого начала настаивал на полном «снятии» рукописи Эренбурга. К тому же полагал, что внесенные в рукопись исправления «не меняют существа»⁸⁷⁴.

Восприняв такой исход как свою победу, сотрудники редакции журнала ликовали. Лакшин записал тогда в дневнике: «Эренбург разрешен с поправками. В ЦК пошли на компромисс, потому что Эренбург послал Хрущёву письмо, где писал о возможном международном резонансе на запрещение его книги и о том, что его деятельность эмиссара мира будет в этом случае сильно затруднена»⁸⁷⁵.

Когда впоследствии возникли сложности с прохождением в третий номер «Нового мира» окончания пятой книги «Люди, годы, жизнь», Эренбург уже действовал по «сработавшей» схеме апеллирования к высшему начальству. 19 февраля он послал Лебедеву верстку этого раздела, сопроводив ее письменной просьбой к Хрущёву дать добро на его печатание⁸⁷⁶. И на сей раз тот дал принципиальное согласие на публикацию. Но 8 марта 1963 г. подверг Эренбурга таким яростным словесным пикировкам (на упомянутой встрече в Кремле), что сникшая было цензура воспрянула духом и принудила писателя к дополнительной правке рукописи.

---

⁸⁷³ Там же. С. 578.

⁸⁷⁴ Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 105.

⁸⁷⁵ Там же. С. 104.

⁸⁷⁶ Источник / Вестник. 1997. № 2. С. 119.

Мемуары Эренбурга под прицелом цензуры

...Идеологически холодная весна 1963 года вновь заставила Эренбурга в который уже раз пойти на поклон к власти. К этому его толкнула озабоченность неопределенной судьбой шестой книги мемуаров «Люди, годы, жизнь», в которой он предполагал осветить послевоенные гонения на советское еврейство – тему, особо бдительно контролировавшуюся цензурой.

Подготовку этой книги он начал еще в октябре 1962 года, однако уже в марте, будучи напуган публичным разносом, учиненным ему Хрущёвым в Кремле, вынужден был отложить работу «до лучших времен». Чтобы «прояснить ситуацию» в верхах, писатель стал добиваться аудиенции у Хрущёва, попросив содействия у его помощника Лебедева. Однако тот сообщил вскоре, что его шеф из-за загруженности в данный момент срочной работой принять литератора не может. Не добавила оптимизма писателю и прочитанная в четвертом номере (за 1963 год) «Нового мира» редакционная статья, содержащая следующие бичевания и самобичевания: «...Теперь, когда повествование (мемуаров Эренбурга. – Г.К.) приблизилось к нашим дням, стали заметны и некоторые ошибочные тенденции, субъективизм автора, проявляющийся и в превознесении «левого искусства», и в так называемой «теории молчания», и в одностороннем изображении некоторых важных событий прошлого. Мы знаем и ценим И.Г. Эренбурга как одного из замечательных советских писателей, видного общественного деятеля, но считаем критику его мемуаров Н.С. Хрущёвым и Л.Ф. Ильичёвым справедливой и несем свою долю ответственности»⁸⁷⁷.

Встревоженный таким «сгущением туч» над его головой, Эренбург решил вновь лично обратиться к главному чиновнику страны, направив ему 27 апреля 1963 г. пространное послание. В нем содержались уверения в преданности «идеям коммунизма» и жалоба на то, что пресса затравила его как «внутреннего эмигранта»⁸⁷⁸. Однако это уничижительное заискивание оказалось напрасным, не растопив лед молчания, сковавший Кремль.

И все же в начале августа Хрущёв, сменив вдруг гнев на милость, принял Эренбурга, более того, был с ним даже любезен. Приятно изумленному такой резкой переменной гостю он пояснил, что о его мемуарах прежде превратно судил по наборам цитат, представлявшихся помощниками, но потом стал читать их сам, и не обнаружил ничего вредного. Когда же Эренбург попы-

⁸⁷⁷ Источник / Вестник. 1997. № 2. С. 112, 113, 114.

⁸⁷⁸ Там же. С. 120–121.

тался в который уже раз откеститься от приписывавшейся ему властями приверженности идее «мирного сосуществования» различных идеологий и стал высказывать опасение по поводу аппаратных рогаток, препятствовавших выходу в свет его мемуаров отдельной книгой, Хрущёв великодушно отвечал: «Оставьте это, я знаю, все это недоразумение. Вы сами себе цензор»⁸⁷⁹.

Столь неожиданное для Эренбурга благоволение к нему Хрущёва было, по всей видимости, обусловлено прагматическим соображением, продиктованным таким конкретным событием, как проходивший с 3 по 8 августа 1963 г. в Ленинграде симпозиум Руководящего совета Европейской ассоциации писателей («Комеско») ⁸⁸⁰. Проведению в СССР этого международного интеллектуального форума Кремль придавал важное политическое значение ⁸⁸¹. А между тем, Эренбург, которого, как свидетельствовал В.Я. Лакшин, «приглашали в Ленинград, чтобы показать европейским писателям, что он жив и здоров... прислал обиженное письмо Суркову, что он-де на пороге могилы и не знает, кто он, что он в своей стране: его не печатают, сочинения его остановлены и т.д.» ⁸⁸².

Так вот, дабы предотвратить назревавший скандал, Твардовский проинформировал о настроениях Эренбурга Лебедева, а тот, собственно, и уговорил Хрущёва проявить любезность к литературному мэтру. Примечательно, что, когда Эренбург по завершении аудиенции спросил, надо ли ему поехать в Ленинград на встречу с западными писателями, Хрущёв, как бы не ведая, о чем идет речь, поинтересовался: «А что это такое?» И, получив разъяснение, твердо, но не без свойственной его натуре хитринки сказал: «Конечно, поезжайте. А может, и мне поехать?» ⁸⁸³.

Приезжать в Ленинград Хрущёв, конечно, не собирался, поскольку намеревался наиболее маститых членов «Комеско» (в том числе и Ж.-П.Сартра) принять (и принял позже) в своей новой летней резиденции в Пицунде.

Расчетливая благожелательность Хрущёва так сильно подействовала на Эренбурга, что на состоявшейся следом за этой аудиенцией встрече с Ильичёвым он категорически отказался что-либо переделывать в рукописи мемуаров, переданной в издательство «Советский писатель». При этом литератор полагал, что настаивавший на подобной «самоцензуре» Ильичёв просто еще не по-

---

⁸⁷⁹ Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 148, 215. Фрезинский Б.Я. Примечание // Эренбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. Люди, годы, жизнь. С. 554.

⁸⁸⁰ Была создана в 1958 году на учредительном конгрессе в Неаполе.

⁸⁸¹ Ход этой сессии подробно освещался главной газетой страны (Правда. 1963. 6 августа. С. 4; 8 августа. С. 4; 9 августа. С. 4).

⁸⁸² Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 145.

⁸⁸³ Там же. С. 148.

лучил от Хрущёва указания об ее отмене в отношении его (Эренбурга) воспоминаний.

Во власти наивного самообмана Эренбург пребывал недолго. Мираж рассеялся уже 16 августа 1963 г., когда он получил письмо от председателя правления издательства «Советский писатель» Н.В. Лесючевского (1908–1978), который, ссылаясь на «справедливую партийную критику» журнального варианта мемуаров «Люди, годы, жизнь», уведомял, что как книга они «должны выйти в свет в исправленном виде, с устранением тех серьезных недостатков, на которые указали советская общественность, партийная критика»⁸⁸⁴.

В отчаянии Эренбург направил 18 августа новое «челобитье» Хрущёву, пытаясь напомнить ему об обещанных цензурных послаблениях, о которых, как предположил писатель, «видимо, не знают товарищи, ведающие литературными делами»⁸⁸⁵. Так и не дождавшись какой-либо реакции на это послание, Эренбург 8 сентября направил жалобу на Лесючевского Ильичёву⁸⁸⁶. Неизвестно точно, какой «лоббистский» механизм сработал на сей раз в Кремле, но это обращение возымело действие. Сверху была дано добро на публикацию первой книги «Люди, годы, жизнь» и на продолжение выпуска нового собрания сочинений Эренбурга. К тому же, его августовское письмо к Хрущёву было, наконец, рассмотрено 21 октября 1963 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Дабы уgomонить настырного мэтра, могущего подпортить внешнеполитический имидж СССР, этот партийный ареопаг постановил с подачи первого секретаря ЦК вызвать Эренбурга в ЦК и заверить его: «Вы сами будете цензором»⁸⁸⁷.

Ободренный этим принятым за чистую монету заявлением (благо, оно исходило от высшей властной инстанции), Эренбург возобновил подготовку шестой книги мемуаров, теша себя мыслью, что заручился твердым и заслуживающим доверия обещанием власть предержащих.

Между тем аппаратная бюрократия, все решительней подминавшая под себя Хрущёва (чтобы потом исторгнуть из своей среды), конечно, не собиралась соблюдать данные им Эренбургу «антицензурные гарантии». Это стало очевидным в марте 1964 года, когда, закончив шестую книгу мемуаров «Люди, годы, жизнь», писатель передал ее в редакцию «Нового мира», а та, действуя в «установленном порядке», начала скрупулезно «согласовывать»

---

⁸⁸⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 646–647.

⁸⁸⁵ Там же. С. 646.

⁸⁸⁶ *Rubenstein J.* Op. cit. P. 363–364.

⁸⁸⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 761.

содержание рукописи с идеологическим отделом ЦК и Главлитом. 24 июня Твардовский письменно уведомил Эренбурга о необходимости изъятия из текста пяти фрагментов, правда, ни один из них не имел отношения к «еврейскому вопросу», если не считать упоминания о «ренегате» Говарде Фасте как о прогрессивном американском писателе и борце за мир⁸⁸⁸.

И хотя по почти всем этим требованиям Эренбург пошел навстречу редакции, начальные главы шестой книги его воспоминаний, уже заверстанные было в июльский номер «Нового мира», были все равно сняты. ЦК и Главлит абсолютно не устроило то, что редакторские ножницы Твардовского обошли «еврейские» куски текста. Затребовав верстку на Старую площадь, чиновники идеологического отдела провели ее жесткое цензурирование. Там было решено принудить автора к еще одиннадцати купюрам, на сей раз почти исключительно относившимся к «еврейским» сюжетам⁸⁸⁹. Именно эти «места» в основном и критиковались в объемной записке, представленной 13 августа 1964 г. в Президиум ЦК Ильичёвым, Снастиным⁸⁹⁰ и Поликарповым. Конкретно те так обосновывали свои претензии к рукописи: «Обращает на себя внимание настойчивое подчеркивание Эренбургом еврейского вопроса. Становится очевидным, что автор мемуаров ведет скрытную, но достаточно очевидную полемику с партийной точкой зрения по данному вопросу. Эта точка зрения была высказана товарищем Н.С. Хрущёвым на встрече с деятелями искусства 9 марта 1963 года (на самом деле 8 марта 1963 г. – Г.К.). «Со дня Октябрьской революции в нашей стране евреи во всех отношениях находятся в равном положении со всеми другими народами СССР, – говорил Н.С. Хрущёв. – У нас не существует еврейского вопроса, а те, кто выдумывают его, поют с чужого голоса».

Автор мемуаров, между тем, пишет: «...еврейский вопрос – это вопрос о живучести антисемитизма», а затем стремится внушить читателю мысль о том, что характер «кампании» против космополитизма, якобы организованной и направлявшейся сверху, был исключительно антисемитским, что антисемитизм проник в государственный аппарат, в общественные организации и, по сути дела, стал в то время всеобщим, широко распространенным явлением.

⁸⁸⁸ Rubenstein J. Op. cit. P. 365–366.

⁸⁸⁹ Твардовский А.Т. Новомировский дневник. Т. 1. С. 282.

⁸⁹⁰ Об отношении Снастина к Эренбургу и об уровне интеллекта этого чиновного идеолога можно судить по следующему его кулуарному упреку руководству «Нового мира»: «Нам сообщили статистику. В Москве столько-то тысяч абортисток до 16 лет. А это все ваши Эренбург и Аксёнов виноваты. Эренбурга вы боитесь тронуть, все, что он напишет, прямо так в печать пускаете». (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 169.)

Подбором фактов и их тенденциозным освещением И. Эренбург стремится полностью дискредитировать идею борьбы, выдавая случаи извращения и перегибов за сущность борьбы, сводя смысл ее к «кампании» по массовому преследованию евреев, пытаясь таким образом дезавуировать призыв партии бороться с рецидивами национализма, космополитизма и других проявлений буржуазной идеологии, прозвучавший в приветствии ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду советских писателей.

Из мемуаров ясно, что и сейчас Эренбург не считает еврейский вопрос решенным и именно поэтому с такой настойчивостью и назойливостью обращается к нему.

Публикация этих разделов в настоящем виде может сыграть лишь на руку тем кругам на Западе, которые ведут сейчас шумную клеветническую кампанию о положении лиц еврейской национальности в Советском Союзе»⁸⁹¹.

Перед отправкой этой бумаги в высшую «Инстанцию» Поликарпов дал прочитать ее Твардовскому, что, видимо, было необходимо для внесения в нее следующего страховочного дополнения: «Тов. Твардовский, ознакомленный с настоящей запиской, признал обоснованность содержащихся в ней критических замечаний по мемуарам И. Эренбурга»⁸⁹².

По этому поводу главный редактор «Нового мира» записал в дневнике 10 августа 1964 г.: «С Эренбургом по-своему еще хуже. Я не могу за него расстилаться, доказывать, я его сам не люблю, относился всегда как к неизбежному, и теперь, в сущности, отстраняюсь от решения этого вопроса: как хотите. Ознакомленный с запиской, составленной Отделом для самого верха, я только сказал, что при такой характеристике вещи ее можно только запрещать, никакие «необходимые купюры» и т.п. не изменят положения, да и автор – вернее всего – наотрез откажется снять “еврейский вопрос” или что другое (“критику политики партии в области лит[ерату]ры и искусства”)»⁸⁹³.

⁸⁹¹ Источник. 2000. № 2. С. 105.

⁸⁹² Источник. 2000. № 2. С. 106. По признанию Твардовского, тот «ахнул» от удивления, увидев потом этот пассаж в официальном документе ЦК, поскольку никакого согласия с ним не выражал. (*Твардовский А.Т.* Новомировский дневник. Т. 1. С. 282.)

⁸⁹³ *Твардовский А.Т.* Новомировский дневник. Т. 1. С. 277–278. В.Я. Лакшин, с которым Твардовский поделился мнением о данной записке идеологического отдела, так вспоминал об этом впоследствии: «Семь страниц дикой хулы на врага человечества и русского народа Илью Эренбурга, а восьмая страница куца – печатать, мол, но с поправками. Твардовский сказал: «Не вижу логики. Запрещать, так запрещать». Поликарпов озадачен: «Ты думаешь? Ну, Черноуцан текст доработает». (*Лакшин В.Я.* Указ. соч. С. 244.)

Между тем в записке предлагалось дать Твардовскому следующее поручение: «Редакции журнала («Новый мир». – Г.К.) следовало бы обратить внимание автора на многочисленные случаи тенденциозного освещения фактов, на предвзятость, недобросовестность, политическую бестактность многих оценок и характеристик, потребовав от него внесения необходимых уточнений и исправлений»⁸⁹⁴.

Главный вывод записки гласил: «Что же касается содержащихся в мемуарах высказываний о литературе, искусстве и суждений по еврейскому вопросу (здесь и далее подчеркнуто в тексте. – Г.К.), то, как видно, И. Эренбург не только не сделал выводов из партийной критики этих разделов в предыдущих книгах его воспоминаний, но фактически вступил в полемику с этой критикой, пытаясь отстоять свои неверные позиции. Публикация в таком виде этих разделов представляется поэтому совершенно недопустимой»⁸⁹⁵.

Как и предвидел Твардовский, Эренбург категорически отверг беспардонную цековскую «подчистку» его мемуаров. 14 августа 1964 г. он послал Хрущёву очередное письмо, в котором горько сетовал не только на цензурный прессинг со стороны функционеров Агитпропа, но и на то, что советские газеты вдруг, как по команде, перестали заказывать ему статьи и по надуманным причинам стали отменяться запланированные выступления в вузах и даже встречи с избирателями⁸⁹⁶.

Это послание Эренбург поручил для надежности доставить в Кремль своему литературному секретарю Н.И. Столяровой. Там ее принял помощник Хрущёва Лебедев, который разговаривал с ней «откровенно враждебно». А через несколько дней он, связавшись по телефону с Твардовским, потребовал, чтобы Эренбург забрал свое письмо обратно. Однако тот, заехав 19 августа в редакцию и узнав об этом распоряжении, наотрез отказался его исполнить. Чтобы сообщить об этом Лебедеву, Твардовский вечером того же дня вновь позвонил ему. То, что кремлевский чиновник услышал от главного редактора «Нового мира», привело его в бешенство. Он говорил тогда с Твардовским (по его свидетельству) «непривычно и необычно резко, даже грубо»⁸⁹⁷, утверждая,

⁸⁹⁴ Источник. 2000. № 2. С. 106.

⁸⁹⁵ Там же.

⁸⁹⁶ Rubenstein J. Op. cit. P. 367–368.

⁸⁹⁷ Такая чрезмерная нервозность Лебедева объяснялась тем, что для того уже летом 1964 года стало очевидным обреченное положение Хрущёва, который к тому же с этого времени стал выражать своему помощнику недовольство его раздражавшими консервативную бюрократию заигрываниями с Солженицыным и другими литераторами-антисталинистами. По поводу эмоциональных выплесков Лебедева работник идеологического отдела И. Черноуцан заметил тогда Твардовскому: «Он (Лебедев. – Г.К.) чувствует себя неуверенно». (Твардовский А.Т. Новомировский дневник. Т. 1. С. 277, 285.)

что журнал «подсовывает» ЦК мемуары Эренбурга. Стоило затем Твардовскому поинтересоваться личным мнением Лебедева о шестой книге этих воспоминаний, как тот, имея в виду Эренбурга, раздраженно прокричал в трубку: «Пошел он ко все чертям. ... Не читал и читать не хочу, с меня довольно письма идеологического отдела». Завершая разговор, Лебедев неожиданно намекнул Твардовскому на то, что в его редакции Эренбурга поддерживают сотрудники-евреи, и добавил при этом многозначительно: «Знаем мы этих Лакшиных»⁸⁹⁸.

5 сентября 1964 г. «антиэренбургская» записка идеологического отдела была разослана секретарям ЦК, членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а 17 сентября Президиум ЦК КПСС постановил признать «...нецелесообразным публикацию мемуаров И. Эренбурга в данном виде»⁸⁹⁹.

Но не прошло и месяца, как мечтавшие о «стабильности» ближайшие соратники неисправимого прожектера Хрущёва сместили его со всех партийно-государственных постов. И уже утром 15 октября, то есть в день, когда было официально объявлено об отставке низложенного лидера «по состоянию здоровья», Твардовский сел «сочинять письмо Поликарпию». Так за глаза он величал Поликарпова, с которым был на «ты». Понимая, что пришедшие на смену Хрущёву новые правители страны ради стяжания остро необходимой им популярности в обществе готовы будут (хотя бы на первых порах) пойти на различные послабления, Твардовский убеждал высокопоставленного чиновника: «В Эренбурге... мне, как и моим соредакторам, многое до крайности неприятно и чуждо, но неопубликование ее (шестой книги «Люди, годы, жизнь». – Г.К.) в сложившихся условиях обойдется куда дороже, чем ее опубликование...»⁹⁰⁰.

Подкрепляя эти свои доводы, Твардовский 20 октября 1963 г. доложил в ЦК, что Эренбург полностью или частично согласился с подавляющим большинством редакционных купюр и замечаний, сделанных по шестой книге мемуаров, продолжая только в 11 случаях (из 126 корректировок) настаивать на неизменности авторского текста. Об этом главного редактора «Нового мира» уведомил сам автор, который выступил также со своего рода ультимативным требованием: «в случае настояния на дальнейших купюрах» он вообще откажется от публикации шестой книги. И чтобы не возникло сомнений в серьезности этой угрозы, Эрен-

---

⁸⁹⁸ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. С. 278–279. Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 246–247.

⁸⁹⁹ Источник. 2000. № 2. С. 106.

⁹⁰⁰ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. С. 282.

бург эмоционально и стилистически сумбурно присовокуплял: «Это не моя первая книга, а по всей вероятности последняя. После очень длинной жизни мне не хочется говорить того, чего я не думаю, а молчание в некоторых случаях хуже, чем прямая ложь»⁹⁰¹.

Руководство ЦК, целиком занятое после низвержения Хрущёва дележом власти, вняло доводам Твардовского, ибо в такое «неподходящее» время оно меньше всего хотело обострять отношения и с решительно настроенным Эренбургом, и со всей либеральной общественностью. Благоразумно решив «умыть руки», оно отступило. Не в последнюю очередь это произошло и потому, что с отстранением Хрущёва на первые позиции в руководстве Агитпропом возвратился Суслов, взявший верх над своим конкурентом Ильичёвым⁹⁰². Видимо, с подачи Суслова, органически не переносившего какие-либо скандалы, идеологический отдел 11 ноября 1964 г. признал «целесообразным не рассматривать более в ЦК КПСС вопрос о публикации шестой книги мемуаров И. Эренбурга в журнале «Новый мир», передав его на решение редколлегии журнала». Очевидно, данное решение далось партбоссам нелегко, поскольку они продолжали считать, что и после основательной авторской переработки в рукописи воспоминаний «сохраняется акцент на антисемитском характере некоторых выступлений против космополитизма в литературе и искусстве» (подчеркнуто в документе. – Г.К.)⁹⁰³.

Несомненно, это была победа Эренбурга, чьим автобиографическим запискам о самом неблагоприятном для советского еврейства периоде сталинского правления удалось таким образом преодолеть последние цензурные рогатки, хотя ради этого автору и пришлось немало поступиться первоначальным текстом. Первые главы шестой книги мемуаров «Люди, годы, жизнь» появились уже в январской (1965 года) книжке «Нового мира», а последние – в мартовской за тот год.

И хотя власти пропустили «еврейский контекст» мемуаров через частое сито цензуры, выхолостить его так и не удалось. Выхавший из СССР в 1970 году известный филолог Шимон Маркиш (1931–2003) отмечал в 1990-м: «Ни одна книга в русской советской литературе за пятнадцать лет после смерти Сталина не

⁹⁰¹ Источник. 2000. № 2. С. 107.

⁹⁰² Твардовский, предвосхищавший во второй половине октября 1964 года, что «Лёничка» (Л.Ф. Ильичёв) «скоро полетит» (его изгнание из Секретариата ЦК произошло в марте 1965 года), позвонил в январе 1965 года Суслову, чтобы выразить благодарность «за быстрое разрешение вопроса об Эренбурге». (Твардовский А.Т. Новомирский дневник. Т. 1. С. 301.)

⁹⁰³ Источник. 2000. № 2. С. 108–109.

сделала столько для еврейского пробуждения, как “Люди, годы, жизнь”»⁹⁰⁴.

«Еврейский вопрос» на встречах Хрущёва с интеллигенцией

Думается, что наиболее «еврейская» по содержанию часть мемуаров Эренбурга увидела свет уже после падения Хрущёва еще и потому, что уровень аппаратной юдофобии тогда несколько снизился. Вполне очевидным кажется и то обстоятельство, что к ее нагнетанию в общество был непосредственно причастен и сам этот лидер партии и государства. Еще в 1957 году он, встретившись с Элеонорой Рузвельт (1884–1962), пытался убедить ее в том, что в Советском Союзе национальный вопрос вообще не существует, а евреи наряду с другими национальностями страны пользуются всеми правами советских граждан⁹⁰⁵.

Между тем, в СССР происходило много такого, что свидетельствовало как раз об обратном. Именно в те годы с подачи Хрущёва начались странные гонения на известного киноактера и эстрадного певца М.Н. Бернеса (1911–1969). Говорят, что недовольством к нему взбалмошный правитель проникся в 1958 году, когда на одном из часто устраивавшихся тогда стадионных концертов популярных артистов кино тот после блестящего исполнения одного из своих песенных шлягеров решительно покинул под бурные аплодисменты зрителей импровизированную сцену. Отказаться, несмотря на настойчивые требования публики, «бисировать», Бернеса заставило действовавшее еще со времен Сталина неписаное правило, запрещавшее повторное исполнение номеров на правительственных концертах. Хрущёв, видимо, ничего не зная об этом, воспринял поведение артиста как зазнайство и проявление «барской пренебрежительности». Бурно выражая недовольство своему окружению в правительственной ложе (членам Президиума ЦК и ближайшим родственникам, включая Аджубея), Хрущёв гневно заклеил артиста в том, что тот «оторвался от народа» и «не уважает молодежь».

Спустя некоторое время в центральной прессе появился разносный в отношении Бернеса фельетон с язвительным названием

---

⁹⁰⁴ *Маркиш Ш.* Три примера. Илья Эренбург // Вестник еврейской культуры. 1990. № 3(6). С. 23.

⁹⁰⁵ *Pinkus B.* Op. cit. – Cambridge, 1988. P. 220.

«Шептун у микрофона»⁹⁰⁶. Спустя несколько месяцев артиста необоснованно выставили виновным в дорожно-транспортном происшествии и снова «пропесочили» в еще одном фельетоне под названием «“Звезда” на “Волге”». Подвергшись травле, Бернес вынужден был прекратить концертную деятельность. Единственным лучом света, просиявшим для него сквозь сгустившиеся тучи наложенной опалы, была женитьба вторым браком на Лиле Бодровой, дочери советского посла в Израиле.

В том же 1958 году Министерство культуры СССР отклонило по «пятому пункту» кандидатуру кинорежиссера Т.М. Лиозновой (1924–2011), предложенную киностудией детских и юношеских фильмов им. М. Горького в качестве постановщика совместного советско-чехословацкого фильма (предполагались командировки в Прагу) о «неразрывном братстве советских и чехословацких детей»⁹⁰⁷.

Выступая примерно тогда же в студенческой самодеятельности, друг с другом познакомились мало кому известные А.М. Штейнбок и Г.И. Офштейн, которые в последующее десятилетие создадут совместно немало юмористических монологов, скетчей и фельетонов. Однажды, когда на Всесоюзном радио должна была впервые прозвучать их совместная интермедия, редактор, явно смущаясь и волнуясь, сказала им, что, если она, представляя авторов, назовет в эфире их еврейские фамилии, то ее почти наверняка уволят с работы. После чего предложила молодым людям тут же придумать для себя псевдонимы. Так произошло рождение популярного дуэта писателей-сатириков Аркадия Арканова (р. 1933) и Григория Горина (1940–2000)⁹⁰⁸.

Аналогичная «заминка» возникла и в 1964 году при назначении Ю.М. Арановича (1932–2002) художественным руководителем и главным дирижером симфонического оркестра Всесоюзного радио и центрального телевидения. Хотя на эту должность его рекомендовали такие маститые музыкальные деятели, как Д. Шостакович и Т.Н. Хренников (1913–2007; руководитель Союза советских композиторов), министр культуры Фурцева, засомневшись, прямодушно поинтересовалась у них: «Как же мы возьмем на радио человека с такой фамилией?» Не растерявшись, Хренников уверенно пояснил ей: «От частого употребления фамилии перестают считаться еврейскими. Привыкли советские люди к

⁹⁰⁶ Советская культура. 1958. 18 мая.

⁹⁰⁷ Алексин А.Г. Перелистывая годы. Книга воспоминаний. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998. С. 164–165.

⁹⁰⁸ Интервью А.М. Арканова // Еврейский мир (Нью-Йорк). 2008. 4–11 сентября. № 850. (<http://evreimir.com/22700/>).

Ойстраху и Когану, привыкнув и к Арановичу». Этот довод убедил Фурцеву и она не стала больше возражать⁹⁰⁹.

Как бы в пику Хрущёву, не устававшему повторять при всяком удобном случае, что «еврейского вопроса в СССР нет», реальная жизнь постоянно опровергала это заклинание. В начале 1960-х при переиздании фонограмм с речами Ленина на новой грампластинке не оказалось вдруг выступления вождя «О погромной травле евреев» (март 1919 года).

Подобное цензурное изъятие, несомненно, было проведено по указанию ЦК КПСС, где, например, со всей серьезностью отнеслись к тревожному «сигналу», поступившему 27 февраля 1962 г. от главного редактора журнала «Крокодил» М.Г. Семёнова. Тот, побывав на спектакле гастролировавшего в Москве Ленинградского театра комедии по пьесе Д.Н. Альшица (Д. Аль) и Л.Л. Ракова «...Опаснее врага», счел эту пьесу «насквозь фальшивой и порочной». Своё обращение к властям руководитель сатирического издания мотивировал тем, что «творение сие (комедия «...Опаснее врага». – Г.К.) носит настолько гнусный характер, что говорить о нем открыто в газете или журнале просто невозможно». Разоблачая крамольную «идейную подоплеку» пьесы, Семёнов сокрушался по поводу колкого высмеивания в ней деградации бюрократического слоя при Сталине, явно расценивая такую сатиру как прикрытие неких злокозненных происков. Конкретизируя эти свои подозрения, автор письма сетовал на то, что все отрицательные герои пьесы, бичевавшей псевдочученых из некоего «НИИ кефира», – как на подбор русские, а «единственный активно действующий положительный персонаж, который выведен таким мудрецом, – еврей Иззагардинер». Подкрепляя это свое утверждение, Семёнов далее утверждал: «...Весь пафос пьесы сосредоточен на издевательском высмеивании Иванушек. Это, между прочим, определило и специфический характер публики, присутствующей на спектаклях. Я не знаю, как было на других представлениях, но утром 26 февраля публика, присутствующая на спектакле, на 80–90 процентов состояла из людей еврейской национальности. И потому, когда начальник отдела кадров в ответ на вопрос, как мотивировать увольнение Иззагардинера, отвечает: «Напишем, что он не подходит по профилю», – в зале раздаются дружные, продолжительные аплодисменты. Более откровенной поддержки распространяемой враждебной пропагандой версии о якобы имеющихсяся

---

⁹⁰⁹ *Мак В.* Слово о дирижере Юрии Арановиче, маэстро и диссиденте // Новый век. Международный русско-еврейский журнал. 2003. № 1. С. 119.

в Советском Союзе фактах преследования евреев – нельзя придумать»⁹¹⁰.

Поскольку вопросы, поднятые в письме, оказались важными, оно было доложено Суслову, который, в свою очередь, распорядился ознакомить с ним других секретарей ЦК (Козлова, Ильичёва, Куусинена). Непосредственным расследованием занялся отдел культуры ЦК, который 3 июля 1962 г. доложил Суслову, что министерства культуры СССР и РСФСР «рекомендовали подведомственным учреждениям воздержаться от постановки комедии «Опаснее врага» ввиду ее низкого художественного уровня»⁹¹¹.

Правда, в том же 1962 году «Хрущёв вопреки отрицательному мнению Суслова и руководства отдела культуры ЦК распорядился присудить К. Чуковскому Ленинскую премию за книгу «Мастерство Некрасова»⁹¹². Принимая это «волонтаристское» решение, Никита Сергеевич, видимо, находился под впечатлением от широко освещавшегося тогда в СМИ избрания Чуковского почетным доктором литературы британского Оксфордского университета. Да и о еврейском происхождении этого давно ассимилировавшегося писателя Хрущёв вряд ли догадывался. Между тем, сам литератор продолжал помнить о своих давних связях с еврейством. Когда в марте 1960 года в Израиле проходила международная выставка детской книги, он направил детям этой страны следующее послание: «Пятнадцать лет тому назад мой друг известный поэт Лейб Квитко передал мне подарок – нечто вроде легенды из «Айболита», опубликованной в Израиле. О докторе Айболите я задумал написать еще до Октябрьской революции, потому что в Вильне знал доктора Цемаха Шабата»⁹¹³, который даром лечил детей бедных. Дети, выстраивавшиеся по утрам в большую очередь, приносили ему и больных животных»⁹¹⁴.

---

⁹¹⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 500–502.

⁹¹¹ Там же. С. 525–526.

⁹¹² Там же. С. 514–516.

⁹¹³ Шабат Ц. (1864–1935) – окончил медицинский факультет Московского университета. Помимо медицинской практики занимался активной общественно-политической деятельностью. Участвовал в помощи еврейским беженцам в 1914–1917 гг., возглавлял в Вильне отделения ЕКО (Jewish Colonization Association) и ОПТ (Association for Handicrafts and Agricultural Labor among the Jews), был лидером местной организации Еврейской народной партии (Фолкспартай) и одним из основателей в 1925 году ИВО (Еврейского научного института – «Идише висеншафтлехе организацие»).

⁹¹⁴ О «национальном происхождении» доктора Айболита // Еврейский ежегодник. 1986. С. 49.

То, что решение о награждении Чуковского было лишь исключением из «еврейской политики», проводившейся Хрущёвым, стало предельно ясно из его выступлений перед творческой элитой 17 декабря 1962 г. На этой без преувеличения знаменательной встрече Хрущёв рассуждал о том, что в первые годы советской власти «непропорционально была представлена еврейская нация и на партийной, и на государственной работе». Предусмотрительно оговорившись следом, что «это... было для того времени правильно»⁹¹⁵, он припомнил также трагическую историю, произошедшую на почве юдофобии в Киеве в бытность его руководителем Украины⁹¹⁶. После этого лидер страны в который уже раз публично декларировал, что «у нас» не было и нет антисемитизма⁹¹⁷.

Настроившись к окончанию той встречи на благодушный лад, Хрущёв привел уже литературный пример на «еврейскую тему». Он неожиданно заговорил о Пине – герое, как объявил Хрущёв, одноименного «рассказа Олейниченко»⁹¹⁸. На самом деле имелось в виду произведение украинского революционера, писателя и политика В.К. Винниченко (1880–1951) «Талисман», которое Хрущёв, конечно, никогда сам не читал, но его подробное содержание знал, скорей всего, со слов Кагановича. Тот еще с юности досконально знал эту вещь, продолжая потом на протяжении долгой жизни восхищаться ею. В одном из интервью он признал-

---

⁹¹⁵ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 548.

⁹¹⁶ Имелась в виду кровавая «разборка» 4 сентября 1945 г. в Киеве, участниками которой стали находившиеся там в краткосрочных отпусках танкисты – рядовой И.З. Грабарь и младший сержант Н.А. Мельников, а также старший лейтенант НКГБ УССР И.Д. Розенштейн. В тот день подвыпившие отпускники, гуляя по городу, пристали к проходившему мимо них Розенштейну, разразившись сначала антисемитской бранью в его адрес, а потом и подвергнув избиению. Однако эту потасовку быстро пресекли прохожие. После чего оскорбленный Розенштейн отправился домой. Переодевшись в военную форму и вооружившись пистолетом «ТТ», он, движимый мстью, сразу начал поиски обидчиков. Быстро разыскав их, он в ходе вспыхнувшей драки застрелил обоих. Розенштейна арестовали прямо на месте происшествия. Тем не менее, несмотря на оперативные действия властей, им не удалось предотвратить массовые эксцессы, спровоцированные описанным инцидентом. В ходе вспыхнувших в Киеве стихийных волнений горожанами были избиты несколько евреев. А 7 сентября 1945 г. (в день похорон убитых солдат) милиции с большим трудом удалось пресечь реально назревавший погром. 1 октября 1945 г. Розенштейн был казнен по приговору военного трибунала. (Государственный антисемитизм в СССР. С. 62–64.)

⁹¹⁷ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 547.

⁹¹⁸ Там же. С. 595.

ся, что в рассказе ему особенно полюбился главный персонаж – Пиня⁹¹⁹, «еврейчик, такой маленький, тощенький, низенький, такой замухрышка»⁹²⁰.

Так вот, вспомнив на встрече с интеллигенцией об этом литературном герое, Хрущёв провозгласил с аффектацией: «Я – тоже Пиня. Я – секретарь ЦК, поэтому я не имею права занимать нейтралитет, потому я иду на вы»⁹²¹. Эти слова он, видимо, адресовал в первую очередь тем сидевшим в зале, кого подозревал в скрытой идейной оппозиционности. Образ еврея-героя так заворожил Хрущёва, что, завершая свое выступление, он как бы напутствовал им участников встречи: «Мы-то все равны, но в каждом из нас лежит своя ответственность, каждый из нас Пиня, и каждый Пиня должен выполнять... задачи, которые на него возложены...»⁹²².

По утверждению находившегося тогда в зале М. Ромма, известие о необычных «литературно-еврейских» экскурсах Хрущёва очень скоро стало притчей во языцех в столичных интеллектуальных кругах. С подачи аккредитованных в Москве иностранных корреспондентов Хрущёва очень скоро стали называть в западных СМИ «маленьким Пиней». А когда через неполных два года Хрущёва сняли, то западногерманский журнал «Штерн», посвятивший этому событию пол-номера, иллюстрировал этот материал огромным портретом Хрущёва с следующей надписью: «Малень-

---

⁹¹⁹ Ключевым моментом в фабуле грустного рассказа о Пине было почти чудесное преобразование этого забитого и жалкого местечкового еврея-бедняка в бесстрашного и решительного революционера. Уже сама сюжетная завязка была интригующей: угодив в тюрьму за какую-то незначительную провинность, Пиня случайно попадает в одну камеру с «политическими» (социал-демократами, эсерами, бундовцами и др.) и по шутивно-ироничному предложению анархистов, этих принципиальных противников всякой власти, избирается старостой камеры. Сам Пиня, не почувствовавший, между тем, никакого подвоха или насмешки в этом решении соузников, отнесся к нему со всей серьезностью. Пробудившиеся в нем сразу ответственность и чувство лидера проявляются уже в том, что он заставляет арестантов соблюдать элементарный бытовой порядок. Постепенно он завоевывает прочный авторитет в своем окружении. Так что когда заключенные решают устроить побег, Пиня – морально во всеоружии, и потому блестяще выдерживает этот экзамен судьбы на крепость духа и силу характера. Проторя для доверившихся ему заключенных опасную дорогу на волю, он первым отправляется в тайно прорытый лаз и, попав в засаду, героически погибает от рук стражников, забивающих его прикладами винтовок.

⁹²⁰ *Куманев Г.А.* Говорят сталинские наркомы. – Смоленск: Русич, 2005. С. 113–114.

⁹²¹ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 595.

⁹²² Там же. С. 600.

кого Пини больше нет». И ниже следовала фраза: «Самый разговорчивый политический деятель современности ушел со сцены, не сказав ни слова»⁹²³.

Однако историей Пини «собрание» баек Хрущёва на еврейскую тему далеко не исчерпывалось. На следующей встрече с интеллигенцией (в марте 1963 года) он рассказал, как в 1959 году, находясь с визитом в США, общался с неким вице-мэром Лос-Анджелеса, который признался ему, что когда-то вместе со своим отцом – купцом второй гильдии – жил в Ростове. Комментируя этот факт с классовых позиций, Хрущёв не преминул разъяснить творческим работникам, что в не входившем в «черту еврейской оседлости» Ростове могли проживать только состоятельные евреи. При этом он добавил, что высококлассный, но совсем не богатый рабочий-литейщик Исаак Маркович Кутиков (обучал его когда-то в Юзовке слесарному делу) такой привилегий не обладал. Причем, как пояснил Хрущёв, не в силу того, что он был евреем («это трактовка сионистов!»), а потому, что царская власть ограждала таким образом территорию Войска Донского от рабочих, считавшихся ею потенциальными революционерами⁹²⁴.

Далее лидер партии поведал странную историю о том, что, присутствуя в начале 1943 года в Сталинграде при пленении генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, он стал очевидцем ареста переводчика из его штаба, коим оказался на поверку бывший инструктор киевского горкома комсомола Коган⁹²⁵.

Показательно, что в том же 1963 году некто П.П. Гаврутто, проведя по горячим следам разоблачения Хрущёва собственное расследование, выпустил в издательстве «Молодая гвардия» книгу «Тучи над городом». В ней «подлый предатель иуда Коган» обвинялся уже в том, что «выдал немцам всех подпольщиков Киева». Кроме того, сообщалось, что будто бы он, находясь «в услужении у фельдмаршала Паулюса, чистил ему обувь, помогал допрашивать советских военнопленных и даже стрелял в своих соотечественников».

Однако в результате тщательного изучения документов, принятого после смещения Хрущёва известной журналисткой и писательницей А.Г. Громовой (1916–1981), было установлено,

---

⁹²³ Ромм М.И. Четыре встречи с Н.С. Хрущёвым // Заметки по еврейской истории. 2004. Июль. № 44 (<http://berkovich-zametki.com/Nomer44>.)

⁹²⁴ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 608–610.

⁹²⁵ Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. Речь товарища Н.С. Хрущёва на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года // Правда. 1963. 10 марта.

что история о «предателе Когане» – «абсурдный вымысел», основательно испортивший жизнь «реальному человеку А.Г. Когану, который в оккупированном Киеве вообще не был, поскольку ушел из города вместе с советскими войсками, а фельдмаршала Паулюса и в глаза не видел»⁹²⁶.

«Литературно-аппаратный» антисемитизм

Чутко улавливая юдофобские и антилиберальные обертоны в диалоге Хрущёва с интеллигенцией, на ту же идеологическую волну стали настраиваться и другие руководящие партфункционеры. Наибольшее рвение было проявлено первым секретарем МГК КПСС Егорычевым, который был близок к «Русской партии», отстояв тогда от наскоков Фурцевой персональную выставку П.Д. Корина (1892–1967) с включенными в экспозицию портретными этюдами православных священнослужителей, написанными для большого полотна «Русь уходящая»⁹²⁷. Собрав 18 марта 1963 г. городской писательский актив, Егорычев прочел резкую нотацию и тем из него, кто «чрезмерно» увлекся критикой «культы личности», и горячо поддержал «благонамеренных» литераторов, в том числе Грибачёва, Кочетова, Софронова, Л.С. Соболева и В.А. Смирнова (1904–1979)⁹²⁸.

Вскоре бюро МГК КПСС санкционировало роспуск партийной организации «фрондёрского» Московского отделения ССП, «припомнив» тем самым Е. Винокурову, Н. Заболоцкому, Н. Коржавину, В. Корнилову, К. Паустовскому, Д. Самойлову, Б. Слуцкому, Ю. Трифонову и другим входившим в него литераторам их участие в альманахе «Тарусские страницы», напечатанном в обход всеисильной цензуры в Калуге в 1961 году. К тому же, дабы приблизить столичных поэтов и писателей «к массам» и рабочему классу, их было решено поставить на партучет в крупные промышленные предприятия⁹²⁹.

Это «дисциплинирующее» решение вызвало эйфорию в стане литературных ретроградов. Больше всех ликовал упомянутый Василий Смирнов, который особенно и не скрывал своей неприязни к евреям из числа коллег-либералов. Назначенный в 1959 году

---

⁹²⁶ Громова *Ариадна*. В интересах истины // Литературная газета. 1966. 9 августа.

⁹²⁷ После XX съезда... Интервью с Н.Г. Егорычевым / О.Б. Небогин // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 103.

⁹²⁸ Митрохин *Н.А.* Русская партия. С. 165.

⁹²⁹ Шапиро *Л.* Указ. соч. С. 370, 375.

главным редактором литературного журнала «Дружба народов», он покровительствовал писателю-деревенщику и отцу будущего известного диссидента⁹³⁰ К.И. Буковскому (1908–1976), работы которого часто публиковал, не смущаясь тем, что тот, по некоторым свидетельствам, исключался в прошлом из ССП «за хулиганскую антисемитскую выходку»⁹³¹. В то же время Смирнов отказался напечатать антифашистский роман безвинно расстрелянного еврейского писателя П.Д. Маркиша, заявив его вдове Эстер Маркиш: несите рукопись «в свой журнал»⁹³².

Сообщая об этих фактах в парткомиссию МГК КПСС, писатель-фронтовик Г.Ц. Свирский⁹³³ отмечал: «После известной мартовской (1963 года. – Г.К.) встречи руководителей партии и правительства с писателями В.Смирнов, видимо, решив, что ему теперь все дозволено, стал все сильнее постукивать кулаком по столу. ... Смирнов говорил, например, следующее: «В “Новом мире” собрались одни евреи, они-то и мутят воду в литературе»; «Илья Эренбург пусть уезжает в Израиль и не мешает нам»;

---

⁹³⁰ Правозащитник Владимир Буковский (р. 1942) воспитывался матерью.

⁹³¹ *Свирский Г.Ц. Заложники. С. 312.*

⁹³² Там же. С. 313.

⁹³³ Свирский Г.Ц. (р. 1921) – правнук николаевского солдата (из кантонистов), оборонявшего в Крымскую войну Севастополь. Считал, что «старый, вечно раздраженный, желчно-скрипучий Василий Смирнов оставался... пожалуй, единственным членом Союза писателей СССР, который никогда и нигде не скрывал своих погромных взглядов... был антисемитом номер один. По этой причине в Союзе писателей его даже окрестили, как Бисмарка, железным канцлером...» (*Свирский Г.Ц. Заложники. С. 224.*)

С 1965 года Свирский стал активно добиваться в ЦК и МГК КПСС привлечения Смирнова к партийной ответственности. В результате произведения Свирского постепенно перестали печатать, а в 1968 году перед ним закрылись двери всех издательств, литературных и телевизионных редакций, а также киностудий, с которыми он до этого сотрудничал. Оказавшись не у дел и без средств к существованию, он в 1972 году выехал в Израиль, где, занявшись правозащитной деятельностью, стал обличать сионистское государство в воспрепятствовании «не прижившимся» иммигрантам (так называемым йордим) покинуть страну. Сам же «вечный диссидент» переехал в США. Известный руководитель КГБ СССР Ф.Д. Бобков, который, присутствуя 27 октября 1965 г. на открытии партийном собрании писателей Москвы (в нем участвовал и секретарь ЦК КПСС по идеологии П.Н. Демичев), слышал речь Свирского против Смирнова, впоследствии вспоминал: «Популярность Свирского как писателя была невелика... Человек несколько наивный, однако честный и добрый, в прошлом боевой летчик, Свирский храбро воевал с фашизмом. Смысл его выступления сводился к тому, что в стране процветает антисемитизм, а борьба против него не ведется. Выступление, по существу, правильное, хотя, пожалуй, излишне эмоциональное». (*Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 274–275.*)

«русская литература должна делаться русскими руками»; «евреи исковеркали русский литературный язык». И, наконец, однажды он (В. Смирнов. – Г.К.) даже сделал открытие. «А вы знаете, – сказал он своей спутнице, – что Солженицын – это Солженицер»⁹³⁴. Теперь-то все понятно...» Грустно и неприятно перечислять все другие сентенции В.Смирнова»⁹³⁵.

Свирского поддержал литературовед Б.В. Яковлев, работавший в редакции «Дружбы народов». Еще в 1949 году его травили в печати как «безродного космополита» Боруха Хольцмана⁹³⁶, и вот теперь он дополнительно уведомил парткомиссию МГК о том, что Смирнов оскорбил писательницу Елизавету Драбкину (дочь С.И. Гусева и профессиональной революционерки Ф.И. Драбкиной), пренебрежительно назвав книгу с ее рассказом сборником «разных драбкиных-хапкиных»⁹³⁷. Кроме того, Яковлев сообщил, что на одной из редакционных «летучек» Смирнов, отзываясь о рукописи Г.Я. Бакланова (1923–2009), нарочито на-

---

⁹³⁴ Показательно, что, когда весной 1964 года на секции литературы Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства решался вопрос о включении повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в список для тайного голосования по выдвижению на Ленинскую премию, «за» проголосовали только деятели национальных литератур и Твардовский, а «против» – все позиционировавшие себя в качестве русских литераторов. (*Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 61.)

⁹³⁵ *Свирский Г.Ц.* Заложники. С. 314. Поскольку толки о еврейском происхождении Солженицына носили массовый и продолжительный характер, не исключено, что они подспудно подпитывались сверху. 10 сентября 1964 г. заместитель главного редактора «Нового мира» Лакшин писал: «Пошли слухи о Солженицыне, что он был полицаем, сидел в немецком лагере... и прочая мерзость. Вас. Смирнов заявил в «Дружбе народов»: «Да он еврей – настоящая фамилия Солженицер». «А как же русский язык, русский склад характера?» – возразил кто-то. [Смирнов:] «Эт-то они умеют, эт-то они умеют...» Вчера звонили читатели и требовали от редакции опровержения этих слухов: такое впечатление, что кто-то намеренно распускает и раздувает их. Я подумал: если перефразировать Маркса, «слух, овладевший массами, становится огромной активной силой». Особенно в нашей нервной, трусливой и панической интеллигентской среде, привыкшей к всевозможным «оглушениям». (*Лакшин В.Я.* Указ. соч. С. 251.)

⁹³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 226. Л. 1–6.

⁹³⁷ Уничижительный эпитет «хапкина» никак не подходил к Елизавете Яковлевне Драбкиной (1901–1974), которая по духу была идейной бесребренницей. Она участвовала в двух революциях (в октябре 1917 года в Петрограде и в ноябре 1918 года в Германии), в качестве пулеметчицы защищала советскую власть на фронтах Гражданской войны. Была секретарем у Я.М. Свердлова. В 1928 и в 1936 гг. подвергалась репрессиям как оппозиционерка.

зывал его «Фридманом». Другой сторонник Свирского припомнил, что однажды Смирнов прямо и без обиняков спросил поэтессу Ю.П. Мориц (р. 1937): «Почему вы пишете о Пушкине? Пушкин не ваш писатель»⁹³⁸.

Однако за Смирнова вступился первый секретарь МГК Егорычев, который, правда, на всякий случай публично попенял ему за то, что он «не отдает отчета своим словам» и на встрече с Хрущёвым в марте 1963 года «подлил масла в огонь» тем, что «оклеветал всю Московскую писательскую организацию». Несмотря на грозный тон, эта критика, как оказалось, служила отвлекающим маневром, поскольку в итоге бюро МГК признало виновным не Смирнова, а обвинявшего его Свирского, которому в официальном решении от 27 апреля 1966 г. было «указано»: «без оснований предъявил Смирнову В.А. политические обвинения и своим неправильным поведением разжигает национальную рознь»⁹³⁹.

Сухим из воды писателю-юдофобу помогли выйти вставшие на его защиту влиятельные аппаратные функционеры, негласно опекавшие «Русскую партию». Одним из ее покровителей был первый секретарь ЦК ВКЛСМ (1959–1968) С.П. Павлов (1929–1995), доложивший 18 февраля 1963 г. в ЦК КПСС, что такие популярные среди молодежи поэты, как Евтушенко, А.А. Вознесенский, Б.Ш. Окуджава занимаются «рекламированием» друг друга и «саморекламированием», выступая перед многотысячными аудиториями, а Б.А. Ахмадулина и Мориц «тенденциозно» затрагивают в своих стихах «еврейскую проблему»⁹⁴⁰.

Под «раздачу черных меток» попала позднее и молодая поэтесса Р.Ф. Казакова (1932–2008). В обзоре, представленном 27 мая 1964 г. в ЦК КПСС начальником Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати Госкомитета Совета Министров СССР по печати А.П. Охотниковым (1911–1983), отмечалось, что ее стихотворение «Размышление на могиле моего деда в Севастополе» (предполагалось опубликовать в апрельском номере «Нашего современника») было «снято» по цензурным соображениям. В качестве обоснования приводились следующие доводы: «Стихотворение имеет автобиографический характер. В нем, не считаясь с партийной критикой некоторых ошибочных произведений, опубликованных в 1962–1963 гг., автор вновь безосновательно поднимает так называемый еврейский вопрос, нарочито акцентируя внимание читателей на своем происхождении из семьи, состоящей из евреев и русских. Р. Казакова

⁹³⁸ Свирский Г.Ц. Заложники. С. 317–318, 339.

⁹³⁹ Там же. С. 352–356.

⁹⁴⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 582–584.

подчеркивает, что именно в этой семье «не было еврейского вопроса», указывая тем самым на его наличие в быту. Автор с обывательских позиций рассуждает об интернационализме, подменяя его социальное понимание биологическим. Р. Казакова утверждает, что именно «дети крови смешанной» являются интернационалистами, так как интернационал у них «в крови». Все стихотворение пронизано идеей какого-то превосходства людей «смешанной крови» над другими. Публикацией стихотворения Р. Казаковой «Размышление на могиле моего деда» журнал снова привлекал внимание читателя к вопросу, давно разрешенному в Советском Союзе благодаря ленинской национальной политике нашей партии»⁹⁴¹.

Комментарии к данному заключению, что называется, излишни. Уместен тут, пожалуй, лишь риторический вопрос: если еврейская проблема была за неактуальностью «отправлена в архив», то зачем так болезненно реагировать на всякую попытку привлечь к ней внимание общества?

«Дело» Иосифа Бродского

В определенной мере еврейский вопрос проявился и в получившем всемирную известность в 1963–1965 гг. «деле» будущего лауреата Нобелевской премии по литературе (1987 г.) И.А. Бродского (1940–1996). Однако более или менее взвешенный анализ предпосылок произошедших тогда травли, ареста и осуждения поэта убеждает, что его еврейское происхождение сыграло в этой расправе отнюдь не первостепенную провоцирующую роль. Важно отметить, что Бродский происходил из давно ассимилировавшегося рода⁹⁴² и, возможно, поэтому не воспринимал свое еврейство как нечто судьбоносное. Его мировосприятие было сугубо космополитическим, а самоидентификация – этнически стерильной и чуждой «протестному национализму», превращавшим тогда тысячи советских евреев в убежденных сионистов. И пусть впоследствии (в июне 1972 года) поэт и выехал из СССР по израильской визе, но обосновался он в США, став в 1980 году гражданином этой страны, где, кстати, никогда не выступал со стихами в синагогах. Бродский упорно отклонял приглашения посетить Израиль, отказываясь поехать туда даже на самое короткое время. Да и его уход из жизни был сопряжен с «иудеохристианским» символиз-

⁹⁴¹ Там же. С. 735.

⁹⁴² Еще прадед И. Бродского – николаевский солдат из кантонистов получил право на жительство и работу в Москве, выйдя в отставку после многолетней военной службы.

мом: он запретил хоронить себя по иудейскому обряду, и его отпевали в нью-йоркском католическом соборе св. Патрика.

Подобное дистанцирование Бродского от собственного еврейства произошло, возможно, из-за его слабой национально-культурной укорененности (у отца поэта она ограничивалась лишь хедером) и под воздействием brutального бытового антисемитизма, с которым Иосифу часто приходилось сталкиваться в детские годы. Спустя много лет поэт вспоминал: «В школе быть “евреем” означало постоянную готовность защищаться. Меня называли “жидом”. Я лез с кулаками. Я довольно болезненно реагировал на подобные шутки, воспринимая их как личное оскорбление. Они меня задевали, потому что я – еврей. Теперь я не нахожу в этом ничего оскорбительного, но понимание этого пришло позже»⁹⁴³.

Как бы подводя черту под прежними переживаниями на национальной почве, Бродский, в первый раз участвуя 14 февраля 1960 г. в многолюдном поэтическом мероприятии в ленинградском Дворце культуры им. Горького, прочел мрачное нерифмованное стихотворение «Еврейское кладбище около Ленинграда...» (1958 г.): о живших когда-то в городе соплеменниках («...Учили детей, чтобы были терпимы / И стали упорны. / И не сеяли хлеба. / Никогда не сеяли хлеба»); и о том, что все они обрели вечное упокоение «за кривым забором из гнилой фанеры, / в четырех километрах от кольца трамвая».

К осознанию своего жизненного предназначения Бродский пришел, пройдя через бурные юношеские метания и поиски. Не доучившись, он бросил школу и, скитаясь потом несколько лет по огромной стране, лихорадочно менял места работы и профессии. Будучи непосредственно сопричастным к незавидной судьбе отца-офицера, прошедшего через войну, а в 1950-м «антикосмополитическом» году изгнанного «по пятому пункту» из вооруженных сил и из Военно-морского музея (заведовал там фотолабораторией), юный Иосиф с самого начала не помышлял о, так сказать, служебной карьере. Ей он предпочел социальный эскапизм и предохранительный (от советской действительности) кокон творческого индивидуализма. Не желая соответствовать поведенческим стереотипам «советского человека» и позиционируя себя интеллектуально свободной личностью, Бродский уже одним этим бросал вызов деспотичной власти. Его идейно-социальный нонконформизм ярко проявился еще в 1960 году, когда, не задумываясь о последствиях, поэт опубликовал пять своих стихотворений в нелегальном альманахе «Синтаксис» (№ 3). Именно в связи

---

⁹⁴³ Лосев Л.В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. – М.: Молодая гвардия, 2006. С. 32.

с последовавшим вскоре арестом его издателя А.И. Гинзбурга поэт был взят тогда «на заметку» местным подразделением КГБ, куда и был впервые вызван для допроса в качестве свидетеля и «профилактической» беседы.

Однако поскольку Бродский не сделал правильных, в понимании властей, выводов и продолжал демонстрировать нежелание следовать основному системному правилу «живи, как все», 29 ноября 1963 г. в «Вечернем Ленинграде» и появилась печально знаменитая статья, заклеившая его как «окололитературного трутня». Отнюдь не случайно среди авторов этой ругательной публикации фигурировал активист-общественник Я.М. Лернер⁹⁴⁴, чьей еврейской фамилией власти хотели, по-видимому, «прикрыться» от заграничных обвинений в антисемитизме. Хотя об этом человеке известно не так уж и много, но и этих сведений вполне достаточно, чтобы составить о нем определенное представление. Он занимал невысокую хозяйственную должность в Институте Гипрошахт и был командиром комсомольского оперативного отряда дружинников в Дзержинском районе Ленинграда. Знавшие его люди отзывались о нем как о честолюбивом карьеристе, склонном к авантюризму и провокации. 11 марта 1963 г., то есть вскоре после идеологической порки, устроенной в Кремле интеллигенции, Лернер поспешил направить Хрущёву письмо. В нем он поблагодарил советское руководство за мудрую политику, благодаря которой, как подчеркивалось, в СССР раз и навсегда искоренен антисемитизм. Одновременно Лернер пожаловался вождю на своих знакомых из числа евреев, вредящих ему из-за того, что он женился на русской⁹⁴⁵.

Явно тяготясь своей национальной принадлежностью, Лернер представлял собой советское воплощение выкреста Мотьки Гундосого – сутенера и сыщика, описанного в рассказе А.И. Куприна «Гамбринус». Подобно этому литературному персонажу Лернер ради личного преуспеяния не брезговал заниматься различными сомнительными и темными делами⁹⁴⁶. Задерживая фарцовщиков,

⁹⁴⁴ Соавторами Лернера по статье выступили А. Ионин и М. Медведев.

⁹⁴⁵ *Лосев Л.В.* Иосиф Бродский. С. 81.

⁹⁴⁶ Вот характерный эпизод из биографии Лернера, зафиксированный в дневнике К. Чуковского: «8 декабря [1964]... Лернер, дружинник, сыгравший такую гнусную роль в судьбе Бродского, выследил одного физика, к которому в гостиницу повадилась дама. Стоя на страже морали, Лернер запугал коридорного, и тот впустил Лернера в номер, где физик принимал свою даму. Лернер вошел в прихожую, а так как физик – атомщик, у него в прихожей сидели два охранника, которые и отколодили Лернера, потом вызвали директора гостиницы, и тот отобрал у Лернера все документы». (*Чуковский К.И.* Дневник. С. 362.)

спекулянтов и других мелких нарушителей закона, этот предводитель дружинников заставлял их посредством шантажа и запугивания «работать» на себя в качестве информаторов. Тесно соприкасаясь с криминальной средой, Лернер со временем слишком глубоко увяз в ней, и закономерным финалом его так и несостоявшейся карьеры стало осуждение за мошенничество в 1973 и 1984 гг.

Впрочем, в 1963 году репутация Лернера еще не вызывала у властей никаких сомнений. По-видимому, он был тогда не только дружинником, но и еще «по совместительству» «добровольным помощником» КГБ, что позволяло этой организации негласно использовать его наряду с другими «сознательными советскими гражданами» в расправе над Бродским. Существуют данные, что Лернера «курировал» сотрудник Ленинградского управления КГБ П.П. Волков⁹⁴⁷. О том, что за спиной Лернера стояли «органы», говорил и известный литературовед Е.Г. Эткинд (1918–1999), выступивший на процессе Бродского как свидетель защиты⁹⁴⁸.

Однако эти подспудные козни власти против Бродского натолкнулись на мощную солидарную поддержку, оказанную ему либеральной общественностью. Первыми за него вступились Н.Б. Вахтин (1930–1981), Я.А. Гордин (р. 1935) и другие ленинградские литераторы его круга общения. Но эти начальные попытки «пробить» мощные бастионы номенклатурной бюрократии выглядели булавочными уколами, пока к защите Бродского не подключились покровительствовавшая Бродскому Анна Ахматова (была знакома с ним с августа 1961 года), а также давно дружившие с ней Л.К. Чуковская и известная журналистка Ф.А. Вигдорова. Эти две последние стали активно, смело и напористо обращаться ко многим авторитетным в глазах власти творческим деятелям. В результате они заручились поддержкой Д. Шостаковича, К. Чуковского, С. Маршака, К. Паустовского, А. Суркова, А. Твардовского, К. Федина, Л. Копелева, Ю. Германа, С. Наровчатова и других видных представителей советской литературы и искусства.

Одновременно проводилось и «зондирование» высокопоставленных чиновников, имевших репутацию либералов. 11 декабря 1963 г. Чуковская и Вигдорова письменно апеллировали к замзав-

---

⁹⁴⁷ Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской (декабрь 1963 – декабрь 1965) / Публ. Е. Чуковской // Знамя. 1999. № 7. (<http://magazines.russ.ru/znamia/1999/7/chukovs.html>). С. 159.

⁹⁴⁸ Шраер-Петров Д. Иосиф Барбаросса // Лехаим. 2006. № 1. С. 40. Эггелинг В. С. 155–157.

отделом культуры ЦК И. Черноуцану. Однако тот, назвав в телефонном разговоре статью в «Вечернем Ленинграде» «подлой и доносительской», все же на реальные шаги в поддержку Бродского так и не решился.

Не дало положительного результата и подготовленное Чуковской совместное обращение ее отца и Маршака⁹⁴⁹ в ЦК КПСС, который хранил молчание до тех пор, пока уже в ходе суда над Бродским К. Чуковский не позвонил заведующему административным отделом Н.Р. Миронову (1913–1964). Этот потревоженный старым литератором сановник, который до работы в ЦК руководил в 1956–1959 гг. Управлением КГБ при СМ СССР по Ленинградской области, не стал скрывать раздражения, когда его собеседник попытался «замолвить слово» за Бродского. В ответ Миронов разразился следующей грозной филиппикой: «По вашему письму я приказал послать туда человека и все исследовать... Вы не знаете, за кого хлопчете... Он (Бродский. – Г.К.) писал у себя в дневнике: «Мне наплевать на Советскую власть»... Он кутит в ресторанах... Он хотел бежать в Америку... Он хуже Ионесяна⁹⁵⁰: тот только разбивал головы топором, а этот вкладывает в головы антисоветчину... Вы говорите, что он талантливый поэт и переводчик. Но он не знает языков; стихи за него пишут другие (!!!)... В Ленинграде общественность о нем самого нелестного мнения, Александр Андреевич⁹⁵¹ дал о нем отрицательный отзыв»⁹⁵².

Еще в середине декабря 1963 года Чуковская в отчаянии записала в дневнике: «И все зря. По-видимому, дыхание КГБ всех

---

⁹⁴⁹ В защиту Бродского Чуковский и Маршак подписали потом и телеграмму, адресованную народному суду Дзержинского района Ленинграда. С почты её отправил сын Маршака Иммануэль (1917–1977) – крупный специалист в области физики газового разряда, являвшийся научным руководителем одного из московских оборонных КБ. В те дни Иммануэль пожаловался своему отцу, что начальник КБ пригрозил ему, имея в виду научных сотрудников-евреев: «Я распушу всю эту синагогу». (*Чуковский К.И. Дневник. С. 351.*)

⁹⁵⁰ Ионесян В.М. (1937–1964) – серийный убийца, который для проникновения в квартиры представлялся служащим коммунально-эксплуатационного предприятия «Мосгаз». В декабре 1963 – январе 1964 гг. он зарубил топором пять человек в Москве и Иванове. Поскольку эти жуткие нападения получили широкую огласку, на поимку дерзкого преступника были брошены все силы и средства советской милиции. Уже 13 января 1964 г. было объявлено о задержании этого бывшего актера Оренбургского театра мюзикмедии, а 1 февраля его расстреляли по приговору Верховного Суда РСФСР.

⁹⁵¹ А.А. Прокофьев.

⁹⁵² Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской. С. 142.

замораживает»⁹⁵³. В те дни психологически подавленный Бродский пожаловался ей: «В Ленинграде мне звонят по телефону разные голоса и спрашивают: “Скоро ли ты уберешься отсюда, жидовская морда?”»⁹⁵⁴.

13 февраля 1964 г. Бродского арестовали. К его делу, очевидно, с особым расчетом подключили и следователя еврейского происхождения «Ш», который на допросах пытался играть на национальных струнах души поэта: «Подумайте о своих родителях, – вкрадчиво наставлял Ш., – ведь *наши* (здесь и далее курсив Л.В. Лосева. – Г.К.) родители – это не то, что *их* родители»⁹⁵⁵.

Сколько-нибудь весомых доказательств антисоветских прегрешений Бродского КГБ так и не обнаружил. Но чтобы не потерять лица, власти после скоротечного следствия все-таки вменили ему обвинение в «тунеядстве» и «антиобщественном образе жизни», пусть и самое безобидное из всех возможных – дабы «не возбуждать» заступавшуюся за поэта влиятельную либеральную интеллигенцию. Уже в феврале – марте 1964 года «дело» было публично рассмотрено в Клубе строителей заседавшим там народным судом Дзержинского района Ленинграда. Сначала (18 февраля) тот постановил направить подсудимого на медицинскую экспертизу в городскую психбольницу № 2 (на Пряжке), а затем, на втором заседании (13 марта), вынес приговор о пятилетней высылке в Коношский район Архангельской области «с применением обязательного труда».

Этот процесс так и остался бы втуне, если бы не самоотверженный поступок писательницы и журналистки Фриды Вигдоровой, сумевшей составить о нем своего рода стенографический отчет⁹⁵⁶. Эти профессионально сделанные записи, а также прошение о пересмотре вынесенного Бродскому приговора были отправлены отважной женщиной генеральному прокурору СССР Руденко, председателю Верховного Суда РСФСР Л.Н. Смирнову (1911–1986) и министру охраны общественного порядка РСФСР В.С. Тикунову (1921–1980). Кроме того, стенограмма процесса была отослана литературно-журналистскому начальству в лице Аджубея, Суркова, Твардовского, Федина, Чаковского и Микола Бажана.

---

⁹⁵³ Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской. С. 141.

⁹⁵⁴ *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. В 3-х тт. Т. 3. 1963–1966. – М.: Согласие, 1997. С. 125.

⁹⁵⁵ *Лосев Л.В.* Иосиф Бродский. С. 33.

⁹⁵⁶ Это было не первое осуществленное Вигдоровой документирование общественно значимого события. 22 октября 1956 г. она записала речь Паустовского в ЦДЛ на обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым».

Благодаря тому, что Вигдоровой удалось придать «делу Бродского» широкую гласность, оно сразу превратилось в предмет острого обсуждения творческой элитой. Вот как Л. Чуковская описала скандал, произошедший на этой почве в апреле 1964 года между Твардовским и главой ленинградских писателей Прокофьевым (предводительствовал литераторами, именовавшими себя «русистами»⁹⁵⁷):

«На пьянке у Расула Гамзатова [Кайсына Кулиева?] встретились Твардовский и Прокофьев. Рассказывают... что Твардовский кричал Прокофьеву:

– Ты подлец! Ты погубил молодого поэта! – Ну и что ж! И правда! Это я сказал Руденко, что его надо арестовать!

– Ты негодяй! Как же ты по ночам спишь после этого!

– А ты в это дело не лезь! Оно грязное!

– А я непременно вмешаюсь!

– А кто тебе о нем наговорил?

– Оно мне известно как депутату Верх[овного] Совета.

– И стихи тебе известны как депутату?

– Да, и стихи.

Тут Твардовский заметил Козловского⁹⁵⁸ и снова кинулся на Прокофьева:

– Что же ты его не арестовываешь? Ведь он тоже переводчик, тоже переводит по подстрочнику и тоже еврей...»⁹⁵⁹.

Поскольку «дело Бродского» приобрело очевидную политическую окраску, КГБ и другим ведомствам было поручено внимательно отслеживать ситуацию в среде либеральной общественности, «держа в курсе» руководство страны⁹⁶⁰. Исполняя это указание, шеф КГБ В.Е. Семичастный (1924–2001) уведомил 20 мая 1964 г. ЦК КПСС о том, что «наиболее активно муссируются слухи вокруг дела Бродского в кругах творческой интеллигенции еврей-

---

⁹⁵⁷ Чуковский К.И. Дневник. С. 350.

⁹⁵⁸ Козловский Я.А. (1921–2001) – поэт и переводчик, участник Великой Отечественной войны, переводил в том числе и стихотворения советских еврейских поэтов.

⁹⁵⁹ Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской. С. 144.

⁹⁶⁰ В ноябре 1964 года первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, видимо с подачи дружки расположенного к нему председателя КГБ Семичастного, проинформировал начальство на Старой площади, что в среде столичной интеллигенции наблюдается широкое распространение нелегальной политической литературы, в том числе и по «еврейскому вопросу». В прилагавшемся «Списке некоторых материалов, распространяемых в рукописях» фигурировала и составленная Вигдоровой «Стенограмма суда над поэтом Бродским, г. Ленинград». (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 775–777.)

ской национальности». Далее следовал весьма неприятный для руководства ЦК вывод о том, что «вследствие достаточно широкого распространения материалов Вигдоровой они стали достоянием буржуазной прессы»⁹⁶¹. При этом шеф КГБ заверял, что его ведомство «принимает меры по розыску лиц, способствовавших передаче тенденциозной информации за границу»⁹⁶².

Однако стенограмма суда над Бродским уже так широко разошлась по рукам, а сталинский «железный занавес» дал к тому времени значительную трещину, что предотвратить ее дальнейшую утечку за границу было не реально. Очень скоро записи Вигдоровой стали транслироваться по западным радиостанциям, причем Би-Би-Си даже подготовила по ним и передала в эфир инсценировку. В течение 1964 года полные переводы стенограммы процесса появились в крупных мировых периодических изданиях: в «Figaro Litteraire» (Франция), «Incounter» (Великобритания), «Zeit» (ФРГ).

В июле 1964 года взбешенное цеховское начальство обвинило Вигдорову в «возмутительной антипатриотической вылазке», после чего та подверглась по линии ССП жесткому административному прессингу⁹⁶³, ставшему для ее здоровья, подорванного серьезным заболеванием, непосильным испытанием.

Между тем Бродский, оказавшись в ссылке и работая в одном из совхозов на европейском Севере Союза, пожаловался навстречившему его другу М.Б. Мейлаху (р.1944): «Никто для меня пальцем о палец не хочет ударить. Если б они хотели, они освободили бы меня в два дня»⁹⁶⁴.

Такая неблагодарность со стороны Бродского в ответ на огромные усилия, приложенные либеральной общественностью для его освобождения, особенно близко к сердцу была воспринята Ахматовой, которая, по свидетельству Л. Чуковской, считала молодого поэта своим открытием и гордостью⁹⁶⁵.

Друзья Бродского склонны были «писать» подобные его высказывания на тяжелое психологическое состояние, обусловленное стрессом, пережитым в результате ареста, суда и последовавшей ссылки в глухую провинцию. Возможно, так оно и было на самом деле, однако и после выхода на волю Бродский, как

---

⁹⁶¹ Упоминалась «клеветническая статья» в британской «Гардиан» (от 13 мая 1964 г.) известного английского журналиста Виктора Зорзы (1925–1996; происходил из польских евреев).

⁹⁶² Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 710–711.

⁹⁶³ Там же. С. 753–754.

⁹⁶⁴ Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 207.

⁹⁶⁵ Там же. С. 207–208.

оказалось, не оценил по достоинству солидарных действий интеллигенции и огромной жертвы, принесенной ради него Вигдоровой. А ведь составленная ею судебная стенограмма сыграла, по мнению многих известных диссидентов, решающую роль в последующем мировом признании гонимого поэта. Наум Коржавин отмечал: «Бродский относился к этому факту (особенно к роли этой записи) болезненно, в своих выступлениях всячески старался принизить роль этой записи, а заодно и образ ее автора, то есть, с точки зрения «банальной» морали (для гениев, как я слышал, необязательной), проявлял черную неблагодарность. Хотел верить, что его мировая известность обошлась без нее»⁹⁶⁶.

Как бы подспудно полемизируя с Коржавиным, главный биограф Бродского Л.В. Лосев (1937–2009) утверждал, что «Бродский был глубоко признателен Фриде Вигдоровой за героические усилия по его спасению. Фотография Вигдоровой многие годы висела над его письменным столом, сначала в России, потом в Америке»⁹⁶⁷. Однако это как бы специально приведенное оправдание выглядит не совсем убедительно.

Между тем, в утверждении Коржавина о том, что в последующем был создан «культ Бродского», был свой резон. И действительно, Запад и СССР в своем противостоянии друг другу часто прибегали в годы холодной войны к мифотворчеству, осуществляя пропагандистскую возгонку тех или иных гонимых во враждебных странах общественных и культурных деятелей, политическая и творческая значимость которых ради пушшего эффекта намеренно завышалась. При этом в силу идеологической заскорузлости чаще всего «подставлялся» СССР. По этому поводу К. Чуковский сетовал в дневнике: «Наши идиоты, преследуя Пастернака, предав гласному суду Бродского, сделали их знаменитостями на пяти континентах»⁹⁶⁸. Да и та же Анна Ахматова, узнав об осуждении Бродского и отправке его в ссылку на Север, иронически изрекла ставшую крылатой фразу: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял»⁹⁶⁹.

Аналогичным образом рассуждал и Лев Копелев – еще один горячий сторонник и защитник Бродского. В личных записях этого диссидента, зафиксировавших его рассуждения в ходе беседы с «сотрудником КГБ Борисом Михайловичем К.» (состоялась

---

⁹⁶⁶ Коржавин Н.М. В защиту банальных истин. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 292.

⁹⁶⁷ Лосев Л.В. Иосиф Бродский. С. 98–99.

⁹⁶⁸ Чуковский К.И. Дневник. С. 372.

⁹⁶⁹ Найман А.Г. Рассказы об Анне Ахматовой [Изд. 2-е, доп.]. – М.: Вагриус, 1999. С. 17.

8 июня 1972 г. в рижской гостинице «Рига»), присутствует следующий вывод: «Преследования Бродского и суд над ним принесли ему всемирную славу – он очень талантливый поэт, но слава эта была и преждевременна, и непомерна, и к тому же неотделима от идеологического поражения тех, кто преследовал поэта, и того государства, от имени которого они действовали»⁹⁷⁰.

Только благодаря самоотверженности таких подвижниц, как Вигдорова, и солидарных действий интеллигентов ее круга, сумевших привлечь на свою сторону не только политически лабильного Евтушенко⁹⁷¹, но и влиятельную либеральную бюрократию (председателя Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояна, секретаря ЦК П.Н. Демичева и др.), а также сумевших донести правду о «деле Бродского» до мирового общественного мнения, оно получило шанс на благополучное разрешение.

Принципиальный сдвиг по этому «делу» произошел 3 октября 1964 г., когда упомянутый заведующий административным отделом ЦК Миронов позвонил в Ленинград хлопотавшей за ссыльного коллегу поэтессе Н.И. Грудиной (1918–1999), сообщив, что передал материалы в Прокуратуру СССР для пересмотра судебного приговора Бродскому⁹⁷².

Впрочем, это здравое решение сильно встревожило консервативную часть руководства ЦК. Вскоре на дачу К. Чуковского в Переделкино вдруг нагрянул заведомо культурный Поликарпов, потребовавший от писателя отозвать обращение в ЦК по «делу Бродского». Однако тот наотрез отказался подчиниться. На его счастье уже 14 октября 1964 г. пленум ЦК КПСС низложил Хру-

---

⁹⁷⁰ Далее в этих записях Копелева имеется и такой пассаж: «Мне глубоко чужды и несимпатичны идеи сионизма, для меня он такая же мифология, как и любой другой шовинизм, будь то немецкий или русский; я себя осознаю и ощущаю русским, но, разумеется, никогда не откажусь от своего еврейского паспорта (то есть от советского паспорта с обозначением еврейской национальности. – Г.К.), именно потому, что у нас существует антисемитизм... Вот несколько дней тому назад мы, по сути, заставили уехать Иосифа Бродского – ведь он никакой не израильтянин, он замечательный русский поэт. Его отъезд – потеря для русской, советской поэзии и очередной... проигрыш в идеологической борьбе. Наши отделы кадров продолжают с помощью наших газет и журналов готовить солдат для Израиля». («Непреклонный идеалист». Запись беседы писателя Л.З. Копелева с сотрудником КГБ СССР. 1972 г. / Публ. подг. А.М. Кожевникова // Исторический архив. 2011. № 3. С. 90, 92. (РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 3. Д. 42. Л. 1–4.)

⁹⁷¹ При этом Евтушенко предлагал тяжело больной Ф. Вигдоровой издать под своей редакцией и со своим предисловием сборник стихотворений Бродского. На что та ответила: «Не до книги. Освободили бы поскорее». (Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской. С. 151.)

⁹⁷² Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской. С. 148.

щёва, а пришедший ему на смену Брежнев поспешил ради укрепления своей пока что слабой верховной власти и привлечения к своей особе симпатий общества несколько ослабить политические гайки. Это новое идеологическое веяние придало благому намерению Миронова необратимый характер. Так что даже его неожиданная гибель в авиационной катастрофе, произошедшая 19 октября в ходе визита в Югославию, уже ничего принципиально не меняла.

В начале следующего 1965 года Прокуратура СССР опротестовала вынесенный Бродскому приговор, направив его «дело» для пересмотра в Верховный Суд РСФСР. Произошло это почти одновременно с публикацией в феврале знаменательной статьи нового главного редактора «Правды» А.М. Румянцева (1905–1993) «Партия и интеллигенция», ставшей своеобразным манифестом тогдашней мини-либерализации⁹⁷³.

Но это послабление продлилось недолго. Важным признаком наступления нового «похолодания» явилось состоявшееся 6 августа 1965 г. в ЦК идеологическое совещание, на котором шеф КГБ Семичастный назвал творчество Бродского «антисоветским явлением», а о Вигдоровой, которая находилась при смерти (умерла 7 августа), выразился в том роде, что она вместе с Солженицыным, Аксёновым и другими фрондировавшими литераторами «сбивают молодежь»⁹⁷⁴.

В сентябре был отправлен в отставку с поста главного редактора «Правды» реформистски настроенный ученый Румянцев. Вместе с тем недостаточно укрепившийся режим Брежнева пока что не решался обострять отношения ни с интеллигенцией внутри страны, ни особенно с леволлибералами за рубежом. Тем более, что там в защиту Бродского выступили такие близкие к Кремлю деятели культуры, как коммунисты Луи Арагон и Пабло Неруда (1904–1973).

Вступился за Бродского и Жан-Поль Сартр, который пренебрег ради этого своим заявлением 1956 года о разрыве с СССР (в связи с событиями в Венгрии) и направил 17 августа 1965 г. личное обращение к А.И. Микояну. В нем лауреат Нобелевской премии (1964 года) по литературе попытался воздействовать на советского «президента» тем утверждением, что «враги СССР» используют факт ссылки поэта для обвинений советского руководства в «неприязни к интеллигенции и антисемитизме»⁹⁷⁵.

---

⁹⁷³ Правда. 1965. 21 февраля.

⁹⁷⁴ Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской. С. 152–153.

⁹⁷⁵ «Дело» Бродского на Старой площади / Публикация документов Е. Якович // Литературная газета. 1993. 5 мая. С. 6.

В результате, стремясь укрепить за границей свое позитивное паблицити, новое руководство в Кремле вынуждено было проявить милосердие. 4 сентября 1965 г. Верховный Суд РСФСР, пересмотрев дело Бродского, освободил его в связи с сокращением срока наказания до реально отбытого (18 месяцев). И хотя поэта не реабилитировали, ему разрешили возвратиться в Ленинград. Правда, это постановление было исполнено только 23 сентября, так как его ошибочно отправили не в Архангельскую область (по месту ссылки Бродского), а в Ленинградскую.

Думается, такой благополучный для Бродского финал его «дела» стал возможен еще и потому, что именно с начала сентября 1965 года власти стали подспудно готовить для Запада новую «горькую пилюлю», на сей раз в виде «дел» на литераторов А.Д. Синявского (1925–1997) и Ю.М. Даниэля. К тому времени они уже несколько лет как тайно публиковались за рубежом под псевдонимами «Абрам Терц» (Синявский) и «Николай Аржак» (Даниэль) и были в глазах власти куда более опасными «антисоветчиками», чем Бродский. 8 сентября арестовали Синявского, а 12 сентября – Даниэля. Возможно, освобождение Бродского как раз и было предпринято с тем расчетом, чтобы заблаговременно «подсластить» эту политическую пилюлю? К сожалению, точно ответить на этот вопрос пока нельзя, необходимо сначала рассекретить архивы КГБ.

«Тля»-творное влияние Ивана Шевцова

В своем стремлении «призвать к порядку» Бродского и укротить либеральную интеллигенцию правящая бюрократия действовала отнюдь не сама по себе, а опиралась на творческих деятелей консервативного направления, тайно лелеявших надежду на возрождение сталинизма. В наибольшей степени эти силы воспрянули, когда в конце 1962 – начале 1963 г. власти инициировали откровенно «антиоттепельный» идеологический курс. Наглядным проявлением консолидации приверженцев системного почвенничества стал выход в свет в 1964 году в издательстве «Советская Россия» романа И.М. Шевцова (р. 1921) «Тля».

Сюжет книги был лихо закручен на «заговоре» в отечественном изобразительном искусстве приверженцев «безликого» абстракционизма и модернизма против художников, творивших в традиции русского реализма. В одном из центральных отрицательных персонажей памфлета художнике Льве Барселонском без труда угадывался Эренбург. Автор не пожалел «черной краски» и созда-

вая образ либерального литературного критика Осипа Давыдовича Иванова-Петренко – заправила некоего богемного салона, где плетутся сети интриг против «настоящих» художников. Симптоматично, что законченный еще в 1950 году роман-памфлет Шевцова тогда, на излете активной стадии антикосмополитической кампании, опубликован не был. Однако после разноса, учиненного Хрущёвым на выставке в Манеже художникам-модернистам, этому сочинению – чуть дополненному и подправленному – был дан «зеленый свет», причем благодаря старанию близкого к Кремлю Е.В. Вучетича (1908–1974). Впоследствии Шевцов вспоминал, что тогда ему позвонил именно знаменитый скульптор, который «приподнятым голосом сообщил «грандиозную новость»: о выступлении Хрущёва в Манеже». Далее он возбужденно добавил: «Подробности лично!.. У меня сейчас Герасимов, Лактионов и другие товарищи, мы только что из Манежа. ... У тебя же есть роман о художниках. Сейчас он ко времени»⁹⁷⁶.

Таким образом, издание сочинения Шевцова «в гроб сходя, благословил» первый президент Академии художеств СССР А.М. Герасимов (1881–1963), который в молодые годы состоял в «Союзе русского народа», а потом, вследствие какого-то причудливого зигзага судьбы, стал любимым художником Сталина и его самым признанным прижизненным портретистом. Кстати, упомянутый Вучетичем лауреат Сталинской премии (1948) художник А.И. Лактионов (1910–1972) подписал потом предисловие к «Тле».

Нашелся у Шевцова и влиятельный покровитель во властной элите – член Президиума ЦК и заместитель председателя Совета Министров СССР Д.С. Полянский (1917–2001). Говорили, что тот пригласил писателя в Кремль и, обняв, выразил восхищение его «глубоко патриотическим» романом⁹⁷⁷.

Написанный в стилистике латентной антиеврейской мифологии и не отличавшийся художественными достоинствами, роман «Тля» вызвал целый вал ожесточенной либеральной критики⁹⁷⁸. В этой связи К. Чуковский отмечал: «Все хохочут над дураком – Локтионовым (здесь и далее так в тексте. – Г.К.), который написал предисловие к роману “Тля”. Т[ак] к[ак] в этом гнусном романе – пресмыкательство перед Хрущёвым, против него (и против

---

⁹⁷⁶ Шевцов И.М. Тля : Соколы. – М.: Голос, 2000. С. 3.

⁹⁷⁷ Тельман И. «Классик» антисемитской литературы (www.jewish.ru/theme/media/2009/04).

⁹⁷⁸ Огнев Г. Кривое зеркало пошлости // Комсомольская правда. 1964. 12 ноября. Паперный З. Агрессивное невежество // Юность. 1964. № 12. Синявский А. Памфлет или пасквиль // Новый мир. 1964. № 12 и др.

локтионовского романа) ополчилась даже сервильная пресса. Локтионов, желая оправдаться, публично заявил (письмом в редакцию “Лит[ературной] газеты”), что: 1) романа он не читал; 2) не читал и своего предисловия, так как это предисловие в порядке саморекламы сочинил сам автор “Тли”»⁹⁷⁹.

Поскольку роман вышел вскоре после смещения Хрущёва, идеологи на Старой площади, дабы не бросить тень на новое кремлевское руководство, сочли за благо признать его публикацию ошибочной. Плюс к этому даже наказали автора «Тли», сместив с должности заместителя главного редактора журнала «Москва». Благодаря этой брошенной общественности «кости» инцидент был оперативно «испечен», и критику романа удалось свернуть уже к началу 1965 года⁹⁸⁰.

* * *

Проблема свободного диалога власти и общества, являющегося в любом государстве основой для его нормального развития, всегда стояла в Советском Союзе достаточно остро. Поэтому не вызывает сомнения потенциальная значимость возобновившейся с начала 1960-х гг. серии публичных встреч высшего советского руководства с элитой творческой интеллигенции. Ведь такого рода контакты были в принципе чрезвычайно важны для нормального функционирования советской системы. Однако реальное воплощение этой социально полезной идеи Хрущёвым и его ближайшим аппаратным окружением обернулось на деле обратным эффектом.

Между тем, на этих встречах некоторые либерально настроенные интеллигенты пытались – пусть преимущественно только намеками – донести до власть имущих нелицеприятную правду и даже отваживались на осторожную критику. Однако их здравые суждения так и не были услышаны, потонув куда в более мощном потоке менторских речей начальства и льстиво вторивших ему выступлений «благонамеренных» литераторов и деятелей искусства. Задавая общий тон дискуссии на этих мероприятиях, Хрущёв решительно пресекал любые попытки заговорить о еврейской проблеме в СССР. Воспринимая их как «происки сионистов», он, в свою очередь, стремился выдать за «чистую монету» сомнительные легенды, выставлявшие евреев в негативном свете (о бывшем инструкторе киевского горкома комсомола Когане, якобы служившим переводчиком в штабе фельдмаршала Паулюса и т.п.).

---

⁹⁷⁹ Чуковский К.И. Дневник. С. 364.

⁹⁸⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 100. Л. 270. Оп. 62. Д. 83. Л. 298.

Поддержав публикацию некоторых антисталинистских произведений таких авторов, как Солженицын и Евтушенко, Хрущёв сделал это не столько в осуждение недавних массовых бесчеловечных репрессий, сколько в сиюминутных интересах манипулирования высшей бюрократией. Причем, организовав жесткий цензурный прессинг против таких олицетворявших «оттепель» писателей, как Эренбург и Гроссман, Хрущёв вряд ли осознавал, что тем самым подрывал самолично провозглашенный курс на либеральное обновление страны, а значит, по сути, занимался политическим самоубийством. По злой иронии судьбы он задумался об этом только постфактум.

УКАЗ ПРЕЗИДИИ ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ ДАВЉ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУНАНГ ФАРШИИ
УКАЗ ЖОГАРҲЫ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУНАНГ УКАЗЫ
УКАЗЫ АНГ ДАВЉ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУНАНГ
УКАЗЫ АНГ СОВЕТИ РАЙСОТ БЕЉАТЛИКИ ФАРМАНЫ
УКАЗЫ АНГ АНГКЕЛІАУСИОСИОС ТАРТВОС ПРЕЗИДИМО ІСАКАС
УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМУНАНГ СОВЕТАУЖАІ СІПРЕМ АНГ УНИУНИИ РСС

PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS
USSR JOGARHY SOVETINNYI PREZIDIUMUNYI Uказы
UKAZY PREZIDIUMYI SOVETA DAVL'YI SSSR
UKAZY ЧАРАУМУ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМУНАНГ
USSR EKARY SOVETINNYI PREZIDIUMUNYI Uказы
UKAZY ЛІІОН ОЛЕИИИИКОГО ПРЕЗИДИУИИ СЕАДОС
UKAZY KONKREIMAN NEUVOSTON PUNEMENISTON ASETUS

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О восстановлении Михоэдса С.М. в
правах на орден Ленина и звание
Народного артиста СССР

Отменить пункт 60 Указа Президиума Верховного
Совета СССР от 6 марта 1953 года о лишении Михоэдса
Соломона Михайловича ордена Ленина и звания Народного
артиста СССР как неправильный.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

(К. Ворошилов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

(Н. Петров)

Москва, Кремль

30 апреля 1953 г.

д. № ВП-126/8,9.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении С.М. Михоэдса в правах на орден Ленина и звание Народного артиста СССР. 30 апреля 1953 г.

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

*Вск огласило
Гажу*

Экз. № 7

8 декабря 1955 г.

№ СП-0065/52

Москва, ул. Боровского, д. 15.

НАЧАЛЬНИКУ ~~УПРАВЛЕНИЯ~~ ПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ
~~МВД~~ ГОР. МОСКВЫ
НАЧАЛЬНИКУ 1 СПЕЦОТДЕЛА МВД СОЮЗА ССР
ГЛАВНОМУ ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ

*030659
в 4-ю кв
пр. суд. дел. ос-101487
Гажу*

Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче
граждан ке ЛОЗОВСКОЙ Галине Соломоновне

свидетельства

о смерти её (лич. ст. ЛОЗОВСКОГО Соломона Абрамовича

Сообщаю, что ЛОЗОВСКИЙ Соломон Абрамович

1878

года рождения. был

осужден Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР

и, отбывая наказание, умер 12 августа 1952 года.

Гр. ЛОЗОВСКАЯ Г.С. проживает по адресу:

г. Москва, М. Вузовский пер., дом № 4, кв. № 8.

249513

Зам. Председателя Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР
~~полковник милиции~~
ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ

/В. БОРИС ОГЛЕБСКАЯ /

411

В. П. ... 1956

Официальная справка о том, что С.А. Лозовский, «отбывая наказание, умер».
Декабрь 1955 года.

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

СПРАВКА

5 января 1956

№ 4н 014764/55

Москва, ул. Варовского, д. 13.

Дело по обвинению АЙЗЕНШТАДТ /ЖЕЛЕЗНОВОЙ/
Мариам Солмоновны пересмотрено Военной Коллегией
Верховного Суда СССР 28 декабря 1955 года.

Приговор Военной Коллегии от 22 ноября 1950
года в отношении АЙЗЕНШТАДТ /ЖЕЛЕЗНОВОЙ/ М.С.
по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и де-
ло за отсутствием состава преступления прекращено.

Секретарь Военной Коллегии Верховного Суда
Союза ССР

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ *А. Мелев*
/А. ЧИЩОВ/

пл

Справка о реабилитации М.С. Айзенштадт (Железновой). Январь 1956 года.

Выступление Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС. Февраль 1956 года.

Историк А.М. Панкратова.

«Союз патриотов России»:
Л.Н. Краснопевцев, Дубравлаг,
1959 год.

Встреча Ива Монтана и Симны Синьоре в московском аэропорту.
Декабрь 1956 года.

«Союз патриотов
России»: М.С. Гольдман,
1957 год.

Г. Фаст с женой Бетти. 1947 год.

Историк и филолог Н.Я. Эйдельман.

Б.Л. Пастернак в последние годы
жизни.

КОПИЯ

РАССЕКРЕЧЕНО

31

Говарду Фасту

Нью Йорк, США

Эх, Говард!

Прочитал я ваше последнее письмо, прочитал и, честно говоря, понравился - какие страшные метаморфозы происходят на бабачьем свете! Солдоси недавно, всего несколько месяцев назад, был у меня друг, ~~дружелюбный~~ революционер, стойкий, мужественный, проникнутый боевым духом, друг моей родины и моего народа. Я гордился этой дружбой. И вот это письмо. Знакомый стиль, знакомая подпись. Но непонятно оно уже другим - ~~незнакомым мне~~, излучающим, выходящим в лобик человека, наведомо для чего, с поражающей топорностью, открывающимся от всего того, во что он еще недавно верил, что утверждал и защищал.

Совсем недавно, я матерясь, даким Гарри Шварцу автор письма заявил, что он не станет ни антисоветчиком, ни врагом коммунизма. А сейчас он, как промокашка, вытывает антисоветские и антикоммунистические сплетни и берет материал для публичных размышлений на арсенале тех самых пролетарийских холодной войны, к которым сам, совсем еще недавно, относился с презрением. Я обрекаюсь к тому, прежнему Говарду Фасту, с которым еще недавно мы ~~были~~ хорошо лонили друг друга, и спрашиваю: зачем этой я чему? Кому и чему на пользу?

Да, Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, партии, членом которой я имел честь состоять, мужественно рассказывал коммунистам о том, что породил культ личности И.В.Сталина. ЦК рассказывал об этом с верой в справедливость и стойкую уверенность наших ялов, и ЦК не ошибал в этой своей вере. Мы узнавал многие, ранее и нам неизвестные, тяжелые и трагические факты. Но мы не дрогнули, не поколебались. Мы поняли, что ЦК мужественно обнажил эти раны, чтобы они скорее зажили, и теперь все мы радуемся, наблюдая, как мало дни и часы у нас на глазах они быстро зарубцовываются на мощном и здоровом теле. Не удивляло нас и то, что всегдашние политические и идейные противники нашей страны, воспользовавшись случаем, стали бросать соль в эти раны, с явной целью - помешать их заживлению и смутить умы нестойких среди наших друзей. Что-ж, в

17873

Черновик письма Б.Н.Полевого Г.Фасту, 1957 год.
(Документ РГНИ).

Джон Гейтс. 1958 год

Б.Н. Полевой.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К.Е. Ворошилов принимает в Кремле верительную
грамоту от израильского посланника Ш.Эльяшива. Декабрь 1953 года.

Н. Гольдман – руководитель
Всемирной сионистской организации
и Всемирного еврейского конгресса.

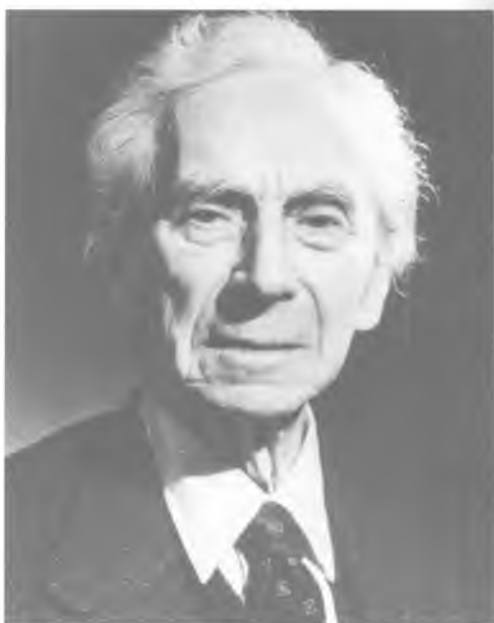
Ш. Авигур – глава израильской
спецслужбы «Натив» (1952–1970 гг.).
1960 год.

Н. Леванон – возглавлял «Бар» (отдел «Натив») в 1960–1961 гг.

Э. Литвинов –
представитель «Натив»
в Великобритании.

Бертран Рассел.

Москвичи приветствуют израильскую делегацию, участвовавшую в Международном фестивале молодежи и студентов. Август 1957 года.

Проход израильской делегации по стадиону в Лужниках на открытии молодежного фестиваля в Москве. Август 1957 года.

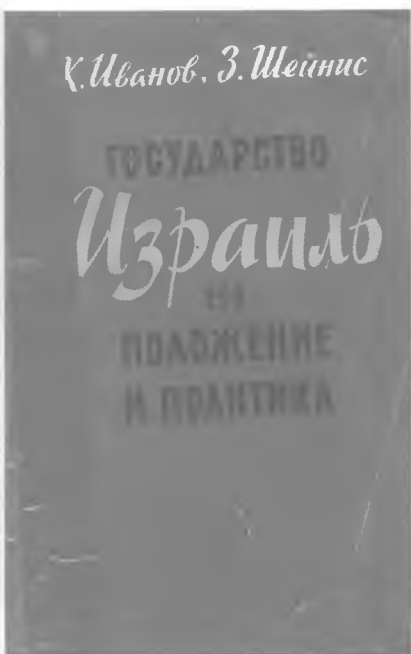

Обложка израильской пропагандистской брошюры, распространявшейся на фестивале в Москве, 1957 год.

Участники сионистского движения в СССР: Б.С. Подольский, Т.А. Бродецкая, Д.М. Хавкин.

Обложка книги К. Иванова
и З. Шейниса.

Обложка книги Г. Плоткина.

Обложка книги Т. Кличко.

Главный раввин Московской Хоральной синагоги С. Шлифер (справа) и посол Государства Израиль Й. Авидар.

С. Шлифер.

Главный раввин И.-Л. Левин.

Еврейский писатель А.А. Вергелис
(фото предоставлено Г. Эстрайхом).

Еврейские литераторы Биробиджана. Слева направо: Бузи Миллер,
Макс Риант, Любовь Вассерман, Сальвадор Боржес, Ицик Бронфман,
Гершл Рабинков. 1958 год.

На вечере в ЦДЛ в 1960 году, посвященном 65-летию Переца Маркиша. Верхний ряд, стоят (слева направо): Давид Маркиш, Семен Рабинович, Лев Пеньковский, Иосиф Керлер, Авром Гонтарь, поэт Арон Вергелис, сидят (слева направо): Вильгельм Левик, Эстер Маркиш, Сергей Шервинский.

Совещание в редакции журнала “Советиш Геймланд” (1961 г.). Председательствует А.Вергелис.

Обложки и титульный лист журнала “Советиш Геймланд”.

Еврейские литераторы, справа налево: Бузи Миллер, Хаим Бейдер, Ева Лоздерник-Бейдер, Гершл Полянкер, Гирш Ременик, Ихил Шрайбман, Пиня Киричанский. Октябрь 1981 года.

На торжествах в Париже по случаю 100-летия Шолом-Алейхема.
Слева направо: советский посол во Франции С.А. Виноградов, певцы
Э.Я. Горовец (на втором плане) и М.Д. Александрович. 1959 год.

Вспомогательные
 Гостиницы
 и
 Общественные
 здания
 Ленинградского
 драматического
 театра

В ПОСРЕДСТВЕ
 ЛЕНИНГРАДСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА
 имени В. Ф. КОММУНАРЖЕВОЙ

16 и 17
 СЕНТЯБРЯ 1959 г.

ВЕЧЕР ЕВРЕЙСКОЙ ПЕСНИ И САТИРЫ
БЕНИАМИН
ХАЯТАУСКАС
 ТЕНОР
 Еврейские народные, шуточные и бытовые песни

ЗОСЕР **ЯКОВ**
РОЙТМАН и КЛЕБАНОВ
 Музыкальные водевилы, фарсы, песни и сатирические этюды,
 рассказы Шолом-Алейхема, Л. Монтно и др.

Режиссер - Григорий **РАЙЦЫН**   Программу ведет **Эмилия КАЧКОВСКАЯ**
 Режиссер-постановщик **М. РИХТЕР**
 Конферансье над арт. **РОВСР Я. ПУДЬВЕР, Я. РОЗЕНФЕЛЬД, С. ФРЕЙДЕНБЕРГ**

Начало в 20 ч. 30 м.   Билеты продаются в кассах театра и по всем районным культурным центрам ДТН
 11 * 100 * 1-ЛОТ Ленинград, Литейный пр. 50 670-4-1300

Афиша еврейского концерта. Ленинград, 1959 год.

Сиди Таль (в центре) вместе с артистами и административными работниками Черновицкой филармонии. 1960-е гг.

Нехама Лифшиц
(Лифшицайте). 1960-е гг.

ИВРИТ -
РУССКИЙ
СЛОВАРЬ

מלון עברי-רוסי

Обложка иврит-русского
словаря Ф.Л. Шапиро.

Президиум XXII
съезда КПСС. Октябрь
1961 года.

На встрече советского руководства с творческой интеллигенцией. Семеновское (Подмосковье). Июль 1960 года. Фото С.И. Смирнова.

Выступление
Н.С. Хрущёва на
встрече советского
руководства
с творческой
интеллигенцией.
Семеновское
(Подмосковье). Июль
1960 года.
Фото С.И. Смирнова.

Надгробный памятник
Н.С. Хрущёву на
Новодевичьем
кладбище
в Москве (скульптор
Э.И. Неизвестный).

В.Д. Дудинцев, 1961 год.
(Фото Ж.А.Медведева).

М.И. Алигер.

К.Г. Паустовский.

А.Т. Твардовский.

А.И. Солженицын с Н.А. Решетовской в квартире Н.В. Тимофеева-Ресовского. Обнинск, 1965 год. (Фото Ж.А. Медведева).

Редакция «Нового мира», слева направо: первый ряд – Б.Г. Закс, А.Г. Дементьев, А.Т. Твардовский, А.И. Кондратович, А.М. Марьямов; второй ряд – М.Н. Хитров, В.Я. Лакшин, Е.Я. Дорош, И.И. Виноградов, И.А. Сац. Февраль 1970 года.

Слева направо: писатели
А. Корнейчук, И. Эренбург,
журналист М. Котов, Н. Хрущёв,
писатель Н. Тихонов.
Январь 1960 года. (Archive
of Stefan Mehr).

Ирина Эренбург и Фаня Фишман.

Василий Гроссман в рабочем кабинете.

Д.Д. Шостакович и Е.А. Евтушенко. Выход к публике после исполнения 13-й симфонии («Бабий Яр»). 18 декабря 1962 г. (Фото В. Ахломова).

М.И. Ромм.

БЕСПАСПОРТНЫЙ БРОДЯГА

« Принадлежит, видимо к категории или спящих - или к, мигрант
или чужаков. Беспаспортный бродяга и мигрант... »

Карикатура
из «Крокодила» (1949
год), по поводу которой
полемизировал М. Ромм.

КРОКОДИЛ

МОСКВА 20 МАРТА 1949

СРЕДНЕГО ПЛАНА

Слева направо: В.С. Фогельсон (редактор альманаха «День поэзии»), поэты
Б. А. Слуцкий и В.Н. Корнилов. 1965 год.

Суд над И. Бродским. 1964 год.
Фото Н.Якимчук.

Л. К. Чуковская.

Фрида Вигдорова (крайняя слева) вместе с подругами Раисой Облонской и Норой Галь. Начало 1960-х гг.

Глава VIII

**БЫЛИ ЛИ
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ»
АНТИЕВРЕЙСКИМИ?**

Атака на теневую экономику и «трикотажников»

После того как Президиум ЦК КПСС «очистили» от Молотова, Маленкова, Кагановича и других близких соратников Сталина, а в начале 1958-го оттуда был «выдавлен» отставленный премьер Булганин, претендовавший на автократию Хрущёв дал волю своим честолюбивым амбициям. Вознамерившись реализовать в огромной и обремененной множеством серьезных проблем стране пропагандистский мегапроект коммунистической утопии, он мобилизовал партийно-государственный аппарат на бескомпромиссную борьбу со всем, что так или иначе ассоциировалось с «исторически обреченным» капитализмом. Последний решительный бой был объявлен не только, как отмечалось, «религиозным предрассудкам», но и с еще бóльшим усердием началось устранение из «советской действительности» «остатков частнособственной психологии», разумеется, вместе с «питавшими» ее «рудиментами» капиталистического предпринимательства.

Курс на окончательную «декапитализацию» советской экономики был инициирован еще постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 14 апреля 1956 г. «О реорганизации промысловой кооперации», призванном ликвидировать нелегальный частный бизнес, который действовал главным образом под «крышей» артелей-кооперативов по выпуску товаров массового потребления. Бизнес этих мелких фабрик и мастерских процветал, особенно в сравнении с результатами работы государственных предприятий легкой и местной промышленности, многие из которых были убыточными из-за чрезмерной бюрократизации управления, игнорирования потребительского спроса, затратного характера производства. Однако дела «артельщиков», или «цеховиков», как их стали называть впоследствии, шли в гору не только благодаря присущей им коммерческой жилке, но и вследствие того, что кооперативы обладали бóльшей в сравнении с госпредприятиями административной и финансовой самостоятельностью. Вместе с тем, ради получения различных преференций кооператоры значительно чаще, чем управленцы обычных фабрик и заводов, практиковали подкуп госчиновников и пускались во всевозможные

хозяйственно-финансовые махинации, в том числе и с хищениями государственных и общественных средств.

Усмотрев во всем этом серьезный коррупционный момент, Хрущёв со свойственной его натуре бескомпромиссностью пошел в 1960 году на полную ликвидацию промысловой кооперации. И получилось, что вместе с грязной водой выплеснули и ребенка: во второй половине 1950-х гг. на долю артелей приходилось до 6% от всей производившейся в стране промышленной продукции, в том числе до 37% выпускавшихся верхних трикотажных изделий и до 40% мебели⁹⁸¹.

Одновременно посредством повышения налогов и усложнения процесса оформления разрешительной документации в госструктурах была сведена к минимуму легальная индивидуально-трудова деятельность. Однако загнанная в подполье частнопредпринимательская деятельность отнюдь не заглохла. Напротив, демонстрируя удивительную приспособляемость и жизнеспособность, она отлично освоилась в чрезвычайно рискованных условиях теневой экономики. Восприняв эту своего рода общественную самодеятельность как дерзкий вызов своему коммунистическому проекту, Хрущёв прибег к жесткому ее подавлению, используя испытанные сталинские силовые методы.

Один из руководителей советской юстиции В.И. Теребилов (1916–2004), который в то время был старшим помощником генерального прокурора СССР, считал инициатором этого закручивания гаек именно Хрущёва, на решающую роль которого прозрачно намекал впоследствии следующим рассуждением: «Это были годы, когда единоличное правление государством все еще шло в гору»⁹⁸².

Весной 1960 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому следствие по незаконным валютным операциям, контрабанде и крупным экономическим преступлениям передавалось из МВД в ведение КГБ. Следующим указом от 5 мая 1961 г. вводилось «применение смертной казни – расстрела: за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах...»⁹⁸³.

После этого фактического объявления государством войны коррупции одно за другим стали возникать так называемые «эко-

---

⁹⁸¹ Интервью с А.Н. Шелепиным // Труд. 1991. 14 марта. С. 4.

⁹⁸² *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Заложники вождей. Советские и российские прокуроры. XX век, 1954–1992. С. 107.

⁹⁸³ Ведомости Верховного Совета СССР. № 19/1054. М., 1961. Как «хищение в особо крупном размере» квалифицировалось такое деяние с ущербом на сумму сверх 10 000 рублей.

номические дела», многие из которых были возбуждены отнюдь не в Москве и Ленинграде, а в глубинке, где вдали от центральных властей сподручнее было заниматься нелегальным бизнесом. Наиболее показательным из таких провинциальных историй стало разоблачение подпольного трикотажного синдиката в Киргизии. Там он опекался разветвленным преступным сообществом местных высокопоставленных чиновников, занимавших в том числе и руководящие посты в республиканских правоохранительных органах. Вот почему проведение арестов и обысков, начавшихся в этой союзной республике, было поручено бригаде оперативников из КГБ при СМ СССР, выехавших весной 1961 года из Москвы. Впрочем, и производством следствия по данному делу также занялись чекисты из центра.

25 мая 1961 г. «за допущенные крупные ошибки и недостатки в руководстве партийной организации республики» был смещен со своего поста первый секретарь ЦК КП Киргизии И.Р. Раззаков (1910–1979). Высланный из республики, он объявился в Москве на скромной должности начальника отдела Государственного научно-экономического совета при СМ СССР⁹⁸⁴.

Наиболее крупные хищения государственного имущества в Киргизии были вскрыты на двух трикотажно-ткацких фабриках – Аламединской и Кзыл-Аскерской, входивших в систему местной промышленности (до того функционировали как артели потребительской кооперации), а также в республиканской торговой сети. На этих предприятиях был налажен выпуск «левой» дефицитной продукции – постельного белья, тюля, ковровых дорожек, гардинного полотна, мужских носков и других трикотажных изделий. По этому делу был арестован 51 человек. Около трети из них были евреями. В качестве одного из главных подозреваемых по делу проходил начальник трикотажного цеха Мордко Гольдман. Взяли под стражу и его брата Авраама-Ушера Гольдмана.

Как установило следствие, только в двух цехах фабрики, где работали эти братья, в 1957–1960 гг. было нелегально изготовлено и похищено продукции на общую сумму свыше 400 тыс. «новых» рублей (были введены в оборот в 1961 году)⁹⁸⁵. Из них более 100 тыс. рублей наличными, полученными в результате незаконной продажи «левого» товара в торговой сети Киргизии и сбыта ее в других регионах СССР, были переданы «крышева-

---

⁹⁸⁴ Региональная политика Н.С. Хрущёва. С. 614.

⁹⁸⁵ Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). – Лондон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1986. С. 258–259. Натензон Д. Правосудие по Хрущёву // Вести (Израиль). 2003. 24 апреля.

телям» теневого бизнеса из числа фабричного начальства и высокопоставленных представителей республиканских органов власти (ЦК КП, СМ, Госплан, совнархоз, прокуратура, милиция, Комиссия советского контроля).

Главой киргизской криминальной пирамиды был председатель республиканского Госплана Б.Д. Дюшалиев (1920–1962)⁹⁸⁶, обеспечивавший бывших кооператоров сверхустановленными фондами на остродефицитное сырье. В ходе выездной сессии судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, рассматривавшей под председательством Б.С. Цирлинского «дело трикотажников» целых четыре месяца, было установлено, что причиненный государству материальный ущерб составил 3,2 млн. рублей. По определению, вынесенному коллегией в июле 1962 года, Дюшалиев был расстрелян. Такая же участь, по всей видимости, постигла и заместителя министра республиканской местной промышленности и торговли Т. Новикова и еще трех высокопоставленных чиновников киргизского Совмина, Госконтроля и Минместпрома. Одновременно были казнены М. Гольдман и еще восемь евреев⁹⁸⁷.

В книге израильской исследовательницы Е. Эвельсон⁹⁸⁸, как, впрочем, и в других подобных изданиях, написанных в полити-

---

⁹⁸⁶ Существует версия, что «дело трикотажников» было спровоцировано скандальным инцидентом, произошедшим с Дюшалиевым в Москве 19 июня 1958 г. Ночью того дня он, будучи в командировке, был задержан милицией за то, что, находясь в такси, стал демонстративно угрожать водителю боевым пистолетом. МВД СССР проинформировало тогда о случившемся ЦК КПСС, откуда, видимо, соответствующая «ориентировка» была направлена на Лубянку (<http://supol.narod.ru/archive/2003/7/SU6568>).

⁹⁸⁷ Региональная политика Н.С. Хрущёва. С. 202. *Эвельсон Е.* Указ. соч. С. 345.

⁹⁸⁸ Евгения Эвельсон начинала свою карьеру как ученый-правовед, потом, в середине 1950-х гг., перешла в адвокатуру, возглавляя Московский институт повышения квалификации адвокатов. С 1964 года участвовала в качестве защитника в процессах по так называемым «экономическим делам». Подготавливая впоследствии о них книгу, она главным образом использовала материалы советской прессы, открытые законодательные акты СССР и союзных республик, а также данные, почерпнутые из интервью с евреями-эмигрантами, личных воспоминаний и из своих адвокатских рабочих записей. В силу объективных обстоятельств Эвельсон не были доступны советские архивные документы, что привнесло в ее исследование определенную научную ущербность. Это выразилось, в частности, в том, что описанные в книге события не имеют точной датировки. Не обладая точной информацией, автор вынуждена была принимать за «чистую монету» отдельные циркулировавшие в еврейской среде недостоверные слухи и легенды и воспроизводить их потом в книге без должного критического анализа. В результате в ней появился, скажем, голословный домысел о том, что в 1962 году некое «Управление КГБ № 7» (его якобы в том же КГБ называли

зированной остропублицистической манере, утверждается, что «дело трикотажников» в Киргизии вкупе с подобными «делами» в других регионах страны было производным от антиеврейской политики властей⁹⁸⁹. В обоснование этого тезиса в иерусалимской «Краткой еврейской энциклопедии» даже утверждается, что «число неевреев, приговоренных к смертной казни за аналогичные («экономические». – Г.К.) преступления, было незначительным»⁹⁹⁰. При этом не упоминается, что наряду (и в связи) с упомянутым судебным процессом под председательством Цирлинского примерно тогда же заседала и другая коллегия Верховного суда СССР (под председательством Г.З. Анашкина), которая, рассмотрев в закрытом режиме дело о вскрытых в органах внутренних дел и прокуратуры Киргизии взятках и коррупции⁹⁹¹, приговорила к расстрелу семь высокопоставленных чиновников⁹⁹².

Анализируя эти факты, трудно представить себе, что снятие руководителя республики и «высадка» мощного «десанта» московских силовиков во Фрунзе были произведены только ради того, чтобы «разобраться» с группой местных евреев-«расхитителей» во главе с начальником трикотажного цеха. Без сомнения, эта предпринятая Хрущёвым массивная репрессивная акция была направлена прежде всего против усилившейся в Киргизии коррупции, которая, несмотря на все заклинания официальной пропаганды об успешном строительстве коммунизма в СССР, уже тогда стала исподволь пожирать советскую империю. Процесс этот, протекавший поначалу особенно активно на окраинах, потом всецело захватил и центр, увенчавшись, как известно, крахом СССР в 1991 году.

Анализируя уже в наше время мотивацию антикоррупционной борьбы Хрущёва, известный израильский литератор-публицист и историк М.Р. Хейфец (р. 1934 г.) писал: «...Никита, как его

«еврейским», хотя на самом деле тогдашнее 7 Управление КГБ специализировалось на «наружном наблюдении» и охране дипкорпуса) направило на места «специальную директиву», инициировав тем самым «глобальную» репрессивную кампанию, носившую «откровенно выраженный антисемитский характер» (*Эвельсон Е.* Указ. соч. С. 81). Подобные сомнительные откровения существенно снизили научное качество исследования Эвельсон – в целом, тем не менее, достаточно ценного.

⁹⁸⁹ *Эвельсон Е.* Указ. соч. С. 263.

⁹⁹⁰ КЕЭ. Т. 8. С. 261.

⁹⁹¹ По этому делу отнюдь не по этническому признаку были арестованы 30 чиновников, в том числе начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Управления милиции Киргизии Садыков.

⁹⁹² *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Заложники вождей. Советские и российские прокуроры. XX век. 1954–1992. С. 108–109.

ни оценивай, обладал подлинным политическим чутьем на возможные опасности, и первым, а тогда просто единственным, уловил смертельную угрозу, в конце концов развалившую советскую власть и Союз ССР. Со своей, т. е. с советской точки зрения, он выглядит сегодня абсолютно правым»⁹⁹³.

Вполне очевидно, что евреи в Киргизии пострадали в начале 1960-х гг. не из-за своего этнического происхождения, а вследствие традиционной приверженности частнопредпринимательской деятельности, которая, будучи в который уже раз объявленной властями «проклятием капиталистического прошлого», подлежала повсеместному выкорчевыванию – более решительно и более безжалостно, чем даже при Сталине. И первым делом от «буржуазного разложения» Хрущёв решил спасти номенклатурный аппарат, этот системный каркас советского государства.

Это намерение было выражено в пространной записке, направленной за его подписью 19 февраля 1962 г. в Президиум ЦК КПСС. В ней после констатации того тревожного факта, что коррупция, поразив Госплан, центральные и региональные управленческие аппараты министерств и ведомств, а также суд, прокуратуру и милицию, приняла в стране почти универсальный характер, предлагалось создать мощный надзорный орган.

Достойным результатом этого преисполненного более большевистского догматизма, чем здравого смысла, проекта стало появление на свет в декабре 1962 года фактически мертворожденного Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР⁹⁹⁴. Руководить им Хрущёв поставил Шелепина, который по иронии судьбы вскоре выступил в роли одного из главных его политических могильщиков.

20 февраля 1962 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», предусматривавший ужесточение кары за мздоимство вплоть до расстрела с конфискацией имущества⁹⁹⁵. Информировав об этом партийные массы, ЦК КПСС 29 марта разослал во все региональные организации закрытое письмо «Об усилении борьбы с взяточничеством и разворовыванием народного добра», в котором фигурировали не только разоблаченные «дельцы» с еврей-

---

⁹⁹³ Хейфец М. Советская жизнь: опыт и мысли // Заметки по еврейской истории. 2010. Февраль. 2(125). (<http://berkovich-zametki.com/Nomer125>).

⁹⁹⁴ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 219–221.

⁹⁹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8 (1095).

скими фамилиями, но и еще больше – с русскими, грузинскими, киргизскими, узбекскими и др.⁹⁹⁶

Частнопредпринимательская «трикотажная» лихорадка захватила не только советскую глубинку. Весьма симптоматично, что максимального уровня нелегальная экономическая деятельность достигла в центральном регионе страны, прежде всего в Москве и Московской области. Наиболее крупные аферы по теневому бизнесу были вскрыты на Перовской швейно-трикотажной фабрике № 11, а также в универмаге «Москва» и в Краснопресненском психоневрологическом диспансере, при которых функционировали подпольные цеха по пошиву трикотажных изделий.

Было возбуждено несколько уголовных дел, по которым проходили десятки фигурантов. Сумма ущерба, установленная следствием только по одной фабрике № 11, составила почти 2,8 млн. «новых» рублей. Деятельность «цеховиков» смогла достичь столь внушительного масштаба только в результате покровительства, оказывавшегося им (разумеется, за многотысячные взятки) высокопоставленными сотрудниками органов внутренних дел и влиятельными чиновниками других ведомств. На процессах, венчавших проводившиеся КГБ расследования, в качестве главных обвиняемых проходили евреи Ш. Шакерман (между прочим, племянник знаменитого одесского налетчика Мишки Япончика), Б.И. Ройфман, П.Г. Ордер, Б. Пугач, А.М. Коган, А. Хейфец, Ю. Евгеньев и некоторые другие. Все они были приговорены к расстрелу⁹⁹⁷.

Аресты «валютчиков», «дело Рокотова»

Между тем Хрущёва всерьез беспокоило не только бурное развитие «альтернативного» производства ширпотреба и связанной с этим галопирующий рост чиновной коррупции. Как не менее серьезная опасность для взлелеянной им химеры коммунизма воспринимался им и тот бум золота, драгоценностей и иностранной валюты, который возник тогда на внутреннем черном рынке.

Терпение эмоционально-взрывного советского лидера окончательно лопнуло в начале 1961 года. Именно тогда он, проведя денежную реформу, преподнесенную обществу как экономически целительную – на порядок удорожила рубль и подняла его офи-

---

⁹⁹⁶ Региональная политика Н.С. Хрущёва. С. 199–209.

⁹⁹⁷ Подробно о судах, проходивших в Москве по «трикотажным делам», см.: *Эвельсон Е.* Указ. соч. С. 65–130.

циальную котировку до 90 копеек за один доллар США (вместо прежних 4 рублей)⁹⁹⁸, – стал воспринимать спекуляцию валютой не только как злостный подрыв социалистической экономики, но и как личный вызов ему самому. Устрашающее наказание «распоясавшихся валютчиков» решено было устроить в Москве, где «диверсионный бизнес» принял наибольший размах. При этом в расчет бралось и то соображение, что осуществление показательной репрессивной акции в столице даст максимальный пропагандистско-воспитательный эффект.

С целью реализации этой идеологической задачи 19 мая 1961 г. все центральные газеты в СССР поместили на первых полосах следующее сообщение:

«В Комитете Государственной Безопасности и Прокуратуре СССР. Комитетом Государственной Безопасности при Совете Министров СССР арестованы и привлечены к уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию валютными ценностями в крупных размерах Рокотов Я.Т., Файбишенко В.П., Эдлис Н.И., Попов С.К., Лагун И.И., Паписмедов И.М., Паписмедов Ш.О., Ризванова М.Л. ... При обыске у них изъято золотых монет общим весом 12 килограммов, большое количество иностранной валюты, советских денег и других ценностей. Как установлено следствием, эти преступники скупили и перепродали иностранной валюты и золотых монет в общей сложности более чем на 20 миллионов рублей (в старых деньгах). Привлеченные к уголовной ответственности лица продолжительный период времени не занимались общественно-полезным трудом, вели паразитический образ жизни, разлагающе влияли на отдельных неустойчивых граждан и, вступая в преступные связи с иностранцами, унижали достоинство советских людей».

То, что в этом сообщении, информировавшем об окончании предварительного следствия и о передаче дела в Московский городской суд, первым среди обвиняемых фигурировал некто Рокотов, не было случайностью. Именно на этого фигуранта приходилась наибольшая доля от всего выявленного по делу незаконного оборота валюты и золота – свыше 12 млн. рублей из 20⁹⁹⁹.

Так что же представлял собой этот советский «король иудейский»? Происходил Ян Тимофеевич Рокотов (1927–1961) из се-

---

⁹⁹⁸ В конце 1950-х гг. на «черной бирже» Москвы американский доллар котировался, разумеется, не по официальному курсу – один к четырем, а один к сорока – шестидесяти рублям. Да и после хрущёвской «укрепляющей деноминации» рубля его нелегальная цена в долларах была в 2–3 раза ниже официальной.

⁹⁹⁹ Правда. 1961. 21 июля.

мьи советской творческой интеллигенции. О его отце, Тимофее Адольфовиче Рокотове (1895–1945), известно только то, что в 1938–1939 гг. тот исполнял обязанности ответственного редактора журнала «Интернациональная литература» (был закрыт в 1943 году). Хотя Ян имел то ли среднее, то ли семилетнее школьное образование (данные разнятся), однако в зрелые годы он уверял друзей, что чуть ли не закончил юридический факультет МГУ.

Оформляя еще юношей первый паспорт, он, учитывая, видимо, этническое происхождение матери, попросил записать его украинцем. Оказавшись после войны без присмотра со стороны отца и совершив мелкое правонарушение, Ян получил трехлетний лагерный срок по уголовной статье, а потом еще и восьмилетний, но уже по политической (58-й).

Выйдя после смерти Сталина на свободу, он попытался при-торговывать книгами, однако, оставив вскоре этот бизнес из-за малой прибыльности, переключился на нелегальные сделки с валютой. Произошло это в 1957 году, после московского Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который знаменовал собой некоторое преодоление сталинской политики герметичной изоляции советского общества от внешнего мира. И пусть произошедшее потом расширение международных контактов СССР было незначительным и они продолжали осуществляться исключительно в рамках официальных мероприятий и межгосударственного политико-экономического и культурного сотрудничества, тем не менее, благодаря образовавшейся в «железном занавесе» «трещине» приток иностранцев (туристов, деловых людей, студентов и военных из развивающихся стран) в Москву, Ленинград, другие крупные города европейской части Советского Союза увеличился, что обеспечило стабильный приток в страну зарубежной валюты и других ценностей.

Это вдруг возникшее предложение капиталов извне, которое сулило быстрое и относительно легкое обогащение, открыло новую захватывающую жизненную перспективу перед такими людьми, как Рокотов, и послужило отправным пунктом возрождения в СССР «черной» валютной биржи, ликвидированной в период крушения нэпа¹⁰⁰⁰.

---

¹⁰⁰⁰ Однако несмотря на ликвидацию в начале 1930-х гг. в СССР «черной биржи» и развернувшееся интенсивное изъятие властями золота и других ценностей у населения, ограниченный нелегальный валютный обмен все же продолжал существовать. Более того, к началу 1940-х гг. в результате включения в состав советского государства восточных провинций Польши, Румынии, а также стран Прибалтики этот обмен даже заметно активизировался. Дело в том, что тамошнее материально благополучное

Благодаря раскрывшемуся в Рокотове таланту дельца он к началу 1960-х гг. занимал самую верхнюю ступень в иерархии «чернорыночных» деятелей. Став советским подпольным миллионером и получив кличку «Ян Косой» (по врожденному косоглазию), он входил в элитный разряд так называемых кушцов. Стараясь не привлекать к себе внимания властей, Рокотов обычно лично не участвовал в валютных сделках, однако иногда выходил из тени, когда предоставлялась возможность сорвать крупный куш. Например, он непосредственно контактировал с обучавшимися в московских военных академиях арабскими офицерами (поставляли ему большие партии царских «империалов» и «полуимпериалов», английских золотых «джорджиков» – отчеканенных фунтов стерлингов), а также с американскими дипломатами, которым по «выгодному» рублевому курсу обменивал доллары. Рокотов лично вел дела и с «королями» черных рынков Прибалтики и Грузии.

В высший слой «валютчиков» входил и молодой В.П. Файбишенко (1936–1961), имевший, тем не менее, существенно меньший «финансовый рейтинг», чем Рокотов. Да и КГБ инкриминировал ему нелегальный валютный оборот лишь в 1 млн. дореформенных рублей¹⁰⁰¹. Еврей по происхождению, он, закончив Московский энергетический институт, тоже решил попытать счастья на ниве рискованного, но быстрого обогащения. В приятельском кругу его называли «Владиком», однако он предпочитал, чтобы его именовали на западный «шикарный» манер «Буонаротти».

Еще одной акулой черного рынка слыл русский по национальности Д.Д. Яковлев (1927–1961), который родился в еще буржуазной Прибалтике. Он происходил из интеллигентной зажиточной семьи и был, не в пример основной массе «валютчиков»,

---

население располагало немалыми ценностями, которые по преимуществу использовались им для приобретения товаров первой необходимости (продуктов питания и пр.). Те немногочисленные счастливицы из числа польских и других восточноевропейских евреев, которые смогли в ходе начавшейся вскоре Великой Отечественной войны эвакуироваться на восток, там также выживали благодаря старым капиталам. Впрочем, кое-кто из них осуществлял и целенаправленную скупку универсальных ценностей, главным образом на случай выезда за границу. Именно таких людей имел в виду нарком внутренних дел Берия, когда 4 мая 1944 г. докладывал Сталину об аресте в Ташкенте «спекулянтов-валютчиков, бывших раввинов И.И. Сандлера и Полищука, и группы расхитителей государственной собственности, скупавших золото и валюту» (ГА РФ. Ф. Р-9401с/ч. Оп. 2. Д. 65. Л. 17). Это событие, несомненно, являлось своего рода прелюдией к описанному выше «трикотажному делу» в Киргизии.

¹⁰⁰¹ Правда. 1961. 21 июля.

достаточно образован: владел тремя иностранными языками и на момент ареста являлся аспирантом Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Дело Яковлева, видимо, не случайно выделили в отдельное производство. Учитывая его незаурядный личностный потенциал и обширные связи, установленные в ходе валютных сделок с иностранцами, руководство КГБ, скорей всего, намеревалось заполучить в его лице ценного агента. Шелепин даже пытался сохранить «Антиквару» — «Дим Димычу» (оперативный псевдоним и кличка Яковлева) жизнь. Однако потерпел фиаско. Хрущёв, жаждавший крови «воротил черной биржи», настоял на том, чтобы вынесенный этому «валютчику» смертный приговор был приведен в исполнение.

Рангом ниже «купцов» были «посредники»¹⁰⁰², скупавшие валюту у так называемых фарцовщиков¹⁰⁰³ («бегунков»). А те, в свою очередь, на улице или в гостиницах производили мелкую скупку валюты у иностранцев.

Обороты столичной черной биржи росли не сами по себе, а во многом благодаря негласному коррупционному покровительству со стороны органов внутренних дел, официально надзиравших за нелегальной частнопредпринимательской деятельностью. Те же Рокотов и Яковлев несколько лет числились тайными осведомителями УБХСС ГУВД г. Москвы. После ареста они показали, что давали взятки руководителю этого управления Юсупову, которого в результате отправили в отставку.

Подобные факты морального разложения верхушки милицкого ведомства, о которых конкурировавший с ним КГБ наверняка информировал Хрущёва, подвигли того к ликвидации Министерства внутренних дел СССР. Произошло это в январе 1960 года, а в мае оставшуюся «бесхозной» функцию контроля над золото-валютным оборотом передали в компетенцию службы госбезопасности. Так в составе 2 главного (контрразведывательного) управления КГБ при СМ СССР появился 16 отдел (по борьбе с контрабандой и обеспечению законности валютных операций). Его начальником назначили С.М. Федосеева (1915–1998), опытного профессионала, возглавлявшего в годы войны в Московском УНКГБ отдел по борьбе с нацистской разведкой.

Не догадываясь, что их деятельность теперь отслеживается на Лубянке, Рокотов и другие «купцы» продолжали действовать

---

¹⁰⁰² Одной из таких «посредниц» была Надежда Эдлис, которая вместе с мужем С.К. Поповым добывала для Рокотова золотые турецкие лиры.

¹⁰⁰³ Фарцовщик — от первоначального «форсельщик», производного, в свою очередь, от вопроса на английском, задававшегося обычно «бегунками» иностранцам: «Have you anything for sale?» («Вы что-нибудь продаете?»).

с прежним размахом. К концу осени 1960 года Федосеев и его подчиненные имели уже полное представление об основных участниках столичного теневого валютного бизнеса, об их внутрисоюзных и зарубежных связях. Ввиду того, что эти «объекты наблюдения» располагали связями во влиятельных номенклатурных и дипломатических кругах, их решено было «брать», что называется, наверняка, обязательно с поличным. Первым задержали Файбишенко, который был полностью изобличен в результате случайного обнаружения его тайника с валютой. Однако поскольку тот не спешил делиться со следствием компроматом на Рокотова и других партнеров по валютному бизнесу, их за отсутствием веских доказательств вины пока не трогали, и оперативники продолжали заниматься в основном негласным наблюдением.

Однако в первых числах декабря 1960 года разработка дела резко интенсифицировалась. Причиной тому стала состоявшаяся 30 ноября поездка Хрущёва в Восточную Германию. Посещая Западный Берлин, советский лидер, оседлав своего любимого конька пропагандистского резонерства, начал сетовать на то, что «под крылышком оккупационных властей (англо-американских. – Г.К.) город превратился в грязное болото спекуляции и черная биржа здесь правит бал». На что один из западноберлинских политиков язвительно парировал: «Такой черной биржи, как ваша – московская, не сыскать во всем мире...»¹⁰⁰⁴.

Эта ехидная фраза так проняла Хрущёва, что, прибыв в Москву, он уже в аэропорту потребовал от встречавшего его председателя КГБ Шелепина срочно доложить о положении дел в сфере борьбы с незаконным валютным оборотом. После этого органы госбезопасности прибегли к жесткой, почти открытой слежке в отношении Рокотова и других оставшихся на свободе «валютчиков», чем ввергли их в панику и понудили к экстренному и потому неконспиративному извлечению из тайных укрытий накопленных капиталов. Однако пуститься вместе с ними в бега им так и не удалось: все они в считанные дни были арестованы с поличным. Доложив высшим властям об успешном завершении операции, руководство КГБ не только подготовило обстоятельную справку к специальному заседанию Президиума ЦК КПСС, но и в одном из залов Кремля организовало для «руководителей партии и правительства» выставку предметов и ценностей, изъятых у «валютчиков» и контрабандистов. 31 декабря 1960 г. Шелепин ознакомил с ней Хрущёва и других членов Президиума ЦК¹⁰⁰⁵.

---

¹⁰⁰⁴ Федосеев С.М. Дубинка крутых репрессий. Как Хрущёв с «валютчиками» боролся // Совершенно секретно. 1994. № 12. С. 22.

¹⁰⁰⁵ Там же.

Поскольку с 1 января 1961 г. в РСФСР и других советских союзных республиках в силу вступили новые уголовные кодексы, срок лишения свободы за спекуляцию валютой увеличился с трех до восьми лет. Казалось, что это ужесточение наказания не должно было сказаться на дальнейшей судьбе Рокотова и его подельников. Ведь они были арестованы раньше данного изменения законодательства, да и советское уголовное право не отвергало классическую юридическую норму о том, что закон обратной силы не имеет¹⁰⁰⁶. Тем не менее власти предпочли действовать отнюдь не по закону, а исходя из политической целесообразности, которую Хрущёв, сыгравший в «деле Рокотова» решающую роль, видел в максимально немилосердной расправе над «главарями валютчиков», долженствующей стать и своего рода устрашающим меседжем для все более коррумпированной бюрократии, и популистским жестом для «масс», чьи симпатии вернее всего было заслужить «крутой разборкой» с «жирными котами».

Вольно или невольно подражая при этом Сталину, Хрущёв очевидно горел желанием «встряхнуть» советское общество, явив ему нечто в духе показательных процессов 1930-х гг. Оказывая беспрецедентное за все время своего правления давление на руководителей юстиции, он обвинил их в либерализме и мягкотелости. Одновременно были приняты меры к законодательному усилению репрессий за подрыв экономической безопасности страны.

25 марта 1961 г. Президиум Верховного Совета СССР нарастил предельный срок лишения свободы за крупные в виде промысла незаконные операции с валютой, а также контрабандную деятельность, увеличив его с восьми до пятнадцати лет, плюс конфискация всего имущества осужденных (а не как прежде – только валютных ценностей и ценных бумаг).

На основании этого указа Мосгорсуд и рассмотрел в открытом заседании, проходившем с 31 мая по 15 июня 1961 г., дело по обвинению Рокотова, Файбишенко, Эдлис и др., приговорив этих трех к максимальному, 15-летнему сроку лишения свободы каждого. Для остальных осужденных наказание составило от 6 до 8 лет исправительной колонии.

---

¹⁰⁰⁶ В данном конкретном случае это принципиальное положение означало то, что избрание меры наказания за преступные деяния должно было проводиться только на основании тех законов, которые действовали на момент их совершения, но никак не в соответствии с изданными постфактум более жесткими нормативными актами. (УК РСФСР. Ст. 6. – М.: Юридическая литература, 1970. С. 5–6.)

Вроде бы столь строгое, сколь и незаконное наказание Рокотова и его подельников должно было умиротворить Хрущёва, однако ему, ожидавшему освященных законом человеческих жертвоприношений, приговор Мосгорсуда показался чрезмерно мягким и потому вызвал приступ яростного неистовства. Негодование так сильно распирало Хрущёва, что для дачи объяснений он приказал вызвать на ближайшее заседание Президиума ЦК КПСС Генерального прокурора СССР Руденко и председателя Верховного суда СССР А.Ф. Горкина (1897–1988).

Собрав 17.июня 1961 г. этот партийный синклит, его глава возмущенно поведал своему окружению: «Я вчера (16 июня 1961 г. – Г.К.) читал в газете («Правде». – Г.К.) [сообщение] «Из зала суда». Я возмущен, как это можно: дали 15 лет, через 5 лет он (видимо, Рокотов. – Г.К.) будет на свободе»¹⁰⁰⁷.

Затем между Хрущёвым и Руденко состоялся следующий диалог:

«**[Хрущёв]**. Товарищ прокурор. Вы что, будете свою политику проводить или будете слушать ЦК?

Руденко. Мы вносили по вопросу валютчиков специальный проект, не утвердили, установили максимум 15 лет, без смертной казни...

Хрущёв. Да пошли вы к чертовой матери, простите за грубость. Народу стыдно в глаза смотреть, народ возмущается. Грабители грабят, а вы законы им пишете. ... Ишь какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никогда не расстреливают... Хотите, я общественным обвинителем выступлю с требованием расстрела, не боюсь, а вы боитесь. Я думал, расстреляют этих мерзавцев, читаю – 15 лет. Так вы же поощряете других. ...Как это, товарищи, мы в советском государстве не можем этих жуликов унять. ...

Руденко. Как бы вы меня ни ругали, но если закон не установил смертной казни, мы не можем ее применить. Вопрос о валютчиках обсуждался в Президиуме [ЦК КПСС], применять ли смертную казнь или не применять. Было принято [во внимание], что за историю Советской власти никогда не было таких случаев, поэтому не вводить. ...

Хрущёв. Значит, либералы мы. Я не знал этого. ... Я считаю, Президиум [ЦК КПСС] побоялся проявить мужество, слиберальничал. Это не годится, это не повышает, а понижает наш авторитет. Да, я выступал, что жестоко. А теперь разве это жестокость? Человек (Рокотов? – Г.К.) разложился, ничем не занимался, с малых

¹⁰⁰⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 525.

лет начал спекулировать. Ему только одно место – в гробу. Вы его оставили. 15 лет его надо кормить, иметь отдельную камеру, держать солдат для охраны... У крестьян есть поговорка – «худая трава с поля вон». Пересмотрите. ... Сталин в этих вопросах правильную занимал позицию. Он перегибал палку, но преступников мы никогда не щадили. Бить по врагам надо беспощадно и метко. ... Пусть печать выступит и разделает приговор суда, что народ возмущается.

Руденко. Не надо этого делать, потому что лучше по существующим законам...

Хрущёв. У меня есть старый приятель, вместе на Донбассе работали. Он меня спросил, почему не расстреливаете этих варваров? Ты думаешь, народ будет осуждать, ты боишься запачкать руки в крови? Нет, народ этого ждет, требует, вот пусть расстреляют. ...Надо поручить Секретариату: воспользоваться пленумом, записку раздать и поговорить с секретарями, чтобы поднять гнев. ...Надо перешерстить к чертовой матери МВД, милицию, выгнать жуликов, послать свежих людей с тем, чтобы независимо от того, кто руководит... они обслуживали наше государство, а не уголовный мир»¹⁰⁰⁸.

Вскоре Хрущёв, как и намеревался, в полной мере воспользовался пленумом ЦК для продавливания своей жесткой линии в отношении «валютчиков». На этом открывшемся 19 июня партийном форуме он зачитал несколько явно инспирированных властями коллективных писем рабочих, требовавших, пересмотрев «мягкий» приговор по «делу валютчиков», расстрелять «главарей преступной шайки», дабы те «не поганили репутации честных советских людей». Не успокоившись на этом, Хрущёв, прибыв спустя несколько дней в Алма-Ату, снова публично излил свое недовольство «неоправданным гуманизмом», проявленным судь-

---

¹⁰⁰⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. С. 525–529.

Столь пространная цитация официальной стенограммы заседания Президиума ЦК от 17 июня 1961 г. сделана помимо прочего и для того, чтобы документально опровергнуть появившиеся тогда в еврейской среде упорные слухи об исключительно антисемитской мотивации требования Хрущёва расстрелять Рокотова и Файбишенко. Один из подобных домыслов приведен в книге Е. Эвельсон: «В кулуарах говорили, что Хрущёв имел с генеральным прокурором Руденко “откровенный разговор”: “Никакой пощады жидам! Какой еще там закон, чтобы им сохранять жизнь?! Законы пишем мы! А жидов надо стрелять!”» (Эвельсон Е. Указ. соч. С. 274). Вряд ли стоит доказывать по меньшей мере спорность этого ничем конкретным не подтвержденного эмоционального текста. Да и сомнительно то, что глава КПСС – даже такой малокультурный, как Хрущёв, – посмел публично высказываться в столь погромно-вульгарном стиле.

ями-«либералами» в отношении «бандитов». «Да за такие приговоры самих судей судить надо», – угрожающе произнес советский лидер, выступая на городском митинге¹⁰⁰⁹.

На волне этой социальной истерии 1 июля 1961 г. появился указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях», предписывавший «допустить применение смертной казни – расстрела за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а равно нарушение правил о валютных операциях лицом, ранее осужденным за такие преступления»¹⁰¹⁰.

Уже 3 июля Руденко внес в Верховный суд РСФСР кассационный протест на приговор Мосгорсуда от 15 июня 1961 г. в отношении Рокотова и Файбишенко. В результате нового процесса, состоявшегося 18–19 июля, Верховный суд РСФСР приговорил этих обоих к смертной казни с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества¹⁰¹¹. А 28 июля в газетах появилась информация о приведении приговора в исполнение.

Всего в 1960–1966 гг. за незаконные валютные операции были, по данным КГБ, привлечены к уголовной ответственности 1061 человек¹⁰¹². Если принять в расчет эту цифру и приведенные Эвельсон сведения о том, что за 1961–1967 гг. были осуждены за то же самое 497 евреев¹⁰¹³, то получится, что их доля среди «валютчиков», подвергшихся в этот период уголовному преследованию, составляет почти 50%. Поскольку этот показатель представляется более чем приблизительным, он, конечно, должен быть уточнен после рассекречивания архивов госбезопасности.

В поощрение за разгром «черных бирж» в Москве и других крупных городах страны (после чего те долго не могли оправиться) начальника 2 Главного управления КГБ О.М. Грибанова (1915–1992) произвели в генерал-лейтенанты. Его подчиненного Федосеева, непосредственно руководившего оперативной разработкой «дела валютчиков», в сентябре 1961 года назначили начальником Первого отдела, занимавшегося борьбой с агентурой разведки США и потому важнейшего во 2 ГУ. Начальник следственного отдела КГБ Н.Ф. Чистяков (руководил предварительным следствием по «делу Рокотова» и описал его в документальных мему-

---

¹⁰⁰⁹ Федосеев С.М. Дубинка крутых репрессий... // Совершенно секретно. 1994. № 12. С. 23.

¹⁰¹⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. 6 июля. № 27(1062).

¹⁰¹¹ Правда. 1961. 21 июля.

¹⁰¹² Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. С. 328.

¹⁰¹³ Эвельсон Е. Указ. соч. С. 308.

арах спустя восемнадцать лет¹⁰¹⁴) получил погоны генерал-лейтенанта юстиции и был назначен в 1964 году председателем военной коллегии Верховного Суда СССР. Напротив, председатель Мосгорсуда Л.А. Громов был смещен со своего поста за «проявленный либерализм» на процессе по «делу Рокотова».

«Выкорчевка спекуляции» в иудейских общинах

Анализ резонансных показательных процессов, устроенных властями в начале 1960-х гг. против «валютчиков» и «цеховиков» в Москве и Киргизии, свидетельствует, что в основе этих и им подобных репрессивных акций лежала не столько официальная юдофобия, сколько донкихотская борьба Хрущёва с «ветряными мельницами» коррупции, перемалывавшими исподволь в труху несущие конструкции советского государства. Тем не менее, антисемитизм властей все же сыграл заметную роль в ходе аналогичных «экономических дел», возникших в таких регионах Советского Союза, как Украина, где этот фактор был силен, что называется, исторически.

Показательно, что из 163 евреев, расстрелянных в начале 1960-х гг. в СССР за экономические преступления (эти данные, основанные не на документах, а на устных свидетельствах, представляются приблизительным и неточными¹⁰¹⁵), 80 казнили на Украине (почти 50%)¹⁰¹⁶. Думается, столь масштабный репрессивный пароксизм смог захватить эту республику потому, что «выкорчевывание» в ней «частнособственнических пережитков» сергически соединилось с, наверное, самой активной в пределах Советского Союза борьбой местных властей с «религиозными предрассудками»¹⁰¹⁷. Произошедшее в результате этой «интерференции» усиление антииудаистской пропаганды (об этом выше) не могло не спровоцировать всплеск антисемитизма.

Правда, официальный зажим иудаизма на Украине был отчасти обусловлен и тем, что в республике, особенно в ее западных

---

¹⁰¹⁴ Чистяков Н.Ф. По закону и совести. – М.: Воениздат, 1979.

¹⁰¹⁵ По сообщению ЕТА (Нью-Йорк) от 15 сентября 1963 г., с июля 1961-го по июль 1963 г. за «экономические преступления» в СССР были казнены 140 чел., в том числе 80 евреев. (Шапиро Л. Указ. соч. С. 381.) В некоторых изданиях упоминается 161 расстрелянный еврей. (КЕЭ. Т. 8. С. 261.)

¹⁰¹⁶ Эвельсон Е. Указ. соч. С. 343–346.

¹⁰¹⁷ Украинские власти пошли даже на закрытие в 1963 году Киево-Печерской лавры – одного из старейших православных монастырей на территории СССР.

областях (где еврейские религиозные общества были особенно многочисленными и богатыми), чаще, чем где бы то ни было еще на территории СССР, отмечалась спайка вынужденно терпимого властями синагогального «частного предпринимательства» – оказание платных ритуальных услуг по обрядам обрезания, похорон, свадеб, торговля этрогами (цитронами), мацой, молевыми местами, кашерование мяса птицы и скота, сбор частных пожертвований и т.п. – с перепродажей золота и валюты, ставшей при Хрущёве тяжким криминалом.

Симптоматично, что в 1960-х гг. главный город Западной Украины Львов обогнал столицу республики по количеству евреев, осужденных и казненных за «экономические преступления»¹⁰¹⁸. В 1962–1964 гг. в этом городе была предпринята массивная репрессивная «зачистка», направленная против незаконного бизнеса и связанной с ним напрямую коррупции в номенклатурно-управленческой сфере. Наиболее громкими стали те состоявшиеся во Львове судебные процессы, которые были связаны с арестами на следующих городских предприятиях и в учреждениях: трикотажная фабрика «30 лет Октября», завод синтетического волокна, комбинат глухонемых, психоневрологические диспансер и больница № 1, областное управление местной промышленности и др.

Как бы апофеозом этих судебных разбирательств стал процесс по делу Львовского облсовнархоза. На нем выяснилось, что именно это руководившее экономикой города и области государственное учреждение и являлось главным источником коррупции. Председатель облсовнархоза С. Локоть (украинец) создал такую преступную систему управления, при которой, как выяснилось в ходе следствия, «ни одно предприятие области не могло работать, получать сырье и оборудование, не давая взятки»¹⁰¹⁹. Этот высокопоставленный чиновник был осужден на 13 лет лишения свободы, притом что на два года больше получил его подчиненный Д. Рабинович, возглавлявший управление легкой промышленности облсовнархоза. Этот факт не преминула использовать упомянутая израильская исследовательница Эвельсон, интерпретировавшая его как еще одно доказательство своей версии о приоритете антисемитской составляющей в инспирировании хрущёвским режимом «экономических процессов». Однако она никак не прокомментировала то немаловажное обстоятельство, что для других евреев, проходивших по «делу Львовского облсовнархоза»,

---

¹⁰¹⁸ В 1961–1967 гг. за «экономические преступления» в Киеве были осуждены 129 евреев, из которых 9 расстреляли. Тогда как во Львове эти показатели составили соответственно 132 и 32 чел. (Эвельсон Е. Указ. соч. С. 313.)

¹⁰¹⁹ Эвельсон Е. Указ. соч. С. 149–150.

были определены более мягкие наказания, чем, скажем, для того же Локтя или начальника управления фондов сырья П. Бойко.

Такая избирательность и тенденциозность в осмыслении фактов, свидетельствовавших в действительности о второстепенности фактора антисемитизма во всем этом деле, не помешала, тем не менее, Эвельсон признать очевидное: «Львовская судебная эпопея начала шестидесятых годов... обнажает сращивание партийно-правительственной бюрократии с беззаконным *левым* (курсив Эвельсон. – Г.К.) производством, ее корыстную заинтересованность в нем»¹⁰²⁰.

Именно этот социальный момент (а не «притянутый за уши» этнонациональный мотив), главным образом, и спровоцировал Хрущёва, мечтавшего ради торжества коммунизма ликвидировать «частника» как класс, на жесткие силовые акции против теневых предпринимателей («цеховиков» и «валютчиков»), считавшихся ударной силой коррупционного разложения аппарата власти.

* * *

Осмысление доступных ныне сведений по репрессиям, принятым в годы правления Хрущёва в отношении так называемых трикотажников, валютчиков, расхитителей, взяточников и других советских граждан, обвинявшихся в «экономических» преступлениях, позволяет сделать следующий вывод: утвердившаяся в историографии некоторых зарубежных стран (особенно Израиля) версия о том, что этнический или, точнее, антисемитский фактор был главным провоцирующим моментом в этих преследованиях, не имеет под собой сколько-нибудь веского фактического основания. Даже использование приверженцами этой версии того кажущегося на первый взгляд убедительным аргумента, что по «экономическим делам» было осуждено и расстреляно большое количество евреев, не убеждает в их правоте, ибо при этом не приводится очень важная для обеспечения объективного анализа статистика об общем количестве людей, обвинявшихся по тем же статьям уголовного кодекса. В подобных исследованиях отсутствуют, как правило, и данные о доле евреев в общей численности кооператоров (в 1940–1950-е гг.), а также аналогичные сведения по бухгалтерам, снабженцам и служащим других профессий, являвшимся тогда по преимуществу потенциальными фигурантами «экономических дел».

---

¹⁰²⁰ Эвельсон Э. Указ. соч. С. 150, 151, 175.

Конечно, в репрессиях властей против тех, кого она обвиняла в подрыве народнохозяйственной стабильности советского государства, присутствовала в какой-то мере и антисемитская мотивация (прежде всего на Украине). Но решающую роль все-таки играли такие общие социальные побудительные моменты, как стремление сдержать все более прогрессирующее коррупционное разложение номенклатурного аппарата и навеянная хрущёвским «коммунистическим проектом» борьба с «пережитками частнособственнической психологии в сознании людей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произошедшая в 1953 году замена единоличной диктатуры Сталина олигархическим правлением «коллективного руководства партии» в целом позитивно сказалась на дальнейшем развитии страны. Благодаря заметному снижению уровня нагнетавшегося сверху страха и некоторому разряжению социальной атмосферы несвободы определенный импульс получило развитие производительных и творческих сил общества.

Однако избавившись от репрессивных крайностей, режим власти остался в основе своей таким же антидемократическим и доминировавшим над обществом, как прежде. Правящая бюрократия по-прежнему представляла собой закрытую управленческую корпорацию, предпочитавшую «рулить» страной без реального участия общества, что порождало, с одной стороны, коррупцию, цинизм, апатию, пьянство и социальный эскапизм («стиляжничество»), а с другой, – стихийный молодежный протест («дело Краснопевцева» и т.п.).

Предпринятое Хрущёвым развенчание «культы личности» носило дозированный, непоследовательный и противоречивый характер. Да и саму эту кампанию он инициировал, во-первых, преимущественно ради того, чтобы застраховать номенклатуру от повторения прежнего «беспредела» госбезопасности, во-вторых, дабы дискредитировать и добиться низвержения своих политических конкурентов, заклеянных им как «антипартийная группа», и только в-третьих, чтобы повысить уровень благосостояния рядовых граждан, несколько расширив их социальные (не политические!) права, причем последнее – в пределах минимума, необходимого для «укрепления морально-политического единства» советского народа.

И все же начавшаяся «оттепель» позволила более или менее самостоятельно мыслившей творческой интеллигенции, еще недавно жестко придавленной прессом перманентных идеологических проработок и «чисток», перевести дух и обрести робкую надежду на лучшее будущее.

Возникший в обществе оптимистический настрой способствовал повышению его творческого потенциала, необходимого для создания новых талантливых произведений в области литературы и искусства. Однако либерально настроенная интеллигенция не долго пребывала в плену радужных иллюзий. Горькое разочарование она испытала сразу, как только попыталась донести до публики плоды своих вдохновленных «оттепелью» трудов. Тогда она убедилась в том, что идеологическая цензура партии хоть и не свирепствует уже, как в сталинские годы, но остается такой же «непробиваемой» для всего, в чем усматривалась претензия на свободу творчества.

Это стало особенно очевидным, когда власть, напуганная социально-политическим обострением в Польше и Венгрии (так называемый «венгерский синдром»), вновь стала с конца 1956 года натягивать ослабленные, было, административные вожжи и ужесточать цензурный контроль.

Вот почему либеральная интеллигенция, которая поначалу с энтузиазмом восприняла официальные декларации о восстановлении «социалистической законности», потом все более скептически относилась к подобной риторике, призванной камуфлировать продолжавшееся (пусть и в меньших масштабах) попрание государством гражданских прав и свобод.

По этой причине в среде демократически настроенной творческой элиты произошло разочарование в Хрущёве, которого та первоначально (после XX съезда) воспринимала как новоявленного «царя-освободителя». Окончательное охлаждение к нему в этом слое произошло после XXII съезда КПСС, на котором тот хоть и инициировал второй этап десталинизации, но так и не решился на сколько-нибудь основательное реформирование страны, подменив его тупиковым «коммунистическим проектом» – утопией, обернувшейся потом социальным застоём.

Попытка либеральной интеллигенции стимулировать власть к основательному демократическому обновлению страны вызвала лишь раздражение в верхах, предпринявших в ответ серию показательных словесных порок наиболее «отбившихся от рук партии фрондеров». На этих организованных в «воспитательных целях» встречах руководства КПСС с работниками литературы и искусства Хрущёв постарался в полной мере продемонстрировать номенклатурному слою свою корпоративную преданность, в том числе и посредством риторики с элементами антисемитизма. Даже такой тяготевший к сталинизму высокопоставленный чиновник, как первый секретарь МГК КПСС Егорычев, впоследствии утверждал, что эти встречи прошли «постыдно плохо, а сам

Хрущёв основательно подорвал свой авторитет среди творческой интеллигенции»¹⁰²¹.

По сути, Хрущёв оказался заложником межеумочной «застойной» позиции – «ни сталинизма, ни демократизации». Это окончательно «развело» власть с социально активной интеллигенцией, причем не только с либеральной, но и неопочвеннической. Приверженцы обоих этих направлений начали постепенно отмежевываться от бесплодной официальной идеологии, все более обособляясь в собственных идеологических катакомбах. С противоположных позиций они принялись подспудно оппонировать власти, которая, оказавшись на идеологической обочине, способна была реагировать на подобные «вольности» разве что по примитивному охранительному принципу «тащить и не пущать».

Такой же ригидной и в конечном счете порочной была и официальная «еврейская политика». Думается, глубокую юдофобскую зарубку в душе Хрущёва оставило то, что в 1947 году он был обвинен Сталиным в потворстве украинским буржуазным националистам и заменен Кагановичем на посту первого секретаря ЦК КП(б) Украины. Как представляется, именно вследствие приобретенного тогда психологического синдрома Хрущёв так яростно выступил в 1956 году против Бермана, Ракоши и других евреев-«сталинистов» в руководстве Польши и Венгрии. Между тем первопричина социальных потрясений, возникших тогда в этих странах, крылась в геополитически ошибочной советизации, проведенной в них Сталиным после войны.

Устранив наиболее скандальные последствия сталинского антисемитизма (реабилитация «врачей-вредителей» и негласное снятие обвинений с расстрелянных деятелей ЕАК), власти вплоть до 1956 года практически ничего не сделали для восстановления уничтоженной Сталиным еврейской культуры. В своем знаменитом «антикультурном» докладе на XX съезде КПСС Хрущёв ни словом не обмолвился ни о послевоенной жестокой расправе с деятелями еврейской культуры, ни о нагнетавшемся Сталиным «кадровом» антисемитизме.

Впрочем, печать негласного запрета, наложенная в СССР на обсуждение этой чрезвычайно болезненной для советского руководства проблемы, была легко нарушена западными спецслужбами (главным образом израильскими), что способствовало международной дискредитации хрущёвского режима, особенно в глазах симпатизировавшей Москве западной леволиберальной общественности. Только под воздействием скандала, разразившегося

---

¹⁰²¹ После XX съезда... Интервью с Н.Г. Егорычевым / О.Б. Небогин // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 103.

на Западе в связи с бедственным положением в СССР еврейской культуры, хрущёвский режим с большим скрипом стал ее восстанавливать, причем по самому минималистскому варианту. Достаточно сказать, что официальное добро на издание единственного в своем роде журнала «Советиш Геймланд» было дано только в 1961 году, да и то накануне XXII съезда партии (дабы «умиротворить» приглашенных представителей западных компартий).

Такое сопротивление режима полноценному возрождению пострадавшей национальной культуры было обусловлено тем, что аппаратный антисемитизм не умер вместе со Сталиным, а мутировав в более «мягкую» разновидность, так или иначе продолжал существовать. Все это Хрущёв отлично осознавал и потому, стремясь расположить к себе номенклатуру, пытался играть на ее антиеврейском комплексе. На одной из встреч с творческой интеллигенцией он, явно оправдывая послевоенные рестрикции в отношении евреев, публично поведал фальшивую историю о «предателе Когане», якобы служившем переводчиком при штабе Ф. Паулюса.

Однако объективности ради необходимо отметить, что Хрущёв, в отличие от его предшественника Сталина и преемника Брежнева, хотя бы попытался – пусть и неудачно – вести с творческой элитой некий камерный диалог по проблеме антисемитизма.

Если у Сталина антисемитизм парадоксальным образом носил рационально-параноический характер (воспринимал евреев-националистов как «пятую колонну» Запада), то у Хрущёва – плебейско-эмоциональный, зиждившийся на антиинтеллектуализме этой личности, бравировавшей своим сермяжно-пролетарским демократизмом и грубоватым «колхозным» юмором. Его недоверие к евреям имело вульгарно-бытовую основу и строилось на преимущественном восприятии их как фетишистов материально-го благополучия и носителей «буржуазного разложения».

В этой связи отнюдь не случайной выглядит репрессивная атака, предпринятая в начале 1960-х гг. против «расхитителей социалистической собственности», «спекулянтов», «цеховиков» и «валютчиков». Поскольку среди этих «криминальных элементов» было немало евреев, не исключено, что именно это обстоятельство, усугубив скрытый юдофобский комплекс Хрущёва, в какой-то мере и подтолкнуло его к ужесточению наказаний за «экономические преступления». При том что главным провоцирующим фактором был тут, несомненно, мотив защиты системы от угрозы частнособственнического перерождения и энтропийного воздействия коррупции. Как стало очевидным к началу 1990-х гг., в недрах феодального советского социализма (главным образом,

в питательном бульоне теневой экономики) происходил процесс подспудного формирования его могильщика – класса капитализированной бюрократии.

Впрочем, такая метаморфоза советской системы была закономерной и неизбежной. Жизнь как бы сама подсказывала Хрущёву, какие преобразования назрели и необходимы для дальнейшего развития страны. Скажем, спонтанное разрастание подпольного трикотажного бизнеса и активизация «черной биржи» служили индикаторами потребности отечественной экономики в рыночных реформах и либерализации международного валютного обмена (с вхождением страны в глобальную финансовую систему). Однако заскорузлая советская система однозначно игнорировала все эти вызовы, отвечая на них главным образом усилением репрессий и нагнетанием пропагандистской демагогии (лозунг «Догнать и перегнать Америку!» и т.п.).

Правда, осенью 1962 года в центральной прессе появилась знаменательная статья профессора Харьковского инженерно-экономического института Е.Г. Либермана (1897–1981) «План, прибыль, премия»¹⁰²², после которой возник общественный дискурс по проблеме модернизации экономики. По утверждению Аджубей, с проектом реформы этого ученого (в виде обстоятельной записки) ознакомился и Хрущёв¹⁰²³. Однако этот фанатичный «антирыночник» не дал хода идеям Либермана, даже несмотря на то, что в их поддержку выступили известные ученые-экономисты Л.В. Канторович, В.С. Немчинов, В.В. Новожилов. Только с приходом к власти Брежнева в верхах по этому поводу началось какое-то «шевеление» и возникла «косыгинская реформа», которая, впрочем, очень быстро сошла на нет.

Между тем, по-своему социалистический Израиль (там доминировали государственная собственность в экономике и официальная идеология – в политике) мог послужить для Хрущёва живым примером поступательного национального развития. Но этого не произошло, поскольку советский лидер был куда большим догматиком, чем «компаративистом».

Будучи частью более эффективной западной политико-экономической системы, Израиль остро нуждался в человеческих ресурсах. Именно по причине этого дефицита он и вступил с хрущёвским руководством в соперничество за влияние на советских евреев. Настойчиво добываясь их массовой «репатриации», это небольшое ближневосточное государство использовало тактику

---

¹⁰²² Правда. 1962. 9 сентября.

¹⁰²³ Аджубей А.И. Те десять лет. С. 304.

назойливого овода, бесстрашно жалящего крупных теплокровных животных, дабы использовать их подкожное пространство как инкубатор для своего потомства. Наступательная тактика позволила Израилю (пусть и с большим трудом) преодолеть почти герметическую закрытость СССР от внешнего мира и заронить в сознание советского еврейства семена сионизма. Буйные «всходы» от них «взошли» уже при Брежневе, когда возникло массовое еврейское движение за выезд из Советского Союза. Успеху Израиля в данном случае способствовало и то, что вследствие сталинских утеснений советское еврейство оказалось пораженным стойким синдромом антисемитофобии (не преодолен до сих пор). Этот недуг вплоть до начала 1990-х гг. подпитывался, с одной стороны, остаточными проявлениями сталинизма в политике советских верхов и бытовой ксенофобией, а с другой – сионистской пропагандой, которая ради стимуляции «большой алии» намеренно грешила нагнетанием алармизма.

Вместо решения «еврейского вопроса» хрущёвское руководство предпочло эту чрезвычайно болезненную для него проблему «замести под ковер» парадной советской действительности. Накладывая такое табу, власти, помимо прочего, надеялись нейтрализовать негативное влияние мифа о еврейском всевластии на набиравший силу русский национализм. Между тем, развитие культуры и религии нацменьшинств само по себе никогда не служит яблоком раздора в их взаимоотношениях с национальным большинством. Зато межнациональным трениям несомненно способствуют непрозрачность власти и тайные интриги в ее коридорах, провоцирующие в населении недоверие к ней, а также различные страхи, в том числе и юдофобию. По сути, в хрущёвское время, когда верхи предпочитали «в упор» не замечать «еврейского вопроса», официальный антисемитизм переродился в асемитизм¹⁰²⁴, то есть в политику его преимущественного игнорирования.

Не лучшим образом советское руководство справлялось и с другими проблемами, существовавшими в экономике, в отношениях с интеллигенцией, других ключевых сферах жизнедеятельности общества и его социальных сегментах, деградировавших под бременем несвободы, автаркии и стагнации. В результате уже к концу 1980-х гг. Советский Союз не только потерял сотни тысяч покинувших его образованных граждан, в том числе и выдающихся интеллектуалов, деятелей культуры и ученых, но и полностью израсходовал собственный ресурс жизнеспособности, канув в историческую Лету как полностью исчерпавший себя имперский проект.

---

¹⁰²⁴ Подробно это явление рассмотрено ниже (см. приложение).

...Когда проходишь на Новодевичьем правительственном кладбище мимо созданного Эрнстом Неизвестным замечательного бело-черного памятника Хрущёву и видишь на его бронзовом лице лучезарную улыбку, то хочется верить, что в его политике позитивного в отношении евреев было все же больше, чем негативного. Впрочем, такого же мнения придерживается, как представляется, большинство из ныне живущих бывших советских евреев, считающих Хрущёва отцом «оттепели», положившей конец ужасным «черным годам» сталинизма.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Национальный «проект СССР» (историографический очерк)

«История» в СССР: в прокрустовом ложе дозволенного

Советское национально-государственное строительство исследуется в историческом плане уже много десятилетий. За это время, особенно в последние годы, успело выйти как у нас в стране, так и за рубежом немалое количество научных работ (статей и отдельных книг), в совокупности «тянущих» на довольно внушительное библиотечное собрание. Однако до сих пор эта проблематика вследствие своей политической актуальности продолжает оставаться в центре интенсивных дискуссий, даже порой острой полемики, так что до подведения итогов освоения темы еще, вероятно, далеко. Но даже «на марше» можно подводить хотя бы промежуточные итоги наработанного. И начать, думается, необходимо с того, что в этом плане было сделано в СССР.

В советскую эпоху исследования по отечественной государственности могли проводиться в нашей стране разве лишь «в свете» действовавших партийных установок. При этом любые попытки выйти за рамки идеологических табу неизменно пресекались, и временами (в правление Сталина) – чрезвычайно жестко. Тем не менее, некоторые элементы научности в методологии и результатах изысканий по национальной проблематике безусловно сохранялись, особенно на эмпирическом уровне, на стадии первичного сбора фактов, материалов и сведений, хотя основной информационный массив по теме был недоступен из-за почти тотального его засекречивания и административных рогаток.

Еще более важным был тот момент, что в силу периодических ревизий политического курса, предпринимавшихся кремлевским руководством в периоды обострения системных кризисов – при Ленине (начало 1920-х), и при Сталине (с конца 1920-х), и Хрущёве (во второй половине 1950-х), и Горбачёве (с середины 1980-х), – раздвигались сами идеологические рамки, в том числе и в подходах к изучению генезиса советской национальной государственности. Все эти «корректировки генеральной линии партии» несколько

разряжали атмосферу догматизма в гуманитарной сфере и соответственно расширяли возможности ученых-обществоведов.

Когда во времена «развитого социализма» была проведена систематизация советских исследований по национальной проблематике, упомянутые «перестроечные» вехи отнюдь не случайно легли в основу предложенной тогда периодизации: 1) с начала 1920-х – до середины 1930-х; 2) с середины 1930-х до 1956 года; 3) с 1956 года¹⁰²⁵.

В первый период («интернациональный») на обломках старых гуманитарных школ историков, политологов, социологов, демографов, этнологов, придерживавшихся сугубо академических методов исследования, произошло рождение советской этнополитологии, приоритетом которой стало идеологическое обслуживание новой власти. Генезис этого научного направления протекал в политически бурливые и еще относительно либеральные годы нэпа, при существенном участии «старой» профессуры, находившейся в интеллектуальной оппозиции к новому режиму. Если с определением фундаментальной основы новой дисциплины – так называемой теорией нации – проблем не возникло (не мудрствуя лукаво, базисными для этой «теории» объявили труды «классиков марксизма-ленинизма», главным образом Ленина и Сталина¹⁰²⁶), то выработка другой составляющей «канона» – официальной истории национального вопроса в стране – протекала с немалыми трудностями, главным образом по причине нестабильности официальных идеологических установок.

До середины 1930-х, когда в советской пропаганде доминировал ленинский революционный интернационализм и предшествовавшая многовековая российская государственность огульно представлялась в негативном свете – как «проклятое царское прошлое», старая Россия объявлялась «тюрьмой народов», «жандармом Европы», «палачом Азии». Правда, острие обличитель-

---

¹⁰²⁵ Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. – М., 1972. С. 208–214.

¹⁰²⁶ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113–150. Ленин В.И. О культурно-национальной автономии. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 174–178. Ленин В.И. О национальной программе РСДРП. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 223–229. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255–320. Ленин В.И. Об образовании СССР. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–213. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации». Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356–362. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. – М., 1946. Т. 2. С. 290–367. Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос. Соч. – М., 1947. Т. 4. С. 155–167. Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч. Т. 11. – М., 1949. С. 333–355 и др.

ного пафоса направлялось не против былого национального угнетения, а главным образом «классового». Большевики, ставившие во главу угла социальное освобождение трудящихся, основными носителями национального гнета считали «врагов классовых» – помещиков и капиталистов. Вот почему в теории марксизма-ленинизма национальный вопрос не рассматривался как главный, а только как носящий «подчиненный» характер¹⁰²⁷.

Печать этой политической «вспомогательности» национального вопроса лежала и на самих советских исторических исследованиях по данной проблематике. Правда, ввиду того, что в первое послеоктябрьское пятнадцатилетие коммунистическая догматизация гуманитарной сферы только набирала обороты, налет этот еще не успел превратиться в непроницаемую корку, сквозь него иногда пробивалась живая оригинальная авторская мысль, которая в последующем полностью сошла на нет¹⁰²⁸.

Во второй период («сталинский») – с 1930-х до середины 1950-х гг. – если и появлялись работы по национальной проблематике (выходили достаточно редко), то подавляющее их большинство представляло собой апологетические тексты, восхвалявшие «теорию и практику решения национального вопроса» в СССР и обильно приправленные цитатами из трудов «классиков марксизма-ленинизма». И лишь в малой толике публикаций более или менее конкретно разбирались отдельные исторические сюжеты. Главным образом они были связаны с дореволюционным временем, при обращении к которому дозволялось несколько больше творческой самостоятельности, чем, скажем, при описании перипетий формирования СССР.

Впрочем, и исследуя национальную политику царизма, нельзя было выходить за рамки соответствующих партийных установок, хотя те со временем и претерпевали метаморфозу, иногда весьма значительную. Если в 1920-е гг. Партагитпроп предписывал характеризовать отношение самодержавия к инородцам посредством таких эпитетов, как великодержавный шовинизм, колониальный грабеж окраин, национальное угнетение и т.п., то к концу 1930-х бывшее расширение российских владений (даже путем насильственного захвата) официально трактовалось уже как «наименьшее зло» для вновь включенных в империю народов¹⁰²⁹.

---

¹⁰²⁷ Куличенко М.И. Указ. соч. С. 192. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 301.

¹⁰²⁸ Куличенко М.И. Указ. соч. С. 209.

¹⁰²⁹ См. подр.: Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. – М.: РГГУ, 2011.

При этом пояснялось: раньше те еще больше страдали от агрессивного национализма и религиозного фанатизма местных светских и духовных лидеров, собственной культурной и экономической отсталости, кровопролитных вторжений воинственных соседей, манипулировавшихся враждебными России великими державами, и т.п.

Вот почему вышедшая в 1943 году «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», содержащая чуть более допустимую критику царского колониализма, была резко осуждена и запрещена ЦК ВКП(б), а ее редакторы А.М. Панкратова и М. Абдыкалыков были обвинены в антипатриотизме и потворстве казахскому национализму¹⁰³⁰. Спустя год за аналогичные «ошибки» из продажи и библиотек изъяли и «Очерки по истории Октябрьской революции в Татарии». На сей раз гнев центра вызвала фраза редактора-составителя очерков А. Тарасова о том, что включение в XVI веке Татарского ханства в состав Русского государства ничего, кроме колониального гнета, не принесло народам Поволжья. 2 августа 1944 г. по этому поводу даже вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об агитационно-пропагандистской работе в татарской партийной организации», «вскрывшее» «серьезные ошибки идеологического характера в освещении истории татарского народа...»¹⁰³¹.

Подобные исследования, авторы которых, «не перестроившись» в 1930-е гг., по-прежнему продолжали расценивать русские колониальные завоевания в духе «абсолютного зла» и тем самым, как считалось, лили воду на мельницу «буржуазного национализма» и местного сепаратизма, представлялись верхам наиболее «идеологически порочными». Их авторам, как правило, грозило увольнение с работы, а иногда – и потеря свободы.

Впрочем, доставалось и тем, кто на поднявшейся тогда волне возрождения русского патриотизма, наоборот, пытался представить российский империализм «абсолютным благом» (историки-«великодержавники» А.И. Яковлев, А.Е. Ефимов, Б.И. Сыромятников, П.П. Бушуев и др.). Но их ругали, скорее, для проформы, для соблюдения некоего политического баланса и партийного ритуала, предписывавшего порицать любые идеологические отступления (как «влево», так и «вправо») от «генеральной линии» ВКП(б). «Русский акцент» в историографии, принявший особенно гипертрофированные формы в ходе развернувшегося с конца 1940-х гг. массивного пропагандистского наступления на

¹⁰³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 222. Л. 100. Д. 224. Л. 24 об.

¹⁰³¹ Там же. Оп. 117. Д. 432. Л. 163. Д. 437. Л. 23–29.

«антипатриотов» и «безродных космополитов»¹⁰³², несколько «спав» после смерти Сталина, продолжал, тем не менее, доминировать вплоть до середины 1950-х гг.

Инерцию сталинского идейного наследия удалось преодолеть только после развенчания в 1956 году «культы личности». Так начался третий период – «хрущёвско-брежневский», который характеризовался некоторым преодолением парализующего влияния страха, десятилетиями сковывавшего и деформировавшего научные исследования. Это было время зыбких «оттепельных» надежд и иллюзий, магии которых поддалась и авторитетная в научно-исторических кругах академик Панкратова (о ней ниже). Ее трагическая судьба наглядно дает понять, почему хрущёвская либерализация не стала «прорывной» на nive исторических изысканий по национальной проблематике. Тогдашнее расширение рамок дозволенного лишь несколько смягчило идеологическую цензуру. Это в какой-то мере стимулировало количественный рост этнополитических штудий, разнообразило их тематику и даже способствовало избавлению от прежних крайних форм догматической зашоренности, но не привнесло принципиальных изменений в содержание вновь публиковавшихся работ. Другого, впрочем, и не могло быть: архивы власти, минимально приоткрывшись, дабы лишь обличить «сталинские извращения» социализма, продолжали и в дальнейшем оставаться за семью печатями. Вопреки истине о том, что «факты – воздух исследований», изучение истории советской национальной государственности предлагалось «вести не столько по пути дальнейшего собирания новых фактических данных... сколько в плане изучения содержания и форм проявления национальных и интернациональных процессов, их соотношения, деятельности Коммунистической партии по руководству этим соотношением»¹⁰³³.

Тем не менее, в 1960–1980-х гг. и сквозь завесу наукообразной серости пробивался иногда мерцающий свет живой мысли, присутствовавший в некоторых изданиях. Такими «нечаянными ра-

---

¹⁰³² Наиболее очевидно подобная чрезмерность выступала в работах таких авторов, как некий Д. Тищенко. Его книга «Русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза» (М., 1952) была уснащена такими фразами: «свет новой жизни исходит из России»; «с русским народом связано наступление новой эры в истории человечества»; в годы Великой Отечественной войны «русский народ стал зачинателем всех патриотических движений» в тылу и т.п. (Цит. по: *Поварницын Б.И. Историография сталинской этнополитики: от политической конъюнктуры – к научному знанию // Историография сталинизма / Под ред. Н.А. Симония. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 363.*)

¹⁰³³ *Куличенко М.И. Указ. соч. С. 203.*

достяями» для спеленатой партией науки стал выход в свет двухтомника «История национально-государственного строительства в СССР» (1972 г.) и сборника статей «Современные этнические процессы в СССР», подготовленного авторским коллективом Института этнографии АН СССР¹⁰³⁴.

Коренные изменения в научно-гуманитарной сфере наступили лишь в «перестройку», когда КПСС, перестав быть «руководящей и направляющей силой», отказалась от универсального идеологического церберства, что привнесло в общество мощную энергетику неведомой ранее творческой свободы. Типичным образчиком «перестроечной» этнополитической историографии может служить статья В.Д. Зотова «Национальный вопрос: деформации прошлого», нацеленная на «очищение» ретроспективного восприятия «ленинской национальной политики» от «негативных наслоений» сталинизма¹⁰³⁵.

В изменившихся исторических условиях возникла современная российская историография советского национально-государственного строительства, о конкретных, наиболее значимых достижениях которой будет сказано ниже.

Советология: между наукой и политикой

За послевоенные десятилетия на Западе был накоплен солидный объем знаний по истории национально-государственного развития СССР. И хотя те генерировались во времена напряженного межблокового противостояния и в основном на ниве «советологии» – предельно политизированной специализации, созданной и использовавшейся Западом в основном как инструмент психологической войны против СССР, их идейная подоплека не была «монохромной» (однозначно антисоветской), а, скорей, плюралистичной. В отличие от Советского Союза Запад был далек от идеологической монолитности. Даже в наиболее напряженные периоды холодной войны в западной гуманитарной науке сохранялась политическая поливалентность, сводившаяся на элитарном уровне к двум главным течениям – право-консервативному и либерально-прогрессистскому. Первая идейная направленность, присущая прежде всего американским исследованиям (щедро финансировались мощным государством), заметно доми-

---

¹⁰³⁴ Современные этнические процессы в СССР / Отв: ред. Ю.В. Бромлей. Изд. 2. – М.: Наука, 1977.

¹⁰³⁵ Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма / Сост. Ю.П. Сенокосов. – М.: Политиздат, 1989. С. 258–269.

нировала над второй, более характерной для трудов западноевропейцев, среди которых левые идеи, а значит, и симпатии к СССР нашли самое широкое распространение.

Но произведенной в США научно-исторической продукции был присущ не только антисоветизм с его завалами селективно подобранной фактографии. Одновременно в ней присутствовала и обстоятельная аналитика. Такое парадоксальное сочетание обуславливалось тем, что в качестве заказчиков подобных исследований выступали, как правило, американские правительственные круги, которые стремились не только, а может быть, и не столько заведомо опорочить советскую систему, но в интересах эффективного противоборства с ней постигнуть ее реальную суть, в частности смоделировать действовавший в этой системе механизм взаимовлияния и взаимодействия (включая и неформальные связи) бюрократии и общества, выявить уязвимые места и «узлы нестыковок» этого механизма и в итоге сформулировать конкретные политические рекомендации для американского правительства.

Показательно, что службу исследований и анализа (Research and Analysis Branch – R&A), сформированную еще в годы Второй мировой войны в составе Управления стратегических служб США (предшественник ЦРУ), возглавил профессор истории Гарвардского университета У. Лангер¹⁰³⁶. А в марте 1948 года секретной правительственной директивой был запущен ставший знаменитым «Гарвардский проект». В его рамках в западноевропейских лагерях для перемещенных лиц были проведены тысячи устных интервью с перемещенными лицами из СССР¹⁰³⁷. Этот материал, полученный в целях «глубокого погружения» в «антропологию» советского общества, активно использовался потом как в политических, так и в научных интересах.

На nive «Гарвардского проекта» подвизался небезызвестный Григорий Климов (1918–2007) – ультраправый конспиролог и автор многочисленных книг, клеймивших коммунизм, жидомасонство и гомосексуализм как опасные глобальные угрозы, чреватые тотальной дегенерацией человечества¹⁰³⁸. В 1947 году он, служа в Советской военной администрации в Германии, перебе-

---

¹⁰³⁶ CIA's Analysis of the Soviet Union, 1947–1991 (www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/cias-analysis-of-the-soviet-union-1947-1991).

¹⁰³⁷ *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». – М.: РОССПЭН, 2003. *Медведев А.* «Гарвардский проект» полвека спустя // СОЮЗ. Беларусь–Россия (приложение «Российской газеты»). 2003. 4 сентября. № 35 (135).

¹⁰³⁸ В «лихие девяностые» антисемитские произведения Г.П. Климова – «Протоколы красных мудрецов» (Краснодар: «Советская Кубань», 1992) и др. продавались в Москве и других городах России чуть не на каждом углу.

жал к американцам, которые в 1949–1950 гг. активно задействовали его в «Гарвардском проекте». В 1951 году под эгидой ЦРУ Климов создал в Мюнхене Центральное объединение послевоенных эмигрантов (занималось антисоветской пропагандой), которым руководил вплоть до переезда в США в 1955 году.

В 1950 году при активном участии того же Лангера в ЦРУ был создан Отдел национальных оценок (Office of National Estimates – ONE) – мозговой центр, в штате которого преваляровала университетская профессура, прежде всего из Гарварда. В том же году сотрудником этого элитного университета стал Ричард Пайпс (р. 1923). Этот еврейский беженец из Польши прибыл в США в 1940 году. Он учился у известного русского историка-эмигранта М.М. Карповича (1888–1959) и стал крупнейшим русистом-«советологом», одним из создателей «тоталитарной модели» советской истории, детально обоснованию которой было посвящено основное содержание его вышедшей в 1954 году монографии об образовании СССР¹⁰³⁹.

Возглавляя с конца 1960-х гг. в Гарварде центр Дэвиса по русским исследованиям, Пайпс активно занялся политикой: вошел в так называемый «Комитет Б» («Team-B») – команду советников при президенте США (President's Foreign Intelligence Advisory Board), занимавшуюся анализом политической и военной мощи СССР; был помощником сенатора Г. Джексона, инициировавшего в 1974 году в Конгрессе принятие связанной с эмиграцией советских евреев и дискриминационной по отношению к СССР поправки к закону о реформе торговли. Политический «ястреб» и яростный критик разрядки Пайпс выступал против какого-либо сближения Запада с Советским Союзом, который ему представлялся патологической социально-политической системой, не имевшей права на существование. Входя в 1981–1982 гг. в Совет национальной безопасности США, именно он предложил президенту Р. Рейгану эмоционально окрашенную политическую формулу идентификации СССР как «империи зла»¹⁰⁴⁰.

Воистину прав был известный британский историк Эдвард Карр (о нем – ниже), отмечавший, что «историк отражает общество, в котором он работает»¹⁰⁴¹. В данном случае Пайпс «отра-

---

¹⁰³⁹ Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954.

¹⁰⁴⁰ Подробно: Ричард Пайпс. Я жил. Мемуары непримкнувшего. – М.: Московская школа политических исследований, 2005.

¹⁰⁴¹ Цит. по: Ненароков А.П. Вступительное слово к русскому изданию // Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция, 1917–1923. Т. 1, 2. – М.: Прогресс, 1990. С. 11.

жал» антисоветизм американского республиканского правоконсервативного истеблишмента, чей социальный заказ и предопределил принципиальные моменты упомянутой концепции тоталитаризма.

Выражая категоричный взгляд на проблему, эта концепция в основе своей не была оригинальной. По сути многое в ней было заимствовано из эссеистики русского религиозно-либерального философа-эмигранта Н.А. Бердяева, еще до войны утверждавшего, что «русское коммунистическое государство есть единственный в мире тип тоталитарного государства...» Политологически развивая эту дефиницию, Пайпс привнес в нее массу умозрительных аберрирующих реальное прошлое положений: начиная с того, что Россия с ее унаследованной от Московской Руси «вотчинной психологией» стала исторической родиной мирового тоталитаризма, и кончая совсем уж нелепым утверждением, что «Холокост... явился одним из... последствий русской революции». Суждение это обосновывается раздуванием значимости «русского происхождения» фальшивых «Протоколов сионских мудрецов» и последующего их распространения в мире русскими эмигрантами-националистами, якобы оказавшими решающее влияние на формирование идеологии нацизма в Германии¹⁰⁴².

Между тем, А. Гитлер уже в 1900-е гг. сформировался как убежденный юдофоб, и отнюдь не под влиянием русских правых, а под воздействием возникшего еще в XIX веке на Западе идеологического антисемитизма (о нем Пайпс предпочитал не вспоминать). Будущий немецкий фюрер заявлял 16 сентября 1919 г. (то есть до появления «Протоколов» в Германии): «Моей последней целью неотвратимо должно стать устранение евреев вообще»¹⁰⁴³.

В конечном итоге не так существенно то, что «Протоколы» (сфабрикованные хотя и царской охранкой, но во Франции и на основе западных «первоисточников») впервые были опубликованы в России, где, кстати, почти сразу были отвергнуты официальными кругами и более или менее значимыми общественно-политическими силами. Куда важнее тот факт, что широко востребованной эта фальшивка оказалась на Западе, где содержащиеся в ней споры ненависти нашли благоприятную почву для стремительного размножения и распространения. Именно там «Протоколы» были использованы нацистами в качестве одного из идеологиче-

---

¹⁰⁴² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж: YMCA-PRESS, 1955. С. 117, 118. Пайпс Р. Россия при большевиках. – М.: РОССПЭН, 1997. С. 290–342, 592–594.

¹⁰⁴³ Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 198.

ских винтиков в создании бесчеловечной машины Холокоста – этого чудовищного порождения симбиоза диктаторского режима, милитаризованного индустриально- промышленного потенциала и «расовой теории», являвшейся официальной идеологией нацистов. Притом что «гносеологической» колыбелью этой «теории», да и «Протоколов» тоже были концепция о цивилизаторской миссии «белого человека» в заморских колониях и европейский «профессорский» антисемитизм, фундамент которого составили «расологические» труды Ж. де Гобино, Э. Дрюмона, В. де Ляпу-жа, П. де Лагарда, Х. Чемберлена и др.¹⁰⁴⁴

Игнорируя все это, Пайпс так или иначе считал Россию – царскую и еще больше большевистскую – в конечном счете главной виновницей основных масштабных бед и гуманитарных катастроф, обрушившихся на человечество в XX столетии (в том числе «тоталитаризации» и фашизации Европы в первой его трети, на чем, собственно, и строилась теория «империи зла»). Между тем, объективный исторический анализ доказывает, что исходным пунктом всех перечисленных трагических событий и явлений была «Великая» Первая мировая война. Ей, порожденной империалистическими амбициями и безответственностью политических элит мировых держав, организовавших циничную многомиллионную бойню своих и чужих граждан и посеявших в душах выживших семена озлобления, жестокости, мщениия, реванша, нравственного одичания (обернулось крушениями крупнейших империй, кровавыми революционными смутами и утопическими проектами социального переустройства), и суждено было стать истинной матерью тоталитаризма.

Попытки демонизировать Россию как своего рода историческую родину тоталитаризма решительно отвергались русским мыслителем И.А. Ильиным, который рассматривал тоталитаризм как социально-политическое явление, выражавшееся во «всеохватности» и репрессивности верховной власти, но осуждал политизированные спекуляции на эту тему. Имея в виду, что тоталитаризм «отмечается в истории человечества в виде редкого и кратковременного исключения», он утверждал, что тот коренится главным образом не столько в предшествовавшей авторитарной форме правления – скажем, в царской монархии (на чем настаивал Пайпс), сколько в фанатичном волюнтаризме тех политических или религиозных деятелей и стоящих за ними группировок,

---

¹⁰⁴⁴ Гобино, Жозеф Артур де. Опыт о неравенстве человеческих рас. – Москва: «Одиссей» – ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Дрюмон Э. Еврейская Франция. Очерк современной истории. – Харьков, 1895. Чемберлен Х.С. Арийское мировоззрение. – М., 1913, и др.

кто, оказавшись у власти, стремится под соусом той или иной популистской идеологии во что бы то ни стало реализовать свой заведомо утопичный социальный проект¹⁰⁴⁵.

И все же, несмотря на явную тенденциозность Пайпса, чрезмерно упирающего на то, что тоталитаризм это не беда, а вина России, не проблема «семян» (идей, занесенных извне), а проблема «почвы» (традиционного уклада народной жизни и власти), квалифицировать однозначно его соображения на этот счет как антинаучные было бы неоправданным максимализмом. За исключением некоторых, в том числе и изложенных выше конкретных моментов, следует признать, что данный Пайпсом анализ советской истории в целом адекватен реальному прошлому. Да и уже одно то, что советская система, не выдержав исторического испытания на долговременную жизнеспособность, потерпела крах, наглядно доказывает общеконцептуальную правоту Пайпса и других идейно близких ему западных ученых, скажем Роберта Конквеста (р. 1917)¹⁰⁴⁶.

В пользу Пайпса говорит еще и то обстоятельство, что он никогда не «заикливался» на однажды предложенной интерпретационной схеме. Напротив, за более чем полувековой период своей активной деятельности в российском историческом дискурсе он неоднократно ревизовал отдельные положения своих трудов, как правило, смягчая их политизированную заостренность и привнося в них большую объективность. Если первоначально американский историк прямолинейно утверждал, что Ленин не собирался решать национальный вопрос, а только им манипулировал и происходившее насильственным путем образование СССР было равносильно простому воссозданию прежней царской империи, то потом, подправив самого себя, пришел к менее категоричному, хотя и все еще достаточно спорному выводу о том, что колониальный характер – с присущими ему русификаторством и репрессивностью – советский режим приобрел постепенно, при Сталине, эксплуатировавшем в политических целях русский национализм¹⁰⁴⁷.

---

¹⁰⁴⁵ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х тт. – М.: МП Папор, 1992. Т. 1. С. 94–96.

¹⁰⁴⁶ *Conquest R.* Power and policy in the U.S.S.R. The struggle for Stalin's succession, 1945–1960. – N.Y.: Harper & Row, 1967. Ibid. The Soviet political system. – N.Y.: Praeger, 1968. Ibid. The nation killers: the Soviet deportation of nationalities. – London: McMillan, 1970. Ibid. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. – London: Hutchinson, 1986. Ibid. Stalin: breaker of nations. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1991.

¹⁰⁴⁷ *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Revised edition. – Cambridge, Mass., 1964. P. 49, 277–279. Ibid. Communism: A History. – N.Y.: Modern Library, 2001, P. 72.

Еще бoльшую приверженность «тоталитарной теории» выказал в своих исследованиях по советской национальной проблематике Абдурахман Авторханов (1909–1997). Уроженец Кавказа, он в годы Второй мировой войны перешел на сторону гитлеровской Германии и сотрудничал с ее пропагандистскими службами. Потом работал на американские спецслужбы, преподавая в Русском институте армии США в Мюнхене и активно участвуя в деятельности базировавшейся там радиостанции «Свобода».

Расценивая советскую национальную политику однозначно негативно – как покоившуюся исключительно на принципе «разделяй и властвуй», – Авторханов считал «советский социалистический империализм» колониализмом нового типа, который, в отличие от классического, ставившего во главу угла материальный фактор – выкачку из колоний материальных ресурсов, «интересуется... главным образом человеческим фактором: как перевести в свою веру покоренные народы...».

Нападая не столько на Ленина («борца с великорусским шовинизмом»), сколько на Сталина, невинными жертвами режима которого объявлял 6 миллионов мусульман СССР, Авторханов вместе с тем отмечал, что диктатор «был по-своему прав», когда в 1930-е гг. сделал ставку на русский национализм, «великолепно» осознавая, что в случае войны «спасти советскую империю может только сама державная сила – русская нация» («русский национализм оказался сильнее марксизма!»)¹⁰⁴⁸.

В 1988 году Авторханов предвосхищал скорый и в чем-то парадоксальный развал советской империи: «Сами большевики», создав в советских республиках «национальную культуру, национальную интеллигенцию, национальные кадры», подготовили все условия для обретения ими «подлинной независимости»¹⁰⁴⁹.

Этой констатацией Авторханов, если следовать логике, опровергал самого себя, всегда утверждавшего, что жизнеспособность «советской империи» зиждилась «на штыках» и поддерживалась центром исключительно путем использования негативных (для нерусских народов) факторов: военная сила, государственный террор, «колониальное угнетение народов»¹⁰⁵⁰. Оказалось, что у реальной модели советской империи была и другая, позитивная составляющая, которую Авторханов по понятным причинам

---

¹⁰⁴⁸ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 78–79, 107, 207–208.

¹⁰⁴⁹ Авторханов А. Автобиография // Столица. 1991. № 31–32.

¹⁰⁵⁰ Авторханов А. Технология власти. – М.: «Слово»–Центр «Новый мир», 1991. Происхождение партократии // Октябрь. 1991. № 2, 3.

предпочитал замалчивать, пока, быть может, случайно «не проговорился». Видимо, и ему пришлось, хоть и с большим опозданием, признать ту очевидную вещь, что СССР не просуществовал бы почти семь десятилетий без позитивных мотиваций национальных элит советских союзных республик, воспринимавших метрополию как экономического и культурного донора, а также как гаранта внешней и внутренней безопасности и социальной стабильности.

Обозревая западную советологию уже другой идейно-политической направленности – либерально-прогрессивистской, трудно не согласиться с известным мнением специалистов о том, что в этом сегменте историографии наиболее значимыми и даже краеугольными являются труды уже упоминавшегося авторитетного британского историка Эдварда Карра (1892–1982). Подвизавшись в молодости на дипломатическом поприще, он в составе британской делегации участвовал в 1919 году в работе Версальской мирной конференции. Потом, когда служил вторым секретарем в английской миссии в Риге, увлекся русской историей, культурой и литературой. Работая в годы Второй мировой войны в редакции «Таймс», был так впечатлен героической борьбой советского народа с нацизмом, что задался целью написать историю Советского государства начиная с 1917 года, что и исполнил, издав в 1950–1978 гг. соответствующее 14-томное исследование¹⁰⁵¹.

В отличие от Р. Пайпса, Карр стремился как можно глубже проникнуть в суть происходивших в России исторических событий и не злоупотреблял при их оценке политически окрашенными ярлыками-маркерами. Отмечая существенную роль этнополитического фактора в русской истории, Карр тем не менее подчеркивал, что не национальный вопрос развалил царскую империю, ибо «до 1917 года требования от имени подвластных царю народов редко выходили за рамки небольшой автономии». Развивая эту мысль, историк сделал вывод, что развал империи был обусловлен «не столько борьбой за отделение периферии, сколько расколом в центре», то есть решающим явилось «не отпадение частей, а распад старой России». Рассуждая далее, Карр отмечал, что этому развалу не суждено было стать окончательным, поскольку Россия, в отличие от империи Габсбургов, обладала мощной центростремительной потенцией, обусловленной наличием массивного национального ядра, состоявшего из великороссов: 75 млн.

---

¹⁰⁵¹ Carr E.H. A History of Soviet Russia. In 14 vol. London: McMillan, 1950–1978.

человек из 140-миллионного населения страны (численность, образовавшаяся после отпадения западных нерусских территорий). Однако, как подчеркивал британский историк, эта возможность так и осталась бы нереализованной, если бы лидерство в государственном восстановлении страны не захватили большевики, чья продуманная и гибкая национальная политика в наибольшей степени учитывала все нюансы ожесточенной политической борьбы, развернувшейся на территории бывшей империи. Карр считал декларацию самоопределения наций самым смелым лозунгом Ленина, обеспечившим посредством опоры на прежде угнетенные нацменьшинства воссоединение многоэтнического государства. Отмечая, что Советский Союз был основан больше на доверии населения к новой власти, чем на принуждении с ее стороны, Карр даже расценивал появление этого нового государства на карте мира как «выдающийся результат созидательной государственной деятельности Ленина»¹⁰⁵².

Близкую к Карру позицию разделял итальянский историк и журналист Джузеппе Боффа (1923–1998). Прибыв в СССР вскоре после смерти Сталина, он в качестве корреспондента коммунистической «Униты» проработал в Москве несколько десятилетий. Увлечшись за это время советским прошлым и получив довольно детальное представление о том, что о нем написано в мире, Боффа пришел к неутешительному для него выводу, что интересующие его знания практически полностью искажены пропагандистскими стереотипами либо западного очернительного, либо хвалебного советского толков. Поэтому он решил предпринять самостоятельное объективное исследование. В результате во второй половине 1970-х гг. в Италии вышла двухтомная история Советского Союза, которую уже в 1990-е гг. переиздали на русском в Москве¹⁰⁵³.

Образование СССР Боффа считал пусть и не «наилучшим из всех возможных решений», но тем не менее «великим политическим начинанием», благодаря которому «разные в этническом отношении и по степени национального сознания народы обрели собственную государственность», и хотя «пределы полномочий этих государств были... ограниченными, а их суверенитет – еще «школьным», все равно это был огромный прогресс (пусть и по степени весьма различный: для украинцев или, скажем, для

---

¹⁰⁵² Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большеви́стская революция 1917 – 1923. Т. 1, 2. М.: Прогресс, 1990. С. 209–211.

¹⁰⁵³ Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х тт. М.: Международные отношения, 1994.

казахов), ибо сложились новые и более прочные предпосылки для экономического и культурного развития этих народов»¹⁰⁵⁴.

Историографическая перестройка на Западе

Крушение СССР, повлекшее окончание холодной войны и бурную демократизацию общественно-политической жизни в новой России, обернулось и массивным рассекречиванием архивов прежней власти. Это дало не только мощный импульс радикальной перестройке отечественной исторической науки (на основе общепринятых в мире методологических принципов), но и существенным образом способствовало выведению проводившихся на Западе «русских исследований» из-под деформирующего пресса политической пропаганды.

Однако скомпрометированная сотрудничеством с правительственными структурами «советология» не спешила уходить в прошлое и уступать место менее ангажированной русистике, в которой ведущие позиции занимали исследователи либерально-прогрессистского толка. Эти идейные наследники Э. Карра и известного американского историка Роберта Такера, еще в 1960-х гг. предложившего концепцию сталинизма – «смягченную» альтернативу тоталитарной модели, еще с того времени стали подвергать ревизии наработки своих коллег-консерваторов, исходя при этом из цивилизационно-позитивистской парадигмы, гносеологические корни которой причудливым образом питали как марксизм, так и учение М. Вебера. Вооружившись популярной в левоориентированных интеллектуальных кругах методологией социальной истории, эти так называемые ревизионисты стали укорять «тоталитаристов» в идеологической «пропитанности» их сочинений антикоммунизмом: в уподоблении СССР нацистской Германии и в резко негативном отношении к советскому режиму как к феномену, изначально обреченному из-за своей полной нерепаруемости.

Следуя известному афоризму Гегеля о том, что «все действительное разумно, и все разумное действительно», историки-либералы делали упор на извлечении «позитива» из советского исторического опыта, который рассматривали как часть глобального модернизационного процесса. Они утверждали, что советский социализм – вполне нормальный альтернативный проект общественного развития в рамках европейской цивилизации, что советский режим способен реформироваться, в том числе и путем

---

¹⁰⁵⁴ *Бюффа Дж.* Указ. соч. Т. 1. С. 188.

конвергенции, что Сталин не являлся идейно-политическим преемником Ленина и что советское общество даже в мрачные годы «ежовщины» не было «атомизированным» (как утверждали «тоталитаристы»), а сохраняло некоторую автономию от власти¹⁰⁵⁵.

Однако произошедший в начале 1990-х гг. крах «советского проекта» во многом перечеркнул эти «советофильские» постулаты. В результате охватившей Запад эйфории по поводу «победы в холодной войне» ветераны «школы тоталитаризма» перешли в контрнаступление. В 1994 году американский историк Мартин Малия (1924–2004) объявил «социалистическую утопию» «генетическим кодом» трагедии советской истории, при том что одновременно он отринул и ключевой тезис идейно близкого ему Пайпса о русской культурно-генетической предрасположенности к марксизму¹⁰⁵⁶.

Однако спустя несколько лет ученик Малии С. Коткин предложил по сути компромиссную трактовку советской истории, синтезировав в единое целое в сформулированной им парадигме «модерности» (modernity) элементы «тоталитарной» и «цивилизационной» теорий. Квалифицируя, подобно ортодоксальным «тоталитаристам», советский социализм как утопию, но утопию «социальную и урбанически ориентированную», Коткин считал ее, в отличие от Пайпса, больше производной от европейского Просвещения, чем от русской исторической почвы, которая сама еще раньше подверглась тому же влиянию. Однако, с другой стороны, Коткин, приближаясь к точке зрения «ревизионистов», утверждал, что марксизм, одухотворенный идеей социальной справедливости, позволил большевикам совершить быстрый скачок в экономическом и социально-культурном развитии страны, а также создать своеобразную самодостаточную культурную цивилизацию¹⁰⁵⁷.

Подобные суждения, порожденные во многом беспрецедентным информационно-архивным взрывом в постсоветской России, свидетельствовали о возникновении в западной исторической науке некоего новаторского подхода, синтезировавшего методо-

---

¹⁰⁵⁵ *Tucker R.* Toward a Comparative Politics of Movement-Regims. The Dictator and Totalitarianism // *The Soviet Political Mind* (revised ed.). N.Y., 1971. *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979. *Getty A.J.* The Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1939. N.Y., 1985, etc.

¹⁰⁵⁶ *Malia M.* The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N.Y. The Free Press, 1994. P. 16.

¹⁰⁵⁷ *Сьюни P.G. (Suny R.G.)* Социализм, постсоциализм и нормативная модерность: размышления об истории СССР // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 41–48.

логические элементы «неслиянных» прежде тоталитарной теории и «ревизионистской» трактовки, позволяющих проводить комплексные исследования, основанные на более «тонком» анализе. Правда, освоение западными учеными рассекреченных советских архивов не всегда протекало гладко. Некоторые исследователи, в силу разных причин перепоручившие непосредственное выявление искомой архивной информации так называемым техническим сборщикам (отнюдь не всегда квалифицированным и добросовестным), потом, случалось, сами того не ведая, публиковали книги и статьи, отмеченные искажениями и фальсификациями фактов.

Судя по всему, именно по этой причине в не так давно вышедшую на французском и русском языках книгу известных французских ученых Алена Блюма и Мартины Меспуле¹⁰⁵⁸, исследовавших сложные и наполненные драматизмом процессы крушения при Сталине человеческих судеб специалистов-статистиков, вкрались досадные aberrации, снизившие общий научный уровень этого издания. В книге упоминается некая «инструкция НКВД № 132/64 от 13 августа 1934 года о национальностях и их отношении к советской власти», подготовленная «во исполнение постановления ЦК ВКП(б) № 1245/2». При этом утверждается, что этой директивой, во-первых, были определены «национальности, враждебные советской власти», и, во-вторых, по степени этой «враждебности» они были поделены на две группы. К первой были якобы отнесены народы, представлявшие «особую опасность», – немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы и поляки, а ко второй – этносы, в отношении которых требовалась «повышенная бдительность», – евреи, армяне, крымские татары, чеченцы, ингуши и осетины. Хотя достоверность этих данных вроде бы подтверждалась ссылками на документы Центрального архива общественных движений г. Москвы¹⁰⁵⁹, тем не менее подлинность этой «инструкции» вызывала серьезные сомнения. Авторы сообщали, что инициировало разработку директивы постановление ЦК ВКП(б) «№ 1245/2». Однако в действительности подобного рода распоряжения никогда не нумеровались. К тому же известно, что в СССР подготовка к «большому террору» 1937–1938 гг. против нацменьшинств, в том числе и тех, коих, если верить книге, сталинский режим причислил к «особо опасным»¹⁰⁶⁰ (составление списков политэмигрант-

---

¹⁰⁵⁸ Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2006.

¹⁰⁵⁹ Там же. С. 221, 222, 316.

¹⁰⁶⁰ Кстати, среди «особо опасных» в «инструкции» почему-то не упомянуты эстонцы, греки, румыны и другие диаспоральные этносы, также подвергшиеся массовым репрессиям!

тов и т.п.), началась только в 1936 году. Но по «инструкции» выходит, что такая подготовка развернулась уже в 1934-м, а это не находит фактического подтверждения¹⁰⁶¹.

Скорей всего, сомнительный «документ» понадобился для того, чтобы подкрепить подверстаный к нему интригующий вывод о том, что он («документ») «...удивительным образом превосхищает будущие высылки некоторых народов». (Далее уточняется: «в период между 1941 и 1945 годами» такой каре подверглись, за исключением евреев и армян, все остальные включенные во «вторую группу» народы – крымские татары, чеченцы, ингуши, осетины¹⁰⁶²). Однако и это утверждение, мягко говоря, не совсем корректно. Ведь, как известно, осетины вообще не депортировались (только часть из них была локально перемещена на обезлюдившие после высылки ингушей земли); и, напротив, армяне – пусть и не все, а только те, которые проживали в Крыму, – в 1944 году были все же депортированы¹⁰⁶³.

Но главное состоит в том, что в Центральном архиве общественно-политической истории Москвы (ранее – Центральный архив общественных движений Москвы), где в соответствии с указанным в книге Блюма и Меспуле архивным шифром должна храниться «инструкция», обнаружить таковой не удалось: как и следовало ожидать, эта ссылка оказалась фикцией. Впрочем, подобные политизированные¹⁰⁶⁴ «накладки» встречаются в трудах современных западных историков довольно редко.

«Новая империология»

Очевидно, что преодоление идеологической зашоренности исследований является одной из главных задач, стоящих ныне перед исторической наукой. В решении этой важной проблемы в наибольшей степени преуспели, как представляется, специалисты, работающие в рамках такой недавно возникшей опции, как

---

¹⁰⁶¹ См., например: Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1: Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 13.

¹⁰⁶² Блюм А., Меспуле М. Указ. соч. С. 222.

¹⁰⁶³ Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева, сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: Материк, 2005. С. 510–511.

¹⁰⁶⁴ Политизированность в данном случае проявилась хотя бы в том, что в «инструкции» как нелояльные советской власти перечисляются как раз те народы, которые считаются в современной Франции наиболее пострадавшими в СССР. И наоборот, нацменьшинства, о которых во Франции мало известно, что они были гонимы в Советском Союзе, в «инструкции» не упомянуты.

«новая империология», в основе которой лежит компаративистская методология.

Принципиальное отличие данной научной «технологии» от так называемой старой империологии, в стилистике которой были подготовлены труды тех же Пайпса и Авторханова, состоит в том, что она не возводит в ранг приоритета исследований по русской/советской истории исключительную концентрацию на «политическом негативе» – «колониальной экспансии» на сопредельные территории, «репрессивной и русификаторской» политике метрополии в отношении «покоренных народов» и т.п. В отличие от «старой», «новая империология» ставит во главу угла изучение этнополитических аспектов российского/советского прошлого во всем многообразии их конкретных проявлений. В центре внимания западных ученых, подвизавшихся на ниве вновь возникшего дисциплинарного направления, оказалась такая проблематика, как механизм взаимоотношений центра и национальных регионов в рамках советской федерации, политика нациостроительства в союзных республиках, тамошние процессы этнокультурной идентификации и формирования элит и т.п. Первые публикации, увенчавшие эти массивованные штудии, вышли в конце 1990-х гг.¹⁰⁶⁵

В последующие годы и в новой России появилось немало приверженцев «новой имперской истории». С самого начала они тесно сотрудничали со своими зарубежными коллегами, главным образом в рамках крупного международного проекта по изданию научного ежеквартальника «*Ab Imperio*», выходящего с 2000 года в Казани под эгидой «Центра исследований национализма и империи» – организации, аффилированной с основанной в 1948 году в Кембридже (штат Массачусетс) Американской ассоциацией содействия славянским исследованиям (*The American Association for the Advancement of Slavic Studies*).

Именно на страницах «*Ab Imperio*» развернулся интеллектуальный поиск новых ответов на следующие «старые» вопросы: какова, собственно, типология этого канувшего в Лету единственного в своем роде государственного образования? Что представлял собой этот феномен? Чуть модифицированную традиционную колониальную империю (наподобие царской России, Британской, Османской и других аналогичных континентальных империй), как утверждали коллеги-«тоталитаристы», или нечто принципиально иное?

---

¹⁰⁶⁵ *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies. Basingstoke, 1999 и др.

Одно из центральных мест в «новоимперском» дискурсе заняла во многом ключевая для данного жанра книга американского ученого Терри Мартина, несколько провокативно дефинирующего ранний СССР (в первые 15 лет существования) как «империю позитивного действия»¹⁰⁶⁶. Учитывая особую концептуальную и методологическую значимость для современной русистики этой, кстати, основательно фундированной архивными источниками работы (о чем свидетельствует интенсивный характер ее научного обсуждения), необходимо специально остановиться на ней.

Начать с того, что уже сама квалификация СССР как «империи позитивного действия» («The Affirmative Action Empire»¹⁰⁶⁷) говорит по меньшей мере об отсутствии у автора идеологического негативизма и предубежденности в отношении к своему объекту исследования. Можно даже сказать, что тот выступает с позиции либерального симпатизанта Советского Союза, но достаточно умеренного и трезвого в своих оценках и отнюдь не грешащего необъективной апологетикой, которая, впрочем, заведомо исключалась конкретно-историческим, фактографическим характером его работы. Приверженность автора императиву «важно понять и разобраться, а не заклеить и осудить» не вызывает сомнений.

Настаивая на своей оригинальной дефиниции, Мартин обосновывает ее методом исключения, утверждая, что СССР не был ни традиционной колониальной империей (декларировал себя как антиимпериалистическое государство!), ни государством-нацией (проводил курс на нациостроительство в нерусских республиках), ни, наконец, реальной федерацией (на практике был унитарным образованием). При этом автор полагает, что «националистами позитивного действия» новые правители России стали поневоле. Он считает, что большевики, столкнувшись в 1917 году с мощным взрывным сепаратизмом на Украине и других этнических окраинах и осознавшие, что национализм представляет собой грозную силу, вынуждены были, преодолев свой собственный, замешан-

---

¹⁰⁶⁶ *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* Ithaca: Cornell University Press, 2001.

¹⁰⁶⁷ «Affirmative action» («позитивное действие») – так в США стала называться инициированная в начале 1960-х гг. государственная политика, направленная на искоренение расового и гендерного неравенства в обществе путем предоставления различных льгот и преимуществ представителям нацменьшинств, женщинам и другим традиционно дискриминируемым категориям населения при трудоустройстве, получении высшего образования и т.п.

ный на ортодоксальном марксизме этнический нигилизм¹⁰⁶⁸, существенным образом пересмотреть партийную стратегию и тактику по национальному вопросу. Была выработана своего рода доктрина советской национальной политики, суть которой сводилась к следующему: национализм угнетенных наций (то есть нерусского населения) прогрессивен постольку, поскольку имеет «общедемократическое содержание» (этот тезис был в общих чертах сформулирован Лениным еще в 1914 году); национализм великодержавной нации (великороссов) реакционен, ибо не несет освободительной ценности; вот почему национализм нацменьшинств (очищенный от «буржуазного налета») необходимо употребить во благо советской власти, поддержав предоставлением национально-территориальной автономии, финансированием развития национальной культуры, образования на родном языке, собственной экономики, содействием в формировании культурно-управленческой элиты. При этом «великодержавный» («великорусский») «шовинизм» как «опасный пережиток» прежнего (царского) режима социального и национального угнетения следует всемерно подавлять (и потому, что он – «орудие контрреволюции», и для того, чтобы новая центральная власть не ассоциировалась у «националов» со старой, радевшей главным образом о благополучии «народа-хозяина» («*Herrenvolk*»)). Таким образом, советская власть, объявившая себя покровительницей не только бедных и «эксплуатируемых» (рабочего класса и трудового крестьянства), но и дискриминировавшихся прежде народов, значительно расширила свою базу социальной поддержки.

Уже после образования СССР политика «позитивного действия» была увенчана курсом на формирование на базе национально-территориальных автономий полноценных наций (посредством проводимой с 1923 года «коренизации»). Как пишет Мартин, проект «империи позитивного действия» (ИПД) стал первым (в мире) такого рода радикальным ответом на глобальный кризис мультиэтнического государства, разразившийся в результате Первой мировой войны (распад континентальных империй – Австро-Венгерской, Российской, Османской)¹⁰⁶⁹. К этому суждению следует добавить, что этот проект был первой альтернативой традиционному колониализму, из модели которого была позаим-

---

¹⁰⁶⁸ Обосновывался известной формулой Розы Люксембург: при капитализме национальное самоопределение невозможно, а при социализме оно бессмысленно.

¹⁰⁶⁹ Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 63–80.

ствована цивилизаторская миссия метрополии, но изъята приоритетная эксплуатация ресурсов покоренных стран.

В отличие от прошлых империй власть в ИПД была как бы безнациональной, подчеркнуто дистанцированной от русских, прежде считавшихся государствообразующим народом, но с воцарением большевиков лишившихся этого статуса, хотя и продолжавших нести тяжкое бремя, с ним связанное. В связи с этим Мартин указывает на национальное самопожертвование русских, которые ради созидания «империи нового типа» не только безвозмездно отдавали колоссальные силы и средства, но и поступались в пользу национальных республик собственными исконными территориями¹⁰⁷⁰. Правда, происходило это под властным давлением большевиков, стремившихся посредством такой «территориальной» щедрости усилить цементирующее русское (точнее, «пролетарское») влияние в национальных регионах.

Конечно, такой альтруизм не был самопроизвольным, а диктовался главной задачей большевистской программы национального строительства, выдвинутой еще в 1921 году на X съезде РКП(б), – достижением фактического равенства (в культурном, образовательном, экономическом отношениях) между советскими народами. Причем это «подтягивание» отсталых национальных окраин до уровня значительно более развитого русского центра рассматривалось советским руководством не как абстрактная благотворительность в пользу «слабых», а как средство укрепления страны в целом и коммунистического режима в особенности.

Дотации, шедшие на развитие национальных регионов, были отнюдь не символическими. И в итоге эта помощь оказалась достаточно эффективной. Уже в 1924–1925 гг. доля средств центра, скажем, в бюджете Туркмении составляла 90%, а Украины – более 60%. В результате за период 1922–1972 гг. промышленное производство возросло в Таджикистане в 513 раз, в Армении – в 527, в Узбекистане – в 239, Казахстане – в 601 раз¹⁰⁷¹.

Для обоснования политики жертвенного донорства центра Ленин в конце 1922 года сформулировал следующее положение: «...Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹⁰⁷².

---

¹⁰⁷⁰ Там же. С. 79.

¹⁰⁷¹ Современные этнические процессы в СССР. С. 108, 110.

¹⁰⁷² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.

Подобная подспудная дискриминация этнического большинства, которую Мартин квалифицировал как зачатки политкорректности и мультикультурализма, являлась в глазах большевиков профилактическим средством против этносепаратизма и «противоядием» в отношении русского национализма. Это самоочевидное логичное объяснение первым приходит в голову при попытке разобраться в том, почему в начале 1930-х гг. сталинская власть коренным образом пересмотрела стратегию «позитивных действий».

Что касается Мартина, то в поисках ответа на этот вопрос он делает акцент на причину «модернизационного» характера – произошедшую смену жизненно важных для страны приоритетов, когда на рубеже 1920–1930 гг. был взят курс на индустриализацию и укрепление обороноспособности, требующих большей опоры на русский центр. В качестве импульса, спровоцировавшего «фундаментальную ревизию» национальной политики, называется еще и «сильное возмущение» среди русских членов партии и специалистов, недовольных тем, что местная бюрократия форсировала вытеснение из сфер управления, образования, культуры и экономики русского языка и русских квалифицированных кадров, заменяя их менее подготовленными национальными кадрами¹⁰⁷³.

Однако в этом объяснении неоправданно игнорируются политические резоны, связанные, в первую очередь, с генезисом правившего в СССР режима. Да, издержки «коренизации» (главным образом, «украинизации») действительно подтолкнули Сталина к существенной коррекции национальной политики, но тот же самый эффект имел и другой не менее важный фактор (не отмеченный Мартином). Дело в том, что к началу 1930-х гг. в основном сформировалась новая генерация советской бюрократии, в которой преваляровала славянская молодежь «пролетарского происхождения». Она стремилась к властным вершинам, где бал правили управленцы «первого призыва», в чьих рядах было немало представителей нацменьшинств, сменивших в свое время старых русских чиновников, объявивших бойкот советской власти. В этом обозначившемся к концу 1920-х гг. «кадровом» конфликте поколений верховная власть в лице Сталина сделала ставку, разумеется, на молодых бюрократов: в силу возраста и «советского воспитания» те были более манипулируемы, а благодаря этническому происхождению – и лучше приспособлены к управлению подавляющим большинством населения страны.

Не менее важную роль в свертывании проекта ИПД сыграл и момент, который Мартин называет «непредвиденным результа-

---

¹⁰⁷³ *Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 86.

том»: провоцирование национализма в республиканских элитах. Он указывает на конкретные обстоятельства, обусловившие в декабре 1932 года принятие Политбюро ЦК ВКП(б) ряда постановлений по смене курса в национальных делах. Ключевым, по мнению ученого, стал «кратковременный кризис в заготовке зерна», который центр приписал фактору усиления национализма в украинском руководстве, подозревавшемся также и в вынашивании более тяжких намерений. Мартин ссылается на весьма интересный документ – секретное письмо Сталина от 11 августа 1932 г. Тогда он предупреждал Л.М. Кагановича (1893–1991): «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем [украинское коммунистическое руководство] думает. ... Имейте также в виду, что в Украинской компартии... обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец – прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против (здесь и далее подчеркнуто Сталиным. – Г.К.) партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей. Так дольше продолжаться не может»¹⁰⁷⁴.

Хотя в начале 1930-х гг. с ИПД и было покончено, такая главная ее производная, как «коренизация», продолжала, как верно подмечает Мартин, существовать – пусть в несколько усеченном виде и в основном негласно – вплоть до падения коммунизма. Правда, перевод «коренизации» на своего рода «нелегальное положение» упрощенно мотивируется ученым эмоциональной причиной: из уважения к русскому самолюбию. Это, впрочем, не помешало ему сформулировать правильный вывод о том, что отказ от стратегии ИПД способствовал в дальнейшем прагматизации национальной политики и преодолению содержащихся в ней элементов утопизма.

Верно и утверждение Мартина о том, что когда в 1936 году русские были объявлены первыми среди равных народов СССР и центр направил свои усилия на продвижение русского языка в национальные республики, это означало не насильственную русификацию, а своего рода билингвизацию, жизненно важную для консолидации мультыязычного государства в условиях приближавшейся войны¹⁰⁷⁵.

---

¹⁰⁷⁴ Цит. по: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 274.

¹⁰⁷⁵ Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 86, 87.

Тут важно вспомнить, что даже Л.Д. Троцкий отмечал, что русский язык использовался сталинским режимом не как средство национального угнетения, а как инструмент управленческой централизации¹⁰⁷⁶. И действительно, власть, совершенно резонно полагая, что управленческая эффективность напрямую зависит от степени языковой гомогенизации советских этносов, была заинтересована в их русификации только сугубо прагматически. Причем ставилась задача не обрусения как такового, а советизации на русской лингвистической основе. Более того, русские культурно деэтнизировались (советизировались) сверху даже интенсивней, чем другие «социалистические нации». Ведь РСФСР, в отличие от других союзных республик, не имела ни национальной компартии, ни комсомола, ни даже академии наук.

В перипетиях влияния политического фактора в СССР на национальную идентификацию специально разбирался соотечественник Т. Мартина Дэвид Бранденбергер, который также поставил во главу угла своей интерпретации прагматику модернизации, правда, при этом выделил не столько этнополитический, сколько идеологический аспект проблемы. Бранденбергера прежде всего интересовал вопрос, как посредством нагнетания в пропаганде «сталинистского руссоцентризма» власть в преддверии войны консолидировала вокруг себя население и мобилизовала его на укрепление обороноспособности страны. Он подчеркивает вынужденный характер перехода от интернационалистской к «руссоцентристской» риторике, считая последнюю наиболее соответствовавшей требованиям предвоенного и военного времени. И в этом американский ученый безусловно прав, как и в том, что в послевоенные годы эта пропагандистская тенденция выродилась в свою противоположность, провоцируя антиинтеллектуальные в духе изоляционизма идеологические кампании и питая официальный антисемитизм. Однако трудно согласиться с утверждением Бранденбергера о том, что «обрусение» официальной идеологии зашло так далеко, что в ее содержании национальное стало превалировать над классовым и образ класса-авангарда был вытеснен образом нации-авангарда¹⁰⁷⁷.

---

¹⁰⁷⁶ Троцкий Л.Д. Преданная революция. – М.: НИИ культуры, 1991. С. 142–148.

¹⁰⁷⁷ Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge: Harvard University Press, 2002. Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 144.

Подобная гиперболизация роли национальной составляющей в советской политике и пропаганде 1930-х гг. – весьма расхожее суждение в работах современных западных ученых. Тот же Мартин полагает, что в годы «большого террора» репрессии по национальному признаку (по его подсчетам, число пострадавших от них составляло около 800 тыс. чел.) превзошли таковые по классовому¹⁰⁷⁸. Однако из недавно опубликованных архивных данных госбезопасности следует, что, скажем, в СССР в 1937–1938 гг. – на пике политического террора – его жертвами (были арестованы) стали всего 1,575 млн. человек, в том числе 0,121 млн. человек, обвиненных в националистической деятельности, то есть доля последних в общем количестве репрессированных за указанные годы не превысила 8%¹⁰⁷⁹.

Еще более утрированно фактор «этнизации» сталинского режима подается немецким профессором восточноевропейской истории Йоргом Баберовски. Полагая, что в середине 1920-х гг. большевики преобразовали империю в «государство наций», он с пафосом утверждает, что в СССР национальная принадлежность потом превратилась в рок, а большевистские вожди «не представляли себе людей вне рамок национальной принадлежности», нацистским лидером¹⁰⁸⁰. Настаивая на приоритете национального над классовым в сталинском СССР, немецкий ученый приходит к спорным выводам. Он утверждает, что «в ходе сталинской революции сверху классы были доведены до полного исчезновения», передав роль социального маркера «нациям»¹⁰⁸¹. При этом игнорируется то общеизвестное положение, что советские идеологи считали бесклассовым только чаемое в очень отдаленной перспективе идеальное коммунистическое общество, а в 1930 гг. в СССР декларировалась только ликвидация «антагонистических», «эксплуататорских» классов. Тогда как «дружественные» классы – рабочие и крестьяне, а также социальная «прослойка» в виде «народной интеллигенции» продолжали существовать вплоть до конца Советского Союза. Н.И. Бухарин писал в 1936 году: «У нас впервые вырос целостный народ, единый и суверенный, консолидированный и по вертикали (классы), и по горизонтали (нации)».

---

¹⁰⁷⁸ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. P. 315.

¹⁰⁷⁹ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – М.: Кучково поле, 2006. С. 337, 341.

¹⁰⁸⁰ *Баберовски Й.* Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917–1953 // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 179, 185.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 187.

Кстати, этому большевистскому идеологу принадлежало и первое развернутое определение советского народа как «новой исторической общности людей»¹⁰⁸².

Абсолютизируя роль нации в восприятии большевиков, Баберовски полагает, что для них она была «вечной» категорией¹⁰⁸³. Между тем известно, что Сталин предрекал «постепенное слияние всех наций в одно целое» при условии «победы социализма во всех странах»¹⁰⁸⁴.

Вообще Баберовски пытается втиснуть создаваемый им образ советского вождя – к сожалению, несколько упрощенный и схематичный – в узкие рамки собственных представлений о «национал-большевизме»: Сталин – ограниченный националист, чье грузинское происхождение проявлялось не только в характерных облике и речи, но, будучи выходцем с национальной окраины империи, он якобы сам «особо подчеркивал значимость того, что коммунист с Кавказа управляет Советским Союзом»¹⁰⁸⁵.

Между тем, Роберт Такер – один из лучших западных биографов Сталина, напротив, утверждает, что Иосиф Джугашвили еще до революции упорно отождествлял себя с русской нацией и потому «непросто отбросил свою национальную принадлежность, а энергично ее отверг»¹⁰⁸⁶. После революции, да и до конца жизни Сталин неизменно подчеркивал, что он «русский большевик», даже в интимных беседах с близкими соратниками он самоиронично подчеркивал: «Я... обрусевший (выделено мною. – Г.К.) грузин-азиат»¹⁰⁸⁷. К тому же, Сталин, считая (как и Ленин) национальный вопрос в сравнении с классовым второстепенным («подчиненным»), был в его решении еще большим прагматиком, чем его учитель, и, по оценке Л. Троцкого, рассматривал связанные с ним проблемы главным образом «с точки зрения удобства административного управления»¹⁰⁸⁸.

Необходимо попутно отметить, что изменение политического баланса в пользу численно доминировавших национальностей (с сопутствующим урезанием прав нацменьшинств, особенно диаспоральных, маркируемых при нарастании внешней угрозы как

¹⁰⁸² Известия. 1936. 14 июня. С. 2. Известия. 1935. 6 июля.

¹⁰⁸³ Баберовски Й. Указ. соч. С. 182.

¹⁰⁸⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 343, 346.

¹⁰⁸⁵ Баберовски Й. Указ. соч. С. 183–184.

¹⁰⁸⁶ Такер Р. Сталин. История и личность. – М.: Весь мир, 2006. С. 102–105.

¹⁰⁸⁷ Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Ред. В.А. Небезин. – М.–СПб.: АИРО-XX – Дм. Буланин, 2003. С. 158.

¹⁰⁸⁸ Стенограмма XII съезда РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 172. Троцкий Л.Д. Сталин. Ч. 2. – М.: Терра, 1990. С. 171.

«пятая колонна») происходило не только в СССР, но одновременно также в Польше, Латвии, Литве, других странах Восточной и Центральной Европы. Так проявилась общая тенденция в развитии стран этого региона, соскальзывавшего в бездну новой мировой войны. И когда та разразилась, Сталин, прагматически присоединивший к СССР сначала западноукраинские и западнобелорусские земли восточной Польши, а потом и страны Прибалтики, и восточные провинции Румынии, забил, по мнению Мартина, последний гвоздь в гроб ИПД, проекта, изначально обращенного на Восток, к народам, заинтересованным в «подтягивании» к уровню социально-экономического и культурного развития русских, и не могущего предложить ничего в этом плане позитивного населению западных территорий. Тогда идея ИПД потеряла всякий смысл.

В последующем получилось так, что, распространив после победоносной Второй мировой войны свою власть еще дальше на Запад, большевики «наступили» на те же «грабли», на которые еще до них «наступали» русские цари, чьи западные «приобретения» – Польшу и Финляндию – Российская империя так и не смогла «переварить». В какой-то мере подобное «несварение» подорвало и жизненные силы Советского Союза, ускорив его развал. Более чем очевидно, что исчерпывающе разобраться в этом российском «синдроме натиска на Запад» поможет, скорей, геополитическая оптика¹⁰⁸⁹, чем концепция ИПД, носящая ограниченный характер – и по хронологии, и по степени охвата факторов, влиявших на формирование советской национальной политики.

Основной изъян концепции Мартина коренится в том, что анализируемая им сфера (этнополитические отношения) слабо коррелировалась с процессом генезиса советского режима власти. Такая исследовательская «лакуна», видимо, была обусловлена тем, что модель ИПД во многом была подготовлена Мартином по «родным» лекалам. Представляется, что исследователь был недостаточно погружен в специфику системы сталинизма и потому невольно пытался восполнить этот пробел посредством экстраполяции некоторых элементов американской социально-политической системы (имеет развитый институт гражданского общества) на совершенно отличную от нее советскую. Но рассматривать сквозь такую «призму» советское прошлое, в котором власть государства, увенчанная диктатурой Сталина, была практически абсолютной, а гражданского общества не существовало, значит обречь себя на неизбежные aberrации.

---

¹⁰⁸⁹ См., например: *Кожин В.В.* Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. С. 35–45.

В «советских» работах Мартина политический аспект проблемы явно игнорируется. Но любое стремление изгнать из исследования «политику», как, впрочем, и другая крайность – гипертролизация политического момента истории, в научном плане одинаково деструктивны. Показательно, что создатель советской мультиэтнической империи Сталин резко осуждал попытки деполитизации национальной сферы. В ноябре 1918 года он писал в «Правде»: «Тупость социал-демократов Австрии... в том, собственно, и состоит, что они не поняли неразрывной связи национального вопроса с вопросом о власти, стараясь отделить национальный вопрос от политики и замкнуть его в рамку культурно-просветительных вопросов...»¹⁰⁹⁰.

По сути, Мартином в качестве научного объекта была искусственно вычленена и названа «империей позитивного действия» сравнительно кратковременная практика конструктивного (относительно этноменьшинств) государственного националстроительства, которая потом, как известно, сменилась соответствующей «негативной практикой» – массовыми этническими чистками, депортациями «изменнических» народов, официальным антисемитизмом. Мартин игнорировал интегральный механизм функционирования советского государства, которое задействовало в национальной политике набор практик (конструктивных, репрессивных), дозируя применение каждой из них в зависимости от ситуации, складывавшейся в стране и мире, и текущих потребностей власти. Политика «позитивного действия» – только один из «приводных ремней», использовавшихся сталинским режимом для мобилизации социальной поддержки со стороны «освобожденных» советских народов. Аналогичные «программы позитивного действия» применялись и в отношении других категорий общества – рабочих, женщин, молодежи и т.п. Предложенную Мартином модель ИПД можно охарактеризовать как «дискретную» и в недостаточной мере отвечающую требованиям комплексного системного анализа советской национальной политики. Однако работы этого автора ценны уже благодаря их насыщенности малоизвестной фактографией из российских архивов.

Завершая этот раздел, следует заметить, что страны, которые, обретя в последние десятилетия независимость, стали исподволь претендовать на статус «малых» империй, еще, к сожалению, не стали (в отличие от России–СССР и других больших империй) объектами специальных научных исследований. Притом что доминирующий взгляд на эти государства с позиций во многом

---

¹⁰⁹⁰ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 165.

комплиментарного по отношению к ним тьермондизма¹⁰⁹¹ явно далек от реальности, в том числе и исторической. Между тем, в конце 1980-х гг. академик А.Д. Сахаров предостерегал против шовинистических «замашек» этих «малых империй»¹⁰⁹². Еще более определенно высказался тогда же отец этнологического структурализма Клод Леви-Стросс (1908–2009), который, осудив тьермондизм и выступив в качестве защитника нацменьшинств, с горечью констатировал: «Правительства стран, которые обрели независимость после последней войны, не выражают ни капли доброжелательности по отношению к так называемым отсталым культурам, существующим на территории этих государств»¹⁰⁹³.

«Меркурианство» Ю. Слэзкина

Еще больший резонанс в глобальном историческом сообществе вызывало появление книги другого американского исследователя – профессора Калифорнийского университета в Беркли Юрия Слэзкина (р. 1956) о еврейском вопросе в XX веке¹⁰⁹⁴.

¹⁰⁹¹ Тьермондизм (третье мироведение) – совокупность страноведческих концепций и исследований о развивающихся странах.

¹⁰⁹² Интервью А.Д. Сахарова Г.М. Цитриняку // Огонек. 1989. № 31. С. 27.

¹⁰⁹³ Беседа Клода Леви-Стросса с Дидье Эрибоном // Неприкосновенный запас. 2008. № 1. С. 57.

¹⁰⁹⁴ *Slezkine Yu. The Jewish Century. Princeton University Press, 2005 (Слэзкин Ю.Л. Эра Меркурия. Евреи в современном мире / Автор-пер. с англ. – М.: НЛО, 2005).*

С общим фоном благожелательной критики (главным образом, англоязычной), которой была отмечена публикация этой книги, контрастирует статья известного американского специалиста по истории еврейского вопроса в царской России и СССР С. Резник. «Мне очень понравилось, – отмечает этот эмигрант из Советского Союза, – как написаны все главы, ибо они написаны с блеском. Но именно поэтому меня поразила та беспечная виртуозность, с которой автор тасует колоду фактического материала, по ходу выбрасывая или пряча в рукав то, что ему не подходит, и превращая в козырных тузов мелочевку, которая удобно нанизывается на его шампур. Шашлык получился очень аппетитным, но... не вполне съедобным». Особенно шокировало Резника то, что «Ю. Слэзкин наделяет еврейство ролью ведущего проводника репрессивной политики Сталина». Он поясняет: «В английском варианте книги он (Ю. Слэзкин. – Г.К.) называет евреев «Stalin's willing executioners» («Сталинские усердные палачи»). Это реминисценция названия нашумевшей книги гарвардского профессора Дэниела Гольдхагена «Hitler's willing executioners» (*Daniel Jonah Goldhagen. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*), в которой привлечен обширный материал, показывающий, что уничтожение евреев нацистами... активно поддерживали широкие слои немцев – «добровольные па-

Написанная в стилистике «игры с образами» («исторического имажинизма»), эта работа стяжала успех благодаря, как представляется, насыщенности ее содержания яркой и эмоционально-выразительной образностью. Обращаясь к литературным персонажам шолом-алейхемского «Тевье-молочника», автор как бы выстраивает типологическую проекцию на собственную семейную хронику (популярный на Западе прием), исполненную теплоты личных воспоминаний и родственных преданий. Правда, все это подается на фоне во многом, как кажется, умозрительного и нарочитого погружения в античную мифологию, что дает автору повод для историософских рассуждений – внешне эффектных благодаря намеренной провокативности, однако в научном плане весьма спорных.

Автор пытается доказать, что, так сказать, онтологическая причина глобальной многовековой вражды (конфликтов, войн и т.п.) на национальной почве коренится в изначально существовавшем отличии между кочевыми и оседлыми этносами, резко разнившимися по характеру и сфере трудовой деятельности, образу жизни, психологическому складу, интеллектуальным способностям. Кочевые племена и их потомки, являвшиеся, по определению автора, «вторичными производителями, специализировавшимися на предоставлении товаров и услуг окружающему их земледельческому населению», именуются им «меркурианцами» (от мифического Гермеса-Меркурия – покровителя посредников, переводчиков, перебежчиков; защитника мастерства, искусства, хитроумия). Их же этнопсихологические «антиподы» – то есть те, кто свой род вел от оседлых племен, занимавшихся «первичным производством» (земледелием, строительством, прочим созидательным трудом), а также охраной и защитой своих земель – названы в книге «аполлонийцами» (по имени другого древнегреческого бога, покровительствовавшего земледельцам, скотоводам, воинам и артистам).

Слэзкин полагает, что капиталистическая модернизация, унифицировавшая и нивелировавшая человечество (в том числе и путем слома межэтнических перегородок), парадоксальным образом еще более обострила антагонизм, возникший на почве описанной

лачи Гитлера». Эта реминисценция привела в восторг одного из рецензентов книги Ю. Слэзкина, который вынес ее в заголовок. (*Kevin McDonald*. «Stalin's willing executioner's»? http://www.vdare.com/misc/051105_macdonald_stalin.htm.) (*Резник С.Е.* Тевье-молочник и век-волкодав. О книге Юрия Слэзкина «Эра Меркурия: Евреи в современном мире» // Заметки по еврейской истории (сетевой журнал – <http://www.berkovich-zametki.com>). 2007. № 10(82).

дифференциации в процессе этногенезиса, и привела в XX веке к таким колоссальным трагедиям, как Холокост.

Автор определенно дает понять, на чьей стороне его симпатии, когда пишет, что «в век универсального меркурианства традиционные меркурианцы обладают очевидными преимуществами перед аполлонийцами; интеллектуализм («одаренность», «рефлексия») – столь же неотъемлемая часть меркурианства, сколь ремесленничество и ростовщичество...». В конечном счете в книге возникает отчетливая, а местами даже ходульная антитеза: «меркурианство» (либерализм, модернизм) против «аполлонийства» (традиционализма и консерватизма).

Исповедуя своеобразный «иудеоцентризм», Слэзкин в самом начале книги назвал в качестве ключевых следующие тезисы: «модернизация – это когда все становятся евреями»; «современная эра – еврейская эра», «XX век – еврейский век»¹⁰⁹⁵. Потом он логически дополнил этот свод еще одним положением – «...только евреи... превратились в универсальных представителей меркурианства и современности»¹⁰⁹⁶, – как бы давая тем самым понять, что под «меркурианцами» подразумеваются главным образом этнические евреи, хотя из содержания книги с его перегруженностью образами, метафорами, аллюзиями это не всегда очевидно. И пусть в предисловии и дается пояснение, что слово «евреи» в книге используется в прямом и конкретном этноконфессиональном смысле¹⁰⁹⁷, однако из приведенных выше лозунговых выводов автора видно, что это далеко не так, что для него это слово еще и маркер-символ – прежде всего либерализма, но также и модернизации, капитализма, космополитизма и интеллектуализма.

Такая неопределенность в формулировании основного предметного понятия не позволяет рассматривать данную работу как научно-историческое исследование; тут уместнее было бы говорить о жанре историко-публицистической эссеистики, в рамках которого прием «художественного осмысления» истории не только уместен, но даже приветствуется. Однако из-за обилия в книге, написанной живо, интересно, эмоционально и ярко, авторских риторических «вольностей», ее содержание местами сумбурно и противоречиво по смыслу, особенно в двух первых главах, в которых проводится историософский анализ роли и места еврейства в развитии человеческой цивилизации.

---

¹⁰⁹⁵ Слэзкин Ю.Л. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. – М., 2005. С. 9.

¹⁰⁹⁶ Там же. С. 58.

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 12.

Наиболее уязвимым местом в теоретических построениях автора являются его туманные, а порой и путанные рассуждения об особой «меркурианской» закваске еврейства. Они явно не способствуют пониманию той главной и очевидной истины, что универсальным двигателем модернизационного прогресса была европейская иудео-христианская цивилизация. Только пройдя через ее горнило и отрекшись от сковывающего средневекового традиционализма в пользу благ эмансипации (культурной и правовой), то же еврейство (точнее, существенная его часть), выйдя из гетто и напитавшись энергетикой Просвещения, космополитизировалось и заняло одну из ведущих позиций в авангарде глобального цивилизационного развития. Кстати, это признается в книге и самим Слэзкиным, причем вразрез с собственными предыдущими утверждениями: «Современный Век начался не с евреев. Они вступили в него поздно, имели мало отношения ко многим из важнейших его эпизодов... и с трудом приспособились к его многочисленным требованиям»¹⁰⁹⁸.

Что касается так называемого «меркурианства», то, по нашему мнению, это отнюдь не столько сугубо этнический, сколько определенный социально-этнический психатип, в формировании которого главное – не исторические корни (скажем, принадлежность предков к кочевому племени – на что делает упор автор), а диаспоральная среда обитания, заставляющая представителей всех «пришлых» нацменьшинств так или иначе адаптироваться к чуждому им обществу, заполняя те или иные социальные лакуны. Вот почему, допустим, еврей-американец по складу личности значительно отличается от еврея, рожденного в Израиле, в отдельных случаях даже более, чем от представителей других нацменьшинств в США.

Книга Слэзкина вносит мало нового и оригинального в тот продолжающийся уже более полутора столетий глобальный научный и философско-религиозный дискурс о роли и месте евреев в мире. Если даже ограничиться трудами на эту тему всемирно известных русских мыслителей, то это будут сотни произведений и десятки громких имен, в первую очередь таких, как Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев и др.

Но, тяготея более к соответствующему европейскому интеллектуальному нарративу, Слэзкин предпочел главным образом изложить и процитировать почерпнутые из него суждения о роли еврейства в модернизации мира. Причем отбор этих мыслей проводился избирательно: «селекцию» проходили лишь те из них,

¹⁰⁹⁸ Там же. С. 90.

которые вписывались в авторскую концепцию о еврейской сущности модернизации. Чтобы обосновать приоритет диаспорального еврейства в «капитализации» мира, автор апеллирует, скажем, к несколько устаревшим и несущим на себе явную печать «социального дарвинизма» трудам немецкого экономиста, социолога и историка Вернера Зомбарта (1863–1941).

Действительно, этот ученый муж дотошно и с немецкой обстоятельностью исследовал исторические, психологические, религиозные и даже «расовые» («антропологические») аспекты «объективной» и «субъективной» предрасположенности евреев к «капиталистической форме хозяйствования». Бережливость, племенная сплоченность, обособленность, «подвижность» («кочевничество»), рационализм, абстрактный склад ума, интеллектуализм, сильная воля, целеустремленность, эгоизм, «торгашество» – вот те отмечавшиеся Зомбартом (а вслед за ним и Слэзкиным) «национальные качества», которые и обусловили «генетическую» буржуазность евреев, выдвинувшую их в первые ряды «строителей капитализма». Однако в своей пространной книге «Евреи и экономика» Зомбарт отнюдь не абсолютизировал роль евреев в глобальной модернизации. Он подчеркивал, что помимо «еврейского» момента существовали «тысячи других факторов, в равной мере приведших к тому, что наша экономика сегодня имеет именно такой вид, какой имеет», и что участие евреев в становлении капитализма «составляет одну (выделено Зомбартом. – Г.К.) главу в великой книге истории». Кроме того, немецкий ученый, отмечая, что «современный капитализм точно так же не сформировался бы без влияния евреев, как, например, он не сформировался бы без открытия Америки и ее серебряных рудников, без развития современной техники, без тех самобытных черт, которые присущи европейским нациям, а также без свойственной им исторической судьбы», особо предупреждал, что «неискушенный читатель может легко исказить подлинную картину действительности в пользу лишь одного фактора»¹⁰⁹⁹.

Слэзкин, к сожалению, не внял этому предостережению, сведя позицию Зомбарта к констатации исключительно «еврейского происхождения» капитализма.

Такая же натяжка и даже некоторое упрощенчество, если не сказать примитивизация, ощущается и в том, что Слэзкин, характеризуя отношение Зомбарта к евреям, утверждает, что, поскольку последний «не любил капитализм», он, следовательно, «не любил» и евреев¹¹⁰⁰.

¹⁰⁹⁹ Зомбарт В. Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 122.

¹¹⁰⁰ Слэзкин Ю.Л. Указ. соч. С. 79.

На самом деле, не все так просто и однозначно. По своим политическим убеждениям немецкий ученый был националистом либерального толка, тяготевшим к социал-демократам. Он осуждал любое насилие, произвол и поношение в отношении еврейства, резко критиковал оголтелых «теоретиков» и пропагандистов антисемитизма, таких как Евгений Дюринг и Адольф Вармунд. Зомбарт выступал за полное равноправие евреев, особо приветствуя их широкое «полезное» участие в «национально органичной» им и соответствующей их «духу» хозяйственной жизни государства. Отмечал он и позитивный характер присутствия евреев в общекультурном контексте страны, указывая на то, что они нужны немцам, как муке – чтобы стать хлебом – необходима закваска. В противном случае немцам грозило бы «задохнуться в своей “белокурости”». Вместе с тем, Зомбарт настаивал на том, чтобы евреи, не препятствуя немцам «свободней дышать», «не сосредоточивались густыми массами по отдельным пунктам», под которыми подразумевались прежде всего государственная служба и армейский офицерский корпус. Обобщая, Зомбарт так формулировал свою «еврейскую программу»: «Государство предоставляет своим еврейским гражданам полное равноправие, а евреи настолько благоразумны и тактичны, что они используют это равноправие не повсюду и не в полном объеме»¹¹⁰¹.

О такой позиции европейских интеллектуалов, известной как асемитизм, в России узнали из появившихся в марте 1909 года почти одновременно статей В.Е. Жаботинского и П.Б. Струве. Первый так квалифицировал это новое для России западное «веяние»: асемитизм – «...это не борьба, не травля, не атака: это – безукоризненно корректное по форме желание обходиться в своем кругу без нелюбимого элемента»¹¹⁰².

Ясно, что опасливое отношение Зомбарта к еврейству обуславливалось не некой нелюбовью к капитализму, как, напомним, утверждает Слэзкин, а, во-первых, некими научными, точнее, псевдонаучными в духе «социального дарвинизма» представлениями о том, что человеческие «расы» (в данном случае северная «арийская» и южная «еврейская») подобны биологическим видам и потому могут сосуществовать, сотрудничать, но никак не должны «скрещиваться». Вот почему Зомбарт категорически возражал против еврейской ассимиляции, обосновывая ее «пагубность» тем, что «расовые различия» между евреями и «арийскими»

¹¹⁰¹ Зомбарт В. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. С. 517–526.

¹¹⁰² Жаботинский В.Е. Асемитизм // Слово (СПб.). 1909. 9 (22) марта. С. 2. См. также: Струве П.Б. Интеллигенция и национальное лицо // Слово. 1909. 10 (23) марта. С. 2.

народами «слишком велики». Более того, считая национальную психологию важнейшим «расовым» атрибутом, Зомбарт настаивал также на сегрегации, так сказать, ментальной: «Я... желал бы в интересах нашей немецкой национальной души, дабы она освободилась от овладевшего ею еврейского духа и могла бы снова развиваться во всей своей чистоте»¹¹⁰³.

Решение «еврейского вопроса» Зомбарт видел в реализации сионистского проекта, в переселении евреев на Ближний Восток и создании там собственного государства¹¹⁰⁴. Однако Слэзкин об этом не упоминает и, очевидно, потому, что принципиально не приемлет «сионистского проекта», неизбежно влекущего за собой, как он полагает, переход евреев из отмеченного печатью чуть ли не врожденной талантливости «меркурианства» в ипостась «заурядных» «аполлонийцев». Израиль Слэзкин называет «очень странным», «горделиво западным в сердце «восточной» тьмы», «самым эксцентричным из всех европейских национальных государств», где «риторика этнической однородности и этнических депортаций, табуированная на Западе, является обыденным элементом... политической жизни»¹¹⁰⁵.

Показательно, что главный идеолог сионизма Теодор Герцль упомянут в книге Слэзкина всего лишь один раз, да и то мимоходом. Но зато в ней гораздо больше внимания уделяется отношению к еврейству отца «расовой теории» Хьюстона Стюарта Чемберлена. Эта одиозная личность, очевидно, уже тем приглянулась Слэзкину, что так же, как и он, грешит абсолютизацией феномена диаспорального еврейства¹¹⁰⁶. И не важно, что «еврейский гений» подается у этого протоидеолога нацизма в негативном свете. Как это ни парадоксально, но демонизация куда меньше разнится с идеализацией, чем с трезвым взглядом на вещи. Ведь, как известно, при желании оценочные «минусы» легко превращаются в «плюсы».

Но самое главное, детально обзрев в своей объемной книге «еврейский» XX век, Слэзкин, накопив, надо полагать, богатый аналитический материал, даже в общих чертах не обозначил соответствующей перспективы на век XXI-й. Думается, отказ от собственного прогноза вызван опасением автора, что тот будет негативно контрастировать с основным содержанием книги. Ведь очевидно, что в новом столетии диаспоральное еврейство в результате все более интенсифицирующегося процесса ассимиля-

¹¹⁰³ Зомбарт В. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. С. 512.

¹¹⁰⁴ Там же. С. 509, 514–518.

¹¹⁰⁵ Слэзкин Ю.Л. Указ. соч. С. 468–471.

¹¹⁰⁶ Слэзкин Ю.Л. Указ. соч. С. 76–77.

ции может вообще исчезнуть как этнокультурный феномен. Вероятно, автору не очень хотелось завершать хвалебную оду «меркурианскому» еврейству таким «минорным» финалом. Вместе с тем, не надо быть провидцем, чтобы предречь выживание евреев как нации только в Израиле, пусть даже и ценой полного перехода в несимпатичное Слёзкину «аполлонийство». То есть, по всей видимости, в полной мере воплотится предвосхищенная Артуром Кестлером (1905–1983) жесткая альтернатива: или возвращение в Израиль, или ассимиляция.

Созвучно мыслил и другой выдающийся еврейский мыслитель Мартин Бубер, который говорил, что «только тот, кто вверяет себя одновременно духу и земле, вступает в союз с вечностью». Эта сентенция была процитирована в книге известного американского филолога и культуролога Бориса Парамонова «Портрет еврея»¹¹⁰⁷, которая, будучи изданной задолго до выхода в свет книги Слёзкина, несомненно, была ему знакома (многие историософские моменты двух книг явно перекликаются, даже конкретно текстуально¹¹⁰⁸), хотя он и не ссылается на работу коллеги.

Размышляя на одну и ту же тему, эти авторы как бы заочно полемизируют друг с другом, существенно расходясь во мнениях и оценках по поводу еврейской ментальности и исторической судьбы. Если для Слёзкина еврейская диаспоральная приспособляемость («меркурианство») – несомненное позитивное адаптивное качество, то Парамонов¹¹⁰⁹ придерживается на этот счет противоположного мнения: «Степень ассимилированности еврея – степень его бездарности. Бездарность здесь следует понимать как богооставленность. Если ассимилированный еврей сохраняет свой гений, он становится русским, польским, французским гением... Поскольку евреи создают культуру, постольку они отказываются от себя, сфера еврейства – не культура, а гений...»¹¹¹⁰.

Аналогичным образом разнятся и отношения этих авторов к характерной для евреев социальной и пространственной мобильности. Парамонов, рассуждая о причинах еврейского «кочевничества», решает на очень серьезный, но в чем-то двусмысленный и не сопровождаемый надлежащим обоснованием вывод:

---

¹¹⁰⁷ Парамонов Б.М. Портрет еврея. – СПб.–Париж: Изд. Т. Гржебина, 1993. С. 62.

¹¹⁰⁸ Рассуждая о национальной психологии евреев, и в частности о такой ее составляющей, как «идея посредничества», Парамонов использует образ Гермеса-Меркурия, ссылаясь при этом на Томаса Манна как автора этого сравнения.

¹¹⁰⁹ Парамонов Б.М. Указ. соч. С. 72.

¹¹¹⁰ Там же.

«Основная еврейская добродетель – «встать и пойти», это народ не оседлый, несмотря на солидную недвижимость. И нужно понять, что такими шатунами сделал их не антисемитизм окружающего оседлого населения, но собственная их беспокойная природа породила антисемитизм»¹¹¹¹.

На фоне этих рассуждений Парамонова – раскованных, совершенно свободных от идеологической догматичности, иногда даже находящихся на грани политкорректности – историософские построения Слэзкина выглядят несколько прихотливыми, к тому же вторичными по идейной начинке. Претензия последнего на оригинальное видение исторической роли еврейства («прогрессивно меркурианской») по сути обернулась «перелицовкой» старого, с большой долей юдофобства представления об онтологической буржуазности еврейства. И все же несмотря на эти минусы, в целом книга Слэзкина, что называется, читается – в первую очередь благодаря живо и интересно написанным разделам о генезисе и исторической судьбе русско-советско-еврейской интеллигенции, где богатый и разнообразный фактографический материал удачно вплетен в канву основанных на глубоких знаниях (главным образом филологических) рассуждений, в которых чувствуется живой пульс личной авторской сопричастности.

Примерно в том же ключе «человеческого измерения» написана книга еще одного американского ученого и выходца из СССР Владислава Зубока (р. 1958) «Дети Живаго. Последняя русская интеллигенция»¹¹¹². И хотя она, в отличие от работы Слэзкина, «не блещет» внешне эффектными авторскими сентенциями, тем не менее это добротное, глубоко аналитическое и основательно фундированное научно-историческое исследование. Главный вывод этой интересной работы состоит в том, что генерация русско-советских интеллигентов 1925–1940 гг. рождения («дети Живаго»), либеральная часть которой известна под самоназванием «шестидесятники» (термин предложен С.Б. Рассадным), во многом сформировалась в условиях запоздалой модернизации страны и политической несвободы. Этот социально-культурный слой, являвшийся в какой-то мере преемником дореволюционной русской интеллигенции в исполнении миссии суррогата институций развитой демократии, сошел с исторической сцены с крушением СССР в 1991 году и начавшегося процесса либерализации России по западному образцу.

¹¹¹¹ Там же. С. 65.

¹¹¹² *Zubok V.M. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia.* – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009. В.М. Зубок – внук известного отечественного историка-американиста Л.И. Зубока (1896–1967).

Возвращаясь к «новоимперскому» дискурсу, нелишне, думается, заметить, что еще в 1994 году Слэзкин в погоне за яркой исторической образностью использовал метафору «СССР как коммунальная квартира»¹¹¹³, предложенную семьюдесятью годами ранее видным большевиком И.М. Варейкисом. И хотя это сравнение было более удачным, чем позднейшие представленные выше «находки» Слэзкина, уже и тогда было очевидно, что чрезмерное увлечение подобным «символизмом» контрпродуктивно. Как резонно отмечал английский историк Джереми Смит (автор интересного исследования о национальной политике большевиков в первые годы советской власти¹¹¹⁴), метафоры помогают ярче «высветить» историческую ситуацию, но не способны ее объяснить¹¹¹⁵.

Если предложенная Т. Мартином модель «империи позитивного действия» выполняет главным образом функцию «адаптора» истории многонационального СССР к стереотипам западного, точнее, американского интеллектуального сознания, а метафорика Ю. Слэзкина призвана в интересах лучшей «усвояемости» этой истории западной публикой «приправить» ее яркой привлекательной образностью, то Смит, как кажется, «одержим» исключительно исследовательской амбициозностью. Больше полагаясь, по собственному признанию, на свою интуицию ученого, он попытался наглядно представить советскую национальную политику посредством специально разработанной «количественной модели», фиксирующей (в виде графика) распределение в течение всего существования СССР властных полномочий между центром и национальными регионами¹¹¹⁶. И хотя в целом данная модель – легкая мишень для обвинений в «схематизме», чрезмерном «эмпиризме», – правомерность и научная обоснованность выбора главным ее параметром фактора власти сомнений не вызывает. Показательно, что такой выбор был сделан историком-«модернистом»(!), то есть заведомым приверженцем «социаль-

---

¹¹¹³ *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. P. 414–452.

¹¹¹⁴ *Smith Jeremy.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. – Basingstoke, 1997.

¹¹¹⁵ *Смит Дж.* Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И.В. Герасимова и др. – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 359–361.

¹¹¹⁶ Там же. С. 363–372.

ной», а не «политической» истории. Это как раз тот случай, когда прагматичный эклектизм в методологии продуктивнее концептуальной ортодоксии с часто сопутствующей ей догматизмом и схоластикой.

Подтверждением тому служит «синтетическая» точка зрения американского историка Питера Блитстайна, который отмежевывается одновременно и от тех, кто привык видеть в «тоталитарном» СССР «тюрьму народов», то есть исключительно репрессивное русификаторское государство, и от тех, кто, исповедуя «ревизионистскую» теорию «империи позитивного действия», в чем-то идеализирует политику «коренизации», а значит, косвенно и ранний Советский Союз. Блитстайн доказывает, что модели «империи» и «национального государства» в чистом виде существуют только в абстрактных научных классификациях, но в исторической реальности их никогда не было. На основании этого утверждается:

– имперские практики (культивирование многонациональности внутри одного государства) могут применяться и национальными государствами, хотя те объективно стремятся к этнической гомогенизации;

– СССР был «уникальным гибридом», сочетавшим элементы традиционализма и модерности в национальной политике, в рамках которой созидалась единая гражданская нация («советский народ») и одновременно консервировались и даже поступательно наращивались этнокультурные различия, переросшие со временем в фундаментальные противоречия, обусловившие в конце концов крах СССР¹¹¹⁷.

Переходя от «империологии» западной к отечественной, необходимо предварительно отметить, что восприятие современными российскими историками и политологами советского национального прошлого – не менее, а быть может, и даже еще более политизировано, чем у их западных коллег. В постсоветском «этноисторическом» дискурсе доминируют следующие основные направления: либеральное («неомодернистское»), почвенническо-консервативное («руссоцентристское»), «национал-коммунистическое» и национал-автономистское. Их представители интерпретируют историю советского «нациостроительства» в соответствующем каждому из этих направлений идеологическом духе. Конкретно остановимся лишь на характерных и наиболее ярких авторских позициях.

---

¹¹¹⁷ *Blitstein P.A. Nation and Empire in Soviet History, 1917–1953 // Ab Imperio. 2006. № 1. P. 197–219.*

Современная российская либеральная (неозападническая) трактовка советской этнополитической практики в наиболее тщательно концептуально проработанном виде представлена в книге известного этнополитолога Э.А. Паина (в 1996–1999 гг. советник Президента Российской Федерации по национальной политике) «Между империей и нацией»¹¹¹⁸. Паин, будучи приверженцем западной «тоталитарной теории» и считая себя «неомодернистом», наполняет свое определение империи почти исключительно политическим содержанием. В его понимании империя – это тип государственного устройства, основанный на принципах авторитарной власти, нацеленной не только на захват новых территорий, но и на их колонизацию и удержание в своем составе. И для этого типа государства характерны: централизация управления, иерархизация этнических общностей (с выделением главного государствообразующего народа, такой же религии и языка); там практикуется институт подданничества, тогда как в демократических государствах – свободное гражданство. Делая экскурс в историю, Паин выделяет два основных типа империй – классические (существовали вплоть до начала XX века и имели «прогрессивную» для своего времени организационную форму) и «вторичные» (появились в XX веке как диктаторские модификации классических империй; конкретно – германский Третий рейх и сталинский СССР)¹¹¹⁹.

Современная Россия, по Паину, это переходное государство – уже не империя, но еще и не гражданская нация, – стоящее на развилке двух альтернативных этнополитических путей-проектов. Один из них – традиционалистский (предполагает выбор жестко иерархичного государственного устройства на основе либо сталинской парадигмы «старшего брата», либо царско-уваровской триады «православие, самодержавие, народность», либо других им подобных вариаций) – тупиковый, ибо обращен в прошлое и не отвечает условиям и потребностям современного нациостроительства.

Другой – модернизационный, базирующийся на основополагающих принципах «добровольной осознанной интеграции этнополитических акторов в рамках гражданской нации», децентрализации власти и автономизации регионов на основе местного самоуправления (принцип гражданской самоорганизации), мультикультурализма и политической корректности, зиждящихся, в свою очередь, на «идее просвещения всего российского общества

---

¹¹¹⁸ Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.

¹¹¹⁹ Паин Э.А. Указ. соч. С. 7–9.

в духе осознания им объективно наибольшей роли этнического большинства (русских. – Г.К.) в процессе гражданской интеграции народов России». И далее: «Такая роль предполагает не присвоение этническому большинству (русским. – Г.К.) особого статуса... а наоборот – осознанный и добровольный отказ представителей этнического большинства от части своих преимуществ»¹¹²⁰.

В этих рассуждениях, подкрепляемых ссылками на опыт этнической «позитивной дискриминации» в ряде государств-демократий (США, Индия), хорошо уже то, что определение статуса этнического большинства в России предлагается проводить не директивно, сверху (как было при Ленине, настаивавшем на рестрициях в отношении «великодержавной» нации как своеобразной компенсации за нанесенные царизмом «обиды» «инородцам»¹¹²¹), а снизу, на основе добровольного выбора самих русских. Правда, не понятно, о каких «преимуществах» русских идет речь? Как представляется, акцент следует делать не столько на самоограничении (даже добровольном!) кого-либо в правах по этническому признаку, сколько на соблюдении полного равенства прав всех граждан независимо от национального происхождения.

«Перехлестность» призыва Паина к «самоограничению» русских вполне очевидна, но обусловлена она, видимо, полемической заостренностью против позиции российских политиков-«неопочвенников», сформулированной интеллектуально обслуживающими их политологами и историками («этническими антрепренерами». – Э. Паин) и нацеленной на законодательное признание русских единственным государствообразующим народом, в чем Паин резонно усмотрел попытку использовать русских как «цемент империи» и как этническую опору для формирования в стране авторитарной власти¹¹²².

Такое опасение было конкретно мотивировано как соответствующим законопроектом («О русском народе»), который в начале 2000-х гг. был представлен в Государственную думу, так и усиленно проводившейся в то время радикальными национал-консерваторами пропагандистской кампанией в поддержку проекта «Русской республики», который, правда, в силу своей скандальности быстро сошел на нет.

Однако современное «неопочвенничество» отнюдь не исчерпывается подобными крайними проявлениями. Идейная палитра этого правоконсервативного течения достаточно «полихромна» (если иметь в виду составляющие его «оттеночные» толки). На-

---

¹¹²⁰ Там же. С. 121, 135.

¹¹²¹ См. сноску 50.

¹¹²² Паин Э.А. Указ. соч. С. 55, 73.

пример, достаточно политически умеренными выглядят работы А.И. Вдовина – современного отечественного историка, достаточно продолжительное время исследующего проблематику советской национальной политики. Его работы идеологически созвучны сочинениям А.И. Солженицына, который, как известно, расценивал советскую историю как русскую трагедию XX века и который еще в 1990 году предложил альтернативный СССР проект «Российского Союза» (в составе России, Украины и Белоруссии). Согласно историческому кредо этого авторитетного мыслителя, изложенному в брошюре «Русский вопрос» к концу XX века», СССР был создан таким образом, что «главную тяжесть советской экономической системы несла на себе РСФСР». Более того, Солженицын считал: «Подрубить именно русский народ и истощать именно его силы – была из нескрываемых задач Ленина. И Сталин продолжал следовать этой политике, даже когда прозвучал свой известный сентиментальный гост о “русском народе”»¹¹²³.

В бедах, выпавших на долю русского народа в прошлом столетии, Солженицын, в отличие от А.Д. Сахарова и других советских либерал-диссидентов 1970–1980 гг., винил не столько Сталина, сколько Ленина, полагая, что на последнем лежит куда большая историческая ответственность: и за слом национально органичной русской государственности («чтобы подорвать русский народ» Ленин «объявил лжефедерацию»); и за создание основ новой антинациональной социальной системы, которая лишь логически развивалась Сталиным в соответствии с первоначальным замыслом.

Особенно были ненавистны Солженицыну насыщенные ленинским революционным космополитизмом «первые революционные лет 15, когда «пролетарский мессианизм» приобрел ярко выраженный **руссофобский** (выделено Солженицыным. – Г.К.) характер... когда «пролетарский мессианизм» уничтожил цвет русского народа, цвет старых классов – дворянства, купечества и священства, потом цвет интеллигенции, потом цвет крестьянства...»¹¹²⁴.

Солженицын был уверен, что «коммунистический Советский Союз был исторически обречен, ибо основан на ложных идеях...»¹¹²⁵.

Основные положения этой интерпретационной схемы советской истории (безусловное отвержение «большевистского левацкого интернационализма», «космополитизма», «руссофобии», «ле-

---

¹¹²³ Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века. – М.: Голос, 1995. С. 83–84.

¹¹²⁴ Зубко М. Александр Солженицын: Россия должна быть единым государством, а не лжефедерацией // Известия. 1993. 6 октября. Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение // Новый мир. 1991. № 5. С. 21.

¹¹²⁵ Солженицын А.С. «Русский вопрос» к концу XX века. С. 88.

нинско-сталинской национальной политики» и т.п.), как, впрочем, и суждения некоторых известных русских мыслителей первой половины XX века (И.А. Ильина, Г.П. Федотова и др.) об отечественной государственности, так или иначе переключались в работы Вдовина¹¹²⁶. Тем не менее, его концептуальное видение национальной проблемы в СССР существенным образом разнится с позицией Солженицына. Если для Вдовина русский народ – лишь пассивная жертва «отчужденного» от него государства и «русофобии» «безнациональных» властей¹¹²⁷, то нобелевский лауреат писал когда-то: «Даже когда большинство населения вовсе бес- сильно помешать своим государственным руководителям – оно обречено на ответственность за грехи и ошибки тех. И в самых тоталитарных, и в самых бесправных странах мы все несем ответственность – и за свое правительство...»¹¹²⁸.

Куда ближе Вдовину позиция тех русских националистов, которые, будучи когда-то тесно связанными с советской властной элитой, маркировались как «Русская партия» или «национал-большевики» и которые считали (по словам раскритиковавшего их в свое время Солженицына), что «русский народ по своим качествам благороднейший в мире; его история ни древняя, ни новейшая не запятнана ничем...»¹¹²⁹. Так писал об этих «советских» националистах Солженицын, который кроме того считал СССР империей, полагая в связи с этим, что «держат великую империю – значит вымертвлять свой собственный народ»¹¹³⁰.

В рассуждениях Вдовина – во многом исполненных эклектизма и лишенных четких концептуальных контуров – настойчиво проводится мысль о том, что СССР никогда империей не был. В качестве аргумента используется тот довод, что это понятие сугубо историческое, применимое «лишь к *монархическим* (курсив А. Вдовина. – Г.К.) государствам древнего мира и нового времени»¹¹³¹.

Дефиниция эта, позаимствованная из советских словарей и энциклопедий, безусловно, не соответствует современной, принятой

---

¹¹²⁶ Скажем, вполне очевидно, что тезис Вдовина об «отчужденности» русских от государственной власти навеян статьей Г. Федотова 1929 года «Будет ли существовать Россия?» (О России и русской философской культуре. – М: Наука, 1990. С. 452–462).

¹¹²⁷ Вдовин А.И. Русские в XX веке. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 3, 344, 352.

¹¹²⁸ Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение // Новый мир. 1991. № 5. С. 15–16.

¹¹²⁹ Там же. С. 18.

¹¹³⁰ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Комсомольская правда. Специальный выпуск. 1990. 18 сентября. С. 3.

¹¹³¹ Вдовин А.И. Указ. соч. С. 357.

во всем мире политологической трактовке термина «империя» как территориально обширного государства не только с высокой степенью централизации власти, мощным бюрократическим аппаратом и экспансионистскими устремлениями политической элиты, но также с существенно этнически и культурно гетерогенным составом населения, не составляющим единой нации (что, собственно, и было присуще как Российской империи, так и СССР).

В отличие от таких классических колониальных империй прошлого, как Британская или Французская, царская Россия и СССР (а также Австро-Венгрия и Османская империя) не имели заморских метрополий и представляли собой в соответствии с одной современной и весьма серьезной в научном плане теорией (о ней ниже) принципиально иной тип такого рода государства – транзитивную империю, служившую историческим средством перехода от отжившего свой век «многоплеменного» с элементами феодализма государства к модерному государству-нации.

Такая интерпретация, совершенно свободная от какой-либо политизированности и тем более от коннотаций с обвинительным уклоном, принципиально отлична от подхода Вдовина, усматривающего в «империи» исключительно пропагандистский «русофобский» ярлык и жупел времен холодной войны. Вообще, несмотря на несомненно наличествующий в работах Вдовина добротный научный анализ некоторых весьма важных аспектов национально-государственного и идеологического строительства в СССР (борьба Сталина с бухаринским «левацким интернационализмом» и послевоенным «космополитизмом», хрущёвско-брежневские новации в национальной и идеологической сферах), они, к сожалению, не свободны от элементов политической ангажированности¹¹³², что почти всегда чревато историческими aberrациями.

---

¹¹³² Наиболее рельефно политизированность авторской позиции А. Вдовина проявляется в статье «“Русский вопрос” и “российская нация” на современном этапе» (www.rusrand.ru), в которой «русский вопрос» предлагается разрешить путем реализации в том числе и таких имеющих этнонационалистическую подоплеку требований: официально осудить и отказаться от национального нигилизма и космополитизма, проявляющихся в предложении запретить графу «национальность» в паспортах, в необязательности фиксации национальности при переписях населения. В этой статье содержится и такие пожелания: при формировании органов государственной власти (представительной, исполнительной, местной) руководствоваться «демократическим принципом» национально-пропорционального представительства; установить, что процент той или иной национальности в органах власти не может превышать ее доли в населении конкретного региона страны более чем в 1,2 раза; официально узаконить, что русский народ является государствообразующим народом РФ, и т.д.

Вот только несколько примеров такой научной некорректности из книги Вдовина «Русские в XX веке», изданной, к сожалению, в формате научно-популярного издания, без научно-справочного аппарата. Констатируя, что ныне «стали известны детали целого ряда проектов, разработанных в США и направленных на уничтожение СССР, расчленение его территории, уничтожение русского народа», автор далее уточняет, что в конце войны «А. Даллес (директор ЦРУ в 1953–1961 гг.)... еще в конце Второй мировой войны предложил план послевоенной борьбы с СССР, в ходе которой “эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа (видимо, русского. – Г.К.), окончательного, необратимого угасания его самосознания”»¹¹³³.

В данном случае цитируются датируемые декабрем 1945 года и приписываемые А. Даллесу (резидент американской разведки – Управления стратегических служб – в Швейцарии) некие «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР»¹¹³⁴ – «документ» с явными признаками фальсификата, в том числе с несвойственными такого рода американским официальным материалам цветистой эмоциональностью и ходульным пафосом. По мнению одного высокопрофессионального эксперта, тут предположительно может идти речь о продукте советских спецслужб, вброшенном в пропагандистских целях в «холодные» 1960-е гг. «в среду советских литераторов и журналистов». Однако, думается, создателем этой фальшивки был не кто иной, как скандально известный своим патологическим антисемитизмом американский публицист Г.П. Климов, в книге которого «Красная каббала» (1987 г.) и было впервые воспроизведено это сфабрикованное высказывание Даллеса¹¹³⁵.

Эту мифологему о боссе американской разведки Вдовин воспроизвел потом в своей совместной с А.С. Барсенковым книге «История России. 1917–2009». Выпущенная первоначально в 2005 году, она потом неоднократно переиздавалась (последний

---

¹¹³³ Вдовин А.И. Русские в XX веке. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 395–396.

¹¹³⁴ Этот «документ» был позаимствован из, деликатно выражаясь, отнюдь небезупречной в научном отношении книги О.А. Платонова «Россия под властью масонов», о чем свидетельствует соответствующая ссылка в статье Вдовина «Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии» (Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 2003. № 5. С. 50).

¹¹³⁵ Кочуков А. Аллен Даллес – война после войны // Красная звезда. 2004. 28 октября. Климов Г.П. Красная каббала. Приложения к книге. – Киев, 2001. С. 132–133.

раз в 2010 году¹¹³⁶) в качестве учебного пособия, официально рекомендованного для студентов исторических факультетов вузов. В эту же настольную книгу для будущих специалистов-историков перекочевал и составленный в духе провиденциальной историографии фантастический рассказ о том, как Сталин, якобы «прислушавшись» к «пророчеству» некоего «митрополита Гор Ливанских Илии Салиба (в миру Караме)», пошел в годы войны на послабления в сфере религиозной политики¹¹³⁷.

В результате громкого скандала, разразившегося в 2010 году в Общественной палате Российской Федерации, этот совместный труд Вдовина и Барсенкова лишился статуса пособия истфака МГУ. Произошло это в том числе и из-за того, что вследствие тенденциозной трактовки Вдовиным роли еврейства в советской истории эта книга изобилует различными вздорными «ляпами», явно порожденными антинаучной конспирологией.

Например, в разделе о коллективизации совершенно голословно утверждается, что «в качестве образца для будущих хозяйств в советской деревне был избран кибуц – близкая к коммуне модель кооператива, разработанная в начале XX века во всемирной сионистской организации». В этом же абзаце как бы невзначай замечается, что председатель Колхозцентра СССР (был учрежден в 1928 г. «специально для управления колхозами») Г.Н. Каминский (фигурирует как Г.Г. Каминский) по сути призывал активистов колхозного движения использовать незаконные методы давления на крестьянство. Такое, видимо, отнюдь не случайное комбинирование легенды о роли мирового сионизма в создании советских колхозов с описанием жесткого стиля руководства упомянутого советского государственного деятеля еврейского происхождения воспрепятствовало объективному осмыслению процесса тогдашней форсированной модернизации, осложняя и без того остро стоящую ныне в нашей стране проблему межэтнической толерантности¹¹³⁸.

Кроме того, Вдовин, манипулируя фактами, почерпнутыми из книги известного историка Холокоста И.А. Альтмана «Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг.» (М., 2002), утверждал, что евреи, доля которых в населении СССР накануне гитлеровского вторжения равнялась 2,5%, составили к декабрю 1941 года 26,9% от всех эвакуированных советских граждан¹¹³⁹. Если пове-

---

¹¹³⁶ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009. 3-е изд., расшир. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2010.

¹¹³⁷ Вдовин А.И. Русские в XX веке. С. 156–157. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009. С. 343.

¹¹³⁸ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009. С. 223–224.

¹¹³⁹ Там же. С. 338–339.

речь в это, то окажется, что в советский глубокий тыл было вывезено тогда почти три миллиона евреев (ибо известно, что к тому времени всего было эвакуировано около 12 млн. советских граждан¹¹⁴⁰). Однако Альтман, приводя указанные данные о 26,9% (точнее, 26,86%) евреев¹¹⁴¹, имел в виду не их долю от «всех» эвакуированных в 1941 году советских граждан, а только от количества тех из них, кто успел зарегистрироваться на новых местах жительства. А таковых было менее 2,5 млн. чел., в том числе приблизительно 670 тыс. евреев. Это в четыре раза меньше того числа, которое получается по недобросовестной методике подсчета Вдовина.

Подобная грубая подтасовка, обернувшаяся существенным завышением реального количества эвакуированных евреев, очевидно, понадобилась Вдовину для того, чтобы обосновать в пособии сомнительный вывод о том, что «на неоккупированной территории «еврейский вопрос» обострялся из-за явного несоответствия представленности этой национальности в руководящей и культурной элите, среди эвакуированных и на фронте...»¹¹⁴².

Возникла путаница в пособии Вдовина вокруг того, что представлено в нем как следующее, получившее «широкую известность» «с 1943 г.» «сталинское суждение, во многом определившее последующую национальную политику»: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом. которым я (Сталин. – Г.К.) занимался всю жизнь. но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране – великая великорусская нация... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведется за спасение и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»¹¹⁴³.

Первые сомнения по поводу достоверности этой цитации возникают уже потому, что в ней упомянута «еврейская нация», существования которой, как известно, Сталин никогда не признавал. Еще большие подозрения появляются после того, как в результате углубленного текстологического исследования этого фрагмента вдруг выясняется, что он представляет собой чуть

¹¹⁴⁰ Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны: [Сб.]. М., 1988. С. 139.

¹¹⁴¹ Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. С. 389.

¹¹⁴² Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009. С. 338.

¹¹⁴³ Там же. С. 341.

препарированный текст из «романа-исповеди» В.Д. Успенского (1927–2000) «Тайный советник вождя», неоднократно публиковавшегося начиная с 1991 года.

Позаимствованный Вдовиным эпизод присутствует и в двухтомном издании «Тайного советника», вышедшем в 2004 году¹¹⁴⁴. Для того чтобы наглядно продемонстрировать, в чем конкретно выразилось это заимствование, выше и воспроизведен курсивом соответствующий фрагмент из университетского пособия, в котором все дословные совпадения с текстом Успенского подчеркнуты. Правда, в отличие от автора романа Вдовин не указывает на то, что с речью о «проклятом национальном вопросе» Сталин выступил на пленуме ЦК ВКП(б). Эта важная фактическая деталь была опущена, видимо, для того, чтобы у читателей не закрались сомнения в достоверности представленной в пособии версии речи вождя. Ведь даже начинающему специалисту по советской истории известно, что в 1943 году никаких пленумов ЦК не проводилось.

Между тем, в уже упомянутых выше личных записях Льва Копелева имеется и такой пассаж: «...Я хорошо помню, как начал у нас возникать антисемитизм, это было в годы войны, особенно... заметно после пленума ЦК в 1944 году, кажется, в июле. Когда Сталин говорил, как он выразился, *«опять о проклятом национальном вопросе»*, и вскользь упомянул *«о некоторых необоснованных претензиях товарищей еврейского происхождения, которые думают, будто эта война ведется за спасение еврейского народа»*»¹¹⁴⁵.

Это важное свидетельство уже потому выглядит достоверным, что, говоря об усилении официального антисемитизма в СССР с июля 1944-го, Копелев увязывал это с прошедшим в том же году пленумом ЦК ВКП(б). И действительно, в конце января 1944 года таковой состоялся – единственный за годы войны. И на нем, что очень важно, Сталин в предвкушении скорой победы над нацизмом и формирования новой всемирной организации, названной потом ООН, даровал (конечно, декларативно) широкие дополнительные права советским союзным республикам (главным образом Украине и Белоруссии) на создание республиканских НКВДов, наркоматов обороны и т.п.

Именно этим широким пропагандистским жестом Сталина и было спровоцировано последовавшее 15 февраля 1944 г. обраще-

---

¹¹⁴⁴ Успенский В.Д. Тайный советник вождя. – СПб.: Крымский мост–9Д–Правда–Форум. – Т. 2. С. 309.

¹¹⁴⁵ «Непреклонный идеалист». Запись беседы писателя Л.З. Копелева с сотрудником КГБ СССР. 1972 г. / Публ. подг. А.М. Кожевникова // Исторический архив. 2011. № 3. С. 92. (РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 3. Д. 42. Л. 1–4).

ние к нему С.М. Михоэлса и других руководителей ЕАК, предложивших во имя спасения выживших после Холокоста евреев учредить на территории Крыма (после ее освобождения) «Еврейскую Советскую Социалистическую Республику»¹¹⁴⁶. Воспроизведенные Копелевым слова вождя «о некоторых необоснованных претензиях товарищей еврейского происхождения», очевидно, явились своего рода отрицательным ответом на эту инициативу лидеров ЕАК. С этим заявлением Сталин, скорей всего, мог выступить на публичном вручении ему 20 июня 1944 г. в Кремле медали «За оборону Москвы».

Разумеется, у Копелева отсутствуют такие имеющиеся в «версии Вдовина» выражения, как «великая великорусская нация» и «великий русский народ»¹¹⁴⁷, которые представляются поздними искусственными включениями. Даже на кремлевском приеме, устроенном 24 мая 1945 г. в честь советских военачальников-победителей, Сталин в знаменитом тосте за русский народ не назвал его великим, ограничившись такими эпитетами, как «наиболее выдающаяся нация...», «руководящая сила Советского Союза...» и «руководящий народ»¹¹⁴⁸.

Усмотрев потом в проекте еврейского Крыма американский след, Сталин в 1948 году тайно расправился с Михоэлсом, считая его шпионом. Но на этом вождь не успокоился. Выступая 16 октября 1952 г. на пленуме ЦК КПСС, он гневно заклеил Молотова, назвав «адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым»¹¹⁴⁹. Того спасла только последовавшая вскоре смерть диктатора...

* * *

Несмотря на значительный интерес, проявлявшийся в последние годы специалистами-гуманитариями к проблематике «проекта СССР» как уникальному историческому феномену, пока что нет оснований говорить о появлении сколько-нибудь фундамен-

---

¹¹⁴⁶ Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948: Документированная история / Ред. и сост. Ш. Редлих, Г.В. Костырченко. – М.: Международные отношения, 1996. С. 136–139.

¹¹⁴⁷ Между тем, это считавшееся после революции крамольным и «контрреволюционным» словосочетание было возрождено во многом благодаря выходу в свет историко-пропагандистского сочинения «Великий русский народ» (М.: Молодая гвардия, 1938), автором которого был старый большевик Борис Волин, он же Иосиф Фрадкин, – уроженец входившей в «черту оседлости» Екатеринославской губернии.

¹¹⁴⁸ Правда. 1945. 25 мая.

¹¹⁴⁹ *Ефремов Л.Н.* Дорогами борьбы и труда. – Ставрополь, 1998. С. 12–14.

тального научного исследования, претендующего на сколько-нибудь комплексный и фундаментальный охват этой темы. Конечно, на рубеже XX–XXI веков по ней было опубликовано немало интересных и достойных работ – как статей, так и отдельных книг. Их авторы ввели в научный оборот большой объем ранее засекреченных документов высших советских органов власти, применили оригинальные методики исследования, предложили немало нового и интересного не только в плане интерпретации отдельных событий и явлений, но и их концептуального осмысления. Однако, несмотря на весь этот академический «позитив», пока что можно говорить лишь о более или менее успешном изучении только отдельных тематических аспектов проблематики, причем в основном в ограниченных временных рамках. Большинство работ грешит методологической односторонностью (когда исследуются только один или несколько аспектов явления, что не дает в итоге его целостной картины), политизированностью, чрезмерной эмоциональностью оценок, что отнюдь не способствует торжеству классического тацитовского принципа «*Sine ira et studio*».

И все же в предпринимаемых в последние годы попытках по-новому осмыслить советское прошлое были и некоторые научные прорывы. В частности, была предложена и апробирована многообещающая и перспективная, как представляется, исследовательская оптика в рамках «новой теории империи», имеющей главным образом культурологическое наполнение и предполагающей глобальный дискурс. Таким образом, возникла возможность избавиться от идеологических шор времен холодной войны и, уходя от политизированности того времени с ее идеологическим ярлыками («империя зла» и пр.), во многом по-новому оценить феномен Советского государства.

Применяя предложенные «новоимперским» историографическим дискурсом компаративистские технологии, вполне определенно можно сказать, что СССР, наследовавший свою геополитическую миссию («евразийство» и т.п.) от царской России (а та восприняла ее от Византии), был империей, причем хотя бы уже потому, что реально претендовал на глобальное преобразование мира по своему образу и подобию. Так же, как и Византия, Россия–СССР была безметропольной империей. Согласно упомянутой теории о Советском Союзе как транзитивной империи¹¹⁵⁰,

---

¹¹⁵⁰ Эта теория была сформулирована и обоснована В. Галецким в статьях, опубликованных в сборнике «Население и глобализация» (М.: Наука, 2002) и журнале «Дружба народов» (2006. № 12. С. 160–176).

роль метрополии в нем выполняла спаянная воедино – социально-политически, культурно-цивилизационно и экономически – центральная и региональная (в том числе и национально-республиканская) номенклатура («транссистемный интегративный слой»).

Можно по-разному определять историческое значение национального «проекта СССР», используя широкую палитру оценок от сугубо негативной до восторженно хвалебной. Однако если, избегая этих крайностей, попытаться трезво и объективно охарактеризовать феномен «советской империи», станет очевидным главное: во-первых, поскольку существование империй как таковых объективно детерминировано неравномерностью регионального социально-экономического развития в мире, они вряд ли канут в Лету, пока такая неравномерность не будет преодолена; во-вторых, создание на обломках Российской империи Советского Союза обеспечило, несмотря на гигантские социально-политические катаклизмы XX века, поступательное развитие этнополитических образований, возникших на его территории.

Без донорской подпитки («позитивного действия») со стороны России «титульные» народы советских союзных республик (быть может, за исключением стран Прибалтики) вряд ли смогли бы (в силу ли собственного развития или внешнеполитического «расклада») «дозреть» к 1991 году до реального суверенитета, мирно реализовав тогда это право. Правда, платой за суверенизацию для некоторых из них (Грузия, Молдавия и др.) стало погружение в пучину продолжительных и болезненных кризисов, до сих пор не преодоленных на постсоветском пространстве.

И хотя в последние десятилетия своего существования СССР был поражен серьезным системным кризисом, практически лишившим его шансов на выживание, можно сказать, что, как и многие значимые исторические явления, этот «проект» не исчерпал до конца заложенного в нем позитивного ресурса.

Основная задача, стоящая перед современной политической элитой России, как раз и состоит в том, чтобы, не распыляя, а, наоборот, рачительно используя этот накопленный десятилетиями опыт, претворить в жизнь другой проект – превратить Россию в полноценное государство-нацию. Хочется верить, что это реальная задача, тем более что за последние годы в данном направлении уже немало сделано. Еще с начала 2000-х гг., когда Российскую Федерацию уподобляли Пизанской башне¹¹⁵¹, на основе анализа истории советского нацистроительства стала теоретически нарабатываться комплексная система политических, идео-

---

¹¹⁵¹ *Салмин А.М.* Пока не... // Независимая газета. 2000. 12 апреля. С. 9, 14.

логических, экономических и социально-культурных «скреп» новой российской государственности¹¹⁵².

Обозначились и заработали такие ключевые элементы этой системы, как «властная вертикаль» применительно к федерализму, «единый российский народ» («российская нация»), «российский патриотизм», «стратегическое государственное планирование социально ориентированной экономики», «культурно-религиозный традиционализм».

Однако, несмотря на достигнутую в стране некоторую внутривластную стабильность, предпринятые меры не обеспечили того главного, без чего невозможно ее дальнейшее полноценное развитие, – реального функционирования институтов демократии и незыблемости принципа верховенства Закона. Решение вытекающих из всего этого задач является для современной России жизненно важным императивом.

---

¹¹⁵² См., например: Усс А.В. России – имперскую федерацию // Независимая газета. 2000. 6 апреля. С. 8.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов В.С. – 18, 19, 20, 21, 23, 35, 86
Абдыкалыков М. – 448
Абрамис И.А. – 199
Абрамов А.Н. – 53, 171, 267, 273, 287, 303
Абрамович (Рейн) Р.А. – 239, 251
Абрамс М. – 225
Абу-Ханна Х. – 195
Аверченко А.Т. – 364
Авигур (Мееров) Ш. – 49, 52, 53, 54, 297, 303, 307
Авидар Й. – 50, 207, 208, 276
Авторханов А. – 456, 463
Агнон А. – 211
Аграненко (Ерухимович З.М.) – 123
Агурский М.С. – 84
Агурский С.М. – 84
Аджубей А.И. – 112, 227, 262, 301, 347, 377, 390, 406, 442
Аджубей Р.Н. – 390
Адлер А. – 187
Ажаев В.Н. – 121, 189, 200, 241
Айзенштадт (Железнова) М.С. – 26
Аксельрод А.Ю. – 293
Аксёнов В.П. – 351, 368, 385
Акуджава Б.Ш. – 368
Алан М. – 257
Александров Г.Ф. – 21
Александрович М.Д. – 201, 202, 222
Алигер (Зейлигер) М.И. – 39, 89, 90, 92, 99, 101, 104, 105, 107, 108, 109, 113, 124
Алигер (Энценсбергер) М.А. – 108
Аллилуева (Сталина) С.И. – 371
Альварес Х.А. – 303
Альтман И.А. – 491, 492
Альтман И.Л. – 15, 31, 34
Альшиц Д.Н. (Д. Аль) – 392
Аляб Б. – 318
Ананьев А.А. – 334
Анашкин Г.З. – 422
Андерсон – 199
Андреев Д.Л. – 84
Андропов Ю.В. – 155, 157, 325, 346
Антокольский П.Г. – 359
Антонов С.П. – 92
Арагон (Андріє) Л. – 161, 192, 243, 264, 411
Арамилев И.А. – 328, 329
Аранович Ю.М. – 391, 392
Арбатов Г.А. – 95, 346
Ардов (Зильберман) М.В. – 84
Аристов А.Б. – 285
Арканов (Штейнбок) А.М. – 391
Арон М.Г. – 42
Арэль А. – 196, 208, 314, 315
Ахад Га-Ам (У.И. Гинцберг) – 273
Ахмадулина Б.А. – 368, 400
Ахматова (Горенко) А.А. – 84, 112, 365, 404, 406, 409
Ашур А. – 195
Бабаевский С.П. – 101, 114
Бабёнышева С.Э. – 39
Баберовски Й. – 470, 471
Бажан Н.П. – 406
Бак Т. – 23, 249, 250
Бакланов (Фридман) Г.Я. – 399
Бардин М.И. – 196
Барсенков А.С. – 490, 491
Бартов (Гутенский) Д. – 49
Баскаков В.Е. – 119
Баумволь Р.Л. – 185, 192, 241
Бауэр Б. – 224
Бахмутский А.Н. – 31

- Бахрах И.А. (Исбах А.) – 15
 Баш М. – 199
 Бейдер Х.В. – 243
 Бейлис М. – 192
 Бек А.А. – 39, 89, 100
 Беккер С. – 200
 Бельенский М.С. – 200
 Белов (Элинсон) А.-Е.М. – 291
 Беляков А.С. – 346
 Бен-Айзик (Гуртенберг) М. – 61
 Бен-Гурион (Грин) Д. – 43, 46, 53,
 110, 166, 169, 170, 172, 303, 304,
 305, 306, 311, 313, 314, 315
 Бенькович Л.Е. – 181
 Беранже П.Ж. – 370
 Берггольц О.Ф. – 91
 Бергельсон Д.Р. – 22, 24, 69, 187,
 233, 234, 298
 Бергман М.М. – 283, 291
 Бердяев Н.А. – 83, 453, 537
 Берия Л.П. – 15, 16, 17, 18, 20, 29, 68,
 69, 154, 252, 259, 260, 261, 427
 Берман А. – 129
 Берман М.Ю. – 291
 Берман Я. – 129, 131, 133, 134, 136,
 138, 146, 172
 Бернадотт Ф. – 46
 Бернал Дж. – 192
 Бернес (Нейман) М.Н. – 390, 391
 Берут Б. – 126, 129, 130, 131, 133,
 134, 137, 143
 Беспалов Н.Н. – 203
 Бехер К. – 165
 Бирнбаум Дж. – 312
 Бирнбаум Н. – 312
 Блинов Е.В. – 294
 Блитстайн П. – 484
 Блиц Ц. – 302
 Блок А.А. – 335
 Блоштейн Г.Д. – 75
 Блюм А. – 461, 462
 Бобков Ф.Д. – 86, 398
 Бовин А.Е. – 346
 Богатин И.Я. – 61
 Боголюбов К.М. – 290
 Богораз-Брухман Л.И. – 83
 Бодров М.Ф. – 46, 287, 307, 315
 Бодрова Л. – 391
 Бойко П. – 436
 Боксерман Ю.И. – 180
 Бокштейн И.В. – 85
 Бологомолов О.Т. – 346
 Большаков И.Г. – 286
 Бомзе Н.Н. – 213
 Бондарчук С.Ф. – 367
 Боннэр Е.Г. – 333
 Борейша(Гольдберг) Е. – 130
 Бородин (Грузенберг) Н.М. – 196
 Борщаговский А.М. – 31, 40, 95, 345
 Боффа Дж. – 458
 Боярская Р.Г. – 198, 284
 Бранденбергер Д. – 469
 Брауде М.Д. – 60
 Браудер Э. – 249
 Брежнев Л.И. – 34, 85, 262, 411, 443
 Бременер М.С. – 98
 Брик (Каган) Л.Ю. – 161
 Бровка П.У. – 33
 Бродецкая Т.А. – 50, 280, 281
 Броди И. – 306
 Бродский И.А. – 401, 402, 404, 405,
 406, 408, 409, 410, 411, 412
 Бронштейн Я.А. – 237
 Бубеннов М.С. – 33, 35, 39, 111, 328
 Бубер М. – 82, 306, 316, 481
 Буковский В.К. – 85, 398
 Буковский К.И. – 398
 Булганин Н.А. – 52, 66, 108, 133,
 139, 168, 169, 170, 204, 246, 258,
 305, 418
 Бурджалов Э.Н. – 75
 Бурлацкий Ф.М. – 107, 346, 351
 Бухарин Н.И. – 298, 470
 Бушуев П.П. – 448
 Бялик Х.-Н. (Х.И.) – 184, 273
 Вайсман Б.Н. – 273
 Вайян Р. – 160, 373
 Ванников (Фукс) Б.Л. – 180
 Варейкис И.М. – 483
 Вармунд А. – 479
 Варшавский Я.Л. – 35, 36
 Василевская В.Л. – 236
 Василевский П. – 282
 Васильев С.А. – 40
 Вахтин Н.Б. – 404
 Вдовин А.И. – 487, 488, 489, 490,
 491, 492, 493, 494
 Вебер М. – 459

- Вендров (Вендровский) З. – 241
 Вентцель Е.С. – 344, 345
 Вергелис А.А. – 184, 189, 192, 193,
 194, 196, 241, 242, 302, 318, 319,
 370
 Верещагина Н.В. – 84
 Веркор (Брюллер Ж.-М.) – 160
 Верник – 207
 Вертинский А.Н. – 121
 Вигдорова Ф.А. – 98, 301, 344, 404,
 406, 407, 408, 409, 410
 Виленская Э. – 318
 Винниченко В.К. – 394
 Винокуров Е.М. – 397
 Вирта Н.Е. – 123
 Вишневский В.В. – 301, 358
 Владимирский Б.Д. – 202
 Вовси М.С. – 234
 Вознесенский А.А. – 400
 Вознесенский Н.А. – 20
 Войнович В.Н. – 333
 Волин Б.М. (Фрадкин И.Е.) – 494
 Волков П.П. – 404
 Волобуев П.В. – 81
 Володарский Л.М. – 180
 Володин (Лифшиц) А.М. – 123
 Вольпин (Есенин) А.С. – 33
 Воронков К.В. – 189, 195
 Ворошилов К.Е. – 47
 Вучетич Е.В. – 114, 413
 Гавиш (Зальцман) Д. – 284
 Гаврутто П.П. – 396
 Галансков Ю.Т. – 85
 Галецкий В. – 495
 Галин (Рогалин) Б.А. – 196
 Галинский Т. – 141, 238
 Галич (Гинзбург) А.А. – 84
 Галкин С.З. – 24, 189, 235, 241, 261,
 302
 Гальперн (Гальперин) И. – 308
 Гамзатов Р. – 407
 Гамсун (Педрсен) К. – 184
 Гангнус Р.В. – 349
 Гарбер Д. – 199
 Гарфункель И. – 199
 Гарцман М.-Р.Ш. – 77
 Гаршин В.М. – 91
 Гегель Г. – 459
 Гейтс (Регенстрейф) Дж.(С.) – 257
 Гейтскел Х. – 302
 Гельфанд Е.Л. – 181
 Генри Э. (Хентов Л.А., Ростов-
 ский С.Н.) – 374
 Герасимов А.М. – 114, 413
 Герё (Зингер) Э. – 151, 154, 158
 Герман Ю.П. – 404
 Герцен А.И. – 340
 Герцль Т. – 192, 312, 480
 Герцог И. – 208
 Гершензон М.О. – 84
 Гинзбург А.И. – 83, 84, 403
 Гитлер А. – 187, 309, 341, 343, 352,
 453
 Гладков Ф.В. – 114
 Глазунов И.С. – 368
 Гликман Л.С. – 180
 Глонд А. – 132
 Гоберман Р.В. – 51
 Гоберман Ш.А. – 51
 Гобино Ж. – 454
 Голдовская С.Ш. – 214
 Голль Ш. де – 169
 Голованов В.С. – 343, 381
 Гольдблат М.И. – 201
 Гольдман А.-У. – 420
 Гольдман М. – 420, 421
 Гольдман М.С. – 78
 Гольдман Н. – 236, 296, 303, 304,
 305, 306
 Гольдхаген – 474
 Гомулка В. – 126, 127, 129, 140, 142,
 144, 145, 146, 249
 Гонтар А.Ю. – 241
 Гончар А.Т. – 33
 Горбачев М.С. – 445
 Гордин Я.А. – 404
 Гордон М. – 198
 Гордон С.В. – 241
 Горин (Офштейн) Г.И. – 391
 Горкин А.Ф. – 431
 Горовец Э. (Р.) Я. – 198, 202
 Горький (Пешков) А.М. – 184, 343
 Гостев В.И. – 205
 Гоухштейн М.А. – 15
 Гофштейн Д.Н. – 187, 247
 Грабарь И.З. – 394
 Граевский В. – 248
 Гранде Б.М. – 320

- Грибанов О.М. – 433
Грибачёв Н.М. – 35, 39, 101, 183, 233, 262, 359, 360, 361, 362, 363, 397
Гриффит Д. – 361
Гришин В.В. – 286
Громов Л.А. – 434
Громова А.Г. – 396
Громыко А.А. – 47, 208, 273, 287, 303, 314, 315
Гроссман В.С. – 33, 89, 289, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 336, 337, 338, 340, 341, 342, 343, 344, 345
Гроссман (Витис) Е. (М.) – 326
Грубиан М.М. – 241
Грудинина Н.И. – 410
Груздев И.А. – 184
Груссар С. – 244
Грушницкий И. – 219
Гудрич Ф. – 293
Гузик А.Я. – 197
Гундоров А.С. – 252
Гурвич А.С. – 31, 40
Гусаров Н.И. – 127
Гусев (Драбкин Я.Д.) С.И. – 399
Даллес А. – 163, 168, 248, 488, 490
Даллес Дж.Ф. – 52, 53, 163, 165, 251, 253, 254
Даль В.И. – 74
Данилов Н.Н. – 72, 289, 290
Данин (Плотке) Д.С. – 359
Даниэль (Меерович) Ю.М. – 83, 412
Дектер М. – 309, 310
Дементьев А.Г. – 301
Демичев П.Н. – 213, 398, 410
Деннис (Уолдрон) Д.(Ф.К.) – 249, 257, 258
Джавитс Дж. – 241
Джексон Г. – 452
Джибли Б. – 164, 165
Джонсон Л. – 312
Джугашвили – 471
Джурич В. – 17, 18
Дзержинский Ф.Э. – 56, 290
Дзержинский Я.Ф. – 290
Диманштейн С.М. – 237
Димитров Г. – 151
Динур (Динабург) Б. – 308
Добрушин И.М. – 27
Добрынин А.Ф. – 244
Дойчер И. – 112
Долгая С.С. – 300
Долгинцев С.Ф. – 344
Долгой М.Г. – 300, 301
Долматовский Е.А. – 105
Дольник С.Б. – 284
Достоевский Ф.М. – 83, 477
Драбкина Е.Я. – 399
Драбкина Ф.И. – 399
Драгунский Д.А. – 204
Дразнин М.И. – 273
Дрейфус А. – 242
Дриз О.О. – 198
Дробовский Е.И. – 280, 281
Друзин В.П. – 121
Дрюмон Э. – 242, 454
Дуглас (Даниелович) К.(И.) – 266
Дудинцев В.Д. – 92, 93, 94, 95, 96, 101, 104, 108, 117, 122, 124, 259, 406
Дунаевский И.О. – 19
Дунец Х.М. – 237
Дымшиц В.Э. – 179
Дынкин Е.Ш. – 209, 210
Дюринг Е. – 479
Дюшалиев Б.Д. – 421
Евгеньев Ю. – 424
Евтушенко (Гангнус) Е.А. – 121, 184, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 355, 357, 358, 359, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 372, 373, 377, 400, 410, 415
Еголин А.М. – 21
Егорычев Н.Г. – 362, 397, 400, 439
Елисеев К.С. – 361
Елютин В.П. – 301
Ермилов В.В. – 33, 377, 378
Ерофеев В.Я. – 208
Ершов П.И. – 46
Есенин-Вольпин А.С. – 351, 369
Ефимов А.Е. – 448
Жаботинский В.Е. – 479
Жданов А.А. – 108, 118, 119, 201
Жданов Ю.А. – 118
Железнова-Бергельсон Н.Л. – 26, 27
Железнов-Айзенштад Л.А. – 33
Жемчужина (Карповская) П.С. – 15

- Жид А. – 361
 Жуков Г.К. – 27, 28, 108, 143
 Жуков Ю.А. – 260
 Забара Н.И. – 247
 Заболоцкий Н.А. – 397
 Завадский А. – 131, 133, 136, 139, 144
 Задионченко (Зайончик) С.Б. – 127
 Задорожный В. – 221
 Зайцев Г.Т. – 287
 Закс Б.Г. – 350
 Замбровский (Нусбаум) Р. – 129, 130, 131, 133, 136, 137, 138, 139, 141, 143, 144, 146
 Зарубин Г.Н. – 233
 Заславский Д.И. – 111, 172, 252, 276, 280, 293
 Зегерс (Рейлинг) А. – 192
 Зильберман Г.Д. – 280, 281
 Зияд Т. – 195
 Злобин С.П. – 36
 Зомбарт В. – 478, 479, 480
 Зоммерштейн Э. – 129, 236
 Зорза В. – 408
 Зорин (Зальцман) Л.Г. – 33, 123
 Зорин В.А. – 207, 209
 Зотов В.Д. – 450
 Зубок В.М. – 482
 Зубок Л.И. – 482
 Зускин В.Л. – 22
 Ибсен Г. – 184
 Иванов – 116
 Иванов (Скуратов) А.М. – 85
 Иванов В.Д. – 115, 116
 Иванов В.И. – 188, 257
 Ивашутин П.И. – 214
 Игнатов Н.Г. – 285
 Игнатъев С.Д. – 17, 18, 65
 Идашкин Ю.В. – 357
 Иден А. – 52, 166
 Изаков Б.Р. – 259, 263, 265
 Ильин В.Н. – 98
 Ильин И.А. – 454, 488
 Ильичёв Л.Ф. – 184, 194, 213, 227, 233, 240, 285, 290, 345, 346, 351, 352, 365, 369, 377, 378, 390, 381, 383, 389, 393
 Ионесян В.М. – 405
 Исаковский М.В. – 114
 Кабо Л.Р. – 98
 Каверин (Зильбер) В.А. – 33, 89, 99
 Каган А.Я. – 247, 301
 Каганов Н.А. – 209, 210
 Каганович Л.М. – 95, 80, 102, 106, 127, 171, 172, 178, 179, 246, 394, 418, 440, 468
 Кадар (Черманек) Я. – 153, 155, 159
 Кадман Х. – 195
 Казакевич Э.Г. – 33, 89, 99
 Казакова Р.Ф. – 368, 400, 401
 Казьмин Н.Д. – 98, 201
 Калинин М.И. – 56
 Калиш Р.Х. – 24
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. – 56, 246
 Каминка Э.А. – 202
 Каминский Г.Н. – 491
 Канович М. – 200
 Канторович Г. – 219
 Канторович Л.В. – 442
 Каплан Ф.Е. (Ройтблат Ф.Х.) – 107
 Карпов Г.Г. – 64
 Карпович М.М. – 452
 Карр Э. – 452, 456–459
 Кассиль Л.А. – 23, 98, 252
 Кастнер Р. – 165
 Катаев В.П. – 33, 301
 Кац Ш. – 227
 Каштан У. – 252
 Квитко Л.М. – 22, 24, 233, 259, 261, 393
 Кедми (Казаков) Я.И. – 49
 Кельман Я. – 210
 Кениг Г. (Громб М.) – 242
 Кеннеди Дж.Ф. – 303, 317
 Керлер И.Б. – 192
 Кернер Р.М. – 42
 Кёстлер А. – 263, 481
 Кидрон М. – 244
 Кинг М.-Л. – 310
 Кипнис И.Н. – 247
 Кириченко А.И. – 285
 Кирсанов С.И. – 102
 Киселев Е.Д. – 169, 313
 Киселевский Ю. – 139
 Кичко Т.К. – 222, 223, 225, 226, 228, 230
 Клебанов Д.Л. – 367

- Клемес Я. – 60
 Климов Г.П. – 451
 Климов Г.П. (Калмыков И.Б., Ральф В.) – 453, 490
 Ковалевский В.А. – 41
 Коган – 441
 Коган А.Г. – 414
 Коган А.М. – 424
 Коган Л.Б. – 202, 392
 Кожевников В.М. – 330, 331, 378
 Козлов Ф.Р. – 218, 381, 393
 Козловский Я.А. – 407
 Козовой В.М. – 79
 Колина Л. – 198
 Комай М. – 311
 Комаров А.В. – 40
 Комаров П.Т. – 21
 Кондрагович А.И. – 343, 350
 Кондрашин К.П. – 365, 366
 Конев И.С. – 143
 Конквест Р. – 455
 Копелев Л.З. – 84, 345, 404, 409, 493, 494
 Коржавин (Мандель) Н.М. – 77, 84, 397, 409
 Корин П.Д. – 397
 Корнейчук А.Е. – 123
 Корнилов В.Н. – 397
 Короленко В.Г. – 184, 343
 Костюков – 300
 Коткин С. – 460
 Котляр И.С. – 185
 Кохат – 51
 Кочар Р. – 342
 Кочетов В.А. – 35, 89, 117, 118, 119, 121, 122, 359, 360, 361, 397
 Козн Б. – 262
 Красиков П.А. – 59
 Краснопевцев Л.Н. – 80, 81, 124
 Крахмальникова З.И. – 83
 Кревс С.А. – 186
 Крейслер Ф. – 72
 Кривицкий А.З. – 326
 Кривошеин К.К. – 21
 Криммер (Каганова) С.С. – 372
 Кристол Л. – 233–236, 296
 Крон (Крейн) А.А. – 97
 Кружков В.С. – 21, 66, 184, 257, 327
 Круминыш В. – 199
 Крутиков К.А. – 152
 Крэнкшоу Э. – 108, 109
 Кубрик С. – 266
 Кузнецов А.А. – 20
 Кузнецов А.В. – 353
 Кузнецов А.Н. – 201
 Кузнецов В.В. – 207
 Кузнецов Э.С. – 85
 Кулиев К. – 407
 Кульбак М.С. – 237
 Кун Б. – 151
 Куняев С.Ю. – 357
 Куприн А.И. – 403
 Кустанович Д.Б. – 278, 279, 281
 Кутиков И.М. – 396
 Куусинен О.В. – 249, 285, 290, 325, 346, 393
 Кэмпбелл Дж.Р. – 197
 Лавон П. – 164
 Лагард П. де – 454
 Лагун И.И. – 425
 Лакснесс Х. – 192
 Лактионов А.И. – 114, 413
 Лакшин В.Я. – 350, 377, 380, 381, 383, 386, 399
 Лангер У. – 451, 452
 Ландау Л.Д. – 95, 270
 Ландер К.И. – 56
 Ландман Г.Д. – 51
 Ландман М.Г. – 51
 Лapidот И. – 49
 Лапин С.Г. – 315, 349
 Ларионов А.Н. – 338
 Лебедев В.С. – 347, 348, 349, 350, 357, 382, 387, 388
 Лебедев В.З. – 130
 Лебедев Ф.Т. – 115
 Левави А. – 45
 Леванон (Левитан) Н. – 49, 50, 51, 52, 234, 235, 272, 296, 303
 Левенбук А.С. – 203
 Левин И.-Л. – 205, 206, 208, 211
 Левин Л.И. – 359
 Левин Н.Я. – 27
 Левин С.Ф. – 272, 306
 Левина Р.С. – 73
 Левинтон С. – 327
 Леви-Стросс Клод – 474
 Левитин Л. – 282

- Левитин-Краснов А.Э. – 84
 Леман Г. – 310
 Ленеман Л. – 299
 Ленин (Ульянов) В.И. – 39, 65, 107,
 139, 317, 343, 392, 455, 456, 460,
 465, 466, 471, 487
 Леонтьев К.Н. – 84, 373
 Лернер Я.М. – 403, 404
 Лесючевский Н.В. – 384
 Либерман Е.Г. – 442
 Ливи Дж. – 160
 Лидин (Гомберг) В.М. – 379
 Лиознова Т.М. – 391
 Липкин С.И. – 330, 333, 341, 342
 Литваков М.И. – 237
 Литвинов (Валлах) М.М. – 380
 Литвинов Э. – 297, 302, 317, 319
 Лифшиц (Лифшицайте) Н. – 198,
 202
 Лифшиц Г.Ф. – 228
 Лихачев И.А. – 29
 Лихачёв М.Т. – 153
 Лобода В.И. – 334
 Лозовский (Дридзо) С.А. – 25, 69,
 237
 Лойцкер Х.Б. – 247
 Локоть С. – 435
 Лосев (Лифшиц) Л.В. – 406, 409
 Лошак П. – 242
 Лукач (Лёвингер) Д. – 151
 Лурье Н.Г. – 241
 Любимов С. – 252
 Любомирский О.И. – 284
 Люксембург (Люксенбург) Р. – 465
 Ляпуж В. де – 454
 Лясота Э. – 80
 Маген Ц. – 49
 Мадоль Ж. – 298
 Мазе Я.И. – 56
 Мазур Ф. – 139
 Майерова М. – 192
 Макаров В.Е. – 153
 Маккарти Д.Р. – 265
 Макмиллан Г. – 52, 165
 Малашенко Е.И. – 150
 Маленков Г.М. – 20, 25, 28, 33, 35,
 41, 64, 65, 66, 67, 80, 102, 106, 108,
 130, 133, 134, 272, 418
 Малик Я.А. – 313
 Малия М. – 460
 Мальц А. – 265
 Мандельштам Н.Я. – 84
 Манн Т. – 481
 Мао Цзэдун – 196
 Маргулис М.Д. – 147, 284
 Марк Б. – 289, 290, 291, 292
 Маркиш П.Д. – 22, 24, 69, 187, 233,
 234, 237, 398
 Маркиш Ш. – 333, 389
 Маркиш Э.Е. – 398
 Марков А.М. – 38
 Марков А.Я. – 103, 356, 363
 Марков Г.М. – 121, 195, 196, 332,
 333, 358
 Маркс К. – 223, 288, 399
 Мартин В. (Матлин В.Г.) – 266
 Мартин П. – 313
 Мартин Т. – 464–470, 472, 473
 Маршак И.С. – 405
 Маршак С.Я. – 23, 404
 Масленников Н.В. – 141, 238
 Маслин Н.Н. – 327
 Массри Азис эль (Мысри Азис-
 Али) – 76
 Махайский В.К. – 118
 Маяковский В.В. – 74, 75, 195, 296
 Маяцкий Ф.С. – 228
 Мдивани Г.Д. – 123
 Медалье Ш.-Л.Я. – 60, 61, 203
 Медведев Р.А. – 191, 373
 Мейр (Мейерсон) Г. – 43–45, 147,
 171, 222, 298
 Мейергольд Э.Ф. – 91
 Мейерхольд В.Э. – 91
 Мейлах М.Б. – 408
 Мейман Н.Н. – 270
 Меллер И. – 274
 Мельников (Мельман) Н.Д. – 89
 Мельников Н.А. – 394
 Менделеев Мойшер-Сфорим (Абра-
 мович С.М.) – 192
 Менделевич Л.И. – 178
 Мень А.В. – 84
 Меньшиков М.А. – 305
 Мережковский Д.С. – 84
 Меспуле М. – 461, 462
 Микоян А.И. – 51, 52, 148, 149, 153,
 157, 158, 159, 410, 411

- Микунис Ш. – 195, 320
 Миллер (Мейлер) Б.И. (Б.С.) – 182
 Миллер А. – 310
 Миллер И. – 255
 Мильштейн Н. – 72
 Минц Г. – 129–131, 133, 136, 139, 140, 142, 146, 172
 Минц И.И. – 252
 Минц Ю. – 129
 Миронов Н.Р. – 405, 410, 411
 Митин (Гершкович) М.Б. – 223
 Михайлов Н.А. – 257
 Михоэлс (Вовси) С.М. – 15, 16, 21, 69, 184, 191, 200, 233, 237, 254, 263, 280, 294, 318, 494
 Модзелевский З. – 130
 Молле Г. – 52
 Молотов (Скрябин) В.М. – 15, 20, 25, 26, 52, 80, 102, 106, 107, 133, 165, 167, 233, 246, 247, 290, 418, 494
 Монтан И. – 160, 161, 162
 Монтегю А. – 192
 Моравский Е. – 130, 141
 Моргулис Э (С.С.) – 283, 284
 Мориц Ю.П. – 400
 Мравинский Е.А. – 365
 Мугуев Х.-М. – 39
 Мурадели В.И. – 114
 Мухитдинов Н.А. – 190, 225, 285, 286
 Наврозов Л. – 44
 Надь И. – 148, 149, 150, 154, 155, 156, 158, 159
 Назаренко В. – 117
 Найман А.Я. – 223
 Намир (Немировский) М. – 45
 Наровчатов С.С. – 404
 Насер Г.А. – 164–166, 171, 303
 Нежинский С.Н. – 271
 Нежный И.В. – 15
 Неизвестный Э.И. – 353, 368, 444
 Некрасов В.П. – 336, 354
 Некрасов Н.А. – 40
 Некрич А.М. – 76
 Немчинов В.С. – 442
 Неруда (Рейес) П (Б.). – 302, 411
 Нечкина М.В. – 81
 Николай I – 37
 Нисим И. – 218
 Нистер Дер (Каганович П.М.) – 27
 Новак З. – 131, 136, 138
 Новик П. – 242, 318
 Новиков Т. – 421
 Новожилов В.В. – 442
 Ну У – 54
 Нусинов И.М. – 27, 331
 Образцов С.В. – 102, 160
 Обушенков Н.Г. – 80
 Ойслендер Н.Е. – 241
 Ойстрах Д.Ф. – 72, 392
 Окуджава Б.Ш. – 400
 Ордер П.Г. – 424
 Орлов А.Л. – 286
 Орлова (Либерзон) Р.Д. – 84, 293
 Ортенберг (Вадимов) Д.И. – 293, 379
 Осипов В. – 370
 Осипов В.Н. – 85
 Охаб Э. – 136, 137, 138, 140, 142, 143, 236
 Охотников А.П. – 460
 Павлов С.П. – 400, 407
 Паин Э.А. – 485, 486
 Пайетта Дж. – 245
 Пайпс Р. – 452, 454, 455, 457, 463
 Панкратова А.М. – 73, 75, 76, 124, 448, 449
 Панферов Ф.И. – 33, 114
 Паписмедов И.М. – 425
 Паписмедов Ш.О. – 425
 Парамонов Б.М. – 481, 482
 Парташников А.М. – 77, 282
 Пастернак Б.Л. – 92, 102, 109, 110, 111, 120, 124, 330, 338
 Патлай И.А. – 181
 Паулюс Ф. – 396, 397, 414, 441
 Паустовский К.Г. – 39, 89, 93, 94, 95, 100, 397, 404, 406
 Пахомов В.И. – 203
 Пашенная В.Н. – 114
 Пен А. – 195
 Первенцев А.Л. – 33
 Первухин М.Г. – 243
 Перец И.-Л. – 192
 Персов С.Д. – 27
 Петер Г. – 153
 Петров С.М. – 21

- Печерский Р.Г. – 209, 210
 Пилсудский Ю. – 132, 468
 Пименов Р.И. – 78, 124
 Пине А. – 52
 Пирсон Л.Б. – 313
 Питовранов Е.П. – 75, 86
 Платонов О.А. – 490
 Плоткин Г.Д. – 295
 Победоносцев К.П. – 120
 Погодин (Стукалов) Н.Ф. – 123
 Подгаев Г.Е. – 181
 Подгорный Н.В. – 354
 Подольский Б.С. – 278, 279, 280
 Подольский С.М. – 279, 280, 281
 Покровский М.Н. – 73
 Полевой (Кампов) Б.Н. – 34, 121,
 138, 186, 191, 192, 195, 233, 259,
 260, 261, 262, 263, 265, 279, 369
 Поликарпов Д.А. – 38, 119, 120, 121,
 188, 194, 202, 330, 331, 332, 334,
 335, 345, 346, 357, 361, 375, 380,
 381, 386, 388, 410
 Полищук – 427
 Поляков Л.С. – 61
 Поляков С.С. – 58
 Полянкер Г.И. – 247
 Полянский Д.С. – 413
 Полянский И.В. – 205
 Померанцев В.М. – 34, 76
 Пономарев Б.Н. – 141, 249, 260, 262,
 346
 Пономаренко П.К. – 127, 135, 140, 144
 Попков П.С. – 20
 Попов А.И. – 365
 Попов Г.М. – 133, 134
 Попов С.К. – 425, 428
 Поскребышев А.Н. – 327
 Поспелов П.Н. – 21, 31, 34, 174, 212,
 285
 Пратт И. – 210
 Прокофьев А.А. – 118, 405, 407
 Пророков Б.И. – 41
 Пугач Б. – 424
 Пузин А.А. – 205, 207, 218, 219, 220
 Пульвер Л.М. – 241
 Пясецкий Б. – 131, 132, 142, 145
 Рабин И.И. – 241
 Рабинович Б.С. – 60
 Рабинович Д. – 435
 Рабинович М.Л. – 60
 Радищев А.Н. – 341
 Радкевич С. – 134
 Раззаков И.Р. – 420
 Разин Б.Ц. – 46
 Райзер Д.Я. – 179
 Райт-Ковалева Р.Я. – 294
 Райхель М.О. – 208
 Ракигин И. – 197
 Раков Л.Л. – 392
 Ракоши (Розенфельд) М. – 151, 152,
 153, 154, 155, 157, 158, 159, 172, 173
 Рассел Б. – 302, 317, 319
 Рассадин С.Б. – 482
 Ратнер (Матаралдзе) Л. – 182
 Реваи Й. – 154, 155
 Регельсон Л.Л. – 84
 Резник С. – 474
 Резникова Е.Я. – 15
 Рейган Р. – 266, 452
 Рембрандт Х. ван Рейн – 74
 Ременник Г.Ш. – 273
 Рид Дж. – 255
 Ризванова М.Л. – 425
 Ришаль (Рошаль) В.И. – 209
 Робсон П. – 191, 196
 Родионов М.И. – 20
 Рождественский Р.И. – 92, 368
 Розанов В.В. – 84, 477
 Розен (Розенхаупт) М. – 296, 297,
 303
 Розен И.Б. – 60
 Розенцвейг Б.И. – 293
 Розенштейн И.Д. – 394
 Розовский М.Г. – 293
 Ройфман Б.И. – 424
 Рокоссовский К.К. – 133, 134
 Рокотов Т.А. – 426
 Рокотов Я.Т. – 424–428, 430, 433
 Рольникайте М.Г. – 294, 295
 Романов А.В. – 116, 190, 286
 Романов П.К. – 116, 376, 379
 Романова Е. – 192
 Ромашов Б.С. – 33
 Ромм М.И. – 359–363, 370, 395
 Ротенбург Б.А. – 51
 Рубина Р.Р. – 302
 Руденко Р.А. – 20, 23, 25, 29, 42, 43,
 406, 431, 432, 433

- Рудный В.А. – 89, 97, 99
 Ружанский (Гольдберг) Ю. – 131, 135, 146
 Рузвельт Э. – 390
 Румянцев А.М. – 66, 411
 Рутберг И.Г. – 293
 Рыбак – 172
 Рыклин Г.Е. – 280
 Рыков А.И. – 246
 Рыльский М.Ф. – 296
 Рюмин М.Д. – 16, 18, 19, 25, 28
 Рюриков Б.С. – 35
 Рябов – 372
 Садовяну М. – 192
 Садыков – 422
 Салиб (Караме) И. – 491
 Самойлов (Кауфман) Д.С. – 97, 297, 370, 397
 Самуэли Т. – 151
 Сандлер И.И. – 427
 Санто – 151
 Сапожников А. – 219
 Сарнов Б.М. – 98
 Сартаков С.В. – 333
 Сартр Ж.-П. – 160, 161, 302, 361, 383, 411, 474
 Сахаров А.Д. – 333, 487
 Сванидзе А.С. – 371
 Сванидзе Дж. (И.А.) – 371
 Свердлов Я.М. – 399
 Светлов (Шейнкман) М.А. – 378
 Светов (Фридлянд) Ф.Г. – 83
 Свирский Г.Ц. – 40, 398
 Святло (Фляйшфарб) Ю. (И.) – 135
 Села – 51
 Сельвинский И.Л. – 359
 Семёнов В.С. (Иванов К.) – 286, 288
 Семёнов М.Г. – 392
 Семичастный В.Е. – 350, 407
 Семушкин Т.З. – 34
 Сергей Александрович (Романов) – 213
 Серов И.А. – 21, 29, 85, 86, 132
 Симонов К.М. – 31, 34, 35, 37, 92, 114, 120, 183, 256, 326, 328, 359
 Симхаев Д.А. – 15
 Синьоре (Каминкер) С. – 160, 162
 Синявский А.Д. – 412
 Скурлатов В.И. – 84
 Слёзкин Ю.Л. – 474–483
 Словес Х. – 199, 243
 Слонимский А. – 111
 Слуцкий Б. – 348, 377, 397
 Смидович П.Г. – 56, 59
 Смирнов В.А. – 121, 397, 398, 399, 400
 Смирнов Л.Н. – 406
 Смирнов С.С. – 114, 122
 Смиртюков М.С. – 108
 Смит Д. – 483
 Смоляр Г. – 129, 236, 237, 240
 Снастин В.И. – 225, 291, 292, 363, 385
 Снэ (Клейнбаум) М. – 304
 Соболев Л.С. – 102, 105, 397
 Сокорский В. – 131
 Солженицын А.И. – 12, 345, 347, 348, 349, 350, 352, 362, 387, 398, 411, 415, 487, 488
 Соловьев В.С. – 83, 84, 477
 Солодарь Ц.С. – 33
 Солсберг Д.Б. – 23, 251, 252, 253, 254, 279, 310
 Солсбери Г. – 232, 237
 Сорек (Шорх) Д. – 274, 275, 281
 Софронов А.В. – 33, 34, 35, 36, 39, 111, 119, 183, 359, 360, 361, 397
 Спивак Э.Г. – 27, 247
 Спиваковский Т. – 72
 Спилберг С. – 367
 Спиноза Б. – 199
 Сталин (Джугашвили) И.В. – 9, 14–31, 41–47, 55–58, 61, 65, 68, 73, 82, 85, 88, 91, 100, 101, 103, 104, 106, 115, 118, 120, 127, 129, 133, 137, 157, 171, 173, 183, 187, 192, 196, 222, 229, 235, 236, 237, 238, 245, 246, 247, 250, 257, 259, 260, 273, 277, 298, 299, 324, 325, 327, 329, 336, 337, 340, 341, 351, 352, 358, 360, 361, 367, 371, 389, 390, 392, 413, 423, 426, 427, 432, 440, 455, 456, 460, 467, 468, 471, 472, 473
 Стариков Д.В. – 121, 357, 358, 363, 367
 Сташевский С. – 146
 Столярова Н.И. – 387

- Страшун И.Д. – 241
Стронгин Л.И. – 189
Струве П.Б. – 114, 479
Субоцкий Л.М. – 31
Судоплатов П.А. – 372
Суллер Х. – 241, 242
Сульцбергер С.Л. – 138, 258
Суриц Я.З. – 287
Сурков А.А. – 19, 24, 36, 40, 103, 121, 183, 185, 186, 188, 189, 191, 242, 372, 404, 406
Суров А.А. – 35, 36
Суслов М.А. – 34, 38, 148, 149, 155, 157, 196, 212, 225, 235, 241, 249, 258, 260, 265, 285, 286, 294, 327, 337, 338, 339, 347, 349, 351, 381, 389, 393
Сучков Б.Л. – 331
Сыромятников Б.И. – 448
Такааки – 219
Такер Р. – 459, 471
Таль (Биркенталь) С.Л. – 197
Тан-Богораз В.Г. – 84
Тарасов А. – 448
Тарасова А.К. – 114
Твардовский А.Т. – 35, 38, 92, 101, 102, 301, 326, 327, 329, 330, 333, 334, 342, 343, 344, 345, 347, 350, 375, 376, 380, 386, 387, 388, 389, 399, 404, 406, 407
Телесин З.Л. – 185, 192, 241
Тендряков В.Ф. – 89, 100
Теребилов В.И. – 419
Терешкин В.П. – 286
Тикунов В.С. – 406
Типот (Гинзбург) В.Я. – 33
Тито И. Б. – 129
Тихонов Н.С. – 358
Тищенко Д. – 449
Толстой И.Н. – 111
Толстой Л.Н. – 329, 340
Тольятти П. – 245, 374
Торез М. – 218, 226, 243
Третьяковский В.К. – 341
Триоле (Каган) Э.Ю. – 161, 192
Трифонов Ю.В. – 98, 397
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. – 56, 317, 469, 471
Тувим Ю. – 359
Турнер Б. – 298, 299
Тычина П.Г. – 191, 296
Тютчев Ф.И. – 37
Уманский К.А. – 379
Уотс Д. – 79
Успенский В.Д. – 493
Успенский К.В. – 85
Устрялов Н.В. – 114
Утесов (Вайсбейн) Л.О. – 19
Фадеев А.А. – 22, 33, 36, 90, 102, 120, 183, 263, 264, 328, 329
Файбищенко В.П. – 425, 427, 429, 430
Фаркаш М. – 152, 153, 154, 155
Фарук – 164
Фаст Г. – 138, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 279, 280, 385
Фастовский (Фаст) Б. – 255
Федин К.А. – 358, 404, 406
Федосеев С.М. – 428, 429, 433
Федотов Г.П. – 477, 488
Фейгин А. – 135, 146
Фейхтвангер Л. – 329
Фельдман А.Ш. – 77, 282
Фельдман М. – 312
Фельтринелли Дж. – 110
Фессен П. – 299
Фефер И.С. – 24, 43, 62, 193, 233, 237, 261, 263, 298
Финк В.Г. – 39
Фишман Ф. – 341
Флобер Г. – 373
Фор Э. – 52
Фостер У. – 238, 257
Франк А. – 292, 293
Фрезинский Б.Я. – 294
Фрейдберг О.М. – 109
Фридман И.Я. – 273
Фрондиси А.Э. – 302
Фукс А.Л. – 58, 60
Функ – 301
Фурцева Е.А. – 79, 100, 202, 213, 225, 239, 240, 285, 391, 392, 397
Хавкин Д.М. – 281
Хазан Э. – 276
Хайкин С.Н. – 27
Хаккет А. – 293
Харель И. – 49
Харик И.Д. – 237

- Харман А. – 297
 Харсгор М. – 195
 Хворостяный Л. – 223
 Хегедюш А. – 158
 Хейфец А. – 424
 Хейфец М.Р. – 422
 Хелд А. – 233
 Херути Я. – 46
 Хименквей Дж. – 219
 Холландер Д. – 204
 Хорти М. – 151
 Хренников Т.Н. – 391
 Хрущёв – 16, 18, 20, 21, 23–25, 29, 33, 36–38, 52, 66–68, 73, 79, 82, 87, 96, 97, 100–108, 113, 118, 121, 124, 127, 133–144, 148, 149, 154, 155, 159, 160, 165–170, 172, 173, 179, 183, 188, 191–197, 201, 204, 212, 221, 227, 228, 239, 242–254, 258, 268, 293, 302, 305, 311, 317–321, 324, 336, 337, 338, 343–351, 353, 357, 362–397, 410, 413–415, 419, 422–424, 428, 429, 431, 436, 440
 Хуциев М.М. – 363
 Царёв М.И. – 114
 Цвейг А. – 192
 Циранкевич Ю. – 134, 143, 144
 Цирлинский Б.С. – 421, 422
 Чайковский П.И. – 204, 361
 Чайлдс М. – 249
 Чаковский А.Б. – 196, 204, 293, 406
 Чарный С.А. – 65
 Чемберлен Х.С. – 454, 480
 Чепцов А.А. – 25, 26, 27, 28
 Чепыжин – 328
 Черненко К.У. – 216
 Черноуцан И.С. – 90, 119, 386, 387, 405
 Чёрный А.К. – 181
 Черчилль У. – 164
 Чиловский И. – 249
 Чистяков Н.Ф. – 433
 Чобруцкий С.Ш. – 61, 63
 Чувахин Д.С. – 253
 Чувиков П.А. – 289, 291
 Чуковская Л.К. – 84, 365, 404, 405, 407
 Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) – 11, 22, 84, 102, 111, 301, 331, 394, 403–405, 409, 413
 Шабад Ц. – 393
 Шагал М. – 213
 Шагинян М.С. – 111
 Шадрин Н.И. – 300
 Шакерман Ш. – 424
 Шапиро Г. – 108
 Шапиро Ф.Л. – 319
 Шапиро Я.Ш. – 51
 Шарет (Черток) М. – 45, 47, 52, 53, 54, 165, 210, 304
 Шаталин Н.Н. – 17
 Шатров (Маршак) М.Ф. – 123
 Шахматов В.П. – 77
 Шахназаров Г.Х. – 346
 Шахнович М.И. – 223
 Шац-Анин М. – 14
 Шац-Марьяш Р. – 14
 Шварц (Монозон) С.М. – 241
 Шварц Г. – 259
 Шварц Е.Л. – 379
 Шварц С.М. – 309
 Шварцер В.(Б.)Е. – 203
 Шевелев Б.Л. – 51
 Шевцов И.М. – 412, 413
 Шейнин А.М. – 35
 Шейнин Л.Р. – 18, 19, 105, 280
 Шейнис Э.С. – 283, 287, 288, 289, 290, 293, 294
 Шелепин А.Н. – 39, 84, 85, 87, 116, 122, 377, 423, 429
 Шепилов Д.Т. – 35, 64, 72, 91, 96, 106, 107, 117, 171, 260, 262
 Шептовицкий Э.Я. – 60
 Шикин И.В. – 286
 Шимелиович Б.А. – 22, 69
 Шитиков А.П. – 181
 Шкерин М.Р. – 39, 40
 Шкловский В.Б. – 103
 Шлифер М. – 63
 Шлифер С.М. – 47, 63, 65, 67, 204, 205, 252, 302, 304
 Шмерук Х. – 308
 Шнеерсон И.-И. – 61
 Шнеерсон М.М. – 312
 Шокен (Томулка) С. (Л.) – 129
 Шолом-Алейхем (Рабинович С.Н.) – 184, 190, 191, 192, 196, 197, 199, 202, 272, 291, 318
 Шолохов М.А. – 37, 38, 112, 350, 367, 368

- Шоскес Г. – 242
Шостакович Д.Д. – 53, 264, 365, 366,
391, 404
Шошкес Х. – 299
Шпербер М. – 186, 187, 235
Штейн А.П. – 123
Штерн А. – 46
Штерн И. – 72
Штерн Л.С. – 22, 234
Шток И.В. – 123
Штрум В. – 326, 327
Шуйский Г.Т. – 21
Шульман З.Б. – 199
Щербаков А.С. – 280, 379, 380
Щипачёв С.П. – 103, 301, 333
Эвельсон Е. – 421, 432, 433, 436
Эдлис Н.И. – 425, 428, 430
Эйдельман Н.Я. – 81, 82
Эйдельман Я.Н. – 81
Эйдинов А.Ф. – 29
Эйзенхауэр Д. – 52, 163, 167, 168,
169, 170
Эйнштейн А. – 289, 327
Эйхман А. – 165, 364
Элиав (Лубоцкий) Б. – 297, 302,
305, 309
Эльман М. – 72
Эльяшив (Фридман) Ш. – 47, 232
Энгельс Ф. – 288
Эпельбаум М.О. – 198
Эпштейн – 63
Эрдман Н.Р. – 33
Эренбург И.Г. – 19, 36, 37, 114, 161,
170–172, 177, 212–214, 263, 271,
280, 289, 291, 293–295, 297–301,
341, 342, 350, 354, 357, 358, 359,
362, 368, 370–378, 380–388, 390,
398, 412, 415
Эренбург И.И. – 301
Эрлих Н. – 210, 211
Эткинд Е.Г. – 334, 404
Эшель А. – 267
Юдина М.В. – 84
Юзовский И.И. – 31
Юон К.Ф. – 114
Юрасов Д.Г. – 27
Юрис Л. – 283
Юсупов – 428
Яковлев (Хольцман) Б.В. – 359, 399
Яковлев А.И. – 448
Яковлев А.Н. – 291, 292
Яковлев Д.Д. – 427
Япончик Мишка (Винницкий М.-Я.В.) –
424
Ярославский (Губельман) Е.М. – 60
Ярустовский Б.М. – 119
Яунзем И.П. – 197
Яшин (Попов) А.Я. – 95, 97, 104, 111

БИБЛИОГРАФИЯ **(основные издания)**

Документальные публикации

Антология Самиздата. Неподцензурная литература в СССР в 1950–1980-е / Под общ. ред. В.В. Игрунова. Сост. М.Ш. Барбакадзе. В 3-х тт. – М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005.

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / В.Ю. Афиани (отв. ред.), З.К. Водопьянова (отв. сост.), М.Ю. Прозуменщиков и др. – М.: РОССПЭН, 2001.

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / В.Ю. Афиани (отв. ред.), З.К. Водопьянова (отв. сост.), М.Ю. Прозуменщиков и др. – М.: РОССПЭН, 2005.

Венгрия, апрель–октябрь 1956 года: Информация Ю.В. Андропова, А.И. Микояна и М.А. Суслова из Будапешта / Сост. публикации Г.П. Мещеряков, Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин, С.А. Мельчин // Исторический архив. 1993. № 4.

Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года: Из архива ЦК КПСС / Сост. публикации С.А. Мельчин, Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин // Исторический архив. 1993. № 5.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 (Россия. XX век. Документы) / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. Сост. Г.В. Костырченко. – М.: МФД: Материк, 2005. С. 592.

Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б.М. Морозова. – Тель-Авив, 1998. С. 288.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. – М.: МФД, 1998.

Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В.П. Наумов. – М.: Наука, 1994.

Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2-х тт. Т. 1. / Гл. ред. Н.Г. Томилина, отв. сост. М.Ю. Прозуменщиков. – М.: МФД, 2009. С. 656.

Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2-х тт. Т. 2. / Гл. ред. Н.Г. Томилина, отв. сост. М.Ю. Прозуменщиков. – М.: МФД, 2009. С. 880.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2003.

58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об анти-советской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман. – М.: МФД, 1999. С. 944.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев и др. – М.: МФД, 2000.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев и др. – М.: МФД, 2003.

Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964. (Серия «Документы советской истории») / Сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прокуменщиков, В.Ю. Васильев, Й. Горлицкий и др. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 774.

Россия. XX век. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М.: МФД, 1999.

Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941–1953. В 2-х кн. Кн. 2: Май 1949–1953 / Под ред. Б.Л. Колоколова, Э. Бенцура и др. – М.: Международные отношения, 2000.

Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966 / Ред. М. Альшулер, И. Арад, Ш. Краковский. – Иерусалим: Еврейский университет – Институт Яд ва-Шем, 1993.

СССР и Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов / Под ред. Г.А. Бордюгова и Г.Ф. Матвеева. – М.: АИРО-XX, 1995.

Мемуары, дневники

Аджубей А.И. Те десять лет. – М.: Советская Россия, 1989.

Александрович М.Д. Я помню... – М.: Прогресс-Академия–Machlis Publications, 1992. С. 260.

Алексин А.Г. Перелистывая годы. Книга воспоминаний. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998.

Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. – М.: Международные отношения, 1991. С. 400.

Биккенин Н.Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. – М.: Academia, 2003.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. – М.: Изд. «Ветеран МП», 1995. С. 384.

Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. – М.: Советский писатель, 1991.

Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущёве, Андропове и не только о них... – М.: Политиздат, 1990.

Дело Бродского по дневнику Лидии Чуковской (декабрь 1963 – декабрь 1965) / Публ. Е. Чуковской // Знамя. 1999. № 7.

Железнова-Бергельсон Н.Л. Мою маму убили в середине XX века. – М.: Academia, 2009.

Евтушенко Е.А. Политика – привилегия всех. Книга публицистики. – М.: АПН, 1990.

Зускина-Перельман А.В. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина. – М.–Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2002.

Краснопевцев Л.Н. Записки хранителя. – М.: Студио-Диалог, 2008.

Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущёва: Дневник и попутное (1953–1964). – М.: Книжная палата, 1991.

Липкин С.И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. А. Берзер. Прощание. – М.: Книга, 1990.

Маргулис М. «Еврейская» камера Лубянки. – Иерусалим: Гешарим, 1996.

Медведев Ж.А., Медведев Р.А. 1925–2010. Из воспоминаний. – М.: Права человека, 2010.

Орлова Р.Д. Воспоминания о непрошедшем времени. – М.: Слово–Slovo, 1993. С. 400.

Самойлов Д.С. Памятные записки. – М.: Международные отношения, 1995. С. 480.

Самойлов Д.С. Подённые записи в 2-х тт. – М.: Время, 2002.

Свирский Г.Ц. Заложники. Роман-документ из цикла «Россия, Россией изгнанная». – ПИК, 1992.

Суханов В.И. Советское поколение и Геннадий Зюганов. Время решительных. – М.: ИТРК РСРП, 1999.

Твардовский А.Т. Новомирский дневник. В 2-х тт. Т. 1: 1961–1966 / Сост. В.А. и О.А. Твардовские. – М.: ПРОЗАиК, 2009.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. В 2-х тт. Т. 2. 1952–1962. – СПб.–Харьков: «Нева» – Фолио, 1996.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. В 3-х тт. Т. 3. 1963–1966. – М.: Согласие, 1997.

Чуковский К.И. Дневник (1930–1969). – М.: Современный писатель, 1994.

Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). – М. Московские новости, 1999.

Эренбург И.Г. Собрание сочинений. В 8 тт. Т. 8. Люди, годы, жизнь. Кн. пятая (главы 14–27), шестая, седьмая / Сост. и подг. текста И.И. Эренбург, Б.Я. Фрезинский; коммент. Б.Я. Фрезинский. – М.: Художественная литература, 2000.

Монографии, научно-популярные книги, статьи, диссертации

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. – Вильнюс: АО ИМОИ – IMPA, 1990.

Беленькая Л., Зингер Б. Наперекор. Еврейское национальное движение в СССР и его идеология (1945–1976 гг.). – Минск: ООО «МЕТ», 2004.

Блюм А., Местуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2006.

Бочаров А.Г. Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. – М.: Советский писатель, 1990.

Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х тт. – М.: Международные отношения, 1994.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия–МП «Октябрь», 1991.

В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. [Сб. статей] / Отв. ред. Н.М. Куренная. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. – М.: Прогресс–Культура, 1994.

Горовский Ф.Я., Хонигсман Я.С., Найман А.Я., Елисаветский С.Я. Евреи Украины (Краткий очерк истории). В 2-х ч. Ч. 2. – Киев: Межд. Соломонов университет, 1995.

Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век, 1937–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2001.

Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Заложники вождей. Советские и российские прокуроры. XX век, 1954–1992. – М.: РОССПЭН, 2006.

Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. – М.: Диалог–МГУ, 1999.

Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945–1964. – М.: ИЦ «Россия молодая», 1993.

Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х тт. – М.: МП Рарог, 1992.

Кандель Ф. Книга времен и событий. История евреев Советского Союза (1945–1970). Т. 6. – М.: Мосты культуры, 2007.

Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917–1923. – Т. 1, 2. М.: Прогресс, 1990.

Кодин Е.В. «Гарвардский проект». – М.: РОССПЭН, 2003. С. 208.

Коржавин Н.М. В защиту банальных истин. – М.: Московская школа политических исследований, 2003.

Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. – М.: Международные отношения, 1994.

Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2001.

Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в бывшем Советском Союзе. Т. 1. – Иерусалим, 2007.

Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. – М.: Мысль, 1972.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. – М.: Текст, 1994.

Лобовская М.А. История Московской хоральной синагоги. – М.: Дом еврейской книги, 2006. С. 216.

Лосев Л.В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. – М.: Молодая гвардия, 2006. С. 447.

Международный сионизм: история и наука (сборник статей). – М.: Наука, 1977.

Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Мицель М. Евреи Украины в 1943–1953 гг.: очерки документированной истории. – Киев: Дух і Літера, 2004.

Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.

Пайтс Р. Россия при большевиках. – М.: РОССПЭН, 1997. С. 662.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Слэзкин Ю.Л. Эра Меркурия. Евреи в современном мире / Автор-пер. с англ. – М.: НЛЮ, 2005.

Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. – М.: Международные отношения, 1995.

Современные этнические процессы в СССР / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1977.

100 лет. Московская хоральная синагога / Сост. и науч. ред. А.Е. Локшин. – М.: Дом еврейской книги, 2006.

Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди. – М.: «Эллис-Лак». 2008. С. 672.

Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Чарный С.А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели»: 1953–1964: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. – Москва, 2008.

Шварц С.М. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). – Нью-Йорк: Изд. Американского еврейского рабочего комитета, 1966.

Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое патриаршее подворье – ОЛЦИ, 1999.

Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). – Лондон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1986.

Эггелинг В. Политика и культура при Хрущёве и Брежнев. 1953–1970 гг. – М.: АИРО-XX, 1999.

Статьи

Волобуев В.В. Антисемитизм в ПНР через призму взаимоотношений власти и общества. 1944–1968 // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н.М. Куренная. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

Мицель М. Московская хоральная синагога, власть и зарубежные контакты: период поздней «оттепели» и перехода к «коллективному руководству» (1960–1965) // 100 лет. Московская хоральная синагога. Научные чтения. – М.: Дом еврейской книги, 2006.

Найман А.Я. Евреи Украины в послевоенные годы // Евреи Украины (краткий очерк истории). Ч. 2 / Общ. ред. Ф.Я. Горовского. – Киев, 1995.

Снопов Ю.А. Еврейская община Москвы в 1920–1930-е гг. // Диаспоры. 2004. № 3.

Шапиро Л. Евреи в Советской России после Сталина // Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона, А.А. Гольденвейзера. – Иерусалим («Гешарим») – М. (РПО «Мосты культуры») – Минск (ООО «МЕТ»), 2002.

Эстрайх Г. Арон Вергелис: главный еврей послегуглаговского социализма // Архив еврейской истории. Т. 4 / Гл. ред. О.В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2007.

Эстрайх Г. Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика // Русское еврейство в зарубежье. Т. 20: Русские евреи в Америке. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. – Иерусалим–Торонто–СПб., 2010.

Монографии и статьи на иностранных языках

Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. by Ya. Ro'i. – London: Taylor & Francis, Inc., 1995.

Kersten K. Polish Stalinism and So-Called Jewish Question // Der Spätstalinismus und die Jüdische Frage. Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus / Hrsg. von L. Luks. – Köln: Böhlau Verlag, 1998.

Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival. In 2 Vol. – New York University Press: N.Y. – London, 1988. Vol. 2.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001.

Nezer Zvi. The Emigration of Soviet Jewry // Proceedings of the Experts' conference on Soviet Jewry. London, 4–6 January 1983 / Ed. by L. Hirszowicz. – London: Institute of Jewish Affairs, 1985.

Pinkus B. The Soviet government and the Jews, 1948–1967: a documented study / General editor J. Frankel. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1984.

Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1988.

Ro'i Ya. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948–1967. – Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1991. P. 458.

Rubenstein J. Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg. N.Y.: Basic Books, 1996.

Zubok V.M. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009.

Периодика

Советские газеты (1953–1965 гг.): «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета».

Советские журналы (1953–1965 гг.)

Интернет-издания: Мы здесь (сетевой еженедельник; N.Y.; <http://NewsWe.com>).

Энциклопедии, справочники

Краткая еврейская энциклопедия. В 11 т. / Гл. ред. И. Онен, Н. Прат и др. – Иерусалим, 1976–2005.

Российская еврейская энциклопедия. Т. 1–3 / Гл. ред. Г.Г. Брановер. – М.: Науч. фонд «Еврейская энциклопедия», «ЭПОС», 1994–1997.

Рутберг Н.И., Пидевич И.Н. Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода. Хронологически-тематический указатель литературы, изданной за 1917–1991 гг. на русском языке / Отв. ред. И.А. Беседин. Академическая серия. Вып. 3. – М.: Центр «Сэфер» – изд-во «Грантъ», 2000.

Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. – М.: РОССПЭН, 2009.

Государство Израиль. Справочник / Отв. ред. В.В. Беневоленский. – М.: Наука, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
Агитпроп	– отдел (управление) пропаганды и агитации
АМН	– Академия медицинских наук
АН	– Академия наук
АОН	– Академия общественных наук
АП РФ	– Архив Президента Российской Федерации
АПН	– Агентство печати «Новости»
АРА	– Американская администрация помощи
АССР	– Автономная Советская Социалистическая Республика
БССР	– Белорусская Советская Социалистическая Республика
БСЭ	– Большая советская энциклопедия
быв., бывш.	– бывший
ВАО	– внешнеэкономическое акционерное общество
ВГИК	– Всесоюзный государственный институт кинематографии
ВЕК	– Всемирный еврейский конгресс
ВКП	– Венгерская коммунистическая партия
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	– Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВПК	– военно-промышленный комплекс
ВПТ	– Венгерская партия труда
ВПШ	– Высшая партийная школа
ВСО	– Всемирная сионистская организация
ВСРП	– Венгерская социалистическая рабочая партия
ВТО	– Всероссийское театральное общество
ВЦИК	– Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ВЦСПС	– Всесоюзный Центральный Совет Профсоюзных Союзов
ВЧК (ЧК)	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
г., гг.	– год, годы
г., гор.	– город

ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
генконсул	– генеральный консул
ГКО (ГОКО)	– Государственный комитет обороны
Главлит	– аппарат Уполномоченного (Главное управление) Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати
Главпур	– Главное политическое управление армии
горком	– городской комитет (партии)
Госдеп	– Государственный департамент
ГОСЕТ	– Государственный еврейский театр
Госплан	– Государственный плановый комитет
ГПУ	– Главное политическое управление
ГРУ	– Главное разведывательное управление
ГУ	– главное управление
ГУЛАГ	– Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
д.	– дело
др.	– другие
ЕАК	– Еврейский антифашистский комитет
ЕАО	– Еврейская автономная область
ЕКО	– Еврейское колонизационное общество
ЕОНО	– Еврейский объединенный народный орден
ЕТА	– Еврейское телеграфное агентство
зав.	– заведующий
завотделом	– заведующий отделом
ЗАГС	– отдел записи актов гражданского состояния
зам.	– заместитель
замминистра	– заместитель министра
ЗИС	– Московский автомобильный завод им. Сталина
ИКП	– Итальянская коммунистическая партия
им.	– имени
ИПД	– «империя позитивного действия»
ИТК	– исправительно-трудовая колония
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
КБ	– конструкторское бюро
КГБ	– Комитет государственной безопасности
КИ	– Комитет информации
КМК	– Кузнецкий металлургический комбинат
Комзет	– Комитет по землеустройству еврейских трудящихся
комсомол	– Коммунистический союз молодежи (или ВЛКСМ)
КП	– Коммунистическая партия
КПИ	– Коммунистическая партия Израиля
КПК	– Комиссия (комитет) партийного контроля
КПК	– Коммунистическая партия Канады
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КПУ, КП(б)У	– Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КЕЭ	– Краткая еврейская энциклопедия
л.	– лист

ЛГУ	- Ленинградский государственный университет
ЛИТМО	- Ленинградский институт точной механики и оптики
М.	- Москва
Мапай	- «Рабочая партия Израиля»
Мапам	- «Объединенная рабочая партия Израиля»
МВД	- Министерство внутренних дел
МГБ	- Министерство государственной безопасности
МГК	- Московский городской комитет (партии)
МГПИ	- Московский государственный педагогический институт
МГУ	- Московский государственный университет
МЕРО	- Московское еврейское религиозное общество
МИД	- Министерство иностранных дел
Минздрав	- Министерство здравоохранения
Минместпром	- Министерство местной промышленности
МОБ	- Министерство общественной безопасности
МК	- Московский областной комитет (партии)
млн.	- миллион
Мн.	- Минск
МО ССП	- Московская организация ССП
Мосгорлит	- подразделение Главлита в г. Москве
Моссовет	- Московский городской Совет депутатов трудящихся
нарком	- народный комиссар
наркомат	- народный комиссариат
Наркомвнудел (НКВД)	- Народный комиссариат внутренних дел
Наркоминдел (НКИД)	- Народный комиссариат иностранных дел
Наркомюст	- Народный комиссариат юстиции
нач.	- начальник
НИИ	- научно-исследовательский институт
НК	- Национальный комитет
НКВД	- Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	- Народный комиссариат государственной безопасности
НТС	- Народно-трудовой союз
нэп	- новая экономическая политика
N.Y.	- New York
обком	- областной комитет (партии)
облсовнархоз	- областной совет народного хозяйства
ОГИЗ	- Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ	- Объединенное государственное политическое управление
ОЗЕТ	- Общество по землеустройству еврейских трудящихся
ОКБ	- опытно-конструкторское бюро
ОНР	- «Обуз народово радикальны» («Национально-радикальный лагерь»)
ООН	- Организация Объединенных Наций

ОПиА	– отдел пропаганды и агитации
оп.	– опись
ОРТ	– Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев
ОС (ОСО)	– Особое совещание
отв.	– ответственный
ПАП	– Польское агентство печати
ПНР	– Польская Народная Республика
Полн. собр. соч. пом.	– Полное собрание сочинений
ПОРП	– Польская объединенная рабочая партия
проф.	– профессор
ПРП	– Польская рабочая партия
ПСЗ	– Полное собрание законов
райисполком	– районный исполнительный комитет советов депутатов трудящихся
райком	– районный комитет (партии)
РАПП	– Российская ассоциация пролетарских писателей
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
ред.	– редактор, редакция
РКА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (больше-виков)
РКСМ	– Российский коммунистический союз молодежи
РППК	– Рабочая прогрессивная партия Канады
РСДРП	– Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб.	– рубль
с., сс	– секретно, совершенно секретно
«СДР»	– «Союз борьбы за дело революции»
СИБ (Совинформбюро)	– Советское информационное бюро
следчасть	– следственная часть
СМ, Совмин	– Совет Министров
«Смерш»	– «Смерть шпионам» (официальное название органов советской военной контрразведки в 1943–1946 гг.)
СМИ	– средства массовой информации
СНГ	– Содружество Независимых Государств
СНК (Совнарком)	– Совет Народных Комиссаров
СДРК	– Совет по делам религиозных культов при СНК (СМ) СССР
Соч.	– Сочинения
СПб.	– Санкт-Петербург

спец.	- специальный
СП РСФСР	- Союз писателей РСФСР
СРЕ	- Союз русских евреев
ССП	- Союз советский писателей
ССР	- Советская Социалистическая Республика
СССР	- Союз Советских Социалистических Республик
СТО	- Совет труда и обороны
США	- Соединенные Штаты Америки
т., тов., тт.	- товарищ, товарищи
т., тт.	- том, тома
ТАСС	- Телеграфное агентство Советского Союза
тыс.	- тысяча
УБХСС	- Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности
УК	- уголовный кодекс
УМВД	- областное (краевое) управление Министерства внутренних дел
УМГБ	- областное (краевое) управление Министерства государственной безопасности СССР
УНКГБ	- областное (краевое) управление Наркомата госбезопасности
УПиА	- управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
упр.	- управление
ф.	- фонд
ФБР	- Федеральное бюро расследований США
ФКП	- Французская коммунистическая партия
ЦДЛ	- Центральный дом литераторов
ЦИК	- Центральный Исполнительный Комитет
ЦК	- Центральный Комитет
ЦОПЭ	- Центральное объединение политических эмигрантов
ЦР	- Центральное Руководство
ЦРУ	- Центральное разведывательное управление
чел.	- человек
ЮНЕСКО (UNESCO)	- Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization)
ЮСИА (USIA)	- Информационное агентство США (The United States Information Agency)

Геннадий Васильевич Костырченко

ТАЙНАЯ ПОЛИТИКА Хрущёва

**власть, интеллигенция,
еврейский вопрос**

Книга издается в авторской редакции

Оформление художника *А.Ю. Никулина*
Технический редактор *Г.В. Лазарева*
Корректоры *Г.В. Кухтина, А.В. Латунова*
Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 3.05.2012.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,0.
Изд. № 43/2011. Тираж 1500 экз.
Цена договорная. Заказ № 5932.

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, Столярный пер., д. 3, стр. 5
Тел.: (499)253-13-24
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова»
214000, Смоленск, проспект Ю. Гагарина, 2
Тел.: 38-01-60, 38-14-17, 38-46-20

"СПб Дом Книги"

A-032

697.00

2 4 000231 007036

Костырченко Г.В. Тайная политика Хрущева

Костырченко Геннадий Васильевич – доктор исторических наук, широко известен благодаря своим вдумчивым и основательно фундированным научным исследованиям по проблематике сталинизма и истории советского еврейства: опубликовал более 200 работ, многие из которых вышли за рубежом в переводах на иностранные языки. По оценке Александра Солженицына, Геннадий Костырченко – «тщательный исследователь "еврейской" политики Сталина...»

Основные труды: «В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие» (1994), «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» (2001; книга была отмечена дипломом Федерации еврейских общин России как одна из лучших в области истории); «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953. Россия. XX век. Документы» (2005); «Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР» (2009).

Г.В. Костырченко работает в Институте российской истории РАН.

ISBN 978-5-7133-1418-7

9 785713 314187

Международные отношения